

СУДЬБА ВЕКА

Кривошеины

Denier

ST PETERSBOURG
PERSPECTIVE DE NEVSKY
— № 19. —

датель Статс Секретарю Кривошеину
Костанту Вязно Щербатову.

Мно передано от Статс Секретаря Кривошеина
Министров предполагать приехать на Ставку
4я - заманить Генерала Якушкевича и Генерала
Данилова - дружини музани. - Прося взять на
Генерала Якушкевича Генерала Анискина.

Председатель Государственной Думы письменно
просил меня о том же. -
3. Я считаю, что Статс Секретарь Кривошеин
имеет эти пожелания не как свои личные,
выраженіе желанія всего Правительства
Министров. -

4. Я ответил Председателю Государственной
от заманить отихъ музъ Крайне вреда
и недостатковъ снаряженія, ружей, патронов
и не своевременной подгоде пополнен
подготовка. -

Но раз - желаніи и взгляды о необа
выше, сказанныхъ музъ совпадаетъ - и
и Государственной Думы - то это общ
отвѣтитъ. -

6. Лазь Травин
Государственный
Знак моему
роде, считан
Я готов и

передать...
Славка
1 августа 1915 г.

7. Попов
только
мне бы
Минерал

Подлинное слово
Кривошеину
Аргумент
Толстовича
Виктор

Я верю, что
Россия может дать
большую нравственную
помощь Европе
в ее борьбе, что ее
независимость и
слава — залог успеха

— В таком случае я
надеюсь на Кандаль —
самый добрый человек
на свете — но только
только его слово

**К 300-летию
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

журнал **ЗВЕЗДА**

2002

Александр Васильевич Кривошеин, министр земледелия (1908–1915).
Гравюра В. В. Матэ. С оригинала Н. Д. Кузнецова, 1910 г.

СУДЬБА ВЕКА

Кривошеины

Издательство журнала
«ЗВЕЗДА»
Санкт-Петербург
2002

Эта книга относится к историческим мемуарам XX века. Здесь собраны воспоминания трех поколений семьи Кривошеиных, переживших революцию, жизнь на чужбине, сражения в рядах французского Сопротивления, нацистские и советские лагеря и опять возвращение в Париж.

Александр Васильевич Кривошеин (1857—1921), окончивший свои дни в эмиграции, был известен всей России как руководитель знаменитой столыпинской реформы. Перед читателем пройдут вереницей персонажи российской истории: государь Николай II, его министры, императрица Александра Федоровна и Григорий Распутин, П. А. Столыпин, мать Мария, московский купеческий род Морозовых, генералы и придворные, лидеры Белого движения, священники и дипломаты.

В книге много фотографий и историко-библиографического материала, в России печатаемого впервые. Страницы этих семейных воспоминаний приоткрывают завесу истории Государства Российского на протяжении всего XX века, а поэтому книга может представлять интерес для самого широкого круга читателей.

Редактор А. Ю. Арьев

*В оформлении книги использованы фотографии
из архива семьи Кривошеиных.*

Обложка работы Ксении Кривошеиной.

Прошёл XX век. Он принес испытания всему человечеству. Россия как ни одна страна мира пострадала от разрушительных войн, большевистской революции, кровавого террора.

Люди исчезали миллионами, те, кому удавалось выжить, продолжали жить в оцепенении страха долгие годы — быть арестованными, расстрелянными, сосланными. Те, кому удавалось спастись, переходя границы пешком, вплавь, бежав по льду или будучи высланными из страны Советов, — оказывались на чужбине, в эмиграции. На их долю выпало много горя, много испытаний. От безысходности сходили с ума, кончали жизнь самоубийством, но некоторым везло, удача им улыбалась...

Может быть, не случайно эта книга выходит уже в начале XXI века. Сейчас нам как никогда стоит обернуться назад и на примере одной семьи показать, какую Россию мы потеряли.

Книга эта составлена из воспоминаний семейных, некоторые из них в России печатаются впервые.

ДИВЕЕВО

Трудно начать рассказ о нашей поездке и назвать ее паломничеством, видимо, тоже трудно. А препятствия на пути к ее осуществлению были, но скорее организационные, рутинные, хотя в последние дни в Москве, уже перед началом года (1998-го, а собирались мы ехать 3 января), в предпраздничной гостевой суете на ухо дьявольски шепталось, что сложно, никто не ждет, как добраться по морозу, да и мерещилось, что не те попутчики, ну и прочие, уже отвычные глупости. В Дивеево наш сын побывал, опередив нас на три года. Летом попал на большой праздник, 1 августа, день преп. Серафима Саровского. Судя по его фотографиям, природа и возведенные храмы выглядели почти что как для заманки туристов, дороги и тропинки вокруг монастыря выложены цветами (подобные узоры из живых цветов я видела только в Индии)... Но рассказы нашего сына были лучше всех фотографий.

В 22 часа 3 января вместе с нашими московскими друзьями, мужем и женой А., мы сели в поезд на Казанском вокзале, зашли в вагон, которому были неслезанно удивлены: вышитые занавесочки на окнах, мягкие матрасы, чистое белье и все прочие атрибуты так называемого СВ. Мне показалось, что у наших спутников от этого поднялось настроение. Попили чаю и улеглись... В 5 часов утра зазвонил мой будильник, но и проводница за дверью сообщила: «Подъезжаем к Арзамасу».

Из тепло-жаркого вагона мы сошли в темноту и снег. Народ вокруг сразу куда-то стайками побежал, поспешили и мы за толпой; оказались на вокзале. Никита упрямо стремился к кассам автобуса, нам нужно было еще 60 километров ехать до Дивеева.

Вокруг шоферы легковых автомобилей наперебой предлагали свои услуги, но Никитушка твердил об автобусе.

Уже выстроились в очередь к билетным кассам, когда подошел последний шофер.

— А может, поедете? — как-то почти не настойчиво спросил он.

Наши друзья были согласны ехать сразу. Никита очень недовольно буркнул: «Как хотите».

Было немножко странно и почти неправдоподобно оказаться в машине иностранной марки, чистой, мягко скользящей по заснеженной, без огней, спящей природе. Единственно, на что я досадовала, так это на ожидаемую болтовню водителя (про себя я умоляла, лишь бы он молчал), которая должна была оказаться противной, глупой, с комментариями, о которых и не хотелось думать, с ненужными в эти полтора часа разговорами, с расспросами, ну и все остальное, что обычно происходит на Руси со случайными попутчиками в подобном месте и при подобных обстоятельствах. Но наш шофер раскрыл рот, и после уже двух-трех фраз мы поняли, что это нам подарок... Он говорил умно обо всем — и о земле, которую нужно продавать и покупать, ругал Ельцина, Ленина и коммунистов, рассказывал о себе, о жене и дочери, с большой болью говорил об арзамасских безобразиях, о разрушенных церквях и поруганных коммунистами святых местах. Как всегда, не обошлись мы и без рассказов о чудесах, происшедших с ним самим... Через 20 минут весело бежавшая машина встала в ночи и метели. Наш шофер недовольно вышел, открыл свой капот, чего-то там ковырнул, вернулся за руль.

— Плохо дело, не проверил я новый аккумулятор, поставил от другой машины.

Мы приуныли ужасно.

На всякий случай он повернул два-три раза ключ стартера — мотор зашелестел, набрал обороты, и мы вдруг поехали.

На десятую минуту мы уже почти летели над асфальтом. Наша подруга, сидевшая рядом с водителем, тихо стала его уговаривать ехать потише.

«Что с моей машиной? Она так никогда не ездилась», — удивлялся шофер.

— Потихе, пожалуйста... — стонала Т.

А машина и вправду летела по воздуху, взлетала на горки, ухала вниз, и казалось, что нас несет уже не этот аппарат, гибрид полуиностранного производства, а нечто иное, какая-то сила, которая торопит нас все скорее и скорее вперед.

Вот уже первые домики Дивеева, и мы как-то сразу влетели к монастырю, встали, вышли из машины и из метельной ночи оказались в церкви к шестичасовой службе.

Было чувство, что от полета по заснеженной темной дороге нас выбросило в этот храм небесный, где пели голоса настоящих ангелов... Ничего подобного никогда я не слыхала. Меня буквально окунуло в звуки ангельского пения, в

чистоту зазеркальных голосов. Они — как хрустальные слезки, падающие в журчащий холодный родник, а он бежит, и нет ему конца, и пение это — гипнотическое, завораживающее, подымающее в тебе слезы радости и счастья... Я попала из темноты в рай; чувство космичности этого места и его отделенности от всего мира меня не покидало все полных два дня, которые мы провели в Дивееве. Не помню, через полчаса, а может позже, мы познакомились с о. Георгием (Павловичем). Мы привезли ему письма из Парижа.

Могу сказать, что со временем у меня произошло что-то странное. Было чувство, что ты стоишь на службе с утра и до вечера, нет усталости, но и нет понятия, который сейчас час. Люди вокруг, их очень много, много молодых, молчаливых детей, нет толкотни, нет разговоров, странное хождение в толпе монашек, совсем молодых. Но все молящиеся в одном порыве (но не в экстазе!), и молитва настолько у каждого объединяющая, что хочется быть в этой массе человеческой долго, бесконечно...

Не хочу подробно рассказывать о нашем бытовом устройстве. Но могу только быть безмерно благодарна всем, нас принявшим, обогревшим, посетившим в Дивееве.

Спасибо всем — и о. Георгию, и матушке игуменьи Сергии, и монахине Юленьке, и монахине Ольге, и всем послушницам, нас кормившим в трапезной и так терпеливо переносившим наши невольные разговоры за едой...

Сколько построено, сколько возведено, возвращено, выкуплено, выращено! А скиты в лесу вокруг, а сколько еще предстоит! Матушка игуменья пригласила нас к себе, показала свои альбомы с фотографиями. Смотришь и диву даешься, какие силы, кроме человеческих, в столь короткие сроки возвели из руин всю эту красоту. После переноса святых мощей преподобного Серафима расцветало Дивеево не по дням, а по часам.

Преподобный Серафим много говорил и предсказывал о Дивееве. Известно, что организовал он две общины, одна из которых состояла только из девушек: «Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание, а кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божья свыше. Кто даже сердцем вздохнет, да пощажет их и того Господь наградит. И скажу вам, помните: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!»

Не хочу впасть в гордость, но не могу не воскликнуть: «Счастье это посетило нас!» И эта несказанная радость, чистота, разлитая в самом составе воздуха и природе, близкой прозрачным видениям Нестерова. Природу ты там как бы не замечаешь, слит с ней, слит с людьми в молитве.

Отец Георгий, молодой, умный, образованный, ласково нас принявший, много и интересно с нами говоривший, повез нас на машине к источнику преп. Серафима.

Выстроена на берегу речки деревянная часовня, сделана как бы запруда, а на горе, в месте, где бьет ключ, поставлен крест.

Вокруг снег, лед, скользко, но народ идет — самый разный: тут и военные, и крестьяне, вот и наша группа, вполне смешанная, из московской интеллигенции с эмигрантами из Парижа.

Сама не помню, но решение окунуться в воду с головой пришло ко мне мгновенно, даже не раздумывала. Разделась донага, по мосточкам спустилась и три раза с головой окунулась; странно, что выходить было совсем не холодно. Потом мне сказали, что вода в этом источнике круглый год +4°.

Уже когда прошло время, совсем не сразу, появилось ощущение настоящего очищения души и тела. Тяжесть душевная, горечи, обиды да прочая накипь и окалина нашей жизни, свинец нашей цивилизации, который тебя грузом к земле тянет, ушли. Появляются радость и легкость почти детского счастья, о которых ты уже успел забыть за годы наслоений человеческой бытовой копоти, а захотелось, чтобы длилось это состояние долго, всегда, по возможности не заслонялось бы суетой сует.

Живем мы здесь у себя на Западе и обрастаем, как коконом. Себя могу сравнить с Гулливером, которого приковали лилипуты и дергают за ниточки, а ниточка каждая к нерву привязана, и вот их сотни, этих лилипутиков, тянут наши нервы, а сил у тебя никаких нет освободиться от этих пут...

В Дивееве ощущение радости и легкости души так заполняет, что ты не можешь еще понять самого себя, что с тобой случилось. По возвращении в Париж я почувствовала, что многие из этих струн-ниточек порвались и лилипутики разбежались, стало менее тяжело, не так страшно на душе...

Но велика милость Господа, и, видимо, то, что оказались мы с Никитой в Дивееве, есть результат не случая, а скорее закономерность, которую понимаешь не сразу. К преп. Серафиму приходили люди за помощью, молитвами, просили избавлений от болезней душевных и телесных, но были люди, которые посещали его из простого любопытства. Известен и описан случай с генералом, который, весь увешанный орденами, важный и надутый, был принят преп. Серафимом. Вышел он через полчаса беседы потрясенный, вынеся все свои ордена в фуражке, а от прежней важности не осталось и следа. В будущем он стал вести другой образ жизни, и награды уж на грудь не надевал.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную», — звучало каждый раз за дверью. Это монахиня Люба, по послушанию работающая в дивеевской гостинице, бурятка, милая, улыбчивая, добрая, зовет нас к трапезе или приносит подарки.

Нас задарили. Здесь и книги, и сухарики преп. Серафима, в чугушке его высушенные, просфорочки с его изображением, маслице из лампадки, земля из глубины канавки, вырытой вокруг монастыря; по преданию, сама Царица Небесная стопами своими прошла по этой земле и указала границу-обвод вокруг монастыря.

А сам преподобный Серафим чудным образом показался здесь с мотыжкой и начал копать эту канавку.

Вот и земля нам в подарок, с глубины, а не с поверхности, что означает — из глубины веков неземных.

Мотыжка преп. Серафима уцелела. Вынесли нам мотыжку, целовали мы ее и молились. Народ, тот, кто в это время случайно вокруг нас оказался, пришел в волнение; крестились, молились.

Гладила я мотыжку, и странное чувство удивления и чуда меня охватывало: как этот предмет уцелел, как он остался неистребленным за все эти страш-

ные богоборческие годы в России? Впрочем, как и огарочек той свечи, который сохранился, и сбылось предсказание преп. Серафима... и многое еще сбывается.

Приходилось, конечно, свое любопытство сдерживать, а ведь многое удивляло вокруг. Хотелось посмотреть, как мать Ирина пишет иконы (да поняла я, что этого просить нельзя), а они замечательные; мы их увидели в церкви Рождества Христова, той первой и самой древней; по предсказанию, в неизвестно какое время будет сюда перенесено четверо мощей...

Здесь читают день и ночь Псалтирь, горит неугасимая свеча и лампы... Мать Ирина, как нам рассказала матушка игуменя, держит себя постом и старается в полном одиночестве, только с молитвой наедине, писать иконы. «Сама не знаю, как моя рука кистью водит, будто это и не я сама, а сам Господь Бог иконы выписывает...» Может быть, я не совсем точно передаю слова: под впечатлением всего услышанного и пережитого точность слов могла исказиться, но смысл я помню.

На экскурсию по территории монастыря, к святым могилам, вокруг по канавке, к святым мощам преп. Серафима (которые нам открыли, и мы смогли, помолвившись, поцеловать их) водила нас монахиня Ольга. Молодая, светлая лицом, замечательно обо всем рассказывающая. Пыталась я снимать на камеру, но ничего из съемок не получалось. В какой-то момент моя камера остановилась, батарейка кончилась, и получилось, что из всех двух дней наснимала я всего 20 минут.

Дважды мы шли по канавке. Первый раз ночью, после службы, снег, морозец, луна светит, и процессия из монашек с молящимися, а вокруг нас бегают несколько собак «из своих», тех, кто живет при монастыре.

Удивительно, что каждый раз, когда на нашем пути попадались люди посторонние, эти собаки их начинали отгонять лаем, собак из соседних домов тоже облаивали и не пускали в свою стаю.

Днем монахиня Ольга повела нас по той же канавке. Деревья уже почти полутора веков, посаженные после смерти преподобного Серафима, а значит, после 1833 году. Но они, как стражи, вежами стоят по всему кругу границы.

Поразила меня лиственница, посаженная в день рождения наследника, царевича Алексея. Ствол ее, оттого, что люди отдирают кору на память, стал в этом месте цвета запекшейся крови.

Если подумать, что этот красный цвет для наследника был как знак с самого начала, еще до рождения... Вот и Паша Саровская, к которой приезжали Государь и Государыня, вынесла им «красный лоскут» с объяснением, что ждет в будущем наследника, который вскоре появится на свет...

У нас в доме висит маленький гобеленчик. Он, по рассказам моей бабушки, попал к нам в дом из спальни наследника. Ничего особенного в сюжете нет: сидящий под деревом человек с собакой. У гобелена два цвета, бело-пепельный, из которого вышит весь пейзаж с человеком, а небо над этим мертвым цветом — багрово-красное...

* * *

Вот и наступил день нашего отъезда. Матушка игуменя распорядилась, чтобы нас с оказией подвезли в Арзамас к поезду.

Шел маленький монастырский автобус. Мы со всеми попрощались, и нас буквально упаковали в плотно забитую машину.

Кроме нас четверых в ней оказались молчаливая девушка лет 15-ти, монашенка из Рижского женского монастыря, приехавшая с гостинцами к празднику, странный хлопотливый дедушка, шофер и рядом с ним молодой человек.

Монашенка привозила в Дивеево подарки, думала возвращаться налегке, да ей самой в обратную дорогу надавали гостинцев не меньше, был даже запеченный кабанчик в тесте. Как выяснилось из разговора, который сразу же и естественно завязался, старичка величали «батюшкой», но был ли он таковым, для меня остается загадкой. Он и сопровождавший его молодой человек тоже заезжали в Дивеевский монастырь с подарками к Рождеству и, погостив, ехали дальше, а потом еще дальше, и предстоял им большой объезд к праздникам.

Батюшка был говорлив, сначала мне даже показалось, что он немного «навеселе». Из рассказов прояснилось, что когда-то он был автомехаником, а потом стал дьяконом. Основное место его пребывания — Ульяновск, он любит передвигаться, ездит по монастырям, выполняет просьбы, поручения по хозяйству.

Слова батюшки, обращенные в темноте и тесноте машины как бы ко всем и к себе самому, размышления вслух, так же, как и у нашего первого шофера, везшего нас в Дивеево, дошли до поношения коммунистов, «хозяев» страны, проклятий Арзамасу, застою в Ульяновске...

— А как там памятник «копчущке» (Ленину), всё стоит? — спрашивает вдруг Никита.

— А куда же ему деваться, стоит, — отвечает батюшка.

— А улица Водников, а улица Рылеева... не переименовали?

— Всё на месте... — бурчит дедушка.

— Ну а памятник Карамзину, все там же в Карамзинском садике?.. — допытывается Никита.

В темноте не было заметно, переменялось ли лицо у батюшки от вопросов, задаваемых странным картавым голосом из темноты, с совсем не советской манерой разговора. Знал ли он, откуда мы приехали? Видимо, ему сообщили перед отъездом, кто мы, но от этих топографических подробностей о родине Ильича и задаваемых по поводу них вопросов он никак не смутился, вида не подал.

— А овраг в центре города, а на месте ли река Свяга?

Более всего этому разговору, его повороту в пространстве и во времени был удивлен Никита...

После возвращения его с семьей в СССР из Франции в 1948 году (а ему было тогда 14 лет) их как бы сослали в Ульяновск. Никита, молодой парижанин, пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи и токарем на завод, отца, вернувшегося на родину с радужными мечтами быть ей полезным двумя сорбонскими дипломами, арестовали здесь же, в Ульяновске, в 1949 году.

После Сопrotивления, пыток в гестапо, Бухенвальда он оказался в тюрьме и лагере с обвинением в измене Родине.

«Будь ты проклят, Ульяновск!» — это слова Никиты, которые я от него слыхала часто. Страшные полуголодные годы, полные страха за жизнь отца, неизвестность его судьбы после ареста (при нем его арестовывали дважды, первый раз немцы в Париже, второй раз в Ульяновске), отчаяние от того, что за матерью и им самим могли прийти в любой момент, — всё это замечательно описано в книге Нины Алексеевны Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни»*.

— А когда этот вампир маленьким был, ведь никто в Симбирске из детей с ним играть не хотел... все его боялись. Он злой был, драться любил, животных мучил, кошек вешал... Посмотрите, ведь памятники ему еще по всей России стоят, а пока они стоят, кровушку этот вампир у народа выпивает, и, бронзовый, он от этой крови крепчает...

Почему так случилось, что надо было приехать Никите за несколько тысяч километров, чтобы в тесном чреве машины на заснеженной дороге услышать голос, который, как бы даже не к нему обращаясь, возвращал его в третью треть пережитого?

Главной темой ненависти батюшки было детство Ленина. Он сыпал подробностями, о которых лично я никогда не слыхала. Подозреваю, что многое, как всегда в таких случаях бывает здесь, обросло народной легендой, но не о добром дедушке Ленине и кудрявом «мальчике-ангеле», глядящем со значка октябренька, а скорее о персонаже фильмов ужасов.

Чувствовалось, что сам рассказчик здорово в жизни натерпелся от советской власти. И все это — из возвратов памяти жизни в прошлое, которое всегда с нами, и нет этой памяти забвения, амнезии, да и как забыть!

Всего за несколько десятков километров от дороги, по которой мы ехали, была Потьма, где в Дубравлаге Никита отбывал наказание с 1957 года.

В какой очередной раз на краю смерти сохранилась семья Кривошеиных молитвами преподобному Чудотворцу Серафиму Саровскому? Через все испытания, аресты, обыски, лагеря, эмиграции и реэмиграции хранился в семье медальон с частицами мощей, власов Св. Серафима. Прислан этот медальон был Государыней в 1918 году из Тобольска в благодарность за помощь Александра Васильевича Кривошеина (деда Никиты), которую он в те годы оказал Государю и его семье.

Начинался наш путь в Дивеево странно, но и заканчивался он удивительно...

Пусть мой читатель, если таковой будет, не думает, что я отклоняюсь от основных впечатлений и воспоминаний от поездки в Дивеево. Но поездка так много дала, многое поставила на места и столько всколыхнула воспоминаний, что невольно я делаю отступления. В самих себе мы несем столько, что иногда нам трудно разобраться, где же есть главное. А побывав в Дивеево, это главное

* «Четыре трети нашей жизни». Париж, YMCA-PRESS, 1984.

выступает, а все беспокойство и ранки, у нас каждодневно кровоточащие, успокаивает.

Одно могу сказать в завершение, что все, как предсказывал преподобный Чудотворец, так и будет, уже к тому идет, прославление Дивеева после страшного антихристового периода советской власти началось, и люди православные со всего мира спешат помолиться, утешиться в этом святом месте.

Слава тебе, преподобие Серафиме! Радуйся, пастырю наш добрый. Радуйся Отче милостивый и кроткий. Радуйся в бедах и обстоятельствах помощниче скорый: Радуйся душ смятенных умирителю пресладостный. Радуйся, преподобие Серафиме, Саровский чудотворче.

Дивеево—Париж
1998 г.

Ксения Кривошеина

К. А. Кривошеин

А. В. КРИВОШЕИН (1857–1921)

**Его значение в истории России
начала XX века**

«Его государственная деятельность была известна всей России».

Генерал Н. П. Врангель («Воспоминания». Франкфурт, 1969)

«Он искал выход из конфликта, действительно основного для России с XIX на XX век: как прорвать органическое непонимание правительства и общества? Он решался стать посредником между ними».

А. И. Солженицын («Красное Колесо». Узел II, Октябрь шестнадцатого)

«Редкое сочетание: такт, воля, выдержка, осторожность; и в то же время, — жадное влечение к жизни! ненасытный интерес к людям, к человеческим характерам, к неизвестному.

Никакого идеализма. Но упрямая любовь к родине.

Никаких ярких, исключительных дарований. Но редкий в русских людях дар и инстинкт строителя: уметь собирать, а не растрачивать русскую силу.

Жизнь, как будто случайно, возносила его, дельца, практика, «интригана», каким считали его враги, все на большую и большую высоту. А он, именно в силу своей чуткости, гибкой цепкости, непрерывно рос, умнел, учился, стал крупным государственным деятелем.

И, начав, — как и все! — погонею за успехом, незаметно для себя пришел — к самопожертвованию».

И. И. Тхоржевский («Былое и люди, из воспоминаний о Кривошеине», газета «Возрождение», Париж, 30 ноября 1932 г.)

1. А. В. Кривошеин, премьер-министр правительства Юга России, в центре генерал Врангель и генерал Шатилов. Крым. 1920 г.

2. Заграничный паспорт. На фотографии А. В. Кривошеин, его жена Елена Геннадиевна и их младший сын Кирилл.

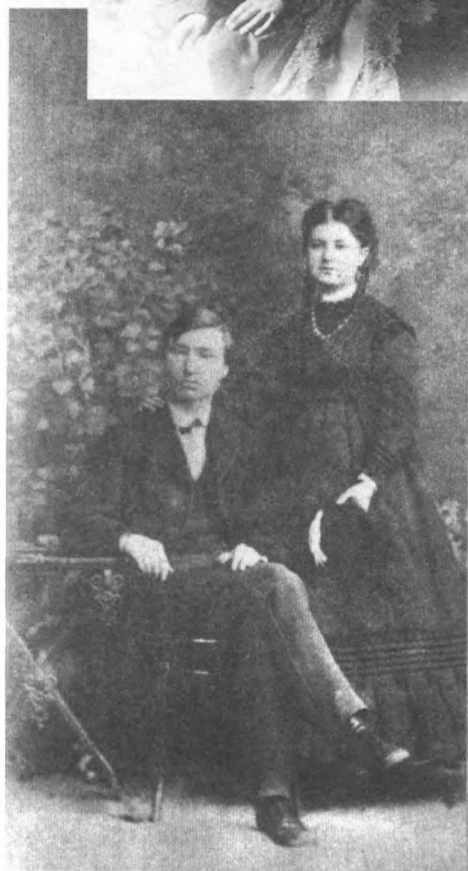
3–4. Посещение фронта в качестве уполномоченного Красного Креста. 1915 г.

1. Мария Федоровна Морозова (рожд. Симонова), жена Тимофея Саввича Морозова. Стоит с куклой Анна Тимофеевна, будущая жена Г. Ф. Карпова.

2. Новобрачные — Анна Тимофеевна Морозова с Геннадием Федоровичем Карповым.

3. Анна Тимофеевна — мать пятнадцати детей. На руках маленькая Елена Геннадиевна Карпова, будущая жена Александра Васильевича Кривошеина.

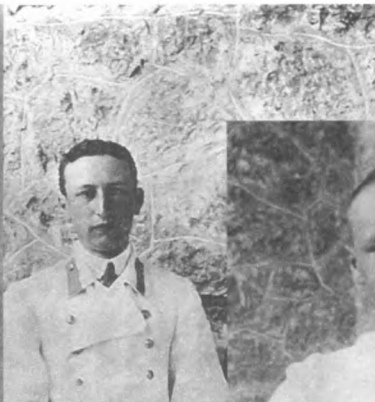

Семья Кривошеиных: Елена Геннадиевна и Александр Васильевич любили бывать на своей даче в Никитском саду (Гурзуф) со своими пятью сыновьями.

Старшие Олег и Василий погибли на фронте, сражаясь в рядах Белой армии.

Игорь, Всеволод и Кирилл прожили долгую и интересную жизнь.

Дом в Никитском саду, Гурзуф.

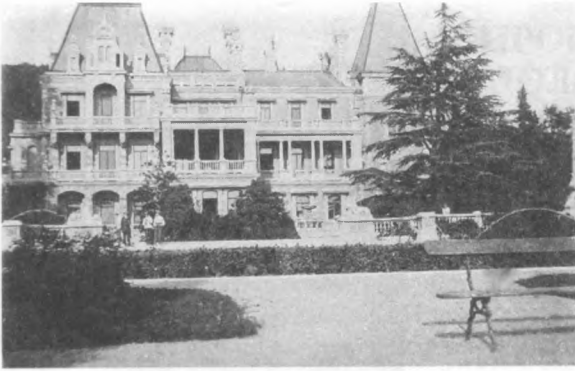

Denier

ST PETERSBOURG
PERSPECTIVE DE NEVSKY
— № 19 —

1. Гурзуф, Никитский сад, дача Кривошеиных.
2. На даче в Крыму — Ольга Васильевна Морозова, родная сестра Александра Васильевича.
3. Москва — 1893. Сидит А. В. Кривошеин рядом со своей женой Е. Г. Карповой, за ним стоит его сестра Ольга Васильевна.
4. А. В. Кривошеин и его сестра на прогулке в Крыму. 1912 г.
5. Сергей Тимофеевич Морозов и его жена О. В. Кривошеина. Сам Сергей Тимофеевич сумел выкупить свою будущую жену с Лубянки за огромные деньги. Был хорошим живописцем. Франция. 1940 г.

«Теперь — и особенно — казалось Кривошеину, что он всегда и предсказывал: это всё крахнет! Что он всегда предчувствовал: самоизолированный от своей страны монарх не может пасть. Даже он точно вспоминал одну чудесную пароходную прогулку — такой момент, из каких и состоит прелесть нашего бытия: в мае Четырнадцатого, перед самой войной, был ужин на островах для узкого круга: великий князь Павел Александрович со своей очаровательной морганатической супругой, только что приехавшие из Парижа, граф Витте с женой, Щегловитов, — а после ужина в белую ночь поехали на параходе с цыганским хором на прогулку по Финскому заливу. И так же внезапно, как сейчас Риттиху на трибуне в грудь Кривошеина вступило пророчество, или очень был красивый момент жизни и красивая княгиня, и тянуло что-то высказать, он сказал ей на палубе: «Вы жили так спокойно в Париже, зачем вы приехали в Петербург? Надвигается война, и она не кончится благополучно, будет взрыв, быть может трагический для трона».

А. И. Солженицын. («Красное Колесо. Узлы». Узел III, Март семнадцатого, глава «Кривошеин и Риттих»)

1861 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И МОЛОДОСТЬ МОЕГО ОТЦА

В одной из редких статей, посвященных моему отцу в эмигрантской прессе, говорилось, что карьера его была блистательной; этим и объясняется зарождение целого ряда легенд, связанных с его происхождением и началом продвижения по службе, — люди, знавшие его, когда он был на зените своей карьеры, не принадлежали к кругу людей, знавших его детство и молодость. Так, про него говорилось, что он был сыном крестьянина по фамилии «Кривая шея» или что он якобы был «из мещан». В крайне правых кругах, начиная с определенного момента ставших враждебно к нему относиться и подозревавших у неугодных им лиц еврейскую кровь, искали таковую и у него. В антисемитских кругах Одессы рассказывалось, что фамилия его предков была Крумгальц. Зарождение этой легенды объясняется отчасти тем, что встречались евреи, носившие фамилию Кривошеиных, как и существовали представители старинного дворянского рода того же имени.

А.В. Кривошеин не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он был сыном армейского подполковника артиллерии и польки-католички из обедневшего дворянского рода Яшинских. Мой дед, Василий Федорович Кривошеин (родился в 1829 г. в Воронеже, скончался в 1894 г. в Гродно), был сыном крестьянина слободы Кривошеино, Воронежской губернии, уже вышедшего из крепостной зависимо-

сти, когда мой дед начал свое длительное воинское служение, вернее восхождение, от унтер-офицерского звания до чина подполковника. Дед прослужил в Западном крае, сначала в Двинске, затем в Варшавской цитадели, и ушел в отставку «с мундиром и пенсией». Как многие вышедшие из крестьянства военные, он особенно чтит память Александра II, освободителя крестьян, ставя его выше его преемника. Благодаря исключительным хозяйственным способностям моей бабушки, Юлии Ивановны, семья жила скромно, но безбедно и дети — мой отец и его младшая сестра, Ольга Васильевна, впоследствии Морозова (умерла в Париже, в 1953 г.), смогли получить должное образование.

Мой отец родился в Варшаве в 1857 г. (19 июля ст. ст.), где и прожил до окончания гимназии. Гимназия была классической, как это понималось тогда: с греческим языком и восемью уроками латыни в неделю. Преподаватель латыни, чех, упрекал своих учеников в том, что их переводы хотя и были написаны правильно, но не языком Тита Ливия и Цицерона.

Злоупотребляя своими способностями, отец иногда ленился и был раз оставлен на второй год в классе. Задетый за живое, он перескочил через класс в следующем году. Его преходящая лень отчасти объяснялась педагогическими методами того времени, и, несмотря на это, классическое образование оказало очень глубокое влияние на его вкусы и мировоззрение, заложив в нем влечение к гуманистической культуре. В последние гимназические годы отца жившая в его семье французская гувернантка преподавала ему свой язык, к сожалению недостаточно долго, — по-французски он говорил довольно посредственно; отец очень сожалел затем о своем недостаточном знании иностранных языков, в частности потому, что оно ограничивало его роль в международной политике. Поэтому в воспитании своих детей он обратил особое внимание на усвоение ими языков. Знание иностранных языков оказало каждому из нас ни с чем несравнимые услуги¹.

Польским он владел довольно свободно. Вообще, у него наряду с чисто великорусскими чертами проявлялись и такие, которыми часто характеризуют поляков известного круга (например, стремление «шармировать» своих собеседников); он понимал поляков, проводя среди них все годы юности, и умел ладить с ними. Однажды, будучи уже министром, принимая делегацию польских землевладельцев в Вильне, он обратился к ней с речью на польском языке, к безграничному удивлению как губернатора, Д.Н. Любимова, так и самих польских аристократов.

После окончания гимназии отец отправился в Петербург, поступил там сначала на естественный, а затем на юридический факультет и закончил высшее образование. Он всегда носил академический значок среди орденов и отличий, которыми был награжден. Без столичных знакомств, без связей, он еще в ранней молодости определенно вменил себе в обязанность таковые создать и использовать, так как он был честолюбив, и судьба благоприятствовала ему с первых же дней жизни в Петербурге. Начало его краткой карьеры на частной службе и «блистательной» на государ-

ственной связано с его дружбой с молодым профессором Адрианом Викторовичем Праховым (умер в 1916 г.), с которым он познакомился по ошибке: имея всего-навсего одну рекомендацию к однофамильцу Адриана Викторовича, он попал по недоразумению к последнему и пренебрег, затем, первым. Будущее показало, что он не ошибся. Через Адриана Викторовича, он по окончании университета познакомился с московским железнодорожным «королем» и меценатом С.И. Мамонтовым, назначившим его на довольно значительную должность юрисконсульта принадлежавшей Мамонтову Северо-Донецкой железной дороги. В Москве он быстро вошел в купеческий «свет» и близко сошелся с такими «тузами», как Морозовы, Якунчиковы, Крестовниковы и др. Нужно отметить эпизод дуэли на саблях, на романтической почве, оставившей ему след в виде шрама на лице.

Если его частые путешествия в Италию и дружба со знатоком старинной живописи Праховым укрепили его влечение к западно-европейской живописи, то общение с культурной, но самобытной верхушкой московского купечества наложило отпечаток на отношение отца к русскому искусству, и отвлекло его от увлечения передвижниками. Большое значение имели его частые пребывания в Абрамцеве, подмосковной усадьбе семьи Аксаковых. Перешедшая затем в 1870 г. в руки С.И. Мамонтова, она стала между 1880 и 1890 г. одним из центров русской художественной жизни. Здесь бывали В.М. Васнецов (он остался в дружбе с отцом и в петербургское время), Нестеров, Серов и др., здесь же ставились любительские спектакли, в которых нередко играл и будущий министр, уже тогда прозванный «генералом». Но что еще важнее, в Абрамцеве он успел познакомиться с основанной там в 1884 г. Е.Д. Поленовой мастерской крестьянского кустарного искусства и это знакомство 25 лет спустя подтолкнуло главу ведомства земледелия² в сотрудничестве с меценатами из обеих столиц к возрождению кустарного ремесла, вернее искусства, в России. Одни меценаты принадлежали к аристократии, например кн. М.К. Тенишева, другие — М.Ф. Якунчикова и дядя моей матери, Сергей Тимофеевич Морозов — к купечеству. Отец сумел заинтересовать этим делом также императрицу Александру Федоровну, и на основе этой неисчерпаемой по интересу темы между ней и министром, незадолго до войны, образовалась некоторая близость, давшая повод императрице отозваться о своем собеседнике, как о «ее друге Кривошеине».

¹ Отец сильно преувеличивал недостатки своего знания французского языка — они не мешали ему вести длинные разговоры с иностранными дипломатами.

² Покровительство кустарному ремеслу входило в круг обязанностей ведомства земледелия.

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА И ПРОДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ

Занимая довольно хорошо оплачиваемую должность юрисконсульта при частной Северо-Донецкой железной дороге и обладая связями с московским купеческим светом, но не будучи ни юристом, ни финансистом по призванию, Кривошеин понял, что настоящим поприщем для него будет служба государственная, что только она позволит ему достигнуть поставленных его честолюбием целей и открыть путь к творческой работе. 21 июля 1884 г. он поступил в Москве на скромное место в архивный отдел окружного суда. Очень скоро работа по выдаче свидетельств о несудимости перестала его удовлетворять и ему стало ясно, что его служебно-житийский успех связан с переводом в Санкт-Петербург. Снова решающую роль в его карьере и судьбе сыграла его дружба с А.В. Праховым, познакомившим молодого чиновника с графом Димитрием Андреевичем Толстым, всесильным министром внутренних дел (1882 — 1889, до того министром народного просвещения, насадителем сугубо классического образования). Граф, пышный и важный грансеньер, как передавали мне люди, его еще помнившие, «реакционный, но умный», как характеризовал его Витте, быстро оценил Кривошеина и перевел его в Земский отдел Министерства внутренних дел (1887 г.), а в следующем году пору-

чил ему вместе с Праховым деликатное задание персонального свойства. У него был болезненный и психически неполноценный сын Глеб («Глебушка», умер в 1904 г.), умственный и культурный кругозор которого Толстой попытался расширить длительным путешествием в сопровождении Прахова и молодого Кривошеина. Последнему он поручил, одновременно, сопровождать партию переселенцев на Дальний Восток, шедшую на корабле Добровольного флота во Владивосток, после чего молодой Толстой и Кривошеин с Праховым в качестве его «гидов» вернулись, обогнув земной шар, домой через Северную Америку.

Этой сказочной удачей для лишенного материальных средств и связей молодого чиновника началось действительно «кругосветное» по своим масштабам служебно-житейское путешествие — блистательная карьера выдвинувшегося в первые ряды России государственного деятеля; круг был завершен 32 года спустя на английском адмиральском крейсере, доставившем его в ноябре 1920 г. из Крыма в Константинополь в те дни, когда рушились последние остатки той империи, с которой неразрывно был связан его жизненный путь.

Хотя кругосветное путешествие и не расширило умственный горизонт «Глебушки», вся жизненная энергия которого выражалась в фантастическом аппетите, Толстой остался доволен выполненным поручением и назначил Кривошеина комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, в Калише, где тот пробыл около трех лет. Вернувшись в Петербург в 1891 г., уже после смерти Толстого, на довольно скромную должность делопроизводителя, затем столоначальника Земского отдела, он быстро продвинулся благодаря удачному стечению обстоятельств, которое он умело использовал: в 1896 г. было учреждено Переселенческое управление и Кривошеин был назначен на остававшуюся свободной должность помощника начальника, что соответствовало должности вице-директора департамента. Очевидно, высшее начальство его ценило, так как незадолго до того он удостоился «Высочайшего благоволения» в связи с частыми командировками в провинцию для обследования деятельности земских начальников.

Немного раньше, в 1892 г., когда он был еще одним из «30000 столоначальников», которые правили Россией, мой отец женился на моей матери, рожденной Елене Геннадиевне Карповой (1870—1942), дочери историка, профессора Московского университета Геннадия Федоровича Карпова и Анны Тимофеевны Морозовой, дочери Тимофея Саввича Морозова, владельца мануфактуры «Савва Морозов, сын и К^о», сестры известного Саввы (1862—1905)³.

Брак моих родителей был тем, что принято называть «un mariage de raison», но он был счастлив, и это коренится, в значительной степени, в характере моей матери, как нельзя более подходившем, дополняя его, к характеру отца. Для его энергии, для его честолюбивых планов слишком предприимчивая жена не была бы идеальным попутчиком: этих свойств не было у моей матери, но отец знал, что она с полным спокойствием встре-

тит его возможные неудачи или превратности их общей судьбы, и в его полном риска служебном и светском восхождении это составляло реальную основу его душевного равновесия.

Моя мать обладала бесспорной культурой, которой она была обязана отчасти своему отцу, историку, но в еще большей степени гимназии С.Н. Фишер, единственной в России женской гимназии, где преподавались латынь и греческий язык, но другими, чем в мужских гимназиях того времени, методами. В совершенстве владея французским и свободно итальянским языками, она старалась не пропустить дня без того, чтобы не прочесть главу евангелия по-гречески или по-итальянски. Она интересовалась, больше сердцем, чем умом, духовными вопросами, и этот интерес стал основой ее дружбы с В.В. Розановым, крестным отцом того из моих братьев, который избрал путь монашества.

Она хорошо знала литературу, расширив свой горизонт чтением в проведенные в большом одиночестве первые петербургские годы ее жизни. Не имея способностей к искусствам и вообще не будучи тем, что называется одаренным человеком, она понимала и любила живопись, в особенности итальянцев эпохи Возрождения и Веласкеса; у нее была общая с моим отцом любовь как к Италии, так и к античной культуре. Благодаря своим знаниям, она смогла в эмиграции преподавать историю в одной русской школе для девочек.

Обладая исключительно общительным характером, она любила свет, когда его двери открылись перед ней благодаря житейскому успеху моего отца, но она ревниво оберегала свое право поддерживать или не поддерживать знакомства с влиятельными людьми, исключительно руководясь своими симпатиями или антипатиями. Предоставляя моему отцу принимать на себя все важные решения, касающиеся их общей судьбы, она не менее ревниво оберегала свою внутреннюю свободу, свободу суждений и мнений о вещах и людях, не признавая в этой области никакого внешнего авторитета, будь то своих родителей в детстве, будь то своего мужа затем. Подобно своим предкам староверам, она противопоставляла свой малый внутренний мир большому миру внешнему. Но она не унаследовала от них ни вкуса к деньгам, ни умения с ними обращаться.

Мой отец стал одним из редких представителей бюрократического мира, обладавших родственными связями с верхушкой московского купечества, и это сыграло немаловажную роль в его политической ориентации впоследствии, в особенности во время первой мировой войны, когда он добивался сближения между бюрократией и московским купечеством, а через него и с влиятельным московским общественным мнением. В 1892 г. до этого было еще далеко, — оба мира пребывали на различных планетах — и брак моего отца не мог принести ему ни знакомств, ни связей в столице. Ему самостоятельно приходилось добиваться признания высшего петербургского чиновного мира, и я помню рассказ о том, как стесняющимся новичком он переступил впервые порог Английского клуба и какой диалог завязался между ним и одним маститым сановником еще пре-

дыдущего царствования, которому он был представлен: «Вы родственник бывшего министра Кривошеина?» — «Нет». — «В таком случае позвольте вам выразить мое уважение». — «Я постараюсь его заслужить». Диалог этот станет понятен, если вспомнить, что бывший министр был уволен за не вполне корректную операцию с поставкой собственных шпал подведомственным ему железным дорогам. Вспоминаются также рассказы моей матери об одиночестве, в котором она провела первые — весьма невеселые — годы в Петербурге, где у нее не было ни родственников, ни знакомых. Последние почти исключительно сводились к семье начальника Переселенческого управления, В.И. Гиппиуса, уже потому благожелательно относившегося к моему отцу, что он свалил на него всю работу. Вскоре после этого Гиппиус впал в старческий маразм и это дало возможность отцу быть в непосредственном сношении с министром. Ему удалось наладить прекрасные отношения сначала с министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, а затем с Д.С. Сипягиным, а также с А.А. Стишинским, с 1899 г. товарищем министра, которому было подчинено Переселенческое управление, во главе которого Кривошеин был поставлен в 1902 г.⁴ («Стишинский не умел разбираться в людях и был очарован ловким Кривошеиным», — пишет об этом Вл. И. Гурко)⁵. Вопросая себя о даре Кривошеина «шармировать» своих начальников («он умел льстить без подобострастия»), недоброжелательный Гурко отвечает: «Он не любил еще тогда свою работу, не обладал писательским даром, не был красноречив, но в нем было нечто, и чем бы оно ни было, оно принесло плод»⁶.

Зато с преемником Сипягина, В.К. Плеве, у него произошло столкновение, едва не изменившее коренным образом его судьбу. Этот эпизод характерен как пробный камень характера моего отца.

В своих, укусом написанных мемуарах граф Витте утверждает, говоря о моем отце, что он (Витте) о нем ничего дурного не знал и не знает и считает его трудолюбивым, очень неглупым человеком, но карьеристом и карьеристом очень ловким⁷.

Спору нет, мой отец уже в юности поставил себе целью сделать блестящую карьеру в меру своих больших дарований; он был честолюбив, любил успех, болезненно переживал неудачи и приложил все усилия для достижения намеченной цели, однако не ценой собственного достоинства. Плеве, хотя и сменил всех глав департаментов, но оставил отца во главе Переселенческого управления, может быть, из-за его дружбы со своим сыном. Правда, со свойственной ему грубостью он почему-то стал к нему придирааться и кончил тем, что недопустимо (и необоснованно) раскритиковал его при подчиненных. Тогда, это было в начале 1903 г., отец решил получить от него удовлетворение или оставить все мечты о столичной карьере и перевестись на должность провинциального чиновника, в глушь. Гурко, с обычным для него недоброжелательством («умный, но злой Гурко», — пишет про него Шульгин), приписывает этому жесту какой-то скрытый, сложный расчет, — импонировать министру блеффом; одного он не знал, что отец не только не блеффировал, но готов был примириться с

концом своих надежд, чтобы не испытывать унижений, и только хотел заручиться моральной поддержкой моей матери, зная, что у нее уже образовался круг столичных друзей и что перевод в провинцию был бы для нее жертвой. Моя мать, ни секунды не оставаясь в нерешительности, сказала ему, что ей только важно его душевное равновесие и что она одобряет все его решения. На следующий день⁸ мой отец очень твердо заговорил с Плеве, указал ему на недопустимость критики при подчиненных и заявил, что, раз тот не удовлетворен его работой, то он настаивает на своем переводе в провинцию. Плеве сразу же сдался, рассыпался в сожалениях, дал ему твердое заверение о будущем и выразил ему полное доверие. С тех пор он стал относиться к нему как к равному и даже позволял ему открыто критиковать свою политику, в частности репрессивные меры против земства (например, против Тверского земства в январе 1904 г. и нежелание утвердить либерального Д.Н. Шипова председателем Московской земской управы)⁹.

В начале лета 1903 г. Плеве в сопровождении Кривошеина объездил переселенческие районы Сибири. По словам Гурко, он был обворожен своим сотрудником.

Нельзя не сделать сравнения между тем, как Кривошеин сохранял собственное достоинство и независимость суждения перед резким Плеве, и тем, как держал себя в то же время директор департамента общих дел того же ведомства, будущий премьер Б.В. Штюрмер. Как это утверждает Гурко¹⁰, Штюрмер был готов претерпеть всяческое унижение ради сохранения своего положения и переносить в молчании все оскорбительные замечания Плеве, даже сделанные при посторонних. И тут невольно напрашивается мысль о том, кому же из них отдал предпочтение император Николай II в решающие месяцы зимы 1915 — 1916 гг.?

Но в первые годы этого века ничто не указывало, что монарший выбор для разрешения вопросов, затрагивающих само существование империи, остановится на одном из этих двух «чинов ведомства». Изучая все виды порученных Кривошеину обязанностей, трудно отрешиться от мысли, что его работа, не будь его природных свойств, должна была превратить его в составную часть доведенного до предельной сложности механизма, часто вращавшегося впустую.

Так, мы узнаем, что, будучи начальником Переселенческого управления, Кривошеин помимо этого принимал участие в особом совещании для выработки правил заселения русскими людьми прилегающей к Восточно-Китайской железной дороге территории, в комиссии для обсуждения постановки таможенной части на Дальнем Востоке и направления там таможенной политики, в комиссии по преобразованию управления степных областей, в особых совещаниях для обсуждения правил оборудования переселенческих участков в северо-восточных губерниях и инструкций чинам закавказских поземельно-устроительных партий, в особом совещании о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения, в особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности и пр.

Впоследствии Кривошеин часто шутил и говорил, что искусство быть чиновником сводится к умению хорошо писать бумаги, т. е. записки и доклады на всевозможные темы, которые, по мнению Гурко, никуда не вели, кроме как к служебному продвижению их авторов.

Однако, будучи внешне частью бюрократического аппарата, Кривошеин не потерял способности к творческому труду, проявившуюся позже. Во всяком случае его многочисленные командировки в провинцию и в Сибирь свидетельствовали о его непосредственной связи с жизнью.

³ Вряд ли стоит останавливаться на легендах, порожденных браком моего отца. Он никогда не был «репетитором в морозовской семье», как фантазировал на эту тему А.П. Наумов в своих воспоминаниях, и не получил должности юрисконсульта Северо-Донецкой дороги благодаря женитьбе «на одной из Морозовых», как это утверждал Витте. Напротив, отец познакомился с Морозовыми на уже занятой им должности, когда моей матери было лет 12, а женился на ней, будучи уже 8 лет на государственной службе в Петербурге.

⁴ Вернее, исправляющим должность начальника — он был утвержден начальником в 1904 г.

⁵ «Features and Figures of the Past», Stanford, U.S.A., 1939.

⁶ Там же, с. 193.

⁷ В общей массе отзывов графа об огромном большинстве своих современников этот отзыв должен быть признан вполне положительным («Воспоминания», т. 3. М., 1960, с. 205).

⁸ Ук. соч., с. 193. Гурко не был точно осведомлен о всем этом эпизоде. По его словам, отец после выходки Плеве, в тот же день, подал в отставку, которая не была принята и переменяла отношение к нему последнего. В действительности отец подождал следующего дня, чтобы переговорить с моей матерью, что дает другое психологическое освещение жесту отца.

⁹ Гурко, ук. соч., с. 193; Кривошеин предупреждал Плеве, что неутверждение Шипова было бы бестактным и опасным. Ему было ясно, что вскоре произойдет резкая перемена правительственного курса.

¹⁰ Ук. соч., с. 110.

Мария Федоровна
Морозова.
1830–1911 гг.

Тимофей Саввич
Морозов.
1823–1889 гг.

МОРОЗОВЫ

В годы выдвижения моего отца на ведущие должности в правительстве слишком часто упоминалось о его «родственных связях с московским купечеством», чтобы не сказать хотя бы мимоходом несколько слов о семье Морозовых, даже если история этой семьи имеет только косвенное отношение к биографии моего отца. Этот полный творческой силы старообрядческий род оставил глубокий след в экономическом и культурном развитии России, занимая одно из первых мест в создании русской промышленности и в постройке железных дорог, подготовляя переход от земледельческого строя к современному индустриальному государству¹¹.

На всем общественном выдвижении Морозовых, от крепостной зависимости до руководящего положения в купеческой Москве, лежит печать старообрядчества, из поколения в поколение накопившейся статической энергии упорства, вылившейся затем в динамическую энергию творчества. Савва Васильевич Морозов, родившийся в 1770 г. и умерший почти столетним стариком в 1862 г., оставил рыбацьи сети отца своего и, испробовав ремесла пастуха, извозчика и ткача на предприятии купца Кононова, основал в 1797 г. вместе со своей женой Ульяной в селе Зуеве, Богородского уезда, Московской губернии, ткацкое предприятие, о котором рассказывалось, что его капитал равнялся пяти рублям¹². Много раз исходил он пешком расстояние между Зуевым и Москвой и обратно, покрыв-

вая десятки верст в сутки, для продажи своего товара. Одним из факторов его успеха была его репутация исключительной честности, благодаря которой целый ряд людей — по большей части старообрядцев — вручали ему свои сбережения за небольшой процент, что решало в его пользу щекотливую проблему зависимости промышленника от банкира. Дело пошло быстро вперед, и Морозов смог выкупить в 1820 г. из крепостной зависимости у помещика Рюмина себя и четырех из своих пяти сыновей за 17000 рублей ассигнациями, тогда как младшего сына Рюмин не отпустил на волю, предвидя дальнейшее обогащение Морозова. Последнему пришлось уплатить несколько лет спустя баснословную цену, запрошенную помещиком.

Пожар московский благоприятствовал этому обогащению, так как сгорело несколько мануфактур, и основанное немного позже Морозовым уже не ремесленное, а фабричное предприятие избавилось от конкурентов. Но настоящий коммерческий гений Морозова проявился в том, что этот отделенный старообрядчеством от европейской культуры, воспитанный на домострое, бывший крепостной понял, что или его дело воспримет все новейшие достижения иностранной техники, или перестанет существовать. Не находя нужного организатора в русской среде, Морозовы обратились к «немцу», и их расчет оправдался: Людвиг Кноп, родившийся в Бремене, но получивший свою техническую формацию в Манчестере и прибывший в 1839 г. в Москву, оборудовал Никольскую мануфактуру в Орехове-Зуеве новейшими машинами, проданными в кредит английскими фирмами. Морозовы показали пример, которому последовали и другие текстильщики, обратившись к Кнопу.

В середине XIX века Савва Морозов был уже крупной фигурой старообрядческого мира, «благодетелем» скитов и «моленных», владельцем ткацких и бумагопрядильных фабрик в Богородске и Орехове-Зуеве, а в 1857 г. он купил мануфактуру и в Твери. Его благодеяния суровым инокиням скитов, его щедрые подарки полицейским властям, терпевшим пребывание «беглых попов» в Москве, заставляли прощать его греховное пристрастие к табаку, но кроме этого поверхностного «приобщения» к европейской культуре Савва Морозов оставался частью неприемлющего эту культуру раскольничьего мира¹³.

После его смерти мануфактуры разделились между его сыновьями, среди которых нужно отметить Елисея, основателя нового раскольничьего толка — «Елисейевой веры», проповедовавшего скорое наступление царства антихриста. Мой прадед, Тимофей Саввич (1824—1889), соединял в себе искреннюю религиозность и приверженность к «старинке» с коммерческим гением уже совсем европейского типа. Он был одним из наиболее ярких представителей развивавшегося в России капитализма. В поисках все новых и новых рынков он проложил путь для сбыта своих товаров в Среднюю Азию тотчас после ее завоевания, в 1867 г. (так, туркменские халаты стали производиться на его фабрике), а с 1872 г. направлял оттуда свои караваны в Китай. Он предпринял первые шаги для использования

туземного хлопка вместо американского¹⁴. Он также был одним из крупных строителей железных дорог в Европейской России. Как работодатель, он соединял широкую и незаинтересованную благотворительность¹⁵ с суровой, даже крутой требовательностью к качеству труда своих рабочих, что привело к «морозовской стачке» 7–18 января 1885 г., вероятно, первой стачке европейского типа и поворотным пунктом рабочего движения в России, стачке, повлекшей за собой разработку законодательства по охране труда¹⁶.

Тимофей Саввич принадлежал еще к поколению «старой веры», мало затронутому западно-европейской культурой, но он понимал ее необходимость и дал своим детям широкое образование, открыв им путь к культуре и знанию европейских языков. Хоть он не раз бывал за границей, но в своем домашнем быту придерживался «старинки», однако не без неизбежных компромиссов. Например, он не стриг себе бороду, но так как она разрослась у него до колен, то прятал ее под рубашкой. Купив особняк купца Кокорева в Москве, имевшуюся там ценную мебель стиля ампир он сохранил только в гостиной, напоказ гостям.

К политике он был равнодушен абсолютно.

Тимофей Саввич скончался в 1889 г. на своей даче в Мисхоре, в Крыму, стоя на коленях, во время молитвы.

Благотворительные расходы его вдовы Марии Федоровны, рожденной Симоновой (1835—1911)¹⁷, с непререкаемым авторитетом и энергией возглавлявшей эту ветвь морозовской семьи после смерти мужа, нередко поглощали не только ее доходы, но затрагивали и капитал. О щедрости этого «адаманта» старой веры свидетельствуют пожертвование 300000 рублей на Высшее техническое училище в Москве (теперь имени Баумана), постройка театра для рабочих в Орехове-Зуеве, обошедшаяся в 500000 рублей (на гастроли туда приглашалась опера Зимина и артисты Художественного театра), завещание 800000 рублей на богадельню для престарелых рабочих... Нельзя не отметить и пожертвования на восстановление сгоревшей синагоги в еврейском местечке Белоруссии, в ответ на телеграмму местного раввина¹⁸. Щедро помогая отдельным рабочим в нужде, она отнюдь не намеревалась поступиться своими правами и сместила с директорского поста своего сына Савву, когда тот захотел ввести участие персонала в доходах предприятия¹⁹.

Третье поколение Морозовых вполне восприняло европейскую культуру, но у него уже начали проявляться, при железном здоровье, некоторая надломленность духа, часто даже странности («морозовские странности»), депрессии, неврастения, мучительные колебания при принятии самого простого решения, как, например, пойти или не пойти погулять, воображаемые недуги, все это при больших интеллектуальных способностях и утонченной воспитанности, хоть слегка смягчавшей мучительную для окружения тяжесть их характеров.

Старший сын, Савва Тимофеевич, будучи активным руководителем фабрики, был меценатом Московского Художественного театра, где бюст

его стоит и поныне; друг Максима Горького и артистки Андреевой, он щедро субсидировал революционное движение, в особенности партию большевиков, и умер при загадочных обстоятельствах, насильственной смертью, в 1905 г., на французской Ривьере. Его брат Сергей Тимофеевич (1860—1944), человек противоположных, умеренно консервативных взглядов, как и у всей остальной семьи, женился уже пожилым на сестре моего отца, Ольге Васильевне, умершей в 1953 г., как и он, в Париже. Он был одним из восстановителей народного кустарного искусства и создателем Кустарного музея в Москве. Их двоюродный брат, Михаил Абрамыч Морозов, стал известен как собиратель картин французских импрессионистов и Матисса.

Моя бабушка, Анна Тимофеевна, вышла замуж против воли родителей за молодого ученого Геннадия Федоровича Карпова. Она предпочла другим партиям культурного, но лишенного средств жениха, сделала ему сама предложение: «Вот вам моя перчатка, — сказала она ему на балу, — а за рукой приезжайте завтра». Брак не получил согласия родителей не из-за разницы в материальном положении жениха, а потому что тот не был старообрядцем. Это вызвало изгнание молодых в Харьков, где мой дед получил должность приват-доцента при университете. После рождения первого ребенка (первого из пятнадцати) они были «прощены» и дед был переведен на профессорскую кафедру в Москве, где близко сошелся с В.О. Ключевским, часто бывавшим у него дома и посвятившим ему впоследствии (в 1894 г.) некролог. В отличие от многих представителей профессуры, дед был убежденным монархистом, горячо полемизировавшим с Костомаровым по украинскому вопросу. С течением времени он оставил кафедру, променяв профессию на меценатство.

¹¹ «С именем Морозовых связуется представление о влиянии и расцвете московской купеческой мощи. Эта семья всегда сохраняла значительное влияние и в ходе московской промышленности, и в ряде благотворительных и культурных начинаний» (П.А. Бурышкин, Москва купеческая, Нью-Йорк, 1954, с. 112–113).

¹² В 1913 г. сумма производства всех четырех морозовских компаний исчислялась в 102 млн. рублей, на них было занято 54.000 рабочих и действовало 703 000 прядильных и крутильных веретен. Общая сумма балансов составляла в 1914 г. 213 142 817 руб. 79 коп. (Никольская мануфактура «Савва Морозов сын и К^о»: 68 192 333 руб. 39 коп., «Викул Морозов и Сын»: 44 421 826 руб. 02 коп. — эти две компании слились незадолго до октября 1917 года. Богородско-Глуховская: 55 881 407 руб. 64 коп., Тверская: 44 647 244 руб. 94 коп.). Цифры эти были сильно занижены, так как номинальный капитал — 45 млн. для всех четырех компаний не достигал и половины биржевой котировки. Для Никольской мануфактуры в 1914 г. прибыль равнялась 54,6 % номинального капитала.

¹³ А. Мельников-Печерский мельком упомянул о нем и о курении в сво-

ем романе «В лесах» («Стужин, купец, 25 000 человек у него работают»).

¹⁴ «Cahiers de l'histoire mondiale», Neuchatel, IX. 4. 1966.

¹⁵ После того, как моя бабушка, Анна Тимофеевна, выжила после родильной горячки благодаря прекрасному уходу, мой прадед построил на Девичьем поле, в Москве, большую, образцовую родильную больницу для неимущих.

¹⁶ Стачка была вызвана штрафами-вычетами из заработной платы, за порчу выделки. Морозов был столь же требователен и к высшему персоналу. «Только? Проспали мы ярмарку!» — так реагировал он на представленный ему отчет об исключительно высоком обороте торговых операций фабрики на одной из Нижегородских ярмарок.

¹⁷ Она была дочерью Фед. Ив. Симонова, бумагопрядильного фабриканта, покровителя Рогожского кладбища.

¹⁸ Телеграмма гласила приблизительно так: «По жертвой столько-то синагога сгорела, ведь Бог то у нас один». После трехдневного размышления Мария Федоровна послала указанную в телеграмме сумму.

¹⁹ Это и побудило М. Ф. оставить очень своеобразное завещание, ограждавшее предприятие от возможных неосторожностей или разногласий наследников. Она образвала нечто вроде американских семейных «foundations» с сохранением полной неделимости капитала. Хотя оставленная номинальная сумма не превышала 30 млн. рублей, реальная цифра, включая дарованные М. Ф. капиталы ее детям еще при жизни, достигала 60 млн. рублей.

Добавлю, что хотя материальное благополучие нашей семьи и было основано на морозовском родстве, нельзя упускать из виду и того, что моя мать была только одной из пятнадцати наследниц и наследников своей матери, Анны Тимофеевны, дочери Тимофея Саввича Морозова, у которого было пять детей.

Семья Морозовых-Карповых (Сушаново, 1888 г.)

Сидят (слева направо): З. Г. Морозова (жена Саввы Морозова), Наталья Карпова, Анна Тимофеевна Карпова, М. Поливанов, Савва Тимофеевич Морозов.

Стоят (слева направо): Исаак Левитан, сын В. О. Ключевского, Тимофей Карпов, Анна и Алевтина Карповы.

Особняк Морозовых. Москва.

ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Одним из основных зол думской монархии после смерти Столыпина было отсутствие единой и согласованной правительственной политики, с вытекающим из этого умалением роли председателя Совета министров, переставшего быть руководителем объединенного правительства, иначе говоря, первым министром. По воле Верховной власти создалось положение настолько для главы кабинета ненормальное, что в 1914 г. Кривошеину пришлось отказаться от предложенного ему премьерства, потому что оно превратилось в одну видимость власти в соединении с тяжелой ответственностью.

По любопытному, пусть случайному, но все же знаменательному совпадению, одним из первых, чисто политических шагов Кривошеина, которым он ступил из сферы будничной бюрократической работы в тесный «круг внутренний», где решалась государственная политика, была представленная им в августе 1905 г. на Высочайшее имя записка об установлении единства действий высших органов исполнительной власти в лице объединенного правительства²⁰.

Формально, записка была анонимной, но, конечно, Николай II и очень узкий круг людей были осведомлены о том, кто был ее автором. Она хранится в ЦГИА в Ленинграде²¹, до сих пор не издавалась и цитируется полностью в настоящей главе. На нее впервые обратил внимание советский историк Е.Д. Черменский

в своем весьма обстоятельном труде «Буржуазия и царизм в первой русской революции» (М., 1970 г.; второе издание, сильно отличающееся от первого, 1939 г.). Вот что пишет Черменский об авторе этой записки²²: «По свидетельству хорошо осведомленного либерального журналиста Львова, эта записка подана царю А.В. Кривошеиным» (ссылка на Л. Клячко, «Повести прошлого». изд. 2-е, Л., 1930, с. 15; Л. Львов, «Звездная палата», «Минувшие дни», 1928, № 3, с. 34).

Ввиду того, что авторство записки приписывается на основании одного только свидетельства, необходимость проверки достоверности и авторитетности этого свидетельства становится очевидной.

Лев Моисеевич Клячко (Львов), скорее радикальный, чем либеральный журналист еще дореволюционной эпохи, впоследствии примкнувший к советскому строю, обладал большими связями в либеральных кругах и отличался огромной предприимчивостью; он был единственным журналистом, проникшим на земский съезд в ноябре 1904 г., участники которого обязались не допускать прессу, но его спрятали за занавеской. Весной 1906 г. его профессиональная деятельность позволяла ему быть осведомленным о таких фактах, как происхождение записки, приписываемой Кривошеину: он был выбран председателем комитета журналистов при Государственном совете с момента преобразования последнего (апрель 1906 г.), а председателем Государственного совета тогда был еще граф Д.М. Сольский, всего несколько месяцев до того бывший председателем Особого совещания, которому Николай II передал записку как основу трудов совещания. Утвержденный в должности председателя Государственного совета и после преобразования верхней палаты Сольский вскоре (9 мая 1906 г.) покинул эту должность, но благодаря ему Государственный совет и секретариат председателя были именно тем местом, где сведения о закулисной стороне работы упомянутого совещания могли оставить прочный след, не говоря о том, что преемником Сольского на председательском кресле был Э.В. Фриш, тоже участник Особого совещания. Неудивительно, что, имевший постоянные профессиональные контакты с секретариатом совета, Львов мог многое услышать, хотя бы через третьих лиц, несмотря на то что сам он представлял закрытую впоследствии газету «Наша жизнь», в которой писали Горький и Ленин.

Естественно, что Львов эту записку не видел, — да и видеть не мог, — но, несомненно, получил сведения о ней от лица, с ней знакомого. Сам он передает некоторые подробности записки очень неточно, как это бывает с передачей цитат с чужих слов, но близко по смыслу. Таково сравнение тогдашнего положения правительства с положением правительства Людовика XVI в момент созыва Генеральных штатов, когда государственный корабль был пущен в открытое море без руля и без ветрил. Он также знал, что это сравнение произвело большое впечатление на царя и на его окружение, и считал, что там «думу боялись и ненавидели» и что Государь препроводил записку Сольскому с короткой резолюцией, подчеркивающей ее важность, хотя и точную формулировку резолюции Львов

привести не сумел («рассмотреть прилагаемую записку», а не «обратить особое внимание»). Наконец дальнейшая судьба Кривошеина и видное место, занятое им в политике («впоследствии министр земледелия и одно время кандидат в премьеры»), как характеризует его Львов) могли только закрепить в памяти автора «Звездной палаты» полученное им сведение.

Львов вернулся к записке и авторству Кривошеина два года спустя в своих очерках «Повести прошлого», приписывая именно записке Кривошеина поворот царя в сторону необходимости организации сильного правительства, объединенного общей программой, «которому предстояло иметь дело с народной представительной палатой» ... «Эта записка испугала царя», — утверждает Львов²³.

Формальная анонимность записки объясняется несоответствием между должностью, занимаемой летом 1905 г. Кривошеиным, только что назначенным товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием, и затрагиваемыми в записке вопросами организации высшей правительственной власти. Но уже тогда Кривошеин пользовался закулисным влиянием, далеко превосходящим его должность, благодаря своей близости к Вл. Ф. и Д.Ф. Треповым, к голосу которых прислушивался Николай II. О тогдашнем влиянии этого «кружка» из этих трех лиц и Горемыкина на Николая II пишут Витте²⁴ и Гурко²⁵, причем Гурко указывает на то²⁶, что этот кружок нередко представлял Государю записки на различные темы. Д.Ф. Трепов был тогда наиболее влиятельным лицом в окружении царя, тем более что князь В.П. Мещерский пребывал тогда в немилости.

Эти свидетельства подтверждают достоверность сведения Львова о том, что автором записки был Кривошеин. Если обратиться к самой записке, то стиль ее, живой и в то же время соблюдающий обязательную для такого рода документов характерную сдержанность, близок к стилю записки Кривошеина конца января 1906 г. по земельному вопросу. Не удивляют очень свойственные Кривошеину исторические сравнения. Вряд ли без «задней мысли» среди главных управлений, возглавители которых должны войти в состав Совета министров, указывается только Главное управление землеустройством и земледелием, если не считать Главного управления торговым мореплаванием и портами, во главе которого стоял вел. кн. Александр Михайлович: исключить его из правительства было неловко. Впоследствии это управление было подчинено Министерству торговли и промышленности и не вошло в Совет министров.

Можно поставить себе вопрос: почему никто другой не приписал эту записку будущему министру земледелия? Это произошло потому, что записка не получила никакого распространения и, кроме графа Сольского и его окружения, Витте и некоторых других участников совещания, о котором дальше пойдет речь, никто или почти никто ее не читал. Она, вернее выраженные ею принципы, была использована этим совещанием, но Сольский, чтобы угодить Витте, не показал ее, например, даже Коковцову, члену совещания. В памяти людей осталась «записка Витте о создании объединенного правительства», в действительности наскоро набросанное

6 октября 1905 г., по поручению Витте, Н.И. Вуичем, помощником начальника канцелярии Комитета министров, резюме незаконченных тогда трудов Особого совещания, устанавливающее временные полномочия председателя Комитета министров по объединению правительственной деятельности впредь до окончания трудов совещания²⁷. Совещанию все же удалось, по настоянию царя, закончить рассмотрение своего проекта 12 октября ночью, т. е. накануне того дня, когда Николай II поручил Витте объединить деятельность министров. Записка же Кривошеина, частичным выражением которой было положение о Совете министров, была затем основательно забыта.

Записка 6 августа 1905 г. защищала принцип единства действий объединенного правительства, необходимого для отпора революционному движению. В момент растерянности придворной и сановной верхушки она указывала императору Николаю II на самые слабые стороны царского правительства: отсутствие единства действий, отсутствие программы, — и открывала путь к установлению подлинной сильной власти.

Неудивительно, что важность этого вопроса не ускользнула от Витте, настолько что, когда еще 17 января 1905 г. Николай II поручил ему собрать Особое совещание о необходимых реформах, в дополнение к возведенным указом 12 декабря 1904 г.²⁸, то он поставил только этот вопрос на обсуждение. Однако выработанные совещанием «Соображения» показывают, что даже Витте не был тогда подготовлен к признанию принципа действительно объединенного правительства с первым министром.

Предлагалось подвергать Совету министров всеподданнейшие доклады по делам, превышающим пределы вверенной отдельным министрам власти, но предлагалось также не создавать кабинета в западно-европейском смысле слова и не присваивать никому из членов Совета преобладающего положения.

Нужны были внутренние и внешние события лета 1905 г., чтобы этот принцип, трудно совместимый с самодержавием, показался бы приемлемым²⁹. Совещание было закрыто указом 16 апреля; как и закрытое 30 марта Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, оно стало жертвой растущего нерасположения Государя к Витте весной 1905 г., не без влияния Д.Ф. Трепова, И.Л. Горемыкина и А.В. Кривошеина.

Однако бурный ход событий и неизбежность созыва Государственной думы снова поставили остро вопрос об организации исполнительной власти. 6 августа 1905 г., в день обнародования «Учреждения о Государственной думе», Государь предписал графу Д.М. Сольскому, председателю Государственного совета, созвать Особое совещание для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил. В то же день ему была подана записка по этому вопросу, авторство которой и приписывается с большим основанием Кривошеину. То что записка была передана Государю в тот же день, как его предписание Сольскому и обнародование учреждения о думе, отнюдь не дело случая. Записка была, по всем вероятностям, передана Д.Ф. Треповым, бывшим непосредственно в курсе

намерений царя и отчасти оказавшим на него свое влияние. В противовес думе нужна была сильная объединенная власть. К тому же заключению, хотя и с промедлением, пришел и Сольский. 26 августа начавшее свои труды совещание признало, «что сохранение на будущее время существующего ныне порядка, по которому законопроекты поступают на рассмотрение Государственного совета от министров <...> нередко с весьма существенными разногласиями, представлялось бы чрезвычайно неудобным и затруднительным в отношении Государственной думы, которой едва ли может быть предоставлено положение инстанции, разрешающей пререкания между начальниками отдельных частей управления. Ввиду этого совещание остановилось на мысли изыскания способов к объединению правительственной деятельности по возбуждению законодательных дел и составлению законопроектов»³⁰.

Сольский, представляя этот вопрос на рассмотрение Верховной власти, испрашивал у нее разрешение на включение вопроса о мерах, «которые могли бы придать деятельности отдельных ведомств единство направления и тем устранить представление думе несогласных предварительных предположений законодательного характера»³¹.

Вопрос, поставленный Сольским, касался исключительно законодательных предположений правительства; ответ Государя ставил этот вопрос гораздо шире, охватывая не только область законодательную, но и общее направление политики правительства. Николай II вернул доклад Сольского на следующий же день (27 августа) с резолюцией: «Согласен. Рассмотреть прилагаемую записку. В ней очень много верного и полезного»³².

Труды совещания подробно освещены у Черменского³³, в дневнике Половцова³⁴, в воспоминаниях Витте³⁵, Коковцова³⁶ и в прессе.

Коковцову записку, положенную по велению Государя в основу трудов совещания, так и не показали. Он был включен в состав совещания против воли Витте, — вероятно, потому Сольский Коковцова в это дело и не посвятил. Последнему была только показана собственноручная короткая записка царя Сольскому о том, что недостаточная объединенность министров недопустима, когда предстоит созвать Государственную думу. Сольскому предписывалось в спешном порядке выработать проект правил о таком объединении и представить их на утверждение царя. Кроме того, указывалось, что председатель Комитета министров (Витте) имеет уже такой проект, который представляется весьма разумным.

Малоосведомленный Коковцов считал, что инициатива проекта — да и сам проект — принадлежали, «разумеется», Витте. Но записка была представлена Николаю II 6 августа явно лицом, непосредственно и на месте осведомленным об учреждении в тот же день совещания Сольского, и передана затем Государем Сольскому 27 августа; Витте, уехавший в Америку 6 июля, вернулся оттуда только 15 сентября. Но, главное, пользовавшийся тогда всеобщим признанием Витте никогда не стал бы подавать «анонимную» записку и уж во всяком случае упомянул бы о ней в своих воспоминаниях³⁷.

Записка, которая предлагала создать объединенное правительство, проводящее единую согласованную политику под руководством первого министра, гласила³⁸:

«В действующем законе провозглашено, что «поелику все Министерства составляют единое управление, то ни одно из них не может отделиться от других, ни в видах управления, ни в общей ее цели. Разделение разных частей управления по Министерствам не есть разделение самого управления, которое по существу своему всегда должно быть едино» (Учр. Мин. изд. 1892 г., ст. 182). К сожалению, действительность совершенно разошлась в этом вопросе с мыслью законодателя. Можно даже сказать, что одною из особенностей современного государственного строя России является именно разрозненность действий отдельных министерств, переходящая часто в борьбу между ними. Такой розни, свойственной только России, на Западе не существует, или она проявляется там как нечто совершенно исключительное; наша же внутренняя история за последние 50 лет полна примерами с государственной точки зрения недопустимой ни при каком образе правления оппозиции правительству не только вне его, но и в нем самом. Ареную этих столкновений являются при этом не исключительно высшие государственные установления, обсуждающие различные предположения; борьба переносится и в среду местной жизни. Постоянно повторяются случаи, когда одно ведомство идет вразрез с другим, действуя по отношению к нему прямо враждебно.

На это давно уже обращалось внимание, и не раз возникала мысль о необходимости объединения деятельности министерств и единомыслия их руководителей. Много раз и в правительственных сферах, и в обществе, и в печати за и против высказывалось многое. Примеры западных государств обыкновенно приводятся в подкрепление этой мысли, а возражения против ее осуществления, по большей части, сводятся к тому, что это повело бы к централизации власти, доведенной до высшей степени ее проявления, и при существующем государственном строе России, в сущности, к учреждению визирата с Великим Визирем во главе. При этом постоянно указывается на уже сделанную в этом направлении попытку, на печальный пример существования в России первого министра, каким во вторую половину царствования императора Александра I есть основание считать графа Аракчеева.

И, действительно, надо сознаться, что еще недавно, при прежних условиях государственного строя, возражения эти не лишены были известного значения. Но теперь, с привлечением выборных от населения к непосредственному участию в законодательной деятельности, дело совершенно изменяется.

Очевидно и едва ли можно спорить о том, что, для того чтобы вывести страну из переживаемой нами смуты и удержать реформу нашего государственного строя в начертанных для нее рескриптом 18 февраля пределах, именно теперь, более чем когда-либо, нужно сильное правительство.

Без этого неминуемо крушение авторитета власти, что, к сожалению, частью уже наступило, а затем и самой власти, что неизбежно наступит, если власть не удержится на подобающей ей высоте. Между тем, существенным признаком сильной власти бесспорно является ее единство. В единении — сила, а все разрозненное слабо и неспособно к борьбе. Нельзя скрывать от себя, что настоящая историческая минута в таком именно положении и застаёт нашу государственную власть.

Нет сомнения в том, что в России есть партия, жаждущая ниспровержения нашего государственного строя, которую никакие реформы на почве осуществления рескрипта 18 февраля не удовлетворят. Партия эта, в сущности незначительная, сильна тем, что живет и питается всеобщим неудовольствием против существующего порядка, которое ныне, как во все эпохи замутившегося общественного сознания, распространено повсеместно. До настоящего времени неудовольствие это выражалось частично; не было органа, в коем могло бы оно выразиться как мнение всей России. Теперь враждебная существующему строю пропаганда направит все усилия к тому, чтобы создать такой орган в лице Государственной думы. В ней создается центр, где нельзя не предвидеть, что ничем не способное удовлетвориться поголовное осуждение сложившегося строя найдет для себя удобную почву, и неудовольствие, разлитое ныне между отдельными слоями и лицами, соберется воедино и заговорит как бы от лица всего народа. Уже теперь в известных кружках распространено убеждение, что первым делом Государственной думы должно быть полное переустройство всего существующего порядка. Таким образом, объединенное и окрепшее недовольство сразу наметит себе и общего противника: правительство, которое должно будет пред ним в известных случаях отчитываться.

Отсюда возникает тревожный вопрос: во всеоружии ли встретит правительство эту борьбу? Готово ли оно к ней и не будет ли это еще новый пример «нашей неподготовленности»? Тревожность этих вопросов усугубляется еще тем, что, в действительности, разрозненные отдельные части будут, однако, внешне объединены в лице Верховной власти, именем коей они действуют и изъявлением воли коей они прикрываются. Этим Верховная власть, низведенная на степень руководителя в данную минуту у кормила правления стоящего правительства, неминуемо будет вовлечена в борьбу партий. Нужно ли говорить, каким было бы это великим бедствием и к каким последствиям оно бы привело! Самодержавная власть, прежде всего, должна быть равно возвышена над всеми партиями и сословиями, над правящими и управляемыми; именно из этого положения и вытекает общность ее интересов с истинною государственною пользою и благом народным. Начало это до сих пор могущественно в России, но проявление его ослабело. Власть точно парализована колеблющимся мнением, охваченным веянием смутных дней, нами переживаемых. Нельзя без трепета подумать, что ожидает Россию, если при настоящем вступлении

ее в новую политическую жизнь с ее неведомым будущим действия государственной власти будут проявляться по-прежнему слабо и неуверенно, в то время когда от твердости и решительности будет зависеть вся будущность России.

Над поставленным вопросом нельзя не задуматься. Необходимо, чтобы не только с открытием думы, но и при неизбежной агитации по поводу предстоящих выборов не были у нас возможны случаи, с какой бы точки зрения ни смотреть на события, одинаково недопустимые, — оппозиции правительству в его же рядах. Каким же образом не допустить этого? Единственным к тому способом является установление единства правительственной власти, которое должно выразиться в полном единомыслии ее главных представителей и в полной согласованности их действий, одушевленных одинаковою мыслью при исполнении общего плана. Это неизбежно приводит к необходимости образования однородного Министрства, или, как принято называть на языке политических доктрин, Кабинета.

Столь же необходимо одновременно с объединением органов управления выработать известную программу будущей правительственной деятельности, дабы правительство не очутилось перед лицом выборных от народа не знающим, что делать и в какую сторону направить кормило правления. Наизидательный в этом отношении пример представляет история первой французской революции. 5 мая 1789 г. правительство Людовика XVI, удовлетворяя общему требованию населения, указывавшему на «обращение к нации» как на единственный и несомненный выход из государственных затруднений эпохи, с великой пышностью открыло в Версале собрание сословных представителей. Что будут делать представители, решит, предполагалось, само собрание. У правительства относительно предстоящего не было никакого плана. Государственный корабль был пущен в открытое, совершенно неизвестное море. Правительство вызвало духа, но оказалось бессильным, чтобы его заковать. Дальнейший ход событий известен. Они развернулись с ничем неотвратимой последовательностью. Да и нет нужды обращаться к примерам истории других народов. Пережитый нами год ясно доказывает, как быстро развивается общественная неурядица и как бесплодна борьба с нею при разрозненности правительства и отсутствии у него определенного плана действий.

Если уроки истории и жизни чему-нибудь учат, то, очевидно, самая настоящая, самая неотложная задача настоящей исторической минуты должна заключаться в объединении правительства в одно единомысленное целое с определению программой деятельности. Таким образом, наряду с обновленною властью законодательною организовалась бы сильная власть исполнительная, а Верховным Представителем обеих властей явилась бы самодержавная власть. При этом необходимо, чтобы власть самодержавная освободила бы себя от непосредственного участия во всех мелочах управления, дабы не быть вовлеченной в борьбу партий и, по

заветам прошлого, сохранить за собою в неприкосновенности положение Верховного Главы всего государства, а не только главы исполнительной власти, как на Западе.

Решение этой задачи всего правильнее на почве существующих уже учреждений, в ряду которых Совет министров и Комитет министров суть не что иное, как попытки осуществления той же мысли о необходимости единства в управлении. К сожалению, эти учреждения не привели к желаемой цели. Совет министров до последнего года почти не собирался, так как одновременное существование и Совета министров и Комитета министров, при особых, кроме того, всеподданнейших докладах отдельных министров, способно было только запутать ход управления, что и сказалось в текущем году, когда оба названных учреждения стали действовать параллельно.

Отсюда ясно, что первым шагом к объединению правительственной деятельности в области управления должна быть замена упомянутых двух учреждений одним, которому может быть присвоено любое наименование. Наряду с этим необходимо упразднить и особые всеподданнейшие доклады отдельных министров, ибо в них собственно и лежит источник всей розни и разногласия министерского управления. При существовании их ни один министр не чувствует себя обязанным считаться с своими коллегами и каждый начальник ведомства в день всеподданнейшего доклада поочередно является носителем Верховной власти, вынося из кабинета самодержца Высочайшие повеления, обязательные для всех.

С отменой всеподданнейших докладов Высочайшие повеления в порядке управления исходили бы лишь в виде Высочайше утвержденных заключений проектируемого Совета министров. Это учреждение должно состоять исключительно из начальников главнейших ведомств, так как привлекать в его состав лиц, не участвующих непосредственно в управлении, неправильно. При этом в видах обеспечения единства действий Совета и возможности проведения по всем отраслям управления общей программы деятельности, очевидно требуется, чтобы члены Совета были объединены общностью взглядов и убеждений и личный интерес каждого был связан с общими интересами управления и судьбою всего Совета. Для практического достижения этой цели надлежало бы поставить во главе Совета лицо, которое заняло бы положение руководителя внутренней политики управления и могло бы оказывать влияние на избрание Верховною властью отдельных министров. Не может быть, конечно, и речи, чтобы председатель Совета сам назначал прочих министров. Очевидно, эти назначения могут исходить только от самодержавной власти. Но весьма желательно в интересах дела, чтобы в состав Совета вводились люди только единомышленные, могущие сплотиться на предстоящем им общем деле управления, которое по существу своему всегда должно быть едино. Вследствие сего представлялось бы полезным предоставить председателю Совета представлять на благовоззрение Верховной власти кандидатов на министерские посты.

Предполагаемое преобразование не терпит отлагательства. Рано или поздно создание однородного Министерства получит свое осуществление. Это вытекает из дарованных сегодня населению империи политических прав, которые неизбежно приведут к борьбе партий. Но разница в том, что теперь есть еще время провести эту меру свыше, обдуманно и спокойно, приняв во внимание истинные интересы государства и исторически сложившегося порядка, а впоследствии она явится вынужденною, как новая уступка среди политических осложнений.

Изложенные соображения приводят к нижеследующим заключениям:

1. Совет министров и Комитет министров необходимо заменить одним учреждением, с наименованием его Советом министров.

2. Совет министров состоит под председательством одного из министров, монаршим доверием к нему призванного, из остальных министров, а равно главноуправляющих землеустройством и земледелием и торговым мореплаванием и портами, Обер-прокурора Святейшего Синода и Государственного контролера. Независимо от сего, в Совете участвуют главные начальники прочих ведомств по делам, им вверенным.

3. Совет министров есть место, в коем: 1) устанавливается единый образ действий в управлении и 2) обсуждаются меры высшего управления, требующие Высочайшего утверждения.

4. Никакая общая мера внутреннего управления в порядке исполнительном не может быть принята главными начальниками ведомств помимо Совета министров.

5. Меры высшего управления, указанные в статье 2, могут получить свое осуществление не иначе, как на основании положений Совета министров, Высочайшею властью одобренных.

6. Право отдельных министров испрашивать посредством всеподданнейших докладов Высочайшие повеления отменяются с сохранением сего права за министрами: императорского двора и уделов, военного, морского и иностранных дел.

7. Представление на Высочайшее благоволение кандидатов на посты министров и главноуправляющих отдельными частями, за исключением ведомств: императорского двора и уделов, военного, морского, иностранных дел и Государственного контроля, принадлежит председателю Совета министров.

6 августа 1905 года».

Записка, вернее — положенные в основу ее тезисы (из примера Коковцова явствует, что граф Сольский не показывал ее всем) — рассматривалась на частных совещаниях у Сольского 21, 23, 26 и 28 сентября 1905 г., в которых принимали участие Витте, Фриш, Половцов, Сабуров, Коковцов, Д.Ф. Трепов, Таганцев, Булыгин, Манухин и др.

Необходимо отметить позицию Витте и его конфликт с Коковцовым. Бросается в глаза близость его выступления к записке Кривошеина, иногда буквальная. Вне сомнения, что он с ней близко ознакомился. На засе-

дании 21 сентября Витте заявил: «...Враги правительства сплочены. Мы находимся в положении, в коем находилось французское правительство после созыва Генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционному движению не имеем. Прежде всего надлежит объединить власть, министрам принадлежащую. Министры должны быть соединены в одно целое, в один Совет, который, имея председателя, обсуждал бы программу <...> мер, обязательных для каждого министра, после принятия их Советом. Словом, должен быть учрежден <...> кабинет с председателем, именуемым также первым министром. На обязанности председателя должна быть рекомендация Государю лиц, имеющих для занятия министерского поста качества и разделяющих политические взгляды, одобренные Государем».³⁹

На необходимости «как можно скорее установить единство министров» настаивал Д.Ф. Трепов, тогда как тезисы Витте вызвали возражение В.Н. Коковцова, на которое в свою очередь последовала более чем резкая отповедь графа. Её смысл сводился к тому, что он никогда не слышал со стороны министра финансов столько глупостей⁴⁰.

Не входя в подробности этого инцидента, шедшего гораздо дальше, чем формулировка спорных мест (речь шла об упразднении личных всеподданнейших докладов министров, чего добивался Витте и на чем настаивала записка Кривошеина, сохраняя это право за одним председателем), скажем: став премьером, Коковцов мог только пожалеть, что была частично принята его собственная концепция.

Труды совещания были оформлены затем Государственной канцелией в виде проекта мемории; в основу его, как это явствует из ее содержания и как это подтверждает Черменский, была положена записка А.В. Кривошеина.

Мемория, рассмотренная затем уже Особым совещанием, официально устанавливала, что:

1) «Министры и главноуправляющие отдельными частями обязаны доставлять председателю Совета министров сведения о всех выдающихся происходящих в государственной жизни событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях, с тем чтобы последние, в случае надобности, могли быть представлены председателем Совета на его обсуждение».

2) «Всеподданнейшие доклады по делам, имеющим общее значение или касающимся других ведомств, должны быть предварительно сообщаемы главными начальниками ведомств председателю Совета министров, который должен быть уполномочен или внести означенные доклады на предварительное рассмотрение Совета, или предоставить начальнику ведомства повергнуть их непосредственно на благовоззрение Вашего Императорского Величества, в случае надобности — в присутствии председателя».

3) «Дела, относящиеся до ведомства императорского двора и уделов, государственной обороны и внешней политики, должны быть предоставлены непосредственно ведению подлежащих министров», причем должны быть предусмотрены «и те случаи, когда упомянутые дела должны быть вносимы в Совет министров»⁴¹.

Рассмотрение мемории и выработка окончательного законодательного акта происходили на официальных заседаниях 3, 4, 11 и 12 октября, уже в атмосфере растущего революционного кризиса, когда становилось ясным, что какой-то вид конституции будет дан и что главой объединенного правительства будет Витте.

Ход прений отражался, более или менее точно, в прессе⁴², расхождение между Витте и Коковцовым в вопросе о правах председателя сначала опровергались, затем подтверждались. В «Новом Времени», органе, в котором Кривошеин имел друзей, 10 августа появилась статья, близость которой по содержанию и форме к записке Кривошеина бросается в глаза. Газета сочувствовала образованию объединенной власти и считала, что неудовлетворительность обсуждаемых проектов состояла в том, что они не вели к главной цели: выполнению всеми отдельными министрами одной общей программы. Однако совещание шло именно по пути организации правительства на основе объединенной политической программы, то есть на единомыслии его членов, как это защищала записка Кривошеина. Против этого высказывались не участвовавшие в предварительных совещаниях граф А.П. Игнатъев и А.С. Стишинский. Оба находили, что «первый министр будет визирем, ограничивающим самодержавие»⁴³, тогда как Витте жаловался на недостаточность прав, предоставляемых первому министру⁴⁴.

Тем не менее принятая огромным большинством совещания формула, основанная на записке Кривошеина и на его высказываниях, давала Витте удовлетворение. Она гласила, что «задача по направлению и объединению действий главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и высшего государственного управления, окажется осуществимой лишь в том случае, когда означенные начальники, участвующие в Совете министров, будут по крайней мере в главнейших вопросах одинаковых политических убеждений». Для достижения этой цели «в круг обязанностей председателя Совета министров должно входить представление Вашему Императорскому Величеству кандидатов для замещения должностей министров и главноуправляющих отдельными частями, за исключением, однако, министров, военного, морского и императорского двора и уделов, ввиду особого характера лежащих на них обязанностей».

Казалось, тем самым элементарный для всякой нормальной государственности принцип сильной, объединенной власти, солидарно ответственной за свои действия, смог установиться в новых условиях думской монархии...

Однако по роковому отсутствию гражданского мужества и логической связи между словами и делом, принимая спешно 12 октября ночью этот текст, когда Николай II решительно требовал ему его представить — на другой день он известил Витте, что назначает его председателем правительства, — совещание постановило сделать оговорку, что вышеуказанное правило «во избежание превратных его толкований, не должно быть включено в обсуждаемый акт»⁴⁵.

Признавалась необходимость единства взглядов членов кабинета, но об этой необходимости затем стыдливо умалчивалось, и Николай II, когда он начал тяготиться соседством яркого и волевого премьера, не преминул воспользоваться не включением этого правила в утвержденный им 19 октября 1905 г. акт⁴⁶, чтобы не только терпеть политические и иные разногласия между членами кабинета, но и, со временем, играть на них. У правительства больше не было авторитета, но вряд ли от этого выигрывал его собственный.

Тем самым акт 19 октября 1905 г. интереснее тем, чего в нем нет, чем сформулированными в нем правилами. Многие из записки Кривошеина и из мемории было в него включено «в целях вящего объединения». Но многое было ослаблено до неузнаваемости. Так, правило о представлении кандидатов на министерские посты было заменено правилом представления на обсуждение Совета министров «предположений» о замещении главных должностных лиц высшего и местного управления, т. е. лиц уже не министерского ранга. Что касается до всеподданнейших докладов, то принцип присутствия на них председателя применения на практике не получил.

Вместо сильной власти подготавливался тот политический паралич власти, который тяготел над политической жизнью России незадолго до войны, чтобы вылиться затем летом 1915 г. в открытый раскол между министрами и их председателем и докатиться до таких возглавителей правительства, как кн. Н.Д. Голицын, уже лишенный малейшей доли авторитета, связанного с должностью.

Что касается Кривошеина, то он не переменял своих взглядов на необходимость единства действий исполнительной власти и твердо поставил себе за правило не принимать назначения главой кабинета, пока ему не будут даны монархом полномочия, отвечающие должности руководителя внутренней политики.

Когда в феврале 1913 г., в результате глубоких разногласий с Коковцовым, Кривошеин выразил Государю свое желание уйти в отставку, то Николай II, успокаивая его, заметил, что он отнюдь не ответствен за общую политику кабинета, так как политически однородный кабинет не предвиден в установлении о Совете министров, на что Кривошеин ему возразил, что никакая настоящая работа не мыслима без полного единогласия членов правительства. Государь уговорил его не покидать своего поста, но А. В. Кривошеин остался при своем мнении⁴⁷.

⁴⁶ До того, 19 января 1905 г., по всем данным, им была подана записка о земельной политике, приведшая к упразднению Особого совещания Витте «о нуждах сельскохозяйственной промышленности» и к учреждению горемыкинского совещания об «укреплении крестьянского землевладения»; но эта записка ближе касалась круга его деятельности, чем записка об объединенном правительстве.

²¹ ЦГИАЛ, фонд 1544, оп. дополн. к XVI т., д. 5, л. 332.

²² С. 135–139.

²³ «Минувшие дни», приложение к вечернему выпуску «Красной газеты», Л., 1928., № 3, с. 34; «Звездная палата». («Повести прошлого», Л., 1930, изд. 2-е, с. 15) — личные воспоминания о Государственном совете, весьма тенденциозно изображающие членов верхней палаты в анекдотическом освещении.

²⁴ «Воспоминания», т. I, с. 440, 443 и 538.

²⁵ Ук. соч., ст. 337–338.

²⁶ С. 335–336; Гурко приписывает Н.В. Плеве, сыну министра, редактирование некоторых записок по поручению Кривошеина. При несомненном писательском даре последнего, роль Н.В. Плеве не могла быть значительной.

²⁷ Витте, Воспоминания, том 3, с. 19, записка Вуича, Москва 1960 г.

²⁸ Указ 12 декабря, составленный кн. Святополк-Мирским, обещал ряд реформ в области крестьянского законодательства, веротерпимости и т. д., тогда как пункт о привлечении выборных к участию в разработке законодательных проектов был по настоянию вел. кн. Сергея Александровича и Витте исключен.

²⁹ Черменский, ук. соч., гл. 1, с. 55.

³⁰ Неопубликованный доклад гр. Сольского от 26 августа 1905 г. (фотокопия ЦГИА в Ленинграде, дальше ЦГИАЛ) (Ф. 1544, опись 1, ед. хр. № 5-1).

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Ук. соч., с. 135–136.

³⁴ «Красный архив», т. IV, 1923, с. 64–76.

³⁵ Том II, М., 1955, с. 544–545; т. III, с. 19 (доклад Н.И. Вуича) и с. 25.

³⁶ В. Н. Коковцов. «Из моего прошлого», т. I, с. 89–92, Париж, 1933. О том, как Сольский не посвящал Коковцова, тогда министра финансов, в секретные дела, в угоду Витте, говорится в воспоминаниях Коковцова (т. I, с. 92–93): «Сольский, конечно, знал о перипетиях, предшествовавших изданию манифеста (17 октября), но, очевидно, имел в виду не выводить дела за предел того, что было угодно Витте, в частности, по отношению ко мне он был связан явно враждебным отношением автора».

³⁷ В своих воспоминаниях Витте говорит о трудах совещания с видимым равнодушием, как о не давшем полного удовлетворения защищаемым им на нем изустно тезисам: «В конце концов было решено создать Совет министров взамен существующего <...>. Этот новый закон, выработанный и утвержденный Государем до 17 октября, в некоторой степени объединял министров, хотя как все, что выходило из совещаний гр. Сольского, являет различные неопределенности и недосказанности, как результат компромиссов, которые так любил граф».

Коковцов мог не знать, кто был автором записки, положенной в основу работ Совещания, но то, что он приписывал ее Витте, показывает его полную неосведомленность.

³⁸ (ЦГИАЛ, ф. 1544, оп. дополн. к XVI т.; д.б.л. 332, по фотокопии архива).

³⁹ Половцов, ук. соч., с. 64 и след.

⁴⁰ Коковцов, ук. соч., т. I, с. 89–92, утверждая, что нет надобности для объединенного управления подражать иностранным государствам, отстаивал личные всеподданнейшие доклады министров, предоставляя председателю Комитета министров лишь право присутствовать на них.

⁴¹ По Черменскому, ук. соч., с. 138, опубликовавшему частично этот документ, хранящийся в ЦГИАЛ, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 70, 73.

⁴² Так в «Новом Времени» от 2, 3, 11, 13 и 14 октября 1905 г.

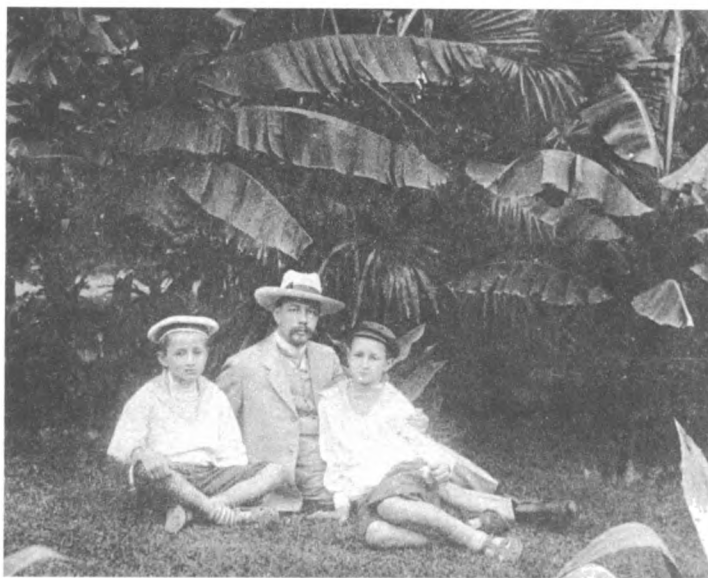
⁴³ Черменский, ук. соч. с. 139, по ЦГИАЛ, ф. 1544, оп. дополн. к XVI т. д. 5. л. 332.

⁴⁴ Дневник Половцова, «Красный архив», т. 4, с. 72–73.

⁴⁵ Черменский, с. 139, по ЦГИАЛ, ф. 1544, оп. 1, д. 25, л. 73–74.

⁴⁶ Это был указ Правительствующему Сенату, опубликованный в прессе 22 октября, т. е. в первый день появления газет после забастовки.

⁴⁷ Доклад Дульсэ, французского поверенного в делах, министру иностранных дел от 13 марта 1914 г. «Documents diplomatiques français», 3e série, vol. 9, № 453.

В усадьбе А. В. Кривошеина. Никитский сад.
Всеволод (Гика), будущий архиепископ Василий, английский гувернер, Игорь (русский офицер, герой французского Сопротивления).

Санкт-Петербург, здание редакций газет.

СТОЛЫПИНСКАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА

«...так как историей движут идеи, а не факты и не отдельные люди, то и наши усилия оказались плодотворными потому, что в них была заключена идея укрепления в русской деревне собственности — этой всемирной опоры хозяйства, культуры, свободы и порядка».

(Прощание Кривошеина со своими сотрудниками 29 октября 1915 г.)

Проведение в жизнь указа 9 ноября 1906 г. неразрывно связано с А.В. Кривошеиным. В этом деле ему принадлежит бесспорно главная, почти исключительная, исполнительная роль. На протяжении семи с половиною лет, от 21 мая 1908 г. до 26 октября 1915 г., он был осуществителем реформы в должности главноуправляющего землеустройством и земледелием, а еще до того, с 6 октября 1906 г., во главе Крестьянского банка. Эта роль исполнителя, обладавшего благодаря доверию Николая II и Столыпина полнотой власти, у него никем не оспаривается, хотя имя автора реформы и несколько затмило имя ее исполнителя («стольпинская земельная реформа»); нередко изучается дело, но опускается имя «делателя». Д.Н. Любимов, с 1912 по 1914 г. управляющий делами Главного комитета по землеустройству, так отзывался в своих воспоминаниях о роли Кривошеина: «Дело началось при кн. Б.А. Васильчикове <...> на первых порах оно встретило огромное затруднение, о котором я слышал подробно от самого князя <...>. Затем

реформа стала налаживаться и уже с необыкновенным успехом блестяще проводилась в жизнь А.В. Кривошеиным, который стал душой всего дела и, если вопрос о землеустройстве был возбужден Столыпиным <...>, то честь осуществления его на практике должна быть по справедливости приписана Кривошеину»⁴⁸.

В подготовке реформы роль Кривошеина очень значительна, хотя здесь инициатива принадлежит не только ему. Советский исследователь этого вопроса С.М. Дубровский⁴⁹ писал, правда, что «Столыпин шел по проложенному, predetermined пути, реализовал же это дело с начала до конца А.В. Кривошеин», но в этом определении вполне точно только то, что инициатива «столыпинской реформы» не принадлежит Столыпину. Мнение, что Кривошеин был автором реформы, господствовало в кадетской партии⁵⁰, то же думал и П.П. Гронский, видный кадетский деятель в эмиграции (в очерке «25-летие указа 9 ноября 1906 г.»)⁵¹. Однако, не умаляя роли Кривошеина в подготовке реформы еще в первые дни 1905 г., невозможно игнорировать роль Вл. И. Гурко; это признал Витте, сказавший 22 марта 1910 г. в Государственном совете, что «лицо, которое более всего потрудились над законом 9 ноября 1906 г., был Гурко». К такому же выводу склонился впоследствии и сам Дубровский⁵². Гурко ранее Кривошеина признал вред общины, незыблемость которой считалась догматом в кругах общественных и правительственных, а в особенности в Министерстве внутренних дел.

Трудно преувеличивать заслуги Гурко в активной подготовке земельной реформы в 1906 г. Однако в своих воспоминаниях Гурко затушевывает или представляет неверно роль Кривошеина в 1905 г. и в решающие дни начала 1906 г., свою же роль в предыдущем периоде, между 1902 и 1905 г., несколько преувеличивает в ущерб роли Витте и созданного министром финансов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гурко сыграл видную роль в трудах комиссии по пересмотру крестьянского законодательства, учрежденной в 1902 г. при Министерстве внутренних дел, и значение собранных там материалов для разработки затем указа 9 ноября было велико, но непосредственных конкретных результатов деятельность комиссии не дала. Тем не менее, о ней нужно сказать несколько слов, так как ее труды незаслуженно забываются или смешиваются с трудами Особого совещания Витте⁵³.

Еще в 1894 г., после резолюции Государственного совета и доклада министра внутренних дел И.Н. Дурново от 27 ноября 1893 г., была начата в этом министерстве подготовка пересмотра крестьянского законодательства. Заключение учрежденных для этого губернских совещаний составили обширный материал, но дальнейшего движения не получили⁵⁴ и только указом 14 января 1902 г. на министра внутренних дел Д.С. Сипягина была возложена задача подготовить изменение «в согласии с действительными потребностями лишь тех узаконений, недостатки коих выяснены опытом». Предусмотренная указом редакционная комиссия была образована уже при В.К. Плеве, в июне 1902 г. под номинальным председатель-

ством товарища министра А.С. Стишинского, но душой комиссии стал управляющий Земским отделом Вл. И. Гурко⁵⁵.

Главной задачей комиссии был пересмотр правовой обособленности крестьянского сословия, самоуправления, сословной волости и пр., а не порядка землепользования, но Гурко сумел удивительно ловко ввести в труды комиссии новаторскую идею выхода из общины, под прикрытием рассмотрения экономической, а не правовой стороны этого вопроса⁵⁶.

В пространном, занимающем многие страницы большого формата «Нового Времени» (с 10 по 12 января 1904 г.) «Очерке редакционной комиссии по пересмотру законоположения о крестьянах», в котором ясно ощущается рука Гурко, земельный строй трактуется в конце (хотя и подробно), после вопроса правовых и административных сторон крестьянского быта, но страницы, посвященные ему, оригинальны и любопытны; «очерк», не оспаривая юридического принципа общины и подчеркивая, что устранить препятствия к производительному труду одними законодательными мерами невозможно, незаметно приводит читателя к выводу, что единственное средство экономического подъема заключается в создании отрубных участков и хуторов выделяющимися из общины крестьянами с их частью наделной земли, приведенной к одному месту; иначе говоря, в достижении конечной цели столыпинской реформы: образования обособленных в хозяйственном отношении земельных единиц. Выдел отдельных участков должен был быть обставлен условиями, ограждающими большинство членов обществ от постоянных переделов, при которых выдел владений отдельных хозяев не представляется возможным.

«Очерк» не противопоставляет подворный строй, в том виде как он практиковался главным образом в Западном крае, общинному⁵⁷. И тот и другой были подвержены той же чересполосице, дальнотемелью и подобным основным недостаткам крестьянского землевладения в России. В этих явлениях «очерк» усматривает причину низкого уровня сельского хозяйства, так как при них, каков бы ни был правовой принцип владения землей, отдельные домохозяева вынуждены подчиняться общему порядку пользования землей, вести одновременно с остальными одинаковую систему полеводства, а общество вынуждено придерживаться не наиболее правильного использования естественных сил почвы, а исключительно наиболее простого, доступного всем без исключения членам общества.

«Очерк» предлагает установить государственную помощь в виде уменьшения податей и выкупных платежей как выходящим из общины, так и остающимся в ней.

Еще до опубликования полного текста записки комиссии ее содержание было комментировано прессой⁵⁸ и произвело некоторое впечатление уже потому, что одновременно с этим появились сводки трудов местных комитетов Особого совещания Витте, касавшиеся той же темы. Социалистическое «Русское Богатство» с редкой пронизательностью усмотрело в заключениях записки «ставку на сильных». «Новое Время» подчеркнуло (7 декабря 1903 г.), что, поставив себе цель ничего не ломать, сохраняя

неприкосновенность общинного строя и неотчуждаемость наделной земли, комиссия предвидела возможность естественного развития крестьянской жизни и не пожелала создавать нераздвигаемых рамок, сковывающих всех отдельных лиц, даже тех, которые пожелали бы отказаться от существующих основных форм землепользования. «Сама жизнь должна решить, где и при каких условиях надлежит сохранить общинное пользование землей и при какой обстановке будет удобнее переходить к подворному хозяйству». Вывод удивительно близкий к выводу совещания Витте.

Ставя главной, хотя и отдаленной целью эволюции крестьянского земельного строя переход к отрубному и хуторскому беспередельному землепользованию, Гурко предрешил целенаправленность столыпинской реформы, ставившей себе точно такую же цель. Для Гурко, души комиссии 1902 г., и для Гурко, автора указа 9 ноября 1906 г., выход на хутора и отруба оправдывался тем, что их хозяева могли бы применять те системы полеводства, которые при данном уровне их общего развития и степени их зажиточности были бы для них наиболее прибыльными, то есть быть полными хозяевами своих наделов; только в 1903 г., путем словесной эквилибристики, Гурко избегал вводить в свой план юридический принцип единоличной собственности, как он смог это сделать в 1906 г.

Однако между обоими документами существуют и немалые реальные, а не только формальные различия, вызванные революцией 1905 г. и необходимостью скорейшей ликвидации ее последствий. Указ 9 ноября 1906 г. был предназначен для срочного проведения земельной реформы огромных масштабов с определенной политической целью, а в 1903 г. Гурко писал в «очерке», что «лишь с течением времени, когда крестьяне убедятся на примере отдельных хозяев в значении выдела участков к одному месту, может появиться среди них общее течение в указанном направлении». Ни он, ни Витте в «Записке по крестьянскому делу», ни Столыпин в своем докладе уже 1905 г., не предвидели, что радикальное преобразование общинного строя не может ждать и что придется предоставить его реализацию не «течению времени», а ломке. Да и заключения «комиссии Гурко» едва коснулись политической направленности будущей столыпинской реформы: создания крепких крестьян-собственников, опоры существующего строя. В них только указывалось, что степень уважения к чужим правам зависит от культурного развития и хозяйственной обеспеченности населения, а таким зажиточным элементом могут быть хуторяне.

Наконец, Гурко подвергает строгой критике укрепление в собственность отдельных наделов без их сведения к одному месту — отруб или хутору, так как этим укреплялась и чересполосица, которую переделы могли иногда ослаблять. Конечно, указ 9 ноября позволял каждому выделяющемуся, при соблюдении известных условий, свести свой надел к одному месту, но там, где две трети поселян не упраздняли общину, обязательства не было. Это привело во многих районах, из-за косности крестьянства или враждебности окружения, к образованию антиэкономической единоличной собственности «на полосах». Поэтому при Кривошеине были

предприняты обширные землеустроительные работы, в особенности после проведения им закона 29 мая 1911 г., для того чтобы исправить эту обратную сторону указа 9 ноября, предварительно осужденную самим автором указа.

Единственным конкретным результатом деятельности Гурко в комиссии был манифест 26 февраля 1903 г., составленный им лично в части, относящейся к трудам комиссии; манифест полагал в основу пересмотра трудов комиссии губернскими совещаниями «при ближайшем участии достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных <...> неприкосновенность общинного строя, изыскав одновременно способы к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины». Это означало отказ от насильственного прикрепления крестьян к общине⁵⁹.

В дальнейшем «комиссия Гурко» не сыграла значительной роли: указ 8 января 1904 г., созывавший губернские совещания для рассмотрения ее трудов, повторял выражения манифеста 26 февраля 1903 г. о неприкосновенности общины и облегчении отдельным крестьянам выхода из нее, признавая, наряду с этим, необходимым «сохранить крестьянский сословный строй и неотчуждаемость крестьянского владения надельной землей», причем эти начала объявлялись Высочайше утвержденными и не подлежащими обсуждению. История утверждения указа показывает, насколько сильна была тогда приверженность Николая II к сословному строю. Большинство Комитета министров, первым делом его председатель Витте, критически встретило часть записки Плеве, сопровождавшей проект указа, касавшуюся сословного распорядка крестьянства, настаивая на том, чтобы Плеве исключил из указа место, полагавшее, что основные начала указа не подлежат обсуждению («Журнал Комитета министров» от 25 ноября и 2 декабря 1903 г.); однако Николай II утвердил особое мнение государственного контролера Лобко о сохранении сословного строя и неотчуждаемости надельной земли⁶⁰. Работы совещаний не были доведены до конца, но прав был Гурко, утверждая⁶¹, что если указ 9 ноября смог быть быстро применен, то это благодаря работе, выполненной в предыдущие годы.

Если взгляд Гурко на общину был определенно отрицательным еще до 1905 г., то отношение Кривошеина к этому вопросу следовало более сложной эволюции. Гурко пишет, что тот не принимал активного участия в Особом совещании Витте⁶² и избегал высказывать свое мнение, не желая скомпрометировать себя преждевременным выбором в вопросе, решение которого оставалось еще неясным. Не будучи «человеком от земли», как тверской и воронежский помещик Гурко⁶³, Кривошеин в силу своей чиновничьей формации привык смотреть на принцип общины как на незыблемый. По свойственной ему осторожности высказаться против общепринятого принципа он не хотел, но, будучи прагматиком, а не идеологом, а потому не тяготевшим к общине ни идеологически, ни сентиментально, он смог отойти от нее в конце 1904 г. без каких-либо комплексов. Немного спустя, в первые, решающие для будущей земельной рефор-

мы дни 1906 г. он, так же как и Гурко, иногда в сотрудничестве, иногда в плохо согласованном соревновании, предпринял конкретные шаги, чтобы сдвинуть вопрос о единоличной собственности с мертвой точки.

Эволюцию взглядов Кривошеина Гурко объясняет относительно верно, но с присущим ему скептическим уклоном, а главное, совершенно произвольно переносит окончательный отказ Кривошеина от общины на начальный период столыпинского премьерства⁶⁴. «Убедился ли Кривошеин искренне в правильности мер в пользу единоличной собственности, — писал Гурко⁶⁵, — понял ли он, что взятый тогда правительством курс останется в силе надолго и что принятие им этой точки зрения будет наиболее легким путем к завершению своей карьеры? Я склоняюсь к тому, что оба соображения правильны. Дело в том, что хотя Кривошеину недоставало глубокого знания крестьянства, он обладал исключительным умом, тонким политическим чутьем и способностью ориентироваться в самой сложной политической обстановке. Когда он собственными глазами увидел разницу между единоличной собственностью и общинным хозяйством, он не мог не понять преимущества частной собственности, а его политическое чутье подсказало ему, что это направление взято правительством твердо и что Столыпин намерен его сохранить».

Элементарная историческая справедливость требует, однако, отдать должное капитальной роли Витте в подготовке реформы, хотя ему и не суждено было осуществить ее самому.

Витте был убежденным сторонником общины в 1893 г. и всецело поддержал проведение закона 14 декабря того же года, запрещавшего выход из общины без согласия двух третей домохозяев, даже после погашения выкупного долга, как и залог выделенных в собственность наделов и их продажу лицам несельского состояния. Об этом законе председатель Комитета министров Н.Х. Бунге метко выразился, что он потушил навсегда у крестьян ясное представление о личной собственности и уважение к собственности помещиков⁶⁶. В сущности, принудительный характер общины был недавним продуктом меньшинства бюрократической верхушки, поддержанной Александром III, а защита этого принципа в начале XX века представителями либеральных течений — форменной аберрацией.

Не прошло и пяти лет, как Витте со свойственной ему проницательностью понял, что тяжелое материальное положение грозит подорвать платежеспособность крестьян, и нашел причину этого положения в правовых условиях их быта⁶⁷.

Понадобилось более трех лет, чтобы добиться наконец созыва особого совещания с участием местной общественности для обсуждения крестьянского вопроса в целом; 22 января 1902 г. было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, всего 8 дней после учреждения при Министерстве внутренних дел редакционной комиссии, в которой видную роль сыграл Гурко. Оба коллегиальных органа имели в сущности то же задание, но, в отличие от комиссии, Особое совещание под председательством Витте начало свои труды на местах в лице

губернских и уездных комитетов, при участии местной общественности, главным образом дворянства и земцев. Осенью 1903 г. местные комитеты передали собранные ими материалы в Особое совещание.

Общей тенденции в щекотливом вопросе общины не было, так как этот вопрос заинтересовал только меньшинство комитетов⁶⁸. Согласно с воззрениями общества, да и самого Витте, центр тяжести трудов комитетов был в приравнении правового и административного статута крестьянства к прочему населению, а не в вопросе общины, тогда еще не вполне созревшем. Тем не менее, вопрос существования общины был впервые поставлен перед обширнейшей аудиторией и сдвинулся с места. В составленных по указаниям Витте сводках и записках, отражавших взгляды немалой части комитетов, но еще более взгляды самого Витте, община подвергалась суровой критике и в праве выхода из нее усматривалось необходимое условие интенсивного хозяйства.

Уже в декабре 1903 г. «Вестник финансов» опубликовал краткую сводку трудов местных комитетов, утверждавшую, что из-за стеснительных правовых условий крестьянского хозяйства невозможны ни предприимчивость, ни улучшение земледельческой культуры и что этому не помогут никакие технические меры. Одним из главных стеснений является община, при которой устраняется основной двигатель материальной культуры и хозяйственный расчет сводится к тому, чтобы использовать как можно шире силы природы, вложив в землю как можно меньше, — откуда невозможность интенсивного хозяйства. Сводка, напоминая о печальных последствиях произвола случайного большинства сходов, подводила следующим образом итог пожеланий большинства комитетов, высказавшихся по вопросам крестьянского правопорядка: содействовать переходу сельских обществ к подворному и хуторскому владению, предоставив отдельным крестьянам право выделить свой надел помимо согласия мира; устранить обособленность крестьянства в правах гражданских и личных, в частности в области управления и суда.

Почти одинаковые критические суждения об общине были одновременно и независимо представлены прессой от имени чисто бюрократической «комиссии Гурко» и части провинциальных общественных комитетов, — вопрос упразднения общины ставился жизнью.

Витте изложил затем дважды свою точку зрения и точку зрения значительной части комитетов в двух «Записках по крестьянскому делу». Первая появилась во время трудов совещания, в 1904 г. Вторая, более полная, уже в 1905 г.⁶⁹ Записки были составлены, по точным указаниям Витте, будущим сотрудником Кривошеина А.А. Риттихом; они представляют собой критический разбор мнений комитетов о различных сторонах крестьянской жизни, которые нужно было изменить: суд, управление, имущественное право и, наконец, община. Составленная сводка, отражающая и личное мнение Витте, — один из самых убедительных и самых беспощадных обвинительных актов общинного землепользования.

Как это метко замечает Витте, «преклонение перед общиной предше-

ствовало ее изучению», он целиком разделяет мнение комитетов, что община и связанный с ней уравнительный порядок, не предохраняя деревню от пролетаризации, ведут к постепенной всеобщей пролетаризации через измельчание наделов. Существование сельского пролетариата на общинных землях, по данным комитетов, уже было тогда обычным явлением. Временное владение наделом — неодолимое препятствие к улучшению культур, воспитывающее самые хищнические приемы эксплуатации земли. Возражая заранее тем, кто верил в возможное превращение общин в кооперативы, Витте утверждает, что община вовсе не есть первая ступень к распространенным в Западной Европе кооперативным союзам, так как основанием кооперации является твердое право собственности, определенная доля участия в доходах соответственно размеру владения, свобода вступления и выхода из союза. Наконец община, как это ни парадоксально, меньше всего воспитывает общественное чувство, но порождает рознь. К этому Витте добавляет, что если община может быть полезна в условиях примитивного земледелия и неразвитости гражданского права, неспособного обеспечить индивидуальные права, то она совсем не является национальной особенностью русского народа; зато она имеет сходство с идеалами социализма и коммунизма. Наконец Витте приводит вывод одного из комитетов, что община убивает стимул всякой материальной культуры — сознание и уверенность, что результатами работы воспользуются сами трудившиеся. Здесь он проявляет некоторую осторожность, замечая, что подобный вывод может быть немного крайним, но что, во всяком случае, общинный порядок является тормозом культуры. Тем не менее, Витте считает, что община может быть иногда выгодна для крестьян и что не следует ни понуждать к переходу к личному владению, ни препятствовать ему. Община да будет союзом добровольным, а не принудительным; нельзя удерживать отдельных крестьян насильно в общине и надо вернуть право выхода из нее. «Вопрос о свободе выхода из общинного землепользования представляется мне основным в области упорядочения крестьянского землепользования».

Несмотря на то, что Витте не был «человеком от земли», он понял, со свойственным ему даром охватывать все стороны занимавших его дел, что выход из общины — только первый шаг к глубокому переустройству крестьянского хозяйства, завершением которого должно быть землеустройство. Предвидя, в результате выделов, замену чересполосного общинного владения чересполосным подворным, он считал, что право требовать выдела к одному месту должно быть предоставлено при переделах или когда такое желание заявлено одной третью или одной четвертью общинников. Но, в отличие от Столыпина, Витте не предвидел (а впоследствии не одобрял) обязательного разверстания целых селений, когда этого требовали две трети общинников. Эта мера более всего содействовала успеху столыпинской реформы в плане экономики: путем выдела на хутора и отруба покончить с чересполосицей и другими язвами крестьянского хозяйства. Впрочем, мысль о такой радикальной мере зародилась у Столып-

пина не в 1904 — 1905 гг., когда Витте писал свои записки, а только летом 1906 г., после того как революционный взрыв сдвинул общепринятые принципы и отношения.

Подвергнув общинный строй решительной критике, Витте в конкретном плане выказал большую осторожность. Он допускал⁷⁰, что «впредь до изменения соотношения реальных сил» придется сохранить и на будущее время сословные союзы для заведования надельными землями, состоящими в общем и общинном владении, сословную замкнутость надельной земли и ее не ответственность по долгам владельцев, сословную организацию поземельного кредита и т. д. Иначе говоря, конечной целью должно было быть приближение крестьянского правопорядка к общему и наряду с этим сохранение тех особенностей сословного строя, которые необходимы для пользы крестьян и всего государства⁷¹. Община должна быть неприкосновенна, — ни принудительного перехода к подворному владению, ни искусственного ее сохранения, — но нельзя удерживать насильственно отдельных крестьян в общине, надо вернуть им право выхода.

Проявленная Витте осторожность объясняется отчасти «соотношением реальных сил» не только в крестьянстве, но и во всем государстве, и престижем общины. Можно, впрочем, отметить, что почти все желательные для Витте ограничения вошли и в столыпинское законодательство. Сословная обособленность выделенных в единоличную собственность наделов была сохранена, вышедший из общины крестьянин мог уступить свой надел только лицу, приписанному к сельскому обществу; указ 15 ноября 1906 г., разрешая Крестьянскому банку выдавать ссуды под залог надельной земли, сохранял запрещение отдавать эти земли в залог частным лицам и обществам.

Труды комитетов обсуждались Особым совещанием между 8 декабря 1904 г. и 30 марта 1905 г. Всем руководил Витте, оппозиция справа была представлена сенатором Хвостовым, а оппозиция слева — профессором А.С. Посниковым, защищавшим общину с точки зрения народников⁷².

На заседании 22 января 1905 г.⁷³ Витте развивал мысль, что если бы предстояло устраивать быт новой, ненаселенной страны и стоял бы вопрос: что лучше, община или подворное владение — то столкнуться было бы легко в пользу личной собственности, но в России община есть факт, факта этого изменить нельзя и надо с этим считаться. Поэтому цель совещания не в том, чтобы уничтожить общину, а в том, чтобы выяснить, не следует ли устранить искусственные препятствия, поставленные законом с целью сохранения общины. Община обыкновенно противопоставляется подворному владению, но из того, что община имеет недостатки, нельзя выводить, что подворное владение заслуживает предпочтение. Нельзя возражать против облегчения перехода общинников на подворные участки, если сами крестьяне того пожелают, но такой переход не идеал.

На заседании 9 февраля Витте подвел такой итог: все мнения сошлись на том, чтобы не разрушать общину, а только устранить меры, насиль-

ственно связывающие отдельных лиц с ней, вопреки их воле. «Вопросы жизни не разрешаются росчерком пера <...> закон не в силах повернуть жизнь».

Нельзя отрешиться от ощущения некоторой академичности, навеянного этими благоразумными словами, если сопоставить их с беспощадной критикой общины в «Записке по крестьянскому делу». Нельзя упрекать Витте в том, что он отказывался упразднить общину «росчерком пера», — этого никогда не думал сделать и Столыпин, — но здесь проглядывает некоторая робость, некоторое отсутствие убежденности в спешности запоздавшего на несколько десятилетий решения. Зато, когда Витте сталкивался с убежденным, — что тогда было редкостью, — и убедительным противником общины, то он переставал быть нерешительным и выказывал ему, пусть в частном порядке, свою солидарность. Так было с Гурко, выступившим в начале 1905 г. на совещании с резкой критикой общины: «Я вполне согласен с вами», — сказал Витте, пожимая руку Гурко⁷⁴.

Спрашивается, прав ли был все же Витте, заявляя Б.Б. Глинскому, автору очерка «Граф С.Ю. Витте» («Исторический Вестник», сентябрь 1915 г., с. 894), что «все существенное, что Столыпин и Кривошеин сделали, заимствовано из трудов совещания, а главнейшее — из того, что мною намечалось»?

Ответ на это был дан ближайшим сотрудником Кривошеина, его «пером», Ив. Ив. Тхоржевским, сказавшим, что «вся столыпинская реформа и вся наша землеустроительная политика последних лет вышли из виттевского совещания»⁷⁵.

К этому нужно прибавить, что Витте попытался провести в марте 1906 г. весьма существенную часть будущей столыпинской реформы, но нельзя упускать из виду, что и пожелания совещания, формулированные Витте, и дальнейшие взгляды Витте на проблему общины, обрисованные в свете его неизменно критического отношения к указу 9 ноября, отличаются от столыпинской реформы общим замыслом, динамикой и ролью, предоставленной государству в ее проведении. Витте защищал невмешательство государства в процесс ускоренного перехода на единоличную собственность: разумеется, о ломке общины в дни совещания (1902—1905 гг.) не думали ни Гурко, ни Столыпин, но Витте придерживался своего взгляда и впоследствии. Он усматривал и позже в реформе общины, в постепенной эволюции последней при нейтральном отношении государства, только проблему агрономии и гражданского права, проблему рационального использования земли на основе личного интереса. Он не видел в ней срочной проблемы укрепления государственного строя, чем она начиная с 1905—1906 гг. стала для Гурко, Столыпина и Кривошеина и чем она, в сущности, была со времен освобождения крестьян, только этого не замечали.

Особое совещание Витте было неожиданно закрыто указом 30 марта 1905 г., так и не закончив своих трудов. Гурко видит в этом месть Горе-

мыкина за его вынужденный уход с поста министра внутренних дел 20 октября 1899 г. в результате записки Витте «О самодержавии и земстве». Записка противилась существованию земских учреждений и более либеральной политике Горемыкина, желавшего тогда распространить земские учреждения и на западные губернии⁷⁶. Горемыкин действовал, по словам Гурко⁷⁷ и Витте⁷⁸, сообща с Вл. Ф. Треповым, братом последнего, Дим. Ф. Треповым, влиятельным при дворе, а также с начинавшим тогда играть закулисную роль Кривошеиным. Горемыкин обвинил Витте в неискренности, когда тот стал критиковать общину. Из кипы стенограмм Государственного совета, принесенных курьером, он привел предыдущие высказывания Витте за запрещение погасившим выкупные платежи крестьянам выйти из общины; Витте не подозревал, что совещание будет закрыто в тот же день, — присутствовавший на совещании Гурко узнал об этом от Кривошеина.

Особое совещание стало жертвой растущего недоверия Николая II к Витте; его судьба была решена вскоре после 19 января 1905 г., когда царю была передана записка, по всем данным исходившая от Кривошеина, критиковавшая труды совещания и предлагавшая ряд реформ в пользу крестьянского землевладения путем изменения общинного строя, расширения деятельности Крестьянского банка и переселения⁷⁹.

Рескрипт 30 марта 1905 г., назначавший И.Л. Горемыкина председателем нового «Особого совещания о мерах к укреплению и расширению крестьянского землевладения», отражавший эту записку, был составлен в очень определенных выражениях относительно «охранения частного землевладения от всяких на него посягательств», как условия «упрочения земельного строя крестьян»; для этого предлагалось произвести точное отграничение надельной земли от прочих владений, «чтобы утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности частной собственности», т. е. помещичьей собственности. Выражения, касавшиеся преобразований крестьянского землевладения, не обладали этой определенностью («должны быть установлены меры к предоставлению крестьянам удобнейших, соответственно с изменившимися хозяйственными условиями, способов пользования отведенными им надельными землями»). Здесь чувствуется свойственная Кривошеину осторожность, вызвавшая неверные истолкования его отношения к общине в те дни; зато официозные издания, например близкое ему «Новое Время», определенно указывали (2 апреля 1905 г.) на то, что «уже теперь намечается в ряде ближайших работ совещания если не полное уничтожение общинного строя — в некоторых губерниях как Петербургская, Московская, Ярославская, где почти все мужское население уходит на отхожие промыслы, считается уничтожить общинный строй невозможным, — то предоставить крестьянам больше свободы в праве владения и пользования землей». Кроме того, по словам газеты, предполагалось, в исполнение рескрипта, коренным образом изменить устав банка в целях облегчения крестьянам покупки земли. Наконец рескрипт предписывал облегчить возможность переселения сельских жителей.

Направление, взятое новым совещанием, было ясно понято П.Н. Милюковым. В своей думской речи 1 ноября 1908 г., посвященной землеустроительной деятельности правительства, он утверждал, что программа трудов совещания — зародыш столыпинского законодательства. Под «предоставлением удобнейших способов пользования надельными землями» он подразумевал предоставление способов, основанных не на общинном строе — мысль, развившаяся затем в программу земельных реформ.

Программа совещания опередила на несколько месяцев известный доклад Столыпина об общине и крепком крестьянине. Кроме того, она стремилась вводить собственность на всей надельной земле, а не только на банковской или казенной, как у Столыпина.

Программа совещания Горемыкина-Кривошеина (последний сразу стал душой совещания) отличалась от программы совещания Витте своей политической окраской; Витте преследовал в свободе выхода из общины чисто экономическую цель и не искал решения аграрной проблемы в плане взаимоотношений между крестьянами и помещиками; новое совещание, наряду с экономической целью, искало смысл, как впоследствии и столыпинское законодательство, в освобождении от принудительной общины и создании класса крестьян — собственников, в покупке крестьянами помещичьей земли через банк и в переселении, в сохранении помещичьей собственности «от всяких на нее посягательств» и, тем самым, в укреплении государственного строя.

Участие в образовании и в трудах этого совещания было первым политическим шагом Кривошеина, тогда начальника Переселенческого управления. Кривошеин мог, пользуясь своим личным авторитетом, фрондировать Плеве, своего министра, когда тот репрессировал земство, но в предреволюционной атмосфере весны и лета 1905 г. этот разночинец, не владевший землей, будущий либеральный сановник, определенно решал политические и аграрные проблемы сохранением дворянского класса землевладельцев. В то же время он искал удовлетворения крестьянского земельного голода не путем неосуществимого уравнительного обеспечения землей каждого, но в качественном устройстве земельной площади⁸⁰. Эта политика отвечала к тому же воззрениям столь влиятельных при дворе братьев Треповых и благоприятствовала служебному продвижению Кривошеина: после преобразования 5 мая 1905 г. Министерства земледелия в Главное управление землеустройством и земледелием Кривошеин был назначен товарищем главноуправляющего, т. е. товарищем министра и награжден гофмейстерским мундиром, состоя «в должности гофмейстера», соответственно «генеральскому» чину действительного статского советника, полученному им в декабре 1904 г.⁸¹

Для трудов совещания должны были быть использованы материалы совещания Витте и, кроме того, опрошены сами крестьяне. В конце июля 1905 г. в «Правительственном Вестнике» появилось сообщение, оповещавшее крестьян о том, что их выборные доверенные будут призваны «для обсуждения вопросов земледельческого и крестьянского быта»⁸². Однако

в быстром ходе событий это было уже запоздалым жестом, так и не проведенным в жизнь. Совещание, не закончив своих трудов, было закрыто осенью 1905 г. по требованию Витте. Но, как на это указал советский исследователь Дубровский, учреждение этого совещания было первым шагом к столыпинской реформе (ук. соч., с. 88)⁸³.

Летом того же 1905 г. в области решений земельного вопроса всплывает имя Столыпина. В должности саратовского губернатора, Столыпин представил на Высочайшее имя отчет о положении губернии за 1904 г., в котором он с большой яркостью развивал свою точку зрения как на экономическое, так и на социально-политическое значение крестьянской единоличной собственности, и тем самым положил основание связанной с его именем реформе⁸⁴.

Некоторая фактическая неосведомленность не помешала хорошо знакомому только с подворным землевладением ковенскому помещику Столыпину четко противопоставить, политически и экономически, мужику-общиннику, которого реакционные круги считали опорой престола, крепкого единоличника-собственника, поддерживающего устой существующего строя.

«...Существует непреодолимое препятствие к обогащению и улучшению быта крестьянского населения, что-то парализует личную инициативу, самодеятельность мужика и обрекает его на жалкое прозябание. Доискиваясь причины этого зла, нельзя не остановиться на всепоглощающем влиянии на весь уклад сельской жизни общинного владения землей, общинного строя. <...> Естественным противовесом общинному началу является единоличная собственность. Она служит залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве. В настоящее время более сильный крестьянин превращается в кулака, эксплуататора своих однообщественников, — по образному выражению, — «мироеда». Вот единственный почти выход крестьянина из бедноты, видная, по сельским воззрениям, мужицкая карьера. Если бы дать другой выход энергии и инициативе лучших сил деревни и если бы дать трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искусства, земельный участок, вырезанный из государственной земли или из земельного фонда Крестьянского банка <...>, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли. <...> Такой тип уже народился в Западных губерниях».

От этих мыслей веет одновременно чем-то прозорливо-гениальным и в то же время несостоятельным. С одной стороны, ясное видение глубокого преобразования всего социального строя России путем создания зажиточного, нового класса крестьян-собственников, устойчивой опоры порядка. Зато, наряду с этим, — несостоятельны способы и масштаб осуществления столыпинской идеи. Заключительная часть записки показывает, что Столыпин вполне отдавал себе отчет в неотложности и масштабах необходимых мероприятий⁸⁵, но предлагаемое им создание сильного

класса крестьян-собственников только на казенных и банковских землях, притом в виде опыта, без того чтобы затрагивался повсеместно существующий общинный строй, привело бы к более чем скромным результатам. Придя к власти, Столыпин радикально исправил свою ошибку, а потому остается еще раз подчеркнуть коренное различие подхода к проблеме выхода из общины Столыпина и Витте. Для Витте эта проблема оставалась экономической и юридической, для Столыпина — политической и экономической.

Причину слишком робкого отношения Столыпина к общине в 1905 г. нужно искать в его провинциализме и малом знакомстве с законодательством об общине, на которое так напирает в своих воспоминаниях Гурко⁸⁶.

Вернувшись из Портсмута в зените своей славы, Витте столкнулся с революцией лицом к лицу. Было бы необоснованно понимать его разностороннюю, иногда противоречивую деятельность до и во время премьерства как выполнение заранее обдуманного и систематического плана, содержащего разнообразные и взаимозаменяемые решения проблем управления, сообразно с тем, как их ставила сама жизнь. Затруднительные и неожиданные обстоятельства нередко приводили его в замешательство, и он мог терять присутствие духа. Это особенно сказывалось при различных решениях аграрной проблемы, выдвинутых им тогда. Хотя земельный голод и был одной из глубоких причин революции, но общественное движение поставило на первое место в октябре 1905 г. проблемы политических свобод и участия общественности в управлении государством. Витте, считавший себя призванным к решению этих проблем в согласии с общественностью и пребывавший в иллюзии, что его огромный престиж позволит ему достигнуть этой цели, изложил свои взгляды в поданной 9 октября записке, составленной проф. В.Д. Кузьминым-Караваевым⁸⁷ и очень близкой по содержанию к сентябрьским постановлениям съезда земских и городских деятелей⁸⁸. Среди прочего, он коснулся и земельного вопроса. Постановления съездов высказались за частичный выкуп, т. е. за отчуждение частновладельческой земли. Неудивительно, что Витте в своей записке⁸⁹, признавая, что аграрный вопрос «далек от практического разрешения в полном объеме», предусматривал использование для этой цели казенных земель, а также «выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю <...>. Такая форма экспроприации <...> находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственной и не многим отличается от выкупа земли, например для проведения железной дороги». Ясно, что под началами «личного земледельческого труда» подразумевалась единоличная собственность. В этом у Витте скрещивались попытка удовлетворить общественные пожелания и стремление провести в жизнь уже некоторое время созревшие мысли о крестьянской единоличной собственности. Но если незадолго до того Столыпин хотел ввести единоличную собственность

только на казенных и банковских землях, не касаясь общей массы общинного землевладения, то Витте ограничивал насаждение единоличной собственности казенными, банковскими и отчуждаемыми арендными землями, не трогая находившихся в общинном землепользовании наделов. Невозможно допустить, что Витте, коснувшийся в своей записке самых разнообразных преобразований, умолчал бы о своем намерении ввести единоличную собственность и на надельных землях, если бы это входило тогда в его планы. Очевидно, он не считал своевременным вводить коренное изменение земельного строя деревни в накаленной атмосфере аграрных беспорядков. Кроме того, все направление мысли в записке, ее «кадетское» вдохновение и даже авторство, приближало графа Витте, пусть на короткий срок, к той части общественности, которая абсолютно не сочувствовала ослаблению общины.

В конце октября или в начале ноября 1905 г. Витте познакомился с запиской профессора П.П. Мигулина⁹⁰, предлагавшей довольно радикальное решение аграрной проблемы путем отчуждения половины помещичьих и казенных земель в пользу «маломочных» крестьян, переселения и неделимости подворных участков для перехода их владельцев к интенсивному хозяйству. Следовательно, проект касался только наделов, находящихся в личном, беспередельном пользовании, а не общинных, которых Мигулин вовсе не предлагал касаться. Проект получил поддержку некоторых придворных кругов, в частности Д.Ф. Трепова, так как он был созвучен паническому настроению, охватившему эти круги: Мигулин предупреждал, что если реформа не будет проведена немедленно, не дожидаясь думы, то произойдет катастрофа. Однако ни Витте, ни Совет министров не пошли по этому пути: проект был отклонен на том основании, что коренная реформа земельного распорядка не может быть принята до созыва думы, иначе было бы умалено значение акта, определившего права последней. Зато манифестом 3 ноября 1905 г. отменялись выкупные платежи с 1 января 1907 г., а с 1 января 1906 г. они уменьшались наполовину и расширялась деятельность Крестьянского банка. Непосредственной целью этих мероприятий было достигнуть, согласно с формулой Совета министров, «успокоения крестьян», но с отменой платежей открывалась наконец возможность приравнять наделы частной собственности и, тем самым, устранялось главное препятствие к выходу из общины.

В декабре 1905 г. текущая политическая ситуация снова поставила земельный вопрос на первое место. Витте поручил тогда главноуправляющему землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлеру разработать в сотрудничестве с профессором А.А. Кауфманом, близким к кадетам, новый земельный закон; Кауфман был по этому случаю назначен чиновником особых поручений. Ведомство землеустройства было учреждено 5 мая 1905 г. с более обширными полномочиями, чем существовавшее до того Министерство земледелия и государственных имуществ: ему поручалась землеустроительная политика (до того в ведении Министерства внутрен-

них дел) и к нему было присоединено Переселенческое управление, тогда как «государственные имущества» неземледельческого характера перешли в ведение ведомства торговли и промышленности. Проект Кутлера-Кауфмана⁹¹ предлагал, сохранив культурные хозяйства, экспроприировать, в первую очередь, все арендуемые земли, затем 1/5, 1/3 и 1/2 площади имений, в зависимости от их размеров, при этом устанавливался для каждой местности минимальный размер владений, не подлежащий экспроприации. Отчуждались также земли казенные, удельные, монастырские.

Объяснительная записка признавала, что это только паллиатив, а приложенная таблица показывала незначительность получаемых таким образом отрезков, а потому, отказываясь «дать полное разрешение современного аграрного вопроса», проект стремился только наделить дополнительными прирезками наиболее подверженное остроуму малоземелью «маломочное» крестьянство, «которое не нашло исхода из своей земельной нужды в неземледельческих заработках или в интенсификации своего хозяйства».

Отчуждение должно было быть произведено за справедливое вознаграждение, исчисленное на основании арендной платы или реальной доходности. Чтобы устранить из крестьянского сознания соблазн дарового наделения, суммы, выплаченные казной владельцам, должны были быть погашены с процентами крестьянами в 55-летний срок. Владельцы получали пятипроцентные обязательства Государственного казначейства.

Принцип принудительного отчуждения оправдывался запиской как единственный путь сохранить неприкосновенной прочую часть помещичьих владений. Проект не предусматривал облегчения выхода из общины, хотя записка и перечисляла, иносказательно и туманно, «внутринадельное землеустройство», как одну из основных сторон аграрной проблемы вместе с расширением крестьянского землевладения, упразднением чересполосицы и повышением производительности надельных земель. Иначе говоря, выходу из общины не был придан актуальный характер.

Что могло бы принести России осуществление кутлеровского проекта? Нельзя не отметить, что если столыпинская реформа покоилась на «ставке на сильных», то проект Кутлера можно было бы назвать «ставкой на слабейших», вовсе не на крестьянской массе в полном объеме, а на самой экономически не оправдывающей себя части крестьянства; в сущности, на «бедняцкой» части деревни, но только с совсем иной целью, чем затем у советов: ради сохранения, а не ради захвата большей части помещичьих земель, — последнее было гораздо более логичным. Кроме того, в аграрных беспорядках участвовали нередко довольно зажиточные элементы, часто владевшие вненадельной землей; как и «средняки», они не преминули бы затребовать и свою часть, следуя неписанному закону, в силу которого преимущества, полученные наименее обеспеченной категорией трудящихся, должны автоматически распространяться и на более обеспеченную; их требования, поддержанные «бедняками», разочарованными своими прирезками, привели бы к новой волне беспорядков.

В России, в отличие от Латинской Америки, где латифундии составляют часто 100 % земли, всякая частичная экспроприация могла быть, из-за ее недостаточности, только первым этапом полной; о том, что даже полная экспроприация, реализованная в 1918 г., принесла ничтожные прирезки крестьянству, будет изложено, на основании трудов советских исследователей, в конце этого раздела.

Кроме того, как это признавал Витте, финансы России не позволили бы произвести выкупную операцию согласно с проектом: «Такая мера способна окончательно поколебать и без того расшатанное финансовое и экономическое положение России»⁹².

Все это сводило на нет политические преимущества принятия правительством кутлеровской реформы, которое допустило бы, по мнению некоторых, сговор правительства с господствовавшей в первой думе партией народной свободы. Впрочем, если бы этот сговор все-таки осуществился, то земельная реформа, основанная на выходе из общины и образовании единоличной собственности на всей надельной земле, была бы, из-за враждебности к ней кадетов, похоронена надолго⁹³.

В решении судебных кутлеровского проекта Витте проявил удивительное для человека его калибра колебание: от начала до конца дело ускользало из его рук, и он вынужден был то покрывать своих подчиненных, то оставлять их в трудном положении, им же вызванном, то терпеть их открытое неповиновение. Это объясняется и тем, что он уже потерял тогда расположение Верховной власти, и тем, что «сферы» не были склонны поступиться своими имущественными правами, а также тем, что в сознании Витте решение земельного вопроса оставалось неясным. Об этом свидетельствуют различные, часто противоречивые, предлагаемые им решения, — от отчуждения до выхода из общины, как средства против отчуждения.

Если основываться на рассказе самого Витте о первой фазе судьбы проекта, то получается, что Кутлер, не выполнив полученных от премьера инструкций, допуская отчуждение в виде исключения, положил отчуждение в основу проекта. Витте, не просмотрев проекта, разослал его прочим министрам, и только ознакомившись с ним, убедился, что ввиду перемены настроений в высших сферах определенно проводимый в проекте принцип отчуждения стал несвоевременным. Ему пришлось экстренно затребовать обратно посланные экземпляры⁹⁴. Обсужденный, по просьбе Кутлера, на частном совещании Совета министров проект был осужден всеми министрами как нарушающий принцип неприкосновенности частной собственности, тогда как Витте осудил его, считая, что выкуп отчуждаемых земель окончательно поколеблет расшатанные финансы России. Он сказал Кутлеру, что будет защищать его проект только в том случае, если он докажет, что то, что он предлагает, не обессилит Россию. Проект был тогда передан междудеятельственной комиссии на пересмотр.

Это изложение первой фазы обсуждения проекта неправдоподобно в

целом и весьма неточно в отдельных, но важных подробностях. Если изложение верно, то Витте сыграл пассивную роль в капитальном вопросе того времени — в вопросе земельном — и стал жертвой своего недисциплинированного и предприимчивого подчиненного; если же изложение неверно, то, следовательно, Витте не хотел признаться, после фиаско проекта, что он был его вдохновителем. Между тем, многие свидетельства сходятся на том, что Кутлер был именно типичным представителем дисциплинированной, послушной и безынициативной бюрократии, аккуратно выполняющей инструкции начальства⁹⁵.

Различные свидетельства, в частности Гурко и Коковцова, подтверждают, какова бы ни была их тенденциозность, что проект вполне отвечал инструкциям Витте⁹⁶.

Если версия Витте судьбы кутлеровского проекта вплоть до передачи его комиссии для пересмотра вызывает сомнение, то известное чувство неловкости вызывает полное умолчание им дальнейшей судьбы проекта, решающей роли Кривошеина в его отклонении и разработанной последним аграрной программы без одобрения Витте, в ущерб авторитету главы кабинета.

Основываясь на официальных документах того времени⁹⁷, на мемуарах Витте, Коковцова и Гурко и на свидетельствах прессы, можно утверждать, что попытка решения аграрного вопроса проектом Кутлера имела следующую судьбу: рассмотрение проекта Советом министров в первых числах января 1906 г. вызвало большое разногласие, большинство высказалось против, и было решено передать проект на пересмотр междведомственному совещанию под председательством Кутлера. Нужно отметить, что это был официальный совет министров, а не частное совещание, как это утверждал Витте, стремясь придать проекту Кутлера частный, никого не обязывающий характер. Витте представил Николаю II 10 января подробный доклад об этом заседании⁹⁸, в котором он, не высказывая своего мнения, очень объективно приводит мнения как противников проекта (частичное наделение крестьян только ободрит их к захвату всей земельной собственности), так и сторонников (предпочтительно поступиться частью земель и обеспечить себе владение остальной частью). Витте предлагал представить проект на решение Государственной думы; он добавлял, что Совет министров постановил немедленно остановиться на последствиях манифеста 3 ноября 1905 г. об упразднении выкупных платежей, не дожидаясь думы, т. е. благоприятно разрешить вопрос прав крестьян на собственность их наделов и на выход из общины, «что может внушить крестьянам здравые взгляды на чужое право собственности». Для этого Совет министров предложил главноуправляющему землеустройством и земледелием образовать «Особое совещание для предварительной разработки вопросов о согласовании с Высочайшим манифестом 3 ноября 1905 г. законоположений, касающихся права крестьян на надельные земли». Это малозаметное, но историческое решение переносило наконец в область практического выполнения вопрос о выходе из общины и

тотчас получило одобрительную отметку Николая II на докладе Витте, тогда как принцип проекта Кутлера был царем не одобрен. Путь к тому, что стало вскоре «стольпинской реформой», но могло бы стать «реформой Витте», был открыт. Скорому прохождению этого пути препятствовала, помимо сопротивления сторонников общины, некоторая двусмысленность позиции Витте, умалявшая его авторитет. Вдохновив проект Кутлера, основанный на экспроприации, вынужденный отказаться от проекта, как и от автора проекта, Витте предложил проект о выходе из общины, основанный на противоположном принципе. Если вместе с Витте видеть в выходе их общины метод воспитания у крестьян уважения к чужой собственности, то принцип частичной экспроприации это уважение в их сознании вряд ли мог укрепить.

Постановление Совета министров об особом совещании при ведомстве землеустройства для разработки вопросов, связанных с выходом из общины, очевидно не было так определено, как это считал Витте, в смысле ведомственной подчиненности. Основываясь на принципе, что крестьянское законодательство находилось в компетенции Земского отдела Министерства внутренних дел, Гурко, при поддержке П.Н. Дурново, в буквальном смысле захватил в свои руки разработку этого вопроса. Когда 8 января 1906 г. исполнительный, но нерасторопный Кутлер⁹⁹ запросил министра внутренних дел, где будет собрано совещание, то ему было отвечено, что оно будет собрано при ведомстве внутренних дел и что председателем его уже назначен управляющий Земским отделом Вл. И. Гурко. Очевидно, Кутлер не решился сообщить Витте эту неприятную новость и сделал это только, когда последний, обеспокоенный его молчанием, запросил его 13 января¹⁰⁰. Витте пришлось примириться с этим, и междуведомственное совещание смогло начать свои труды 25 января¹⁰¹, с участием, в частности, А.А. Риттиха от ведомства землеустройства и А.П. Никольского от финансов, — последний был убежденным противником общины. Витте оставалось только созвать междуведомственную комиссию под председательством Кутлера для пересмотра неполучившего одобрения проекта отчуждения помещичьих земель. Но и здесь Кутлера постигла неудача. «Комиссия о дополнительном наделении крестьян и мерах борьбы с крестьянским малоземельем» (куда Витте передал также и мигулинский проект) собиралась только два раза, — 18 и 19 января, — и на втором заседании помощник Кутлера Кривошеин, присоединившись к критическим замечаниям Гурко, открыто голосовал против проекта своего начальника вместе с представителями других ведомств, тогда как другие чины его ведомства, А.А. Риттих и Г.В. Глинка, не пожелали дезавуировать своего министра¹⁰².

Этот тактический ход Кривошеина, его «шпоры политического деятеля», сразу выделили его из общей массы политически не активных бюрократов. В его житейском «послужном списке» этот шаг был единственным, совершенно отличным от его обычной тактики: никогда не выставить себя на первое место. Этого смелого шага он больше никогда не

решился повторить. Но в 1906 г., перед растерявшейся бюрократической и придворной верхушкой, Кривошеин поставил все свое будущее на «консервативную» карту и эта карта оказалась выигрышной; каковы бы ни были карьерные мотивы занятой им позиции, — а они несомненно были, — предпринятый им шаг абсолютно отвечал его тогдашним консервативным убеждениям. Консервативным, но не охранительно-неподвижным. Выдвигая себя как представителя партии сопротивления революции, — но не партии неподвижности, — он тотчас представил аграрную программу, противоположную неподвижности хотя бы потому, что она затрагивала священный принцип общины. Неудивительно, если несколько лет спустя, когда сама жизнь требовала нового направления политики, он стал представлять в правительстве «партию движения».

Предпринимая свой рискованный ход, Кривошеин мог надеяться на поддержку Верховной власти: накануне (18 января), принимая делегацию крестьян Щигровского уезда Курской губернии, Николай II заявил, что земли, принадлежащие помещикам, принадлежат им по тому же неотъемлемому праву, «как и ваши земли принадлежат вам» и «созовется дума и совместно со мной она обсудит, как это дело лучше решить». Оставленный Витте, Кутлер ушел в отставку (4 февраля 1906 г.), а Кривошеин, по настоянию царя, был назначен «временно исправляющим должность главноуправляющего», несомненно при содействии Д.Ф. Трепова. Николай II попытался навязать Кривошеина Витте окончательно, а не только впредь до назначения нового главы ведомства, но это вызвало вполне понятное противодействие со стороны премьера, наконец почувствовавшего, что дело идет о сохранении собственного авторитета. Кривошеин, благодаря своим связям в окружении Николая II, мог бы вести внутри правительства политику, отличную от политики его главы, — что он не раз делал впоследствии; когда Витте 10 февраля получил от царя «не то веление, не то прошение» назначить Кривошеина главноуправляющим, то он ответил запиской о невозможности правительства, которое не было бы солидарным по взаимным друг к другу отношениям, а к Кривошеину он не имел тех элементарных чувств, которые бы давали возможность с ним работать¹⁰³. Для вящего впечатления Витте добился поддержки всего кабинета и нельзя отнять от Витте заслуги защиты единства только что объединенного правительства, единства, которое, кстати, записка Кривошеина на Высочайшее имя от 6 августа 1905 г. считала необходимым. Замещение Кутлера затянулось до 27 февраля, когда Витте, поняв, что пока он не предложит кандидата, приемлемого Кривошеину и Трепову, пост останется незамещенным и Кривошеин будет продолжать руководить ведомством, предложил А.П. Никольского, управляющего сберегательными кассами, убежденного противника общины, к тому же осудившего проект Кутлера 19 января в комиссии¹⁰⁴.

Если Кривошеин с упорством, доходившим до обструкции, добивался получения министерского портфеля, то, помимо честолюбия, он руководствовался своим пониманием исторического момента. Он считал, что раз-

работанное им решение земельного вопроса позволит избежать экспроприации помещичьей земли и укрепит существующий строй, открывая крестьянству доступ к частной собственности. Не имея возможности получить желанную должность, он сумел использовать им самим вызванную затяжку в замещении Кутлера для того, чтобы представить общественному мнению свою аграрную программу, независимо от политики кабинета. Этот «бюрократ по крови», каковым его считали многие, понял значение общественного мнения, используя для этого не без рекламных целей свои связи с «Новым Временем».

Заменяв Кутлера, еще до его отставки, во главе комиссии, названной тогда «комиссией для рассмотрения ближайших мер к устройству земельного быта крестьян», Кривошеин приступил к составлению проекта на новых началах, — в сущности новой политики взамен отвергнутой¹⁰⁵. Он смог представить 17 февраля правительству свой проект, одобренный комиссией на заседаниях 31 января, 7 и 10 февраля. В тот же день проект был опубликован «Новым Временем».

Этот «Перечень ближайших мер к устройству земельного быта крестьян» в 10 пунктах предусматривал сначала те меры, которые могли быть проведены на основании существующего законодательства, т. е. до созыва думы: облегчение покупки частновладельческих и казенных земель крестьянами при помощи банка, широкое использование казенных земель для устройства малоземельных и безземельных крестьян, полюбовное и беспошлинное разверстание чересполосных угодий, разделение крупных сельских обществ, выполнение землемерных работ за счет казны; для осуществления этих мероприятий предусматривалось учреждение местных землеустроительных комиссий на основе привлечения местных сил и широкой децентрализации; предлагалось возобновить переселенческое движение, приостановленное войной, согласовать деятельность Крестьянского банка с ведомством землеустройства — Кривошеин и Гурко настаивали на передаче банка этому ведомству, но наткнулись на непреодолимое сопротивление Министерства финансов.

Кроме этих немедленно осуществимых мер предлагалось надлежащим ведомствам разработать и внести в думу ряд предположений об облегчении крестьянам перехода к хуторскому и подворному землепользованию и выдела в частную собственность отдельных домохозяев их участков надельной земли; об отграничении и обязательном по требованию одной из сторон разверстании крестьянской земли (т. е. разверстании чересполосицы); о предоставлении Крестьянскому банку права выдачи ссуд под залог надельной земли для внесения доплат к ссудам, выдаваемым этим банком на покупку вненадельной земли¹⁰⁶ и для уплаты вознаграждения за наделы выходящим из общества домохозяевам; о расширении переселенческого дела и поощрении вольной колонизации в отдаленных районах; наконец, о предназначении всех государственных земельных имуществ, кроме лесов, к обеспечению быта малоземельных крестьян. В то же время, предлагалось издать акт, в силу которого посягательства крестьян на частную

собственность будут преследоваться решительным образом¹⁰⁷. Нельзя не согласиться с С.М. Дубровским, что заключения комиссии составили основу законодательства Столыпина¹⁰⁸.

Необходимо также остановиться на программе деятельности землеустроительных комиссий, сформулированной в одобренном 24 февраля 1906 г.¹⁰⁹ Советом министров указе и в правительственном сообщении 4 марта¹¹⁰. Комиссиям вменялось в обязанность оказание помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него манифестом 3 ноября 1905 г. заданий по обложению покупки крестьянами земли, а также и заданий, перечисленных «Перечнем»: соглашения по устранению чересполосицы, содействие в улучшении условий землевладения и пр.

В этом сравнительно скромном начинании — в обоих документах ударение было поставлено на содействие банку и комиссиям давались только посреднические, а не обязательные для обеих сторон полномочия¹¹¹ — коренится все важнейшее, все экономически бесспорное будущей столыпинской реформы: землеустройство, как рациональное переустройство всего сельского землепользования путем упразднения чересполосицы, мелкополосицы, дальнеземелья и прочих зол, которыми оно страдало. Без упразднения этого, одни выделы в собственность не привели бы к желанной цели. Из положения о землеустройстве 4 марта 1906 г. вышел, тоже разработанный Кривошеиным, закон (положение) 29 мая 1911 г., который, давая решениям землеустроительных комиссий в вопросах, связанных с чересполосицей, отграничением и т. д., обязательный для сторон характер, дал сильный толчок росту землеустроительных работ. В указе 4 марта 1906 г. содержится начаток всей деятельности ведомства до самой революции. В 1913 г. число землеустроительных комиссий возросло от 188 в 1906 г. до 463 уездных и 47 губернских.

Если же обратить должное внимание на роль, предоставленную указом этим местным коллегиальным органам, основанным на сотрудничестве с местными силами, то будет нетрудно усмотреть в этом исходную точку общегосударственной политики, вернее политической доктрины, которую потом стремился проводить Кривошеин, согласно с его известной речью 1913 г. на тему «Мы и они».

Можно только удивиться, что Гурко в своих воспоминаниях обходит молчанием заключения комиссии Кривошеина, содержавшие сущность всей реформы.

Поставив свое решение земельного вопроса перед общественностью, Кривошеин не пренебрег поставить его и перед царем. В начале работ комиссии он подал записку на Высочайшее имя (на ней отмечено рукой Николая II, 3 февраля 1906 г.: «Заслуживает полного одобрения» <...> «Теперь же обсудить в Совете министров»)¹¹². Записка не подписана, но все важнейшие тезисы ее настолько совпадают с заключениями комиссии, что авторство Кривошеина не подлежит сомнению. Мало того, некоторые обороты записки удивительно близки к высказанным Кривошеиным семь лет спустя мыслям о невозможности управлять из одного центра и о

необходимости привлечения к этому местных общественных органов («Мы и они»). Значение, придаваемое в записке кустарным промыслам, отвечало давнишним взглядам Кривошеина (восходящим к его связям с Абрамцевым), придавшим затем им такое развитие в должности министра.

Основная мысль записки — это перенесение землеустроительного дела на места, иначе говоря, выполнение его вне бюрократического аппарата, которым, кстати, ведомство не обладало. «Для выяснения необходимых мер <...> нужно приблизиться к жизни крестьянства, никакие центральные органы достигнуть этого не в состоянии. Дело должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегияльные учреждения. Эти комиссии должны выяснить причины резкого упадка благосостояния данного селения и предложить меры для устранения препятствий, которые крестьянство испытывает к более плодотворному использованию <...> своей земли». Среди предлагаемых мер указывается на устранение чересполосицы, развитие мелкого кредита, покупку частновладельческих земель, переселение <...>. Но существует и другая область важных решений: законодательство о порядке землепользования надельной, общинной землей. «Укрепление в сознании крестьянства понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто <...> посредством облегчения каждому члену общины выделиться из ее состава с участком надельной земли <...>. Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он сознал всю чудовищность экспроприации чужой собственности. Манифест 3 ноября 1905 г. о выкупных платежах облегчает это дело. В сущности, с изданием манифеста вопрос этот предрешен и правила могут быть изданы до думы». По неясным причинам, это утверждение не было принято во внимание комиссией, предложившей внести предположение о выходе из общины на рассмотрение думы. Вероятно, что большинство комиссии сочло неуместным игнорировать prerogative будущей думы, взгляд, разделяемый тогда самим царем, как это показывает его заявление щигровским крестьянам.

В то же время — и об этом говорится в самом начале записки — предлагалось пресекать аграрные беспорядки лишением их участников права на содействие Крестьянского банка в покупке помещичьей земли, тем более что эти беспорядки не оправдывались малоземельем, так как в них участвовали нередко владельцы нескольких десятков десятин внеадельной земли. «Разумеется, этим нельзя ограничиться; отрицать крайне бедственное положение некоторой части крестьянства невозможно».

Записка сыграла важную роль в судьбе столыпинской реформы. Она дала Николаю II, долгое время привязанному к принципу общины, ясное представление о возможности иной аграрной политики, и он это понял, отсюда его неуклонная поддержка Столыпину и Кривошеину в земельном вопросе.

Эта поддержка была тогда последнему крайне необходима. Витте не только противился назначению его на место Кутлера, но и стремился урезать полномочия ведомства, оставляя за ним одно земледелие. Мемория

Совета министров от 17 февраля¹¹³ предлагала передать все землеустроительное дело Министерству внутренних дел под предлогом, что ведомство земледелия не обладало необходимыми для землеустройства органами: Однако, прочитав «особое мнение» по этому вопросу Кривошеина, апеллировавшего к нему, чтобы защитить и свою политику и свое положение, Николай II одобрил именно это особое мнение и попытка кончилась неудачей.

Одобрив, не без давления «свыше», опубликованный 4 марта указ, учреждавший землеустроительные комиссии, Совет министров постановил зато вопросы, по мнению комиссии Кривошеина подлежавшие рассмотрению думы (т. е. выход из общины), не обсуждать, под предлогом, что надлежащим ведомствам уже была поручена их разработка, т. е. отдавалось предпочтение только что законченному проекту Особого совещания Гурко. Дело в том, что одновременно с Кривошеиным Гурко энергично подготовлял на созданном, несколько произвольно, под его председательством совещании согласование крестьянского законодательства с манифестом 3 ноября 1905 г. Это относилось, первым делом, к выделу наделов в частную собственность, а также распространению операций Крестьянского банка на наделные земли. Около 22 февраля проект был передан Витте, с которым Гурко его не раз обсуждал¹¹⁴. Витте, который был тогда в дурных отношениях с Кривошеиным и в хороших отношениях с Гурко, отдал предпочтение проекту последнего. Для этого имелись и причины объективного характера: кривошеинский проект был правительственной программой, осуществимой, в основном, только после созыва думы, тогда как проект Гурко позволял немедленное решение вопроса. Гурко убедил Витте, крайне удачно формулировав цель проекта, как согласование действующих узаконений с манифестом 3 ноября, утверждая очевидность того, что, упраздняя выкупные платежи, манифест автоматически приравнивал общинные наделы к обычной частной собственности, а потому санкции думы не требовались. Укрепление наделов за выходящими из общины могло быть сделано на основании 12-й статьи положения о крестьянах 1861 г., с соблюдением временных правил, разработанных комиссией. Эти правила разрешали выдел наделов, состоящих в фактическом пользовании, заменяя тем самым статьи 12 и 106 положения о выкупе, позволявшие выкупившим свой надел требовать его выдела соразмерно с долей их участия в приобретении надела; при отсутствии регистрации выкупных платежей отдельных домохозяев вычислить это в 1906 г. было невозможно, и без замены этого принципа принципом фактического пользования выдел надела был неосуществим¹¹⁵. Кроме того, проект устанавливал, что в обществах, где не было переделов за последние 24 года, «укрепленцы» должны платить обществу за возможные «излишки», которые могли бы у них образоваться из-за сокращения их семьи. Эти временные правила — прототип указа 9 ноября.

Став тогда вполне определенно на точку зрения необходимости быстрого решения аграрного вопроса путем образования крестьянской едино-

личной собственности, Витте защищал перед Государственным советом (еще дореформенного состава) политические и экономические преимущества выхода из общины, могущего отвлечь крестьян от экспроприации частной собственности помещиков¹¹⁶. Он был тогда далек от кутлеровского проекта и от своей записки 9 октября 1905 г. Министром внутренних дел были внесены 10 марта 1906 г. на рассмотрение Государственного совета «временные правила», разработанные Гурко, и Витте защищал их на заседании соединенных департаментов законов и государственной экономики, возражая тем, которые считали, что решение принадлежит только думе. По его мнению, в думе «крестьянской массой будут руководить всякие авантюристы, кои, обещав ей земные блага, поведут ее куда угодно. Крестьяне будут заняты одной мыслью, одним требованием — получить <...> прибавку земли и нужно еще до думы открыть им иную перспективу: независимую, отдельную, личную собственность». Однако 18 марта соединенные департаменты 23 голосами против 17 высказались «против общей ломки крестьянского быта накануне созыва думы». Они сочли невозможным устанавливать новые правила о выходе домохозяев из общины, т. е. решать крестьянский вопрос без участия самих крестьян. Среди голосовавших против, как это подтверждает Гурко, были и сочувствовавшие реформе, но не находившие уместным нарушать прерогативы думы¹¹⁷.

Попытки скорого решения земельного вопроса зимой 1905 — 1906 гг. не удалось, отчасти из-за косности правящих кругов, а отчасти оттого, что Витте, Гурко и Кривошеин действовали несогласованно; однако ничто из подготовленного не было сделано напрасно: оно легло в основу указа 9 ноября 1906 г.

Нужно еще добавить, что, согласно с заключениями комиссии Кривошеина, правилами 10 марта было возобновлено приостановленное войной переселенческое движение.

Убедившись в том, что вопрос о выходе из общины тогда еще не созрел, Кривошеин отказался от предложенной ему в апреле 1906 г. должности главноуправляющего в кабинете Горемыкина, в образовании которого он, по словам Гурко¹¹⁸, сыграл вместе с Д.Ф. Треповым и самим Горемыкиным решающую роль. Со свойственным ему политическим чутьем он почувствовал, что брать на себя всю ответственность в земельном вопросе было рискованно, так как успех его политики не был обеспечен. Назначенный тогда главноуправляющим А.С. Стишинский сохранил свою должность всего 3 месяца, а оба предшественника последнего, Кутлер и Никольский, прошли, как тени, еще скорей. Довольствуясь сохранением должности товарища главноуправляющего, Кривошеин, как бы в компенсацию, был назначен 6 мая 1906 г. членом Государственного совета.

Подготовка земельного законодательства продолжалась в неустойчивой и напряженной атмосфере весны и лета 1906 г. и изложение ее подробностей не входит в мою задачу. Кривошеин принимал участие в ней в качестве ближайшего сотрудника Стишинского, когда-то его начальника по Переселенческому управлению. До недавнего времени убежденный сто-

ронник общины, Стишинский сильно изменил свои взгляды за последние месяцы и, продолжая желать спасти общину от разрушения, признал необходимость поощрения единоличной собственности. Но капитальную, решающую роль сыграл Гурко, на этот раз с полным успехом (он был назначен товарищем министра внутренних дел 20 марта 1906 г., при П.Н. Дурново). Его главная заслуга состояла в том, что, соединяя дипломатию с упорством, он сумел убедить еще неопытного Столыпина в неотложности проведения реформы и преодолеть частые колебания последнего. Возможно, что Гурко преувеличивал эти колебания и некомпетентность Столыпина в вопросе общины, но они были¹¹⁹. Можно верить Гурко, что Столыпин отмалчивался, при Горемыкине, в ходе обсуждения земельного вопроса кабинетом, сознавая свою неосведомленность в общинном законодательстве; в мае 1906 г. Столыпин представил Совету министров отвергнутый Государственным советом проект Витте—Гурко, но не защитил его, когда Горемыкин воспротивился его внесению в думу, не по принципиальным соображениям, а на том основании, что дума все равно его отвергнет¹²⁰ (Горемыкин тогда уже вполне ясно определил земельную политику правительства на заседании Думы 13 мая 1906 г.: «Должны отпасть все ограничения права собственности на надельные земли, которые были установлены для исправного погашения выкупного долга»). Наконец Гурко удалось убедить Столыпина и Горемыкина: Совет министров одобрил 5 июня и внес в думу 10 июня проект, разработанный совместно ведомствами внутренних дел и землеустройства¹²¹, но целиком основанный на трудах Особого совещания Гурко (январь—март 1906 г.); как указано выше, связь этих трудов с трудами Особого совещания Витте 1902—1905 гг. и комиссией Гурко 1902—1905 гг. несомненна. Законопроект был полнее указа 9 ноября 1906 г. и закона 14 июня 1910 г., так как он не только открывал двери к крестьянской единоличной собственности, но и придавал более рациональный характер общине там, где она была жизненна. В полной согласованности с взглядами Витте в его «Записке» 1905 г. предлагалось выделить земельные общества, т. е. превращенные в свободные земельные союзы бывшие общины, из местного управления, оставив за ними исключительно заведование делами, относящимися к землеволодению, и вручить руководство ими выборным земельным старостам, обязанным отчетностью только перед обществом и не состоящим в подчинении местным властям. Общество (мир) становилось частноправовым союзом, каждый член которого мог требовать выдела своей доли земли или уплаты денежной компенсации. То, что относится к единоличной собственности выделенных или сведенных к одному месту наделов, вошло в указ 9 ноября, кроме автоматического перехода в собственность наделов, общин, где в течение 24 лет переделов не производилось¹²². Одобренное в начале 1907 г. кабинетом Столыпина преобразование общины в свободный земельный союз так и не прошло через законодательные учреждения.

С премьерством Столыпина (9 июля 1906 г.), потребовавшего увольнения Стишинского, разработка земельной реформы сосредоточивается

в междуведомственной комиссии при Министерстве внутренних дел, учрежденной 9 августа под председательством Гурко. Колебания Столыпина, однако, прекратились не сразу. С одной стороны, принимая в первые дни после роспуска первой думы А.И. Гучкова и Н.Н. Львова, которому он хотел поручить портфель землеустройства, Столыпин изложил свои аграрные проекты, основанные на выходе из общины¹²³, но затем, ища соглашения с кадетами, он склонялся, тайно от Гурко, к отчуждению помещичьих земель и земель императорской фамилии. Это явствует из сказанного им тогда графу А.А. Бобринскому: «Вам придется расстаться с частью вашей земли, граф!»¹²⁴.

Наконец осенью 1906 г. колебания Столыпина кончились; Гурко, передавший ему 1 октября разработанные комиссией законопроекты, убедил его не только принять безоговорочно «стольпинскую реформу», но поставить ее в основание его общегосударственной политики и проводить эту социально-политическую меру огромного масштаба со всей силой своего волевого упора.

Заседание Совета министров 10 октября 1906 г. было поворотным пунктом принятой Столыпиным земельной политики. Правда, Столыпин в ходе прений предоставил целиком Гурко защищать проект, что, вероятно, объясняется тем, что он не был уверен, что сможет достаточно компетентно защищать техническую сторону проекта¹²⁵. Сам принцип выхода из общины не оспаривался, но возражения встретило применение 87-й статьи. Главноуправляющий землеустройством кн. Б.А. Васильчиков был сторонником свободного выхода из общины; он был убежден¹²⁶, что «она не заслуживает больше покровительства», но противился ее ликвидации без одобрения думы (применение 87-й статьи он назвал «смертным приговором над общиной»). Как и Коковцов, он ссылался на недавние царские обещания сохранить неприкосновенность общины¹²⁷, тогда как семь других министров одобрили решение Столыпина и аргументы Гурко, как одобрил его и сам Николай II («Согласен с мнением председателя и семи членов»). Закон был обнародован, но тогда Коковцов воспротивился указу 15 ноября 1906 г., разрешавшему Крестьянскому банку открывать ссуды под залог надельных участков. Он занял тогда позицию, характеризующуюся чисто формальным, бухгалтерским подходом к вопросу, затрагивающему всю социальную структуру России. В письме Столыпину, он отказывался разрешить эти операции, не желая брать на себя ответственности, если дума в будущем не утвердит указа 9 ноября. Энергичный ответ Столыпина заставил его уступить¹²⁸.

С этого времени начинается исполнительная роль Кривошеина в проведении земельной реформы: 6 октября 1906 г. Столыпин поручает ему заведование Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками вместе с должностью товарища министра финансов, в ведении которого находились оба банка. Это назначение совпало с значительным расширением деятельности Крестьянского банка, ставшего, по преимуществу, исполнительным органом государственной земельной политики.

Деятельность банков развивалась как в области расширения крестьянского землевладения, так и укрепления действительно рентабельного частного владения, сохранение которого Кривошеин считал необходимым для экономического развития России и сохранения ее культурного облика. Зато скупка банком нерентабельных, а иногда продаваемых из страха экспроприации помещичьих земель приняла такой оборот, что на съезде Объединенного дворянства в 1909 г., когда эта продажа уже чувствительно сократилась, Гурко назвал этот процесс — самым энергичным осуществлением программы социалистов-революционеров. На 53 миллиона десятин помещичьей земли предложено было банку между 1906 и 1909 г. 14,5 миллиона десятин, а куплено 3,4 миллиона, причем банк поддерживал довольно высокие цены, чтобы не дезорганизовать рынок и не разорять помещичий класс в целом. В 1907 г., когда банк был все время руководим Кривошеиным, было куплено 1191 имение (против 522 между 1895 и 1905 гг. включительно) с общей площадью 1520 тысяч десятин (против 961 т. дес. за весь период 1895 — 1905 гг.)¹²⁹.

Для выполнения выпавшего на его долю задания Кривошеину пришлось преодолеть огромные затруднения. Банк совсем не был приспособлен к землеустроительной работе и не имел подготовленного для этого персонала на местах. Теперь деятельность банка должна была направляться на продажу отдельным крестьянам — а не целым обществам — разбитых на мелкие участки помещичьих имений, притом участков, могущих составить жизненные хозяйственные единицы¹³⁰. С этой целью в июле 1907 г., наряду с обыкновенными отделениями и конторами, были созданы первые особые отделения на местах, с участием представителей ведомств внутренних дел и землеустройства, которые в сотрудничестве с землеустроительными комиссиями должны были согласовать инструкции банка с местными условиями. Неудивительно, что продажа земли крестьянам была начата с большой осторожностью. Зато уже в 1907 г. сильно разрослись ссуды на покупку крестьянами земель непосредственно от частных владельцев. (Одно время стало объектом критики территориальное распределение покупок помещичьих земель: покупались для продажи крестьянам имения в восточных районах, где, в отличие от западных районов, спрос на землю был невелик, что задерживало ликвидацию земельного фонда банка. Однако такая политика была основана на заселении восточных областей выходцами из перенаселенных западных губерний.)

Однако выполнение этой осторожной программы продолжало встречать затруднения в области ее финансирования со стороны Коковцова. На этот раз он столкнулся не только со Столыпиным, но и с Кривошеиным, своим же товарищем министра, энергично проводившим через его голову политику Столыпина. По словам Коковцова¹³¹, земельный вопрос остро встал в связи с желанием расширить деятельность Крестьянского банка и отвести ему более активную роль в удовлетворении крестьянской нужды в земле. «Здесь в первый же день сказывается влияние на Столыпина А.В. Кривошеина и желание передать земельный кредит министерству

земледелия. Оба они настаивали на большей активности в разрешении сделок крестьян с банком». Коковцов утверждал, что сберегательные кассы не могли поглотить закладные листы, выдаваемые помещикам за проданные земли, и противился финансированию частными банками. В конце концов он был вынужден частично уступить, согласившись на выдачу помещикам именных свидетельств повышенной доходности, но не котированных на бирже, пока улучшение денежного рынка не позволило вернуться к котироваемым закладным листам.

Весной 1908 г. для Кривошеина наступил час выбора, как он наступил и для Столыпина, так как сама возможность проведения реформы ставилась под вопрос, нужно было положить конец «несогласованности регистров» между политикой Столыпина, твердо решившегося проводить «свою» реформу без малейших колебаний, и нерешительной позицией, занятой кн. Васильчиковым; задание превосходило силы последнего, а кроме того, у него не хватало авторитета, чтобы получить необходимые кредиты от Коковцова. Весной 1908 г. стало ясно, что дело нуждается в убежденном и энергичном руководителе, что сознавал и сам Васильчиков, выразив желание уйти в отставку. Столыпин предложил должность Кривошеину¹³²; в архивном фонде в ЦГИА в Ленинграде сохранилось письмо Столыпина, приглашавшее Кривошеина в правительство, и черновик ответа Кривошеина, отказывавшегося «из-за отсутствия ораторского таланта», могущего затруднить его отношения с думой. В конце концов, Кривошеин принял предложенную должность, «на недолгий срок». Очень скоро он увлекся работой и со свойственной ему энергией стал преодолевать стоявшие на его пути препятствия, благодаря исключительно удачному подбору сотрудников, неизменной поддержке Столыпина и, что необходимо признать, Николая II, не проявлявшего в этой области своих обычных колебаний (21 мая 1908 г.)¹³³.

Далее будут приведены фактические данные, отражающие работу Кривошеина во главе ведомства, а также разнообразные отзывы о ней. Теперь хотелось бы указать на некоторые характерные штрихи его деятельности. Успешность ее в области земледелия признавалась политическими противниками его землеустроительной деятельности, причем успешность эта достигалась несмотря на то, что бюджет ведомства, включая землеустройство и переселение, составлял, из-за противодействия министра финансов, всего 4,77 % общегосударственных расходов, даже в 1914 г.¹³⁴ Между тем, Кривошеин был, казалось, абсолютно некомпетентным в этой области, не имея в прошлом никакого отношения к технике сельского хозяйства. Этот успех противопоставлялся плачевным результатам, достигнутым Х.С. Ермоловым, министром земледелия до 1905 г. в течение доброго десятка лет, знатока агрономии европейского масштаба, оставившего своим преемникам «захудалое царство зеленой скуки, песчано-овражистые делопроизводства, покрытые плесенью департаменты...»¹³⁵

Нельзя также пройти мимо плодотворной работы ведомства в области кустарного промысла. Тут, сотрудничество с обществом — думой, зем-

ством, отдельными меценатами — было исключительно тесным. По словам А.П. Наумова (воспоминания, т. 2, с. 384), «Кривошеин сумел привлечь к кустарям сердца русских законодателей <...>. Благодаря этому стали насаждаться кустарные школы, устраиваться грандиозные выставки». В марте 1913 г. петербургская выставка обнаружила высокий уровень производства. Председатель жюри этой выставки, Е.П. Ковалевский, сыграл видную роль в содействии кустарному делу в думе и в земстве. Под влиянием Кривошеина, С. Т. Морозов создал кустарный музей в Москве.

Но если достигнутые Кривошеиным крупные успехи объясняются тем, что он преобразил работу ведомства, то и работа ведомства преобразила его. Чтобы выразить это, лучше всего дать слово Вл. И. Гурко, мнение которого тем более веско, что в первой части своих воспоминаний он отзывается о Кривошеине с подчеркнутым недоброжелательством и беспощадной строгостью. К уже приведенным критическим замечаниям можно прибавить данную им общую характеристику моего отца¹³⁶. «По-моему, наиболее характерной чертой его было желание взять от жизни все лучшее, что можно от нее взять, не стесняясь средствами. Кривошеин поставил себе эту цель в молодости и преследовал ее неуклонно». Но вот что пишет Гурко о моем отце после назначения министром: «Мне хотелось бы описать происшедшую в нем перемену <...>. Когда Кривошеин достиг целей, поставленных его честолюбием, и был назначен главой важного Министерства, то он коренным образом изменился <...>. Это была настоящая метаморфоза <...>. Застенчивость, сокрытие своих политических взглядов, все это рассеялось. Для достижения своих целей Кривошеин по-прежнему прибегал к своей обычной тактике приобретения и расширения связей, но теперь уже не ради своих личных интересов, а для выполнения вверенного ему задания, — развития сельского хозяйства, и он повел это дело с искренним интересом и увлечением <...>. Он излагал свои цели с ясностью и определенностью и в достижении их выказал глубину мысли подлинного государственного деятеля. Он проявил также дарование организатора и администратора и добился удачного подбора одаренных, дельных сотрудников, предоставляя им большую свободу действия в подробностях и сохраняя за собой только общее руководство <...>. Он обладал даром отличать существенное от второстепенного. Он был требовательным начальником, но не скупился на похвалу и поощрение тем, кто выполнял его директивы с умом и усердием. Он обладал даром приобретать людское расположение»¹³⁷. А.П. Наумов, тоже отзывавшийся о Кривошеине без особой симпатии, пишет, что он обладал способностью подбирать себе талантливых, дельных сотрудников, качество, являющееся, по его словам, одним из основных условий успеха всякого государственного деятеля¹³⁸. Его описание высшего персонала ведомства, во главе которого Наумов стал в 1915 г., есть своего рода портретная галерея выдающихся, компетентных работников. Не без остроумия формулировал эту способность Кривошеина и Николай II: «А.В. Кривошеин был умелым антрепренером»¹³⁹.

Элементарная добросовестность требует упомянуть хотя бы о самых близких его сотрудниках, неразрывно связанных с успехами, достигнутыми главой ведомства во всех областях. Среди многих других таковыми были Гр. В. Глинка, граф П.Н. Игнатьев, А.А. Риттих, П.П. Зубовский, Д.Н. Любимов, Н.В. Грудистов, С.Н. Чаев...

Руководясь исключительно критерием дельности, Кривошеин подбирал своих сотрудников из самых разнообразных кругов, зорко следя за тем, чтобы в награду за свое усердие они занимали почетное место в российской табели о рангах, а по возможности и награждались столь ценным придворным мундиром. Это было провинциальное дворянство, служилый элемент, техники-разночинцы, а также и «инородцы» (поляки и др.). Нельзя не отметить в общей массе Давида Самуиловича Флексера, думается, единственного в русской бюрократии некрещеного еврея, достигшего «генеральского» чина действительного статского советника и, следовательно, потомственного дворянства.

Доверяя своим подчиненным, Кривошеин стремился сохранить их доверие и, не подражая дурному навыку очень многих «начальств», не присваивал чужих открытий и достижений и не умалчивал об их авторах. Это относилось и к внешним сотрудникам ведомства, влагавшим свой вклад в землеустроительные работы. А.П. Наумов, будучи еще членом самарской землеустроительной комиссии, рассказывает¹⁴⁰ о том, как он докладывал Кривошеину о весьма удачном и новом решении щекотливого вопроса внутринадельной разверстки в одном из селений Самарской губернии. Кривошеин с неослабным интересом выслушал сообщение, назвал его «открытием Америки», попросил Наумова доложить об этом лично Государю и взялся устроить ему Высочайшую аудиенцию («Считаю, что вы лучше меня ознакомите его со всеми подробностями дела»).

⁴⁸ Д.Н. Любимов, «События и люди», ф. 1947, Центральный государственный литературный архив в Ленинграде, частично появилось в эмиграции в газете «Возрождение» в Париже.

⁴⁹ «Аграрный вопрос в Совете министров, 1906 г.», Сборник документов, под редакцией Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета и В.М. Фриче, Госуд. издательство Центархив, вып. 4. М., 1924, с. 5.

⁵⁰ «Последние Новости», 1 ноября 1921 г., Париж, некролог А.В. Кривошеина («...человек крупного ума и несомненных дарований — покойный сыграл печальную роль в событиях последних двадцати лет. В значительной мере А.В. Кривошеину обязана Россия нежеланием правительства Столыпина произвести аграрную реформу на базе положений М.Я. Герценштейна. Именно А.В. Кривошеин выдвинул тогда проект хуторского хозяйства...»). В действительности «сорван» был им проект Кутлера, а не Герценштейна, против проекта Герценштейна с успехом выступал Гурко.

⁵¹ «Последние Новости», 25 ноября 1931 г. Зато П.Н. Милюков, как явствует из его речи 1 ноября 1908 г. в думе, был хорошо осведомлен о роли Гурко как в предыстории, так и в истории столыпинской реформы.

⁵² С.М. Дубровский, Столыпинская земельная реформа, М., Академия Наук, Институт истории, 1963.

⁵³ Эта комиссия часто неточно обозначается «комиссией Плева», хотя инициатива ее учреждения принадлежит Д.С. Сипягину и она пережила Плева. Обыкновенно напирается на реакционное, по сравнению с Особым совещанием Витте, направление ее трудов в области сохранения сословной обособленности крестьянства и недостаточно подчеркивается ее роль в столыпинском законодательстве (например, в «Из новейшей истории крестьянского вопроса», «Вестник Европы», СПб., апрель 1909, с. 99–103).

⁵⁴ Гурко, «Features and Figures of the Past», Stanford 1939, с. 131.

⁵⁵ Дубровский, ук. соч., с. 71, довольно неточно излагает историю комиссии. Он относит к Особому совещанию Витте указ 14 января 1902 г., как и манифест 26 февраля 1903 г. (с. 79), составленный Гурко именно для этой комиссии, а также и указ 8 января 1904 г. (с. 77) о сохранении общины, предназначенный губернским совещаниям комиссии, а не местным комитетам Особого совещания.

⁵⁶ «Контрабандой, но с государственной печатью», по выражению Гурко (ук. соч., с. 159), так как всякая принципиальная критика общины была тогда немыслима в официальном документе.

⁵⁷ 18,6 % всей надельной земли в коренной европейской России (23,3 % всех дворов).

⁵⁸ «Новое Время», 25 ноября и 7 декабря 1903 г.

⁵⁹ Гурко, ук. соч., с. 217–220; «предыстория» манифеста не лишена интереса: его первоначальный текст был составлен кн. В.П. Мещерским (письма Николая II Мещерскому между 18 апреля 1902 г. и 14 января 1903 г., изданные И. Виноградовым — см. главу «Роль кн. В.П. Мещерского»). Однако в последнюю минуту царь поручил Плева составить окончательный текст, что и было выполнено Гурко при участии Д.Н. Любимова. Текст Гурко был менее реакционным, чем текст Мещерского, противника упразднения круговой поруки, что обещалось манифестом и было осуществлено 12 марта 1903 г.

Вопрос о круговой поруке — характерный пример колебаний Николая II. Здесь сталкиваются влияния Витте и Мещерского. Упразднение круговой поруки было единогласно принято 24 апреля 1902 г. Государственным советом благодаря настойчивости Витте; журнал заседания пролежал почти год без движения у царя, не решавшегося ни утвердить его, ни отвергнуть («Дневник» Половцова, «Красный архив», т. 3, 24 апреля 1902 г. и т. 3, 30 декабря 1902 г.). Витте объяснял задержку влиянием Мещерского («Дневник» генерала Куропаткина, «Красный архив», т. 2, с. 31, за 16 февраля 1903 г.), что подтверждается письмом Николая II от 8 августа 1902 г., благодарившего Мещерского за его «предупреждение в вопросе о круговой поруке».

⁶⁰ «Вестник Европы», май 1909 г., с. 100–103.

⁶¹ Там же, с. 167 и 168.

⁶² Ук. соч., с. 153 и 194.

⁶³ Все, что мой отец знал о земле по опыту, сводилось к пребыванию во время летних каникул в имении польского помещика Ячиновского, отца

его одноклассника Станислава Ячиновского, впоследствии адвоката и члена первой думы от польского населения.

⁶⁴ Гурко (ук. соч., с. 194) пишет, что Кривошеин осудил общину только на одном заседании Совета министров в 1907 г., в котором он участвовал в качестве управляющего поземельными банками. Земельные проекты Кривошеина в феврале 1906 г. и его назначение Столыпиным во главе Крестьянского банка в октябре 1906 г. опровергают это утверждение.

⁶⁵ Гурко, с. 194.

⁶⁶ П.А. Зайончковский, «Российское самодержавие в конце XIX века». М., 1970, с. 202–203. Витте боялся, что выходы из общины подорвут ее платежеспособность в области выкупных платежей, — выходили зажиточные. Но его благожелательное отношение к общине покоилось также на славянофильских основах его мировоззрения (М.Н. Энден — «Граф С.Ю. Витте», «Возрождение», Париж, январь 1971 г., № 228, с. 85).

⁶⁷ Доклад о государственной росписи 1899 г. («Воспоминания», т. 2, с. 497, М., 1955).

⁶⁸ Согласно сводке А.А. Риттиха, будущего министра земледелия, приведенной С.С. Ольденбургом в его труде «Царствование императора Николая II», Белград, 1939, т. 1. с. 184, из 482 уездных комитетов 113 высказались за упразднение общины, 32 за ее сохранение, 11 уклонились от ответа, из 49 губернских 12 высказались за ее упразднение, 10 за ее сохранение и 6 воздержались; следовательно, две трети уездных комитетов не заинтересовались этим вопросом и менее четверти высказались определенно против общины; тем не менее, противники общины составляли большинство высказавшихся.

⁶⁹ Издательство «Общественная Польза», почти целиком воспроизведена у Б.Б. Глинского, «Гр. С.Ю. Витте», «Исторический Вестник», август 1915, с. 542–553.

⁷⁰ «Вестник Европы», «Из новейшей истории крестьянского вопроса, апрель 1909, с. 629.

⁷¹ Глинский, ук. соч., с. 554.

⁷² Гурко, ук. соч., с. 334.

⁷³ «Вестник Европы», ук. очерк, с. 625.

⁷⁴ Гурко, с. 334. Гурко видел уже тогда в крепком крестьянстве новый класс помещиков, призванный усилить старый (речь Милюкова в Думе, 1 ноября 1908 г.).

⁷⁵ Газета «Возрождение», Париж, 3 марта 1936. Тхоржевский утверждает, что А.А. Риттих, исполнитель столыпинской реформы во главе департамента землеустройства, тоже вышел из «виттевского совещания».

⁷⁶ Гурко, с. 337–338; того же мнения был и А.А. Половцов («Дневник», «Красный архив», т. 4, с. 69, 28 сентября 1905).

⁷⁷ Ук. соч., с. 337–338.

⁷⁸ «Воспоминания», т. 1, с. 440, 443 и 538 («Горемыкин, Кривошеин и Трепов взорвали совещание, представив его как революционный клуб»).

⁷⁹ «Новое Время», 2 апреля 1905 г. Гурко и Витте называют Кривошеина как одного из вдохновителей упразднения Особого совещания Витте и учреждения Особого совещания Горемыкина, деятельным членом которого он стал. «Новое Время», в котором Кривошеин имел друзей, утверждает, что вопрос этот был обсужден 19 января, когда через Министерство внутренних дел была подана (очевидно, царю) записка «одного из административных лиц», практически знакомого с положением крестьян-

яинства. Эта характеристика хорошо применима к Кривошеину-чиновнику не министерского ранга, знакомому с крестьянским вопросом по службе в министерстве внутренних дел. О его роли в этом маленьком «перевороте» упомянули Витте и Гурко, причем по свидетельству Гурко (с. 335–336) из «кружка» братьев Треповых-Кривошеина исходили подаваемые на Высочайшее имя записки на различные темы, и это применимо к записке 19 января 1905 г. Д.Ф. Трепов был назначен петербургским генерал-губернатором 11 января 1905 г., но до того Кривошеин был в сношениях с его братом Вл. Ф. Треповым.

Витте (как и Гурко) до крайности запутывает историю нового совещания, утверждая вопреки истине, что целью совещания было «проводить <...> идею общинного землевладения» (т. 2, с. 392). Что касается до «упрочения земельного строя крестьян», о котором говорится в рескрипте 30 марта, то это было одним из трафаретных заверений сохранения общинного строя в целом, необходимых для разработки законодательства, позволявшего выход из него.

⁸⁰ Т. е. так, чтобы в оптимальном использовании своей производительности каждый участок земли нашел бы своего лучшего, «настоящего» хозяина. В. Вошинин, «Колонизационное дело при А.В. Кривошеине, Петроград, 1915, с. 5.

⁸¹ Едва ли нужно напоминать, что Мещерский, пребывавший тогда в немилости, не имел никакого отношения к этому назначению, как и к назначению Кривошеина «исправляющим должность главноуправляющего» в феврале 1906 г.

⁸² «Вестник Европы», май 1909, с. 99 и след.

⁸³ Приблизительно того же мнения был Preyer, «Die Russische Agrarreform», Iena, 1914, с. 151.

⁸⁴ «Красный архив», т. 17, с. 81–82.

⁸⁵ «Переживаемые ныне бурные события в деревне, являющиеся грозным предостережением, заставляют меня доложить <...> как страстно ждет земледельческий класс осязательных результатов предначертаний Ваших»... Он также говорит о сословной ненависти, царящей в деревне.

⁸⁶ Гурко, ук. соч., с. 461. Но нельзя преувеличивать эту «некомпетентность». Столыпин был тогда мало осведомлен об общине, чувствуя некоторую неуверенность в решении этого вопроса в плане юридического, но основная мысль его будущей реформы — сведение крестьянского землевладения на отруб и хутора — применялась им на практике уже несколько лет, в условиях подворного строя в Ковенской губернии. По свидетельству А.Ф. Гирса, уездного понежежского предводителя дворянства, в 1901 г. Столыпин, будучи тогда губернским предводителем, приводил в порядок тамошнюю земельную неурядицу. «У нас нет закона, облегчающего переход на отрубное хозяйство, но мне, — говорил Столыпин, — удалось склонить крестьян многих селений <...> к разверстанию чересполосицы и некоторые уже живут на хуторах, как соседние курляндские фермеры» (газета «Возрождение», Париж, 5 сентября 1936 г. «Памяти Столыпина»).

⁸⁷ Е.Д. Черменский, Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970, с. 140.

⁸⁸ Там же, с. 119.

⁸⁹ «Красный Архив», «Из архива С.Ю. Витте», т. 11/12, 1925, с. 58.

⁹⁰ «Вестник Европы», май 1909, с. 106–107; М.Н. Энден — «Граф С.Ю.

Витте», «Возрождение», Париж, январь 1971, с. 96.

⁹¹ Полный текст проекта Кутлера и объяснительная записка к нему опубликованы в брошюре «Аграрный вопрос в Совете министров...» (см. прим. 49), с. 27—28 и 42—51. О проекте: М.Н. Энден, ук. соч., с. 96.

⁹² Витте, ук. соч., т. 3, с. 201.

⁹³ Достаточно вникнуть в заявления таких кадетских лидеров, как А.И. Шингарев, Фед. Из. Родичев и П.Н. Милюков, сделанные в 1908 и 1910 г., при обсуждении столыпинской реформы в палатах, чтобы убедиться в принципиальной враждебности их к ослаблению принудительной общины.

Советские историки, например Дубровский (ук. соч., с. 148—151), пытаются, по доктринальным соображениям, доказать, что оппозиция кадетов была чисто тактической, направленной против методов проведения в жизнь реформы, но все изложение фактов тем же Дубровским доказывает обратное. Так, он приводит брошюру А.И. Чупрова «По поводу указа 9 ноября», доказывавшую преимущества общинного владения над личным, речь Шингарева в думе в 1908 г., призывавшую «оставить общину в покое, оставить этот исторический процесс идти, как он идет», выступление М.М. Ковалевского (Ковалевский не был кадетом, но входил в «академическую группу» верхней палаты, очень близкую по направлению к партии к.д.) в Государственном совете во время обсуждения земельного проекта, указывавшего на риск пролетаризации деревни в случае исчезновения общины. Но наиболее ярко обрисовывает отношение кадетов к общине внесенный ими законопроект в 3-ю думу. Выдел с землей допускался только с разрешения общества, которое могло заменить выдел денежной выплатой. Общество могло даже не отвечать на просьбу в течение трех лет. В сущности, эта программа была близка правительственным актам 1890-х годов, прикрепившим крестьян к общине, но тогда существовало препятствие к выходу из общины в виде выкупных платежей.

В общем, на рубеже XIX и XX веков умеренно-либеральные, близкие к земству круги сочувствовали облегчению выхода из общины и переходу к подворному владению, поскольку это отвечало либерализации крестьянского состояния, наряду с такими мерами, как распространение на него общегражданского права. Этим объясняется позиция земской группы в Комиссии по вопросу об упадке центра, работавшей под председательством В.Н. Коковцова в 1901 — 1903 гг. Однако осенью 1905 г. либеральная общественность, ставшая вскоре партией народной свободы, потеряла не только интерес, но и сочувствие к выходу из общины, видя решение аграрного вопроса исключительно в частичном отчуждении помещичьих земель.

⁹⁴ Витте, Воспоминания, т. 3, с. 199—201.

⁹⁵ Гурко, ук. соч., с. 325, «Кутлер мог с легкостью принимать окраску учреждения, в котором он служил <...> и был вполне способен приобрести типичную ведомственную лояльность. Я считаю, что это было самой главной чертой его характера. Он был добросовестным работником и верным исполнителем мыслей и инструкций других людей, но у него не было собственных убеждений <...> Когда ему приказали составить проект частичного отчуждения частных владений, он приложил весь свой талант к этому новому заданию. Вследствие неудачи этого проекта и коварства Витте, приписавшего ему инициативу составления проекта,

Кутлер был вынужден оставить государственную службу».

⁹⁶ Коковцов, Из моего прошлого. Париж, 1933, т. 1, с. 129–130, передает, как после того как Вильгельм II выразил ему свое удивление по поводу «чистейшего марксизма», содержащегося в русских аграрных проектах, он справился у Витте и получил такой ответ: «Император совершенно прав, что такой проект существовал, но только в голове милейшего с вами друга Кутлера, но как только он мне его представил, я тотчас же уничтожил его и просил об этой безобразной мысли и не заикаясь, так как нужно быть сумасшедшим, чтобы самому начать рубить сук, на котором сидишь». В январе 1906 г. Коковцов встретил Кутлера и спросил его, как мог он решиться на составление проекта о принудительном отчуждении. Нисколько не уклоняясь от ответа, Кутлер сказал ему: «Мне приказал С.Ю. Витте, и я должен был повиноваться <...>, а вот когда дело провалилось, то все отпихивают от себя ответственность и говорят, что выдумал его Кутлер; мне ничего не оставалось, как просить гр. Витте уволить меня».

⁹⁷ «Аграрный вопрос в Совете министров, 1906 г. .

⁹⁸ Там же, с. 77–80.

⁹⁹ Там же, «Отношение» Кутлера от 8 января.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ «Новое Время», 12 и 25 января 1906 г.

¹⁰² «Новое Время». 15 и 21 января, а также 4 февраля 1906 г. В «Новом Времени» появились (8, 11 и 13 января) неподписанные статьи, приписываемые Кривошеину, о необходимости развить у крестьян «живой инстинкт собственности», лучший оплот против коммунизма. При общине это невозможно. Частичное отчуждение — путь к полному отчуждению.

¹⁰³ Витте, Воспоминания, т. 3, с. 204–205: «Не могу допустить в министерство, в котором я председатель, лиц, делающих себе карьеру не прямым путем». Также с. 210. О записке Кривошеина см. главу «Объединенное правительство» настоящего труда.

¹⁰⁴ Накануне назначения Никольского Кривошеин был принят в Царском Селе — необычное царское внимание к временному возглавителю ведомства.

¹⁰⁵ «Новое Время», 7 февраля 1906 г. «После крушения проекта г. Кутлера Главное управление приступило к составлению нового проекта, на основах, не имеющих ничего общего с принудительным отчуждением частновладельческих земель. Непосредственное руководство этой работой принял на себя А.В. Кривошеин». Гурко участвовал в этой комиссии, как представитель Министерства внутренних дел, руководя в то же время Особым совещанием при этом министерстве для разработки мер, облегчающих выход из общины после упразднения выкупных платежей. Часто смешиваются эти два органа.

¹⁰⁶ Для покупки вненадельной земли банк выдавал ссуды ниже стоимости приобретаемого участка; выдача ссуд под залог надельного участка позволила бы довести размер ссуды до 100 % стоимости. Указом 15 ноября 1906 г. банку было предоставлено право выдавать ссуды под залог надельной земли.

¹⁰⁷ Проект манифеста об отказе кредита банка на покупку земли участникам беспорядков Высочайшего одобрения не получил («Аграрный вопрос в Совете министров...»).

¹⁰⁸ «Аграрный вопрос в Совете министров...», с. 5.

¹⁰⁹ «Новое Время», 26 февраля 1906 г.

¹¹⁰ «Новое Время», 8 марта 1906 г.

¹¹¹ Скромный масштаб начинания был придан ему против воли Кривошеина: правительственное сообщение появилось уже когда полномочия последнего по управлению ведомством кончились. Однако, с возглавления Кривошеиным ведомства в 1908 г., основным заданием комиссий стала именно работа в области землеустройства. Комиссии состояли из предводителя дворянства, председателя земской управы, представителя ведомства, члена окружного суда, трех выборных от крестьян и представителя данной общины.

¹¹² «Аграрный вопрос в Совете министров...».

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Гурко, с. 453.

¹¹⁵ «Новое Время», 5 января 1906 г., статья Р. Пестржицкого, сотрудника Гурко по Земскому отделу.

¹¹⁶ Витте впоследствии не только отказался от этой социально-политической цели реформы, но и резко осудил ее, утверждая, что она была поставлена Столыпиным по соображениям полицейским, а не государственным (Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 325).

¹¹⁷ «Дневник» Половцова, «Красный архив», 1923, т. 4, с. 96; Дубровский, ук. соч., с. 101; М.Н. Энден, ук. очерк, с. 94—95; Гурко, ук. соч., с. 451.

¹¹⁸ Гурко, с. 456; Гурко ошибается, утверждая, что Кривошеин предпочел в апреле 1906 г. должность заведующего обоими поземельными банками министерскому посту: эту должность он получил только в октябре 1906 г.

¹¹⁹ Гурко, с. 461, 463 и 474.

¹²⁰ Там же, с. 474—475.

¹²¹ Проект воспроизведен «Новым Временем» 11, 14, 15, 16 и 17 июня 1906 г. Правительственное сообщение 20 июня, несомненно руки Гурко, излагало политику власти, направленную к созданию класса крестьян-собственников, и доказывало, на основании цифр, несостоятельность экспроприации.

¹²² Указ 9 ноября не сохранил эту статью, а в окончательной редакции закона 14 июня 1910 г. автоматический переход беспередельных общин на единоличную собственность был предвиден для общин, где переделы не производились с 1861 г., эта мера коснулась 3,5 миллионов дворов, т. е. около трети общинников.

¹²³ Воспоминания А.И. Гучкова, «Последние Новости», Париж, 16 авг. 1936 г.; там хронологическая невязка: свидание переносится на лето 1907 г.

¹²⁴ Гурко, с. 496.

¹²⁵ О заседании 10 октября говорится у Гурко, с. 500—501, но в особенности у Дубровского, ук. соч. с. 122—123 и 126.

¹²⁶ Его последующее «отношение» Совету министров от 19 октября 1906 г. (Дубровский, с. 122—123).

¹²⁷ В особенности на манифест 26 февраля 1903 г.

¹²⁸ Дубровский, ук. соч., с. 126. В своих воспоминаниях («Из моего прошлого», Париж, 1933, т. 1, с. 226) Коковцов глухо передает этот эпизод. Согласно с указом 9 ноября 1906 г., свободное право выхода из общины сопровождалось укреплением надела в личную собственность по фактическому пользованию в момент выхода; там, где переделов за предыдущие 24 года не производилось, за «излишки» выплачивалось обществу

по выкупной цене, крайне выгодной для укрепляющихся («излишки» получались при сокращении численности мужской части семьи). Всякий домохозяин, за которым укреплены участки, имеет право, по статье 12, во всякое время требовать выдела, взамен его участков, соответственного участка, по возможности к одному месту; по ст. 13, когда требование выдела к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным, обществу предлагается удовлетворить желающего деньгами. Ввиду того, что срок выплаты не указывался, выдел к одному месту отдельных членов оставался проблематическим. По закону 14 июня 1910 г., выдел отдельных членов к одному месту становился обязательным, когда за это высказывалась одна пятая членов общества. При общих переделах, по ст. 14, выдел к одному месту участков хозяев выразивших это желание, был обязателен, без права для обществ заменять выдел деньгами. Переход целыми общинными селениями к владению по отрубным участкам совершается по приговору двух третей членов во всякое время. Устанавливался принцип личной, а не семейной собственности.

¹²⁹ Дубровский, ук. соч., с. 319–325.

¹³⁰ Preyer, «Die Russische Agrarreform», Iena, 1914, с. 309–311.

¹³¹ Ук. соч., т. 1, с. 226.

¹³² Столыпин знал Кривошеина давно; мать Кривошеина, Юлия Ивановна, рожденная Яшинская (1908 г.), и сестра, Ольга Васильевна, впоследствии Морозова (в 1953 г. в Париже), проживали в Гродне, когда Столыпин был там губернатором.

¹³³ «Мая 21. Двора Нашего в должности гофмейстера, члену Государственного Совета, Товарищу министра финансов, заведывающему Дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками, действительному статскому советнику Кривошеину — Всемилоостивейше повелеваем быть Главноуправляющим Землеустройством и Земледелием, с оставлением членом Государственного Совета и в должности гофмейстера» («Правительственный Вестник», суббота 24 мая 1908 г.).

¹³⁴ Например, И.П. Демидовым, известным кадетским деятелем («Последние Новости», Париж, ноябрь 1921 г., № 489).

¹³⁵ И.И. Тхоржевский, Былое и люди, газета «Возрождение», Париж, 30 ноября 1932 г.

¹³⁶ Гурко, с. 192.

¹³⁷ Гурко дает эту характеристику в двух местах своих воспоминаний — с. 195–197 и с. 517, причем второй раз иногда буквально повторяет сказанное раньше. Здесь эти два отрывка слиты в один.

¹³⁸ «Из уцелевших воспоминаний», Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 143.

¹³⁹ Там же, с. 493.

¹⁴⁰ Там же, с. 142–143.

По тонкому льду реформ...

ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Столыпинская реформа преследовала двойную цель: создание класса крестьян-собственников (цель социально-политическую и психологическую) и коренную перестройку сельскохозяйственной территории, иначе говоря, землеустройство, причем, если вторая цель имела самостоятельное значение, то первая получала реальное значение только при достижении второй. Слишком часто в изложении хода реформы первая цель, то есть укрепление наделов в собственность, отделяется от второй, больше того — в укреплении усматривается всё содержание и значение реформы, статистики часто ограничиваются цифрами, к укреплению наделов относящимися. Между тем, если бы реформа свелась к простому юридическому выделению отдельных домохозяев путем укрепления за ними наделов, то она не только не создала бы крепкого класса собственников, но, укрепляя вместе с наделом и «аршинную» чересполосицу, переделами иногда ослабляемую, привела бы к экономически отрицательным результатам. По замыслу реформы, по замыслу автора указа 9 ноября Гурко, укрепление оправдывалось только землеустройством. Поэтому нужно поставить на первое место не число укреплений, а число и площадь землеустроенных хозяйств. К землеустроительному процессу, в частности к образованию состоящих в единоличной собственности хуторских и отрубных, в хозяйственном отношении самостоятельных земельных единиц, укрепительный процесс имел весьма слабое отношение: из общего числа укрепившихся

«на полосах» (т. е. с сохранением чересполосицы) двух миллионов домохозяев, только 200 000, т. е. 10 процентов, выделилось на хутора и отруба, а около миллиона продало свои укрепленные участки, тогда как землеустроительным путем, без предварительного укрепления, было образовано на надельной и банковской земле более 1,3 миллиона хуторов и отрубов¹⁴¹. Указ 9 ноября имел значение огромного психологического шока, вызвавшего процесс преобразования земельного строя из общинного в единоличный, но полноту реального значения он получал только, когда позволял целым селениям, без предварительного укрепления наделов, переходить на хуторское и отрубное хозяйство путем разверстания их угодий (см. прим. 128; напомним, что «укрепление» было выделом надела в собственность с выдачей соответствующих крепостных актов). С тех пор как проведенный по инициативе Кривошеина закон 29 мая 1911 г., дополнявший указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 г., предоставил и отдельным домохозяевам право выдела на хутора и отруба без предварительного укрепления надела, укрепительный процес потерял уже всякий интерес и не лишен был отрицательных последствий. Усматривать в статистических показателях укрепительного процесса конкретное выражение результатов реформы, как это делается почти повсеместно, уже потому ошибочно, что за последние годы перед войной правительство перестало поощрять укрепительный процесс. Можно сказать, что те, кто после 1911 г. укрепляли без землеустройства, делали это по побуждениям далеким от проявления собственнического инстинкта: желание удержать земельные излишки, которые из-за уменьшения численности семьи были бы от них отняты при следующем переделе; продажа, главным образом ради переселения или из-за бедности, не позволяющей вести хозяйство. В этом отношении указ 9 ноября имел большое положительное значение, «раскрепостив» от земли деревенский пролетариат и полупролетариат и позволив ему искать работу в городах, в период промышленного подъема. Неудивительно, что с исчерпанием этих элементов, а также и тех, которые продавали укрепленные наделы, чтобы купить лучшие вненадельные земли при помощи банка, количество укреплений падало каждый год. Это дало повод ошибочно утверждать, что осуществление реформы приняло неудовлетворительный оборот. В действительности, с 1911 г. центр тяжести реформы переносится на землеустройство.

Нужно еще отметить, что кривошеинское землеустройство, понятое как упорядочение земли, затрагивало не только укрепляемые в собственность земли, но и остающиеся в общине, там, где последняя была жизненна, а также и подворные, вовлекая в землеустроительный процесс все русское крестьянство. Разумеется, и общинное землепользование было бы постепенно вовлечено в процесс образования личной собственности в силу очевидной экономической выгоды отрубного хозяйства.

Как известно, земельная реформа проводилась одновременно ведомством внутренних дел и ведомством землеустройства; первому подлежало рассмотрение ходатайств об укреплении наделов в собственность местным административным аппаратом, от земских начальником до губернаторов, при участии членов губернских присутствий и учрежденных при них особых совещаний. Ведомству землеустройства подлежала вся собственно землеустроительная часть, работа на местах проводилась местными землеустроительными комиссиями, которые, по мысли Кривошеина, состояли из представителей админис-

трации и представителей местных сил. Такое крупное начинание, как земельная реформа в ее целом, было осуществимо только при единоначалии, а потому, при абсолютном доверии Столыпина к Кривошеину, последнему была предоставлена полная свобода действий, а затем, особое положение Кривошеина в кабинете только закрепило за ним фактическое руководство делом¹⁴².

Решающую роль землеустройства в земельной реформе отлично понимал сам Столыпин, неоднократно напоминая об этом чинам ведомства внутренних дел на местах и призывая их сотрудничать с ведомством землеустройства. В частности, открывая в начале января 1909 г. съезд членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий¹⁴³, Столыпин напомнил, что им «надлежит проникнуться убеждением, что укрепление участков лишь половина дела, даже лишь начало дела, и что не для укрепления чересполосицы был создан закон 9 ноября. Вам придется теперь обеспечить успех второй стадии: отвод участков к одним местам, внутринадельное устройство крестьян. В этом деле вам придется работать рука об руку с ведомством землеустройства <...>. Вот почему я приношу глубокую благодарность его высокопревосходительству главноуправляющему, пошедшему навстречу совместному обсуждению назревших в области землеустройства проблем».

Несмотря на поощрения, даваемые указом 9 ноября, разверстка чересполосных участков и сведение их к одному месту, выдел на хутора и отруба, столкнулись вначале с огромными трудностями, отчасти связанными с трехпольем; кроме того, большое количество домохозяев ограничилось захватом на выгодных условиях надела и не приступало к разверстанию чересполосных участков¹⁴⁴. Тем не менее, землеустроительное движение, хотя и не повсеместно, сдвинулось постепенно с мертвой точки и все ускоряющимся темпом стало обгонять и заменять собой простое укрепление наделов. Хотя оно стало чувствительно разрастаться на третий год проведения реформы (1909 г.), но решительный толчок был дан законом 29 мая 1911 г., разработанным ведомством землеустройства на основании практического опыта почти пяти лет применения реформы. Этот закон значительно расширил полномочия землеустроительных комиссий, ставших из посреднических своего рода судебными органами, решения которых были обязательными в вопросах разверстания чересполосицы, отграничения смежных владений и пр., там, где не было добровольного согласия всех сторон; кроме того, для проведения землеустроительных работ больше не требовалось предварительного укрепления земли в личную собственность в случае отдельного выдела, и землеустроительные комиссии могли выдавать на отведенные ими земли документы, имеющие значение крепостных актов. Их полномочия простирались теперь не только на надельные, но и на купленные крестьянами вненадельные земли. «С изданием нового закона, — заявил Кривошеин в Государственном совете 31 марта 1911 г., — масштаб землеустроительных работ еще повысится; кроме надельных земель в круг работ войдут свыше 30 миллионов десятин, прикупленных крестьянами, и все мелкое, некрестьянское землевладение, а в отдельных случаях и части смежных частных владений.

С изданием закона явится возможность лечить затяжные, а иногда и прямо опасные недуги, врачевать ту область, где добровольное соглашение недостижимо и где земельная неурядица дает себя чувствовать особенно больно. Изданные положения о землеустройстве особенно своевременно, так как особенно

важно не упустить того периода, когда еще имеются налицо все данные для осуществления наиболее решительно и наиболее целесообразно землеустройства. История аграрных законов повторяется. По этому пути прошли все страны Запада, и до сих пор нигде не возникло сожаления о принятых в этом направлении мерах. Наоборот, немецкое, например, хозяйство именно благодаря этим мерам, в течение полувека двинулось дальше вперед, чем за всё предыдущее тысячелетие»¹⁴⁵.

Кроме того, 3-я статья положения (закона) ставила крест над неприкосновенностью надельного земельного фонда и выбрасывала на рынок для свободной продажи те земли, которые еще закон 14 июня 1910 г. признавал необходимым сохранить исключительно в руках крестьян, а именно отрубные владения, составленные из выделенной из общины надельной и из ненадельной, т. е. прикупной земли. Иначе говоря, достаточно было крестьянину прикупить хотя бы десятину к своему сведенному к одному месту наделу, чтобы этот надел стал обычной частной собственностью, для которой открывались возможности частного поземельного кредита. Считалось, что один факт сведения своего надела к одному месту и прикупки вненадельной земли указывал на кредитоспособность владельца нового участка. Часто упускается из виду, что реформа в своей первой версии (акты 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г.) не признавала за выделенными в единоличную собственность наделами основного свойства всякой частной собственности: права быть проданными кому угодно. Выделенные наделы сохраняли свою сословную замкнутость, т. е. могли быть проданы только членам сельских обществ¹⁴⁶. Цены на надельную землю были ниже цен на вненадельную. Первая версия нового закона сохраняла целиком это ограничение, и только по настоянию Кривошеина оно было упразднено в окончательном тексте для смешанных надельных и вненадельных участков, несмотря на оппозицию справа и слева. Приравнение этих смешанных владений к частной собственности подымало их цену — покупщиком мог быть теперь не только местный кулак без конкурентов — и было непременным условием всякого частного кредита; только с упразднением невзыскаемости надела за долги мог развиваться частный кредит на мелиорацию, без которого повышение земледельческой техники оставалось недостижимым. Круг деятельности Крестьянского банка ограничивался облегчением покупки земли.

Значение инициативы Кривошеина станет понятным если вспомнить, что для многих она была недопустимым нарушением священного принципа неприкосновенности надельного земельного фонда, не оспариваемого ни Витте, ни Столыпинам. Немного позже проницательный ум Витте понял анахронизм этого пережитка в быстром развитии товарности сельского хозяйства, и во время обсуждения земельного закона Государственным советом в марте 1910 г. он защищал полное приравнение всей надельной земли к обычной частной собственности. Инициатива Кривошеина не шла так далеко хотя бы потому, что это полное приравнение не имело никакого шанса быть принятым, но она касалась наиболее развитой части крестьянства, которая прикупала вненадельные земли и сводила свои наделы и прикупные земли к хуторам и отрубам.

Принятие законопроекта совпало со съездом по землеустроительным делам, который одобрил 20 мая 1911 г. новый наказ землеустроительным комиссиям, основанный на новом законе. Если новый закон и превращал комиссии в арбитров неразрешенных споров, то Кривошеин напомнил съезду не-

обходимость ограждать добровольное согласие всего населения на землеустройство, «которое должно красной нитью проходить через всю деятельность землеустроительных учреждений. <...> Было бы совершенно ненормальным проводить те меры, которым не сочувствуют владельцы земли. Какие бы полномочия ему ни давал закон, именно только то землеустройство имеет цену, польза которого признается и одобряется всем заинтересованным населением»¹⁴⁷. Закрывая съезд, Кривошеин сказал, что «сознавая, что лучшие правила могут быть выработаны при участии местных сил, непосредственных участников съезда, он внес свои предположения на рассмотрение последнего. Все предстоящие работы будут предприниматься в тесном единении с местными деятелями, голос и совет которых будет выслушиваться с особым вниманием. Все работники по землеустройству не должны забывать, что на их долю выпадает громадная работа и счастье положить основание поземельному переустройству сельской России»¹⁴⁸.

Издание закона и нового землеустроительного наказа придало новую ориентацию проведению земельной реформы. Вместо формального укрепления наделов предпочтение отдается целому ряду землеустроительных операций, выгодных как становящимся собственниками («участковым хозяйствам»), так и остающимся при общинном строе селениям («групповые хозяйства»). Из этого последовало сильное уменьшение ходатайств о простом укреплении на основании актов 1906 и 1910 гг. и, напротив, бурное нарастание заявлений о землеустройстве в рамках закона 1911 г., из которых половина приходилась на образование отрубных и хуторских участков. Это отвечало интересам крестьян, получавших в собственность уже землеустроенные участки, и поощрялось правительством. Так, циркуляром министра внутренних дел от 11 марта 1914 г., № 11,¹⁴⁹ разъяснялось, что с введением в действие закона 29 мая 1911 г. «укрепление и удостоверение»¹⁵⁰ наделной земли <...>, как необходимое условие для дальнейшего устройства этих земель, уже утратило самостоятельное значение, так как закон 29 мая не делает различия между землей укрепленной и общинной, распространяя землеустроительные действия одинаково как на ту, так и на другую». Местным властям, в интересах землеустройства, предлагалось избегать «какого-либо искусственного поощрения крестьян к предъявлению излишних ходатайств об укреплении и удостоверении»¹⁵¹. Эта процедура предоставлялась только крестьянам, не хотевшим воспользоваться землеустройством¹⁵², тем более что акты землеустроительных комиссий «имели ту же силу и значение крепостных документов, что и документы, выданные в порядке закона 14 июня 1910 г.»¹⁵³.

Здесь представляется уместным привести основные цифровые данные, отражающие проведение реформы в жизнь. Однако ввиду того, что почти исчерпывающие статистические данные были приведены уже С.М. Дубровским в его капитальном труде «Столыпинская земельная реформа» (М., Изд-во АН, 1963), на основании первоисточников (Статистический ежегодник России за 1915 г., Петроград, 1916, Отчеты о деятельности землеустроительных комиссий, Результаты переписи 1916 г.) здесь будут приведены только самые характерные цифры.

УКРЕПЛЕНИЕ НАДЕЛОВ В СОБСТВЕННОСТЬ

(по 40 губерниям Европейской России с общинным строем)
к 1 января 1916 г.¹⁵⁴

Подано ходатайств о выходе из общины	Закончено укрепление (число дворов)	Окончательно укрепленная площадь (в десятинах)
2 755 663	2 008 432	14 123 000
Затребовано удостоверительных актов на наделы беспередельных общин	Выдано удосто- верительных актов	Удостоверенная площадь
618 000	469 792	1 796 000
<hr/> 3 373 663	<hr/> 2 478 224 (а)	<hr/> 15 919 000

Обыкновенно цифрой (а) выражают результаты реформы; цифры, относящиеся к землеустроительным работам, выражают эти результаты гораздо более правильно, тем более что 914000 укрепившихся продали свои наделы.

В итоге это составляет, по 40 губерниям Европейской России с общинным строем, 26 % дворов, для которых оформление в собственность было закончено, 36 % с учетом незавершенных ходатайств; окончательно было выделено из общины только путем укрепления и удостоверения 15,8 % общинной земли.

Стремление к землеустройству, т. е. к упорядочению всей крестьянской земли, как общинной, так и подворной, приняло столь стихийный характер, что завершение работ, гораздо более сложных, чем простое укрепление наделов в собственность, вначале сильно задержалось, но отставание стало затем быстро сокращаться. Несмотря на ограниченное количество технического персонала, ежегодно устроенная площадь возросла с 132,5 тысяч десятин в 1907 г. до 2,9 миллионов в 1911 г. и 3,9 миллионов в 1914 г.¹⁵⁵.

При общем числе 14,6 миллионов наделных дворов по 47 губерниям Европейской России¹⁵⁶, на 5,8 миллионов домохозяев, подавших заявления о землеустройстве, подготовка к выполнению их просьб заканчивалась в 1915 г. для 3,5 миллионов¹⁵⁷, были завершены и юридически утверждены землеустроительные операции для 2,3 миллионов домохозяев¹⁵⁸; фактически же к 1 января 1915 г. было завершено в натуре, включая установку межевых знаков, но частично еще не утверждено землеустройство 2 485 тысяч наделных дворов на площади в 21 311 225 десятин¹⁵⁹. Это составляло 16,8 % наделных дворов и 17,2 % площади наделной земли, без казачьей. Следовательно, в 1915 г. из 14,6 миллионов домохозяев 23 % (3,4 миллиона) было уже вовлечено в укрепительный процесс, а 40 % (5,8 миллиона) в различный от него землеустроительный процесс, как «участковый» (хутора и отруба), так и «групповой» (реорганизация общин), причем оба процесса были завершены на площади, превосходящей территорию Италии. В том же 1915 г. законченные с 1907 г. «участковые» работы, т. е. образование хуторов и отрубов, достигли цифры

1,25 миллиона дворов¹⁶⁰, — около половины всех землеустроительных работ¹⁶¹. Значительность доли «групповых» работ объясняется тем, что они прежде всего касались тех общин, где выдел в единоличную собственность был неосуществим без предварительных операций. Так, из «групповых работ» 65,8 % приходилось на раздел угодий, принадлежавших сообща нескольким (так называемым «одноплановым») селениям, где запутанность земельных отношений и связанная с ней хозяйственная неурядица достигали огромных размеров: всего 2,2 % землеустроенных в единоличную собственность дворов входили в состав этих селений; кроме того, доля площади, отведенной в собственность путем землеустройства (61,3 %), была выше доли устроенных в собственность дворов (около 50 %), что объясняется повышенным интересом к владению хуторами и отрубам у более зажиточных крестьян. В укрепительном процессе, напротив, доля укрепленной площади была ниже доли укрепивших ее выделом из общины хозяев: часто укрепляли хозяева нерентабельно малых наделов, чтобы затем их продать. Во всяком случае, о пропорциях «участкового» и «группового» землеустройств можно судить только по законченным к 1914 — 1915 гг. работам — немного более трети подготовляемых.

Интересно сравнение движений ходатайств об укреплении и заявлений о землеустройстве по годам¹⁶²:

Укрепление (в тысячах)		Землеустройство
1907 г.	212	219
1908 г.	840	380
1909 г.	650	705
1910 г.	341	650
1911 г.	243	678
1912 г.	153	1226
1913 г.	160	1106
1914 г.	120	829
1915 г.	36	
<hr/>		<hr/>
2755		5793

Сокращение укреплений было компенсировано стихийным влечением к землеустройству. Характерно почти удвоенное количество заявлений о землеустройстве в 1912 г. вследствие закона 29 мая 1911 г. Сокращение заявлений в 1914 г. было вызвано войной.

Сравнение развития укреплений наделов с землеустроительным процессом по географическим зонам позволяет установить следующие тенденции¹⁶³: 1) Там, где укрепление развивалось особенно успешно (правобережная и степная Украина, Белоруссия, Нижневолжский край), интерес к землеустроительным работам был ниже среднего, что отчасти объясняется сравнительно меньшим, чем в центральных районах, распространением чересполосицы; усиливая общую тенденцию к выходу из общины, значительное большинство землеустроительных работ в этих областях были тоже направлены к образованию единоличной собственности. 2) В других областях относительно успешному развитию укреплений соответствовала такая же тенденция землеустроительных работ,

однако, в отличие от предыдущей группы, с сохранением общины, главным образом потому, что раздел угодий одноплановых селений должен был предшествовать всем другим операциям¹⁶⁴.

Необходимо еще остановиться на категории крестьян-общинников, так называемых «стародушников», входивших в те общины, где переделов с 1861 г. не производилось. По закону 1910 г. наделы крестьян этой группы автоматически признавались их единоличной собственностью, причем желающие оформить свои права могли затребовать соответствующие «удостоверительные акты», однако не дававшие дополнительных прав. Таковых было затребовано 618000 до 1915 г., при общем числе 3 489 898 общинников-беспередельников в 1911 г., составивших около трети всех общинников; значительность последней цифры показывает, насколько процесс отмирания общины повсеместно зашел далеко¹⁶⁵.

Основываясь на авторитетном труде П.Н. Першина «Участковое землепользование в России» (М., 1922), образование на основе единоличной собственности хуторов и отрубов, которое нельзя смешивать с укреплением наделов в собственность без сведения их к одному месту, выразилось следующими цифрами (к 1916 г.):

Число хуторов и отрубов (в тысячах)	Площадь (в тысячах десятин)
на надельной земле	265,5
на банковской земле	280
на казенной земле	13,5
1 559,0	15 396,4

Необходимо учесть, что эта завершенная часть землеустройства составляла немногим более 40 % подготовляемой тогда и близкой к завершению земельной реформы.

Избегая двойного счета, можно считать, что завершенное к 1916 г. укрепление и удостоверение наделов в собственность и образование хуторов и отрубов на одной только надельной земле равнялось около 20 % этой земли, как общинной, так и подворной. Если же к этому прибавить площадь, принадлежащую общинникам-беспередельникам в собственность без удостоверяющих актов, то окажется, с учетом еще неземлеустроенного подворного надельного землевладения, что в момент революции более половины надельной земли — около 60 % — уже принадлежало на основе единоличной собственности крестьянскому сословию, которое продолжало активно выделяться из общинного строя, как об этом свидетельствуют еще не завершённые землеустроительные и укрепительные работы.

О том, что дало бы России землеустройство, показывает правительственное обследование, произведенное в 1913 г. по 12 уездам различных районов Европейской России, опубликованное затем отдельной книгой под названием: «Землеустроенные хозяйства. Сводные данные сплошного по 12 уездам подворного обследования хозяйственных изменений в первые годы после землеустройства» (Петроград, 1915 г.)¹⁶⁶.

На основании результатов обследования, коснувшегося 22399 устроенных в единоличную собственность (хутора и отруба) хозяйств, можно сделать следующие выводы: особенно сильно сократилась мелкополосица: после землеустройства 100 % хозяйств владели надельной землей в не более чем трех полосах (причем 48,9 % в двух и 26,4 % в одной) против всего 9,8 % хозяйств до землеустройства, когда около 63 % хозяйств насчитывали от 6 до 40 полос, а 5,9 % — от 60 до 100 и больше. Сократилось и дальнеземелье, т. е. расстояние участков от усадьбы: так, 26,2 % устроенных участков (70 % хуторских) были расположены у усадьбы, против 2,4 % прежде; процент участков, расположенных на расстоянии свыше 5 верст, сократился с 36,4 % до 17 %; увеличилось пользование техническим материалом. Значительно повысился процент хозяйств, участвовавших в учреждениях мелкого кредита (в некоторых уездах 53,3 % против 16,8 и 64,8 % против 17,9). Увеличился на треть, а иногда на половину процент хозяйств, прибегавших к наемному труду. Без существенных изменений осталось скотоводство. Сильно повысилась урожайность (в пудах с десятины, урожайность в землеустроенных хозяйствах превышала в 1913 г. в некоторых уездах урожайность хозяйств, сохранивших общину, на одну треть, а то и на половину и больше)¹⁶⁷.

Обследование показало сильное сокращение найма земли в аренду после землеустройства. По словам Дубровского¹⁶⁸, повышение производительности труда на той же площади пашни благодаря землеустройству несомненно понижало спрос на аренду. Приводя мнение отнюдь не расположенного к царскому правительству социалиста Н.А. Рожкова, что землеустройство, если не уничтожило вполне, то во всяком случае довело до допустимого минимума крепостническую аренду, Дубровский, не соглашаясь с этим мнением, признает, что, во всяком случае, уменьшение кабальной аренды было налицо.

Чтобы избежать дробления и распыления хуторов и отрубов из-за семейных разделов, Кривошеин внес в думу в 1913 г. законопроект о мерах к ограничению дробления мелкоземельной собственности, образованной при содействии правительства; законопроект предвидел создание крестьянских майоратов.

Вопреки желанию Столыпина и Кривошеина, Крестьянский банк оставался в ведении ведомства финансов. Банк слишком часто руководился чисто финансовой стороной дела, однако общий итог его работы был значителен. Между 1907 и 1915 г. банк продал 4 116 168 десятин почти исключительно крестьянам, притом начиная с 1910 г. более 93 % проданной земли было куплено единоличниками. На покупку банковских земель крестьянам было выдано ссуд на 421 млн. рублей, а 606 млн. рублей было выдано на покупку помещичьей земли при посредничестве банка (5 722 тыс. десятин). За период 1906 — 1915 гг. помещичьи земли сократились с 53 млн. десятин до примерно 44 млн., т. е. на половину со времени освобождения крестьян¹⁶⁹.

Если результаты обследования землеустроенных крестьянских хозяйств установили не только улучшение условий производства, но и намечавшиеся в нем глубокие сдвиги, то в общей массе неустроенного крестьянского землепользования, основанного на общине, осязательных сдвигов за десятилетие, предшествовавшее революции, не произошло. Это коренилось, прежде всего, в самой общине, не позволявшей ни предприимчивости, ни улучшения земледельческой культуры. Кроме того, в России, «стране с средневековым земледелием», не существовало широко поставленного государственного кредита сельскому хозяйству, так как финансовое ведомство категорически отказывалось,

вопреки стараниям Кривошеина, учредить Сельскохозяйственный банк. «Ничтожные суммы отпускаются у нас на сельское хозяйство, — утверждал в феврале 1909 г. Гурко на съезде Объединенного дворянства¹⁷⁰, — и почему-то считается, что только торговля и промышленность нуждаются в кредите, а в сельском хозяйстве мы работаем машинами царя Гороха». Если столь острую нужду в кредите испытывал помещичий класс, то тем более испытывало ее и крестьянство, для обслуживания которого, в первую очередь, предназначался проектируемый банк.

До 1906—1908 гг. агрономическая помощь земледелию была ничтожной. Витте долгое время придерживался теории натурального хозяйства в земледелии при высоком уровне промышленности и систематически урезывал бюджет Министерства земледелия, а министр Х.С. Ермолов (1895—1905 гг.) не сумел использовать эти ничтожные кредиты.

Не имея возможности, до отставки Коковцова, организовать государственный кредит земледелию, Кривошеин всячески покровительствовал кредитной и промысловой кооперации. По словам кадета И.П. Демидова, «он вычеркнул из правительственного лексикона «крамольную агрономию», протянул руку земскому самоуправлению и всеми силами стремился открыть перед земледельцем правительственные двери к знанию, технике и кредиту <...> и то, что еще вчера считалось «ниспровержением существующего строя» — агроном, кредитное товарищество и т. д. — всё это не только получило законное право на существование, но было поставлено на некоторое привилегированное положение»¹⁷¹. Число кредитных товариществ возросло между 1905 и 1915 гг. с 1 680 при 37 млн. рублей вкладов до 15 573 при 682 млн. рублей вкладов, выдаваемые ими ссуды — с 58 млн. рублей до 533 млн. рублей. Толчок к развитию сельскохозяйственной кооперации был дан в 1908 г. изданием для нее нормального устава: число кооперативов, без кредитных товариществ, возросло с 286 в 1900 г. и 2 967 в 1908 г. до 10 350 в 1915 г., среди них 2 700 маслодельных артелей¹⁷².

Анализ финансовой помощи государства земледелию при Кривошеине позволяет установить две ярко определяющие ее черты: значительность ее роста и ее недостаточность для поставленной цели. Так, например, собственно мелиоративные ссуды возросли с смехотворной суммы 12 тысяч рублей до 2,1 миллиона рублей в 1913 г.¹⁷³ Ссуды на огнестойкое строительство равнялись 4,3 миллиона рублей в 1915 г. против 36 тысяч рублей при Ермолове¹⁷⁴; они дополнялись ссудами земств.

Большое значение получило образование опытных полей и участков. Встреченные с недоверием, будучи вначале нередко объектом вредительства, они наглядно показали крестьянам преимущества передовых технических методов; их средняя урожайность превышала часто на 100 % соответствующую урожайность соседних полей¹⁷⁵, на них вводился травопольный севооборот. В то же время число слушателей сельскохозяйственных чтений возросло между 1906 и 1914 гг. с 48 тысяч до 1,6 миллиона в год.

Чувствительно повысилась урожайность за десятилетие перед 1914 г., будучи, однако, еще низкой по сравнению с развитыми странами (на 27 % для ржи, на 30 % для пшеницы, ячменя и овса в урожайные годы, на 18 % для ржи, 8 % для пшеницы и 13 % для ячменя если взять среднюю урожайность за 1912 — 1915 гг.).

Если крестьянский земельный строй, косность многих помещичьих хозяйств

и мальтузианская политика финансового ведомства не позволяли достигнуть в короткий срок коренного сдвига в сельском хозяйстве, то предпосылки сдвига намечались в огромном росте производства и ввоза сельскохозяйственных машин и перевозки минеральных удобрений по железным дорогам, а также в территориальном перераспределении различных культур на основе замены менее выгодных для данного района более выгодными. В 1913 г. были ввезены первые тракторы, к 1917 г. 25 % крестьянских хозяйств владели усовершенствованным инвентарем. Применение минеральных удобрений, несмотря на его увеличение, оставалось, однако, еще слабым: 7 кг на гектар против 57 во Франции¹⁷⁶.

Сильно увеличилась товарность производства, показателем которой был рост экспорта хлеба: 673 миллиона рублей в год в среднем в 1909 — 1913 гг. против 470 миллионов рублей в 1904 — 1908 гг. (+ 43 %). Однако вопрос, сможет ли Россия в будущем, учитывая быстрый прирост ее населения, не только развить, но даже сохранить свободную для экспорта долю своего производства, ставился многими. Некоторые пессимисты, как Гурко на съезде Объединенного дворянства в феврале 1909 г.¹⁷⁷, предсказывали даже неизбежность ввоза хлеба лет через десять; развитие экспорта хлеба за 1909 — 1913 гг. опровергло, казалось, это предсказание, но ясно, что прочные положительные результаты могли быть достигнуты только при двух условиях: при ускоренной интенсификации земледелия и при освоении сибирских целин путем их заселения. «Новый курс», взятый правительством в январе 1914 г. под влиянием Кривошеина, основывался, среди прочего, на увеличении капиталовложений в земледелие, на организации широкого сельскохозяйственного кредита и на освоении Азиатской России.

И.П. Демидов, видный кадетский деятель, определенный критик всей землеустроительной политики Кривошеина, указывает на то¹⁷⁸, что если бы перед Россией в начале XX века стоял только вопрос земледелия, то тогда «быть может, мы имели бы кривошеинскую эпоху, так как в этой области Кривошеин шел действительно прогрессивным путем. В вопросе земледелия он воспринял ту жажду новой жизни, к которой стремился русский крестьянин. В этом отношении в нем жила твердая вера в русского земледельца, в его творческий дух: дайте крестьянину то, чего у него до сих пор не было, и он создаст богатую ниву — так, в одной фразе можно охарактеризовать земледельческий символ веры А.В. Кривошеина. Если поставить вопрос, — добавляет Демидов, — какой итог получила Россия от того десятилетия, когда Кривошеин стоял во главе Главного управления, то придется, по справедливости, ответить, что итог был довольно значительный...»

В начальной стадии землеустроительной реформы было бы преждевременно говорить о достижении ее конечной цели — образовании крепкой сельской буржуазии при общем подъеме сельского хозяйства. Можно было только устанавливать намечавшиеся тенденции, и это позволяет заключить, что эволюция сельской России протекала успешно по направлению к заданной цели. На это указывают и результаты обследования землеустроенных хозяйств и рост вкладов в сберегательные кассы (2 миллиарда рублей к 31 декабря 1915 г. против 1631 миллиона в 1912 г.), немислимый без образования зажиточного крестьянства. Одним из положительных последствий земельной реформы было перераспределение крестьянского землевладения, вернее его оздоровление. Этот процесс — переход измелъчавших отрезков из рук экономически слабых эле-

ментов в руки более сильных — часто неправильно характеризуется как пролетаризация деревни, тогда как образование сельского пролетариата составляло только один из далеко не самых существенных элементов этого перераспределения. Для огромного большинства деревенского полупролетариата продажа их наделов была освобождением от земли, в положительном значении этого понятия, и возможностью перестроить свою жизнь на новой основе. Между 1908 и 1915 гг. около 914 тысяч единоличников, вышедших из общины, продали свои наделы другим крестьянам, что составляет 36,9 % укрепивших свои наделы, но только 21,6 % укрепленной земли: по обследованию 12 уездов 52,8 % проданных наделов были менее 5 десятин, т. е. ниже потребительской нормы. Из продавших 12,6 % переселилось за Урал, 26,4 % оставило деревню для работы в городах, где огромный промышленный подъем позволил им найти более выгодный заработок; 30 % продали для покупки лучшей земли через банк, т. е. представляли зажиточный элемент и, наконец, 20,7 % продавали по бедности, недостатку рабочих рук и пьянству, т. е. составили пролетаризованный элемент деревни, к которому они уже без того принадлежали¹⁷⁹. В то же время намечалась концентрация укрепленной надельной земли в одни руки, начинавшая принимать такой оборот, что законом 14 июня 1910 г. (статья 56) возбранялась концентрация более шести наделов в одних руках. Однако, если искусственные меры могли задержать этот процесс, они не могли его остановить. Все данные указывают на то, что и после издания этого закона, через подставных лиц и иными способами, образование экономически сильной буржуазии становилось вполне естественным явлением, но эта буржуазия составлялась не только из единичных «богатеев», но и из зажиточных середняков. В виде примера, согласно с подворной переписью крестьянских хозяйств Самарской губернии (Самара, 1913 г.), 87,6 % купленной по Самарскому уезду земли было куплено покупателями, владевшими участками от 9,1 десятины и более (Дубровский, с. 379).

Говоря об образовании экономически сильной деревенской буржуазии в результате вовлечения надельной земли в товарный оборот, на основе столыпинского законодательства, Дубровский (ук. соч., стр. 351) так характеризует этот процесс: «Это был чисто капиталистический путь ликвидации мелкоземелья. Земли, расплывшиеся по миллионам мелких и мельчайших владельцев, могли теперь постепенно собираться в руках крепких и сильных крестьян; с другой стороны, укрепление общинных наделов в личную собственность давало возможность мелким пролетарским и полупролетарским хозяйствам порвать со своими участками и продать их более сильным хозяйствам, в основном сельской буржуазии, самим же перейти в область промышленности или транспорта и вообще стать на положение наемных рабочих».

Почему не применить к последней категории крестьянства меткое, но одностороннее определение Ленина, что в России «частная собственность на землю является в первую очередь орудием освобождения от земли» (Полное собрание сочинений (ПСС), т. 23, с. 352), с тем только комментарием, что как и для этой категории крестьян, так и для всего народного хозяйства, это «освобождение» и его последствия были фактами прогрессивными и положительными. А между тем, «пролетаризация деревни» является одним из ходячих мест критики земельной реформы.

Как ни многообразна была деятельность Кривошеина во главе ведомства, первое место в ней принадлежало землеустроительной реформе и освоению

Азиатской России путем переселения. В ходе истории это освоение не остановилось и не прервалось, подтверждая тем самым свою жизненность. Зато земельная реформа, над которой потрудились Столыпин и Кривошеин, была остановлена революцией и не достигла своей конечной цели. Судить можно только о том, как она проводилась и была ли в ней заложена возможность успеха. Для этого лучше, чем к цифрам, следует обратиться к авторитетным суждениям, выбранным по критерию их интереса.

Большая часть отзывов о землеустроительной работе правительства редко упоминают имя Кривошеина (а имя Столыпина, главным образом называя реформу «стольпинской»), но осуществление реформы настолько связано с его деятельностью, что отделять их невозможно. Это частое умолчание его имени было в какой-то степени последствием постоянной тактики Кривошеина, не ставить себя в интересах карьеры на первое место, сохраняя при этом преимущества власти.

Начнем с отзывов исключительной яркости и пронизательности, принадлежащих перу Ленина. Так, Ленин писал, что «судьбы демократической революции в России находились в прямой зависимости от успеха или неуспеха стольпинской реформы, а она несомненно имеет известные шансы на успех» (ПСС, т. 17, с. 32), или, что реформа «в научно-экономической мере прогрессивна, так как она не закрывает путь капиталистическому развитию, а содействует ему, расчищая ему дорогу» (ПСС, т. 16, с. 170). «Стольпинское переустройство деревни могло бы снять с порядка дня буржуазную крестьянскую революцию, если бы «стольпинская» аграрная политика <...> продержалась очень долгое время, если бы пересоздала на чисто буржуазный лад все деревенские отношения» (ПСС, т. 17 с. 775). «В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики невозможен. Возможен!» «...Это была последняя попытка отсрочить крушение старого порядка. От успеха и неуспеха реформы зависела судьба революции в России. Окончательный переход правительства царя на сторону аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьба буржуазной революции в России <...> зависит больше всего от успеха или неуспеха этой политики» (ПСС, т. 16, с. 423).

В 1912 г. Ленин высказывался более сдержанно. Это было связано с тем, что если успех реформы был огромным, он не был молниеносным, а потому до полного осуществления реформы вызванное ею обострение напряжения в деревне могло, по мнению некоторых, увеличить шансы революции. Поэтому Ленин, считая, что реформа — «последний клапан» в руках старого, писал: «Это последний шаг, который может сделать старое <...> и именно потому, что этот шаг к новому сделан старым, этот шаг не мог привести и не приведет ни к чему прочному»¹⁸⁰.

Разумеется, нельзя упускать из виду, что положительный характер отзывов Ленина должен быть понят в оптике марксизма и что если успех реформы грозил снять с порядка дня крестьянскую буржуазную революцию, то именно в силу своей прогрессивности реформа, сменив отсталую общину прогрессивным капитализмом, создавала предпосылки коммунистической революции будущего. Но его оценка реформы как прогрессивного экономического явления, «последней отсрочки старого порядка», интересна.

Тем более интересны благоприятные отзывы советских «историков-аграрников» двадцатых годов, формулированные после падения царского режима,

аграрной революции 1917—1920 гг. и осуществленного ею уравнительного черного передела. Эти отзывы исходят от первого поколения историков, получивших образование в советских высших учебных заведениях и писавших до коллективизации сельского хозяйства. Так, А. Тюменев признавал, что в годы предвоенного промышленного подъема «капиталистические отношения выступили наружу и притом с тем большей силой, чем сильнее до того давали себя чувствовать устранившиеся революцией пережитки крепостничества»¹⁸¹. Тюменев так оценивает реформу: «Закон 9 ноября — 14 июня отвечал давно назревшей потребности. Вот почему результаты его превзошли всякие ожидания». По его словам, между двумя революциями процесс развития капитализма в деревне «совершался настолько быстрым и всё прогрессирующим темпом, что у свидетеля получается впечатление лавины, долгое время висевшей над пропастью и наконец подтаявшей и вдруг сорвавшейся и стремительно покатившейся вниз»¹⁸².

Того же мнения были Н. Карпов¹⁸³ и И. Литвинов¹⁸⁴. Цель, поставленная Столыпиным, была достигнута. После 1907 г. сельская буржуазия начала развиваться поистине революционным путем, а Россия пошла «по линии прогрессивно-капиталистического развития». Поэтому, заключал Карпов, столыпинское аграрное законодательство может нами быть признано прогрессивным в научно-экономическом смысле. Что касается до «второй революции» (1917 г.), то при таком успехе реформы она объясняется несоответствием общих политических условий страны ее капиталистическому базису¹⁸⁵.

Особое место среди трудов советских историков-аграрников занимают некоторые авторы эпохи нэпа. Они вполне положительно оценивали результаты столыпинской реформы, сурово осуждая аграрный черный передел 1918—1920 гг., о чем будет упомянуто далее. Так, Б.А. Бруцкус¹⁸⁶ пишет в конце своего труда: «Мы, в заключение, позволим себе выразить уверенность, что в процессе грядущего возрождения русского народного хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности хуторянам и отрубникам суждено сыграть не последнюю роль». Не менее интересна позиция другого представителя сторонников «фермерского развития деревни» тех годов, как их называет К.Н. Тарновский¹⁸⁷, а именно П.Н. Першина¹⁸⁸. Оставляя в стороне политические цели реформы, автор рассматривает ее как совокупность чисто землеустроительных мероприятий по рациональной организации сельскохозяйственной территории на началах участкового землепользования. Он подчеркивает благоприятное влияние реформы на развитие сельскохозяйственного производства и на этом основании приходит к выводу о «жизненности индивидуального хуторского хозяйства» и его «полной народнохозяйственной целесообразности» в обстановке новой экономической политики. «Поэтому запретительная политика по отношению к хуторам и отрубам в новейших условиях народно-хозяйственного развития <...> ни в коей мере не является целесообразной; ее продолжение было бы большой исторической ошибкой...» Тот же Першин указывает¹⁸⁹ на то, что после бурной реакции против хуторян в первые годы после революции — и этот факт представляет большой интерес, как доказательство жизненности хуторского движения, — с 1920 г., когда деревня успокоилась, во многих губерниях движение крестьян к хуторскому землепользованию поднялось с новой силой, несмотря на неблагоприятную обстановку.

Обратимся теперь к капитальному по документации и качеству собранных материалов, вышедшему 40 лет спустя труду С.М. Дубровского — «Столы-

пинская аграрная реформа». Его подход к истолкованию реформы иной, чем у советских ученых начала двадцатых годов, — трудно было бы ожидать от него не абсолютно ортодоксальную, общеобязательную оценку вопроса. Но и эта односторонняя оценка реформы также содержит положительные элементы: «Столыпинская реформа, как усилившая развитие капитализма в земледелии <...> несомненно дала толчок дальнейшему углублению внутреннего рынка, особенно в связи с ростом расслоения в деревне. Развивающееся кулачество предъявляло возраставший спрос на средства производства — на новые сельскохозяйственные орудия и машины, на строительные материалы, в особенности на железо, а также, разумеется, на средства потребления. На последние увеличивался спрос также со стороны пролетаризировавшегося крестьянства¹⁹⁰. Всё это вместе взятое способствовало росту промышленного производства в России, как бы медленно последнее ни шло <...>. В годы «столыпинщины» значительно возросло внутреннее накопление. Увеличивается приток капиталов из сельского хозяйства в промышленность через сберегательные кассы, кредитную систему и т. д. Несколько повышенные урожаи 1909 — 1910 гг. при росте посевных площадей и при относительно высоких ценах как на международном, так и на внутреннем рынке, способствовали значительному накоплению капиталов. Если к внутреннему накоплению прибавить приток иностранных капиталов <...>, то для нас будут понятны общие предпосылки промышленного подъема, наступившего в России в 1910 — 1914 гг.»¹⁹¹.

И. П. Демидов, известный деятель партии народной свободы, затем редактор выходивших в Париже, в эмиграции, «Последних Новостей», определенный противник аграрной политики Столыпина, так характеризует Кривошеина¹⁹²: «Витте и Кривошеин — два имени недавнего прошлого, на которых оттачивается мысль. Несмотря на глубокую несхожесть этих двух лиц, — между ними в их государственной работе существует параллелизм, который связывает их не только как крупных государственных деятелей-руководителей, но и тех русских людей, которые ощутили «новое» и стремились в разных областях к одной и той же цели: можно сказать, что Кривошеин — это Витте в области земледелия, а Витте — это Кривошеин в области промышленности. Оба поняли, что настала эпоха, когда Россия или должна стать «самостоятельной» в мировом ходе событий, или перестать быть великой державой. Оба поняли, что достигнуть первого можно силами народа, а не искусством управлять народом, и оба верили, что еще не утеряно время для эволюционного процесса в стране. И если граф Витте достиг больших результатов, чем А. В. Кривошеин, — то причина этого лежит в том, что поле русской промышленности было чисто от привходящих социально-политических подводных камней <...> А. В. Кривошеин принял на себя всю тяжесть наследства в запутанном и уродливо задержанном в своем развитии центральном вопросе русской жизни, вокруг которого кипела страстная борьба между старым и новым, — в вопросе земельном <...>

В период его деятельности возможны были только два исхода: или реформа сверху <...>, или революция снизу. Полученное наследство требовало от Кривошеина другого. Оно требовало не только эволюционного пути, оно не только отрицало земельную реформу и допускало лишь земельную политику, но и надеялось добиться, чтобы русский крестьянин отказался от своих требований на землю <...>, но в земельном вопросе эволюционный путь был навсегда утерян в то мертвое полустолетие, которое протекло со дня освобождения

крестьян до минуты появления столыпинского закона <...> Закон о землеустройстве должен был появиться не 14 июня 1910 г., а 20 февраля 1861 г., т. е. на следующий день после освобождения крестьян. Догнать утерянные годы, т. е. повернуть историю назад и заставить ее пройти так, как она должна была пройти, а не так, как она прошла — такую цель поставил себе А.В. Кривошеин». По словам Демидова, в начале XX века, центр тяжести русской жизни лежал не в области «земледелия», в которой преуспевал Кривошеин, а в области «землеустройства», «т. е. в области искусственно и уродливо задержанной мобилизации и организации земельной собственности русского крестьянина <...>. Этот полувековой застой требовал решительных мер, новой великой реформы, которую, как и первую, сторонники старого назвали «грабежом», «нарушением священного права собственности» — реформы дополнительного наделения землей крестьянства. А.В. Кривошеин не мог не только внешне, но не хотел и внутренне идти этим путем. Он его отрицал, и здесь был тот перелом, который раздвигал волю, лишал ее творчества <...> и вел ее <...> на конечную неудачу компромисса старого с новым. Этот компромисс доказывал, что ускоренный переход в руки лишившегося земли крестьянства необходим, но он при выполнении не давал общего удовлетворения: в народной психологии вопрос был поставлен к немедленному разрешению, но разрешения не было, а была лишь политика частного, непланомерного удовлетворения <...>. То, что было силой Кривошеина в области земледелия, являлось слабостью в области землеустройства. Вера в индивидуальную творческую силу русского земледельца и желание, чтобы только действительная сила пробилась себе дорогу, отрицали необходимость общей государственной реформы уравнительного наделения <...>. Основной задачи эпохи А.В. Кривошеин не понял и тем самым встал во главе старого <...>. Он стоял на переломе русской истории, перелом этот понимал и обхватывал, но и в нем самом всегда ощущалось отражение перелома — сосуществование двух эпох, из которых ни одна не могла стать главной и единственной. Его ум — большой и тонкий — верно анализировал изменившуюся атмосферу страны, его такт — развитой и чуткий — верно указывал путь, намечавшийся довоенными событиями, но его воля была недостаточна для «истории», а потому Россия не знает «Кривошеинской эпохи», хотя по А.В. Кривошеину и его государственно-общественной деятельности можно хорошо изучить эпоху, в которой жил этот недюжинный человек...»

Нельзя пренебрегать аргументом Демидова, что земельная реформа запоздала на 50 лет и что в народной психологии вопрос шел о немедленном разрешении земельной проблемы, чего реформа не давала. Но и не давало решения проблемы общее уравнительное наделение землей, защищаемое Демидовым. На этом сходятся все научные исследования, в первую очередь советские: всеобщее отчуждение помещичьей земли принесло минимальные земельные прирестки крестьянству, быстро поглощенные приростом населения. Аргументация Демидова оправдывается только ранним временем написания статьи — 1921 г., когда в эмиграции последствия аграрной революции 1917—1920 гг. еще не могли быть ясно ощутимы и аграрная проблема казалась окончательно и удачно решенной самой жизнью. Но выводы советских и социалистических экономистов удивительно совпадают с тем, что было предвидено по подсчетам Главного управления землеустройством и земледелием в 1906 г. и с основанными на них аргументами известной речи Гурко в думе 19 мая того же года, слывшего представителем «Объединенного дворянства».

Возьмем составленный советским экономистом Б.Н. Книповичем «Отчет о деятельности народного комиссариата земледелия за 3 года (1917 — 1920), Москва, 1920 и 1921 г.»¹⁹³. Итоги по выполнению раздела помещичьей земли были значительно меньше, чем ожидали многие. Громадное количество земли, разделенное между многомиллионной массой, дало ничтожные результаты, в десятых и даже сотых десятины на душу, по специальной анкете центрального статистического отделения землеустройства. В громадном большинстве случаев увеличение не превышало полудесятины:

менее 0,1 дес. — в губерниях Московской, Новгородской, Вятской,

0,1—0,25 — в губ. Вологодской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Курской, Могилевской.

0,25—0,50 — в губ. Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Симбирской,

0,50—1 — в губ. Петербургской и Саратовской.

Другой советский экономист, Б. Месяцев, пишет в сборнике «О земле», вып. 1 (1921, с. 29—31), о ничтожном размере прирезков для отдельных хозяйств. По данным Центрального управления землеустройством к 1 ноября 1920 г. (сборник «О земле», вып. 1), если в 36 исследованных губерниях крестьянское землевладение возросло в целом на 22,6 %, то это объясняется тем, что в некоторых районах это увеличение было более ощутимо (50 % в средневожском, 27 % в центральноземледельческом), тогда как в большинстве других оно было значительно ниже этой цифры 22,6 % (8,3 % в северных губерниях, 12,3 % в приозерных, 16,3 % в нижевожских и 7,3 % в приуральских), притом в экспроприированные земли входили владения не только помещиков, но и зажиточных крестьян.

Это дало повод народному социалисту С.Н. Прокоповичу признать, что «такой результат аграрной революции, к которой так стремилась русская интеллигенция, был для крестьян полной неожиданностью».

Решительную критику аграрной революции 1917—1920 гг. содержит труд советского историка — «аграрника» Б.Д. Бруцкуса (ук. соч). По его мнению, результаты ее были не только противоречащими интересам развития сельского хозяйства, но и не соответствующими видам и намерениям большевистской партии. «Закон о социализации земли от 27 января 1918 г. был редактирован в духе социалистов-революционеров, и земельная революция совершалась в направлении «черного передела». Российская социал-демократия была очень далека от мысли, чтобы в распределении земли среди крестьянства в соответствии с его потребительскими нуждами усматривать решение аграрного вопроса, и лишь в пылу политической борьбы, в целях завоевания крестьянства она санкционировала его революционные аграрные выступления» (с. 109—110).

Уравнительное решение земельного вопроса в 1918—1920 гг. имело отрицательное последствие, начинавшее принимать угрожающий характер для народного хозяйства в целом. «Несмотря на то, что валовой сбор был почти равен довоенному, — отмечает Большая Советская Энциклопедия¹⁹⁴, — его товарная часть сократилась вдвое — 13,3 % против 26 % до войны (47 % у помещичьей земли)». Эти данные, относящиеся к 1925—1926 гг., объясняются измельчением крестьянских хозяйств, число которых возросло с 15 млн. до 25 млн. Иначе говоря, процент урожая, не потребляемого крестьянством, но поступающего на рынок для прокормления городов или для экспорта, понизился в результате уравнительного распределения земли и прироста населения вдвое,

несмотря на то, что благоприятное влияние политики нэпа еще не прекратилось. Назревала потребность укрупнения хозяйств, сопровождаемого массовым исходом населения в города, при условии, что индустриализация позволила бы поглотить образовавшиеся трудовые резервы. Иначе говоря, в условиях советского строя коллективизация становилась неизбежной.

Интересны суждения о столыпинской реформе и в особенности о ее осуществлении немецких специалистов, которые накануне войны 1914 г. вместе с правительственными и аграрными кругами внимательно следили за ходом реформы и взвешивали ее последствия для усиления России, возможного противника Германии. Среди многочисленной литературы, посвященной этому вопросу, выделяется своей богатой документацией монументальный труд Прейера (Preyer. *Die Russische Agrarreform*. Йена, 1914. 415 с.). Вот что автор пишет в своем вступлении: «Великие реформы, коренным образом изменяющие все основы важных государственных отраслей в области материальных или личных отношений, обыкновенно предпринимаются после огромных внешних потрясений. Так было осуществлено в Пруссии освобождение крестьян после крушения государства в наполеоновских войнах, а в России после катастрофы крымской войны. Таким же путем и по той же причине осуществляется перед нами в России переворот в земельном строе, по своему значению едва уступающий освобождению крестьян <...>. С необычайной энергией было приступлено к делу, но тогда как в Пруссии при освобождении крестьян всевозможные ретроградные течения одерживали частично верх в первые годы реформы и первоначальные проекты выполнялись с чувствительными изменениями, в осуществлении теперешней реформы случилось противоположное: поставленные с самого начала цели остались, по прошествии нескольких лет, неизменными и работа выполняющих реформу органов расширяется из года в год». Далее (с. 331) автор пишет: «Семь лет прошло уже с начала земельной реформы. Из осторожного и неуверенного начинания она разрослась до таких размеров, что предстала перед нами как предприятие первостепенного значения для русского народного хозяйства...». Больше того, автор ставит проведение русской земельной реформы в пример прусскому сельскому хозяйству, в частности расселение по хуторам, настойчиво советуя применить русские методы, — русские по вложенным средствам, энергии и упорству в выполнении (с. 368).

О том, какое значение придавала Германия роли земельной реформы в экономическом развитии России, свидетельствует эпизод, приведенный в своих воспоминаниях Д.Н. Любимовым, управляющим делами Главного комитета по землеустройству незадолго до войны, освещающий одну малоизвестную сторону этого дела¹⁹⁵. «Помню, как приезжала в августе 1913 г. из Германии правительственная комиссия, возглавляемая профессором Аугагеном, для изучения результатов землеустроительной реформы <...>. Она была ими поражена. Объехав землеустроительные работы в целом ряде губерний, германская комиссия представила своему правительству отчет. Нам удалось узнать его содержание. В нем говорилось, что если землеустроительная реформа будет продолжаться при ненарушении порядка в империи еще десять лет, то Россия превратится в сильнейшую страну в Европе. Отчетом, по имевшимся от русского посла в Берлине сведениям, сильно обеспокоилось германское правительство и особенно император Вильгельм II»¹⁹⁶.

¹⁴¹ В некоторых губерниях процент укреплений с выделом на хутора и отруба был более значительным — 20,6 % укрепившихся в центрально-черноземной области, 24,8 % в Поволжье.

¹⁴² Этому принципу охотно следовал руководивший «укрепительным» процессом в Министерстве внутренних дел товарищ министра А.И. Лыкошин, по словам Гурко (ук. соч., с. 151) предпочитавший всегда соглашаться с тем, что Кривошеин говорил или делал.

¹⁴³ «Новое Время», 12 января 1909 г.

¹⁴⁴ Так, в Николаевском уезде Самарской губернии, где внешне реформа выполнялась успешно — 37 000 дворов, т. е. 64 % общего числа укрепили свои наделы, оставаясь, однако, на полосах еще в 1913 г. К этому времени было образовано 7 694 хуторов и отрубов, из которых только 2 000 числились среди 37 000 укрепившихся, а 5 694 разверстались целыми селениями («Новое Время», 31 марта 1913 г.).

¹⁴⁵ «Новое Время», 1 апреля 1911 г.

¹⁴⁶ На практике это ограничение часто обходилось приписыванием покупателя к сельскому обществу или покупкой через подставных лиц.

¹⁴⁷ «Новое Время», 21 мая 1911 г.

¹⁴⁸ «Новое Время», 25 мая 1911 г. Первое нарушение принципа неприкосновенности надельного фонда встречается в указе 15 ноября 1906 г., разрешившем Крестьянскому банку открывать кредиты под залог наделов: указ устанавливал, что если на продаваемый «с молотка» надел неисправного должника не явится покупатель сельского состояния, то на вторых торгах надел может быть продан любому покупщику, как всякая частная собственность.

¹⁴⁹ Дубровский, ук. соч., с. 235, по архивному фонду 1291 ЦГИАЛ.

¹⁵⁰ «Удостоверение» было юридическим оформлением перехода на единоличную собственность наделов общин, где переделов не производилось и которые, согласно с законом 14 июня 1910 г., были автоматически признаны единоличной собственностью их домохозяев.

¹⁵¹ Этот капитальный по своему значению административный акт не получил до сих пор должного освещения. Он показывает, что вскоре после применения закона 29 мая 1911 г. правительство перестало поощрять то, что по общепринятому мнению составляло самую суть столыпинской реформы — укрепление наделов в собственность, если оно не было результатом землеустроительных операций. Создание крепкого крестьянина, опоры государственности оставалось конечной целью этой реформы, но не путем формального укрепления, а путем экономического преобразования надельной земли. Реформа была одновременно политической и экономической.

¹⁵² Это случалось там, где укрепление надела «на полосах» затрагивало в меньшей степени, чем сведение к одному месту, интересы остававшихся в общине соседей.

¹⁵³ Дубровский, с. 242, циркуляр министра внутренних дел от 13 декабря 1913 г., № 40.

¹⁵⁴ Там же, с. 199, 200 и 203.

¹⁵⁵ Там же, с. 241, по отчетам о деятельности землеустроительных комиссий.

¹⁵⁶ Там же, с. 247.

¹⁵⁷ Там же, с. 241, по отчетам землеустроительных комиссий.

¹⁵⁸ Там же, с. 247.

¹⁵⁹ Там же, с. 584, по Статистическому ежегоднику России 1915 г., Петроград, 1916 г., VI отдел, с. 6—11. Там для общего числа заявлений указывается 5 660 511.

¹⁶⁰ Из участковых работ 64,3 % приходилось на разверстание на хутора и отруба целых селений, 29,4 % — на выдел устроенных участков отдельным хозяевам.

¹⁶¹ Там же, с. 200, по донесениям губернаторов, и с. 241.

¹⁶² Там же, с. 200, по донесениям губернаторов, и с. 241.

¹⁶³ Там же, с. 246—247.

¹⁶⁴ В очерке М.С. Симоновой о столыпинской реформе («Историческая Советская Энциклопедия», М., 1971, т. 13) критически утверждается, что только минимальная часть землеустроительных работ посвящалась упразднению чересполосицы. Если, действительно, работы, имевшие исключительно эту цель, коснулись только 7,2 % землеустроенных дворов, то к этому нужно прибавить раздел угодий, принадлежавших сообща нескольким селениям (37 % всех землеустроенных дворов или 65,8 % «групповых работ»), как первый этап упразднения чересполосицы, в данном случае «внешней», и, разумеется, выдел в единоличную собственность участков, сведенных к одному месту (53 % землеустроенных дворов к 1914 г.).

¹⁶⁵ По данным Министерства внутренних дел, объяснительная записка к росписи 1912 г. Вскоре удостоверение без землеустройства перестало быть поощряемо властями.

¹⁶⁶ Для того чтобы обследование лучше выражало действительные реформы, из обследовательных работ, по мысли Кривошеина, были исключены земские начальники и члены землеустроительных комиссий; работы велись агрономами, земскими статистиками и студентами, в сущности интеллигентским «третьим элементом», представителями «крамольной агрономии», постоянным кошмаром всех министров внутренних дел, но не Кривошеина. Светский поэт-сатирик Мятлев написал на эту тему браваурный «Марш землеустроителей», в котором утверждалось, что «не страшны нам губернаторы за Кривошеина спиной».

¹⁶⁷ По «Обследованию» и по И.В. Мозжухину «Землеустройство в Богородицком уезде». М., 1917, с. 257.

¹⁶⁸ Ук. соч., с. 298—299, по Рожкову, «Аграрный вопрос и землеустройство» — «Современный мир», 1916, № 3, с. 58.

¹⁶⁹ Дубровский, с. 319—325, на основании отчетов банка. Следствием покупки земли только из имений Крестьянского банка было увеличение в два с половиной раза земельной собственности покупателей: вместо 5,6 десятин на двор до покупки, 14,6 после (Дубровский, с. 342—345). Этот средний размер участка — 14,6 десятин — характерен именно для зажиточного «средняка» — только в некоторых районах средний размер хозяйства после покупки перевалил за 20 десятин.

¹⁷⁰ «Новое Время», 22 февраля 1909 г.

¹⁷¹ «Последние Новости», № 489, Париж, ноябрь 1921 г.

¹⁷² Дубровский, ук. соч., с. 447—450.

¹⁷³ Там же, с. 453.

¹⁷⁴ «Петроградский Курьер», 28 октября 1915 г.

¹⁷⁵ Preyer, ук. соч., с. 275; Дубровский, ук. соч., с. 268.

¹⁷⁶ Дубровский, ук. соч., с. 419, 430, 434 и 444.

¹⁷⁷ «Новое Время», 19 февраля 1909 г.

¹⁷⁸ «Последние Новости», ук. номер.

¹⁷⁹ Примером такой неправильной характеристики служит комментарий к 326-й странице, второго тома московского издания «Воспоминаний» Витте (М., 1960 г.) И.В. Бестужева и В.Н. Емеца, на с. 639: «Из общины выделилось 2,5 млн. домохозяев <...>, из них половина (1,3 млн.) продала свою землю. В итоге реформы увеличилась бедняцкая прослойка, составившая две трети крестьянского населения». Не говоря о том, что число выделившихся из общины, продавших свои наделы равнялось 914 тысяч, а не 1,3 млн. (последняя цифра включает в себя и подворных домохозяев), приведенные выше цифры показывают, что только около 20 процентов продавцов вошло в состав деревенского пролетариата.

Эти данные дополняются обследованием Николаевского уезда Самарской губернии в начале 1913 г., опубликованном 31 марта 1913 г. «Новым Временем» под названием «Правда о Самарском землеустройстве». Обследование было сделано для выяснения степени пролетаризации вышедших из общины хозяев в районе, где процент выделов был исключительно велик и позволял, поэтому, делать выводы, основанные не только на частных случаях: 37.000 хозяев, т. е. 64 % общего числа хозяев уезда укрепили свои наделы. Процент продавших свои наделы был довольно значителен — 19 % укрепившихся, однако из 5.982 продавцов, 2.606, т. е. 43 % никогда не занимались земледелием, а из 3.376 занимавшихся, 23 % переселились за Урал, 11 % приобрели лучшие земли, 6 % продали часть надела для улучшения хозяйства, 6 % для перехода на городские занятия; 1.601 хозяев продали по нужде (болезнь, пьянство и т. д.) и, вероятно, вошли в сельский пролетариат, что составляет 26 % продавцов, но всего 4 % укрепившихся.

¹⁸⁰ ПСС, т. 18, с. 228; конечно, у Ленина встречаются и такие выражения, как «крах столыпинской реформы», но нельзя забывать, что Ленин был не только мыслителем, но и агитатором и политиком, вождем нуждавшихся в «подъеме духа» масс.

¹⁸¹ «От революции к революции». Из общественно-политических итогов революции 1905 г., Л., 1925, с. 279; речь идет о революции 1905 — 1906 гг. Приведено у К.Н. Тарновского, «Проблемы аграрной истории России в советской историографии» («Исторические записки», Академия Наук, 1965, т. 78, с. 57, 1965).

¹⁸² Тюменев, ук. соч., с. 13 и 157.

¹⁸³ «Аграрная политика Столыпина», с. 148–149, по Тарновскому, с. 57.

¹⁸⁴ Экономические предпосылки октябрьской революции. М., 1924.

¹⁸⁵ Тюменев, ук. соч., с. 151.

¹⁸⁶ Б.Д. Бруцкус, Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922, с. 201, по Тарновскому, с. 47.

¹⁸⁷ Ук. соч., с. 46.

¹⁸⁸ Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьба за время революции (1917–1920 гг.). М., 1922, с. 6 и 45.

¹⁸⁹ Ук. соч., с. 35–39.

¹⁹⁰ Из чего можно заключить, что, по мнению автора, материальное положение этой группы тоже улучшилось.

¹⁹¹ С. 503–504.

¹⁹² «Последние Новости», Париж, ноябрь 1921 г., № 489.

¹⁹³ Цитируется по С.Н. Прокоповичу, Народное хозяйство СССР, Нью-Йорк, 1952, т. 1, с. 133.

¹⁹⁴ Т. 50, 1952, с. 308–309.

¹⁹⁵ Д.Н. Любимов, События и люди, ЦГАЛИ ф. 1947.

¹⁹⁶ Вот что писал по этому поводу А.Н. Яхонтов, помощник управляющего делами Совета министров в 1914 — 1915 гг. («Первый год войны», газета «Возрождение», Париж, 28 мая 1936 г.): «Среди многочисленных документов, мною ему докладывавшихся, вспоминаю добытый тайными путями отчет комиссии германских специалистов, объездивших империю незадолго до 1914 г. для изучения землеустроительных работ и положения сельского хозяйства, Специалисты эти были поражены невероятным ростом нашей родины». Далее приводится их вышеуказанный вывод.

В подтверждение этого можно сослаться на свидетельство проф. Зеринга, участника миссии проф. Аугагена, бывшего в тридцатых годах одним из руководителей берлинского исследовательского центра по изучению вопросов земледелия в Советском Союзе. По словам Зеринга С.С. Оболенскому, основным выводом отчета миссии Аугагена было, что по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой другой державе.

Петр Аркадьевич Столыпин.

Александр Васильевич Кривошеин.

СОТРУДНИЧЕСТВО СО СТОЛЫПИНЫМ

Редко встреча двух государственных деятелей на путях истории была столь удачной, а потому и плодотворной, как встреча и сотрудничество Столыпина и Кривошеина. Если их личности коренным образом взаимно отличались, то их характеры взаимно дополнялись, и это привело к теснейшему сотрудничеству, хотя личная близость у них не создалась.

Реакция Кривошеина на известие о ранении Столыпина лучше всего определяет характер их взаимоотношений. Узнав о покушении, мой отец заплакал, но когда моя мать сказала ему: «Да, у вас ведь была полная общность взглядов», то отец возразил ей: «Совсем нет, во многом мы расходились, но взаимопонимали, внимательно друг друга выслушивали и уважали».

Столыпин был природным вождем, властным и уверенным в своей силе, с твердой волей, большим ораторским даром, качествами, обратной стороной которых было отсутствие гибкости и широты, вера в себя, переходящая в самоуверенность с упрямством.

Кривошеин знал пределы своих дарований, не чувствовал себя вождем общественных сил или парламентских коалиций, преувеличивая недостаточность своего ораторского таланта, значительного, но проявлявшегося только в небольшой аудитории. Зато он сознавал, что имеет все данные для возглавления отрасли, где искусство руководить людьми было основным условием успеха. Он был

«полон идей», но будучи честолюбивым, не обладал дерзновением, нужным для того, чтобы добиваться власти, не имея, впрочем, ни малейшей уверенности, что ему дадут управлять. Но он обладал большей широтой ума, чем Столыпин, большим тактом, большим знанием людей и умением с ними обходиться.

Так или иначе, но обе исторические фигуры, поняв и оценив друг друга, сошлись и сумели сочетать свои дарования, чтобы совместно пытаться положить прочную социально-экономическую основу бурно перерождавшейся страны.

Если удачный пример первых годов столыпинского премьерства ускорил эволюцию Кривошеина от консерватизма к сотрудничеству с душой и местной общественностью, то постепенно Кривошеин пошел дальше своего учителя и, будучи правой рукой Столыпина в практике управления, становился его левой рукой в вопросах чистой политики, его политическим суфлером.

Одним из примеров этого тесного сотрудничества была их совместная, затеянная Кривошеиным, поездка в Поволжье и Сибирь осенью 1910 г., позволившая им проверить и во многом исправить переселенческую политику правительства. Подобное сотрудничество проявлялось во всех областях ежедневно. Достаточно сказать, что почти каждый вечер, немного до полуночи, Столыпин звонил Кривошеину по телефону, чтобы обсудить с ним политическую злобу дня». (На этой почве против премьера обернулся чрезмерный, политически ошибочный полицейский надзор, которому он придал такое развитие: убедившись, что его разговоры подслушиваются департаментом полиции, Столыпин не раз выражал свое негодование подслушивающему, — пример зависимости власть имущих от собственной полиции.)

В области землеустройства и переселения Столыпин предоставлял полную свободу действий своему сотруднику. «Петр Аркадьевич никогда не мешал мне делать в министерстве то, что я считал нужным: вряд ли это будет возможно при его преемнике, кто бы он ни был» Опасения оказались напрасными: его авторитет и поддержка Государя обеспечили ему ту же свободу действия, но он больше не имел поддержки Столыпина в борьбе с финансовым ведомством за увеличение бюджета, впрочем, все же разразившегося.

Во время конфликта между Столыпиным и Государственным советом по поводу закона о земствах в Западном крае в марте 1911 г. Кривошеин всячески, но безуспешно отговаривал Столыпина от проведения этого закона в порядке 87-й статьи, после соответствующего ультиматума императору Николаю II. Бывший таврический губернатор, граф П.Н. Апраксин передавал, как он был свидетелем развязки этого ультиматума: он находился в кабинете Кривошеина, когда Столыпин тотчас по возвращении из Царского Села позвонил своему близкому сотруднику и, полный оптимизма, описал царскую аудиенцию. Кривошеин передал Апраксину вторую трубку, и тот услышал, как Столыпин говорил: «Никогда еще Госу-

дарь не оказывал мне столь милостивого приема», на что Кривошеин, прикрывая трубку рукой, заметил Апраксину: «Никогда Государь этого ему не простит*».

**Переписка Александра Васильевича Кривошеина
с Петром Аркадьевичем Столыпиным (РГИА, фонд 1571, дело 324)**

15 сентября 1907 года

Многоуважаемый Александр Васильевич,
Я озабочен Курском. Я искал причину незначительных результатов по землеустройству в том, что там одинаково в оппозиции принимаемым мерам и правые и левые, оказывается же, что причина якобы другая, а именно *Эльберг*, который считается трудовиком и тормозит все наши начинания.

Не примите ли Вы какие-либо меры?

Искренне Ваш уважающий *А. Столыпин*

Записка для памяти от Председателя Совета Министров и министра внутренних дел.

16 мая 1908 года

Глубокоуважаемый Пётр Аркадьевич,
Ваше вчерашнее предложение застало меня врасплох. Мучительно обдумал его ночью и, сожалея, должен сказать, что сомнения, одолевавшие меня вчера, снова только усугубились. Не буду останавливаться ни на чем второстепенном или личном, но не могу не повторить Вам, что я считаю себя совершенно не подготовленным к руководству важнейшей, по моему мнению, отрасли Главного Управления — *земледелием*. А раз это так, то у меня не будет ни должного авторитета в глазах других ни, что ещё важнее, достаточной уверенности в самом себе, без чего успех ни в каком деле не мыслим. Кроме того, я не привык говорить с кафедры и посему наладить отношения с Думой со всеми их издевательскими вопросами к Главному Управлению мне будет не под силу. Я глубоко тронут Вашим ласковым обращением ко мне, понимаю все его (предложения) государственное значение и не ломаюсь, пишу это не из эгоизма.

Я безраздельно предан Государю и у меня нет иных побуждений кроме моего служения ему верой и правдой, но именно поэтому я по совести не считаю себя вправе приниматься за дело государственной важности без уверенности в успешном его выполнении.

* Со слов графа Апраксина.

Жму Вам руку, глубокоуважаемый Пётр Аркадьевич и надеюсь, что Вы меня поймёте.

Всегда глубоко Вам преданный и благодарный,

Ваш А. Кривошеин

20 мая 1908 года

Только что вышел от меня Кривошеин. Не соизволите ли, Ваше Величество, принять его до отъезда в Ревель?

Очень важно, чтобы он немедленно вступил в должность; положение же его было бы неудобно, если бы он принял Ведомство, не представившись Вашему Величеству, а тем более в Ваше отсутствие.

Статс-секретарь Столытин

Рукой Государя Николая II написано:

«Могу принять его в четверг в 10 час. утра»

10 июля 1908 года

Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич

Посылаю Вам копию моей всеподданнейшей справки, в которой я стараюсь кратко и точно передать суть моих наблюдений во время поездки. В общем наблюдения ободряющие и поучительные. Много стало яснее, многое пришлось объяснять. Заключительный смысл справки — *о периодических районных совещаниях*. Я придаю им существенное значение именно в их организации, и удачном подборе Уполномоченных я вижу единственный способ сдвинуть наконец Главное Управление с мертвой точки и поставить его деятельность на практическую почву. Кроме того, в этой организации я усматриваю лучший способ привлечь к нашему делу внимание и сочувствие местных сил, без которых все дела агрономической помощи крестьянам обойтись нельзя.

Районные совещания — это дальнейшее развитие и углубление идеи временных отделений, которые сделали свое дело.

Глубоко сожалею, что, вернувшись, не застал уже Вас. Буду воистину счастлив, если Вы одобрите мои мысли и убеждения, что сообща мы поправим это важнейшее из дел.

Его Величество отнесся к моим предположениям вполне сочувственно. Выезжаю в Карлсбад и рассчитываю возвратиться около 20-го августа. Тогда переговорю с Вами о своих планах подробно, а пока жму Вашу руку и надеюсь, что Вам удастся немного отдохнуть.

Всегда искренне Вам преданный

А. Кривошеин

30 сентября 1910 года

Председатель Совета министров

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Возвращаю Вам внимательно мною просмотренный, прекрасно и талантливо составленный проект отчета по Сибири.

Я бы хотел лишь остановить Ваше внимание на одном общем соображении и на одной частности.

Дело в том, что хотя поездка наша по Сибири не имела характера ревизии, а скорее экономической разведки, по ознакомлению с краем, мы не можем пройти мимо внешних условий, тормозящих его развитие. Я разумею обеспечение БЕЗОПАСНОСТИ и ОХРАНЫ ПРАВА.

Поэтому мне кажется необходимым в последней главе «о главных Трудностях Сибири» упомянуть и о необходимости усилить полицию, увеличить число судей и ввести в Сибири институт судебных следователей. Особой «административной главы» вводить не стоит, но ввести такого рода страничку в общий сибирский отчет, только справкой, которую может дать Департамент Полиции и Министерство Юстиции, *полезно*: КАРТИНА БУДЕТ ПОЛНАЯ!

Крепко жму Вашу руку

Искренне Вам преданный П. Столыпин

24 июля 1911 года

Многоуважаемый Александр Васильевич,

Мне придется приехать в Петербург 1-го августа, чтобы установить с Треповым все подробности пребывания в Киеве.

Пробуду с неделю и, конечно, придется созвать Совет Министров. Если у Вас уже выяснились разногласия, то нельзя ли будет их в этот приезд разрешить? Не протелеграфируете ли мне в понедельник в 12 ч. 30 мин. дня, когда мы можем повидаться? Быть может, отобедаете у меня, если не скучно вдвоем?

Искренне преданный Вам П. Столыпин

Выборы в земства проходят блестяще.

Прочел с сожалением о кончине почтенной старушки Морозовой.

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

Из сделанного Кривошеиным теснее всего с его личностью ассоциируется заселение и освоение обширных пространств Сибири. Он выполнял это задание с момента учреждения Переселенческого управления в 1896 г., сначала в качестве помощника начальника (но фактического начальника), затем начальника, и наконец, на министерском посту. Да с сопровождения в 1888 г. партии переселенцев на Дальний Восток и началась его карьера.

За это время ему пришлось вызывать, руководить, организовывать и, по необходимости, сдерживать в твердых рамках огромное стихийное движение, уже по одному тому трудно поддававшееся регулированию, что исчислялось оно, и не только по-канцелярски, количеством «душ». Естественно, что такое массовое передвижение «душ человеческих» имело свои теневые и свои светлые стороны, сопровождалось личными трагедиями и личными удачами, цифрами не выражаемыми. Однако и из цифр ясно следует, что бюрократическое учреждение осилило и вывело из хаоса такое стихийное явление, как переселение более четырех миллионов человек за тысячи и тысячи верст. По сравнению с этими четырьмя миллионами, цифра 700000 возвратившихся за 20 лет при всей ее значительности только подчеркивает успех предприятия в целом.

Столыпин в своем докладе царю в конце 1910 г. ярко осветил размах переселенческой стихии, указывая на то, что за 300 лет русского владычества в Сибири оказалось налицо 4,5 миллиона русского населения, а за последние 15 лет (1896—1910 гг.) в нее прибыло и обосновалось около трех миллионов, из них около 1,5 миллиона за трехле-

тье 1908—1910 гг. Можно добавить, что еще около миллиона прибыло между 1911 и 1916 гг.

Как и все глубокие сдвиги, изменившие с 1890-х годов экономический и тем самым государственный облик России, так и новое направление правительственной политики в вопросе переселения, связаны с именем Витте. До него правительство занимало выжидательную, пассивную позицию по отношению к зарождавшемуся стихийному явлению, значение которого, положительное или отрицательное, оставалось неясным. Несмотря на более благоприятное отношение некоторых представителей бюрократии, на эту позицию влияли опасения землевладельцев лишиться деревенских рабочих рук.

Граф Д.А. Толстой, хотя и определенный представитель дворянских интересов, уже в силу своего ума относился к переселению сравнительно благожелательно. Опасность столкновения с Китаем вызвала начиная с 1882 г. отправку переселенцев в Приморскую область на крайне выгодных для них условиях¹⁹⁷. Положением 1884 г. был учрежден земельный кадастр Сибири для образования переселенческих участков. Но дальше колебаний между административным сдерживанием и поощрением, выражением которых был закон 1889 г., дело не шло.

Начало постройки Великого сибирского пути перенесло вопрос в другую плоскость, и Витте, тотчас по своем назначении управляющим Министерством финансов 30 августа 1892 г. понял все, что принесет использованное в общегосударственных целях нараставшее стихийное движение. И хотя Витте не понимал тогда ни крестьянского вопроса, ни роли и места земледелия в русском народном хозяйстве, грандиозная геополитическая и экономическая перспектива заселения Сибири, связанная с проникновением туда сибирского пути, с приобщением целины и тайги к культурно-хозяйственной жизни России, открылась ему с большой ясностью¹⁹⁸.

Нельзя не остановиться на высказанных им, сначала в 1892 г., а затем 1902 г., взглядах, хотя бы для того, чтобы найти в них то, что вошло в колонизационную политику Кривошеина, и то, чем последняя от них отличалась.

Общий смысл доклада Витте 6 ноября 1892 г. «О способах сооружения Великого сибирского пути», представленного им 13 ноября созванному по его почину Особому совещанию под председательством гр. Д.М. Сольского, и докладной записки о росписи 1893 г.¹⁹⁹ заключался в том, что вопрос о постройке должен быть поставлен независимо от бюджетных поступлений. Оценивать ее значение с точки зрения только финансовой было бы совершенно неправильно, а нужно уделять главное внимание экономическому значению дороги. Нужно было покончить с разобщенностью Сибири и Европейской России: «Сибирь, будучи частью России, не была участницей России в ее гражданских, культурных и экономических успехах, но как бы застыла в своей вековой неподвижности. <...> Желательно связать постройку дороги с колонизацией обширных плодородных пространств Сибири, способствуя таким путем и оживлению района рельсовой линии и назревшей государственной задаче устройства быта малоземельных крестьян Европейской России... Особое внимание нужно уделить колонизационному вопросу. Наиболее целесообразным способом расширения малоземелья является наделение нуждающегося крестьянства казенной землей в Сибири, способной удовлетворить потребность населения Европейской России в земле; <...> с появлением на местах достаточной рабочей силы плодородные сибирские земли приобретут притягательность и для

образованных слоев общества, которые приведут с собой и капиталы и знания и цивилизирующее влияние на окружающую среду».

Работы Особого совещания увенчались законом 10 декабря 1892 г., учреждавшим Комитет по постройке Сибирской железной дороги под председательством будущего императора Николая Александровича, в распоряжение которого был передан специальный 14-миллионный фонд «на вспомогательные предприятия, связанные с постройкой Сибирской железной дороги и имеющие целью как облегчение сей постройки, так и содействие заселению и промышленному развитию прилегающей к дороге местности»²⁰⁰. Фактическим руководителем Комитета был его управляющий делами статс-секретарь А.Н. Куломзин, энергичный сторонник создания «цепи деревень от Урала до Тихого океана».

Обладая правами законодательными, Комитет сыграл видную роль в начальной фазе переселения. Так, в 1895 г. Комитет признал, что выселение крестьян из внутренних губерний не может иметь неблагоприятных последствий вследствие его незначительности по сравнению с приростом населения и установил «крайне благоприятное влияние переселения на политическое и экономическое развитие Сибири, способствующее насаждению там русской культуры и содействующее достижению правительственной задачи ближайшего объединения наших азиатских владений с Европейской Россией»²⁰¹. Это и были основные положения будущей переселенческой политики Кривошеина на министерском посту.

Чтобы покончить с распылением административных инстанций, указом 2 декабря 1896 г., по докладу И.Л. Горемыкина, тогда министра внутренних дел, для выполнения не только координационных, но и центрально-исполнительных функций, для разработки законодательных предположений и руководства переселением, было учреждено Переселенческое управление. Его начальником назначен был В.И. Гиппиус, а помощником последнего, по представлению Горемыкина, молодой столоначальник Земского отдела А.В. Кривошеин, пользовавшийся, кстати, симпатиями Гиппиуса²⁰². Назначение Гиппиуса не отвечало порученному ему заданию, совсем недавно до того он высказался против расширения переселения, считая образование безземельного крестьянства меньшим злом, чем недостаток рабочих рук в крупных владениях²⁰³. Это было назначение по старшинству; очень скоро Гиппиус предоставил Кривошеину руководство управлением, а затем впал в старческий маразм. На долю Кривошеина выпало трудное задание, так как согласно с докладом Горемыкина от управления ожидалась деятельность «требуемая не столько соображения с законами, сколько живой распорядительности и быстрого приспособления к удовлетворению внезапно возникающих и часто крайне изменчивых запросов переселенческого движения»²⁰⁴.

Назначение Кривошеина совпало с быстрым ростом переселения в связи с постройкой Сибирского пути²⁰⁵: с 161 тысячи за все десятилетие 1885 — 1895 гг., оно возросло до 178 тысяч за один 1896 год (что вызвало 20 янв. 1897 г. временное приостановление движения), а за все время фактического и официального руководства им управлением (1896—1905 гг.) оно достигло 1076000 душ (не считая 293 тыс. ходоков), при 224 тыс. вернувшихся²⁰⁶.

Будучи исполнителем эволюционирующей правительственной политики, Кривошеин внес в ее осуществление некоторые личные черты, впрочем отвечавшие передовым тенденциям Комитета, если не Министерства внутренних

дел. Таковыми были принципы сотрудничества правительства с общественностью на местах — и это в реакционные годы Сипягина и Плеве, — а также предпочтение основанному на экономической рентабельности содействию переселенцам перед раздаваемыми, в сущности ничтожными и неэффективными ссудами. На этих началах были с 1898 г. Кривошеиным организованы, с использованием фонда Комитета Сибирской дороги и с участием местных общественных элементов за неимением земств, на чисто коммерческом основании, «сельскохозяйственные склады», продававшие переселенцам сельскохозяйственные машины на всем протяжении Сибири.

Эти «вызванные к жизни лично А.В. Кривошеиным»²⁰⁷ 242 склада, про которые было сказано, что они были первым применением принципов, высказанных в 1913 г. в речи на тему «Мы и Они», развили за 15 лет свой оборот с 212 т. рублей в год до 8 миллионов и помешали монополизации торговли земледельческими орудиями частными фирмами. С развитием благосостояния новоселов, однако, частные фирмы стали успешно конкурировать с этими казенными предприятиями благодаря более живой коммерческой инициативе, хотя и тогда годовой оборот складов достигал 33 % общего оборота торговли земледельческими орудиями, сохраняя первое место в этой отрасли.

В 1914 г. в круг деятельности этих складов входила не только торговля машинами и предметами домообзаводства, но и заготовка хлеба (22 зернохранилища); кроме того, было открыто 50 товаро-продовольственных лавок в отдаленных районах и лесные склады для продажи лесных материалов в районах безлесья²⁰⁸.

За десятилетие (1896—1905 гг.) руководства управлением Кривошеиным²⁰⁹ правительственная политика — вернее политика Комитета — в деле переселения шла постепенно от сдерживания коллективного психоза к побуждению сознательного и обдуманного отношения переселенцев к этому рискованному предприятию. На этом принципе основывалось, начиная с 1896 г., покровительство ходачеству, а затем его обязательность, а также разъяснительная работа на местах путем издания и массового распространения брошюр, в которых наряду с практическими советами подчеркивались не только соблазнительные перспективы поселения в Зауралье, но и связанный с ним риск.

Новый толчок к дальнейшей эволюции правительственной политики был опять дан Витте. Вернувшись из своей поездки в Сибирь в 1902 г., он представил доклад, в котором подчеркивалось мировое значение Великого сибирского пути («мировой транзитный путь, по которому будет совершаться обмен товаров между Западом и Востоком») и значение для России колонизации Сибири²¹⁰, связанной с этим путем. Благодаря деятельности Комитета переселенческое дело получило стройную организацию, подчеркивал Витте, переселение возросло (200000 в год), «но и этот размер переселенческого движения не отвечает ни действительной нужде в устройстве быта малоземельного крестьянства внутренних губерний, ни потребности необъятных областей Сибири в земледельческой колонизации». Витте верил, что неограниченные возможности Сибири могут на значительное время ослабить остроту аграрного вопроса в Европейской России. В этом он ошибался, но его убеждение в огромном значении развития переселения для экономического и культурного будущего Сибири было в основе правильным. «Приходится иногда слышать, что в Сибири запас земли, пригодной для колонизации, близок к истощению»²¹¹, но такое мнение в корне несправедливо. Расширение колонизации ожидается в Степ-

ном крае, где произведенные исследования выяснили наличие у киргизского населения весьма значительного излишка земель. Обширное поле представляет и почти нетронутая Амурская область».

«Итак, по моему мнению, ни в желающих переселиться в Сибирь, ни в свободных землях для них недостатка не будет. Между тем скорейшая колонизация наших азиатских владений представляется делом первостепенной государственной важности как в экономическом, так и в политическом отношении <...>. С заселением обширных сибирских областей, с обращением их хотя бы до некоторой степени в культурное состояние, экономическая жизнь империи и политическое ее могущество возрастут весьма значительно...»

Для развития переселения Витте предлагает следующие меры: облегчить выход переселенцев и для этого устранить противодействие со стороны местных властей; ознакомить крестьянство с действительными условиями жизни на Урале, для чего распространить ходатайство; планомерно и систематически обследовать таежные пространства с целью сохранения ценных лесов и обращения под переселение участков, не имеющих лесохозяйственного значения. Развить сеть дорог от грунтовых до железных: «Обратить особое внимание на скорейшее сооружение линии от Омска до Ташкента. Линия эта откроет новый большой район для заселения и обеспечит среднеазиатский рынок дешевым сибирским хлебом, благодаря чему явится возможность расширить за счет зерновых посевов разведение хлопка в Средней Азии».

Перечисляя необходимые затраты на врачебно-продовольственную помощь, на развитие деятельности межевых партий (для выработки стройного плана заселения) и т. д., Витте добавляет, что жертвы казначейства «найдут себе оправдание, с одной стороны, в той культурной роли, которую предназначены выполнить переселенцы в деле оживления необъятной Сибири и разработки природных богатств края, а с другой — в уменьшении в Европейской России излишков населения».

Наконец Витте видит будущность края не в одном только земледелии: для всестороннего его экономического развития необходимо насаждение в нем обрабатывающей промышленности, увеличение числа рабочих и городского населения²¹². Русские капиталы для этого недостаточны, — необходимо привлечь иностранные; для привлечения рабочих элементов нужно предоставить им участки в долгосрочную аренду.

Так, смелой и твердой рукой мог Витте чертить грандиозный и в то же время разумный план будущего развития Сибири, культурной миссии русского народа в пробуждении скрытых в ней энергий, и в этой части начертанного им плана он не ошибался; заселение и освоение Сибири пошло именно предвиденным им путем, его предначертания вошли в программу Кривошеина. Поражают отдельные подробности, в 1902 — а тем более в 1892 г. — частью казавшиеся неактуальными, но получившие потом большое значение. Так, железнодорожная связь между хлебным районом к югу от Омска и хлопководческим Туркестаном для обеспечения хлебом последнего и развития там культуры хлопка за счет зерновых культур; так, заселение киргизских степей с их антиэкономическим кочевым хозяйством; заселение Приамурья; привлечение в Сибирь «образованных слоев общества» путем создания крупной частной собственности или поощрение оседания в ней рабочего элемента льготным предоставлением ему участков в аренду. Так, наконец, то, что могло казаться тогда праздно мечтой, — ясное сознание необходимости индустриализации

огромной и почти незаселенной страны, хотя бы ценой привлечения иностранного капитала.

Но если Витте ясно видел огромные возможности развития Сибири и то, что это развитие могло прибавить к экономической мощи империи, то в одной, но крайне важной части своей программы он не учел реальной обстановки: поглотить естественный прирост сельского населения России и ослабить малоземелье Сибирь не могла ни тогда, ни потом. Как ни велики были тогда еще неисчерпанные возможности ее заселения, они были ограничены, и начиная с некоторого момента — нерентабельны. Сокращение малоземелья, помимо интенсификации сельского хозяйства, могло быть достигнуто только массивным исходом деревенских излишков в промышленность, т. е. той индустриализацией, первым делом, Европейской России, которая неразрывно связана с именем Витте.

В положении Переселенческого управления оставалась известная двойственность: учрежденное, чтобы проводить предначертания Комитета Сибирского пути, оно было составной частью Министерства внутренних дел. Плеве интересовался переселением и летом 1903 г., в сопровождении Кривошеина, объездил поселки новоселов в Западной Сибири.

Комитет предложил ему составить новые правила, но направление составленного министром проекта не отвечало тенденциям Комитета: Плеве, ставя колонизационные цели на второй план, искал в детальной регламентации выселения способ разрежения сельского населения только в тех местах, где малоземелье ощущалось особенно остро²¹³.

Однако Комитет отдал предпочтение принципу свободы переселения в духе записки Витте и законом 6 июня 1904 г., предоставляя льготы только регламентированному, «поощряемому» переселению, снимались все запрещения с все растущей волны «самовольцев».

Наконец, 5 мая 1905 г. руководство переселением было преобразовано: с переименованием Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройством и земледелием с министерскими правами Переселенческое управление было изъято из ведения Министерства внутренних дел и присоединено к новому Главному управлению. Целый ряд вопросов, тесно связанных с устройством участков для новоселов (мелиоративные и землемерные работы и т. д.), находившихся до того в ведении Министерства земледелия, вошли в компетенцию Переселенческого управления, поскольку они касались переселенцев. Прежнему двоевластью был положен конец²¹⁴. Но глава Переселенческого управления Кривошеин, став помощником главноуправляющего, несколько отошел от переселенческого дела, центр тяжести его деятельности был перенесен на подготовку земельной реформы. Приостановленное войной движение переселенцев было, однако, возобновлено 10 марта 1906 г. по его инициативе. Таково было заключение трудов междуведомственной комиссии по земельному вопросу под его председательством, после отставки Н.Н. Кутлера, в феврале 1906 г. Кривошеин оставался также несколько в стороне от переселения, когда между 6 октября 1906 г. и 21 мая 1908 г. он руководил Крестьянским банком в качестве товарища министра финансов. Призванный затем Столыпиным возглавлять Главное управление землеустройством и земледелием, Кривошеин посвятил не меньше энергии и внимания переселенческому делу, но теперь уже не в качестве исполнителя директив правительства, а фактического «министра Азиатской России». Как и в землеустройстве,

Столыпин предоставил ему полную свободу действий, и вместе со Столыпиным он сделал необходимые выводы из их совместной поездки в Сибирь осенью 1910 г. и внес соответствующие поправки, иногда очень глубокие, в свою политику.

Основой министерской программы Кривошеина был отказ от господствовавшего долгое время в правительственных (и помещичьих) кругах, в том числе, отчасти, и у него самого, взгляда на переселение как на выселение излишков хозяйственно слабого и беспокойного крестьянства в установленные для этого бюрократией «территориальные резервы». Вместо этой не оправдавшей себя линии он стал проводить иную, экономически и геополитически самодовлеющую политику, сочетающую более рациональное распределение русского земледельческого населения с экономическим и культурным освоением сибирской целины и тайги.

Прошло время, когда достаточно было водворить нуждающихся крестьян в поисках за землей, чтобы выполнить этим огромные задания колонизации, — таков был смысл одного из первых выступлений Кривошеина в 1908 г., по вступлении в должность²¹⁵. Не менее определенно высказался он в своей бюджетной речи в Государственной думе, 17 марта 1909 г.²¹⁶: «Для ежегодного прироста населения Европейской России переселение является гомеопатической дозой: переселение не устраивает даже половины избытка. Но перенесемся на одно мгновение за Урал, в заселяемые районы. В 1905 г. всего сельского населения там было 7 миллионов и за последнее трехлетие туда прибыло 1,5 миллиона. В Акмолинской области крестьянское население увеличилось за 15 лет в 15 раз. Подумайте, какими крупными ступенями идет перелом всей экономической жизни. Подумайте, как увеличивается одно только производство хлеба, заваливающее местные рынки и не имеющее обеспеченных рынков. В ближайшем будущем нам придется построить целую сеть железных дорог, а до тех пор ежегодное увеличение переселяющихся было бы весьма рискованным».

И уже с абсолютной определенностью он формулировал свой взгляд на переселение, который был и взглядом Столыпина, в их совместном докладе (записке) о поездке в Сибирь в 1910 г.: «Основывать переселение на идее прочного заселения Сибири, а не на разрежении населения Европейской России»²¹⁷.

На том же принципе оправдания самой жизнью, и только ею, переселение было 4 марта 1911 г. объявлено свободным, нерегламентированным, в любые районы, согласно живому выбору самих переселяющихся, их вкусу и инстинкту, после предварительного обязательного осмотра участков ходоком. Те, кто пренебрегали этой элементарной предосторожностью, шли на свой страх и риск, не пользовались льготным проездом и могли только пенять на себя, хотя ведомство все же помогло им, отводя им землю во вторую очередь. Это они составили две трети возвращавшихся.

Свое намерение упразднить регламентацию Кривошеин возвестил еще за два года до того, в той же программной речи 17 марта 1909 г.: «Что касается до регламентации, то я не верю в ее успешность. Как ни заманчива цель перейти от беспорядочно партизанского заселения Сибири к планомерному выселению в Сибирь организованных переселенческих отрядов, достигнуть ее едва ли возможно. В живом народном деле следует опасаться канцелярских приемов. Люди идут устраивать новую жизнь, ломая старую. Направлять их искусственно, куда хочет правительство, а не туда, куда их самих тянет, это брать на себя слишком большую ответственность. Единственно, что возможно сделать, это добиться

заблаговременного осведомления ходоков о местностях свободных и местностях занятых».

В связи с свободой выбора районов переселения размер правительственной ссуды переселенцам был, согласно закону 1912 г., установлен неодинаковым, сообразно не с антиэкономическим принципом большей или меньшей бедности переселяющихся, а с большей или меньшей трудностью данного района. «Отказываясь от полицейских традиций запрещения и пресечения, регулируя колонизацию только посредством ссудной системы, правительство хоть отчасти вносит известную планомерность в стихийное переселенческое движение», — признает критик «слева» переселенческой политики Н. Огановский²¹⁸. Была создана шкала ссуд, разделенная на семь категорий, от нуля в Западной Сибири до 400 рублей в Приамурье и пограничной с Китаем области, из которых 200 рублей безвозвратно. Косвенной помощью — дорогам, больницам и школам — отдавалось предпочтение перед индивидуальными ссудами.

Затем, в силу принципа экономической рентабельности, а не уравнительного наделения («Нельзя во всей Азиатской России отводить и лучшую и худшую землю одинаково даром» и «Правильная расценка и продажа лучших земель, при единовременном усилении правительственной помощи в суровых местностях, — наиболее верное средство планомерного и прочного заселения Сибири», говорит вышеназванная записка²¹⁹, был внесен в 1912 г. в думу законопроект о продаже переселенцам участков в наиболее удобных местностях Сибири. Законопроект остался думой нерассмотренным, но в порядке фактического и подготовительного осуществления этого решения все предназначенные участки были в 1913 г.²²⁰ изъяты из переселенческого фонда и сдавались их будущим покупателям на 12 лет на особых, льготных условиях, — тем самым привлекались в Сибирь зажиточные элементы крестьянства, более подготовленные для перехода к интенсивному земледелию.

С того момента, как переселение перестало быть способом ослабления малоземелья в Европейской России, сохранение казенного переселенческого фонда в виде неприкосновенного крестьянского заповедника, закрытого для других сословий, становилось антиэкономическим пережитком. Основываясь на этом принципе, Кривошеиным был внесен в 1913 г. в думу законопроект о предоставлении права переселения на казенные земли лицам всех сословий на общих с сельскими обывателями основаниях. Вызвавший резкую критику слева, при пассивном отношении думского большинства, законопроект так и не был еще рассмотрен в 1914 г.²²¹.

Несколько раньше другой, одобренный в марте 1912 г. Советом министров, законопроект касался уже не заселения, а освоения в порядке использования пустующих земель не только Сибири, но и крайнего севера Европейской России, непригодных для мелкого крестьянского хозяйства, но могущих быть использованными, например, для скотоводства или лесной промышленности. Земли эти должны были быть уступлены в собственность крупным частным предпринимателям. Хотя проект и не был еще рассмотрен, он, как и предыдущий, шел вразрез с господствующими народническими настроениями, но был применен ведомством обходным путем. Ведомство сдавало в сравнительно засушливых степях будущего Казахстана «имущественно-обеспеченным скотоводам и коневодам» участки в аренду на срок до 36 лет²²². Одной из целей законопроекта была передача «имущественно-обеспеченным» предпринимателям

пустующих земель для промышленной эксплуатации природных богатств: лесной промышленности и ископаемых минералов.

Кривошеин был убежденным сторонником участия крупного капитала, наряду с казной, в освоении природных богатств, и этот «капиталистический подход» к вопросам экономической политики нашел своеобразное отражение в советской историографии: «Главное управление землеустройством в большей мере (чем Министерство внутренних дел) представляло интересы капиталистических кругов помещиков, деятельность его была связана с общим капиталистическим развитием страны»²²³.

Для рационального использования азиатской территории для заселения или для других видов освоения большое усилие было приложено на «труды по предварительному изучению естественных свойств предназначенных для колонизации местностей и экономических условий их заселения»²²⁴. Для этого командированные ведомством научные экспедиции обследовали к 1915 г. почти все подлежащие заселению пространства. Так, в 1911 г. они обследовали 10 миллионов десятин, из них 5 миллионов на Дальнем Востоке (из коих 2 миллиона были признаны пригодными для земледелия). В 1912 г. были обследованы Якутская и Закаспийская области. Была составлена почвенная карта Сибири. Признана была возможность земледелия в районах вечной мерзлоты. Иногда ведомство привлекало к этим обследованиям Вольно-экономическое общество, несмотря на определенную оппозиционность последнего к земельной политике Кривошеина.

Осуществленные в 1912—1914 гг. Кривошеиным мероприятия в области аренды государственного земельного фонда и всесословности заселения были реальным, хотя еще не оформленным шагом в сторону насаждения частной собственности на землю и тем самым к образованию более зажиточного, более культурного и экономически развитого класса в социальной структуре сибирского «мужицкого царства». «Без этого, — как писал Столыпин Николаю II тотчас по своем возвращении из Сибири в сентябре 1910 г., — бессознательно и бесформенно создается громадная, грубо демократическая страна, которая задавит Россию Европейскую...»²²⁵ Тогда как соседство более крупных и культурных хозяйств может помочь общему подъему сельского хозяйства за Уралом и может дать приток свежих сил, образованных и предприимчивых деятелей, без которых едва ли мыслимо поставить и земское и городское хозяйство»²²⁶.

Но ни Столыпин, ни Кривошеин не успели довести до конца внедрения понятия частной, точно отграниченной собственности на землю в массу как старожильского, так и новосельческого крестьянства. Первое пользовалось своей землей на основе заимного, в сущности захватного обычного права «на глаз», без твердого основания на владение определенным участком земли, откуда экстенсивный, варварский, непроизводительный характер земледелия. Что касается до новоселов, то Столыпин должен был признаться в том же письме Николаю II, что «мы искусственно насаждаем общину в стране, которая привлекла к личной собственности...».

Дело в том, что до 1908 г. включительно огромное нарастание переселения (758 тысяч в 1908 г. против 216 тысяч в 1906 г.) принудило прибегать к более скорому и легко выполнимому отводу больших площадей — в 5-10 тысяч десятин вместе, для общинного устройства переселенческих обществ²²⁷. Приходи-

лось считаться с необходимостью нормализовать как можно скорее стихийное явление, грозившее превратиться в стихийное бедствие.

Во всяком случае, с назначением Кривошеина, как только переселенческая волна начала спадать (316 тысяч в 1910 г.) и ежегодные заготовки участков для новоселов уменьшились с 4,5 миллионов десятин до 1,5 миллиона десятин, была, в первую очередь, использована появившаяся возможность отводить площади размером не более 1500–2000 десятин «в виде удобных для последующих разделов небольших хозяйственных единиц»²²⁸; а главное, стали отводить половину участков для каждого домохозяина отдельно, в виде отрубных владений (с общим поселением в центре) в бессрочное единоличное пользование, а также выделять для хуторов поселки²²⁹.

В замысел Столыпина и Кривошеина входило уравнение как старожилов, так и новоселов, с крестьянами европейских губерний в области землеустройства и тем самым признания за ними права собственности на их наделы. Осуществление этого принципа было в бескрайней сибирской шири условием перехода экстенсивного, часто варварски разрушительного сибирского земледелия на интенсивное, культурное хозяйство. Однако внесенный еще в 1911 г. в думу соответствующий законопроект так и не был рассмотрен ею до самой войны. Благожелательное отношение 3-й и 4-й дум к переселенческой политике Столыпина и Кривошеина слишком часто сопровождалось робостью или пассивностью, когда приходилось принимать смелые решения, и ни Коковцов, ни сменявшиеся министры внутренних дел не интересовались вопросом такой капитальной важности.

Как и в вопросе продажи ценной земли переселенцам или пустующих земель — частным владельцам, Кривошеин мог только подготавливать или реализовывать фактически право собственности в обход существующих законов.

Эти подготовительные работы начали проводиться тотчас по вступлении Кривошеина в должность: законом июня 1909 г.²³⁰ были установлены ссуды сельским обществам на внутринадельное межевание, т. е. отграничение наделов как новоселов, так и старожилов, не имевших точных наделных границ. Всего из 33,5 миллионов десятин, подлежащих отводу старожилам, с 1898 по 1913 г. было запроектировано наделов до 20 миллионов десятин, в том числе отграничено в натуре 11 миллионов десятин и составлено отводных записей, т. е. окончательно оформлено 6 миллионов десятин²³¹.

Кроме того, были отграничены (законы 1914 г.) земли семиреченских, амурских и уссурийских казаков, с предоставлением им, как и их соседям, крестьянам и инородцам, определенных наделов, что позволяло установить существование возможных земельных запасов для заселения переселенцами²³².

С назначением Кривошеина началось переселение в Семиречье и заселение киргизской степи, сопровождаемое переходом на оседлость киргизских кочевников²³³. До него местные власти отрицали возможность переселения туда и существование там свободных земель, между тем как Семиречье было богато высококачественным черноземом²³⁴. Естественно, что, как всякая недобровольная ломка векового жизненного уклада, этот процесс был болезненным для кочевников, но еще более несомненно то, что он вел к экономическому прогрессу. «Не могу оберегать кочевое хозяйство на черноземе в ущерб русским земледельцам», — заявил Кривошеин в думе в марте 1909 г., а записка о переселении 1910 г. утверждала, что «от широкого прилива русских переселенцев выиграют и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность».

Переход от антиэкономического кочевого быта на оседлость должен был освободить огромные пространства для переселения. Переход производился постепенно, ежегодным отводом нескольких сотен тысяч десятин оседлым киргизам в собственность, по 10 десятин на мужскую душу вместо прежних 40, что вполне отвечало соотношению между продуктивностью кочевого быта и оседланного на оседлости хлебопашества.

Переход на оседлость был полностью осуществлен советской властью. Можно добавить, что принцип перехода кочевников на оседлость признан Международной организацией труда необходимым условием прогресса всех развивающихся стран, с хотя бы частично существующим кочевым хозяйством²³⁵.

Для руководства заселением Дальнего Востока был организован специальный комитет под председательством Столыпина и Кривошеина. Заселение Дальнего Востока носило с самого начала геополитический характер, а затем особое внимание было обращено на промышленное развитие края. Соседство с Китаем и неизбежность заселения этого края китайцами из-за отсутствия русского населения вынудило правительство начать колонизацию еще в 1880-х гг. Поощряемая затем, после русско-японской войны, земледельческая колонизация дала только относительно благоприятные результаты и вызвала большой процент возвращения из-за тяжелого климата и пустынного характера края. Заселение стало развиваться в связи с постройкой Амурской железной дороги, законченной в 1915 г. Именно благодаря ей край открылся освоению. По словам советского экономиста П.И. Лященко, дорога «открыла в этом районе обширнейший земледельческий колонизационный фонд и обширный лесной фонд для промышленной эксплуатации и экспорта»²³⁶. Уже в 1913 г. ввиду отсутствия частной инициативы, ведомство разрабатывало проект создания, в целях освоения края, крупных казенных лесопромышленных предприятий²³⁷.

Освоение края энергично проводилось ген.-губернатором Н.Л. Гондатти, обязанным своей успешной карьерой содействию Кривошеина. Для разработки правительственных мероприятий в начале 1913 г. было создано при ведомстве землеустройства Особое совещание под председательством Гондатти, тем более необходимое, что заменивший Столыпина в Комитете по Дальневосточным делам В.Н. Коковцов не проявлял большого понимания в этом вопросе.

В феврале 1913 г. Совет министров одобрил²³⁸ поддержанное Кривошеиным предложение Особого совещания установить на ввоз манчжурского зерна на Дальний Восток пошлину (30 копеек с пуда), без которой было невозможно развитие, даже существование там земледелия и, следовательно, заселение этого пустынного края, неизбежно ставшего бы китайским или японским, во всяком случае — потерянному для России. Мера была одобрена Советом министров единогласно, против одного Коковцова, считавшего, что она неблагоприятно отразится на финансовых интересах Восточно-Китайской железной дороги²³⁹.

Ввиду трудностей, встречаемых земледельческой колонизацией, было положено начало «промышленному», т. е. рабочему переселению на Дальний Восток, необходимому условию развития там промышленности. Для этого был применен метод, упомянутый Витте в его записке 1902 г. касательно рабочих, строивших Сибирский путь: рабочим, занятым на постройке Амурской дороги, которых приходилось привозить из Европейской России (их число достиг-

ло 106 тысяч в 1912 г. против 52 тысяч в 1911 г.)²⁴⁰, давались льготы и ссуды на оседание. Одновременно была начата индустриализация края, связанная с возможностью использования высококачественного сахалинского угля. В начале 1914 года был решен положительно вопрос постройки большого порта в Александровском посту для вывоза угля, а в июне того же года были пущены в ход частным товариществом в Тетюхе заводы по обогащению серебряносвинцовой и цинковой руды²⁴¹. Был запрещен «желтый», т. е. китайский труд на казенных предприятиях. В 1914 — 1915 годах дальневосточные области стояли на первом месте по развитию промышленности в Сибири и на втором месте, после Царства Польского, по развитию городской жизни в империи. В них русское хозяйство, в том числе и земледелие, поддерживалось городом и промышленностью²⁴².

Министр земледелия был, в силу руководства им Переселенческим управлением, «министром Азиатской России»; в круг его деятельности входили не только нормальные обязанности земства, в Сибири не существовавшего, но и ряд сродных, как открытие школ, больниц, церквей, помощь «водворяемым» земледельческими орудиями, строительными материалами и пр. Неудивительно, что Переселенческое управление было удачно названо «Всеазиатской земской управой»²⁴³. На нем лежала организация врачебной помощи, еще недостаточной: 416 врачебных и фельдшерских пунктов в районах водворения, на которых работало 130 врачей и 684 фельдшера в 1915 г., выполнявших колоссальную работу (до 1357000 амбулаторных посещений в год). Во всяком случае, переселенческая масса была предохранена от эпидемии холеры, распространявшейся во многих районах Европейской России в 1908 г. и средняя смертность у нее (40/1000) только немногим превосходила столичную (32/1000). В бюджет ведомства входило проведение шоссейных дорог в переселенческих районах, — в 1914 г. их сеть достигла 12000 верст при годовом ассигновании 5 миллионов рублей²⁴⁴.

Кроме этой местной работы, Кривошеин, посредством Переселенческого управления, принял активное участие в разработке проектов постройки железных дорог между азиатскими областями, необходимых для земледельческого и промышленного развития Азиатской России, а главное, оказал энергичное воздействие на их реализацию²⁴⁵. В отчете об его поездке со Столыпиным в Сибирь было указано на необходимость постройки Южно-Сибирской магистрали, «призванной тесно связать нашу Сибирскую окраину с мировым рынком, дать южным киргизским степям, богатым хлебом, скотом, золотом, медью и каменным углем, возможность сбыта этих богатств». Рассмотренный особым междуведомственным совещанием этот проект был одобрен Советом министров 17 февраля и 27 апреля 1911 г. Согласно с особым журналом этого учреждения за этим числами по вопросу о сооружении железных дорог в Западной Сибири и Северном Туркестане, Совет министров пришел к заключению, что почти неиспользованный край южно-сибирских степей настоятельно нуждается в магистральном рельсовом пути, который облегчит заселение края и даст выход произведенным продуктам. На основании представленных обширных материалов и изустных объяснений А.В. Кривошеина Совет министров пришел к заключению, что район проектируемого Южно-Сибирского пути является одной из лучших частей Сибири (Тургайская, Семипалатинская и Акмолинская области).

«Согласно с изустным заявлением А.В. Кривошеина, нет уже сомнения в пригодности для земледелия большинства местностей, пересекаемых Южно-Сибирской магистралью (только у Семипалатинска встречаются солончаки, могущие быть использованными для промышленного скота, как разведение тонкорунных овец)». Наконец «обилие здесь ископаемых богатств и счастливое сочетание в означенных местностях залежей металлов и каменного угля дают надежду на развитие в ней черных промыслов». Дорога должна была соединить Сибирский путь с западной частью Ташкентской дороги, обходя Уральский хребет с юга²⁴⁶.

Одобрение этого плана открывало новые перспективы освоения Азиатской России, — перспективы ее индустриализации.

В главе «Конфликт с Коковцовым» излагается, как последний затягивал выполнение программы железнодорожного строительства, пока наконец, под сильным давлением Кривошеина и Рухлова, им не был заключен железнодорожный заем в Париже (октябрь 1913 — январь 1914 г.). Рассмотренный комиссией Государственной думы весной 1913 г.²⁴⁷ проект Южно-Сибирской магистрали (Орск — Акмолинск²⁴⁸ — Семипалатинск, протяжением в 1618 верст) был наконец одобрен Советом министров 19 декабря 1913 г.²⁴⁹, а 16 июня 1914 г.²⁵⁰ второй департамент Государственного совета одобрил в качестве последней инстанции выдачу концессии частной группе, возглавляемой Вл. Ф. Треповым, притом отмечалось, что Рухлов, Кривошеин и Барк высказались за это решение, против сооружения дороги на средства казны (стоимость дороги исчислялась в 116 миллионов рублей). Необходимый для оживления Сибири приток иностранных капиталов, благодаря тому, что заключенный в Париже заем был унификационным для всех предположенных к постройке в России линий, оставлял в руках русского правительства контроль над строящимися линиями.

19 июня 1914 г.²⁵¹ тот же второй департамент разрешил постройку дороги Орск–Троицк и дороги, идущей от этой линии на Магнитную гору. Как известно, приостановленная войной эта ветвь к основанному в 1929 г. городу Магнитогорску была сооружена в 1930 г. Решение Государственного совета положило начало, 15 лет до того, образованию крупного промышленного района Азиатской России.

Линии Троицк–Кустанай и Новониколаевск–Барнаул–Семипалатинск, проходящие по черноземной степи, одобренные к постройке «при ближайшем участии Переселенческого управления»²⁵², были закончены, первая — 1 декабря 1913 г., вторая — в 1916 г.²⁵³

В мае 1913 г. было разрешено производить изыскания на предмет постройки линии от Кольчугина до Барнаула с ветвью на Кемерово для обслуживания угольного бассейна и хлебных районов²⁵⁴.

К 1917 г. Кольчугино (будущий Ленинск-Кузнецкий) и Кемерово были уже соединены рельсовым путем с Великим сибирским путем.

В начале 1914 г. ведомство энергично добивалось сооружения Усинской железной дороги для соединения Усинского края, граничащего с Урянхайским, с Красноярском. Предполагалось заселить этот гористый край русскими поселенцами. За отсутствием рабочих рук на месте, ведомство предлагало использовать саперные части²⁵⁵.

Какой же итог можно подвести переселению? Каковы были бы его перспективы, если бы война и революция не изменили ход истории?

Иначе говоря: что дало переселение и что могло оно дать? На теньевые сто-

роны этого огромного процесса закрывать глаза нельзя: возвращение обратно тех 18 %, которые не вынесли трудностей и не водворились прочно, вечное движение «слепого переселения», экономически и духовно слабых элементов, передвигавшихся внутри Сибири с одного места на другое, не приписавшихся к старожилам, но получивших ссуду. Численность этих элементов, на две трети самовольцев, достигала 700 000 в 1910 г. и если 314 000 душевых долей, заготовленных для переселенцев, тогда пустовали, то одновременно 344 000 мужских душ²⁵⁶, которые могли бы занять их, оставались еще на положении неводворенных, потому ли что они не облюбовали предложенные им участки, оттого ли что условия жизни, например — в тайге, были слишком чужды уроженцам Украины?

Но если Столыпин насчитывал еще в 1910 г. до 700 000 неустроенных, в большинстве своем из числа прошедших за 1907—1909 гг. 690 000 самовольцев, то постепенно, благодаря отграничению земель старожилов, освободившему значительную площадь до того анархически используемой земли, а также за счет кабинетских земель, большинство самовольцев было водворено. Так, в Томской губернии к 1912 г. оставалось всего 33 тысячи неводворенных из 224 500²⁵⁷. Из них немалый процент оказался вообще неспособным вести самостоятельное хозяйство и работал в батраках как у старожилов, так и у преуспевших новоселов.

Нельзя упускать из виду, что переселенческая стихия была одним из самых иррациональных проявлений массового психоза, которых знала история, где слабые и случайные элементы вливались наряду с сильными в искания новой жизни, слишком часто не находя ее. Правительство могло только предупреждать о трудностях разъяснениями, требовать от выселяющихся обследования земель ходоками, направлять волну в наиболее благоприятные места, оставляя им, однако, свободу выбора, — всякая регламентация вызывала только параллельную волну «самовольцев». Оставалось только дать место естественному отбору экономических и человеческих факторов, помогать переселяющимся в пути и на месте поселения и, облегчив возвращение неприспособившимся, предохранить все предприятие от хаоса.

Если иррациональный характер переселенческого психоза был слабой, неукладывающейся в нормально задуманные организационные планы стороной движения, то в нем таилась и сила, помогавшая многим и многим преодолеть все трудности: этой силой были православная вера, которая вместе с неприхотливостью и долготерпением русского крестьянина была одним из благоприятных факторов успеха этого трудного демографического процесса. В критике работы Переселенческого управления упоминается о том, что Кривошеин обращал особое внимание на обслуживание религиозных нужд переселенцев постройкой церквей (но строились и школы) и временных молитвенных домов, — часто подвижных²⁵⁸; с точки зрения эффективности переселенческого дела, подобная политика себя оправдала²⁵⁹.

Главная трудность организационной работы коренилась в недостатке отпускаемых финансовым ведомством ассигнований, хотя они и возрастали из года в год (4,8 миллиона рублей в 1906 г., 25 миллионов рублей в 1910 г. и 30,2 миллиона — в 1914 г.), и вытекающая из этого ограниченность агрономической помощи после водворения. До 1910 — 1911 гг. в Сибири Переселенческое управление называлось «маломочным» ведомством, наподобие «маломочного», впоследствии «бедняцкого», крестьянства.

Но несмотря на все это переселенческое дело преуспевало. Подавляющая часть водворившихся переселенцев не только жила со старожильческим населением, но стала фактором прогресса для старожилов и для всего сибирского народного хозяйства. «Для экономики Сибири, — пишет советский экономист П.И. Лященко²⁶⁰, — имел значение не только этот приток людей, но и все ценности, которые они стали вносить в сибирское хозяйство. В результате повышения переселенческой волны в 1907 — 1909 гг. началось усиленное освоение новых земель, рост посевных площадей, развитие животноводства». «Спустя несколько лет после переселения хозяйства новоселов становились (особенно после проведения железных дорог и развития рыночного сбыта) типично мелкотоварными»²⁶¹.

Эта советская оценка значения для Сибири переселения совпадает с высказываниями Кривошеина в его записке 1911 г., что «переселение является за Уралом главной движущей силой и деятельным творческим началом, под влиянием которых сдвигаются с места и переустраиваются все отношения...»

«Не было усовершенствования в сельском хозяйстве, которым Сибирь не была бы обязанной переселенцам»²⁶², — так обобщил французский исследователь переселения общепринятое мнение русских исследователей этого вопроса.

Не входя в подробности, достаточно указать на рост вывоза масла (с 400 пудов в 1894 г. до 4,5 миллионов), почти целиком экспортированного в Англию²⁶³), на увеличение в Алтайском округе посевных площадей на 70 % между 1905 и 1915 гг.²⁶⁴, сопровождаемое пятикратным увеличением товарности хлеба (с 10,5 миллионов пудов в год до 50 миллионов), на то, что только за 1907 — 1910 гг. возрастание одних азиатских посевов составило 40 % всего общеимперского прироста, на развитие скотоводства²⁶⁵, по количеству голов на 100 жителей не только опередившего Европейскую Россию, но и большинство стран Западной Европы²⁶⁶; по чьему-то меткому определению, свинья лишила первенства соболя. Рост скота и посевов почти вдвое превышал бурный рост населения — признак необычного развития производительных сил, никогда не наблюдавшегося в коренной России, где наблюдалось обратное. «Сибирь всасывала в себя поток людей и затем начинала выбрасывать на внутренний рынок потоки пшеницы, масла и других сельскохозяйственных продуктов»²⁶⁷, — признавал радикальный экономист Н. Огановский.

Несравненно больше, чем во внутренних губерниях, крестьяне в Сибири пользовались усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, в том числе и новоселы, — последним открывались все возраставшие ссуды Государственного банка (9 миллионов рублей в 1914 г.)²⁶⁸.

И все же земледелие оставалось недостаточно интенсивным, «мужицким», велось непредусмотрительно, в результате чего для сибирского народного хозяйства после быстрых успехов, связанных с проведением Сибирского пути, создавалась опасность застоя. Следовало спешить с осуществлением второго этапа программы Кривошеина. Для того чтобы интенсификация земледелия стала осуществимой, нужно было путем внутринадельного межевания и проведения в жизнь права собственности заинтересовать в этом крестьянство, а также отучить его от хищнического использования неизвестно кому принадлежащей земли; нужно было образовать культурные частные владения. Но для того чтобы интенсификация земледелия стала рентабельной, необходимо было создать большой внутренний рынок, иначе говоря, путем индустриализации

развить промышленное заселение и умножить крупные населенные пункты, потребители продуктов сельского хозяйства. Это была самая трудновыполнимая часть программы, так как привлечь в Сибирь рабочие руки даже при высокой заработной плате было нелегко. А между тем освоение Сибири, сначала рассматриваемое как простое заселение ее поверхности, становилось, прежде всего, эксплуатацией ее недр²⁶⁹. Развитие железнодорожной сети, первое условие всякой индустриализации, вошло в область фактического осуществления накануне войны и было направлено на образование внешних и внутренних рынков и на «развитие черных промыслов»²⁷⁰. Вне сомнения, в этой области, в экономической политике правительства, начиная с 1912 г. ощущается поворот. Записка Столыпина-Кривошеина предвидела большие возможности развития добычи меди и свинца, благодаря проведению железных дорог, но она указывала на то, что Сибирь еще надолго останется земледельческой страной из-за отсутствия рабочего населения и местных капиталов, при умеренном развитии обрабатывающей промышленности. Столыпин относился к иностранному капиталу довольно сдержанно. Как известно, он мечтал о «национализации», т. е. руссификации кредита; Южно-Сибирская магистраль должна была быть сооружена на казенные средства. Взгляд Кривошеина эволюционировал в этой области в несколько ином направлении. Деятельность «Копикуза», группы Вл. Ф. Трепова, тесно связанной с французским и немецким капиталом, смогла быть направлена, с 1912—1913 гг., к сооружению осуществленного впоследствии Кузнецкого металлургического комбината, а постройка Южно-Сибирской магистрали была поручена, по настоянию Кривошеина, той же группе при использовании заключенного в Париже займа. Одновременно с этим постройка линии на Магнитную гору входила в программу развития металлургии этой части Урала. Отставка Коковцова 30 января 1914 г. и «новый курс», взятый правительством в экономической политике по инициативе Кривошеина, открывали интересные перспективы в области более интенсивной эксплуатации естественных богатств страны и выполнения разработанной по инициативе Переселенческого управления программы железнодорожного строительства и использования водных путей²⁷¹.

Кривошеин, как и в прочих отраслях своего ведомства, сумел подобрать себе сотрудников высокого уровня. Переселенческое дело неразрывно связано с Г.В. Глинкой, его многолетним начальником, а во время войны руководителем снабжения армии продовольствием, автором земельной реформы в Крыму в 1920 г.

Ощущалось ли в азиатской политике Кривошеина проявление того, что принято называть «русской великодержавностью»? В этом нет сомнения, да это и не скрывалось. Заселение пограничных областей — Дальнего Востока, Урянхайского края, Прикульджинской полосы, Муганской степи в Закавказье русскими переселенцами — отвечало этой политической линии и вытекало из его государственного мировоззрения. Впрочем, заселение этих нескольких пограничных районов было только подробностью геополитики, которую на прочной экономической основе стремился осуществить А.В. Кривошеин, «министр Азиатской России»: превратить Сибирь из чрезмерного, инертного придатка исторической России в органическую часть становящейся, евроазиатской географически, но русской по культуре Великой России.

¹⁹⁷ F.X. Coquin, *La Sibirie, peuplement et immigration paysanne au XIX siecle*, Paris, 1969. В своем труде автор, кроме литературы на эту тему, использовал документы ЦГИАЛ.

¹⁹⁸ О роли Витте в этой фазе переселения: Б.Б. Глинский, *Пролог русско-японской войны*, «Исторический Вестник», СПб., т. 135 и 136. В этом труде опубликованы, некоторые полностью, другие частично доклады и записки о Великом сибирском пути, касавшиеся также и переселения. Также F.X. Coquin, ук. соч., М.Н. Энден, Граф С.Ю. Витте, «Возрождение», Париж, февраль 1971, с. 96.

¹⁹⁹ Б.Б. Глинский, ук. соч., «Исторический Вестник», январь 1914 г., т. 135, с. 179–199 и т. 136, с. 1035.

²⁰⁰ Г.В. Глинка, «Азиатская Россия», издание Главного управления землеустройством и земледелием, СПб., 1914, т. I, с. 459.

²⁰¹ Там же, с. 460–461.

²⁰² Ни тот, ни другой не могли предполагать, что 18 лет спустя по яичному совету Кривошеина Горемыкин будет назначен председателем Совета министров — первым должностным лицом империи.

²⁰³ F.X. Coquin, ук. соч., с. 468. Гиппиус был управляющим делами комиссии Сипягина, тов. мин. вн. дел, высказавшейся против переселения.

²⁰⁴ Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, с. 462.

²⁰⁵ Дубровский, *Столыпинская земельная реформа*. М., 1963, с. 390.

²⁰⁶ Sineokov, *La colonization russe en Asie*. Париж, 1929, докторская диссертация при Лозаннском университете, так охарактеризовал работу Переселенческого управления: «Можно все же сказать, что, в целом, управление хорошо повело дело: за 12 лет (1893–1904 гг.), 620 000 участков было отведено на площади 11,5 миллионов десятин для 1,2 миллиона переселенцев обоого пола, не считая детей».

²⁰⁷ В. Вошинин, *Колонизационное дело при А.В. Кривошеине*. Петроград, 1915, с. 18.

²⁰⁸ Глинка, ук. соч., т. I, с. 469 и след.

²⁰⁹ После ухода В.И. Гиппиуса Кривошеин, за неимением достаточного служебного стажа, не мог быть назначен начальником управления и руководил им фактически, в то время как товарищ министра вн. дел, А.А. Стишинский совмещал на бумаге эту должность с должностью начальника управления. В 1902 г. он был назначен исправляющим должность начальника, а в 1904 г. — начальником.

²¹⁰ Б.Б. Глинский, ук. соч., «Исторический Вестник», июнь 1914 г., т. 136, с. 1032–1088.

²¹¹ Там же, с. 1038; записка была также опубликована под названием «Значение колонизации Сибири и будущего наших тихоокеанских портов» по всеподданнейшему докладу министра финансов в «Русском экономическом обозрении», в 1903 г.

²¹² Там же, с. 1045.

²¹³ Глинка, ук. соч., т. I, с. 463; F.X. Coquin, ук. соч., с. 711–713.

²¹⁴ Комитет Сибирской дороги был упразднен в сентябре 1905 г.

²¹⁵ F.X. Coquin, ук. соч., с. 736.

²¹⁶ «Новое Время», 17 марта 1909 г. В это время в крайне правом секторе думы разрабатывались фантастические проекты довести переселение до нескольких миллионов душ в год, с целью ослабления малоземелья.

²¹⁷ Было бы праздным занятием разбирать, что в записке принадлежит Столыпину и что Кривошеину. Их взгляды дополняли друг друга. И тот и другой обладали даром яркой и убедительной формулировки своих взглядов: Столыпин — словом, Кривошеин — пером. Но Кривошеину, как и

Витте, было более свойственно схватывать значение чисто экономических двигателей великих исторических процессов, — его «стаж» в мире московского торгово-промышленного капитала не прошел для него даром. Во всяком случае, отчет о путешествии в Сибирь и записка на ту же тему были написаны его «пером», И.И. Тхоржевским, притом отчет — в очень своеобразных обстоятельствах. Сама идея поездки принадлежала Кривошеину, как способ привлечь внимание правящих кругов и ответственности к заселению Сибири путем издания интересного и убедительного отчета об этой поездке. Поэтому, еще до принятия окончательного решения Кривошеин обратился к И.И. Тхоржевскому, хорошо знавшему обстановку на местах, с парадоксальным предложением написать предварительный проект отчета; поездка должна была быть осуществлена только если «отчет» получится интересным. Тхоржевскому это удалось, поездка состоялась, но Иван Иванович проводил ночи напролет в поезде, дополняя и исправляя применительно к реальности заранее написанный текст.

²¹⁸ Н. Огановский. Очерки по аграрному вопросу — «Вестник Европы», декабрь 1913, с. 287.

²¹⁹ «Мы раздаем крестьянам, наравне с заимной землей, землю, стоящую уже теперь 100 рублей», — писал Столыпин Николаю II 20 сентября 1910 г. (Красный архив, 1928, вып. 30, с. 82–83).

²²⁰ Правила 6 января 1913 г.

²²¹ В. Вошинин, ук. соч., с. 10; Дубровский, ук. соч., с. 386, ошибается, утверждая, что закон был рассмотрен.

²²² Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, с. 574; Вошинин, ук. соч., с. 14. Поощрялось также разведение тонкорунных овец мериносов. Развитием коневодства заинтересовались и Главное управление по коннозаводству и Управление по ремонту армии.

²²³ Дубровский, с. 90.

²²⁴ Объяснительная записка к смете Переселенческого управления на 1909 г.

²²⁵ «Красный архив», 1928, вып. 30, с. 82–83.

²²⁶ Записка Столыпина и Кривошеина, СПб., 1911.

²²⁷ Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, с. 474.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же, с. 476.

²³⁰ F.X. Coquin, ук. соч., с. 735.

²³¹ Г.В. Глинка, ук. соч., т. I, с. 476. Основываясь на том, что из-за колоссальности задания не предполагалось пока сводить отграниченные земли на отруба, Огановский (ук. соч., с. 282–283) усматривал в этом опасность закрепления чересполосицы. Однако отграничение было непременным условием к переходу к более интенсивному, менее хищническому хозяйству.

²³² В. Вошинин, ук. соч., с. 12.

²³³ Инструкция Совета министров 9 июня 1909 г. о порядке определения земельного фонда в районе киргизского землепользования (В. Вошинин, ук. соч., с. 12).

²³⁴ «Новое Время», 5 июля 1910 г.; он нашел способного сотрудника в лице генерал-губернатора Туркестана, ген. Самсонова, погибшего в августе 1914 г. в Восточной Пруссии.

²³⁵ Примером рационального использования кочевого хозяйства была Кулундинская степь, в Барнаульском округе. Вся ее площадь — 913000 дес., сдавалась за 3000 руб. в год 1089 кибиткам киргизов; в 1907 г. киргизам было оставлено 167 000 дес. (150 на кибитку), а на 746 000 дес.

было поселено в 1909 г. 55 000 переселенцев в 200 деревнях и основан город Славгород (Записка Столыпина–Кривошеина).

²³⁶ П.И. Лященко, История народного хозяйства СССР. М., 1947, т. 2., Капитализм, с. 521.

²³⁷ «Новое Время», 22 марта 1913 г.

²³⁸ «Новое Время», 2 марта 1913 г.

²³⁹ В июле 1913 г. Коковцов сорвал проект Приамурского колониационного банка, одобренный в апреле междуведомственным совещанием Гондатти. Банк с капиталом в 25 млн. руб. должен был быть образован при участии городов и биржевых комитетов. Коковцов отказал в правительственной гарантии облигациям банка («Новое Время», 8 июля 1913 г.).

²⁴⁰ Огановский, ук. соч., ноябрь 1913 г., с. 292.

²⁴¹ «Новое Время», 18 мая 1914 г.

²⁴² Огановский, ук. соч., с. 292.

²⁴³ В. Вошинин, ук. соч., с. 17.

²⁴⁴ Глинка, ук. соч., т. 2, с. 469.

²⁴⁵ «Благодаря настойчивости А.В. Кривошеина, — пишет думский депутат В. Вошинин, — последовательный план постройки, в интересах колонизации, железнодорожных путей был подробно разработан в 1912 г.» (ук. соч., с. 19).

²⁴⁶ Глинка, ук. соч., т. 1, с. 552–554.

²⁴⁷ «Новое Время», 1 марта 1913 г.

²⁴⁸ Теперь Целиноград.

²⁴⁹ «Новое Время», 20 декабря 1913 г.

²⁵⁰ Там же, 17 июня 1914 г.

²⁵¹ Там же, 20 июня 1914 г. О том, как необходимо было расширение железнодорожной сети, свидетельствует член Думы В. Вошинин в заметке под названием «Наша Канада» в «Новом Времени» от 23 марта 1913 г.: «У озера Чана, в 80 верстах от магистральи, все большие железнодорожной лихорадкой: «Когда же дорога?» «Пустынная целина дает прекрасные урожаи, но какой смысл выработать горы хлеба, когда нет сбыта».

²⁵² «Новое Время», 1 января 1913 г. и 2 декабря 1913 г.

²⁵³ Концессия на постройку второй дороги была выдана группе Утина, председателя Учетного и Ссудного банка, в котором были заинтересованы немецкие капиталы («Новое Время», 13 марта 1912 г.). Об окончании линии: БСЭ, 1950, т. 4, с. 251.

²⁵⁴ Вл. Ф. Трепов основал в 1912 г. Акц. Общество Кузнецких угольных копей «Копикуз». Геологические разведки, произведенные в 1913–1914 гг. к югу от Кузнецкого бассейна, показали большие запасы железной руды. В 1916 г. «Копикуз» окончательно принял решение строить крупный металлургический завод («Русская Мысль», Париж, 9 марта 1912 г., статья М. Ошарова). При советском строе был создан крупный комбинат, однако, в первые годы руда привозилась из Магнитогорска, за 2000 км и только впоследствии была использована местная руда («Новое Время», 3 мая 1913 г., БСЭ, 1950, т. 4, с. 603).

²⁵⁵ «Новое Время», 15 февраля 1914 г.

²⁵⁶ F.X. Coquin, ук. соч., с. 722.

²⁵⁷ Н. Огановский, ук. соч., с. 279; «Записка Столыпина и Кривошеина».

²⁵⁸ Дубровский, ук. соч., с. 400.

²⁵⁹ В период максимальной волны переселенцев, т. е. в 1906–1914 гг., ежегодный процент возвращавшихся был значительно ниже 18 % — в среднем 9,1 % за 1906 — 1909 гг., притом в год максимального роста

переселения (664 777 душ в 1908 г., 758 812 с ходоками) этот процент был всего 6,8. Резкое повышение произошло в течение двухлетия 1910 и 1911 гг.: 36,3 и 61,3 %, из-за катастрофической засухи, посетившей Западную Сибирь. Критики правительства слева писали тогда о «крахе переселенческой политики», однако процент этот так же резко спустился на 18,9 в 1913 г. и на 11,4 в 1914 г. Ведомство не раз обвинялось в перевозке переселенцев в теплушках «как скот». Никогда Сибирский путь не смог бы перевести 750 000 переселенцев с их скарбом за одно лето в вагонах 3-го класса, но начиная с 1910—1911 гг. было пущено большое количество вагонов 4-го класса, вмещавших переселенцев и их скарб в условиях, подобных условиям 3-го класса. Вагоны продолжали быть заказываемы в 1914 г., несмотря на уменьшение переселенческой волны. Отметим, что между 1896 и 1909 г. 67 % возвращенцев были самовольцами, притом 60 % из них вернулись в том же году, даже не попытавшись обосноваться (Дубровский, ук. соч., с. 390 и след., «Записка Столыпина и Кривошеина»).

²⁶⁰ П.И. Лященко, ук. соч., с. 523.

²⁶¹ Там же; в 1912 г. обработанная площадь хозяйства переселенца достигала 17,25 десятин в среднем, после 10 лет. Обычно первоначальный капитал переселенца удваивался в срок от 4 до 8 лет, в зависимости от района (Синеюков, ук. соч., с. 194).

²⁶² Ф.Х. Соquin, ук. соч., с. 736.

²⁶³ Стоимость вывезенного в 1912 г. в Англию масла — 68 млн. руб., превышала в 2 раза, в рублях, производство сибирского золота. Развитие производства масла произошло благодаря технической помощи ведомства, содействовавшего созданию кооперативов.

²⁶⁴ Дубровский, с. 418.

²⁶⁵ В обеих столицах 45–50 % мяса шло из Сибири.

²⁶⁶ Дубровский, ук. соч., с. 439.

²⁶⁷ Огановский, ук. соч., с. 273.

²⁶⁸ Дубровский, ук. соч., с. 431, по отчетам банка.

²⁶⁹ Ф.Х. Соquin, ук. соч., с. 736–737.

²⁷⁰ Заявление Кривошеина на Совете министров 17 февраля 1911 г.

²⁷¹ Значение этого поворотного пункта в промышленном развитии Сибири за несколько лет до войны 1914 г. отмечается R. Girault в очерке, помещенном в «Revue Historique», Paris, март 1973 г., с. 218.

Сельскохозяйственная выставка в
Императорском музее.
Санкт-Петербург. 1900 г.

ОРОШЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ОБЛАСТЕЙ И ЗАКАВКАЗЬЯ

Годы, предшествовавшие первой мировой войне, совпали с разработкой и началом выполнения «министерством Азиатской России» первых многолетних планов орошения и освоения пустынных степей Средней Азии и Закавказья. Приостановленное войной, выполнение этих планов, значительно расширенных, повсеместно было закончено много лет спустя, уже при советском строе.

Политика освоения этих пустынных областей преследовала тройную цель: их экономическое оживление, заселение русскими переселенцами и развитие культуры хлопка для полного удовлетворения спроса текстильной промышленности, ввозившей значительную часть сырья из-за границы и зависевшей от американского рынка.

Если частная инициатива, в особенности московские текстильные промышленники с Т.С. Морозовым во главе, уже давно (с 1884 г.) заинтересовалась развитием культуры хлопка туземным населением «русского Египта», то правительственные органы держали себя долгое время пассивно, в значительной мере за неимением кредитов, которые финансовое ведомство еще при Витте отказывалось им давать. Созданный при Министерстве земледелия в 1894 г. отдел земельных улучшений смог развить ничтожную деятельность в своей сфере²⁷², пока, наконец, положение не изменилось начиная с 1909 — 1910 гг., после того как Кривошеину удалось провести через думу значительные по сравнению с прошлым сметы.

Осенью 1910 г. ведомство опублико-

вало план освоения Туркестана, основанный на орошении и на развитии культуры хлопка, план, одобренный Советом министров 18 марта 1911 года²⁷³. Первой реализацией плана было орошение Голодной узбекской степи посредством Романовского канала длиной 140 верст, законченного в 1913 г. Постройка будущего канала была начата почти за 10 лет до того, но интересно сравнить то, что было сделано за эти 10 лет с тем, что было реализовано за полтора года до торжественного открытия канала 5 октября 1913 г. За первые 10 лет стройка продвигалась со скоростью 3 версты в год, причем истрчено было 2 млн. рублей; за последние 18 месяцев, когда Кривошеин поручил дело инженеру С.Н. Чаеву, было построено 103 версты и истрчено всего 2,5 млн., несмотря на более чем утроенный объем работы²⁷⁴. Между тем пришлось заново произвести изыскания, проектировать новые главные сооружения. Работы производились механизированным способом. В 1915 г., при расходе в 7 млн. рублей, должно было быть орошено 65 тысяч десятин вместо предполагаемых 45 тысяч²⁷⁵ и заканчивалось сооружение сети малых оросительных каналов общим протяжением в 1600 верст. Еще в 1913 г. началось отведение переселенцам земельных участков в размере 8—10 десятин, для разведения хлопка, на крайне льготных условиях (безвозмездно первые два года, затем 5 руб. с десятины в течение 6 лет, по 10 руб. в течение следующих 5 лет и по 15 руб. в течение последних 5 лет, после чего участки переходили в их собственность). В 1913 г. уже было заселено 20000 десятин, а в 1914 г. предвиделось сооружение мелких хлопкоочистительных заводов²⁷⁶.

Большие гидротехнические сооружения были спроектированы и разработаны, а подготовительные работы к ним начаты в 1914 г. в бассейне реки Чу, в Киргизии, после длившихся четыре года изысканий²⁷⁷. Первая часть программы, предполагавшая орошение 32 000 десятин, должна была быть закончена в 1916 г., общая площадь орошаемых земель была запланирована в 200 000 десятин, с подразделением на 4 последовательно осваиваемых участка, с общей стоимостью 28 млн. руб. Приостановленное войной сооружение этой водной системы было возобновлено в расширенном масштабе советской властью и закончено в середине 1950-х годов.

Для расширения масштабов оросительных работ Кривошеин избрал путь обращения к частной инициативе при чувствительном увеличении государственных капиталовложений. По возвращении из своей поездки в Туркестан весной 1912 г. он внес в думу законопроект, привлекавший частные капиталы для орошения новых площадей, причем часть орошенной земли предназначалась для аренды крестьянам, а остальная сдавалась бы предпринимателям в долгосрочную аренду с оставлением права выкупа для казны. Одновременно с этим был внесен «водный закон», который должен был определить и упорядочить водопользование на поливаемых землях и выяснить объем водных запасов Туркестана²⁷⁸. 1 мая 1913 г. был одобрен законопроект о привлечении состоятельных переселенцев с минимумом 1000 рублей капитала²⁷⁹.

В 1913 г. Государственная дума по случаю романовского юбилея приняла по инициативе Кривошеина принципиальное решение о создании 150-миллионного фонда, распределенного на 5 лет, для финансирования работ мелиоративного характера в Европейской и в Азиатской России. Ведомство представило в начале января 1914 г. план мелиоративных работ на эту сумму, план, одобренный Советом министров 8 марта 1914 г. после того, как противодействию со стороны Коковцова было устранено его отставкой²⁸⁰. По пятилетне-

му плану, на создание «Нового Туркестана» приходилось 39 миллионов руб. казенных ассигнований, в том числе 9,7 миллионов руб. на изыскания и составление проектов орошения, совместно с частными предпринимателями, огромной площади до 4 миллионов десятин в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Зеравшана, Или и Чу²⁸¹. Кроме того, 10 миллионов руб. были предвидены на начало работ по устройству водохранилищ в верховьях Сыр-Дарьи и Зеравшана, 11,3 млн. руб. на орошение в низовьях Аму-Дарьи и в бассейне Чу, а 8 миллионов руб. на расширение орошенной площади Голодной степи²⁸². К работам в бассейне Чу предполагалось приступить в ближайшее время.

Используя начатые в 1906 г.²⁸³ изыскания, ведомство одобрило еще весной 1910 г. проект постройки на частные средства железной дороги Арысь-Верный (Турксиб); 13 марта 1912 г. выдача концессии была одобрена вторым департаментом Государственного совета, высшей инстанции в этой области²⁸⁴, а в 1915 г. проект был значительно расширен и дорога должна была связать не только Верный (Альма-Ата), но и Семипалатинск с Ташкентом. В 1916 г. уже был сооружен участок Арысь (на Ташкентской дороге) — Бурное (недалеко от Джамбула), а на севере — Семипалатинск-Алейское. Осуществление этого проекта позволило бы, благодаря дешевому южно-сибирскому хлебу, сократить зерновые культуры Туркестана в пользу культуры хлопка и решить проблему обеспечения этим сырьем русской текстильной промышленности, что и случилось при советской власти, когда была закончена дорога: в одной Узбекской республике за 40 лет (1913—1953 гг.) площадь культуры хлопка возросла с 19 до 50 % общей площади, занятой под сельское хозяйство, тогда как зерновые культуры снизились с 70 до 33 %. Между тем этот проект был крайне критически встречен перед войной «левой общественностью», вообще «пораженчески» относившейся к переселению, заселению и освоению, проводимым Кривошеиным. Так, Н. Огановский, слышавший специалистом по этому вопросу, спрашивал себя в «Очерках по аграрному вопросу» («Вестник Европы», ноябрь 1913 г., с. 299), не придется ли привозить туркестанский хлеб в Семиречье?²⁸⁵

Крупным заданием было предпринятое орошение и освоение Муганской степи, части Куро-Араксинской низменности в Закавказье. Начало оросительной системы там было положено еще при главноначальнике, кн. Г.С. Голицыне («Голицынская система»), с осуществлением которой с весьма скромной затратой в 312 000 руб., в северной Мугани было орошено 25000 дес. и основано 16 русских поселков²⁸⁶. 18 марта 1911 г. Совет министров одобрил представленный Отделом земельных улучшений проект орошения центральной Мугани с площадью в 142000 десятин и общим протяжением каналов в 2500 верст. Проект должен был быть выполнен в 1915 г.²⁸⁷ В 1913 г. уже было орошено 70 000 дес., устроено в 49 поселках 20 000 переселенцев, строилось 3 больших канала и ряд гидротехнических сооружений на реке Араксе, на что было ассигновано 11 млн. руб.²⁸⁸

В 1913 г. уже разрабатывался проект орошения 160 000 десятин соседних Мильской и Ширванской степей, а в начале февраля 1914 г. Совет министров одобрил для внесения в думу кредит в 10,5 млн. руб., покрывавший первую очередь работ по орошению 87 тыс. дес. Мильской степи системой трех каналов, общей сложностью длиной 183 версты²⁸⁹.

В декабре 1912 г. в Мугани был открыт при участии ведомства первый в России крестьянский хлопкоочистительный завод, принадлежавший кредитному товариществу²⁹⁰.

После своей поездки в Закавказье в апреле 1913 г., где кроме Мугани, он посетил чайные плантации в Батуме и рыбные промыслы на Каспии²⁹¹, Кривошеин изложил план развития Восточного Закавказья в записке, поданной на Высочайшее имя²⁹². Записка предлагала дать прочное поземельное устройство оседлому населению и ускорить земельное устройство кочевников, т. е. их переход на оседлый образ жизни, осуществленный впоследствии при советской власти; оросить всю площадь пустынных степей Восточного Закавказья, доступную для орошения (1,2 млн. десятин), и предоставить казенные орошенные земли русскому переселению; взять концессию на персидскую часть Муганской степи (в частности, для организации там борьбы с прилетающей отсюда саранчой), построить Муганскую железную дорогу и развить ценные культуры, первым делом хлопка, производство которого должно было возрасти в пять раз и достигнуть 9-10 млн. пудов. Наконец, предлагалось провести железную дорогу от Владикавказа до Тифлиса, через восточную часть Кавказского хребта. Сооружение этой Перевальной дороги, одобренное 16 мая 1914 г., должно было быть закончено ввиду ее большой стоимости (104 млн. руб.) только в 1922 г.

Туземные государства — Хивинское ханство и Бухарский эмират, находившиеся под протекторатом России, не были забыты в программе орошения Туркестана. Да будет мне позволено вспомнить в связи с этим один не совсем обыденный эпизод моего детства. Чтобы получить эту желанную помощь России, прибывшие по случаю романовских торжеств весной 1913 г. в Петербург эмир бухарский Саид-Мир-Алим и хан хивинский Саид-Асфендиар-Богадур решили оказать особый почет моему отцу. Прочих министров они посетили в служебных кабинетах министерств, без свиты, тогда как моего отца они почтили в кругу его семьи. В сопровождении многочисленной свиты, одетой в восточные одежды, они прибыли на нашу квартиру на Сергиевской, 36. В то время как эмир бухарский, получивший русское образование, совещался с моим отцом, хивинский хан беседовал в гостиной с моей матерью, через переводчика. В качестве младшего я был, по его желанию, представлен хану, спросившему меня, учусь ли я в «медресе»? Их свита угощалась в это время в столовой.

Термины «колонии» и «колонизация» приобрели в настоящее время отрицательный оттенок, но деятельность ведущих людей должна быть рассматриваема в перспективе их времени... А потому трудно счесть за осуждение в плане истории характеристику руководителя колонизации Средней Азии, данную по поводу оставления им власти: «А.В. Кривошеин, первый министр русских колоний»²⁹³.

²⁷² «Новое Время», 17 июля 1911 г.

²⁷³ Там же, 11 и 19 марта 1911 г.

²⁷⁴ Там же, 8 октября 1913 г.

²⁷⁵ Г.В. Глинка, Азиатская Россия. Петербург, 1914, т. 2, с. 252.

²⁷⁶ «Новое Время», 11 августа 1913 и 21 апреля 1914 г.

²⁷⁷ Там же, 8 октября 1913 г.

²⁷⁸ В. Вошинин, Колонизационное дело при А.В. Кривошеине. Петроград, 1915, с. 16.

²⁷⁹ «Новое Время», 1 мая 1913 г.

²⁸⁰ Там же, 10 января и 9 марта 1914 г.

²⁸¹ «Азиатская Россия», т. 2, с. 253.

²⁸² «Новое Время», 24 декабря 1913 г. и 9 марта 1914 г.

²⁸³ Постановление Совета министров от 16 мая 1906 г. об изысканиях по сооружению линии Семипалатинск–Уральск и Ташкент–Сибирская дорога через Семиречье («Новое Время», 16 мая 1906 г.).

²⁸⁴ «Новое Время», 16 марта 1912 г.

²⁸⁵ Хлебные излишки только Семиречья исчислялись накануне войны 1914 г. в 28 млн. пудов, привоз 20-22 млн. пудов в Туркестан позволил бы обратить под хлопок 400 000 дес., притом цены на алтайский хлеб были ниже туркестанских (Глинка, ук. соч., т. 2, с. 554 и след.). Посевная площадь хлопка достигла 541 тыс. дес. в 1915 г. против 291 тыс. в 1905 г. и 41 тыс. в 1885 г. В 1913 г. производство туркестанского хлопка покрывало около половины потребностей русской промышленности (10–12 млн. пудов из 22–23 млн.). («Новое Время», 1 марта 1914 г.).

²⁸⁶ «Новое Время», 10 июня 1911 г.

²⁸⁷ Там же, 19 марта 1911 г.

²⁸⁸ Там же, 3 июля 1913 г.

²⁸⁹ Там же, 15 февраля 1914 г.

²⁹⁰ Там же, 3 января 1913 г.

²⁹¹ Там же, 27 апреля 1913 г.

²⁹² Там же, 3 июля и 7 сентября 1913 г.

²⁹³ В. Вошинин, ук. соч., заключение. Автор был членом думы. Можно еще отметить, что в 1914 г. ведомство располагало 1000 инженеров и техников по гидротехнической специальности против 126 в 1909 г. 12 млн. руб. было ассигновано в 1914 г. на создание Высшего гидротехнического института в Петербурге.

«МЫ И ОНИ»

Каковы бы ни были результаты, достигнутые им в области аграрной реформы, земледелия и освоения среднеазиатских или сибирских пространств, фигура Кривошеина была бы представлена неполно, если пройти мимо его основной политической задачи: найти выход из взаимного органического непонимания между правительством и обществом и достигнуть сотрудничества между ними. Для него, начиная с определенного момента его деятельности, это стало центральной проблемой всей русской действительности: мирное сосуществование правительства и общества как условие существования русского государства.

На путь разрешения этой задачи Кривошеин встал далеко не сразу. Его эволюция в этом вопросе характерна для этого прагматика и реалиста, далекого от узкого доктринерства. Эту эволюцию интересно проследить.

В послужном списке Кривошеина наряду с перечислением орденов, кавалером коих он состоял, отмечается также медаль в память царствования императора Александра III; она давалась чиновникам, начавшим свой служебный путь в дни этого правителя. Следовательно, как и большинство бюрократов конца прошлого и начала этого века, он получил свою чиновничью формацию в несколько «ватной» атмосфере правительственных учреждений Санкт-Петербурга того времени, огражденной от общественных течений, волновавших живые силы страны. Да и не был ли Кривошеин обязан первыми успешными

шагами на службе пусть умному, как считал его Витте, но реакционному гр. Д.А. Толстому? Неудивительно, что пройденная им служебная школа не располагала к манифесту 17 октября, что состав первых двух дум не внушал ему доверия ни к парламентаризму, ни к «левой общественности», чего он не скрывал, играя, быть может, даже в придворных кругах на репутации консерватора, защитника монархическо-дворянских интересов; отсюда его тогдашняя (1904—1906 гг.) близость к И.Л. Горемыкину, Вл. Ф. Трепову и закулисно-влиятельному при дворе Д.Ф. Трепову. Тогда же он принимал участие в консервативной общественной организации «Русское собрание».

Однако было бы чрезмерным упрощением считать, что он был тогда реакционером. Еще в ультраохранительные годы Плеве он не постеснялся открыто критиковать репрессивную по отношению к земству политику всесильного министра, своего начальника²⁹⁴; несколько позже, в феврале 1906 г. в своем землеустроительном проекте центральное место было отведено Кривошеиным привлечению представителей земства и крестьян в местные землеустроительные комиссии, хотя бы потому, что с присущим ему реализмом он понял, что его ведомство не обладало достаточным штатом служащих для выполнения проекта. Этот реалистический и либеральный подход к практическим вопросам управления был у него не новым: еще в 1898 г., руководя фактически Переселенческим управлением, для организации продажи сельскохозяйственных машин крестьянам в Сибири, где земств не было, он обратился к сотрудничеству местных общественных сил, — то, что 15 лет спустя было названо «живым воплощением принципа «мы и они»²⁹⁵.

Несмотря на это, при его назначении на министерский пост в 1908 г. в прессе утверждалось, что он был «правее Столыпина». Только пять лет спустя стало известно, что, когда Столыпину удалось с трудом его убедить принять предложенный ему пост, Кривошеин добился от Николая II одобрения призвания на помощь своему ведомству местных общественных сил. При подозрительном отношении царя к общественности это было смелым шагом, хотя полученное одобрение объясняется именно консервативной репутацией назначаемого, — Николай II ему верил.

Этот принцип Кривошеин применял неукоснительно, ясно сознавая, что порученное ему огромное и рискованное задание сможет быть осилено только в сотрудничестве с самой широкой общественностью на местах, от мелкого земского статистика и фельдшера — «третьего элемента», страшного местному начальству — до земского деятеля, не говоря о заинтересованном в этом деле крестьянстве²⁹⁶.

Пожалуй, лучшей иллюстрацией отношения Кривошеина к земледельческой общественности является сравнение условий, при которых был заключен русско-германский торговый договор в 1904 г С.Ю. Витте, с тем, как началась и шла подготовка к возобновлению этого договора при Кривошеине²⁹⁷.

Тогда, в 1904 г., договор был, по словам И.П. Демидова, «заключен келейно», «его обсуждение в печати было запрещено, его разработка земствами и доклады о нем на земских собраниях не допускались губернаторами, и даже Министерство земледелия не могло сказать своего слова, так как его министр (Ермолов) не был допущен к участию в подготовке и заключении договора. Земледельческая Россия должна была молчать и ее земледелец на 10 лет стал полным данником германского промышленника. Позднее, начиная с 1911 г., по почину А.В. Кривошеина, вопрос о договоре был вынесен на широкую общественную дорогу изучения и подготовки»²⁹⁸.

Вступив в должность министра, Кривошеин быстро наладил хорошие отношения с думой, чтобы получить от нее необходимые кредиты, и все возраставший бюджет ведомства (с 46,4 млн. рублей в 1907 г. до 157 млн. рублей в 1914 г.) обыкновенно принимался без затруднений. Исходя из этого «утилитарного» соображения, он убедился, что управление Российской империей возможно только в согласии с думой и общественностью и для его практического склада ума это стало основным правилом его политики. Разумеется, в этой области на него оказал сильное влияние Столыпин.

Также в целях сближения с общественностью использовал он свои семейные связи с московским купечеством, откуда его дружба с А.И. Гучковым²⁹⁹.

Незадолго до войны, 7 июля 1913 г. ему удалось с большой яркостью высказать свой взгляд на основное зло русской государственной жизни той эпохи. Присутствуя при открытии сельскохозяйственной выставки в Киеве, он как бы запросто, за чашкой чая, произнес небольшую речь, содержащую столь нашумевшую фразу «мы и они». Его выступление процитировано так: «Шесть лет тому назад, вступая в управление ведомством, я изложил Его Величеству свою точку зрения на руководство им. В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых нужно предоставить материальные средства. Эта точка зрения удостоилась одобрения Его Величества и сделалась руководящим лозунгом всей моей деятельности. Я всегда старался привлечь к работе возможно больше общественных местных сил. В земстве мои стремления нашли живой отклик, и я радуюсь, что земства всегда шли со своими нуждами в мое ведомство. Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земств и моего ведомства. Этому мне нужно только радоваться, ибо в этом залог жизненности моих воззрений и убеждений. Я считаю, что отечество наше лишь в том случае может достигнуть благоденствия, если не будет больше разделения на пагубное «мы и они», разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные стороны, и когда будут говорить просто «мы», разумея под этим правительство и общество вместе»³⁰⁰.

В этом выступлении, при его осторожной формулировке ощущается

некоторая градация эффектов. Сначала Кривошеин настаивает только на сотрудничестве местных органов общественности с его ведомством, как бы не желая затрагивать вопроса сотрудничества общественности с правительством на высшем уровне; зато в заключении он прямо противопоставляет пагубно разделенным на «мы и они», слитые во единое «мы» правительство и общество уже в общегосударственном масштабе.

Впрочем, эта градация, идущая от уже реально существующего сотрудничества его ведомства с общественными органами на местах к желанному, но отнюдь не осуществленному слиянию правительства и общества, отражает взгляд Кривошеина на степень немедленной осуществимости этого слияния. Гр. П.Н. Игнатьев, земец, выдвинутый Кривошеиным на высшие должности в своем ведомстве, а затем на министерский пост, говорит, что Кривошеин «видел в нем человека, ставившего основу своего верования так, что только в тесном единении с общественностью и слиянии с ней государственность может вести Россию по правильному пути».³⁰¹ Следовательно, этот взгляд Игнатьева совпадал со взглядами Кривошеина, который на практике управления стремился применять это кредо, поскольку это позволяли окостенелые структуры бюрократического строя, выдвигая на крупные посты представителей земства и других общественных слоев. Таковыми были назначения П.Л. Барка, покинувшего государственную службу ради банковской, товарищем министра торговли в 1911 г., или сделанное тоже под его влиянием назначение полтавского земского деятеля кн. Н.Б. Щербатова главноуправляющим государственным коннозаводством в 1913 г., а затем продвижение обоих на министерские должности, а также назначение в 1915 г. А.Д. Самарина обер-прокурором Св. Синода³⁰². Но тот же Игнатьев говорил, что «Кривошеин был бюрократом по крови и воспринимал общественность не по нутру, а по умственному убеждению». Было бы ошибочно изображать его либеральным сановником, любившим помечтать вслух об установлении в России парламентского режима, где власть исполнительная подчиняется партийным группировкам. Придавая капитальное значение согласию правительства с общественным мнением, — с теми «невесомыми» о которых Бисмарк сказал, что они заправляют миром, он сознавал, что укоренившееся в России разделение на «мы и они» ставит этому согласию известный предел, который было бы нереалистично нарушить; кроме того, в своих действиях он был связан определенными взглядами носителя Верховной власти на тех, кто были для него «они». Он искал тесного сотрудничества с думой, а не подчинения беспорядочным инициативам отдельных думцев в области текущей работы бюрократического аппарата, но усматривал в максимально возможном слиянии этого аппарата с местной общественностью, прежде всего с земством, наилучший путь к обновлению царского режима.

Так или иначе, но отношение к нему думы своей дружественностью резко отличалось от отношения последней к другим ведомствам. Критика, если и не отсутствовала, то носила благожелательный характер; отмечалось, что ведомство руководствуется думскими пожеланиями. Любо-

пытно, что Кривошеин почти никогда не выступал в думе, — все было улажено и обсуждено в личных сношениях с отдельными влиятельными депутатами. Оправданием такой тактики было якобы отсутствие ораторского таланта у министра, той яркости слова, которой обладал Столыпин, но, думается, была и другая причина. Часто выступая в думе, он был бы вынужден защищать взгляды, или не отвечающие надеждам общественного мнения, или не нравящиеся носителю Верховной власти и, таким образом, рискуя потерять расположение обеих сторон.

Ничто не освещает лучше «политическую доктрину» Кривошеина, как провозглашенный им лозунг сотрудничества сил, разделенных на «мы и они». В сущности, кроме преданности монархическому строю и тем патриотическим принципам, которые он определял как «заветы Великой России», его доктрина была прагматическим реализмом без предвзятой идеологической основы, и в этом была его сила. Его искание слияния бюрократического аппарата с местными общественными силами отнюдь не было своего рода «передовой идеей», а просто, по его разумению, единственным возможным в данной обстановке выходом из заколдованного круга «правительство и общество». Оно не было связано с определенной политической программой и за это его затем упрекала оппозиция слева — трудно одним взаимным «благоволением» решать политические проблемы! Трудно? Разумеется, но за невозможностью найти политическую программу, способную объединить если не всех, то многих, была ли в России другая возможность позволить сотрудничать в деловой, творческой работе в сущности родственным силам, разъединенным «только» психологической стеной «мы и они»?

Когда Кривошеин произнес свою речь на тему «мы и они», то он был настолько убежден, что осторожно выраженные им взгляды отвечают здравому смыслу, что крайне удивился на другой день, узнав в поезде из газет, что они произвели своего рода сенсацию, притом, встретив благоприятный отклик в центре, вызвали неодобрение обоих флангов.

Не понравились его слова первым делом премьеру Коковцову, тотчас по возвращении позвонившему ему за разъяснениями. Он видел в этом эпизоде опасное «заигрывание» с земством.

Не понравилось сказанное и левой печати. «Речь» утверждала, что смысл его непонятен, иронизируя, что нужно обратиться за разъяснениями в Осведомительное бюро по делам печати при Министерстве внутренних дел. Газета подчеркивала, что, очевидно, само правительство признает свое бессилие сделать что-либо без содействия общественных сил, — признание, которое при минимуме объективности со стороны газеты должно было бы вызвать у нее глубокое удовлетворение.

Сказанное определенно не понравилось правым кругам и «Объединенному дворянству», возглавляемому Струковым, — тому самому «Объединенному дворянству», симпатиями которого пользовался в 1905 — 1906 гг. Кривошеин. Но если у последнего могло быть беспокойство о том, как будет реагировать царь, то оно скоро рассеялось. «Перестраховка» у Ме-

щерского оказалась эффективной. Бывший у Кривошеина в течение нескольких лет на положении просителя князь имел все основания личного, если не идеологического характера, чтобы «обелить» шедшего в гору министра в глазах своего царственного друга, вернувшего ему несколько месяцев до того свое расположение. В «дневнике» «Гражданина» он не без остроумия оправдывал идеи, выраженные в киевском выступлении, с точки зрения принципов самодержавия.

Война открыла Кривошеину широкие перспективы проведения в жизнь принципов, заключенных в киевской речи. Кривошеин, поскольку огромное задание поставки продовольствия армии было возложено на его ведомство, поручил это дело земствам под своим контролем. Вернее, в этом деле ему удалось осуществить то персональное слияние администрации и земства, которое, по его мнению, являлось практическим решением большей части общественно-государственных проблем в России. В центре снабжение армии возглавлялось начальником Переселенческого управления Г.В. Глинкой, тогда как на местах оно было возложено на целую сеть уполномоченных по закупке хлеба и фуража, как общее правило председателей губернских земских управ.

В плане практическом эта комбинация оказалась вполне удачной, а о ее политическом резонансе в области сотрудничества правительства и общества можно судить по отзыву кадетской газеты «Речь» от 6 февраля 1915 г., написанному по поводу съезда уполномоченных в Петрограде. При чтении передовой этой оппозиционной газеты создается впечатление, что она говорит об организации чисто общественной, как земский и городской союз, а не об органе, как бы то ни было возглавляемом и руководимом министром земледелия, следовательно правительственным, настолько слияние администрации и земства в ней доведено до конца. «Вчера газеты сообщили, — пишет «Речь», — об открытии съезда уполномоченных по снабжению армии хлебом. Сейчас это дело является самым важным для всякого русского человека, ибо от правильной его постановки в значительной мере зависят успехи нашего оружия... Благодаря этому еще громче звучит вступительная речь, произнесенная на съезде председателем, главноуправляющим землеустройством и земледелием».

«А.В. Кривошеин начал и кончил свою речь выражением благодарности земствам и местным общественным силам, которые являются сотрудниками по выполнению задачи снабжения армии. Задача эта оказалась весьма трудной... По уверению г. главноуправляющего правительство, обремененное работой, само не в состоянии было бы справиться со столь сложной и ответственной задачей. Вот почему А.В. Кривошеин считает долгом открыть съезд выражением искренней благодарности его участникам». ... «Я не могу не ценить и тех полных доверия отношений, какие установились между нами с самого начала». Комментируя эти слова, «Речь» добавляет, что «эти отношения и дали те блестящие результаты, о которых говорит главноуправляющий. И хотя нельзя спорить, что такие отношения составляют основное условие правильного развития государ-

ственной жизни, тем не менее они констатируются А.В. Кривошеиным как новость, которая тем самым и вызывает такую оценку с его стороны». «Правительство, — читаем мы дальше в этой речи, — могло убедиться в правильности того пути, на который оно ступило в столь важном деле, с доверием обратясь к сотрудничеству местных общественных деятелей. До сих пор, действительно, в этом убедиться было бы весьма трудно, потому что путь был другой. Общественное мнение всегда утверждало, что этот другой путь — неправильный. Теперь это категорически подтверждает и столь авторитетный представитель правительства, подтверждает на примере первостепенной государственной важности».

Вскоре, в условиях новых и тяжелых военных испытаний, одно благожелательно-доверчивое сотрудничество в области снабжения перестало быть достаточным. Только правительство, облеченное доверием страны, могло с успехом продолжать войну. Вопрос ставился уже в плане политическом, — Кривошеин попытался его разрешить привлечением общественных деятелей к управлению страной. Это был дальнейший этап эволюции его политической мысли.

²⁹⁴ Gurko, *Features and Figures of the Past*, Stanford, 1939, с. 193.

²⁹⁵ «Новое Время», 31 июля 1913 г.

²⁹⁶ Очень характерно, что по показаниям Белецкого («Падение царского режима», т. IV, с. 340–343), перед тем как отправиться вместе с Столыпиным в поездку по Сибири в сентябре 1910 г., Кривошеин потребовал от Белецкого всевозможного избежания каких-либо предварительных репрессивных мер на местах посещения, в особенности по отношению к подведомственным ему лицам, хотя бы и «вольнонаемным», среди которых полиция насчитывала немало подозрительных и даже опасных элементов.

²⁹⁷ «Последние Новости», Париж, № 489, ноябрь 1921 г.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Племянница А.И. Гучкова, Вера Николаевна, дочь его брата, московского городского головы Н.И. Гучкова, вышла замуж за младшего брата моей матери, Геннадия Геннадиевича Карпова.

³⁰⁰ «Новое Время», 14 и 16 июля 1913 г.

³⁰¹ Падение царского режима, т. VI, с. 2.

³⁰² Не исключено, что уже в 1913 г. он выдвигал Щербатова в возможные преемники Маклакову, после «стажа» в коннозаводстве, но растущее расположение Государя к последнему позволили достигнуть этого только в разгаре военных неудач.

Английский клуб.
Санкт-Петербург, около 1911 г.

РОЛЬ КН. В.П. МЕЩЕРСКОГО

В главе, посвященной Распутину, будет изложено, как Кривошеин оградил себя от всяких сношений со «старцем» и вел свою политическую линию, коренным образом отличающуюся от той линии, которую пытался проводить «старец» благодаря своему влиянию на императрицу. Князь Владимир Петрович Мещерский (1839—1914 г.), большой барин, острого, во внешней политике, прозорливого ума³⁰³, но лишенный элементарных этических качеств, джентльменства, а в особенности чувства собственного достоинства при выпрашивании подачек, был человеком совсем другого круга и культурного, если не морального облика, чем сибирский мужик Распутин. Внук Карамзина, корреспондент и друг двух императоров (Александра III и Николая II) и не дожившего до трона наследника цесаревича Николая Александровича (1843—1865), талантливый журналист, он в игре Кривошеина был картой, которой в условиях непрочности царского благоволения не стоило пренебрегать, в особенности когда являвшийся этой картой человек находился в положении просителя. Эту игру министра интересно проследить, хотя она, по мнению некоторых, и является теневой стороной его государственного пути.

Письма Мещерского Кривошеину были опубликованы К. Чужим в пятой книге «Русского Прошлого» (Ленинград, 1925)³⁰⁴, но сущность отношений между князем и министром

может быть понята на основании этих писем только при правильном понимании колебаний близости Мещерского к Николаю II.

О Мещерском, — враги называли его «князем Мерзецким»³⁰⁵, — писалось много, но только труд профессора Игоря Виноградова³⁰⁶ дал наконец верную картину резких колебаний его влияния при дворе, тогда как обыкновенно считалось, что оно было постоянным, или, напротив, самим Мещерским до крайности раздутым. На самом деле, были сближения и расхождения между ним и его царственными друзьями, как с великим князем Николаем Александровичем, старшим сыном Александра II, так и с Александром III; Николай II вначале, под влиянием императрицы Марии Федоровны, относился к нему отрицательно, потом, начиная с января 1902 г. установил с ним близкие и дружественные отношения, отражавшиеся в его переписке с князем. Этим Мещерский был обязан Д.С. Сипягину, министру внутренних дел, связанному с ним узами дружбы.

Вскоре император обращается к другу-журналисту на «ты», — вероятно, единственный пример такого обращения к лицу, не принадлежавшему к императорской фамилии. Он выражает ему признательность за то, что благодаря его статьям о самодержавии он «уверовал в себя»³⁰⁷ и «как-то вырос в собственных глазах»³⁰⁸. Правитель и человек, страдавший комплексом не быть на высоте своего призвания, не мог не нуждаться в общении с тем, кто вернул ему, вернее внушил, веру в себя. Но постепенно, невыносимый характер князя, — «страстный» тон его писем³⁰⁹, его бестактность и болтливость начинают раздражать, хотя его влияние на государственную политику и на назначения и увольнения продолжалось до тех пор, пока оно не разошлось со взглядами царя на дальневосточную авантюру, которую Мещерский не одобрял. Мещерский был типичным примером людей, «влияние» которых на императора Николая II продолжалось до тех пор, пока оно не расходилось с его взглядами. Постепенно переписка замирает и обрывается в октябре 1904 г., хотя окончательный разрыв между ними и не происходит. Начинается длительный период, в течение которого Мещерский старается вернуть себе царский фавор. Испугавшись революции 1905 года, он высказывается одно время за конституцию и становится одним из тех, которые не поддержали царя в тяжелую минуту. Вернувшись к своим прежним убеждениям, он стал защищать их с жаром и талантом в «Гражданине», и Николай II стал прислушиваться к его «дневникам», как и к его инсинуациям и выпадам против неугодных ему лиц. В развиваемых в этом журнале взглядах коренился залог нового сближения после охлаждения: царь черпал в них нужную уверенность в правоте своих взглядов на природу своей власти. Однако каковы бы ни были отдельные милостивые выражения царского расположения (как, например, царский портрет с надписью, дарованный ему в 1910 г.)³¹⁰, только в 1913 г. прежняя дружба была восстановлена. Каков был, в сущности, «удельный вес» князя между 1908 или 1909 г., когда посредством «Гражданина» его влияние стало постепенно расти, и весной 1913 г.? В какой-то степени он был основан на блефе. «Чем приобрел Мещерский влияние в

известных столичных кругах, — пишет Коковцов, — и каким путем сумел он внушить веру в это влияние далеко за пределами его непосредственного окружения... — трудно разрешимая загадка», но он тут же объясняет механизм этого явления: хорошая осведомленность князя позволяла ему в суждениях о находившихся у власти или ищущих ее людей предвидеть дальнейшую их судьбу. Это, в свою очередь, создавало иллюзию, что он имел на их судьбу хотя бы косвенное влияние, откуда стремление, на худой конец, его хотя бы обезвредить³¹¹.

Для этого периода отношений между Государем и князем характерно, что во время кризиса в марте 1911 г., императрица Мария Федоровна боялась, что последний будет напоминать на страницах «Гражданина» ее сыну о том, что он уступил давлению Столыпина. Очевидно, личные контакты между царем и Мещерским не играли тогда большой роли. Вероятно, что царь, разделяя политические взгляды Мещерского, сохранил мало приятное воспоминание о напористом характере своего собеседника, о попытках оказать на него давление и предпочитал держать его в некотором отдалении.

В момент, когда завязались отношения между Мещерским и Кривошеиным (осень 1906 г.), авторитет князя был более чем спорным, он, вероятно, не имел доступа к Государю, а потому не знал хорошо, какой политической линии придерживаться, чтобы его снова получить. Он стоит тогда целиком на почве манифеста 17 октября и существования Государственной думы, считая, очевидно, что это соответствует взглядам монарха, а потому он яростно нападает на крайне правые группы, не приемлющие ни манифеста, ни думы; он утверждает, что они умышленно создают в народе смуту, «подобную той, которую создают в деревне революционеры, вместо того чтобы против них учить народ понимать царскую волю, так как она царем выражена в им данном манифесте»³¹².

Незадолго до того князь имел неосторожность отозваться в пренебрежительной форме о будущем министре, не предвидя его дальнейшего продвижения. Не успел Кривошеин быть назначенным заведующим Дворянским и Крестьянским банками (6 октября 1906 г.), как Мещерский написал ему удивительное по низкопоклонству покаянное письмо, ясно обрисовывающее характер их дальнейших взаимоотношений. Можно только поражаться, как несомненный ум князя не подсказал ему, что, обращаясь в такой унижительной форме к выдвинувшемуся разночинцу, он ставит себя в положение просителя и клиента. Стоит привести это письмо хотя бы частично (12 октября 1906 г.): «Это строки вас удивят, но дело в том, что я отличаюсь от многих людей в том, что я искренен в своих мыслях и в своих чувствах, а следовательно, в своих действиях. Вчера вечером, под впечатлением беседы с одним, давно мной уважаемым за честность, правдивость и искренность человеком, я узнал от него про вас такие факты и проявления вашей личности, которые глубоко меня тронули, заставили меня задать своей совести вопрос: не напрасно ли я вас так строго обвинил в мертвенности и бездушии чиновника? А так как я не заемщик

Дворянского банка и не собираюсь продавать имение в Крестьянский банк, то могу <...> дать смело волю потребности честного и искреннего человека принести вам повинную во всем том, что я высказал против вас под влиянием первоначальных, недостаточно проверенных впечатлений, в уповании, что вы ее примете так же искренне и сердечно, как я ее приношу <...>. Итак, простите и примите от меня уверенность в правде каждого этого слова». В приписке: «Государь мне хорошо говорил о вас». Принимая во внимание, что Мещерский переменял свое отношение к Кривошеину не после якобы сказанных ему царских слов, а только после разговора с неизвестным лицом накануне письма, вероятно, что ссылка на Государя — сомнительной достоверности.

К. Чужой повторяет легенду о том, что назначение Кривошеина министром земледелия в мае 1908 г. состоялось с «помощью Мещерского»³¹³. Ведь в левой печати («Речь») утверждалось, что Кривошеин был «навязан» Столыпину «свыше». Все это было только отражением того, что Кривошеин, действительно, «навязывался» Витте Д.Ф. Треповым в январе-феврале 1906 г. В действительности назначение Кривошеина в 1908 г. было целиком делом рук Столыпина, оценившего его как управляющего Крестьянским банком, причем Кривошеин настолько колебался взять на себя рискованное для своей карьеры задание выполнения земельной реформы, что на первое предложение Столыпина ответил отказом. Авторитет Столыпина был тогда в зените, и он никогда не согласился бы поручить дело столь огромной важности «навязанному» ему даже «свыше» лицу. Да и достаточно прочесть письмо Мещерского Кривошеину о назначении, чтобы убедиться, что князь был в этом событии только благожелательным зрителем и льстецом *post factum*. Известно, насколько он любил хвастаться своим влиянием, приписывая себе служебные успехи людей и назойливо напоминая об этом, — ничего подобного не встречается в написанном 10–23 июня 1908 г. в Баден-Бадене, через три недели после назначения, письмо: «Совсем искренне пишу вам <...> чтобы высказать вам лично, то что сказал в своем дневнике в «Гражданине»: то отрадное чувство, которое испытал, узнав о вашем назначении на место Васильчикова. Это отрадное чувство происходит от надежды, даже веры, что наконец это ведомство, столько лет делавшее все, кроме того, для чего оно призвано — помощь земледелию³¹⁴ — попадет из мертвых рук в живые. <...> Радуюсь вашему назначению и желаю, чтобы Бог благословил ваш новый путь и ваш новый тяжелый труд».

Отношения между ними продолжались и далее в той же плоскости. Мещерский посылал иногда (очень редко) министру каких-то своих протеже с мелкими просьбами; сопровождавшие их короткие письма отзывались все той же грубой лестью и тем же подхалимством тона («Согласно любезному вашему разрешению передал эти строки подателю оных в уповании, что вы хотя бы из капельки доброго расположения ко мне не откажете в вашей доброй могучей помощи», 18 февраля 1909 г.; «...будьте выразителем милосердия», 22 апреля 1909 г.). Иногда он в крайне примитив-

ной, даже наивной форме играет на струне великосветского снобизма: попросив министра принять свою сестру, графиню Клейнмихель, и ее дочь, княгиню Орбелиани, он передает ему затем слова сестры: «...Он меня очаровал, он неотразим» (19 мая 1911 г.).

Кривошеин считал, что оказанное им «милосердие» — дешевая страховка от нападков и инсинуаций «Гражданина». То же самое думал и Столыпин, хотя он и не поддерживал с Мещерским сношений и предпочел передать «Новому Времени», а не «Гражданину», выгодные казенные объявления³¹⁵. Но когда в 1909 г. Мещерский, по случаю юбилея своей журналистической деятельности, обратился к нему с просьбой о единовременной субсидии в 200000 рублей, то Столыпин решил ему ее дать. «Нужно снять его злобу с нашей дороги, — говорил Столыпин Коковцову, — дабы он не мешал нам своими происками делать наше дело. Поверьте, что мы с вами даем России больше, чем эти 200000 рублей»³¹⁶. Коковцов разубедил Столыпина, резонно рассуждая, что Мещерскому после получения этой суммы Столыпин больше не будет нужен, и было решено исколотать у Государя выдачи князю негласной пенсии в 6000 рублей в год из десятиmillionного фонда, находившегося в распоряжении Государя. Но и этот расчет был ошибочным, так как упразднение пенсии не зависело уже от Столыпина, и Мещерский, зная, что царь начал тяготиться слишком популярным премьером, повел против него кампанию в «Гражданине».

Вскоре после этого Мещерский обратился за финансовой помощью к Кривошеину. Дело началось с того, что 10 января 1910 г. он напомнил Кривошеину о подписке на свой журнал, намекая на то, что это «прощальная подписка», то есть что за неимением средств «Гражданин» закроется. Кривошеин достал ему порядочную сумму денег и, может быть, субсидию. Откуда? Очевидно, не через Министерство финансов. Одно только несомненно: указанные К. Чужим цифры³¹⁷ — 75000 рублей единовременно и 30000 рублей ежемесячно — абсолютно фантастичны и не заслуживают доверия³¹⁸. Действительные могли быть только несравнимо меньшими. Все, что достоверно известно, заключено в восьмом письме Мещерского Кривошеину (от 25 марта 1910 г.): «Спешу вас от всего сердца поблагодарить за ваше доброе извещение и чек. Спасибо за все! Как отзывчивы вы и щедры, как добрый хозяин».

Весной 1913 г. Государь возвращает Мещерскому свое прежнее расположение, их переписка возобновляется, они встречаются. Расчет Кривошеина оказался правильным: полное единомыслие в том, что касается природы царской власти, должно было рано или поздно возобновить давнишнюю дружбу между царем и публицистом. Статьи Мещерского о трехсотлети династии произвели должное впечатление. 3 марта 1913 г. Государь благодарит князя в форме рескрипта (и только потому на «вы») и назначает ему свидание, а 13 апреля подтверждает ему, что «старая дружба вернулась окончательно».

Мещерский оказал содействие Кривошеину в отставке Коковцова и в назначении Горемыкина и Барка.

Тот факт, что князь сыграл некоторую роль в этом событии, отразился на тоне его писем Кривошеину, когда тот после ухода Коковцова уехал отдыхать в Италию в феврале-марте 1914 г. В них льстец достиг более высокого уровня в «иерархии лести». Это больше не проситель, но обладающий собственным удельным весом сотрудник, играющий в дружбу с начальством, а, кроме того, являющийся его секретным осведомителем о настроении в «сферах». Он подчеркивает оказанную министру услугу («мои труды не пропали даром. Скверный замысел Коковцова³¹⁹ рушится, и свершившийся факт закрывает уста злоумышленникам»), как и подчеркивает возобновленную близость к монарху. Обижен тем, что Кривошеин, по видимому, предупредил Государя об излишней болтливости князя в делах государственных, но, кончая, призывает на него Божие благословение, необходимое «для выздоровления одного из лучших царю и России слуг и советников» (3 февраля 1914 г.). Он всячески убеждает Кривошеина принять теперь назначение премьером и интригует против Горемыкина, намекая на то, что тот в состоянии старческого маразма (он якобы в течение часа во время какого-то доклада впадал в полудремоту и нюхал крепкую соль, чтобы не уснуть): «...у нас глас народа — глас Божий, вас настойчиво проводит в преемники Горемыкина. Час этот близок» (17 февраля). «Невзирая на ваши доводы, ничто меня не разубедит в том, что если бы вы были председателем Совета министров, то имели бы пост в десять раз менее утомительный...» ... «Дерзайте, прошу вас, момент удобен!» ... «Я видел вчера Хозяина в Царском Селе и нашел его в бодром, светлом настроении, передавал ему содержание ваших писем, а на вопрос о вашем здоровье ответил вашими словами» (4 марта). Заботливо предупреждает об опасности заболеть малярией в Риме.

Вскоре после этого Мещерский заболел, был в последний раз принят Николаем II в июне, незадолго до своей смерти. Его последнее, краткое письмо Кривошеину было написано 16 мая.

Милостивая к нему судьба дала этому убежденному стороннику европейского мира умереть 10-23 июля 1914 года, в ночь накануне предъявления Австро-Венгрией ультиматума Сербии³²⁰.

На этом закончилась и парадоксальная, и озадачивающая игра министра, ради проведения своей политики сотрудничества с общественностью и экономического прогресса использовавшего крайнего реакционера спорной репутации³²¹. Объяснения этого нужно искать в парадоксальном применении монархического принципа носителем Верховной власти, более склонным внимать безответственным, посторонним лицам, чем ответственным перед ним советникам.

³⁰³ Во время Балканской войны 1912 — 1913 гг. он имел мужество противиться прославянским настроениям общественности, требуя, в частности, чтобы Святейший Синод воспретил служение молебнов о победе балканских народов над Турцией, считая, что пренебрежение интересами этих народов может вовлечь Россию в войну с Германией и тем самым привести к революции.

³⁰⁴ Писавший под этим псевдонимом являет собой типичный пример полусведомленного автора, у которого интересные, более или менее достоверные подробности смешиваются с фантазией или просто с незнанием фактов. В частности, он не осведомлен о судьбе архивов князя, о дате его смерти и только частично о расположении к нему царя. Архивы были заблаговременно положены в сейф в Deutsche Bank в Берлине и изъяты впоследствии доверенным лицом Мещерского, Бурдуковым.

³⁰⁵ Прозрачный намек на половую ориентацию князя, вызвавшую скандал в июле 1887 г. Этот инцидент никогда не мешал влиянию Мещерского ни на Александра III, ни на Николая II, кроме как в первые годы царствования последнего. Остается загадкой дружба этих двух правителей, отличавшихся чистотой своих нравов, с князем. Николай II даже думал одно время назначить его министром народного просвещения.

³⁰⁶ Igor Vinogradoff, *Some Russian Imperial Letters to prince V.P. Mestchersky* (Oxford Slavonic Papers, vol. X, 1962, Oxford at the Clarendon Press, p. 105-158). Можно предположить, что Государь просто не верил тому, что утверждалось о Мещерском, как он не пожелал верить в то, что передавалось о поведении Распутина.

³⁰⁷ Письмо Мещерскому от 28 февраля 1902 г. И. Виноградов, с. 129.

³⁰⁸ Письмо от 22 марта 1902 г., с. 130.

³⁰⁹ Письмо Николая II от 26 ноября 1902 г.

³¹⁰ Spiridovitch, *Les dernieres annees de la cour de Tsarskoe Selo*, Paris, 1928 — 29, vol. II, p. 473.

³¹¹ Из моего прошлого. Париж, 1933, т. 2, с. 312–314. Коковцов добавляет, что Мещерский писал Государю, не смущаясь тем, что многие письма остаются долго или совсем без ответа. Добивался он время от времени и личных аудиенций, — это было выгодно для того, чтобы говорить о том, что Государь ему сказал, «безотносительно к тому, отвечало ли это истине или нет». В действительности писем в течение 9 лет даже не было, но характер истинного положения сиятельного иллюзиониста в политическом свете здесь передан верно (с. 314).

³¹² «Гражданин», 5 октября 1906 г.

³¹³ Русское прошлое, кн. 5, с. 78.

³¹⁴ Это показывает, что Мещерский не интересовался землеустроительной работой ведомства, для выполнения которой Столыпин именно и призвал Кривошеина.

³¹⁵ Русское Прошлое кн. 5, с. 78–79; однако К. Чужой ничего не знает о выхлопотанной Столыпиным пенсии Мещерскому.

³¹⁶ Коковцов, ук. соч., т. 2, с. 315, считает, что «пятидесятилетие» было самим Мещерским «сочинено», но в 1909 г. было семидесятилетие князя. «Гражданин» был основан в 1872 г. Отметим, что одним из первых сотрудников «Гражданина» в 1872–1873 гг. и его редактором был Достоевский и «Дневник писателя» появился в этом журнале.

³¹⁷ Русское Прошлое, кн. 5, с. 82.

³¹⁸ Того же мнения был и И. Виноградов (примечание 151, с. 150): «In January 1910, A.V. Krivoshein is said to have get the Prince 75.000 roubles down and payement of 30.000 roubles (sic) per month for the current year».

³¹⁹ С уходом Коковцова выразили желание оставить свои должности его три товарища министра — Е.Ф. Вебер, И.И. Новицкий и Н.Н. Покровский, что поставило бы в затруднительное положение его преемника. Коковцов добился их назначения в Государственный совет. Государь удачно вышел из положения, назначив их неприсутственными членами Государственного совета и, вплоть до открытия там вакансий, повелел им продолжать исполнять свои обязанности в Министерстве финансов. Коковцов утверждает, что мысль об этой комбинации была его собственной (ук. соч., т. 2, с. 289).

³²⁰ В феврале 1914 г. князь опубликовал в *Neue Freie Presse* статью, утверждавшую, что Россия никогда не будет воевать из-за Балкан. Такое категорическое утверждение лица, слывшего конфидентом царя, могло только побудить Австрию твердо рассчитывать на русский нейтралитет в случае конфликта с Сербией.

³²¹ В крайне правых общественных кругах Мещерский был весьма непопулярен. Марков 2-й обзвал его «проходимцем» в думе, в апреле 1914 г. (Новое Время — 30 апреля 1914 г.).

Празднование 300-летия дома Романовых.

Государь Император Николай II
после бракосочетания.

КОНФЛИКТ С КОКОВЦОВЫМ

(Два характера, два взгляда на экономическую политику)

В пятилетии, предшествовавшем первой мировой войне, после того как Россия оправилась от последствий японской войны и революции, для русского правительства открывались две различные экономические политики: при широком участии государственного бюджета и кредита смело развивать производительные силы страны, поощряя в то же время общественную самодеятельность, или же, напротив, поставить себе целью, соблюдая максимальную бережливость даже в производительных расходах, придерживаться бухгалтерского равновесия бюджета и накапливать золотой запас.

Первую политику, политику развития производительных сил страны, защищал Кривошеин, следуя в этом Столыпину. Определенным последователем второй политики был министр финансов и председатель Совета министров Коковцов.

Конфликту между этими двумя направлениями и двумя личностями посвящен настоящий очерк.

*

Кривошеин и Коковцов отличались как взглядами на самые существенные вопросы экономической политики, так и характерами. Не стоит останавливаться на многих чертах характера Коковцова, не привлекавших людского расположения, и не создававших ему популярности и за-

темнявших черты, заслуживавшие уважения, — хотя бы его патриотизм и финансовую щепетильность, но между живой, экспансивной, именно умевшей приобретать расположение натурой Кривошеина и совсем противоположным, «постным» характером Коковцова близость была невозможна.

Особенно велико было расхождение между ними в их подходе к экономическим и финансовым проблемам. Для Кривошеина Россия, страна развивающаяся, вернее слабо развитая, нуждалась в крупных производительных капиталовложениях в свое отсталое хозяйство, и в особенности в сельское хозяйство. Последнее нуждалось в кредитах, не только для покупки через Крестьянский банк земель крестьянам, но и для приобретения ими земельного инвентаря, а именно этому Коковцов противился. Работа ведомства земледелия тормозилась, тогда как нужно было как можно скорее ослабить растущее противоречие между быстро развивающейся промышленностью и примитивным земледелием, противоречие, которое по меткому, хотя и одностороннему выражению Ленина, глубже всего объясняет русскую революцию³²².

Что касается накопления золотого запаса как цели в себе, несмотря на то, что русский золотой запас был самым крупным в Европе — больше французского, немецкого или английского, — эта громадная инертная золотая масса, слишком большая для мирного времени, не сыграла сколько-нибудь значительной роли как противовес денежной инфляции во время войны. В условиях мирного времени, при острой потребности в денежном обращении в результате подъема народного хозяйства, устарелый устав Государственного банка ограничивал эмиссионное право 300 миллионами рублей непокрытых золотом билетов, но и это недостаточное право не было использовано: Россия была одной из редких стран, где сумма кредитных билетов в обращении была ниже суммы золотого запаса (1623 млн. рублей при 1783 млн. рублей золотом к 1 марта 1914 г.).

Производительные чрезвычайные расходы бюджета, такие, как постройки казенных железных дорог, покрывались за счет бюджетных поступлений, а не займами.

Хроническому конфликту между Коковцовым и Кривошеиным предшествовал конфликт между Коковцовым и Столыпиным, всецело поддерживавшим Кривошеина.

В главе, посвященной Столыпинской реформе, я указываю на резкое столкновение Столыпина с Коковцовым по поводу финансирования реформы Крестьянским банком в ноябре 1906 г. Конфликт обострился тем, что назначенный 6 октября 1906 г. товарищем министра и заведующим этим банком Кривошеин проводил политику Столыпина, а именно предоставление широкого кредита землеустройству. Коковцову пришлось уступить³²³. Вообще, хронический конфликт между Коковцовым и Кривошеиным должен быть понят в свете конфликта между Коковцовым и Столыпиным, исполнителем политики, а затем продолжателем которого был Кривошеин.

Весной 1910 г. к этому конфликту прибавился другой: неудавшаяся попытка Кривошеина организовать правительственный сельскохозяйственный кредит, ярко освещающая противоположность взглядов Коковцова и Кривошеина на спешность поднятия этими мерами уровня крестьянского земледелия. Поддержанный Столыпиным Кривошеин созвал 1 мая под своим председательством междуведомственное совещание для обсуждения проекта Сельскохозяйственного банка для кредитования приобретения земледельческого инвентаря и улучшения земледельческой техники³²⁴. Крестьянский банк мог открывать кредиты исключительно землеустроительного характера. Кредиты же Государственного банка органам мелкого кредита на покупку земледельческих машин были недостаточны. От имени Столыпина точка зрения министра земледелия была горячо поддержана товарищем министра внутренних дел А.И. Лыкошиным. По его мнению, такой кредит не только не был преждевременным, но, с появлением личной крестьянской собственности, скорее запоздавшим. Министерство финансов считало, напротив, что надо ждать. Надо ждать, пока разовьется мелкий кредит, надо ждать, пока он не окрепнет, надо ждать пока русский крестьянин не созреет до того, чтобы производительно использовать полученные из банка средства, так как пока он еще далеко не созрел до этого. Наконец, надо ждать, пока государственный кредит не оправится от потрясений, перенесенных в годы лихолетья. А главное, Министерство финансов было категорически против государственной гарантии облигаций банка: деятельность проектируемого банка по финансированию сельского хозяйства, этого неблагонадежного с точки зрения министра финансов промысла, могла привести к крупным убыткам, которые пали бы на Государственное казначейство. Между тем, проектируемый банк страдал скорее ограниченностью предназначенных для него средств: 15 миллионов рублей капитала и право выпуска в десятикратном размере капитала облигаций — 150 миллионов рублей для начала; в дальнейшем, капитал должен был увеличиваться отчислениями от прибыли.

Кривошеин с жаром возразил на это, что приведенные аргументы несколько не поколебали его уверенности в том, что орган широкого кредита был бы единственным средством поднятия производительности крестьянского труда, что в основе проекта лежит глубокая вера в коллективный разум русского народа. «Пусть часть средств, истраченных правительством, пропадет, пусть будут на первых порах неудачи и убытки. Не убытки надо считать, а ту пользу, которую принесет сельскому хозяйству хорошо организованный кредит!»

Вследствие оппозиции финансового ведомства банк не был учрежден³²⁵.

Интересно и живо составлено донесение французского поверенного в делах Дульсэ своему правительству, написанное 13 марта 1914 г., но охватывающее предыдущий период: «Тогда как г. Коковцов ставил на первое место заботы о казначействе и считал, что сбереженные им суммы больше чем что-либо в его политике заслуживают прославления, г. Кривошеин утверждал, что бережливость может быть разорительнее самых безрас-

судных трат, когда она достигается за счет экономического развития страны. Именно на этой почве у них произошло первое столкновение, ставшее известным общественным кругам. Г. Кривошеин представил Совету министров проект Сельскохозяйственного банка, назначением которого была не покупка крестьянами земли и не предоставление им ипотечных ссуд — для этого существует Крестьянский банк, — но облегчение приобретения ими земельного инвентаря и вообще предоставление им необходимых средств для улучшения сельскохозяйственной техники. Этот проект был первой попыткой организации народного кредита. <...> Г. Коковцов стал возражать против своевременности такого начинания, утверждая, что, по его мнению, нужно его отложить на те, еще отдаленные времена, когда окрепшее финансовое положение России позволит столь рискованное предприятие. Совет министров стал на его сторону, и г. Кривошеин попросил императора принять его отставку, но она не была принята.³²⁶

Этот инцидент мог только обострить конфликт по поводу Крестьянского банка, в особенности после поездки Столыпина и Кривошеина осенью 1910 г. в Сибирь, где банк рассматривался как «чужое ведомство», неспособное отрешиться от узко финансовой стороны своей кредитной политики. Столыпин решил тогда передать банк ведомству землеустройства. По словам Коковцова³²⁷, Столыпин добился от императора Николая II, во время пребывания Коковцова во Франции в октябре 1910 г., обещания передать банк этому ведомству, о чем он уведомил затем министра финансов, и на возражения последнего предложил арбитраж царя. Коковцов отверг этот выход из положения и предложил, в свою очередь, предоставить ведомству землеустройства проведение законопроекта, с тем что после утверждения его обеими палатами он подаст в отставку. Эта комбинация понравилась Николаю II, так как она позволяла ему отложить надолго неприятное решение³²⁸.

По словам Коковцова, дело оставалось без движения до весны 1911 г. и Кривошеин сам этого вопроса якобы не поднимал. В действительности, Кривошеин совершенно открыто заявил о желательности передачи банка своему ведомству еще в марте 1910 г., принимая делегацию саратовского земства, жаловавшегося ему на работу банка³²⁹; то же самое сказал он в представленной им в 1910 г. записке о преобразовании этого ведомства в министерство.

После конфликта с Государственным советом в марте 1911 г. по поводу введения земских учреждений в Западном крае, авторитет Столыпина был в глазах Николая II подорван, и Кривошеин, хорошо разбираясь в политической ситуации, пришел к выводу, что рассчитывать на подчинение ему Крестьянского банка нельзя и что финансовое ведомство не согласится, как и в 1910 г., отпустить средства для Сельскохозяйственного банка. Исходя из этого, он стал искать наименее невыгодного компромисса: 6 июня Совет министров под председательством Столыпина одобрил проект преобразования Крестьянского банка в Государственный земельный банк, подчиненный финансовому ведомству. Этот банк будет

выдавать долгосрочные ссуды на сельскохозяйственные улучшения как крестьянам, так и прочим сословиям, и кратковременные ссуды учреждениям мелкого кредита (из сумм, коими располагали сберегательные кассы); в учреждения, выдающие ссуды, и в банк будут введены представители ведомства землеустройства с решающим голосом по всем вопросам, кроме чисто финансовых³³⁰. Хотя это ограничение и ослабляло значение компромисса, но он всё-таки не пришелся по вкусу министру финансов: с назначением его премьером проект был сдан в архив до марта 1913 г., когда он снова был обсужден Советом министров, но дальнейшего движения не получил³³¹. Вопрос о расширении, в сущности о создании сельскохозяйственного кредита мог быть вновь поставлен уже только после увольнения Коковцова.

Конфликт между двумя ведомствами — и между двумя личностями — живо освещался «Новым Временем» 12 июня 1911 г. («Разрешившийся ведомственный конфликт»), не без прямого влияния Кривошеина. «Сельскохозяйственный кредит составляет, строго говоря, *pium desiderium* нашей «по преимуществу земледельческой страны». Кое-что делается, но, кроме ссуд под залог хлеба, все остальные операции, имеющие характер сельскохозяйственного кредита, выражаются в столь ничтожных размерах, что составляют каплю в море для тех нужд сельского хозяйства, которые могли бы удовлетвориться за счет правильного и организованного кредита. <...> Во всяком случае, мечтать о серьезном прогрессе при таких условиях наивно. <...> В земледельческую среду вошел новый фактор — реформа землеустройства. Что толку переходить на хутора и отруба, когда земледелец всё равно должен подходить к земле с голыми руками. На хуторах и отрубках еще ощутительнее нужда в средствах на обзаведение, на оборудование инвентарем... опыт земельной реформы показал, однако, что отсутствие оборотных средств ставит иногда неодолимые помехи землеустроительному делу. Вполне понятно, что глава ведомства землеустройства, на обязанности и ответственности которого лежит попечение как о сельском хозяйстве вообще, так и об успешном ходе земельной реформы, не мог оставаться равнодушным к такому безнадежному положению вещей <...>. Отсюда мысль об организации Сельскохозяйственного банка и координации этого банка с Крестьянским, ставшим с 15 ноября 1906 г. гораздо более землеустроительным органом, чем банком ипотечного кредита. На что министерство финансов заявило протест против вторжения в область кредита «постороннего ведомства». <...> Министр финансов мог предложить, смело сказать главноуправляющему землеустройством и земледелием: «Вы просите о 15 миллионах для Сельскохозяйственного банка и мечтаете о 50 миллионах облигаций. Извольте, я найду капитал и облигации в размере 100 миллионов³³² и соберу с сельского хозяйства, с подъема народного благосостояния дань гораздо большую нашей «банкирской провизии», с роста доходов по всем статьям бюджета. <...> Итак — по рукам! К сожалению случилось нечто иное: вместо удовлетворения одной из самых насущных потребностей народного хозяйства — затяж-

ной конфликт, конфликт теперь разрешенный довольно благополучным компромиссом, удачным если найдет воплощение, а не будет похоронен в каких-нибудь архивах».

В начале лета 1911 г. Столыпин решил добиться замены Коковцова, хотя его собственный авторитет был тогда поколеблен. Он стал выдвигать на его место указанного ему министром торговли Тимашевым и Кривошеиным большого друга последнего, П.Л. Барка, одного из руководителей Волжско-Камского банка, а ранее помощника управляющего Государственным банком, когда Тимашев был управляющим³³³. Для подготовки этой перемены представился удобный случай: после продолжительной болезни, смертельный исход которой можно было предвидеть, 23 июля скончался товарищ министра торговли Миллер. Как Тимашев, так и Кривошеин, предупредили Барка, что после кратковременного стажа в министерстве торговли ему будет поручен портфель финансов. Кривошеин уговаривал Барка покинуть хорошо оплачиваемую (150000 рублей в год) должность в частном банке для плохо оплачиваемой должности товарища министра (13000 рублей в год), так как по бюрократическим воззрениям должность директора частного банка не считалась открывающей путь к министерскому посту; необходим был предварительный чиновный стаж. Назначение состоялось 12 августа 1911 г., во время одного из кратких пребываний Столыпина летом этого года в Петербурге. Смерть Столыпина в Киеве помешала завершению этого плана³³⁴.

Точные обстоятельства назначения Коковцова на место Столыпина мало известны; Коковцов всегда замещал Столыпина, когда тот был в отсутствии, но это замещение по старшинству отнюдь не открывало дороги к премьерству; уже в марте месяце поговаривали о Кривошеине, да и сам Коковцов признает, что мог быть назначен кто-нибудь другой, а не он — даже генерал Сухомлинов; после некоторых колебаний, в последний момент, за четверть часа до своего отъезда из Киева, в атмосфере спешки, когда адъютанты торопили его с отъездом и откладывать решение было больше невозможно, Николай II обратился к Коковцову. Не очень яркая личность министра финансов представляла для Государя успокоительный контраст с сильной фигурой убитого премьера и позволяла свести, наконец, эту должность к председательствованию в заседаниях Совета министров вместо руководства политикой империи.

Коковцов сам понимал, что «прочной, всеобъемлющей власти сейчас в России никто, кроме Государя, не имеет и иметь не будет»³³⁵.

Если верить донесению французского поверенного в делах Дульсэ, то предварительно этот пост был предложен Кривошеину, который отказался. Несмотря на авторитетность этого источника, эти сведения по меньшей мере неточны. Обстоятельства, связанные с последними часами и кончиной Столыпина, их не подтверждают. Кривошеин находился во время киевских торжеств в Крыму, в Никитском саду, со своей семьей. По семейным воспоминаниям, он говорил тогда, что, не желая премьерства, он надеется, что ему эту должность тогда не предложат, так как при настоя-

щих обстоятельствах ему неудобно будет от нее отказаться: могли бы подумать, что он отказывается из страха стать жертвой террориста. Из этого можно заключить, что царь ему эту должность не предлагал. По-видимому, именно чтобы избежать этого предложения, он (разъехавшись по дороге с прибывшим в Крым Государем) поехал в Киев только на похороны Столыпина 9 сентября,³³⁶ во время которых, по ее желанию, он вел под руку вдову убитого премьера.

Вначале положение Коковцова было достаточно прочным, так как Николаю II «дышалось легче» с ним, чем со Столыпиным, в чем он откровенно признался новому премьеру в Ливадии вскоре после назначения: последний не ставил себя на первое место, как это якобы делал Столыпин. Коковцову даже удалось помешать назначению на пост министра внутренних дел А.Н. Хвостова³³⁷.

В первые месяцы своего премьерства Коковцов был в недурных отношениях с думой. Его бюджетная речь 2 марта 1912 г. была встречена шумными и продолжительными аплодисментами октябристов, националистов и правых, и пресса отметила, что он произнес ее с большим подъемом. Этот успех отчасти объясняется его резкой полемикой с Шингаревым, — отношения между октябристами и кадетами были весьма натянутыми. Что касается его узкой, лишенной воображения, экономически бесплодной финансовой политики, то большинство депутатов находилось тогда под обаянием фетишизма абсолютного равновесия бюджета, даже чрезвычайного, и нарастания свободной наличности: использование производительных бюджетных капиталовложений, покрытых займами, казалось им опасным. Критика слева — А.И. Шингарева, В.А. Маклакова — относилась к росту военных расходов, к общей отсталости народного хозяйства, к положению в университетах и т. д., и была направлена больше против главы правительства, чем против министра финансов³³⁸.

Начиная с 1913 г. положение Коковцова стало шатким; его авторитет поколебался, его характер, его политика создали ему солидную и почти всеобщую непопулярность, охватившую думские круги, как левые, так и правые, прессу, экономический мир, придворные сферы, наконец императрицу Александру Феодоровну, из-за его отрицательного отношения к Распутину. Но было бы преувеличением считать, как это делает Коковцов, что в нерасположении Распутина кроется начальная причина его отставки: он сохранил власть еще два года после инцидента со старцем, в течение которых Государь «продолжал выказывать ему неизменно доверчивое отношение», а в деловой сфере Коковцов «не видел никакого нерасположения со стороны монарха»³³⁹.

Бюджетная речь 10 мая 1913 г. была уже встречена весьма сдержанно; «шестидневный бой по государственному бюджету выяснил несколько важных эволюций, сложившихся у нас в течение последних двух лет. Обнаружилась всеобщая непопулярность Коковцова», — несколько пренебрежительно писало «Новое Время» (16 мая 1913 г.), невзирая на получаемые газетой от финансового ведомства крайне выгодные объявления.

Обычно покладистый председатель бюджетной комиссии октябрист М.М. Алексеенко, гордившийся еще в предыдущем году ростом свободной личности, достигнутым «при участии Государственной думы», считал теперь, что ее нужно употребить на такие обширные дела, которые затрагивали бы широкие массы населения. Формула перехода, внесенная националистом Демченко, упрекала министра финансов в том, что он слишком мало внимания уделяет развитию сельскохозяйственной промышленности и что развитие путей сообщения происходит «с угрожающей культурному развитию России медленностью»; эта формула только потому не была поддержана октябристами, что они предпочитали высказывать свою критику по каждой статье росписи отдельно. В целом, ответные речи депутатов, от кадета Шингарева до Маркова 2-го, дали редкую картину почти полного единодушия, если не в деталях критики, то в общем тоне неодобрения бездеятельной экономической политики Коковцова³⁴⁰.

К тому же положение премьера постепенно расшатывалось и внутри кабинета, где он натолкнулся одновременно на оппозицию справа и слева. К первой принадлежали Л.А. Кассо, И.Г. Щегловитов, В.К. Саблер, отчасти С.В. Рухлов и генерал В.А. Сухомлинов; эта оппозиция еще усилилась с назначением министром внутренних дел Н.А. Маклакова, пользовавшегося совершенно особенным расположением Николая II, который полностью разделял взгляды своего министра. Оппозицию «слева» представлял Кривошеин³⁴¹, защищавший и проводивший свою политику установления хороших отношений с земством и думой, вызвавшую недовольство Коковцова³⁴².

Французский дипломат Дульсэ так описывает позицию Кривошеина в конфликте внутри кабинета между «черносотенной группой» и Коковцовым: «Не разделяя их взглядов, настоящий националист, тогда как другие были явными реакционерами, г. Кривошеин ничего не предпринимал для того, чтобы обескуражить их коалицию, изолируя себя в выжидательной позиции, тем более для него выгодной, что он предоставлял другим работать на него»³⁴³.

Препятствия, чинимые министром финансов постройке железных дорог и каналов, вызывали постоянные конфликты между ним и энергичным, но узким в области политики и не особенно компетентным в области финансирования министром путей сообщения С.В. Рухловым³⁴⁴. Но за Рухловым стоял Кривошеин, так как разработка проектов железнодорожного строительства в Сибири и Туркестане была в компетенции и Переселенческого управления, этого «ведомства Азиатской России». Еще летом 1910 г. ведомство одобрило проект будущего Турксиба³⁴⁵, а 27 апреля 1911 г. Совет министров одобрил, по докладу Кривошеина, принцип постройки Южно-Сибирской магистрали³⁴⁶. Со своей стороны, ведомство путей сообщения разработало проекты сооружения ряда линий в Европейской России.

Первый серьезный конфликт разразился по поводу Черноморской

железной дороги, которая должна была соединить Новороссийск с Батумом вдоль побережья. Конфликт этот был показателен, так как он освещает позицию Коковцова в вопросе расширения железнодорожной сети. С одной стороны, он из бережливости противился постройке дорог на средства казны и в то же время тормозил заключение частными предпринимателями необходимых займов за границей.

В вопросе Черноморской дороги Рухлов, Кривошеин, Тимашев, Щегловитов и Харитонов были сторонниками ее постройки на казенные средства (28 февраля 1912 г.). Коковцов, противясь ассигнованию казенных сумм, привлек на свою сторону Сухомлинова и Григоровича, возражавших на том основании, что в случае войны дорога могла быть разрушена турецким флотом; к ним присоединились Кассо и Саблер (9 марта 1912 г.). В конечном счете, арбитражем царя (16 марта) решено было поручить постройку частному обществу — выход по меньшей степени нелогичный, если основываться на стратегических соображениях³⁴⁷.

Описывая свое незавидное положение в кабинете, Коковцов говорит, что в железнодорожном вопросе Кривошеин, Щегловитов и в особенности Рухлов имели свою теорию бумажного денежного обращения, «убежденно считая меня вредным охранителем денежного обращения и осторожного выпуска кредитных билетов», что касается Тимашева, министра торговли, и Харитонова, государственного контролера, то они якобы «прекрасно понимали», но не захотели выступить на защиту его точки зрения³⁴⁸. Предположение, что Кривошеин мог допускать финансирование строительства путем инфляции, не выдерживает критики. Он был не в меньшей мере, чем Коковцов, сторонником участия частного капитала, в том числе и иностранного, в этом деле, но считал, что и казна должна сделать определенное усилие, в особенности там, где линии обещают быть доходными. Тем не менее, чтобы преодолеть инерцию ведомства финансов, он стал защищать политику концессий частным предпринимателям, но и тут Коковцов тормозил выпуск займов за границей, утверждая, не без основания, что выпуск займов отдельными, часто мелкими обществами мог отрицательно отразиться на государственном кредите. Но если эта система была действительно неудовлетворительной, то более полутора лет было потеряно, пока под давлением Кривошеина, Рухлова и думы Коковцов не предложил наконец свою собственную, весьма рациональную схему единого унификационного железнодорожного займа³⁴⁹. Казна давала займу свою гарантию и распределяла потом фонды среди концессионеров. Характерно, что эта несомненно удачная система была немедленно одобрена Кривошеиным, как вполне отвечавшая его взглядам: Коковцов ознакомил его с этой схемой в частной беседе.

Унификационный заем был заключен в Париже 15 января 1914 г., за две недели до отставки Коковцова, на сумму 1250 миллионов рублей, реализуемую в пятилетний срок, притом на 1914 г. приходилось 665 миллионов франков, т. е. более 250 миллионов рублей³⁵⁰. Заключение займа было облегчено тем, что оно позволяло русскому правительству уделить более

крупные суммы на постройку казной стратегических линий, на чем настаивала Франция.

Строительство гидротехнических сооружений, предназначенных для орошения засушливых районов, входило в компетенцию ведомства земледелия, разработавшего начиная с 1910 г. оросительную программу туркестанских и закавказских степей³⁵¹. Финансирование этой программы постоянно встречало сопротивление со стороны ведомства финансов, но достаточно прочесть записку Кривошеина лета 1913 г. о плане освоения Закавказья, предвидевшем, помимо крупных оросительных работ, постройку дорогостоящей железной дороги сквозь Кавказский хребет, чтобы стало ясно, что министр земледелия мог тогда проводить свою политику вопреки министру финансов.

Хотя финансовая политика Коковцова не отвечала правильно понятым интересам страны и недостаточно стимулировала запоздалое развитие народного хозяйства, справедливость требует признать, что и при его чрезмерной бережливости было вложено немало капиталов и труда и что ходячая фраза «Коковцов не дает денег» нередко бывала преувеличением. Несправедливы обвинения его в урезывании бюджета обороны, так как ассигнованные на нее суммы часто оставались неиспользованными военным ведомством. А между тем, это обвинение встречается в письме императрицы Александры Феодоровны Государю от 10 декабря 1916 г. («почему Сухомлинов должен пострадать, а не Коковцов, который не хотел давать денег»).

Одним из поводов трений между Коковцовым и Кривошеиным был вопрос возобновления русско-германского торгового договора 1904 г., исключительно невыгодного для русского народного хозяйства. Кривошеин считал, что одна бюрократия не в состоянии добиться улучшения договора, если она не будет опираться на твердо выраженное мнение заинтересованных общественных и экономических кругов, тем более что в таких именно условиях мобилизации своего общественного мнения подготавливалось к переговорам германское правительство. Для Коковцова такое привлечение общественности к делам управления было предосудительным и опасным — его горизонт оставался чисто бюрократическим³⁵².

Разногласия внутри кабинета, падение авторитета премьера при дворе и в думе привели к политическому бессилию правительства, иначе говоря, к установлению политики полной неподвижности.

Характерен конфликт, вызванный осенью 1913 г. докладом Н.А. Макакова о назначении Б.В. Штюмера, помимо Совета министров, московским городским головой, из-за неутверждения выборного кандидата. В этом вопросе Коковцов, подробно описывающий этот конфликт³⁵³ и колебания Николая II, стал поборником единой политики объединенного правительства, в том смысле, как это было установлено в первоначальном проекте положения о Совете министров осенью 1905 г. Только тогда это объединение правительственной политики защищалось Витте и запис-

кой Кривошеина от 6 августа 1905 г., тогда как Коковцов старался всячески ослабить, на созванном ad hoc Особом совещании графа Сольского, права председателя кабинета, что, на горе ему и России, удалось.

Политика неподвижности в области финансов выражалась также в том, что давно намеченные налоговые реформы оставались без движения, в частности подоходный налог, первая версия проекта которого была разработана еще в бытность Коковцова министром финансов в начале 1905 г.

В этом процессе растущей изоляции Коковцова интересен эпизод критического отношения к его политике графа Витте, который произвел большое впечатление своими выступлениями в Государственном совете по поводу закона о трезвости. Коковцов упомянул о резких выпадах Витте против деятельности винной монополии в январе 1914 г., ничего не говоря о его нападках в январе-феврале 1913 г. в комиссии Государственного совета, менее резких по тону, но по содержанию от них мало чем отличавшихся («нельзя оставлять страну в нынешнем положении, при всё более и более развивающемся пьянстве. С 1903 г. (т. е. с его отставки) никаких новых мер по борьбе с пьянством не предпринималось, а меры, принятые раньше правительством, не развивались сообразно с прогрессирующим пьянством»)³⁵⁴. Витте утверждал, что целью установленной им монополии была регламентация пьянства, а не его поощрение. Разумеется, он преследовал в этом вопросе личные цели: зная отрицательное отношение царя к злоупотреблениям винной монополии, он надеялся вернуть себе его доверие таким путем; преувеличивая влияние Распутина, он рассчитывал и на его поддержку³⁵⁵. Его расчеты не оправдались, но Государь дал ему повод надеяться на это: 14 апреля 1913 г., на Пасху, вскоре после критического выступления Витте в комиссии Государственного совета, ему был пожалован орден Св. Владимира 1-й степени, «по Государственной канцелярии», где Витте никогда не служил (но Государственная канцелярия была канцелярией Государственного совета). Так как это высокое отличие (самое высокое после Св. Андрея Первозванного) совпало с пятидесятилетием департамента неокладных сборов, в ведении которого состояла винная монополия, то было неясно, было ли оно пожаловано учредителю монополии или критику ее уродливой эволюции; если второе объяснение правильно, то этому царскому жесту было присуще скрытое порицание находящегося у власти главы правительства.

Одновременно с падением авторитета Коковцова влияние Кривошеина на Государя и на общество продолжало расти. Относительно общества достаточно вспомнить впечатление, оставленное речью Кривошеина 7 июля 1913 г. в Киеве, на тему «мы и они». Вопрос замены Коковцова и глубокой перемены финансовой политики стал на очереди³⁵⁶. Осенью 1913 г. Кривошеин, вернувшись из Крыма, где он побывал с докладом у Государя в Ливадии, сказал П.Л. Барку, что он имел там продолжительную беседу о необходимости реформы русской финансовой системы³⁵⁷.

Государь предложил ему не только портфель финансов, как это пишет Барк, но и пост председателя Совета министров. Кривошеин отказался от портфеля финансов, ответив, что он желал бы продолжать работу в своем ведомстве, пояснив, что еще Столыпин имел в виду П.Л. Барка для замены им Коковцова и что по его, Кривошеина, мнению, Барк является лучшим кандидатом на эту должность. Что касается до председательства кабинета, то Кривошеин, несмотря на то, что оно было бы завершением его блистательной карьеры, отказался от этого поста по причинам, коренившимся в его оценке царского характера. Он посоветовал назначить И.Л. Горемыкина, вполне приемлемого для Николая II и с которым он сам был в очень хороших отношениях; назначая Горемыкина, царь предоставил Кривошеину быть «фактическим премьером», как это он не раз определял впоследствии³⁵⁸. Кривошеин мотивировал свой отказ болезнью сердца, которую обыкновенно считали грудной жабой, но бывшей, в действительности, острой, но не особенно опасной формой расширения сердечной сумки (перикардитом), вероятным последствием пережитых волнений в связи с неминуемыми переменами, которые должны были осуществиться по его инициативе. Эта болезнь заставила отложить разрешение кризиса почти на три месяца³⁵⁹.

Принявшая в конце декабря более острый характер болезнь Кривошеина произвела сенсацию, так как от ее исхода зависело не только направление политики, но и карьера многих. Оба наших домашних телефона на Сергиевской, 36 не прекращали работать, и пишущему эти строки то и дело приходилось отвечать на вопросы о состоянии здоровья отца. Как-то раз телефонная станция оповестила, что «с вами будут говорить из Царского Села», и вскоре состоявшая при особе императрицы фрейлина осведомилась по поручению государыни о его здоровье. Интерес императрицы Александры Феодоровны к состоянию здоровья «ее друга Кривошеина» проявлялся таким путем ежедневно.

Нельзя обойти молчанием роль князя В.П. Мещерского в отставке Коковцова, не преувеличивая ее удельного веса, как это со свойственным ему хвастовством делал Мещерский, незадолго до того, весной 1913 г., снова получивший царское расположение и дружбу после девятилетнего частичного отдаления. Преувеличивал эту роль и Коковцов, ставя Мещерского на первое место виновников своей отставки³⁶⁰. Вначале благоприятствовавший Коковцову, он рассорился с ним оттого, что со свойственной ему щепетильностью в области финансов Коковцов отказался утвердить председателем биржевого комитета И.П. Мануса, сомнительного дельца и биржевого советника Мещерского. Кривошеин уже давно предпочел нейтрализовать последнего («Снять его злобу со своей дороги», как выражался Столыпин в 1909 г., собираясь давать субсидию Мещерскому) выполнением его мелких просьб, когда кредит Мещерского у Государя был невысок. Кривошеин понимал, что теории, развиваемые им в «Гражданине», абсолютно отвечавшие воззрениям императора Николая II на при-

роду его власти, вернуть князю некогда поколебленное царское благоволение, что и случилось после романовских торжеств. Мещерский оказался козырем в игре Кривошеина. Использование Мещерского для проведения политики, основанной, в конечном счете, на сотрудничестве с думой и общественностью, было одним из парадоксов политического положения в 1913 — 1914 г. Он вытекал из отношения императора Николая II к его отказу, «против велений своей совести», от неограниченности своей власти, при утверждении основных законов, в апреле 1906 г. Кривошеин пытался удержать Государя на линии думской монархии и данных манифестов, убеждая его, что другого пути нет. Зная привязанность царя к принципу самодержавия, Кривошеин считал, что использование лично обязанного ему Мещерского позволит обезвредить его влияние. Это была рискованная и, в конечном счете, проигрышная игра.

Николай II расстался с Коковцовым прежде всего по собственному убеждению. Если кто и оказал на него влияние, так это Кривошеин, потому что поставленная последним цель: перемена финансовой политики и сокращение роли питейных доходов — отвечала сложившемуся тогда внутреннему убеждению Государя. Больше того, назойливые напоминания Мещерского о желательности увольнения Коковцова только вызывали раздражение, как явствует из царского письма князю от 8 сентября 1913 г. из Ливадии: «На твою просьбу относительно решения участи К. повторяю, что я всегда занят этой мыслью и надеюсь быть в состоянии привести ее к решению, но давать своего рода обязательство в том, что я непременно исполню ее, я не могу»³⁶¹.

Нападки Витте на «питейную политику» Коковцова достигли кульминации на заседании Государственного совета 10 января 1914 г. «Большой парламентский день. Можно сказать — исторический день. Целое десятилетие деятельности В.Н. Коковцова на поприще Министерства финансов заслужило сегодня осуждение со стороны графа С.Ю. Витте»³⁶². Трибуны верхней палаты были переполнены представителями высшего света.

В своей исключительно блестящей и едкой речи Витте доказывал, что питейная реформа дала отрицательные результаты, так как вместо сокращения пьянства на первый план выступило выкачивание посредством монополии денег в казну. С 1904 г. доходы монополии возросли на 500 миллионов рублей в год, тогда как весь бюджет Министерства народного просвещения равняется 160 миллионам рублей — менее трети этого роста. Нельзя ожидать уменьшения пьянства увеличением культурности, раз общая сумма государственных и земских расходов на просвещение достигает 300 миллионов рублей в год, т. е. менее трети той суммы (936 миллионов рублей), которую русский народ пропивает в пользу казны!

Установив эту действительно «умопомрачающую» пропорцию и указав, что против этого не было предпринято «ровнехонько ничего», Витте предлагал для борьбы с «Мефистофелем бюджетных доходов» зафиксировать питейные доходы в 700 миллионов рублей, используя весь изли-

шек на борьбу с пьянством мерами культурного характера, а если ослабление «Мефистофеля» вызовет уменьшение доходов, покрывать его нормальными средствами, налогами и займами³⁶³. Для этого нужно прежде всего вырвать из недр Таврического дворца находящиеся там уже восемь лет законопроекты о новых налогах, и первым делом о подоходном налоге.

Витте упрекали довольно основательно в том, что его критика могла быть отнесена и к его управлению российскими финансами, но это не мешало ей подрывать авторитет Коковцова в глазах общественного мнения. Однако Коковцов и в эту минуту, когда правильность его финансовой системы оспаривалась повсеместно, оставался верен своему формализму. Он задержал одобрение Советом министров внесенного Кривошеиным пятилетнего плана земельных улучшений (главным образом оросительных и осушительных работ), предусматривавшего расходование за этот срок (1915 — 1919 гг.) 150-миллионного романовского фонда, уже одобренного в принципе думой: по мнению финансового ведомства, фиксация такой суммы на столь продолжительный срок противоречила бюджетным правилам и вопрос оставался неразрешенным до отставки Коковцова³⁶⁴.

Наконец, 26 января 1914 г. П.Л. Барк был вызван в Царское Село³⁶⁵, где, будучи принят в течение 50 минут царем, он изложил ему свои взгляды на желательные перемены финансовой системы. «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки». Он предложил ввести подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки. В беседе были также затронуты темы постройки железных дорог, портов и т. д. «Я решил предложить вам портфель финансов с тем, чтобы вы изменили нашу финансовую систему», — сказал ему на прощание Государь, прося его об этом никому не говорить. 28 января Кривошеин, тщательно подготовивший весь сценарий перемены правительства, уехал на два месяца отдыхать в Италию, в санаторию доктора Остера, известного немецкого кардиолога, в Оспедалетти, на Ривьере. (Доктор Остер был осведомлен, очевидно германским посольством, о роли Кривошеина в правительстве и при прощании с ним, по немецкому обычаю, поцеловал ему руку. С болезнью Кривошеина связан любопытный эпизод: неожиданно явился к нему в Петербург приехавший из Москвы профессор Плетнев и, выслушав его, уехал, отказавшись принять гонорар. Как потом выяснилось, этот визит был сделан по просьбе московского купечества, уплатившего гонорар и расходы, — пример популярности Кривошеина в этой среде.) Перед отъездом он пришел проститься с Коковцовым и в слегка шутливой форме намекнул ему, что, быть может, вернувшись, если болезнь его пощадит, в чем он не был уверен, он найдет его носителем высокого титула. 29 января³⁶⁶ Коковцов узнал из письма Государя о своем увольнении, а также о своем возведении в графское достоинство, происшедшем в довольно драматических условиях. Как на это указывает сам Коковцов, этот титул был исхлопотан Кривошеиным в надежде смягчить уволенному премьеру горечь увольнения. Однако за несколько часов до своего отъезда в

Италию Кривошеин был извещен одним дружественным лицом из царского окружения, что царь в последнюю минуту передумал и решил не давать Коковцову титула, о котором тот давно мечтал. Хотя обращение к Государю по телефону было фактом исключительным даже для министра — Сазонов обратился к нему таким путем впервые в день австрийского ультиматума Сербии³⁶⁷, — но Кривошеин, пользуясь своей тогдашней близостью к монарху, позвонил ему: «Ваше Величество, так и прислугу не увольняют», — сказал он с большой твердостью, и графский титул был дан уволенному премьеру, прозванному из-за этого «графом по телефону».

30 января статс-секретарь И.Л. Горемыкин был назначен председателем Совета министров, а П.Л. Барк — управляющим Министерством финансов. Обнародованный на имя Барка рескрипт, написанный Кривошеиным на его квартире, на Сергиевской, 36, в присутствии Горемыкина, излагал основные директивы новой финансовой и экономической политики. Они отвечали взглядам Кривошеина, высказанным им Николаю II в Крыму осенью 1913 г. Рескрипт, в торжественной форме, намечал глубокие перемены в финансовой и экономической политике страны («Я пришел к твердому убеждению, что на мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведование государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования»). Предусматривалась постепенная замена питьевых доходов подоходным налогом и увеличением промыслового налога и доходами от интенсивного освоения природных богатств («...нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных, и потому необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых от неисчислимых естественных богатств страны и от народного производительного труда, при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединяя заботы об увеличении производительных сил государства с заботой об удовлетворении народных нужд», что, в частности, подразумевало политику усиленных капиталовложений в народное хозяйство). Кроме того, указывалось, что народный (т. е. крестьянский) труд подчас был лишен «в тяжелую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита»³⁶⁸.

Рескрипт произвел большое впечатление. «Возвещалась новая эра», — пишет Барк. Вернее, «новый курс». Рескрипт выражал волю Верховной власти сменить политику экономической неподвижности, политикой экономического развития и прогресса. «Новому курсу» была придана широкая гласность, и он был комментирован печатью. «Охрана бюджетного равновесия, — заявил Барк при вступлении в должность 6 февраля, — не должна препятствовать допущению хотя бы и крупных, но производительных затрат, так как эти затраты сторицей вернутся в государственную казну»³⁶⁹. В том же духе высказался председатель бюджетной комиссии думы октябрист М.М. Алексеенко: «Из сопоставления обоих рескриптов мож-

но усмотреть, что политика осторожности, бережения и накопления без производительности их назначения признается недостаточной; наряду с этим находим осуждение системы, которая наполняет государственное казначейство ценою разорения, духовного и хозяйственного, всего народа. С другой стороны ставится крупная положительная задача — составить финансовую систему на началах развития производительных сил»³⁷⁰.

Вскоре после этого министр финансов дополнил свои первые выступления, в частности в области кредита. Дело в том, что назначение Барка связывалось в некоторых банковских кругах со столыпинскими проектами «национализации» кредита, т. е. его «русификации». Это вызвало известное беспокойство в некоторых органах прессы, как, например, «Петербургский курьер», о котором утверждали, что он был «связан с еврейскими кругами». Ответом на это было официальное сообщение министра финансов под названием «Финансовое преобразование»: министр финансов будет придерживаться развития кредита и менее национализации, чем демократизации его; первым делом это относится к кредиту хуторскому и отрубному, затем мелкому промышленному, но также и крупному³⁷¹.

В то же время, в исполнение рескрипта, железнодорожное строительство, казенное и частное, развитие шоссейных и водных путей, улучшение портов и целый ряд других предприятий будут проводиться как новым министром, так и другими министрами, деятельность которых тесно связана с финансовыми преобразованиями. Это разъяснение следовало за разъяснениями Барка в бюджетной комиссии думы о том, что вопреки развитой в этой области кампании часть золотого запаса будет продолжать храниться за границей, в том числе и в Германии. (Но в своей бюджетной речи Барк заверил, что наличность, хранимая за границей, будет оставаться «в разумных пределах» и не доходить до «чрезвычайных» размеров, неоправдываемых платежами по займам, т. е. как это было до сих пор.) Этим подчеркивалась примирительная к этой стране политика. В области кредита будет расширено дело мелкого кредита и наиболее рационально использованы средства Государственного банка для поддержки кредитом производительных сил страны³⁷².

Согласно с проводимой Кривошеиным политикой сотрудничества с думой, председатель бюджетной комиссии М.М. Алексеенко был назначен членом Комитета финансов («Высшего совещательного учреждения по делам государственного кредита», председателем которого был Витте), вместе с членом Государственного совета, бывшим министром земледелия А.П. Никольским; одновременно с ними в Комитет вошли Кривошеин и Рухлов³⁷³.

В начале марта Совет министров одобрил задержанный Коковцовым за несколько дней до его отставки, по чисто формальным причинам, пятилетний план земельных улучшений на общую сумму в 150 миллионов рублей. Эта «пятилетка» предусматривала реализацию осушения 625 тысяч десятин, закрепления песков и оврагов на площади в 650 тысяч десятин, орошения и оводнения, только казной, 420 тысяч десятин, а также

составление проектов орошения с участием частного капитала 4 миллионов десятин в Средней Азии («Новый Туркестан»)³⁷⁴.

В плане политики, уход Коковцова был встречен без сожаления. «Об уходе Коковцова никто не сожалеет, напротив, перемена приветствуется как новый этап, как шаг, сменяющий топтание на месте», — писала кадетская «Речь». Для органа оппозиционной части московского купечества «Утро России» Коковцов всегда обходил интересы Москвы, а «Голос Москвы» А.И. Гучкова утверждал, что «тщетно зывали к нему в Государственной думе: «Дайте нам хорошую политику, и мы дадим вам хорошие финансы»; г. Коковцов с приятной улыбкой брал «хорошие финансы», копил «свободную наличность», но не давал никакой политики, ни хорошей, ни плохой». «Новое Время», отзываясь скорее нейтрально-корректно об ушедшем премьере, подчеркивало его полную изоляцию в правительстве, главой которого он состоял.

Роспись государственных доходов и расходов на 1914 — 1915 гг., внесенная Барком в апреле 1914 г. в думу, была еще целиком составлена Коковцовым и не отражала «Нового курса». Зато объяснительная записка к ней и, в особенности, бюджетная речь нового министра финансов 22 апреля в думе дают частичное представление о мероприятиях, связанных с «Новым курсом», намеченным рескриптом, перечисляя те из них, спешность которых не терпела отсрочки. В то же время ощущалось желание успокоить тех, кого могло потревожить появление дефицита в государственном бюджете³⁷⁵.

По словам Барка, новая политика исходила из уверенности в том, что сокращение потребления водки произойдет лишь медленно и постепенно, и только при добровольном участии всего населения — не было и речи о введении трезвости росчерком пера³⁷⁶. «Меня не страшит призрак пустой казны, которая будто бы лишится верного дохода в случае укрепления в народе трезвости. <...> Меры нужно принимать, но в сознании, что польза скажется не годами, а десятилетиями <...>. И вот почему я опасюсь не уменьшения питейных доходов в ближайшее время <...>, а опасюсь обратного, что несмотря на новые законы и всю нашу энергию, питейные доходы в ближайшие годы будут стихийно возрастать или, в лучшем случае, не падать». Если же доходы сократятся, то у народа появятся сбережения, которые пойдут на производительные затраты, на улучшение землепользования, на улучшение земельной культуры или в сберегательные кассы; в таком случае «они увеличат тот общий резервуар народных средств, который способствует размещению производительных займов, а вместе с тем служит источником для увеличения средств кооперативных учреждений мелкого кредита, финансирующих народный труд <...>. Теперь же нам не столько нужно думать о новых налогах, сколько об использовании неисчислимых естественных богатств нашей родины, которые только ожидают приложения труда и капитала».

Если же сравнительно скоро сократились бы питейные доходы «и очень скоро была бы достигнута та цель, к которой мы стремимся», то в Госу-

дарственной думе находятся законопроекты о подоходном налоге, о повышении наследственных пошлин, гербовом сборе и так далее, которые по осторожному подсчету дадут 75 миллионов рублей; наряду с этим можно вывести из бюджета ассигнования на постройку железных дорог и реализовать капиталы, необходимые для этого, путем займов³⁷⁷.

Если в области торговли и промышленности Государственный банк и частные кредитные учреждения шли широко навстречу новым возникшим потребностям, то «наши сельскохозяйственные интересы далеко не обслуживались в достаточной мере». В первую очередь нужно поставить вопрос о создании особого банковского учреждения, которое придет на помощь сельскохозяйственной России <...>. Вопрос о постройке элеваторов тянется несколько десятков лет и встречал на своем пути самые разнообразные препятствия <...>. Государственному банку разрешено строить 84 зернохранилища вместимостью 58,8 миллионов пудов, но банк не силах осуществить всю нужную сеть один и вопрос теперь решен в среде правительства: в марте Совет министров постановил образовать особый комитет в видах планомерной постройки целой сети зернохранилищ, которые будут строиться Государственным банком и казной. Принимая во внимание необходимость сохранить накопленную наличность казначейства для нужд обороны, удовлетворение «культурных потребностей», по мнению министра финансов, может быть достигнуто только одним способом: подъемом производительных сил страны путем правильно поставленного и доступного кредита и широким развитием путей сообщения.

Признано своевременным пересмотреть устав Государственного банка, расширить эмиссионное право, привлечь в состав совета банка общественные элементы и даровать банку автономию в его работе.

Заканчивается разработка плана постройки новых железных дорог, на который потребуется более 2,8 миллиарда рублей в течение ближайших лет, т. е. более чем вдвое суммы заключенного в Париже займа.

Будет расширена поддержка мелкого кредита. К 1 апреля 1914 г. общая сумма вкладов и процентных бумаг в сберегательных кассах превышала 2 миллиарда рублей, не считая собственных средств и средств местных кредитных учреждений, достигавших 679 миллионов рублей, что вместе составляло около 3 миллиардов рублей.

Чтобы осветить проводимую им политику, министр финансов заявил, что сейчас в России 8500 сберегательных касс и 25300 винных лавок, а его цель достигнуть обратной пропорции: 25300 сберегательных касс и 8500 винных лавок.

Необходимо отметить масштабы железнодорожного строительства, предусмотренного в бюджетной речи, и быструю подготовку реализации предположений в этой области. Пятилетний план был разработан уже к 1 мая 1914 г., притом, оказывается, это был вообще первый систематический план такого рода («Новое Время», 1 мая 1914 г.). Эта «пятилетка» (1915—1919 гг.) предусматривала постройку 31488 верст железных дорог

и усиление существующих на общую сумму 2963 миллиона рублей, при том 9463 версты казной и 22025 верст на частные средства. Это означало увеличение существующей сети почти на 50 %. Линия Владикавказ–Тифлис через Кавказский хребет должна была быть закончена только в 1922 г. Среди многочисленных линий можно отметить Южно-Сибирскую магистраль, Турксиб, Магнитогорскую линию, линию Верхнеудинск–Кяхта и, в Европейской России, Петербург–Рыбинск, Петербург–Орел, Саратов–Александровск и Саратов–Мариуполь.

«Новый курс», взятый правительством в финансовой области по почину Кривошеина, произвел большое впечатление, и критики слева настаивали, главным образом, на несоответствии положенного в основу этого курса сотрудничества с общественностью и реакционной, «антиобщественной» политикой правительства в других областях, в сущности политикой Н.А. Маклакова, Л.А. Кассо и И.Г. Щегловитова. (Что касается до Витте, то, со свойственным ему пристрастием, он заявил корреспонденту «Vossische Zeitung» в апреле 1914 г., что не будь увольнения Кокковцова, в России произошел бы финансовый крах.) С другой стороны, «Новое Время» (25 апреля 1914 г.) считало, что «краеугольным камнем всей новой системы ясно и категорично признается развитие производительных сил страны, более интенсивная эксплуатация естественных богатств <...> эти мысли были чужды нашему старому финансовому и экономическому курсу <...>. Все помнят, что осуществление этой мысли помимо финансового ведомства вызвало со стороны последнего энергичное сопротивление, а реформа Государственного банка и создание Сельскохозяйственного банка такой отпор <...> что главноуправляющий землеустройством и земледелием должен был уступить <...> и эти проекты покоились в архиве до конца старого курса». А в заключение: «отношение нового курса к общественному элементу поразило неожиданностью...».

Нет сомнения, что обозначение термином «Новый курс» осторожно сформулированной экономической и финансовой программы правительства не было преувеличением. Намечались первые мероприятия глубокого сдвига в сторону оживления и развития хозяйства России и открывались перспективы, поднятием уровня земледелия, восстановить равновесие между основными отраслями народного хозяйства. В поисках этого динамического равновесия «Новый курс» выгодно отличался от многих планов экономического прогресса, реализованных впоследствии многими развивающимися странами Старого и Нового Света, где промышленность искусственно насаждалась за счет земледелия, со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Всё это указывает на то, что 1914 год мог бы быть началом нового скачка в росте народного хозяйства. «Новый курс» совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным.

Для этого, в условиях общего промышленного подъема, имелись на-

лицо все необходимые предпосылки. В течение начинавшейся тогда «пятiletки» были бы построены и Южно-Сибирская магистраль, и Турксиб, и ряд линий в Европейской России отнюдь не стратегического значения; развитие азиатской сети сопровождалось первыми реальными мероприятиями для создания там крупных промышленных центров; площадь орошенных хлопководческих районов обеспечила бы полную независимость текстильной промышленности от иностранного импорта и улучшила бы положительное сальдо торгового баланса, сильно сократившееся из-за роста импорта — результат роста материального благосостояния русского народа. Заработали бы Днепрострой и Волховстрой, первый пусть и реализованный в более скромных размерах, чем было его осуществление при советской власти³⁷⁸.

Но, главное, поворот в земельной реформе, в силу которого, в особенности начиная с 1911 г., часто формальное укрепление наделов в «аршинной» чересполосице уступало рациональному разверстанию надельной земли, стал бы давать результаты, отвечающие масштабам задания. Ведь около 6 миллионов крестьян-домохозяев (от 35 до 40 миллионов душ) потребовали к 1914 г., согласно с законом 29 мая 1911 г., этого разверстания, будь то в единоличную собственность, будь то при сохранении общинного строя, там где он был еще живуч. О том, что означало для русского земледелия завершение землеустроительных работ не только для этих шести миллионов хозяев, но и для всех тех, которые были бы неизбежно вовлечены в этот процесс, можно судить по тому, что было сказано о немецком земледелии: аналогичные землеустроительные работы подняли его за 50 лет более чем всё то, что было сделано за предшествовавшие 1000 лет. Только темп осуществления этих работ в России был несравненно более быстрым.

Остается ответить на вопрос: почему Кривошеин, пользовавшийся в 1914 г. полным расположением Николая II, и даже императрицы, и популярностью в Думе и в земстве, отказался от предложенного ему поста главы кабинета, несмотря на то, что его финансовая программа была целиком одобрена? На это он ответил своему сотруднику И.И. Тхоржевскому: «Называться премьером и не быть им на самом деле, для этого нужно либо старческое безразличие ко всему, либо особая жажда власти, а настоящей власти никому после Столыпина не давали и не дадут. Я предпочитаю быть полезным на моем собственном месте».³⁷⁹ Но если Кривошеин ответил так, по словам Тхоржевского, отрывисто и неохотно, то за него очень удачно, хотя и недоброжелательно и односторонне, ответил граф Коковцов: «Брать на себя полную ответственность за общее направление дел Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал и, пожалуй, даже лучше чем кто-либо оценивал, что в России первому министру опереться не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роль действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора, чреватая всякими неожиданностями».

Охарактеризовав Кривошеина как человека далеко незаурядного, много, крайне самолюбивого, вкрадчивого в своей форме, проявившего много деловой энергии и отлично умевшего выбирать для своего окружения способных людей, Коковцов, говоря об его искании всеобщей популярности, заключает: «Ему нужно было стоять на обоих берегах, быть правым в одном месте, умеренно левым с другими, говорить везде и всегда то, что было приятно слушать <...>. Такому человеку невыгодно было принимать на себя открыто ответственную роль <...> и гораздо приятнее было подготовить такую комбинацию, при которой он оставался юридически в тени, а сам за кулисами сосредоточивал бы в себе полноту фактической власти, отлично понимая, что весь успех будет приписан ему, а всякую неудачу можно будет отстранить от себя»³⁸⁰.

Нужно всё же добавить к этому, что на полноту фактической власти, даже закулисной, Кривошеин рассчитывать не мог, хотя бы из-за совсем особого положения в кабинете Н.А. Маклакова, царского единомышленника и друга, борьбу с реакционной политикой которого ему пришлось вести до июня 1915 г., когда, используя военные неудачи, ему удалось добиться отставки министра внутренних дел. По-видимому, когда осенью 1913 г. ему предлагали власть, Кривошеин осторожно позондировал у царя почву о возможности получить через голову этого министра особые полномочия, но не получил удовлетворявшего его ответа³⁸¹.

Но, кроме этих главных причин отказа, у Кривошеина была и другая. Она имела, как он сам признавал впоследствии, «дон-кихотский характер». Он был одним из главных виновников отставки Коковцова и для его самолюбия было неприятно, чтобы говорили, что он его спихнул, чтобы занять его место. Он предполагал, что «вынутый из нафталина» Горемыкин не будет старчески цепляться за власть, если бы события поставили его, Кривошеина, в необходимость добиваться и официальной полноты власти. Это предположение не оправдалось, и последствия сделанной ошибки сказались летом 1915 г., когда проводимая Кривошеиным политика общественного доверия столкнулась с политикой игнорирования общественности, олицетворенной Горемыкиным, отсюда и письмо министров 21 августа 1915 г.

«Кривошеин не чувствовал себя вождем, — писал о нем И.И. Тхоржевский³⁸², — ему не хватало ораторского дарования, огня, внешней власти, всего того, что было в таком избытке у Столыпина, уступавшего зато Кривошеину в уме, широте, гибкости... Он не чувствовал ни в себе самом и ни в ком другом после Столыпина достаточно силы, чтобы преодолеть опасную отчужденность трона...»

В сфере деятельности своего ведомства и в области общей экономической политики он проявил, как показывает избранный им «Новый курс», то настоящее дерзновение, которого требовали обстоятельства. Зато в вопросе премьерства его чрезмерная осторожность показала, что у него отсутствовал дар дерзновения политического, качества, являющегося основным условием успеха всякого крупного государственного деятеля.

В своем отказе от премьерства он следовал своей обычной, испытанной тактике: избегать занимать первое место, чтобы не быть объектом людской зависти, сохраняя преимущества власти. В данном случае эта, до того благоприятная для его карьеры, карта оказалась битой и притом не для него одного.

³²² В.И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 16, с. 415.

³²³ С.М. Дубровский, Столыпинская земельная реформа, М., 1965, с. 126, на основании документов ЦГИАЛ; В.Н. Коковцов, Из моего прошлого, Париж, 1933, т. 1, с. 226; у него здесь нехватка памяти совершенно необыденного размера: автор забыл, что Кривошеин был его товарищем министра между 6 октября 1906 г. и 21 мая 1908 г. и управляющим поземельными банками. Забывая, что во главе ведомства землеустройства стоял тогда князь Васильчиков, Коковцов считал, что Кривошеин возглавлял это ведомство уже с июля 1906 г.

³²⁴ «Новое Время», 11 мая 1910 г. Проект предвидел контроль участковыми землемерами правильности использования ссуд крестьянами.

³²⁵ Коковцов, хотя и сорвал проект, но постарался смягчить остроту конфликта, принявшего личный характер. Несколько дней спустя, на праздновании 25-летия Дворянского банка, он предложил первый тост, после обычного «за Государя императора», за А.В. Кривошеина, в течение двух лет бывшего управляющим этого банка и продолжающего интересоваться его судьбой, на что, естественно, Кривошеин провозгласил ответный тост за В.Н. Коковцова.

³²⁶ «Documents diplomatiques français», 3e serie, vol. 9, № 453.

³²⁷ Ук. соч., т. 1, с. 429.

³²⁸ Коковцов, ук. соч., т. 1, с. 432–439; о том, с каким раздражением Столыпин переносил некоторые черты характера министра финансов, свидетельствуют воспоминания А.П. Наумова (Из уцелевших воспоминаний 1868 — 1917 гг. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 207).

³²⁹ «Новое Время», 12 апреля 1910 г.

³³⁰ «Новое Время», 8 июня 1911 г. Изложение этого эпизода Коковцовым в его воспоминаниях (т. 1, с. 467–473) содержит наряду с действительными фактами то, что трудно не определить как плод его фантазии, переплетающейся с проявлениями потери памяти. По Коковцову, Столыпин, уезжая на отдых в начале июня 1911 г. и передав ему временное председательствование, ни словом не обмолвился об их расхождении относительно Крестьянского банка (с. 465); в первые же дни после отъезда Столыпина, т. е. в июне, Кривошеин известил Коковцова, что он отказывается от подчинения банка своему ведомству и желает войти с ним в соглашение о большем сближении банка со своим ведомством, главным образом относительно выбора земли, приобретаемой банком, и выбора крестьян, покупающих землю (с. 469). Затем, якобы в самом начале июля, через два дня после возвращения Столыпина, последний вызвал Коковцова к себе, где уже был Кривошеин и, отдав должное прямоте Коковцова и сказав Кривошеину, что тот его «предал», обещал привести соглашение до благополучного конца, добавив: «Буду еще более рад, если вы найдете возможным довести его до такого конца под вашим председательством в Совете министров, еще до моего окончательного возвращения в Петербург» (в сентябре или октябре) (с. 471–473).

В действительности, эта фраза о проведении проекта в его отсутствии не могла быть произнесена Столыпиным по той простой причине, что он сам, месяцем раньше, одобрил и подтвердил достигнутое соглашение (шедшее несравнимо дальше в интересах ведомства землеустрой-

ства, чем это утверждал Коковцов) на Совете министров 6 июня под своим председательством, накануне своего отъезда в отпуск.

Коковцов просто забыл о проведенном через Совет министров соглашении и, перепутав числа, неосторожно приписал Столыпину слова, которые тот фактически не мог произнести, что ставит под сомнение достоверность и прочих приписываемых им Столыпину слов.

Возможно, что Кривошеин, ради достижения сравнительно выгодного для его ведомства компромисса, поставил Столыпина перед совершившимся фактом в момент возвращения премьера из его ковенского имени в апреле 1911 г., зная его отсутствие гибкости, но даже если это и вызвало преходящее раздражение премьера, то не отразилось ни на одобрении проекта Столыпиным лично, ни на близком сотрудничестве обоих, предпринявших тотчас сообща шаги для замены Коковцова кандидатом Кривошеина — П.Л. Барком.

³³¹ «Новое Время», 13 марта 1913 г.

³³² Кривошеин требовал права выпуска облигаций на 150 миллионов, а не на 50 миллионов рублей.

³³³ По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, с. 295), «все говорили, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более сговорчивого, чем я, министра финансов». Коковцов ошибочно относит это назначение к 1910 г.

³³⁴ В назначении Барка имелся элемент недоразумения. Столыпин мечтал, довольно химерично, о «национализации кредита», т. е. о сокращении влияния иностранного капитала на русские банки, а Барк был руководителем Волжско-Камского банка, самого русского из всех крупных банков (об этом в показаниях Белецкого, в «Падении царского режима», т. 4, с. 245). Однако, получив в 1914 г. портфель финансов, он проводил, вполне разумно, совсем другую политику, настолько, что вызвал неудовольствие правой фракции в Думе и ее лидера, А.Н. Хвостова, в бытность последнего министром внутренних дел. Из его показания перед следственной комиссией явствует, что Хвостов, будучи сам сторонником этой «национализации», считал Барка защитником иностранного капитала («Падение...», т. 6, с. 76).

О назначении Барка товарищем министра торговли: П.Л. Барк, Воспоминания, «Возрождение», № 157, Париж, 1965, с. 59.

³³⁵ Коковцов, ук. соч., т. 1, с. 484; что в этой «атмосфере спешки» было что-то обидное для становящегося первым должностным лицом империи Коковцова, отметил А.И. Гучков в своих воспоминаниях («Последние Новости», Париж, 2 сентября 1936 г.): «...так лавочку не передают своему приказчику, как Государь передал Коковцову Россию».

³³⁶ Ук. дипломатический документ № 453. «Все указывало, после киевского убийства, на г. Кривошеина, как на наследника г. Столыпина. Император предложил ему это наследие, но он от него отказался, ссылаясь на посредственность своего ораторского дара. В действительности, как он сказал одному из наших сотрудников, будучи свидетелем противодействия, встречаемого программой Столыпина, в сущности почти отвергнутой, не чувствуя в себе достаточно сил, чтобы преуспеть там, где его учитель потерпел неудачу, он предпочел предоставить своей судьбе экономистов и финансистов, сторонников компромисса и бездействия, и продолжать, со своей стороны, дело аграрного преобразования, которое его неудача во главе правительства могла бы поставить под вопрос».

Правильнее было бы понимать слова Кривошеина как объяснение того, почему он не искал наследия Столыпина.

³³⁷ Коковцов не упомянул об этом отношении царя к Столыпину и решительно опроверг ссылку на себя в воспоминаниях А.И. Гучкова в «Последних Новостях» (Париж, август 1936 г.), упустив из виду, что он рассказал

об этом не только Гучкову, но и Морису Палеологу («La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre», Париж, т. 1, с. 315–316), С.И. Шидловскому (Воспоминания, Берлин, 1923, ч. 1, с. 148), а также и лицам, проживавшим еще в 1973 г. в Париже.

³³⁸ «Новое Время», 1, 2 и 3 марта 1912 г.

³³⁹ Коковцов плохо принял в феврале 1912 г. Распутина и резко отозвался о нем Николаю II; об этом в его воспоминаниях (т. 2, с. 35–40) и его втором показании перед Чрезвычайной Следств. Комиссией в 1917 г., утерянном и найденном значительно позже («Вопросы Истории», апрель 1964 г., № 4, с. 113–114).

³⁴⁰ «Новое Время», 11, 14, 15 и 16 мая 1913 г.

³⁴¹ Это различие обеих внутрикабинетских оппозиций Коковцову, из которых оппозиция справа стала, в свою очередь, оппозицией Кривошеину во время его «фактического премьерства» в 1914–1915 гг., совершенно не отмечено советской историографией, сливающей обе оппозиции воедино, под названием «черносотенной» («История СССР», 1-я серия, т. 6, гл. 5-я, с. 400, написанная А.Я. Аврехом, М., 1968). Между тем, в своем показании перед Следственной Комиссией в 1917 г., Коковцов причисляет Кривошеина вместе с Тимашевым и др. к группе близкой себе, в отличие от «черносотенных» министров.

³⁴² По словам Коковцова (ук. соч., т. 2, с. 130), Кривошеин поддерживал одновременно связи с придворными кругами и постоянно заигрывал с земствами и членами думы.

³⁴³ Ук. дипломатический документ, № 453.

³⁴⁴ Кн. Вс. Н. Шаховской, Sic transit gloria mundi. Париж, 1952, с. 167.

³⁴⁵ «Новое Время», 5 июля 1910 г.

³⁴⁶ Г.В. Глинка, Азиатская Россия, СПб., 1914, т. 2, с. 552–554.

³⁴⁷ «Новое Время», 10 и 17 марта 1912 г., О выгодности Черноморской дороги для казны свидетельствует факт, что четыре частных общества добивались получить на нее концессию.

³⁴⁸ Ук. соч., т. 2, с. 172–177 и 182–183.

³⁴⁹ А.П. Наумов (ук. соч., т. 2, с. 400), министр земледелия в 1915–1916 гг., рассказывает, как 13 мая 1916 г. он, в ответ на упрек Коковцова в том, что он не использовал огромные залежи хлеба, лежащие без употребления в Сибири, резко оборвал Коковцова: «Кто же в этом виноват, как не вы сами, граф! Если бы вы, в свое время, решительно поддержали финансирование хотя бы того железнодорожного пути, который проектировался для присоединения к общей сети обширной и плодотворной Акмолинской области <...> те 300 миллионов пудов, которые в данное время гниют в упомянутой области, сделались бы достоянием потребителей Европейской России...»

Этим путем была Южно-Сибирская магистраль, протяжением 1618 верст (Орск–Акмолинск–Семипалатинск), одобренная Советом министров 27 апреля 1911 г. по докладу Кривошеина, финансирование которой оттягивалось затем Коковцовым; концессия на постройку линии уже на частные средства была дана только 16 июня 1914 г.

³⁵⁰ «Новое Время», 17 января 1914 г.

³⁵¹ Проекты орошения центральной части Муганской степи в Закавказье и Голодной степи в Туркестане были одобрены Советом министров в марте 1911 г. («Новое Время», 19 марта 1911 г.; также, та же газета 24 декабря 1913 г. и 10 января 1914 г. об использовании «романовского фонда»).

³⁵² Коковцов, ук. соч., с. 127–128 (т. 2); 14 мая 1913 г. был образован при ведомстве земледелия Сельскохозяйственный комитет по пересмотру договора.

³⁵³ Ук. соч. т. 2, с. 246–250 и «Показание» в «Вопросах Истории», апрель 1964, с. 94. Записка Кривошеина о необходимости объединения полити-

ки кабинета впервые публикуется в главе «Объединенное правительство» этого труда.

³⁵⁴ «Новое Время», 20 января 1913 г.

³⁵⁵ Витте был в сношениях с Распутиным, поклонницей которого была графиня. Уверенному в правоте своей политики, Коковцову элементарное чувство такта не подсказало, что неуместно придавать винной монополии род ореола, когда репутация ее ставилась под вопрос. Юбилей был отпразднован с большим торжеством, вплоть до архиерейского молебна, причем служивший архиерей поставил в заслугу монополии распространение трезвости среди населения, что вызвало кисло-сладкую статью М.О. Меншикова 18 апреля в «Новом Времени» под названием «Питейное торжество». В другом месте газета напоминала, что ведомство не разрешало распространение фильмов против пьянства, одобренных Св. Синодом.

³⁵⁶ Говоря о положении Коковцова, дипломат Дульсэ сообщал своему правительству: «...все эти удары касались человека, которого больше не защищали ни сторонники при дворе, ни престиж в народе или в палатах, ни блистательные заслуги в прошлом, ни симпатии Государя. В сущности, поражает больше всего то, что в столь безнадежном положении, г. Коковцов пребывал до последней минуты в иллюзии относительно нависшей над ним угрозы судьбы».

³⁵⁷ П.Л. Барк, Воспоминания – «Возрождение». Париж, январь 1965 г., № 157, с. 61.

³⁵⁸ В частности, назначенному им 16 февраля 1915 г. министром торговли и промышленности Вс. Н. Шаховскому (ук. соч., с. 50).

³⁵⁹ Кризис и болезнь Кривошеина верно изображены в донесении Дульсэ (ук. документ № 453), только кандидатура Горемыкина была выставлена Кривошеиным не в момент его отъезда в Италию, а еще в Ливадии: «...между тем, император вызвал г. Кривошеина и определенно предложил ему власть. Последний отклонил это предложение, ссылаясь на состояние здоровья, требовавшего, по крайней мере, двух месяцев отдыха и солнца. Мне передают из достоверного источника, что император предложил тогда г. Кривошеину сохранить пост председателя Совета министров отправляясь в отпуск. Министр земледелия утверждает, что он не захотел принять столь лестного предложения, указав, перед своим отъездом в Италию, на г. Горемыкина, «своего лучшего друга». И действительно, об их отношениях можно сказать, что их сердечность равняется их длительности и хотя темпераменты и воззрения обоих глубоко различны, их объединяет одна и та же забота, одна и та же страсть: страсть к земле русской... и если г. Горемыкин занят, главным образом, составлением земельных уставов, тогда как г. Кривошеин создавал земельных собственников, то это объясняется тем, что целая пропасть отделяет не лишенный культурности индифферентизм одного от полной упорства активности второго».

³⁶⁰ Ук. соч., т. 2, с. 312–315; Коковцов называет Мещерского хвастуном, не имевшим реального влияния на царя, чтобы приписать затем ему решающую роль в своей отставке. В своем «Показании» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., с. 110–113) он опускает почему-то Кривошеина среди виновников своей отставки, ставя его на второе место в своих воспоминаниях. В «Показании» он перечисляет их в таком порядке: Мещерский, Витте, Александра Федоровна, Сухомлинов.

³⁶¹ I. Vinogradoff, ук. соч., с. 111, ответ Николая II определяется там как «характерно резкий ответ» (с. 127).

Влияние Мещерского на Николая II проанализировал Тарле («Граф С.Ю. Витте», сочинения, т. 5, с. 536); приводя мнение Витте, считавшего это влияние значительным, он пишет: «Витте и тут совсем не понял, что Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому при-

писывается «влияние» на императора Николая II, «влият» на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай...». Расхождение между ними по поводу дальневосточной политики вполне подтверждает этот анализ. По другому определению, Николай II «не подчиняется влияниям, а подбирает удобные ему влияния».

³⁶² «Новое Время», 11 января 1914 г.

³⁶³ По системе Коковцова, чрезвычайные продуктивные расходы, как железнодорожное строительство, покрывались бюджетными поступлениями, а не займами.

³⁶⁴ «Новое Время», 10 и 11 января 1914 г.

³⁶⁵ Барк, Воспоминания, «Возрождение» — Париж, 1965 г., № 157, с. 61–64.

³⁶⁶ В своем «Показании...» («Вопросы Истории», апрель 1964 г., с. 109) Коковцов указывает 28 января.

³⁶⁷ П.Л. Барк, Июльские дни, 1914 г. — «Возрождение», Париж, 1959, с. 17.

³⁶⁸ «Новое Время», 31 января 1914 г.

³⁶⁹ «Новое Время», 7 февраля 1914 г.

³⁷⁰ «Новое Время», 1 февраля 1914 г.

³⁷¹ «Новое Время», 21 февраля 1914 г. «Национализация кредита понижается <...>, конечно, не с узкой, сектантской точки зрения. Было бы странно и нелепо требовать от каждого желающего кредитоваться, паспорта с справкой о православии <...>; [это] привело бы к полному застою финансовой и экономической деятельности страны, вплоть до прекращения притока иностранных капиталов. <...> Национализация кредита понимается в смысле его доступности».

³⁷² «Новое Время», 9 февраля 1914 г.

³⁷³ «Новое Время», 13 февраля 1914 г.

³⁷⁴ «Новое Время», 9 марта 1914 г.

³⁷⁵ «Новое Время», 23 апреля 1914 г.

³⁷⁶ «Фиксация» доходов винной монополии, предложенная Витте, была отклонена подавляющим большинством Государственного Совета, однако Витте заявил, что он удовлетворен рескриптом на имя Барка.

³⁷⁷ На 255 миллионов рублей чрезвычайных расходов бюджета 130 миллионов приходилось на постройку железных дорог и портов.

³⁷⁸ Кредиты на Днепрострой (37,2 млн. рублей), ассигнованные правительством и проголосованные 3 июня 1914 г. думой, были представлены на одобрение Государственного совета в июне 1914 г. Они должны были быть рассмотрены им осенью того же года. Проект сооружения на казенные средства, разработанный Управлением водных путей, был значительно более скромных масштабов, чем проект группы американских капиталистов, представителем которой был Б.А. Бахметьев, будущий посол Временного Правительства в Соединенных Штатах. Управление, в отличие от Бахметьева и, впоследствии, советского правительства, считало, что затопление огромной площади, пригодной для земледелия, невыполнимо.

Проект Волжостроя был готов в 1914 г. Он был составлен инженером Графтио, строителем гидростанции при советском строе (Вс. Н. Шаховской, ук. соч., с. 30–33 и 35) («Новое Время», 3 июня 1914 г.).

Мысль о подоходном налоге не была новой — новым было твердое намерение его ввести. Достаточно сказать, что разработка первого проекта была начата весной 1905 г., при Коковцове, министре финансов, товарищем министра Н.Н. Кутлером («Новое Время», 5 апреля 1905 г.), а затем при Витте, в 1906 г., министром финансов И.П. Шиповым. Коковцов внес проект в думу, где он пролежал семь лет в комиссии, при пассивном отношении ведомства финансов. Четвертая дума унаследовала проект от третьей, но только с назначением Барка он сдвинулся с места; 23 мая 1914 г. ее финансовая подкомиссия одобрила залежавшийся

проект («Новое Время», 24 мая 1914 г.), введя в него некоторые изменения: облагаемый минимум доходов был понижен с 1000 до 800 рублей, установлено было семейное, а не личное обложение, ставки шли от 0,5 до 5 % при 100000 рублей дохода.

Одобренный думой во время войны, проект встретил сопротивление в Государственном совете справа, которое с трудом удалось преодолеть в апреле 1916 г. Коковцов поддержал проект. Ставки были повышены (от 1 до 12 %) (Барк. Воспоминания — «Возрождение», февраль 1965, № 158; доклад Барка о росписи на 1917 г., «Красный архив», 1926, т. 17, с. 60–61).

³⁷⁹ Газета «Возрождение», 30 ноября 1932 г., «Былое и люди».

³⁸⁰ Коковцов, ук. соч., т. 2, с. 320 и 322.

³⁸¹ Дутьсэ пишет: «Не ставя условий, министр земледелия поставил вопрос о полномочиях, которые будут ему даны в области назначения губернаторов. Желая сохранить портфель земледелия, зная, что в России только руководство ведомством внутренних дел обеспечивает реальную власть, не будучи в состоянии совместить оба задания, он дал понять, что он желал бы иметь решающее влияние на выбор кандидатов на важнейшие административные посты. Император не дал никакого ответа и оставил Коковцова управлять страной».

³⁸² «Возрождение», 30 ноября 1932 г., «Былое и люди».

Проводы Добровольческой армии.

«ИЮЛЬ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

Кокцов, говоря в своих воспоминаниях о твердой позиции, занятой Кривошеиным в вопросе возобновления русско-германского торгового договора, упоминает о резком тоне циркуляра министра земледелия конца 1913 г., призывавшего русские экономические круги объединиться, для того чтобы добиться более благоприятных условий, чем условия «кабального» договора 1904 г. По словам Кокцова, циркуляр усилил германорусское напряжение. Случай с циркуляром был, в сущности, отдельным эпизодом, не слитым с большой внешней политикой: Кривошеин считал, что желанный результат может быть достигнут только при тесном сотрудничестве правительства и общества, как это именно и происходило в Германии.

В аспекте большой внешней политики точка зрения Кривошеина была гораздо более сложной. Советская историография считает его германофилом, и это определение имеет свое основание, во всяком случае для периода 1908—1912 гг. Таковым считала его и германская дипломатия, даже после 1914 г. Интересные сведения по этому вопросу можно найти в книге И.В. Бестужева «Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906—1910 гг.» (М., 1961). Автор ссылается на неопубликованные письма министра-резидента в Марокко П.С. Боткина, определенного германофила, своему другу кн. В.Н. Орлову, начальнику военно-походной канцелярии царя. Орлов передавал эти письма

Николаю II. По словам советского историка (с. 224), Боткин просил обеспечить свою кандидатуру на конференцию по Берлинскому трактату не только со стороны «камарильи», но и у прогерманских членов кабинета, в частности у А.В. Кривошеина, который был в очень дружественных отношениях с кн. Орловым³⁸³.

Позиция Кривошеина отражена в донесении германского посла графа Пурталеса князю Бюлову, от 22 апреля 1909 г. К сторонникам сближения с Германией Пурталес относит прежде всего министра финансов Кокковцова и главу ведомства земледелия Кривошеина. С последним Пурталес «имел в эти дни длинную беседу, в которой тот очень тепло высказался за политику сближения с Германией <...> г. Кривошеин заверил мне, что в своих взглядах на вопросы внешней политики он мыслит абсолютно так же, как и Столыпин <...>, что представители дружественного к Германии направления приобретают все большее влияние и что, по всем вероятностям, это в недалеком времени выразится и внешне». В заключение, Пурталес считает, что раз намечается склонность, пусть слабая, к перемене курса, он постарается ее укрепить, в особенности пребывая в осторожном контакте с лицами, на которых можно рассчитывать в этом отношении. На полях доклада рукой Вильгельма II было поставлено в этом месте: «Ja». «Г. Кривошеин, о котором я думаю, среди прочих, сказал мне: «Я сторонник сближения с Германией не из-за моих немецких симпатий, но прежде всего потому, что я убежден, что в интересах России опираться на сильную державу».³⁸⁴ По мнению Пурталеса, именно на этой основе должны быть построены германо-русские отношения: мы можем быть полезны России как друзья, но можем повредить ей, будучи ее врагами.

Нельзя не подчеркнуть, что выказанное тогда Кривошеиным «германофильство» следовало за боснийским кризисом и что про капитуляцию России в этом вопросе можно было сказать вместе с британским послом Никольсоном, что она была беспримерным в истории великой державы унижением. Кривошеин считал, что раз другого пути не было, то нужно было иметь мужество «извлечь пользу из необходимости» и не искать реванша. Эта политика, казалось, закрепилась в потсдамском соглашении 23 октября 1910 г.: Николай II и Вильгельм II взаимно обязались там не поддерживать агрессивной политики против Германии или России. Однако, когда, вопреки этому, агрессивная политика Австрии стала все более и более поддерживаться Германией, Кривошеин не мог не сделать из этого соответствующего вывода, помня, что сохранение мира не проходит путем «мира какой угодно ценой». В то же время он видел в возможной, а с 1913 г. — вероятной, войне катастрофу, могущую повлечь за собой крушение царского режима. С этого момента установились дружественные отношения Кривошеина с французским посольством, где его престиж стоял очень высоко.

В порядке личных воспоминаний добавлю, что отношения между моими родителями и четой Пурталес были очень тесными, даже сердечными, и оставались такими до конца 1913 г.; «...тогда, — рассказывала мне

потом моя мать, — немецкая политика приняла другую ориентацию и наша дружба охладела». Но и тогда, и позже, несмотря на войну, Германия продолжала считать моего отца своим другом. В 1918 г., когда отец оказался в Киеве, ф. Гинце, глава Вильгельмштрассе, поручил германскому представителю при гетмане барону Мумму завязать с ним личные сношения (11 августа 1918 г.), характеризуя его как монархиста, германофила, надежного человека, хорошо ему известного, и просил дать ответ по телеграфу³⁸⁵. Когда отец скончался в октябре 1921 г. в Берлине, то германское правительство было представлено на его похоронах директором департамента Вильгельмштрассе ф. Мальтцаном, заявившим моей матери: «Я знаю, что ваш муж был большим другом Германии». Принимая во внимание «эмигрантскую» обстановку похорон, нельзя придавать этим словам какой-либо скрытый расчет.

В своих воспоминаниях бывший германский канцлер кн. Бюлов писал о том, как в начале 1914 г. он встретился в Риме «со своими старыми друзьями Коковцовым и Кривошеиным». Кривошеин (как и Коковцов) подтвердил ему существование всевозможных трений между Берлином и С.-Петербургом. На вопрос Бюлова, верит ли он в существование опасности и для сохранения мира, Кривошеин ответил: «Не дай Бог! У нас, как и повсюду, имеются скверные элементы, но мы никогда не поддадимся безумию напасть на Австрию, ни, в особенности, на Германию. Война между этими тремя империями была бы, по моему убеждению, концом трех великих династий»³⁸⁶.

Но существует еще более яркое свидетельство о том, как в сознании Кривошеина грядущая война связывалась с грядущей революцией.

Княгиня Палей, супруга вел. кн. Павла Александровича, поместила в номере от 15 ноября 1923 г. журнала «Revue de Paris» отрывок из своих воспоминаний под названием «La Russie a la veille de la guerre»³⁸⁷. Кн. Палей (тогда графиня Гогенфельзен) описывает ужин, данный М.А. Стаховичем, либеральным членом Государственного совета по выборам, в конце мая 1914 г. в честь Павла Александровича, в одном из известных ресторанов на Островах. Были также приглашены граф и графиня Витте, И.Г. Щегловитов и Кривошеин. После ужина Стахович повез своих гостей на ночную прогулку по Финскому заливу на специально нанятом пароходе. Разговорившись с графиней Гогенфельзен на палубе, Кривошеин в большом волнении сказал ей, что вряд ли ей суждено прожить в спокойствии в Петербурге, куда она недавно приехала из Парижа. Война надвигается, все указывает на то, что Германия избрала этот путь и, если она разразится, то возможен революционный взрыв с трагическими последствиями для Государя, с того момента, как верные войска будут, вследствие понесенных потерь, пополнены распропагандированными запасными.

Эти пророческие слова, произнесенные на фоне петербургской белой ночи и звуков песен цыганского хора, произвели сильное, хотя и мимолетное впечатление на супругу великого князя...

24 июля нового стиля утром правительство узнало об австрийском

ультиматуме Сербии, и с того момента, по признанию германского канцлера ф. Бетманна-Голльвега, «камень покатился, и мы больше не могли его остановить»³⁸⁸.

Невозможно отрицать, что материально, фактически, да и морально, камень покатился действиями центральных держав, а потому важно установить, какие планы связывались ими с этим «скатом» и каковы были их побуждения, иначе говоря, в чем была их вина?

Долгое время вопрос этот решался в зависимости от национальных и политических симпатий историков; тем не менее, нельзя утверждать, что все немецкие историки между двумя войнами отрицали совершенно германскую вину.

Так, труды экспертов следственной комиссии германского рейхстага, нашедшие выражение в книге Германна Лютца («Die europäische Politik in der Julikrise», Berlin, 1930), признавали и германскую вину, в дни, следовавшие за сараевским убийством. Однако новым и интересным фактом было появление там в 1960-х гг. доктрины историка Ф. Фишера и его школы³⁸⁹. Фишер утверждал существование в германских правительственных кругах накануне 1914 г. определенного плана мирового владычества и, следовательно, политики сознательно направленной к европейскому и даже мировому конфликту. После опубликования Фишером германских планов политико-экономической гегемонии в Европе, разработанных в первые, победоносные недели войны, стало ясным, что, во всяком случае потенциально, воля установить эту гегемонию существовала в самых ответственных германских кругах и накануне войны. О серьезности таких проектов свидетельствует факт, что некоторые из них были составлены по указаниям такого видного либерального деятеля, как убитый впоследствии правыми террористами Вальтер Ратенау.

Тем не менее, несмотря на обилие прямых и косвенных свидетельств, в значительной степени подтверждающих теорию Фишера, историческая наука последних пяти лет склонна придать несколько иной оттенок суждениям о немецкой вине; целенаправленность немецких планов и вожделий освещается теперь несколько иначе, чем у Фишера, но в области конкретных фактов и актов, непосредственно вызвавших войну, немецкая вина остается без смягчающих обстоятельств³⁹⁰.

Согласно этой теории, немецкие вожделия были менее преступными, чем стремление к мировому владычеству, но отнюдь не более разумными. Преследуя более ограниченные цели (укрепление союза с Австрией и достижение крупного успеха в области престижа путем ликвидации русских интересов на Балканах), Германия, поставив на оказавшуюся дважды битой карту сохранение европейского мира, пошла тем самым на неоправданно большой, планетарного размера риск, несоизмеримый с намеченной целью, и просчиталась. Она ошиблась в своем расчете на то, что Австрия молниеносными действиями разобьет Сербию и поставит Европу перед совершившимся фактом и что эта политика приведет, в худшем случае, лишь к местной, географически ограниченной войне. И в то

же время риск всеобщей войны не только не исключался, но был взят спокойно и хладнокровно. В этом и заключалась германская вина³⁹¹. Из этого вытекает, что несоответствие между, пусть пресудительными, но все же ограниченными целями Германии и колоссальностью плохо рассчитанного риска, стирало в плане фактов и реальностей различие между политикой Германии летом 1914 г. и политикой Третьего Рейха в 1938 — 1939 гг.: различие оставалось только в плане теории и идеологии, а не в области фактов, и, в особенности, примененных методов. Каковы бы ни были в 1914 г. внутренние побуждения ее руководителей, Германия, как и в 1938 — 1939 гг., брала на себя «рассчитанный риск» — ценой даже, если нужно, европейского конфликта достигнуть поставленных ею себе, в теории, ограниченных целей. Откуда — неизбежная реакция ее потенциальных противников на ее политику как на политику агрессора, остановить которую можно отнюдь не слабостью, а только твердостью, поскольку остановить такую политику вообще возможно³⁹².

Как только текст австрийского ультиматума стал известен в Петербурге, 24 июля н. ст. днем был созван Совет министров на Елагином острове, на министерской даче Горемыкина.

Подробности обсуждений этого заседания кабинета стали хорошо известны по отчету о нем в мемуарах П.Л. Барка³⁹³.

Барк пишет, что на Совете были заслушаны объяснения Сазонова и министров военного и морского, но наиболее ярким было выступление министра земледелия Кривошеина, которое повлияло на единодушное решение кабинета («речь Кривошеина произвела глубокое впечатление, <...> он задел нас за живое»). Основную мысль этого выступления можно передать так³⁹⁴. Россия оправилась после кризиса 1904 — 1906 гг. и ее внутреннее положение окрепло, порядок восторжествовал, но России нанесли тяжелый удар и ей были нужны годы, чтобы залечить раны. Наибольшая часть реконструкции была достигнута. К сожалению, программа нашего вооружения не закончена и можно сомневаться в том, способны ли будут наши армии и флот равняться с Германией и Австро-Венгрией в смысле новейших технических достижений. Наши промышленные и культурные достижения были настолько различны с вышеназванными странами, что для нас невозможно в настоящее время достигнуть даже одинакового уровня с ними. Тем не менее, наша слишком большая осторожность, к сожалению, не достигла успеха по отношению к центральным державам и общественное мнение не поймет, почему в такой критический момент императорское правительство боится действовать решительно. Теперь мы должны решить, какой политики мы должны придерживаться в момент серьезного кризиса, перед которым мы находимся. Никто в России не хочет войны. Поэтому наша политика должна быть направлена к тому, чтобы уменьшить ее возможность.

Так же как и Сазонов, Кривошеин полагает, что если мы останемся пассивными, то мы не достигнем цели. Война может вспыхнуть даже несмотря на наши миролюбивые усилия; кабинет должен решить, какая по-

литика лучше для сохранения мира. Все свидетельствует, что наиболее разумной политикой при настоящем положении вещей было бы именно возвращение к более твердому и энергичному поведению по отношению к совершенно неразумным и неумеренным требованиям центральных держав.

Министры военной и морской, признавая, что программа вооружения была незаконченной, не возражали против большой твердости в переговорах с центральными державами. Остальные министры тоже примкнули к мнению Сазонова и Кривошеина о твердой позиции России, которая, по мнению Горемыкина, являлась единственной надеждой на мирное улаживание конфликта. Одной из основных мыслей доклада Сазонова, предшествовавшего заявлению Кривошеина, было, что даже если Россия предоставила бы сербов их судьбе, это не устранило бы опасность того, что Германия в недалеком будущем бросит России новый вызов, где будут затронуты еще большие русские интересы и тогда Россия, несмотря на свое миролюбие, будет вовлечена в войну, но уже после испытанного унижения. Можно отметить, что Сазонов с большой ясностью указал на роль Германии в деле австрийского ультиматума, представленного Сербии не только с согласия Германии, но даже под ее прямым давлением на Австрию, чего не знал тогда Николай II, считавший, что Германия здесь не при чем.

Позиция, занятая Кривошеиным, ярче всего освещается сказанным им Барку наедине после окончания заседания Совета. В ответ на сомнения Барка относительно военной готовности России, Кривошеин заявил, что он разделяет опасения Барка и также смотрит очень мрачно на исход вооруженного столкновения. Все его желание сводится к тому, чтобы избежать этого столкновения, но он полагает, что уступчивость приведет к обратному результату: все равно нас заставят после испытанных унижений воевать, и тогда уже мы будем застигнуты врасплох. Единственная надежда остановить Германию — это спокойная решимость и готовность начать военные действия, хотя шансов на мирный исход конфликта мало...

Нельзя не вспомнить сказанное почти 25 лет спустя Черчиллем по адресу французского и английского правительств, предавших чехов Гитлеру ради сохранения мира: «Они хотели избежать войны ценой унижения, им достанется война с унижением».

Различие конечных целей центральных держав в 1914 г. и Гитлера в 30-х годах не стирает аналогии между агрессивностью их действий, с той разницей, что в 1914 г. огромность взятого риска усугублялась несостоятельностью предположения о возможной локализации войны, при безучастном отношении России, как будто отношения между государствами устанавливаются и развиваются в изолированном безвоздушном пространстве. Притом забывалось, что связь России с Балканами относилась к той категории невесомых, которые, по определению великого реалиста Бисмарка, больше чем материальные реальности управляют миром. Достаточно вспомнить, что такой сторонник сближения с Германией, как П.Н. Дурново, предвидевший с фотографической точностью в поданной

им в феврале 1914 г. царю записке катастрофические для России последствия войны, считал возможным такое сближение только если Германия оградит Россию «от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканах».

Необходимо коснуться «мифа» всеобщей русской мобилизации, якобы сыгравшей роковую роль в вспыхнувшей войне, тогда как она была лишь одним из звеньев цепной реакции, вызванной австрийским ультиматумом Сербии. Сазонов примкнул 29 июля н. ст. к мнению Генерального штаба о необходимости всеобщей, а не только частичной мобилизации под влиянием двух фактов: бомбардировки Белграда австрийцами и ультимативного заявления Пурталеса, что продолжение мобилизационных мер вынудит Германию к мобилизации и что тогда европейской войны почти невозможно будет избежать. Посол дал понять при этом, что за германской мобилизацией последует нападение. Необходимо уточнить, что «мобилизационные меры», о которых шла речь, это была назначенная на следующий день частичная мобилизация, направленная против Австрии. А между тем, за два дня до этого ф. Ягов заверял дипломатов Антанты, что Германия в ответ на русскую мобилизацию против одной Австрии не объявит мобилизации. Принимая во внимание, что «предультиматум» Пурталеса требовал отказа от каких-либо мер воздействия на Австрию в будущем, то есть полной капитуляции России, Сазонов считал необходимым предохраниться всеобщей мобилизацией от нападения, которым откровенно угрожал Пурталес.

Вечером того же дня, под впечатлением телеграммы Вильгельма II, более примирительной по тону, но отнюдь не по существу, — угроза против всякой военной меры, направленной против Австрии, сохранялась, — Николай II заменил всеобщую мобилизацию частичной. На другое утро Сазонов и Кривошеин, обсуждая положение, сожалели об отмене всеобщей мобилизации (30 июля). Сазонов добился царской аудиенции и хотел изложить свою точку зрения вместе с Кривошеиным, однако Николай II, не выносивший коллективного давления на него своих министров, захотел принять одного Сазонова; последнему, не без усилия, удалось получить согласие на всеобщую мобилизацию.

Преувеличенное значение, часто придаваемое роли всеобщей мобилизации, объясняется именно этим эпизодом — заменой ее Николаем II 29 июля частичной и снова возвращением к всеобщей на другой день. Утверждалось, что если бы царь оставил в силе частичную мобилизацию, то ход событий мог бы быть иным. Между тем, развитие событий, непосредственно предшествовавших объявлению войны Германией, отличается той исключительно редкой в истории особенностью, что остается возможным проанализировать, на основании конкретных фактов, а не предположений, не только события, происшедшие после и в связи с всеобщей мобилизацией, но и те, которые все равно произошли бы, если частичная мобилизация оставалась бы в силе. Эта особенность объясняется тем, что воинственные, закрывающие путь к компромиссу решения Австрии были приняты до того, как известие о переходе России от частичной мобилиза-

ции к всеобщей дошло до Вены. Эти решения имели столь крайний характер, что всеобщая мобилизация России не усугубила бы их. К тому же в том, что относилось к будущему Сербии, они были выполнением решений, принятых центральными державами еще до вручения ультиматума Сербии 23 июля. Особенно важно отметить следующие факты: австрийская всеобщая мобилизация получила официальную санкцию 31 июля, в 11 ч. 30 утра, в неведении русской всеобщей, указ о мобилизации был получен военным министерством в 12 ч. 23 м. в том же неведении. Кроме того, сам принцип всеобщей мобилизации был одобрен 30 июля днем, на совещании у Франца-Иосифа, с участием Берхтольда, генерала Конрада ф. Гетцендорфа и военного министра. Пагубным для сохранения мира не был сам факт всеобщей мобилизации Австрии в ответ на частичную русскую — ввиду соотношения сил эта всеобщая мобилизация могла бы иметь характер меры предосторожности. Роковыми для сохранения мира были опиравшиеся на австрийскую всеобщую мобилизацию требования и планы, сводящиеся к расправе с Сербией, а также предвиденное использование этой мобилизации Мольтке, для того чтобы, по его словам, «сделать столкновение Австрии с Россией неизбежным». Следствием австрийской всеобщей мобилизации должна была быть мобилизация Германии, в свою очередь вызвавшая бы всеобщую мобилизацию России. Мольтке хотел использовать для своих воинственных планов русскую частичную мобилизацию, не зная, что в России, было уже принято решение о всеобщей мобилизации. По признанию Германна Лютца, официального историка-эксперта следственной комиссии германского рейхстага, «давление Мольтке, даже без указа 30 июля днем о всеобщей русской мобилизации, привело бы к европейской войне»; он считал этот вывод «неопровержимым»³⁹⁵.

Австрийская всеобщая мобилизация была решена под давлением Мольтке, после того как Вильгельм II и Бетманн-Голльвег склонились, на короткий срок, к более примирительной линии, советуя Австрии принять германское посредничество и согласиться на английский план «остановки в Белграде», в силу которого Австрия, овладев Белградом, сохранила бы его в виде залога во время переговоров, приостановив военные действия. Однако уже вечером 30 июля германский канцлер, под давлением Мольтке, предписал германскому послу в Вене воздержаться от всякого воздействия на Австрию в примирительном смысле. Воинственные намерения венского кабинета ярче всего освещаются протоколом заседания венского кабинета, собравшегося в конце утра 31 июля³⁹⁶, все еще в неведении русской всеобщей мобилизации: не принимая сущности английского предложения, внешней формой ответа показать примирительные настроения Австрии³⁹⁷. На характер этой формальной готовности к примирению указывают поставленные венским кабинетом условия: военные операции против Сербии не будут приостановлены, английское предложение не будет обсуждаться, пока русская мобилизация не будет отменена, австрийские условия должны быть приняты Сербией целиком и не будут обсуждаться. Русская мобилизация, о которой идет речь, все еще была

в глазах австро-венгерских министров частичной. По словам Берхтольда, если предпринятая против Сербии акция привела бы только к успеху австрийского престижа, то она была бы напрасной. Оккупация Белграда с согласия России была бы бесполезной, так как Россия стала бы спасительницей Сербии, в частности сербской армии, которая осталась бы нетронутой: через 2 или 3 года можно было бы ожидать нападения Сербии в гораздо более неблагоприятных условиях для Австрии. Эта точка зрения была единогласно одобрена соединенным кабинетом.

Необходимо добавить, что с момента объявления войны Сербии принятие Сербией всех условий австрийского ультиматума было уже для Австрии недостаточным. В случае капитуляции Сербии — и России — решено было предъявить Сербии еще более суровые условия³⁹⁸.

Реакция Австрии на русскую частичную мобилизацию, как и задуманная ею акция против Сербии, показывает, что при частичной мобилизации Россия оказалась бы перед альтернативой: оставаться свидетелем расправы с Сербией или перейти от частичной к всеобщей — что было технически трудно выполнимо, для того чтобы давлением на Австрию спасти Сербию. Сербия твердо решила защищаться и защищалась бы долго, до «горького конца». Тогда оправдалось бы предсказание Кривошеина: «Наша уступчивость приведет к обратному результату, все равно нас заставят после всех испытанных унижений воевать, и тогда мы будем застигнуты врасплох».

Отчаянное сопротивление Сербии не заставило бы Австрию быть более умеренной в своих требованиях. После балканской войны Австрия была охвачена настоящим психозом страха перед сербской армией, психозом, искусственно поддерживаемым правительством, и победоносная война против Сербии стала для Австрии уже не вопросом престижа, а вопросом самого существования монархии. По мнению Австрии, эта угроза могла быть устранена только уничтожением сербской армии и фактическим, если не формальным, сведением Сербии к положению вассального княжества.

Объявление Германией войны России было решено Вильгельмом II самолично, причем решено, несмотря на миролюбивые заверения Николая II. Германское правительство предпочло бы действовать обходным путем и предоставить России объявить войну Германии или капитулировать³⁹⁹. Если нервы Вильгельма II не выдержали и он предпочел агрессию компромиссу, то это потому, что он и Генеральный штаб загнали свою страну в западню принятием плана Шлиффена, основанного на предварительном разгроме Франции, плане, выполняемом только при незавершении мобилизационных планов России. В действительности же, русская мобилизация была опасна для Германии только если Германия определенно приняла решение достигнуть поставленных ею и Австрией целей не только дипломатическим путем, но и ценой европейского мира. Русская всеобщая мобилизация не упраздняла альтернативу мира⁴⁰⁰.

Зато поскольку Германия решила поддержать Австрию оружием в слу-

чае русского вмешательства в защиту Сербии, то в силу австро-германского союза никакого различия для Германии между частичной русской мобилизацией, направленной против Австрии, и всеобщей, направленной и против нее, не существовало.

Спрашивается, не должны ли были руководители русской политики в роковые дни июля четырнадцатого купить мир любой ценой, даже ценой унижения, раз они сознавали, что Россия не может тягаться с центральными державами ни в области военной готовности, ни в области промышленных достижений, и смотрели «очень мрачно на исход вооруженного столкновения»? Такое рассуждение спустя более чем полвека после событий можно определить как запоздалый, абстрактный псевдореализм, оторванный от жизни. Балканская политика России, конечно, не стоила риска национальной катастрофы, ни даже «косточки русского гренадера», но жребий был брошен уже тогда, когда Александр II, не следуя предостережениям некоторых своих советников, вовлек Россию в бескрайние балканские осложнения. В горячечной атмосфере июля четырнадцатого крутая перемена всей русской политики путем небывалой капитуляции была неосуществима. Можно ли себе представить, что Россия, не мобилизуя ни одного солдата — а этого требовали от нее Австрия и Германия — оставалась бы безучастным зрителем того, как Австрия «крошила» в течение нескольких недель сопротивляющуюся Сербию? Да и такого масштаба «премия агрессору» по законам истории только настроила бы его продолжать.

Желание избежать войны ценою максимальных уступок было у России так велико, что Австрия могла бы достигнуть величайшего дипломатического успеха за счет России при одном только условии — не добиваться этого успеха военной расправой с Сербией. Продолжая свое давление без кровопролития и не возбраняя заранее России принимать меры предосторожности на случай, если бы кровопролитие все же началось, Австрия добилась бы даже одобрения английского плана «остановки в Белграде». Но раз Австрия пошла путем кровопролития и уничтожения сербской армии, пассивность России становилась невозможной.

Могла ли зато вся внешняя политика России быть пересмотрена в мирной атмосфере первого десятилетия этого века, при условии, что и центральные державы пошли бы этому навстречу? Возможно, что сближение с Англией было ошибкой. Возможно, — но маловероятно, — что отказ от Бьёркского договора с Германией был одной из упущенных okazji укрепить мир надолго. Можно только отметить, что решительным противником этого договора был Витте, потерявший из-за этого всякий авторитет в глазах Вильгельма II как сторонник русско-германского сближения. Если Бьёркский договор, основанный на оборонительном союзе России, Германии и Франции, был утопичен, то, очевидно, и всякий союз «материковых держав», сторонником которого был Витте, был такой же утопией, и это показывает, что путь к европейскому конфликту был предreshен.

Суждений о вине тех или иных держав в европейском конфликте было

много. Если выбирать самые последние, основанные на новейших изысканиях и высказанные, когда вызванные второй мировой войной страсти уже успокоились, то нельзя не остановиться на признании известного молодого немецкого ученого, профессора Гамбургского университета Имануэля Гейсса, сделанном весной 1968 г. на франко-германском семинаре в Грайнау: в те июльские дни не только политическая, но и техническая ответственность Германии в начале военных действий была существенной и почти абсолютной⁴⁰¹.

*

Еще до объявления войны Германией, 18/31 июля, в Петергофе собрался Совет министров под председательством царя; в конце заседания Николай II объявил о своем решении принять на себя Верховное командование, если война разразится. Это решение вызвало единодушный протест всех членов кабинета, в том числе и Горемыкина. Со своей стороны, Кривошеин, по словам Барка, «подробно остановился на мотивах, приведенных И.Л. Горемыкиным, ярко осветил их в своей убедительной и страстной речи и, не стесняясь, с полной искренностью прибавил другие соображения, из коих наиболее существенными являлись ссылки на русско-турецкую войну 1877 — 1878 гг.». По его словам, присутствие Государя служило поводом к тому, что ответственность за некоторые неудачи приписывалась штабу и таким образом освобождались непосредственно распоряжавшиеся, которые получали возможность покрываться именем Государя...

«Государь, — пишет Барк, — по-видимому, был поражен и недоволен таким единодушным суждением Совета министров», но его решение было поколеблено и в конце концов он от него отказался.⁴⁰²

³⁸³ Кривошеин продолжал быть в дружественной связи с Боткиным, ставшим посланником в Лиссабоне. Во время войны, судя по их неопубликованной переписке, находящейся в руках наследников Боткина, имеются основания предполагать, что Кривошеин проводил его на пост товарища министра иностранных дел. Между тем, по словам М.А. Таубе, бывшего товарища министра народного просвещения («Der grossen Katastrophe entgegen», Berlin 1929, с. 301), Боткин был уже в начале 1914 г. кандидатом германофильски настроенных кругов на место Сазонова. Боткин был назначен товарищем министра, но уже Штюрмером, на что последовал столь сильный протест Бьюкенена, что назначение было взято обратно и указ не был опубликован в Правительственном Вестнике (G.W. Buchanan, My mission to Russia, Лондон, т. 2, 1923, с. 24).

³⁸⁴ «Die grosse Politik der europäischen Kabinette», т. 26, 2, с. 779–781.

³⁸⁵ «Вопросы Истории», 1971, № 9, с. 122, по «Крах германских оккупантов на Украине в 1918 г.», М., 1936.

³⁸⁶ Bernhard Fürst von Bülow, «Denkwürdigkeiten». Berlin, 1931, т. 3, с. 128 и 131. «A Dieu ne plaise! Il y a de mauvais éléments chez nous, comme un peu partout. Mais nous ne ferons certainement pas la folie d'attaquer ni l'Autriche, ni surtout l'Allemagne. Une guerre entre les trois empires serait, j'en suis convaincu, la fin de trois grandes dynasties».

³⁸⁷ Эта часть ее воспоминаний не вошла в вышедшие в 1924 г. воспоминания под названием «Souvenirs de Russie», относящиеся к более позднему периоду.

³⁸⁸ Слова, сказанные канцлером своему confidentу Ритцлеру 30 июля 1914 г. (Konrad H. Jarausch, *The illusions of limited war*. Bethmann-Hollweg calculated risk. *Central European History* 2, №1, март 1969, с. 69.)

³⁸⁹ Fr. Fischer, «Griff nach der Weltmacht», 1961, Дюссельдорф.

³⁹⁰ Так у одного из видных «послефишеровских» историков, И. Ремака (Joachim Remak, «The origins of the World War I», N. York, 1967 и «The Third Balkan War» в «The Journal of Modern History», vol. 43, № 3, Chicago, sept. 1971).

³⁹¹ Характерно признание Бетманна-Гольвега его другу Ритцлеру 8 июля 1914 г.: «...если война вспыхнет на востоке, то мы можем рассчитывать на победу; если не будет войны (и Антанта уступит), то мы сможем все же рассчитывать расколоть Антанту нашим маневром» (по дневнику Ритцлера, изданному К.Д. Эрдманном, Гёттинген, 1972, с. 361).

³⁹² Целый ряд фактов указывает на то, что, играя карту «в худшем случае местной войны», Германия со спокойной совестью брала на себя риск европейской войны. Здесь будут приведены свидетельства, ставшие хорошо известными за последнее десятилетие. Интересен дневник начальника военно-морской канцелярии императора Вильгельма, адмирала ф. Мюллера, в его неискаженной ради ослабления немецкой вины версии. (Об этом: J.C.G. Röhl «Admiral v. Müller and the approach of war», «The Historical Journal», Cambridge, 1969, № 4, с. 651–673). На основании дневника можно утверждать, что если в конце 1911 г. Бетманн-Гольвег еще противился войне, то со времени Балканской войны он склонился к гарантии германской помощи Австрии, если бы война вспыхнула из-за Сербии (8 ноября и 2 декабря 1912 г.). В феврале 1913 г. канцлер предупреждает Австрию, что время еще не настало, так как он надеется вскоре нейтрализовать Англию; 18 дек. 1913 г. кайзер сказал ф. Мюллеру, что Бетманн-Гольвег уже свылся с мыслью о войне, считая, что Англия не вмешается. Но еще за год до того, 8 дек. 1912 г., на совещании в Потсдаме, кайзер точно предвидел все то, что произошло в 1914 г.: Австрия нападет на Сербию, Россия вступится за Сербию, Германия окажется в войне с Россией, Францией и Англией. Мольтке предлагал начать войну немедленно, тогда как адмирал ф. Тирпиц просил отсрочки на 18 месяцев, т. е. к лету 1914 г., чтобы закончить Кильский канал, укрепления Гельгольанда и пр. Вопрос оставался открытым, но решено было поручить Тирпицу и Б.-Гольвегу подготовить общественное мнение к войне с Россией. По мнению Röhl (ук. соч.), изучившего дневник, Германия уже больше не обсуждала вопроса, нужно ли начинать войну в европейском масштабе, но когда и как ее начать в лучших условиях. Отметим запись дневника ф. Мюллера от 31 июля 1914 г. еще до получения известия о русской всеобщей мобилизации, что «война наконец решена». Гамбургский профессор И. Гейсс (Imanuel Geiss) открыл запись (опубликованную затем Е. Zechlin, «Der Monat», февраль 1966 г.) разговора между Мольтке и ф. Яговым в мае 1914 г.: Мольтке требовал спровоцировать превентивную войну с Россией в мае или июне 1914 г.

³⁹³ «Июльские дни 1914 г.», журнал «Возрождение», Париж, № 91, июль 1959, с. 19–23. До этого имелась только краткая запись Особого журнала Совета министров того же числа («Международные отношения в эпоху империализма», серия 3-я, т. 5, М., 1934, № 19, с. 39).

³⁹⁴ Версия Барка отнюдь не является записью выступления Кривошеина, но передает, несколько отрывочно, его основные мысли.

³⁹⁵ Hermann Lutz, *Die europäische Politik in der Julikrise*, Berlin, 1930 с. 232–233.

³⁹⁶ «Pièces diplomatiques relatives aux antécédents de la guerre de 1914, publiées par la République d'Autriche», Paris, 1922, 3ème partie, № 79.

³⁹⁷ Этому заседанию кабинета предшествовало совещание некоторых министров и начальника штаба в 7 ч. 45 м. утра, которое приняло решение о всеобщей мобилизации, под давлением Мольтке (не в 7 ч. 45 м. вечера, как ошибочно указано, например, у А. Тарсаидзе в книге «Четыре мифа», Нью-Йорк, 1969, с. 44).

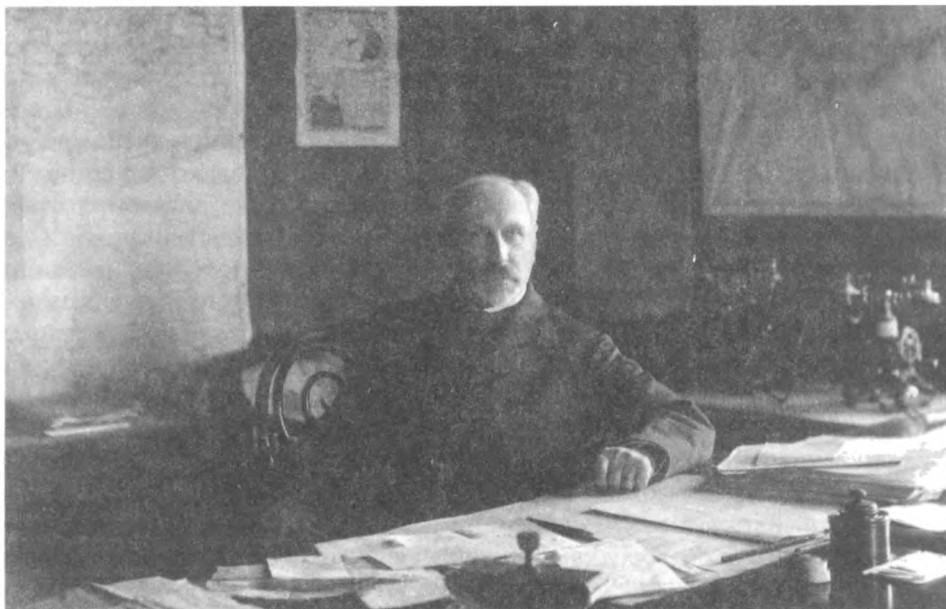
³⁹⁸ «Documents allemands relatifs à l'origine de la guerre», Paris, 1925, р. 432. Точное время утверждения приказа мобилизации или отправки телеграмм по P. Renouvin, «Origines immédiates de la guerre», Paris, 1927, р. 175, 176, 194.

³⁹⁹ Впрочем, как это установил И. Гейсс (см. примеч. 16(?), «Julikrise...», документ № 835), 30 вечером, еще в неведении русской мобилизации, канцлер обязался, под давлением военных, принять решение о германской мобилизации не позже

⁴⁰⁰ J. Ретак, ук. соч., с. 358. «Британская Энциклопедия», т. 10, 1968, с. 324, так определяет этот вопрос: «Впоследствии утверждалось, что для всех держав мобилизация означала войну. Это — нелепый аргумент. Для всех других держав мобилизация означала только мобилизацию; она не делала войну неизбежной, хотя она ее и облегчала. Только для Германии мобилизация означала войну и это не в силу неисповедимых решений провидения, а вследствие преднамеренного решения, принятого задолго до того, использовать быстроту германской мобилизации с целью решить таким путем вопрос ведения войны на два фронта».

⁴⁰¹ Эта степень германской вины освещается в двух трудах этого историка: «Julikrise und Kriegsausbruch», Hanover, 1963/4 и «Juli 1914», Мюнхен, 1965. Также газета «Le Monde», Париж, 24 апреля 1968 г. и *Revue historique*, т. 232, Париж, 1964. Различные точки зрения на степень германской вины объективно рассмотрены в труде Jacques Droz, «Les causes de la Première Guerre mondiale», Paris, 1973.

⁴⁰² Журнал «Возрождение», Париж, июль 1959, с. 35–37. Иногда миролюбие Николая II противопоставляется политике его министров. Его миролюбие вне сомнения, но в балканской политике он был более тверд, чем его министры (по словам британского посла А. Никольсона, он был «гораздо более славянофилом, чем его министры»). Позиция его друга, кн. Мещерского, в этом вопросе известна: невмешательство России в дела балканского осинового гнезда и сближение с Германией, но балканская политика была запретной зоной для попыток влияния Мещерского на царя. Когда, тем не менее, при их последнем свидании после сараевского убийства Мещерский все же поднял этот вопрос, развивая свои взгляды, то получил неопределенный ответ (ген. Спиридович, со слов Бурдукова, доверенного князя, в «Les dernières années de la cour de Tsarskoïe Sélo», Париж, 1928 — 1929, т. 2, с. 473–477).

А. В. Кривошеин в служебном кабинете.

ФАКТИЧЕСКОЕ ПРЕМЬЕРСТВО

1. НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

*(Политическая конъюнктура
между 30 января и 1 августа 1914 г.)*

«Программа А.В. Кривошеина». Так озаглавил свою статью 31 января 1914 г. умеренно-оппозиционный, влиятельный московский орган «Русское Слово». И чтобы не было сомнения в том, кто будет фактическим главой кабинета, газета писала: «Неизвестно, будут ли иметь значение взгляды И.Л. Горемыкина, но несомненно, что мировоззрение А.В. Кривошеина сыграет большую роль в жизни России». Характеризуя это мировоззрение, газета утверждала, что «А.В. Кривошеин — убежденный правый, консерватор редкого в России типа, считающий, что для охраны устоев России и для создания в ней правового строя необходимо твердой рукой проводить умеренные, но неотложные, либеральные реформы. Делать это, по его мнению, может только убежденный правый, ничем не связанный, не обязанный ежесекундно кланяться направо, чтобы доказать свою преданность правым взглядам. Проводя либеральные реформы, такой правый не должен также добиваться одобрения слева».

Этот в общем верный, но до крайности упрощенный анализ политического мировоззрения «фактического премьера» оставлял в тени все то двусмысленное и противоречивое, что было положено в основу нового правительственного курса. Эту противоречивость удачно отметил Шингарев во время прений по поводу бюджетной политики правительства в конце апреля 1914 г.: «Финансовая политика Коковцова, хотя я ей не сочувствовал, была в полном согласии с общей политикой правительства. Теперь же общая политика правительства стала более реакционной, а финансовая стремится опереться на общественную самостоятельность».

И, действительно, это противоречие между новым экономическим курсом и реакционной политикой некоторых министров было чем-то парадоксальным, как, впрочем, парадоксальной была до мельчайшей подробности подготовленная, но лишенная здоровой и прочной основы вся министерская комбинация 30 января 1914 г. Парадоксальным было то, что для смены политики экономического склероза политикой экономического развития в сотрудничестве с общественностью приходилось, принимая во внимание психологические особенности монарха, вынимать из нафталина Горемыкина, предварительно нейтрализовав кн. Мещерского! При таком двусмысленном начале, несмотря на умение и энергию «фактического премьера», всякий острый кризис должен был привести правительственную комбинацию к распаду или к параличу. Двусмысленным было в особенности то, что если Государь дал «фактическому премьеру» свободу действий в области экономической, как в начале своего царствования он дал ее Витте, то в области политической он оставался душой и сердцем с убежденным противником сотрудничества с общественностью Н.А. Маклаковым. Неудивительно, что общественное мнение с трудом разбиралось в происшедших переменах и было склонно усматривать в них успех реакции, чего в действительности не было⁴⁰³.

Еще больше запутывало положение то, что не только для общества, но и для правящих кругов уехавший поправляться Кривошеин имел много шансов в случае полного выздоровления занять место Горемыкина⁴⁰⁴, а потому оставалось неясным, был ли Горемыкин назначен на короткий срок или надолго. Эта парадоксальная зависимость политической ситуации от судьбы отсутствующего лица удачно освещена французским дипломатом Дульсэ в своем донесении от 13 марта (н. ст.) 1914 г. Гастону Думергу, министру иностранных дел («Documents diplomatiques français», 3e serie, vol. 9, № 453).

Говоря о том, что Кривошеину принадлежало первое место в разрешившемся кризисе, он характеризует его таким образом:

«...Это тот человек, который сыграл решающую роль в событиях, им самим давно подготовленных, и принял бы на себя власть, не будь остановившей его на короткий срок болезни; покинув в данный момент русскую сцену, он бросает на нее издали свою тень; его скорого возвращения ждет общественное мнение, видя в нем своего будущего вождя. В этом и заключается одна из самых любопытных черт настоящего положения:

руководящее место в нем принадлежит отсутствующему, выздоравливающему; честолюбивые расчеты людей сплетаются вокруг санатории. Если г. К. поправится, то его выздоровление повлечет за собой политический триумф националистов, напротив, ухудшение его здоровья приведет к победе чисто консервативных, даже реакционных элементов. Отсутствие главного действующего лица объясняет всю неопределенность положения».

Уезжая 28 января в двухмесячный отпуск в Италию, Кривошеин поручил Горемыкину смягчить обостренные Коковцовым отношения между правительством и думой: едва прошла неделя после его назначения, как Горемыкин дважды побывал с визитом у М.В. Родзянко⁴⁰⁵, — достаточно вспомнить, что в 1906 г. он счел ниже своего достоинства «оставить картон» у Муромцева первым, в то время как тот тоже считал себя иерархически выше премьера, и обмен визитами не состоялся⁴⁰⁶. Подчеркивалось, что во время второго визита Горемыкина был поднят вопрос о восстановлении нарушенных отношений с думой и что в скором времени представители националистов, центра и октябристов будут приглашены к главе правительства⁴⁰⁷; 8 февраля Родзянко посетил Горемыкина. Опровергая затем слухи о политическом содержании беседы, он заявил, что он вполне убежден в искреннем доброжелательстве премьера к думе и в том, что никаких крайних решений Горемыкиным допущено не будет; больше того, он не сомневался в желании объединенного правительства вести более соответствующую действительному положению внутреннюю политику и приняться за разработку законопроектов в силу дарованных манифестом 17 октября реформ⁴⁰⁸.

Политика добрых отношений с думой, как и принцип единства политики действительно объединенного правительства, — все это были кривошеинские (и, конечно, столыпинские) принципы. Милюков в своей бюджетной речи 26 апреля признал, что первый шаг нового премьера был конституционным⁴⁰⁹. Горемыкин старался осуществлять эти принципы корректно, но не обладая личным авторитетом, чтобы импонировать как реакционным силам внутри кабинета, так и правому большинству Государственного совета, он мог бы достигнуть цели только при полной поддержке со стороны Верховной власти.

Вначале он, казалось, эту поддержку получил. Предпринятые им шаги в сторону сотрудничества с думой последовали после того, как он был принят, 2 февраля царем⁴¹⁰. А, кроме того, неделю спустя принцип «объединенного правительства» получил в торжественной форме царскую санкцию: 9 февраля члены правительства неожиданно получили извещение о созыве, на другой день, под высочайшим председательством Совета министров. Собранному днем 10 февраля в Зимнем дворце Совету Николай II в весьма определенной форме указал на необходимость единства кабинета и более согласованных действий правительства, нужных для поддержания престижа власти⁴¹¹.

На частном совещании министров у Горемыкина 11 февраля была сде-

лана попытка определить тот политический курс, при котором не было бы разрозненных выступлений отдельных представителей правительства.

Что этот преходящий и не имевший мало-мальски длительных последствий царский жест отвечал советам, данным при отъезде «фактическим премьером», не подлежит сомнению. Французский дипломат Дульсэ говорит в своем донесении («Documents diplomatiques»... 13 mars 1914), что он видит в этом событии одно из проявлений влияния Кривошеина того же порядка, как назначение Горемыкина и Барка и призвание председателя думской финансовой комиссии Алексеенко в Комитет финансов: «...на большом Совете министров 2 марта⁴¹² в Зимнем дворце под председательством императора наставление, произнесенное Николаем II по поводу соперничества между министрами, вполне отвечает воззрениям г. Кривошеина о необходимом сотрудничестве всех членов кабинета ради выполнения общего дела».

Внешне «новый курс» и «политика объединенного правительства» получили царскую санкцию, в которой они тем более нуждались, что, в то время как Горемыкин предпринимал необходимые шаги для восстановления отношений с думой, произошел инцидент, рисковавший подорвать всякое доверие к этой политике.

Московская умеренно-оппозиционная газета «Русское Слово» опубликовала 6 февраля интервью с кн. Мещерским, не называя его, но достаточно прозрачно характеризуя; из интервью явствовало, что если не удастся восстановить работоспособность думы «мирными средствами», то тогда это будет достигнуто изменением ее законодательных прав.

Дальше будет изложена история этой «давнишней мысли»⁴¹³ Николая II, которую тот не раз пытался осуществить, в последний раз 18 июня 1914 г. Во всяком случае, 6 февраля вопрос не был поставлен по инициативе Государя и получил огласку в результате бестактной выходки князя, хвастливо и болтливо желавшего показать свою близость к престолу.

Осведомительное бюро по делам печати при Министерстве внутренних дел смогло опровергнуть слухи московских газет о «предположении правительства изменить существующий порядок движения законодательных дел»⁴¹⁴, а в правительственном официозе «Россия» появилась статья, изъяснявшая «вздорность слухов, порожденных одним лишь досужим измышлением».

Однако эти опровержения убедили далеко не всех. В частности, не убедило «Русское Слово», ссылавшееся на авторитет Мещерского, «Нимфы Эгерии наших печальных дней» (это прозвище восходит к А.А. Половцеву в его «Дневнике», 24 апреля 1902 г.). Немного спустя «Россия» должна была прекратить свое существование, так как Маклаков, не простивший ей слишком определенно конституционное направление, упразднил выплачиваемую ей субсидию.

Горемыкин продолжал проводить политику сотрудничества с думой в плане «куртуазных жестов», необходимых для того, чтобы сгладить плохо соответствовавшие этой политике действия Н.А. Маклакова и других

реакционных министров. Если Родзянко был с визитом у супруги премьер-министра на ее *jour fixe*⁴¹⁵, то сам премьер принял накануне председателя правой группы А.Н. Хвостова и председателя группы центра П.Н. Крупенского. Дюльсэ объяснял эти «куртуазные» контакты необходимостью заручиться согласием думы на проведение военной программы; и, действительно, на закрытом совместном совещании правительства и членов думы 1 марта эта программа получила одобрение присутствовавших приглашенных депутатов⁴¹⁶.

Верховная власть, удовлетворенная этим результатом, пожелала как бы закрепить это поверхностное, как показало ближайшее будущее, улучшение взаимоотношений 6 марта, рескриптом на имя Горемыкина. Стиль этого рескрипта был крайне неудачным, а некоторые выражения напоминали антипарламентарные высказывания Николая II в начале царствования в духе «бессмысленных мечтаний» (в данном случае предостерегалось от беспочвенных стремлений, совсем чуждых тем народным заветам, которыми росла и крепла Россия); зато указывалось на необходимость объединения правительства под руководством председателя и высказывалась надежда на то, что между правительством и законодательными учреждениями, «круг ведомства коих строго очерчен в законе, установится необходимое согласие». Для многих этими словами опровергались слухи о покушении на законодательные права думы и был положен конец «зловещей неопределенности».⁴¹⁷ В действительности для этого оптимизма не было основания.

После бесплодного обмена любезностями отношения между кабинетом и думой стали портиться с возрастающей быстротой. Реакционные министры продолжали вести свою политику, пользуясь полным доверием монарха и понимая, что тот, при поверхностном благоволении к думе, в глубине души будет им только больше доверять, если они, как тогда говорилось, «прочно окопаются в своей непопулярности перед ней». Надежда тех, кто верили, что с возвращением Кривошеина произойдет перемена, была плохо обоснована. По словам Дюльсэ⁴¹⁸, по мнению «его сторонников», «их вождь вернется триумфатором в Петербург, для того чтобы присутствовать на освящении, так как он благочестив, домашней часовни, отстроенной им в его министерстве согласно с наилучшими принципами «русского искусства допетровской эпохи». Они утверждают, что г. Горемыкин не заставит себя просить, чтобы уступить ему свое место. Нет сомнения в том, что последний, не без некоторой аффектации подчеркивает, что он только временный заместитель <...>. Он сказал всего несколько дней тому назад одному из наших соотечественников: «Эту комнату я хотел предоставить моей сиделке. Я был вынужден поместить в ней моего секретаря — надеюсь ненадолго».

Но для дальновидного и хорошо осведомленного дипломата положение было далеко не так просто: «Как бы ни оценивать искренность таких слов, многого еще не достаёт для того, чтобы двери, ведущие к власти, открылись для г. Кривошеина настужь. Падение г. Коковцова было след-

ствием объединенного давления чистых консерваторов и националистов. Оба течения, вполне согласованные тогда, противопоставляются и сталкиваются ныне⁴¹⁹. Каждое из них располагает влиятельными ходатаями при дворе. Государственный совет продолжает беспощадно рубить все законопроекты с либеральным оттенком, даже внесенные правительством⁴²⁰, а на прошлой неделе министр юстиции произнес в думе речь, надменный и резкий тон которой напомнил лучшие времена пренебрежения парламентом⁴²¹. Таким образом оба течения сталкиваются с переменным успехом».

Для Дульсэ выздоровление или невыздоровление Кривошеина тяготеет над всей политической ситуацией и не позволяет предвидеть будущего.

В действительности, когда Кривошеин, поправившись, вернулся 3 апреля 1914 г. в Петербург, то он еще меньше, чем осенью 1913 г. или в январе 1914 г., искал премьерства, не желая, называясь премьером, не быть таковым на деле. Ему было важнее, чтобы Государь оказывал полное доверие взятому им новому экономическому курсу. Еще до возвращения Кривошеина разработанный его ведомством пятилетний план мелиоративных и гидротехнических работ был одобрен Советом министров. Бюджетная речь Барка целиком основывалась на началах, выраженных рескриптом 30 января. Кривошеин знал, что он пользовался доверием царя и думы. «Берегите вашего Александра Васильевича, он мне очень нужен! Не занимайте его делами! Вы там все сами без него побольше решайте, а он пускай поправляется. Он мне нужен!» — сказал царь И.И. Тхоржевскому вскоре после возвращения Кривошеина из Италии; «в его полушутливой интонации было что-то настойчивое, серьезное»⁴²². А по словам видного депутата Годнева, главным руководящим началом ведомства Кривошеина являлось сотрудничество с земскими учреждениями и общественными органами, а также с местной инициативой, и содействие развитию самодеятельности населения⁴²³.

Если кадетские лидеры критиковали его весьма умеренно, то на местах многие представители партии умели сочетать эту критику с похвалой. Депутат Герасимов писал в ярославском «Голосе» (7 июня), что «даже противники деятельности Кривошеина не отказывают ведомству в признании за ним известных государственных заслуг. Пусть ошибочна будет принципиальная основа политики Кривошеина, но наряду с этим ведомство Кривошеина нельзя упрекнуть, что оно ничего не делает... Ведомство выгодно отличается от других бюрократических ведомств готовностью идти в контакт с местными общественными силами, оно проявляет известную идейную самостоятельность, привлекает к своей работе талантливых исполнителей».

Зато положение Горемыкина было незавидным, а бюджетные прения по поводу сметы Министерства внутренних дел привели к полному разрыву между Н.А. Маклаковым и думой. «Объединенное правительство» было столь разъединено, что его глава не был в состоянии выступить с декларацией о правительственной программе, ограничившись в начале

бюджетных прений обращением к думе, построенном исключительно на заверении лучших чувств и пожеланий взаимного понимания. Тем не менее и эти слова составляли такой контраст с вызывающим тоном выступлений Н.А. Маклакова, что они несколько разрядили атмосферу, но ненадолго⁴²⁴.

Когда Н.А. Маклаков, десять дней спустя, заявил в думе, что «он и дума в противоположных полюсах в смысле политических взаимоотношений»⁴²⁵, то эти слова только выражали «с его полюса» то, что исключительная по резкости формула перехода к очередным делам относительно его сметы, внесенная центром и октябристами, утверждала «с думского полюса».

Два политических инцидента показали, что думская монархия шла уже не к застою, а к параличу, преодолеть который она оказалась неспособной, ни оставаясь в пределах закона, ни нарушая его. 12 мая Государственный совет отклонил 87 голосами против 71 закон о городском положении в Царстве Польском с введением польского языка в делопроизводство, а 20 мая им был отклонен закон о волостном земстве. «С отклонением проекта волостной реформы, все законодательство третьей думы ликвидировано», — могло писать об этом «Новое Время» (от 21 мая).

Признанный указом 12 декабря 1904 г. «неотложным», проведенный через думу, благодаря сотрудничеству Столыпина с Гучковым, проект волостной реформы был, по словам Гурко⁴²⁶, нехотя внесен в верхнюю палату Маклаковым, под давлением Кривошеина и думы. Он был блестяще защищен там Гурко, возражавшим на узко-эгоистичные, недальновидные доводы правых о том, что, будучи в земстве в большинстве, крестьянство обложит дворян высокими сборами («Много причин привело дворянство к оскудению, но среди них обложения не было; мы живем в податном раю, ибо нигде в мире земля так мало не обложена, как у нас... нынче крестьянство уплачивает 37 % земских обложений, а вы опасаетесь перенесения на ваши плечи даже 20 %. Поэтому я утверждаю, что наша честь обязывает нас нести не меньше расходов, чем крестьянство, и если вы хотите руководить крестьянством, то прежде всего уравняйте свои тяготы с ихними <...> настанет время, и оно отнюдь не далеко, когда вы будете горько сетовать о том, что опоздали, но вас уже не пустят в волость, в силу того, что вашего влияния там не будет, вас опередят другие люди». Зато проект не был защищен правительством, блиставшим своим отсутствием, чтобы скрыть свое разьединение⁴²⁷: отклоненный всего 77 голосами против 72, он имел все шансы быть принятым, если бы министры голосовали за него.

Отклонение «польского» городского проекта произошло в иной обстановке и едва не вызвало ликвидацию уже не только думского законодательства, но и законодательных прав думы, одну из основ «думской монархии»; у Николая II уже намечалась тогда та эволюция взглядов на польский вопрос, которая, ускоренная затем войной, привела его к благоприятному отношению к широкой автономии, и отклонение проекта

вызвало его полное неодобрение; в этом деле, если он и следовал чьим-либо советам, то уже не Маклакова, а Кривошеина, позиции которых во время войны в польском вопросе стали противоположными. Проект был защищен Горемыкиным, побывавшим до того в Ливадии⁴²⁸ и весьма твердо высказавшимся за допущение польского языка. Рескриптом 5 июня 1914 г. повелевалось внести вторично проект в думу, что и было сделано 9 июня. Создалось положение, во многом напоминавшее последствия отклонения проекта о земствах в Западном крае в марте 1911 г., только теперь давление моральное на правое большинство Государственного совета пожелала оказать сама Верховная власть, уже по собственной инициативе, притом, в отличие от столыпинского ультиматума, на безупречной правовой основе. Но неожиданно царь сошел с этого благоразумного пути и, импульсивно перенося свое неудовольствие в буквальном смысле с больной головы на здоровую, захотел порвать с существовавшим тогда представительным строем и основными законами 23 апреля 1906 г. По-видимому, он не отдавал себе отчета во всем значении предпринятого им шага. Николай II попытался изменить права думы и Государственного совета, превратив их из учреждений законодательных в учреждения законосовещательные. Эта попытка была уже третьей, и предшествовавшие ей попытки в 1909 и 1913 гг. были произведены в условиях абсолютного игнорирования правительства в целом, в частности его возглавителей, Столыпина и Коковцова.

В этом «внутреннем неприятии» Николаем II установленной им «думской монархии» и игнорировании назначенного им самим главы правительства и коренилась неизбежность хода событий, приведших к февралю, а потому, хотя эти неудачные попытки и не имели прямого отношения к деятельности Кривошеина, о них нельзя не упомянуть.

Мысль о том, что вопреки велениям своей совести и не имея на то права он «изменил пределы власти», полученной им от своих предков, мучила Николая II с того момента, как он 13 апреля 1906 г. отказался от определения своей власти, как неограниченной.⁴²⁹

Впервые он поднял этот вопрос в 1909 или 1910 г.⁴³⁰ под влиянием «дневников» Мещерского в «Гражданине»; Столыпин в это дело огромной важности посвящен не был. Щегловитов, опрошенный как юрист, ответил уклончиво, скорее неодобрительно; зато Акимов, председатель Государственного совета, человек правых убеждений, «пришел в полный ужас» и ответил с такой резкой твердостью, что попытка превратить думу в законосовещательный орган была оставлена⁴³¹.

Осенью 1913 г., когда между царем и Мещерским «старая дружба вернулась окончательно»⁴³², Государь, игнорируя на этот раз Коковцова, неожиданно написал 18 октября из Ливадии Н.А. Маклакову, что он считает необходимым немедленно обсудить в Совете министров свою давнишнюю мысль о том, что всякий отвергнутый думой законопроект может быть утвержден им⁴³³ (как это происходило в дореформенном Государственном совете).

Маклаков, хотя и сочувствовал этой «давнишней мысли», но даже не

решился представить ее на обсуждение, вполне резонно указав Николаю II несколько позже, что вопрос такой важности не может быть обсужден, когда старшие члены Совета министров — Коковцов, Кривошеин и Саблер — находятся в отпуску. Эта подробность, — веление обсудить изменение, вернее нарушение основных законов случайным составом Совета министров, — показывает, насколько ничтожен был удельный вес имперского кабинета в сознании монарха.

С отклонением Государственным советом проекта городского положения в Царстве Польском, проекта, признанного «с высоты престола» необходимым и по поводу которого полякам давались обещания⁴³⁴, создалась новая ситуация. Николай II счел, что осуществление его «давнишней мысли» о возвращении к положению 1905 г., по которому царская санкция «быть посему» могла придать законодательную силу мнению большинства или меньшинства, будет облегчено тем, что оно позволит проведение либеральной меры. Так же рассуждал и Столыпин в деле земства в Западном крае, применяя 87-ю статью. Неожиданно Совет министров был созван 18 июня в Петергофе. Никто не знал, для чего. Когда собранным министрам царь изложил свой проект, то все, кроме Маклакова, высказались против: нельзя раздражать общественное мнение. Но с особой определенностью и резкостью высказался против Щегловитов: «Монарх окажется в необычном положении, он пойдет против тех, которые худо или хорошо представляют народ. Я бы считал себя изменником своего Государя, если бы сказал: Ваше Величество, осуществите эту меру»⁴³⁵.

Все присоединились к точке зрения Горемыкина, что это не представляется желательным, что надо уметь ладить с думой, что она может работать.

На этот раз доводы кабинета прочно разубедили Николая II в его намерениях; сказав: «Господа, как было так и будет!» — он больше к этому вопросу не возвращался⁴³⁶.

За три дня до этого произошло сараевское убийство. С войной (см. гл. «Июль четырнадцатого» этого труда) роль Кривошеина стала более активной, — он не мог, прячась за престарелым Горемыкиным, ограничиваться одним экономическим сектором, его влияние распространилось и на общую политику, в том числе и на иностранную. Он понимал, что война может быть выиграна только при сотрудничестве правительства с общественностью, и в борьбе за достижение этой цели состоит все значение его «фактического премьерства».

⁴⁰³ Впрочем, П.Н. Милюков, тогда ли или несколько позже, сделал довольно правильный анализ политической ситуации, несмотря на тенденциозность выражений: «Уход Коковцова и демагогическая программа Барка были вызваны желанием удовлетворить, с одной стороны, деревню, и, с другой, придворные кружки и общественные настроения (в конце первой сессии у думы сложились обостренные отношения с Коковцовым)». («Падение царского режима», т. 6, с. 304).

⁴⁰⁴ «У нас глас народа — глас Божий, вас настойчиво проводит в прием-

- ники Горемыкина. Час этот близок» (письмо Мещерского Кривошеину от 17 февраля 1914 г., «Русское Прошлое», кн. 5. Л., 1925).
- ⁴⁰⁵ «Новое Время», 8 февраля 1914 г.
- ⁴⁰⁶ Гурко, *Features and Figures of the Past*, Stanford, USA, 1939, с. 469.
- ⁴⁰⁷ «Новое Время», 11 февраля 1914 г.
- ⁴⁰⁸ «Новое Время», 9 февраля 1914 г.
- ⁴⁰⁹ «Новое Время», 27 апреля 1914 г.
- ⁴¹⁰ «Новое Время», 2 февраля 1914 г.
- ⁴¹¹ «Новое Время», 12, 13 февраля 1914 г.
- ⁴¹² В действительности 10–23 февраля 1914 г.
- ⁴¹³ Его письмо Н.А. Маклакову от 18 октября 1913 г. («Падение царского режима», т. 5, с. 195–196).
- ⁴¹⁴ «Новое Время», 8 февраля 1914 г.
- ⁴¹⁵ «Новое Время», 20 февраля.
- ⁴¹⁶ «Новое Время», 2 марта.
- ⁴¹⁷ «Новое Время», 7 марта 1914 г.
- ⁴¹⁸ Ук. дипломатический документ от 13 марта 1914 г.
- ⁴¹⁹ Кривошеин примыкал в Государственном совете к группе «правого центра» «нейдгардтцев» столыпинской тенденции, отнюдь не тождественной с думскими националистами.
- ⁴²⁰ 19 февраля Государственный совет отклонил законопроект о найме служащих, защищавшийся министром торговли.
- ⁴²¹ 19 и 22 февраля, по поводу реформы Сената.
- ⁴²² И.И. Тхоржевский. Император Николай II как правитель. Париж, 1937, с. 9.
- ⁴²³ «Новое Время», 31 мая 1914 г.
- ⁴²⁴ «Новое Время», 23 апреля 1914 г.
- ⁴²⁵ «Новое Время», 4 мая 1914 г.
- ⁴²⁶ Гурко, ук. соч., с. 532–533.
- ⁴²⁷ Кривошеину вполне основательно было поставлено кадетами в упрек это отсутствие. В 1920 г. Кривошеин ввел в Крыму волостное земство с запозданием на 6 лет.
- ⁴²⁸ «Новое Время», 13 мая 1914 г.
- ⁴²⁹ Заседание 9 и 13 апреля 1906 г. совещания по составлению новых основных законов («Былое», 1917, № 4 [26]).
- ⁴³⁰ «Падение царского режима», т. 2, с. 135, показания Щегловитова, который не помнил точного года.
- ⁴³¹ «Худ или хорош этот порядок, но на нем примирился весь мир, а потому мириться нужно и вам, и нечего рассуждать о том, что нужно его ломать» (показания Щегловитова, там же).
- ⁴³² Письмо Николая II Мещерскому от 13 апреля 1913 г. «Oxford Slavonic Papers», vol. X, 1962, опубликовано И. Виноградовым.
- ⁴³³ «Падение царского режима», т. 5, с. 195–198, показания Н.А. Маклакова.
- ⁴³⁴ Показания И.Г. Щегловитова, «Падение...», т. 2, с. 135.
- ⁴³⁵ Показания Н.А. Маклакова: «Он сказал: «Я бы считал себя перед Вашим Величеством преступником» («Падение...», т. 3, с. 133 и след.).
- ⁴³⁶ «Новое Время» поместило 20 июня сообщение, что «сегодня» (не 18) в Петергофе состоялось совещание о мерах к скорейшему утверждению росписи и об обеспечении более скорого рассмотрения бюджета в законодательных учреждениях. 19-го Родзянко был в Петергофе с докладом.

2. ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Этот период соответствовал наибольшей близости Кривошеина как к царю, так и к Александре Федоровне и, тем самым, зениту его государственной карьеры. По словам его ближайшего сотрудника И.И. Тхоржевского, оба они тогда «души не чаяли в Александре Васильевиче». Императрица, в письме к Государю от 20 сентября 1915 г., когда она уже переменила свое отношение к Кривошеину, пишет: «...Мой друг Кривошеин, что с ним случилось? Я в нем горько разочаровалась!» В этой переписке⁴³⁷ словом «друг» не обозначается никто из других министров, сановников или придворных, а только люди различного происхождения (человека четыре), отношение к которым Александры Федоровны было основано не на их служебном положении, а на личной симпатии. (Как, например, неизвестный молодой раненый госпиталя императрицы, скончавшийся, к ее большому огорчению (письмо императрицы Николаю II 2 марта 1915 г.), или лейб-медик Федоров, с которым было связано здоровье наследника (письмо 6 марта 1915 г.)). Кроме того, это слово обозначало Распутина, и притом с большой буквы («our Friend»). Хорошо осведомленный Гурко

так характеризует близость Кривошеина к Александре Федоровне в своих воспоминаниях: «Ему, вне сомнения, удалось покорить ее ум и воображение»⁴³⁸.

Особое положение Кривошеина в кабинете подчеркивается несколькими членами правительства. Для П.Л. Барка, конечно, он был самым влиятельным членом Совета министров⁴³⁹, в действительности руководившим Советом министров и его председателем⁴⁴⁰. Одинаково выражается и министр торговли, Шаховской⁴⁴¹: «Наиболее влиятельный член правительства». Так же расценивала его и иностранная дипломатия: чтобы осветить отношение русского правительства к вопросу о проливах, британский посол Бьюкенен ссылается в сентябре 1914 г. на сказанное ему по этому поводу Кривошеиным, называя последнего «самый влиятельный член правительства, министр земледелия»⁴⁴².

Наконец сам Николай II еще ярче и точнее определил роль Кривошеина: принимая 16 февраля 1915 г. Шаховского по случаю назначения его управляющим Министерством торговли, он посоветовал ему посетить министра земледелия, отметив, что, за преклонностью лет Горемыкина, он смотрит на Кривошеина как на фактического председателя Совета министров⁴⁴³. Однако для Государя председатель Совета министров, официальный или фактический, не был исполнителем единой политической программы, руководителем объединенного правительства, и он ревниво оберегал автономию каждого начальника ведомства, ответственного только перед ним, не говоря уже о ведомствах обороны и иностранных дел, изъятых из компетенции главы правительства.

В сущности, «фактическое премьерство» Кривошеина сводилось к большому личному влиянию и «удельному весу» в делах, далеко выходящих за пределы ведомства, основанных на доверии монарха, но и, в свою очередь, ограниченных доверием монарха министрам, пользовавшимся его особой личной симпатией. (Кривошеин был «статс-секретарем Е.В.». Это чисто почетное звание давало ему право — в теории — давать устные приказания, как исходящие от Государя императора и имеющие такую же обязательную силу.)

Роль и место Кривошеина в Совете министров подробно описывает А.Н. Яхонтов, помощник управляющего делами этого учреждения. «Наиболее влиятельным из членов Совета министров был, несомненно, А.В. Кривошеин... Наблюдая за А.В. Кривошеиным до и после объявления войны, в нем нельзя было не заметить крупного душевного переворота: его захватили величие и небывалый масштаб разраставшихся событий, и в нем чувствовалось <...> непрестанное внутреннее горение и особый пафос, отнюдь не напускной, а глубоко искренний. С этим повышенным настроением, невольно отражавшимся на других, он отдавался работе в Совете министров, ища те решения и выдвигая те лозунги, которые поднимали бы дух и возбуждали бы волю к победе. До лета 1915 г. между Кривошеиным и Горемыкиным царило неизменное согласие. Находясь в дружеском общении, они обычно сговаривались по крупным вопросам... Получалось иногда впечатление, что председатель как бы преднамеренно

выдвигал А.В. Кривошеина на первый план и предоставлял ему инициативу, вмешиваясь в обсуждения лишь в случае необходимости. Но надвинувшиеся военные катастрофы и выступления объединенной общественности отразились на их взаимоотношениях. Мало-помалу А.В. Кривошеин стал отделяться от И.Л. Горемыкина...» (Яхонтов, определенный сторонник Горемыкина, объясняет это тем, что Поливанов «окрутил» Кривошеина)⁴⁴⁴.

Если на первых порах роль Кривошеина в правительстве облегалась его сотрудничеством с Горемыкиным⁴⁴⁵, то очень скоро он натолкнулся на оппозицию той же группы реакционных министров: Щегловитова, Саблера и Маклакова, с которой в свое время тщетно боролся Кокцов, в особенности Маклакова; последний пользовался совершенно особенным расположением царя, которому он отвечал чувством, близким к психопатии. Маклаков был одним из «случайных знакомств» Николая II, сыгравших роковую роль в направлении политики царя, познакомившегося с ним в Полтаве в 1909 г., где тот был губернатором, во время полтавских торжеств. Поверхностной натуре царя он сразу понравился, так как его общество развлекало, отвлекая от неприятных забот дня. Если верно, что у Николая II за всю жизнь было всего три друга, то Н.А. Маклаков был одним из трех, вместе с ген. Орловым и кн. Мещерским. Но у него были и гораздо более глубокие основания для прочной дружбы со своим министром внутренних дел: он верил, что назначение Маклакова на эту должность было внушено ему свыше, у раки св. Феодосия Черниговского во время молитвы! В довершение всего их соединяла абсолютная общность взглядов на природу власти самодержавного монарха, при систематическом игнорировании пожеланий общественности, ставшем своего рода методом управления.

Ничто так не освещает характер взаимоотношений царя и его министра, а в то же время и отношения последнего к другим министрам, как то, что сохранилось от их переписки, в особенности, написанное Маклаковым в середине марта 1915 г. письмо, скрытая трагичность которого в том, что избыточные в нем выражения более чем раболепного тона выражают искренне истерическое обожание монарха на психопатической почве.

Поводом к этому письму было постановление Совета министров поручить продовольственный вопрос министру торговли и промышленности⁴⁴⁶. Продовольствие гражданского населения входило всегда в компетенцию министра внутренних дел (в частности, прокормление голодных районов в годы неурожая), тогда как с начала войны огромное задание снабжения армии было поручено ведомству земледелия, в лице Г.В. Глинки. Маклаков попытался в марте 1915 г. сосредоточить все продовольственное дело в своих руках; централизация снабжения становилась неизбежной, но Кривошеин не мог допустить, чтобы организованное им целиком на тесном и успешном сотрудничестве с общественностью (главным образом с земством) снабжение армии попало в руки принципиального

противника всякого сотрудничества с общественностью. Это привело бы к политическому кризису в стране и к срыву снабжения армии.

Однако Кривошеин не противился тому, чтобы дело снабжения армии и населения сосредоточилось в Министерстве торговли; в частности, это избавило бы его от неприятной обязанности урезать данные законом 17 февраля 1915 г. полномочия губернских уполномоченных, — председателей земских управ, — запрещать вывоз хлеба из их губерний, полномочия, которыми последние стали злоупотреблять⁴⁴⁷. Подавляющее большинство министров присоединилось к мнению Кривошеина, и Николай II утвердил Шаховского председателем образованного Советом министров Продовольственного комитета.

Вот отрывки письма Маклакова царю об этом деле: «В дни великих страданий Христа, неся свои покаяния к престолу Бога, дерзаю открыть свою душу, Государь, веря в ваше христианское всепрощение. Решение ваше передать продовольственный вопрос <...> в руки министра торговли есть тяжкий приговор надо мной. Ваше Величество, у раки св. Феодосия Черниговского Господь, как вы сами изволили сказать мне однажды, послал вам мысль призвать меня на пост министра внутренних дел. Под покровом святителя и вашей ко мне милости работал я уже более двух лет <...>, и сейчас перед лицом Бога смело говорю, что ничем не погрешил перед Вами и перед своей родиной. Тяжко приходилось мне на моем страдном служебном пути, где окружало меня столько недоброжелательства, но неизменно я был окрылен доверием вашим. Теперь Богу было угодно лишить меня единственной всемогущей силы, без которой нельзя работать, как повелевает совесть <...>. Ваше Величество! Я один в Петрограде. Преданнейшие слуги ваши, кн. Мещерский и ген. Богданович, ушли в лучший мир и не помогут мне <...>, но считаю себя обязанным сказать вам, что русских честных, простых людей смущает то направление, которое принимает ваше правительство. Оно скоро приведет нашу родину к тяжелым испытаниям <...>. Государь, сейчас власть и влияние в руках людей, частью до изумления равнодушных к судьбам России, частью политически изменчивых, приспособляющихся к обстоятельствам, одурманенных жадной дешевой славой и личным честолюбием...⁴⁴⁸ Давно <...> левая печать, часть Гос. думы, <...> Родзянко, знаменитый А.И. Гучков и некоторые члены Совета министров обещали, что я скоро буду уволен. Сегодня они многого достигли, ибо вся Россия видит теперь, что ваше доверие теперь ко мне подорвано»... Дальше он говорит, что злоба врагов к нему тем сильнее, чем убежденнее он борется против стремления, забыв царя, в одном общественном мнении видеть начало и конец всего.

На это 21 марта 1915 г. Николай II ответил: «Друг мой, Николай Алексеевич, оставайтесь на занимаемом вами месте, на котором вы мне любы и нужны. Христос Воскресе! Ваш доброжелатель Николай».⁴⁴⁹

В Совете министров Маклаков чувствовал себя одиноким, даже среди правой группы министров, относившейся к нему без симпатии. Об этом красочно свидетельствует тот же А.Н. Яхонтов: «Не чувствуя поддержки,

Маклаков в свою очередь нервничал, вступая в бесконечные пререкания, и в пылу увлечения возражал в угрожающем тоне... П.А. Харитонов своими смешками и репликами выводил его из терпения. В такой становившейся все более и более враждебной атмосфере Маклаков напоминал затравленного волка, которому осталось только огрызаться во все стороны. В подобные минуты даже И.Г. Щегловитов <...> взирал на него не-одобрительно... Маклаков доказывал свою точку зрения в пространных речах, причем А.В. Кривошеин и С.Д. Сазонов часто принимали вид демонстративно неслушающих»⁴⁵⁰. Вышесказанное подтверждается показанием самого Маклакова перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства: не было ни одного заседания Совета министров, где бы он не встретился с враждой. В постоянном конфликте между Маклаковым и большинством министров Николай II продолжал оказывать ему свое расположение. Рескриптом от 23 января 1915 г. Маклаков был назначен членом Государственного совета, а в то время Кривошеин и Маклаков, по словам Игнатъева, не подавали друг другу руки и обращались друг к другу в третьем лице: «министр земледелия» и «министр внутренних дел»⁴⁵¹.

Конфликт между Кривошеиным и Маклаковым обострился уже с первых дней войны. Маклаков, да и Горемыкин, просмотрели патриотическое настроение, охватившее тогда даже левую общественность, которое могло быть легко использовано правительством. За внутренний мир и поддержку режима высказались кадеты (22 июля 1914 г.) и прогрессисты. Но Маклаков настолько не доверял думе, что по его плану она должна была быть распущена после однодневной сессии 26 июля 1914 г. до ноября 1915 г. Думцы, с Милюковым во главе, обратились к Горемыкину, который уклонился от встречи; тогда они отправились к Кривошеину, который ясно представлял себе, по словам Милюкова, действительное положение. «Кривошеин доложил Совету министров, и мы узнали, что решено отложить сессию не позже февраля 1915 г.», что отчасти и отвечало желанию думцев. Милюков и Шингарев не желали «демонстрации между властью и думой»⁴⁵². В декабре 1914 г., чтобы подготовить трехдневную сессию в январе, Кривошеин беседовал с одним из умеренных лидеров кадетов, И.П. Демидовым⁴⁵³. По желанию Милюкова кадеты тогда же решили воздержаться от критики правительства, но настаивали на том, чтобы оно провело бюджет через думу, что и было сделано, и в середине января перед бюджетной комиссией предстало все правительство. Зато на закрытом, частном совещании думы 25 января 1915 г., посвященном обороне, Маклаков держал себя так вызывающе и пренебрежительно, что вызвал всеобщее неудовольствие. По словам Милюкова, «Кривошеин был этим очень шокирован»⁴⁵⁴, а Барк говорит, что Кривошеин был особенно огорчен неудачным выступлением Горемыкина⁴⁵⁵, который тоже не был на высоте⁴⁵⁶. Неодобрение Кривошеина было тем более понятно, что почти в то же время, 5 февраля 1915 г., в беседе с французским послом Палеологом, он сказал, что согласие между правительством и общественными организациями было непременным условием победного исхода войны⁴⁵⁷.

Об одном столкновении между Маклаковым и Кривошеиным по польскому вопросу рассказывает Барк: Кривошеин защищал в Совете министров, «с присущим ему темпераментом», широкую автономию Польши. Когда он закончил, Маклаков начал свои возражения словами: «Министр земледелия с таким жаром и с такой настойчивостью защищал полную автономию будущей Польши, что совершенно ясно определяется его понимание целей настоящей войны. Он полагает, что Российская империя приносит величайшие жертвы и проходит величайшие испытания с единственной целью освободить поляков от германского и австрийского владычества и, объединив их с польским населением России, создать независимое польское государство». «Это клевета со стороны министра внутренних дел, и я пошлю ему своих секундантов», — вскричал Кривошеин. Горемыкин спешно закрыл заседание, и министры смущенно разошлись по домам. Барк, пользуясь своей дружбой, старался успокоить раздраженного Кривошеина, но тот стал упрекать его за то, что он не проявляет достаточного интереса к польской проблеме и большей частью молчит.⁴⁵⁸

Кривошеин смог удачно заместить 8 января 1915 г. ставший вакантным за смертью (26 ноября 1914 г.) Кассо пост министра народного просвещения своим близким сотрудником, графом П.Н. Игнатьевым, которому вскоре удалось наконец найти общий язык между студентами, профессорами и ведомством. Это был земский деятель, которого Кривошеин привлек в 1909 г. в свое ведомство.

Работая до того на пользу просвещения в земской сфере, Игнатьев не был тогда чужд некоторому толстовству. Его назначение на министерский пост облегчалось тем, что Николай II знал его еще давно, по службе в Преображенском полку. В 1893 г. унтер-офицер Игнатьев входил со своей ротой после утомительных маневров в Гатчину с песнями, сам будучи запевалой, и был замечен тогда будущим императором: на этот раз, «случайное знакомство» с царем оказалось благотворным⁴⁵⁹.

Зато замещение уволенного 16 февраля 1915 г. министра торговли и промышленности С.И. Тимашева князем Вс. Н. Шаховским произошло вне влияния Кривошеина, по личной инициативе Николая II. Для Барка⁴⁶⁰ назначение Игнатьева было лучшим подтверждением того, что выбор новых министров происходит по совету Кривошеина; он надеялся, что, последовательно и настойчиво, Кривошеину удастся постепенно образовать состав правительства из вполне однородных элементов. Ожидалось, что после ухода С.И. Тимашева министром торговли будет какой-нибудь видный представитель московского купечества, чему Кривошеин придавал большое значение, как первому шагу к участию торгово-промышленного класса в управлении страной и к обновлению монархического строя. Его кандидатом был член Государственного совета по выборам, председатель московского биржевого комитета Гр. Ал. Крестовников, женатый на Юлии Тимофеевне Морозовой⁴⁶¹.

Однако попытка открыть правительственные двери этому классу не удалась. Верховная власть упустила свой шанс, и министром был назна-

чен Шаховской. Он был выдвинут по «случайному знакомству» с Государем (а отчасти и по протекции вел. кн. Александра Михайловича), которому он понравился потому, что осенью 1911-го и весной 1913 г. он сопровождал его в поездках по Десне и Волге, состоя в должности начальника управления водных путей: пароходы ведомства, перевозившие Государя, были изящно и комфортабельно отделаны, пристани были нарядно украшены. За это князь был назначен в должность гофмейстера, а в мае 1913 г., после поездки по Волге на катере «Межень», ему был пожалован царский портрет с собственноручной подписью, необычная служебная награда!⁴⁶² Однако неверно, что он был назначен под влиянием Распутина, — с ним он познакомился уже будучи четыре месяца министром, в июне 1915 г., после запоздалого представления императрице, причем инициатива исходила от Распутина, через кн. М.М. Андроникова. Шаховской принял «старца», следуя мудро-циничному совету Горемыкина: «Мало вы прохвостов принимаете в своем кабинете?... Что у вас убудет, если примете одним прохвостом больше?»⁴⁶³

Впоследствии он виделся с ним нередко и прослыл распутинцем, поскольку это означало, что он пользовался поддержкой старца в Царском Селе. Его политическая линия была колеблющейся: с одной стороны, он поддерживал Кривошеина в вопросе Верховного командования и даже в необходимой замене кабинета Горемыкина новыми людьми (Совет мин., 28 августа 1915 г.), а с другой, испытывая антипатию к думе и А.И. Гучкову, он саботировал проект премьерства Поливанова и был, в марте 1916 г., одним из главных виновников увольнения последнего. Как министр торговли, он оказался абсолютно неспособным наладить хорошие отношения с московским купечеством и гордился в своих мемуарах тем, что «министерского пелеринажа» в Москву он не сделал: «Я просто не хотел кланяться толстосумам и заискивать»⁴⁶⁴.

⁴³⁷ «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II», Берлин, 1922 г., письмо от 6 марта 1915 г.

⁴³⁸ Гурко, ук. соч., с. 518.

⁴³⁹ П.Л. Барк. «Воспоминания», — журнал «Возрождение», Париж, № 91, июль 1959, с. 22.

⁴⁴⁰ Там же, № 169, января 1966, с. 73.

⁴⁴¹ Кн. Вс. Н. Шаховской, «Sic transit Gloria mundi», Париж, 1952, с. 101.

⁴⁴² Телеграмма Бьюкенена Грею от 25 сент. 1914 г. у Renzi, Gr. Britain, Russia and the straits, The Journal of Modern History, Chicago, 1/3/1970.

Этот эпизод освещает всю ненормальность структуры государственной власти в России тех дней: для решения вековой проблемы проливов, в сущности всего «Восточного вопроса», испрашивалось на первом месте мнение министра земледелия, нормально заинтересованного этим вопросом только в области экспорта продуктов зерновых культур и птицеводства.

⁴⁴³ Шаховской, ук. соч., с. 50.

⁴⁴⁴ Газета «Возрождение», «Первый год войны», Париж, 26 сентября 1936 г. Автор, несмотря на это расхождение, дает такую оценку личности Кривошеина: по мнению Яхонтова, он был обязан своим выдвижением не «солидной протекции», которой у него не было, но «своему тонкому уму, выдающейся трудоспособности, искусству привлекать сотрудников и поразительной чуткости к угадыванию сменявшихся настроений и авторитетов. У него было какое-то шестое чувство, сверхъестественный «нюх», подсказывающий ему благовременность шагов и действий...» Не будучи оратором в общепринятом смысле, он избегал публичных выступлений, «но в Совете мин. <...> речи его отличались красочностью, оригинальностью мысли, смелыми сравнениями и горячностью выражений. К обсуждавшимся вопросам он подходил с широкогосударственной точки зрения и был чужд стремления защищать, во что бы то ни стало, ведомственные интересы. В прениях и спорах его не поглощала предвзятость и, если приводимые доводы его разубеждали, он охотно соглашался с противником <...>, ценным качеством было его умение найти примирительный выход, яркую формулу или примиряющую редакцию...»

⁴⁴⁵ Для Игнатъева было ясно, «что все усилия Кривошеина сводились к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики» («Падение...», т. 6, с. 6).

⁴⁴⁶ Шаховской, ук. соч., с. 68–70; формально Совет министров предоставил Государю самому избрать лицо, назначаемое возглавлять Продовольственный комитет, но Горемыкин с согласия Кривошеина указал ему на Шаховского.

⁴⁴⁷ Эти запреты были отменены Шаховским в апреле, несмотря на протесты многих уполномоченных (ук. соч., с. 72).

⁴⁴⁸ Вероятно, по адресу Кривошеина.

⁴⁴⁹ «Падение...», т. 5, с. 201–202.

⁴⁵⁰ А.Н. Яхонтов, ук. статья, газета «Возрождение», Париж, 14 ноября 1936 г.

⁴⁵¹ «Падение...», показания П.Н. Игнатъева, т. 6, с. 9.

⁴⁵² «Падение...», показания Милюкова, т. 6, с. 308.

⁴⁵³ В.С. Дякин, Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, Л, 1967, с. 65.

⁴⁵⁴ «Падение...», т. 6, с. 311.

⁴⁵⁵ «Воспоминания», — журнал «Возрождение», Париж, 1965, №167, с. 83.

⁴⁵⁶ Показания А.И. Шингарева, «Падение...», т. 7, с. 27 («Ответ Горемыкина был ничтожным по существу»).

⁴⁵⁷ M. Paleologue, La Russie des tsars pendant la guerre, Paris, t. I, p. 290.

⁴⁵⁸ Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1966, № 178, с. 103.

⁴⁵⁹ «Падение...», т. 6, с. 2–9 (показание Игнатъева).

⁴⁶⁰ Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1965, № 167, с. 83–87.

⁴⁶¹ Гурко, ук. соч., с. 556.

⁴⁶² Шаховской, ук. соч., с. 43.

⁴⁶³ Там же, с. 116.

⁴⁶⁴ Там же, с. 76–77.

Артиллерийское отделение. 4-й ускоренный выпуск.
Справа сидит Игорь Кривошеин. Лето 1916 г.

3. СНАРЯДНЫЙ ГОЛОД

События на фронте вскоре неумолимо поставили вопрос о составе правительства перед угрозой военной катастрофы. Теперь было уже не до случайных симпатий.

Толчком для неотвратимых перемен оказался снарядный голод, в свете которого ярко выявилась вся ненормальность структуры правительственного аппарата. Этот аппарат был лишен в лице Совета министров всякой компетенции в области национальной обороны и ведения войны, которое было предоставлено на безответственное усмотрение военной власти.

Для правительства они были запретной зоной, что вполне отвечало и духу и букве статьи 16-й учреждения Совета министров. Преимущественное положение военных чинов перед гражданскими не позволяло создать единый руководящий орган, подобный английскому war cabinet, объединяющий военную, дипломатическую и гражданскую политику страны. Утверждение Горемыкина, что роль правительства — управлять тылом, а вопросы ведения войны, — «ce n'est pas mon affaire», кажется ненормальным только если не учитывать этого положения вещей. Тем не менее, длительное доверие Совета министров оптимистическим заверениям Сухо-

млинова понимается с трудом и с трудом оправдывается. Сухомлинов смог успешно скрыть серьезность положения как от правительства, так и от простых обывателей. Ставка постоянно требовала от военного министра все больше и больше снаряжения, но тоже не хотела посвящать «штатских министров» в военные тайны. Роль Совета министров, по свидетельству помощника управляющего делами этого учреждения А.Н. Яхонтова⁴⁶⁵, сводилась к предоставлению различным органам военного ведомства иностранной валюты или золота для заказов за границей, так как Главное артиллерийское управление, веря в короткую войну, считало излишним добиваться создания в России промышленности, работающей на оборону. Когда Сухомлинов собрал 9 сентября 1914 г. «решительно всех заводчиков, которые могли бы нам в этом помочь», то есть в производстве артиллерийских патронов, и когда в ответ на это обращение «Российское общество по изготовлению снарядов» предложило свои услуги, то 25 октября Главное артиллерийское управление ответило этому предприятию, что заказ не может быть дан, так как «надобности в шрапнелях не встречается». Это управление, под руководством вел. кн. Сергея Михайловича фактически независимое от военного министра, предпочитало заказывать снаряды за границей, а не развивать отечественное производство. Точка зрения Кривошеина была иной: развивать русское производство, отнюдь не пренебрегая заграничными заказами. Когда в том же октябре 1914 г. в Совете министров был поставлен вопрос о приобретении в Америке подвижного состава для железной дороги, строившейся на севере, то Кривошеин, не возражая на немедленный отпуск средств, заявил, что война, очевидно, принимает затяжной характер и что благоразумие подсказывает настоятельную необходимость развить у нас те отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, недостаточность и отсутствие которых обнаружили на проектах военного ведомства. Особенно важно озаботиться получением из-за границы станков и технического оборудования, а также недостающих видов сырья, чтобы расширять и перестраивать существующие заводы и строить новые. Понадобилось еще некоторое время, пока ГАУ не изверилось во всеспасительности быстро выполняемых заграничных заказов и в кратковременности войны и стало требовать использования производительности тыла. «Соображения А.В. Кривошеина, горячо поддержанные министрами финансов и торговли, встретили общее сочувствие и получили Высочайшее одобрение, что явилось этапом в дальнейшей политике, по крайней мере гражданских заготовительных центров»⁴⁶⁶.

В деле заграничных поставок значительную роль сыграло влияние Кривошеина еще в первые недели войны в разрешении щекотливого вопроса получения кредитов в Англии на военное снаряжение. Сухомлинов, после саботированной Главным артиллерийским управлением попытки использовать русскую промышленность, признал, пусть относительную, пользу и заграничных заказов, и русское правительство сделало соответствующее представление в Лондоне. Британское правительство изъявило

согласие на открытие кредита в 20 миллионов фунтов стерлингов, при условии, что Россия вышлет в Лондон в виде гарантии 8 миллионов фунтов золотом. Условия были эгоистичными, принимая во внимание приносимые Россией жертвы человеческими жизнями. Англия, не обладая крупным золотым запасом, все же могла бы поступиться частью своего огромного портфеля колониальных и иностранных бумаг, — что она и сделала впоследствии. Барк и Кривошеин строго осуждали такую политику, так как от устойчивости русских финансов зависело успешное ведение войны. Тем не менее, когда в Совете министров спор между сторонниками уступки золота — прежде всего Сазоновым — и противниками этого зашел в тупик, то Кривошеин выступил с обоснованным на реализме предложением. По существу он присоединился к точке зрения Барка, «но перевел вопрос на почву исключительно военных потребностей и сказал, что Совету министров предстоит выбрать не лучшее, а из двух зол меньшее. Вполне сознавая все тяжелые последствия, которые будет иметь для нашего денежного обращения уменьшение золотого запаса, мы должны решить вопрос, сохранять ли нам в неприкосновенности золото в кладовых Государственного банка и остаться без крайне нужного нам военного снаряжения, добыть которое мы можем только за границей, — или же пожертвовать частью золота, но снабдить армию боевыми припасами. Едва ли правительство имеет право в военное время придавать большее значение сохранению золотого запаса <...>, чем своевременной и надлежащей боевой подготовке. Конечно <...> тягостно расставаться с золотом, но еще тягостнее, сохранив золото, остаться без снаряжения <...> золотой запас имеет также значение военного фонда, и теперь именно настал момент <...> использовать сделанные сбережения для военных целей» (Барк. Воспоминания, журнал «Возрождение», Париж, № 162, с. 101). Золото было вскоре отправлено в Англию, и русское правительство проводило эту реалистическую политику и в дальнейшем, добившись, однако, на конференции союзных министров финансов в Париже, в январе 1915 г., более выгодных условий. Поддержка Английского банка в трудную минуту за счет французского и русского золотого запаса осуществлялась не передачей золота в собственность банка, а в временную ссуду, и полученный Россией кредит в 1 миллиард рублей не был обусловлен посылкой золота.

О том, как была открыта опасность положения в области военного снабжения, рассказывает Барк⁴⁶⁷. В феврале 1915 г., когда он был в Ставке вместе с Щегловитовым, ген. Янушкевич в конфиденциальной беседе посвятил обоих в трагичность положения: катастрофический недостаток снарядов и перспектива отдачи значительной части территории, с тем чтобы укрепиться на такой линии в глубине, перейти которую представлялось бы врагу большим риском. «Мы были ошеломлены». Решено было довести это до сведения Совета министров, на что Горемыкин возразил, что Совет не может вторгаться в область военных распоряжений, таковые не входят в его компетенцию. Тем не менее, члены Совета высказали по-

желание получить от военного министра точные сведения о выполнении требований Ставки. Сухомлинов смущенно изъявил готовность пригласить на следующее заседание начальника артиллерийского управления, ген. Маниковского. Доклад последнего оставил очень расплывчатое впечатление: не касаясь общей картины, он стремился доказать, что в каждой отдельной области все требования были удовлетворены; почему же общее положение было угрожающим, оставалось неясным. Это не помешало Сухомлинову заявить, что доклад свидетельствует о том, насколько ведомством были приняты необходимые меры к тому, чтобы удовлетворить все требования Ставки, и что заказы были даны в очень большом количестве, но заводы не выполнили контракты.

Понадобилось еще два месяца, чтобы начало военных неудач и протесты общественности принудили Николая II отнять у Сухомлинова руководство военным снаряжением и, благодаря постепенной смене реакционных министров, привлечь экономические и общественные силы страны к работе на оборону.

⁴⁶⁵ А. Яхонтов. Первый год войны, газета «Возрождение», Париж, 25 мая 1936 г.

⁴⁶⁶ Там же. О непринятых заказах шрапнелей, Переписка В.А. Сухомлинова и Н.Н. Янушкевича, Красный архив, т. 1, с. 246, т. 3, с. 60, письма Сухомлинова Янушкевичу от 9 сентября 1914 г. и 9 мая 1915 г. Заказ был дан, но только 12 января 1915 г., когда ГАУ разочаровалось в заграничных заказах и перестало верить в кратковременность войны. Ряд заказов на шрапнель был роздан при содействии Министерства торговли 2 декабря 1914 г. (там же, т. 2, с. 141) вследствие постановления Совета министров о развитии производства.

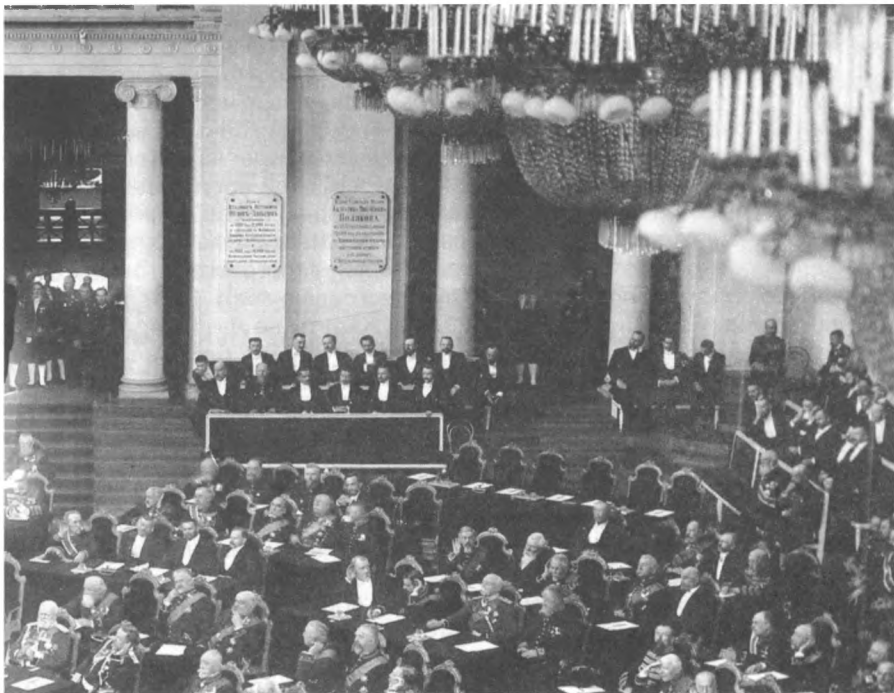
Но если политика ГАУ была в корне неправильной, то Сухомлинов не менее легкомысленно отрицал пользу заграничных заказов и в ответ на предложение Франции о помощи снаряжением ответил в сентябре 1914 г., что Россия ни в чем не нуждается. Его письмо Палеологу было использовано Сазоновым в мае 1915 г., чтобы убедить Государя в легкомыслии военного министра (С.Д. Сазонов, «Воспоминания», Париж, 1927, с. 354). В своем труде «Четыре мифа», Нью-Йорк, 1969, с. 180 и след. А. Тарсаидзе довольно неубедительно пытается оправдать как Сухомлинова, так и ГАУ.

Ответственность военного ведомства и тем самым всего царского строя за неподготовленность армии, а затем за неудачную политику наведения упущенного времени вряд ли может быть оспариваема. Та же вина, и не только моральная, лежит и на общественности. Ведь именно те группы, которые затем наиболее резко обвиняли правительство, делали все, что было в их власти, чтобы помешать вооружению России накануне войны: в апреле 1914 г. партия народной свободы голосовала против военного бюджета, обвиняя устами Шингарева правительство в милитаризации бюджета за счет «культурных» расходов, а на закрытом совещании думы 10 июня 1914 г. та же партия высказалась против боль-

шой военной программы на 1915 — 1918 гг. в размере 900 млн. рублей; А.И. Шингарев, считая, что эта цифра только начало и что расходы будут исчисляться миллиардами, так оправдывал оппозицию кадетов: «Это безумно, это нерационально, таких кредитов нельзя испрашивать сейчас, они запоздали, они несвоевременны; Германия кончает свою программу, а мы только начинаем; очевидно, она должна будет начать войну раньше, чем мы будем готовы». Несостоятельность этой аргументации подчеркивается тем, что неизбежность войны, по причинам никакого отношения к вооружению не имеющим, признавалась Шингаревым с полной определенностью, даже по поводу возобновления торгового договора, вопроса, в котором он проявлял большую несговорчивость («Падение...», т. 7, показание А.И. Шингарева, с. 29–31). Кадеты не были заражены воинствующим панславизмом и сочувствовали левому блоку во Франции, в теории, но не на практике искавшему сокращения военных расходов, и отказ от политики вооружения мог быть вполне оправдан, но только полной переменой внешней политики путем сближения с центральными державами. Такая политика защищалась некоторыми реакционными кругами, но была чужда партии народной свободы — еще недавно, 2 марта 1911 г., Милюков выражал сожаление в думе, что союзные соглашения с Францией после потсдамского соглашения «перестали быть наступательными и остались только в оборонительной функции»; 11 мая 1914 г. он утверждал, что на Балканах русская политика шла на поводу у Австрии, что «мы прятались за спиной Австрии <...> это были постыдные дни...».

⁴⁶⁷ Барк, ук. соч., журнал «Возрождение», Париж, 1965, № 167, с. 91–93.

4. СМЕНА МИНИСТРОВ

«Для более дальновидных членов Совета министров, среди которых все более активную роль играл Кривошеин, становилось ясным, что Сухомлинова пришло время убрать», — так пишет советский историк В.С. Дякин в своем труде «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны»⁴⁶⁸. Во второй половине мая 1915 г., когда под влиянием военных неудач усилилось давление общественного мнения⁴⁶⁹, очевидной стала и необходимость быстрой смены реакционных министров: Маклакова, Щегловитова и Саблера. Сазонов⁴⁷⁰, переговорив на эту тему с Барком, попросил его заручиться содействием Кривошеина, и несколько дней спустя Кривошеин, Харитонов, Игнатъев, Рухлов, Григорович и Барк собрались у Сазонова⁴⁷¹, чтобы обсудить положение.

По словам Барка, решено было обратиться к Государю с заявлением о необходимости уступить общественному мнению: создать думу и сменить непопулярных министров, заменив их элементами не узко бюрократического характера. Кривошеин тут же предложил своих кандидатов: кн. Н.Б. Щербатова для внутренних дел, ген. А.А.-Поливанова для военного ведомства, сенатора Милютин для юстиции⁴⁷² и А.Д. Самарина на место Саблера. «Ввиду авторитета Кривошеина все согласились на кн. Щерба-

тове⁴⁷³ за неимением более подходящего кандидата». По словам Сазонова⁴⁷⁴, относительно Горемыкина все пришли к заключению, что просьба о его удалении одновременно с названными министрами могла бы повредить успеху плана; к тому же считалось, что без Щегловитова и других роль Горемыкина в правительстве будет ничтожной. Согласно с привычной для него тактикой не выставлять себя инициатором политических маневров, Кривошеин поручил Барку переговорить с Горемыкиным о том, чтобы тот довел до сведения Государя пожелания группы министров, притом давалось понять, что в случае отказа эти министры подадут в отставку.

Горемыкин, который не выносил Маклакова и понимал, что без замены четырех министров он будет находиться в невозможном положении перед думой, исполнил поручение.

Реакция Николая II была весьма своеобразной. Он был возмущен тем, что министры могли потребовать смещения четырех верных слуг монарха, к тому же своих коллег; он счел это нелояльным, добавив, что «в полках так не делают, такой инцидент там невозможен». Но, прочитав каждому из министров наедине нотацию, он склонился к тому, чтобы удовлетворить их просьбу и «простил их», как это показало ближайшее будущее.

Эта принадлежащая Барку версия кризиса⁴⁷⁵ отчасти дополняется, несмотря на отдельные противоречия, версией А. Н. Яхонтова⁴⁷⁶, записанной всего через несколько дней после событий на основании рассказа И. Н. Лодыженского, управляющего делами Совета министров, со слов Государственного контролера П. А. Харитонова: 28 мая к Горемыкину явились вечером Кривошеин, Барк, Харитонов, Рухлов и Сазонов и возбудили ходатайство об освобождении их от должности, если не будут удалены из Совета министров, в первую очередь Маклаков, ввиду полного несоответствия его деятельности современным условиям, а затем Сухомлинов, Щегловитов и Саблер; наиболее ратовал за это Барк. 30 мая Горемыкин доложил Государю о заявлении министров; хотя Николай II и был им возмущен и нашел несвоевременным производить перемены, однако допустил возможность расстаться с Маклаковым. 3 июня царь лично сообщил Маклакову о своем решении, прося оповестить об этом Горемыкина⁴⁷⁷.

В замене Сухомлинова Поливановым важную роль сыграла поездка Кривошеина в Ставку накануне прибытия туда Николая II (10 июня). По словам Шаховского, Кривошеин энергично взялся за это, отправившись в Ставку к вел. кн. Николаю Николаевичу и договорившись с ним о совместных стараниях доказать Государю необходимость этой замены⁴⁷⁸. Дело в том, что вел. князь относился к Поливанову довольно отрицательно, как это явствует из воспоминаний последнего⁴⁷⁹. Зимой 1914 г. он воспротивился назначению его варшавским генерал-губернатором. Однако Кривошеин переубедил вел. князя, и тот указал на Поливанова на следующий день царю, как на единственного приемлемого кандидата. Сухомлинов, получив 11 июня царское письмо с извещением об отставке во время заседания Совета министров⁴⁸⁰, сказал, что он уже более не министр, и вышел из Совета. Письмо было милостивое, видно было, что царь со-

гласился на увольнение после внутренней борьбы («Беспристрастная история будет более снисходительна, чем осуждение современников»). «Понадобилось все дипломатическое искусство Кривошеина, чтобы добиться этой отставки», — пишет по этому поводу Г. Катков («Russia» 1917, The February Revolution, Оксфорд, 1967, с. 132). Поливанов и Щербатов были вызваны в Ставку. Поливанов рассказывает, что, приехав в Ставку 12 июня, он отправился в поезд Николая Николаевича, который сказал ему представиться Государю по окончании приема Кривошеина; получив назначение на место Сухомлинова, он вернулся в вагон вел. князя; вскоре вошел Кривошеин, посмотрел вопросительно, и Николай Николаевич сообщил ему о совершившемся. Затем Поливанов отправился в вагон Кривошеина, который, горячо его поздравив, стал излагать ему внутреннее положение. Он сослался на беспокойство общества, вызванное отступлением на всех фронтах армий, лишенных необходимых боевых средств, которое побудило правительство пойти навстречу общественному желанию об удалении из кабинета министров, участие которых служило причиной раздражения. «Я понял, — отмечает Поливанов, что А.В. Кривошеин играет главную роль в установлении такой примирительной по отношению к обществу политики»⁴⁸¹.

На другой день было вызвано в Ставку и большинство других министров со своим председателем. Вызов был сделан так, что обошли Щегловитова, находившегося в Архангельске, и Саблера, а чтобы не создавать обидной дискриминации, не был вызван и Игнатъев, ведомство которого к вопросам военным отношения не имело.

Кривошеин, очевидно подготовив почву в Ставке, решил покончить с вопросом замены Щегловитова и Саблера⁴⁸². На совещании, созванном 13 июня в министерском вагоне тотчас по прибытии министров, он поднял вопрос об их замене; его кандидатом на пост министра юстиции был имевший репутацию либерала сенатор Милютин. На место Саблера он выдвигал А.Д. Самарина, основываясь на большом уважении и авторитете, которым пользовался последний в Москве. Кандидатом Горемыкина на место Щегловитова был его близкий друг А.А. Хвостов. Остальные министры своих мнений не высказывали. Горемыкин, побыв очень короткое время у Государя, вернулся, сказав, что тот назначает А.А. Хвостова и А.Д. Самарина⁴⁸³.

14 июня на открытом воздухе состоялось увековеченное фотографией заседание Совета министров под Высочайшим председательством, после чего был дан рескрипт на имя Горемыкина, составленный Кривошеиным. Заключительный параграф гласил: «Образовав по вопросам снабжения особое совещание с участием членов законодательных учреждений и представителей промышленности, я признаю необходимым приблизить и время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли русской. Предрешив поэтому возобновление занятий Государственного совета и Государственной думы не позднее августа сего года, я поручаю Совету министров разработать по моим указаниям законопроекты, вызванные потребностями военного времени»⁴⁸⁴.

На другой день Кривошеин и Поливанов еще долго беседовали о вопросах военных и гражданских: между ними намечалось сотрудничество.

Впоследствии, подведя итог пройденного тогда пути в области политики, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н.К. Муравьев выразился так: «Во главе группы лиц, желавших опираться на общественное мнение, стоял Кривошеин; и эта смена министров была собственно его победой над Горемыкиным»⁴⁸⁵. Такого же мнения был бывший вице-председатель думы, кн. В.М. Волконский: «Кривошеин был совершенно определенным отголоском общества»⁴⁸⁶.

Страна не была полностью удовлетворена частичной переменой в правительстве, но отклик на нее был все же положительным. «Что вам нужно? — обращался 13 июня Милюков к более требовательным прогрессистам: правительство идет навстречу, — убрали Маклакова, Сухомлинова, дали обещание на скорый созыв думы <...> чего еще больше?»⁴⁸⁷ А за несколько дней до того (6–8 июня), на всероссийской конференции кадетов Милюков противопоставил умеренное требование «Министерства общественного доверия» обычному требованию «ответственного Министерства» и резко возражал левому крылу, желавшему созвать думу явочным порядком: «Скверная и бледная копия выборгского воззвания <...> не поддержать сейчас правительства, это значило бы шутить с огнем, достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар, и храни Бог увидеть этот пожар <...>. Какова бы ни была власть, худа или хороша, — но сейчас твердая власть необходима более чем когда-либо» <...>. У меня есть основание утверждать, что правительство пойдет за голосом общественного мнения и что обновление кабинета и легальный созыв думы и без особого нажима станут фактом»⁴⁸⁸. По мнению охранного отделения, «Милюков занял в партии правую позицию, как острят теперь кадеты — «ультраправительственную». В «Биржевых ведомостях», 15 июня, П.Б. Струве расценивал смену министров как признак того, что правительство готово лояльно и дружно работать с думой, а «Утро России» оппозиционера-миллионера П.П. Рябушинского писало 2 июля, что «со сменой министров создано совсем новое лицо исполнительной власти»⁴⁸⁹. Правда, в самой кадетской партии примиренческие тенденции многими порицались, но большинство партии их разделяло. В.А. Маклаков утверждал 14 июля в центральном комитете, что требовать отставки Горемыкина означало бы «встать на революционный путь», и с ним соглашался Милюков, предлагавший заявить в думе, что «мы хотим по-прежнему помогать правительству. Мы только и хотим вам помочь. Мы для этого выражаем вам волю народа». В.С. Дякин прав (с. 86), указывая, что поползновения кадетов использовать для нажима на власть более левые организации показали, что с ними у Милюкова нет общего языка, а потому они принуждены были сблизиться с более правыми.

Думская сессия была открыта 19 июля; правительственная декларация, написанная Кривошеиным, торжественно подтверждала обещание автономии Польши; ее заключением было: «Война грозит быть долгой и требует все новых напряжений, усилий и жертв. Решив без всякого коле-

бания идти на них, правительство испытывает нравственную потребность окончательно избрать этот путь не иначе, как в полном единении с вами, г.г. члены Гос. думы!» Прочитанная Горемыкиным, глухим голосом, она не произвела большого впечатления, не остановила ни критику администрации (отвечавшую за безответственные поступки Ставки), ни принятия формулы перехода с пожеланием создания правительства, пользующегося доверием страны. И все же, на другой день после открытия сессии кадетская «Речь» писала, что «требовать ответственного Министерства на смену настоящему кабинету, только начавшему свое обновление, значило бы возобновить по собственному почину ту борьбу, которой фракция вовсе не желает в данную минуту».

По предложению Кривошеина кн. Владимир Михайлович Волконский, бывший вице-председатель думы, беспартийный, вышедший из фракции националистов, внук декабриста, был назначен товарищем министра внутренних дел. Незадолго до того Шингарев предлагал включить его в задуманный (но не осуществленный) «Союз национальной обороны», наряду с кадетами и прогрессистами⁴⁹⁰.

Вполне примирительную позицию к требованиям думы занял Кривошеин в вопросе следственной комиссии о Сухомлинове. «Мы обязаны ответить на думскую формулу, в ней отражены те настроения, которые волнуют широкие общественные круги. Мы покажем <...>, что мы готовы считаться с законными и разумными требованиями думы, чтобы и думу побудить считаться с нашими законными требованиями. Недовольство бывшим военным министром не есть революция»⁴⁹¹.

Под все возрастающим напором событий на фронте второй этап правительственной политики сотрудничества с общественностью неизбежно должен был быть направлен в сторону мобилизации производства на оборону страны. Ради этого Кривошеин (поддержанный Поливановым) добился, по словам Шаховского⁴⁹², утверждения правительством выработанного А.И. Гучковым положения о Военно-промышленных комитетах. Гучков был только что (25 июля) избран председателем Центрального Военно-промышленного комитета.

Шаховской, крайне враждебно настроенный против Военно-промышленных комитетов, отчасти потому, что они вторгались в область его ведомства, а в особенности из-за их политической окраски, говорит, что утверждение комитетов «блестяще удалось, благодаря близости Гучкова к Кривошеину, самому влиятельному в то время члену правительства <...>. Подготовленный Кривошеиным, Горемыкин назначил проект к рассмотрению в ближайшее же заседание Совета министров, 4 августа 1915 г., и пригласил на заседание самого Гучкова. Все было здесь ненормально: направление вопроса непосредственно председателю, назначение дела к слушанию без предварительного обсуждения министрами и, наконец, приглашение в заседание Гучкова, постороннего правительству лица. Срочность была проявлена исключительная: проект был разослан в день слушания. Ясно, что Кривошеин оказал сильное влияние на Горемыкина, который не проявлял никакой симпатии к Гучкову и всей его деятельнос-

ти» (ук. соч., с. 101). Давление на Горемыкина было также оказано Поливановым, как это видно из дневника Яхонтова. «Впервые со времени гр. Витте, в официальной части заседания присутствовало лицо свободной профессии, с правительственной службой не связанное»⁴⁹³.

В первый и, можно добавить, в последний раз со времени гр. Витте! Не знаменательно ли это напоминание?⁴⁹⁴

⁴⁶⁸ В.С. Дякин, ук. соч., с. 79.

⁴⁶⁹ В частности, после собравшегося 26 мая в Петрограде торгово-промышленного съезда, на котором П.П. Рябушинский произнес «громовую» речь о мобилизации промышленности и созыве думы (Шаховской, ук. соч., с. 95–98).

⁴⁷⁰ С.Д. Сазонов, «Воспоминания», Париж, 1927, с. 350–352.

⁴⁷¹ Барк (журнал «Возрождение», Париж, 1966, № 169, с. 76–81) называет также и Шаховского, но из воспоминаний последнего (ук. соч., с. 92–93) явствует, что тот на этом совещании не был отсюда и некоторые противоречия между его версией и версией Барка.

⁴⁷² Утверждение Барка (там же, с. 79), что представление кандидата на портфель юстиции было оставлено Горемыкину, не точно; на совещании в вагоне, в Ставке, 13 июня, кандидатом Кривошеина оставался Милютин (Шаховской, с. 93).

⁴⁷³ Выбор оказался не особенно удачным, вследствие недостатка подготовки и авторитета у князя. Щербатов стоял во главе коннозаводства и был выдвинут на эту должность Кривошеиным в апреле 1913 г. по критерию замещения высших должностей центральной администрации местными людьми; он был до того земским деятелем, полтавским предводителем дворянства, членом Гос. совета по выборам.

За свое кратковременное пребывание во главе ведомства внутренних дел он все же сменил десяток губернаторов, наиболее реакционных, заменив их земскими деятелями (Красный архив, т. 50, переговоры Харитоновы с прогрессивным блоком и Гурко, ук. соч., с. 555).

По словам А.Н. Яхонтова у Щербатова не было доверия к ближайшим сотрудникам, назначенным еще Маклаковым. К полиции, по дворянской традиции, он относился с нескрываемой брезгливостью и предвзятым подозрением (газета «Возрождение», Париж, 21 ноября 1936 г.).

⁴⁷⁴ Сазонов, ук. соч., с. 352.

⁴⁷⁵ Журнал «Возрождение», Париж, 1966, № 169, с. 80–85.

⁴⁷⁶ Газета «Возрождение», Париж, 19 сентября 1936 г.

⁴⁷⁷ «Падение...», т. 5, с. 207, показание Маклакова.

⁴⁷⁸ Ук. соч., с. 92.

⁴⁷⁹ А.А. Поливанов, Из дневников и воспоминаний по должности военного министра, М., 1924, т. 1, с. 134.

⁴⁸⁰ Шаховской, ук. соч., с. 93.

⁴⁸¹ Поливанов, ук. соч., с. 127 и след.

⁴⁸² Шаховской, с. 93.

⁴⁸³ «Падение...», показание Поливанова, т. 7, с. 67.

По словам А.Н. Яхонтова (газета «Возрождение», Париж, 12 декабря 1936 г.), Самарин больше всего заботился о том, чтобы во что бы то ни стало оградить себя от смешения с бюрократией, и рассматривал себя как представителя «сердца России». В этом московском провинциализме растворялся его политический облик. По убеждениям и семейным традициям он был правым, но с тем неуловимым налетом, который был присущ фрондирующим гражданам Первопрестольной. В нем постоянно сквозила опаска скомпрометировать себя перед общественным мнени-

ем и допустить хоть малейшее подозрение в причастности к «старцу». Эта несколько односторонняя характеристика, данная с петербургского бюрократического «полюса», нуждается в дополнении. Нужно отметить славянофильство Самарина и соответствующую этому направлению церковность с резко выраженным отрицательным отношением к церковной бюрократии и обер-прокурорству, отсюда и его враждебность к бюрократии как таковой. На церковном соборе в 1917 г. Самарин был одним из кандидатов в патриархи.

⁴⁸⁴ Речь идет о первом варианте Особого совещания по снабжению армии, учрежденном 14 мая 1915 г. по настоянию Родзянки и Янушкевича еще при Сухомлинове, с участием представителей думы, указанных Родзянко, и представителей финансового и промышленного мира (Вышнеградского, Путилова, Крестовникова и др.). Это совещание было коренным образом преобразовано 17 августа 1915 г. с расширенным участием членов обеих палат.

⁴⁸⁵ Вернее — победой над реакционной группой Совета министров, так как Горемыкин не воспротивился тогда смене этой группы («Падение...» т. 6, с. 314).

⁴⁸⁶ «Падение...», т. 6, с. 129.

Решенная Николаем II 13 июня отставка Щегловитова и Саблера была оформлена 5 июля для первого и 6 июля для второго.

⁴⁸⁷ Дякин, ук. соч., с. 83.

⁴⁸⁸ Донесения московского охранного отделения от 17 июня 1915 г., приведены в сборнике Граве «Буржуазия накануне февральской революции», Централхив, М., 1927, с. 61–63.

⁴⁸⁹ Дякин, ук. соч., с. 89.

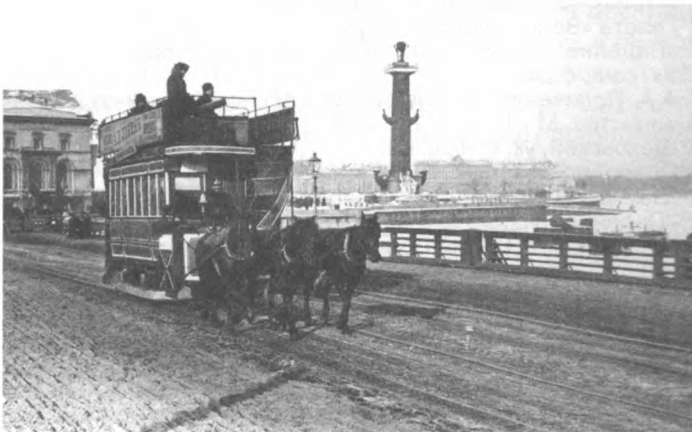
⁴⁹⁰ Барк, журнал «Возрождение», Париж, №70, 1966; Дякин, ук. соч., с. 85.

⁴⁹¹ «Архив русской революции», А.Н. Яхонтов — «Тяжелые дни», Берлин, 1926, т. 18, с. 17, заседание кабинета 24 июля.

⁴⁹² Шаховской, ук. соч., с. 101.

⁴⁹³ «Архив...», т. 18, с. 36. Яхонтов приписывает Поливанову решающую роль в легализации Военно-промышленных комитетов.

⁴⁹⁴ Положительные результаты работы комитетов оспаривались как справа, так и слева. По словам М.И. Терещенко, их деятельность дала ничтожные результаты. Их польза была в «мобилизации энергий» на оборону. Но и здесь многое было иллюзорным: например, образование рабочих секций. Партия большевиков, согласно со своей программой, от участия отказалась, но вошедшие в рабочие секции «оборонцы», в условиях настроений рабочего класса, искреннего и делового сотрудничества с предпринимателями и правительством привести не могли.

Конка на Дворцовом мосту.

5. «АВГУСТ ПЯТНАДЦАТОГО». ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК И ПОЛИВАНОВСКОЕ ПРЕМЬЕРСТВО

Хотя бурно сменяющиеся события лета 1915 г. тесно переплетаются, совпадая во времени, но для большей ясности удобнее разделить их на две группы: попытка образования правительства, опирающегося на организованную общественность, и кризис, вызванный сменой командования⁴⁹⁵. В первой половине августа, под влиянием положения на фронте, «улучшенный» кабинет Горемыкина перестал удовлетворять общественное мнение. По словам Барка⁴⁹⁶, более умеренные выдвигали наиболее популярного министра Кривошеина на его место, однако, большинство находило, что это назначение было бы недостаточной уступкой. В то же время, когда Николай II, даже не посоветовавшись со своими советниками, решил принять на себя Верховное командование, выяснилось, что правительство висит в воздухе, не имея ни поддержки сверху, ни опоры снизу, и что оно к тому же в разладе со своим председателем раскололось изнутри. Ясно было одно, что оно должно было уступить свое место другому, пользующемуся доверием как монарха, так и страны. Усилия Кривошеина, направленные на осуществление этой смены, после, казалось бы, успешного начала закончились неудачей. Для того чтобы пришедший на смену Горемыкину премьер смог опереться на общественное мнение, необходимо было такое прочно организовать и согласовать. Выражением

организованной общественности должен был стать возникший тогда прогрессивный блок. По имеющимся данным, весьма правдоподобно, что инициатива этого широкого объединения исходила от Кривошеина. На это намекает Шаховской (ук. соч., с. 113) и определенно говорят Милюков и Гурко. «Надо сказать, — утверждает Милюков, — что, может быть, первая мысль исходила из министерских кругов. Кривошеин был все время начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опереться на большинство в палате. Так что, может быть, сама попытка первоначальных переговоров была вызвана этим. Посредничество взял на себя Крупенский, который всегда являлся маклером в таких случаях. В первом же заседании, когда заговорили о желательном премьере, имя Кривошеина упомянулось теми, кто маклерствовал за него,⁴⁹⁷ но скоро для этих маклеров выяснилось, что прогрессивный блок не то орудие, которое они хотят создать»⁴⁹⁸. Со своей стороны, Вл. И. Гурко, один из представителей блока в Государственном совете, считал, что Кривошеин был той волей, которая действовала закулисно для образования блока. По его словам, Кривошеин считал, что если он сможет объединить октябристов с теми элементами оппозиции, которые с самого начала войны готовы были поддержать правительство, то, став премьером, он будет продолжать пользоваться поддержкой блока и что, тем самым, сотрудничество заменит борьбу между правительством и думой⁴⁹⁹.

Иначе говоря, по плану Кривошеина нужно было в условиях острого военного кризиса попытаться повторить и расширить то, что удалось Столыпину в третьей думе, когда он смог управлять, опираясь на сочувствовавшее ему большинство, не будучи ответственным перед ним. Председатель блока, октябрист С.И. Шидловский, был с Кривошеиным в очень дружественных отношениях; в свое время он был докладчиком в думе по столыпинскому земельному закону, которому он весьма сочувствовал. Да и нельзя упускать из виду, что сущность блока вполне соответствовала определению Щербатова на Совете министров 26 августа: «Это — временное объединение партийного распорядка людей, вызванное опасением социальной революции, если настоящая неопределенность будет продолжаться».

Именно неопределенность, а не вопросы программы, парализовала правительство и волновала общество... «Государь наш — это олицетворение полнейшей неопределенности. Совершенно не знаешь и не угадаешь, что будет завтра», — говорил незадолго до войны убежденный монархист Акимов, председатель Государственного совета⁵⁰⁰.

Образование прогрессивного блока открывало Кривошеину некоторые перспективы возможной поддержки думы задуманному им новому правительству, но нужно было еще разрешить двойную проблему возглавления этого правительства и отношения к нему Верховной власти. В тот же день (12 августа), когда образовался блок, Поливанов заехал к Кривошеину в его министерский кабинет⁵⁰¹. Там были Щербатов и Харитонов.

Кривошеин, обращаясь к собравшимся, установив полную непригодность такого главы правительства, как Горемыкин, сказал, что во время войны, когда вся страна стала тылом армии, сосредоточение полной власти в руках военного министра вполне логично, а потому премьером должен быть Поливанов. «Мы все вам будем помогать и будем у вас собираться для этого хоть каждый день». На другой день (13/8) Поливанов обедал у Кривошеина в министерской даче, на Аптекарском острове. Перед обедом (присутствовали те же лица и Барк) Поливанов заявил, что в такую минуту жизни государства его отказ от исключительно ответственной должности не может иметь места, но немного спустя, улучив минуту, он все же сказал Кривошеину наедине, что тот должен заменить Горемыкина, на что Кривошеин ответил, что уже дважды ему предлагали премьерство, первый раз после увольнения Коковцова, но он отказался по состоянию здоровья, а также и потому, что не все общественные круги были бы довольны его назначением⁵⁰².

Несколько дней спустя, 17 августа, Поливанов встретился в приемной перед царским кабинетом в Александровском дворце с Кривошеиным, который сообщил ему, что он только что обсуждал с Государем непригодность Горемыкина, назвав Поливанова кандидатом на его место; мысль сосредоточить власть в руках военного министра Государю понравилась, так же как и мысль назначить последнего не председателем, а председательствующим Советом министров, чтобы подчеркнуть, что это временная мера военного времени, а не военная диктатура; притом в формуле назначения, предложенной Кривошеиным, Николай II поставил не «управляющий военным министерством», каковым был тогда Поливанов, а «военный министр» («Нет, военный министр, я его скоро утвержу», — прибавив, что он относился к нему холодно, а теперь доверие к нему окрепло); взяв бумагу, он начал что-то писать. Далее Кривошеин упомянул о введении в правительство лиц из «не бюрократии» и назвал А.И. Гучкова. «Я знаю, что вы не любите Гучкова, но, призвав его, вы произвели бы прекрасное впечатление в стране и приобрели бы преданного слугу».

В тот же день слух о назначении Поливанова распространился по городу. «Речь» писала, что наиболее подходящим главой кабинета, помимо А.В. Кривошеина, является А.А. Поливанов. Председатель Государственного совета А.Н. Куломзин сказал последнему, что это уже вопрос решенный, а Н.П. Крупенский, всегдашний «маклер» между правительством и думой, пришел к нему с программой прогрессивного блока, добавив, что «все зависит от вас»⁵⁰³.

Ни в один из последующих дней, принимая Поливанова, Николай II не заговорил с ним о назначении.

20 августа в Царском собрался Совет министров под Высочайшим председательством. На нем, после безрезультатного приведения доводов против принятия царем Верховного командования, Кривошеин и Сазонов упомянули о расхождении большинства кабинета с Горемыкиным в вопросе о направлении внутренней политики, а Кривошеин подчеркнул

желательность совмещения должности военного министра с премьерством на время войны. Но если Николай II еще колебался в выборе направления внутренней политики и стремился не порывать с общественностью, то поливановская комбинация была им уже тогда осуждена; когда на другой день (21 августа), Шаховской⁵⁰⁴ выказал ему свое удивление по поводу предложения Кривошеина о Поливанове, утверждая, что последний является человеком неверным и к тому же другом «крайне опасного Гучкова», то царь его внимательно выслушал, все время одобрительно кивал головой и подтвердил, что «это невозможно и этого не будет».

Так закончился эпизод кривошеинского проекта «кабинета общественного доверия» во главе с Поливановым, с участием Гучкова и представителей общественности, самый труднообъяснимый и, вероятно, один из решающих в ходе событий этого исторического лета.

Эпизод этот вызвал несколько истолкований, большей частью поверхностных, касающихся скрытых побуждений кривошеинского хода, а не главного, а именно его осуществимости и его последствий. Думается, что весь дальнейший ход событий, поскольку они зависели от воли самодержавного монарха, был обусловлен двумя факторами: неудачей проекта о Поливанове и Гучкове и, в еще большей степени, коллективным письмом министров. Удайся назначение Поливанова премьером и введение Гучкова и других в правительство, коренная политическая проблема русской государственности, — сотрудничество власти с общественностью, — была бы разрешена. Но случилось обратное: после удачного начала одно неудачное напоминание о Гучкове пробудило в душе царя его непоколебимую неприязнь к последнему, сравнимую только с неприязнью к Витте, — через нее и недоверие к предложенному ему поливановскому кабинету и, рикошетом, к Кривошеину. Вероятно, проект участия Гучкова в правительстве представился царю как своего рода «заговор» против его неограниченной власти. Второй, но главный фактор — коллективное письмо министров, затронул мистическое воззрение царя на его непогрешимость в делах правления, а на себя — как на орудие Божьего промысла, и окончательно направил царскую политику на путь игнорирования общества.

«Поливановский» эпизод необходимо проанализировать, поскольку это возможно, ввиду его большого, но недооцененного значения. Ясно, что выставление кандидатуры Поливанова именно Кривошеиным, имевшим репутацию тонко разбирающегося в симпатиях и антипатиях монарха, поражает и озадачивает. Некоторые комментаторы⁵⁰⁵ готовы видеть в этом особо ловкий маневр Кривошеина: Поливанов неприемлем царю, премьерство будет предложено ему. Это малоправдоподобно: по причинам личной заинтересованности в сохранении своего положения Кривошеин не искал официального премьерства из убеждения, что в силу ревнивой подозрительности Николая II официальному премьеру обычно дается больше ответственности, чем власти. Да ему и не было нужды выставлять свою кандидатуру, если бы он искал премьерства, — Игнать-

ев, Барк и Сазонов взяли бы за это. По словам Игнатьева,⁵⁰⁶ сам Кривошеин статью во главе не хотел и думал, что тут должно быть «широко общественное лицо», в этом смысле он и выдвигал Поливанова, как популярного в общественности генерала. Этот аргумент, — сосредоточение власти в руках популярного военного, — был доступен и Николаю II. Игнатьев пользовался личным доверием Кривошеина, который не стал бы применять к нему тактику «дезинформации».

Ошибся ли Кривошеин в чувствах Николая II к Поливанову? Останавливаясь на реакции Государя на эту кандидатуру так, как ее описал Кривошеин, приходится признать, что эта кандидатура была приемлемой. Царская реакция была положительной. Очень показательны такие мелкие признаки проявления царского интереса, как «председательствующий» вместо «председателя» или как замена «управляющего военным министерством» — «военным министром»: мелочи, которые Николай II, как многие поверхностные люди, не упускал из виду, иногда в ущерб важному. Еще до того, из его письма императрице после назначения Поливанова в июне 1915 г. явствует, что он решил верить Поливанову, а затем это доверие укрепилось, и Кривошеин не мог этого не заметить, что и побудило его выставить кандидатуру военного министра на пост премьера; когда же он почувствовал, что Государь своим благожелательством рассеял его опасения относительно целесообразности такого хода, то по принципу «ковать железо, пока горячо», он предложил кандидатуру Гучкова в правительство, так как кабинет Поливанова без участия общественных деятелей не разрешил бы политического кризиса⁵⁰⁷.

Кто знает, не поддался ли Кривошеин неотразимому личному царскому шарму, сопровождавшему доброжелательные слова, и недооценил глубинные свойства царского характера, никогда не забывавшего свои неприязни?

Николай II, видимо, ничем не проявил своих чувств при имени Гучкова, — он обладал даром не высказывать их о людях, ему заведомо антипатичных. Думается, однако, что одно напоминание этого одиозного имени стало причиной не только крушения плана Кривошеина, но и началом царского недоверия к нему самому, а потому, вместе с коллективным письмом министров, поворотным пунктом эволюции политики тех дней. Кривошеин поддался иллюзии, что Николай II переборет свою личную антипатию ради общей пользы, забывая, что в несколько женственной натуре монарха симпатии и антипатии определяли направление логического развития мысли. Еще в 1912 г., Николай II спросил Сухомлинова, передал ли он Гучкову, что он, Государь, называет его подлецом?⁵⁰⁸ А впоследствии Кривошеину не могло не быть известно, что царь считает Гучкова своим личным врагом.

Император Николай II похоронил назначение Поливанова и Гучкова самолично, вне всяких влияний, будь то Распутина, будь то императрицы, которую он даже не держал в курсе дела, как это явствует из их последующей переписки. Так, в своем втором письме к нему от 24 августа Алексан-

дра Феодоровна, боясь, что Горемыкину придется уйти из-за нежелания министров работать с ним, вопрошает самое себя, — не мог бы Поливанов его заменить именно в качестве военного министра; притом видно, что это предположение для нее было новым («И кого бы взять в этот момент, кто был бы достаточно твердым? Военного министра на короткое время, для того чтобы их наказать? Мне вовсе не нравится эта мысль, он ничего не понимает в внутренних делах, это будет иметь вид диктатуры»). Затем, в конце письма она мельком возвращается к своему обычному недоверию к Поливанову, напоминая, что Гучков стоит за ним. Однако одно то, что она могла допустить мысль о премьерстве Поливанова 24 августа, то есть через неделю после того, как Кривошеин предложил его Государю, показывает, что никакого давления с ее стороны против этой кандидатуры не было, и что Николай II ни ей, ни кому-либо другому не говорил о «поливановском» проекте.

С удивительным спокойствием или со свойственным ему индифферентизмом отозвался тогда о Поливанове Горемыкин. Вероятно, он тоже не был посвящен во все подробности самим Государем, знал об этом деле только по выступлению Кривошеина, 20 августа, в Совете министров и по городским слухам и не придавал ему большого значения. Из письма императрицы от 23 августа видно, что Горемыкин, говоря о кознях министров против него, сказал ей, что Поливанов будет хорошо работать, очевидно в качестве военного министра, чем он, может быть, невольно подал ей мимолетную мысль о назначении последнего премьером⁵⁰⁹.

⁴⁹⁵ Не август четырнадцатого, а август пятнадцатого был решающим для судеб России.

⁴⁹⁶ Журнал «Возрождение», Париж, 1966, № 173, с. 97–98.

⁴⁹⁷ Имеется в виду А.Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел, член Думы.

⁴⁹⁸ «Падение...», т. 6, с. 316.

⁴⁹⁹ Гурко, ук. соч., с. 571–572.

⁵⁰⁰ А.П. Наумов, Из уцелевших воспоминаний, т. 2, с. 216, Нью-Йорк, 1955.

⁵⁰¹ Поливанов, ук. соч., М., 1924, с. 223–225.

⁵⁰² Там же.

По свидетельству Гурко, Николай II видел летом 1915 г. в Кривошеине естественного преемника Горемыкина и готов был его назначить, но Кривошеин в последнюю минуту побоялся ответственности и предложил Поливанова (ук. соч., с. 556). Слова Кривошеина о втором предложении премьерства относятся к этому периоду.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Шаховской, ук. соч., с. 127.

⁵⁰⁵ Советский редактор «Дневника» Поливанова Зайончковский передает, что так объяснялся жест Кривошеина в Петрограде в 1915 г., — к этому отчасти присоединяется Г. Катков. Гурко (ук. соч., с. 556), оставая в стороне побуждения, говорит, что выдвижение кандидатуры Поливанова вселило Николаю II недоверие к Кривошеину. Вернее, кандидатура Гучкова, а не Поливанова.

⁵⁰⁶ «Падение...», т. 6, с. 10.

⁵⁰⁷ В своем показании перед Чрезвычайной комиссией Поливанов прямо говорит, что в августе 1915 г. он пользовался доверием Государя.

⁵⁰⁸ Поливанов, Из дневников..., 18 февраля 1912 г.

⁵⁰⁹ Легкость, с которой Гучков сдал после февраля все правительственные позиции революции, не говорит в пользу его кандидатуры в министры, но нельзя забывать другую сторону его деятельности, когда ему было дано сыграть историческую и притом положительную роль парламентского союзника, вернее сотрудника Столыпина. Без поддержки Гучкова Столыпину не удалось бы сотрудничать с первым работоспособным русским парламентом, и на его призыв к сотрудничеству на основе порядка и реформ, ответ был дан именно Гучковым.

«Мало кем так дорожил Столыпин, как дорожил он А.И. Гучковым», — писал ближайший сотрудник Кривошеина И.И. Тхоржевский, и его мнение несомненно отражало мнение последнего («Возрождение», Париж, 17 июня 1936 г., «Люди, делавшие историю»).

Нужно перенестись в атмосферу 1906 и 1907 г. с волной террористических выступлений, абсолютно враждебным отношением умеренно-левой общественности к правительству после разгона второй думы, соблазном возвращения к мертвенному консерватизму, чтобы понять значение фигуры Гучкова, принявшего жестокую необходимость подавления террора и совместимость ее с программой глубоких реформ.

А. В. Кривошеин посещает фронт в качестве уполномоченного Красного Креста, 1915 г.

6. «THE KRIWOSHEIN CAUCUS» («Кружок Кривошеина»). **«UNE JOURNEE DES DUPES» («День обманувшихся»)**

Разлад между министрами и Горемыкиным привел к тому, что остальные министры, кроме А. А. Хвостова стали собираться без председателя, чаще всего у Кривошеина, на его министерской даче на Аптекарском острове. Это было то, что Г. Катков в своей книге «RUSSIA. The February Revolution, Oxford 1967» называет «The Kriwoshein caucus» (с. 135). По свидетельству покойной сестры моего отца, Ольги Васильевны Кривошеиной, впоследствии Морозовой, игравшей роль «хозяйки дома» летом 1915 г. (моя мать была тогда со мной в деревне), министры собирались там часто днем. Расположенная на берегу Малой Невы, в Ботаническом саду, дача была весьма привлекательным местопребыванием летом.

Бывали и представители общественности до кадетов включительно. Среди них старался играть роль вице-председатель думы А.Д. Протопопов, занимавший хозяйку дома во время «чаепития» похвалами «целителю» Бадмаеву. В те дни он еще не был одиозным «распутинцем», а, напротив, приемлемым для широкой общественности первым думским вице-председателем. Кривошеин в нем ошибся, что с ним случалось редко, так как обычно в людях он разбирался. Летом 1915 г. он даже рекомендовал его Шаховскому в товарищи министра торговли⁵¹⁰.

22 августа 1915 г., под личным председательством Николая II, пожелавшего, чтобы министры присутствовали при орденах и отличиях, было открыто в Зимнем дворце заседание четырех Особых совещаний по вопросам, касающимся обороны и снабжения, положение о которых было одобрено 17 августа законодательными учреждениями, в Государственном совете единогласно против одного голоса — принципиального противника сотрудничества с общественностью, Н.А. Маклакова. Торжественно оформлялось привлечение законодательных учреждений и торгово-промышленного класса к делам управления, учитывая широкие полномочия, данные этим совещаниям.

Произнесенная царем речь была составлена Поливановым и Криво-

шеиным («С полным доверием предоставляя вам исключительные полномочия, я все время буду с глубоким вниманием следить за вашей работой <...> и в некоторых случаях сам приму в ней личное участие»)⁵¹¹.

Заседание закрылось речами председателей Государственного совета и думы, и все участники перешли в другой зал. В то время как Государь обходил присутствующих, разговаривая с ними (в частности, с Шингаревым)⁵¹², в зал неожиданно вошла императрица с наследником и стала тоже обходить участников совещания.

В какой-то мере это 22 августа 1915 г. было историческим днем. Последним днем тесного согласия между монархом и общественностью, в конкретной сфере правления и обороны. Общественность была удовлетворена тем, что через Особые совещания она известным образом привлекалась к ведению войны; не менее был удовлетворен и царь. И сделанный им непринужденный жест, торжественный и фамильярный, показывал искренность этого удовлетворения. Помимо причин высокого порядка, коренящихся в выполнении царственного служения, объяснение этого благодушия нужно искать в особенностях характера царя так, как их кратко определил несколько дней спустя Кривошеин, не зная, что уже тогда от царского благодушия не оставалось и следа. Разговаривая 24 августа со своим начальником канцелярии, И.И. Тхоржевским, о только что происшедшей смене командования, он сказал: «Государь страшно доволен всем. И рескриптом⁵¹³, и названием «Царская Ставка», а главным образом своей собственной твердостью». «Победив в этом министров, настояв на своем, — развивает это определение Тхоржевский, — Государь склонен отнестись благодушно и к тем, кто тщетно сопротивлялись его командованию. Таков уж был царский характер. Вот если бы наоборот, Государь был бы вынужден уступить министрам и отказаться от своего намерения — о, тогда бы он никогда им этого не простил. Восторжествовав же над мнением своих советников, царь как бы утрачивал внутреннее побуждение их уволить...»

Верно определив настроение Государя в день открытия совещаний, Кривошеин, однако, глубоко ошибался, считая, что и после этого дня Государь продолжал быть «доволен всем». Он просто не знал еще о роли, сыгранной за эти несколько дней в перемене царского настроения коллективным письмом министров, поворотным пунктом политической эволюции всего военного периода, конечным пунктом которой был февраль⁵¹⁴.

В то время как Государь и Александра Федоровна обходили участников совещаний, министры с тревогой спрашивали себя, прочел ли он посланное ими накануне письмо. Как выяснилось потом, он его еще не получал, а потому⁵¹⁵ идиллическое единение царя с народом на открытии совещаний оказалось трагическим недоразумением: «Une journée des dupes!» — «День обманувшихся!» — так прозванный в истории Франции день, окончательно направивший французскую монархию на путь абсолютизма.

⁵¹⁰ Шаховской, ук. соч., с. 80.

⁵¹¹ «Падение...», 1927, т. 7, с. 66–67.

⁵¹² Шингарев передал Государю, с его предварительного разрешения, записку военно-морской комиссии думы о снабжении и об оставлении армией крепостей («Падение», т. 7, с. 32).

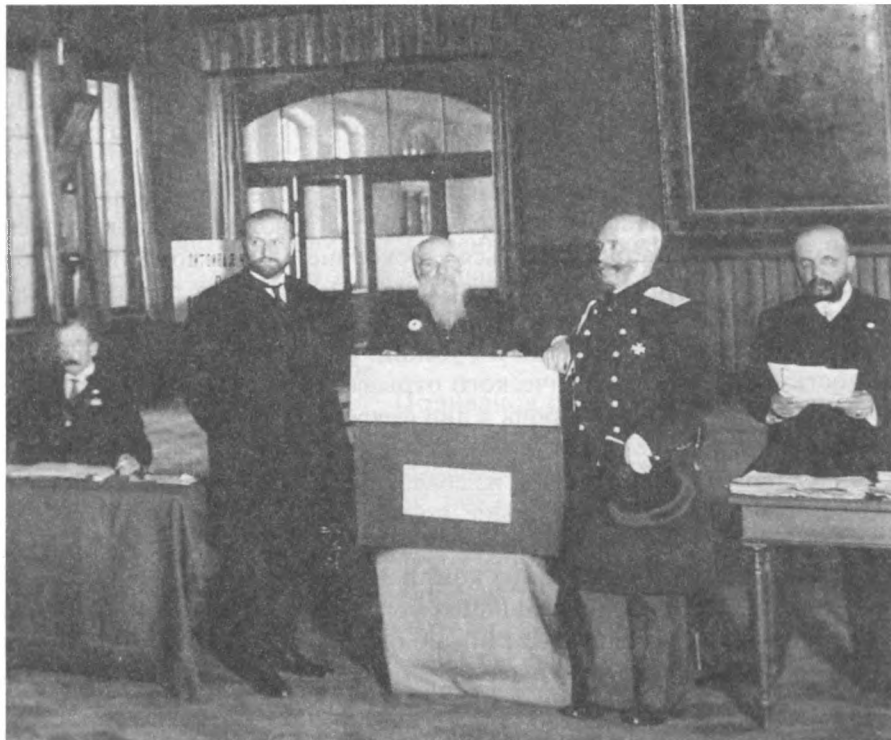
⁵¹³ На имя вел. князя, написанным Тхоржевским по указаниям Кривошеина.

⁵¹⁴ И.И. Тхоржевский, Перед обвалом, газета «Возрождение», 22 февраля 1935 г., Париж.

⁵¹⁵ Это объясняется отъездом царя в Царское Село и затем в Могилев, сразу после открытия Особого совещания.

Посещение фронта, 1915 г.

7. «АВГУСТ ПЯТНАДЦАТОГО». ЗАБАСТОВКА МИНИСТРОВ

Коллективное письмо

Необходимо еще раз вернуться назад, чтобы проследить эволюцию вопроса о смене командования, критическим моментом которой будет коллективное письмо министров, вместе с неудавшейся инициативой Кривошеина в вопросе выдвижения Поливанова в премьеры, определившее все направление монаршей политики.

Осуществленная в условиях взаимного доверия и соблюдения здравого смысла, смена командования могла бы быть проведена к всеобщему удовлетворению. Выполненное при сознательном игнорировании общественного мнения, которому противопоставлялись мистические веления монаршей совести, царское решение показало, что все расчеты на установление сотрудничества с умеренной общественностью для ведения войны не имели под собой твердой почвы; это, в сущности, не было уже так неожиданно; зато, думается, история знает мало примеров принятия главой государства капитального решения втайне от своего же правительства и, тем самым, проявления такого пренебрежения к мнению своих ближайших советников, ответственных носителей исполнительной власти. Неудивительно, что подобное отношение обострило, в свою очередь,

у царских советников как недоверие к способностям монарха править разумно и удачно, так и страх перед последствиями принятых им неподвижных решений. Вся атмосфера заседаний Совета министров постепенно насыщалась этим своеобразным и, конечно, губительным для страны психозом.

Между тем, сравнительно благоприятное разрешение вопроса о командовании намечалось. После драматического волнения первых дней в Совете министров стало ощущаться успокоение. Дело в том, что по полученным тогда сведениям Государь, приняв командование, решил оставаться в Петрограде, где и должна была находиться Ставка. В Могилеве всем стали бы руководить Алексеев и Рузский. Это устранило бы серьезную опасность полного географического отрыва монарха от Петрограда, отрыва, сыгравшего роковую роль в дни февраля. Учитывая это, Кривошеин на заседаниях Совета между 10 и 19 августа упорно и последовательно стремился найти лучший выход из создавшегося положения, даже наверстать то, что было упущено раньше, пока отказ Николая II пойти на компромисс не возобновил прежнее напряжение⁵¹⁶. На заседании 10 августа, в поисках для всех приемлемого компромисса, он приходит к заключению, что вышеуказанная комбинация более успокоительна и что вопрос разрешается более успешно, чем можно было ожидать, а именно, что она обеспечивает устранение Янушкевича и близость Ставки к правительству. По мысли Кривошеина необходимо было обдумать ту форму, в которой перемена командования была бы обставлена мягче и понятнее. «Его Величество объявит монаршую волю в форме всемилостивого рескрипта на имя вел. князя, в котором можно было бы изложить те мысли, которыми Государь император руководствуется» («Призывает долг царского служения..., не в победное время, а в годину тяжких невзгод царь идет делить опасности с войском... царь сознает великую ответственность за безопасность родины») и т. д.).

Это предложение получило всеобщее одобрение членов кабинета, даже Горемыкина, и Сазонов взялся переговорить о нем с Николаем II на другой день, на докладе. Только Самарин, вернувшийся из Москвы, возражал против всякого компромисса в вопросе командования, сравнивая царское решение уже не с искрой, а со свечкой, брошенной в пороховой погреб.

На заседании 11 августа⁵¹⁷ Сазонов доложил о реакции Николая II на мысль Кривошеина; если царь очень сухо реагировал на изложение опасности принятого решения, то он очень сочувственно отнесся к мысли о рескрипте («Чудесная мысль, скорее за работу <...> только поскорее»). Та же «разрядка» атмосферы чувствовалась на заседании 12 августа, и Кривошеин реалистично усматривал «в выходе из неопределенности» неотложную задачу дня: «Зло в значительной степени сделано. Решение Государя ни для кого не секрет», «нужно или найти приемлемый выход, или же покончить вопрос о смене командования. Я не менее других боюсь этой перемены, но боюсь и пагубных последствий неопределенности положения».

Пользуясь случаем, он пытается добиться участия правительства в выработке общего плана ведения войны и согласования с этим планом продовольственной политики. Точнее, он настаивает на созыве военного совета с участием правительства для необходимого в этот критический момент пересмотра плана войны и выработки программы действий в тылу и на фронте, вытекающей из этого пересмотра. Это положило бы конец полному отсутствию координации между действиями правительства и Ставки. Постановлено было поручить военному министру доложить об этом Государю — напрасно! Эта элементарная в своей неоспоримости мера была отклонена 2 сентября; военно-морская область и иностранная политика не должны были входить в компетенцию правительства, хотя фактически оно отвечало за то и за другое.

На заседании 16 августа⁵¹⁸ Поливанов сообщает о получении им от Николая Николаевича письма, в котором тот настаивает на быстром переводе на Кавказ. Поливанов предложил, чтобы генерал Алексеев заменил теперь же вел. князя в Ставке, пока не разрешится вопрос, будет ли Государь в Ставке или «чаша сия нас минует». «Великолепная комбинация, — реагировал на это Кривошеин: — С вел. князем, по-видимому, уже кончено, и к его уходу начинают привыкать. Назначить Алексеева будет переходной мерой, пока Государь будет занят в тылу подготовкой новой армии, с которой Его Величество выступит на поле битвы, когда наступит удобное время и соответствующая обстановка».

Вспоминая затем войну 1812 г., когда генералы уговорили Александра I покинуть армии и передать Барклаю ответственность за испытываемые неудачи, Кривошеин заключает: «Пусть Алексеев сыграет роль Барклая, в нашей обязанности оберечь русского царя от недопустимого для него положения». Решено было просить Государя о предоставлении Алексееву задачи «козлица отпущения за грехи Янушкевича». Наконец 18 августа Совет одобрил рескрипт на имя вел. князя, составленный Кривошеиным⁵¹⁹.

Здесь кончилась «оптимистическая» фаза эволюции кризиса смены командования, основанная на надежде, что Николай II пойдет на компромиссное решение вопроса, в особенности согласится оставаться в Петрограде; кроме того, эта фаза совпала с обещающим быть успешным «ходом» Кривошеина с целью замены Горемыкина Поливановым и вхождения общественных деятелей с Гучковым в кабинет. 17 августа Кривошеин считал, что эта цель близка, а потому предавался некоторому оптимизму.

Самарин был единственным членом кабинета, не разделявшим надежды на то, что общественное мнение примирится с уходом вел. князя; ближайшие дни показали, что он был прав. За эти дни, кроме того, разногласие между Горемыкиным и прочими членами кабинета (за исключением его друга А.А. Хвостова) перешло в полный разрыв. Прошло то время, когда Кривошеин и Горемыкин дополняли друг друга: их пути разошлись; и Кривошеину, да и не ему одному, пришлось дорого заплатить за то, что в январе 1914 г. он отказался от премьерства, предпочитая «спрятаться» за престарелым Иваном Логгиновичем.

Наступила новая фаза кризиса власти; 19 августа, Кривошеин подробно проанализировал смысл этого кризиса, призвал подойти к нему по-новому и понять, что страна ждет не столько новой программы, как новых людей.

Это был новый подход к разрешению кризиса, требовавший совершенно новых принципов управления страной, ставя в основу его завоевание властью морального доверия. Он был вызван единогласно принятой накануне резолюцией московской городской думы, которая выражала доверие вел. князю, просила об образовании правительства, пользующегося доверием страны, и о приеме Государем городского головы Челнокова. Резолюции предшествовали собрания промышленников и земских деятелей, в частности у П.П. Рябушинского, заявившего не без фанфаронства, что «необходимо для всех общественных элементов вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти»⁵²⁰.

13 августа «Утро России», орган П.П. Рябушинского, опубликовал даже состав будущего кабинета из общественных деятелей (Председатель Родзянко, министр внутренних дел Гучков, иностранных дел Милюков и т. д.), в котором Кривошеин, Поливанов и Игнатъев сохраняли свои посты. Большого значения, чем быть «пробными шарами», эти списки не имели. Зато совсем другим удельным весом обладала резолюция московской думы именно благодаря своей умеренности, позволившей ей быть принятой единогласно. Так же авторитетно звучала произнесенная на том же заседании думы речь бывшего московского городского головы Ник. Ив. Гучкова, гораздо более консервативных тенденций и гораздо более выдержанного, чем его брат А.И. Гучков⁵²¹. Напомнив, что голос Москвы есть голос народной воли, Н.И. Гучков подчеркнул, что для доведения войны до победного конца нужно единение народного представительства с правительством, но с таким правительством, которое пользовалось бы доверием страны. Наконец, необходимо, чтобы во главе этого правительства было бы поставлено лицо, которое пользовалось бы доверием со стороны широких народных масс и народного представительства. Об этом должно быть доведено до сведения монарха⁵²².

Одновременно с этим выяснилось, что тенденции, которые намечались на заседаниях только что образовавшегося прогрессивного блока, при умеренности программы шли довольно далеко в вопросе возглавления правительства, в составе которого блок требовал себе львиную долю⁵²³.

Все это склоняло Кривошеина не предлагать полумер в вопросе правительства, но решительно сойти с проторенной дороги. В то время как при обсуждении Советом министров отношения правительства к резолюции московской думы и к приему городского головы Челнокова царем Горемыкин предлагал просто «не отвечать болтунам», а Поливанов, Сазонов и Самарин защищали думу, с длинным обращением к Совету выступил Кривошеин. Он поставил инцидент с возможным приемом Челнокова на принципиальную почву.

По его словам, прием городского головы совершенно неизбежен. «Но

не могу скрыть от Совета министров, — продолжал он развивать свою мысль, — что, по-моему, в данном случае вопрос представляется гораздо более широким и принципиальным. В каком положении окажемся мы, когда уже не одна печать и военно-промышленный комитет, но вся организованная русская общественность будет во всеуслышание требовать власти, облеченной доверием страны? Не касаюсь личных переживаний, но с точки зрения интересов государственного управления и организации обороны положение это совершенно невозможно. Нужно заранее найти выход и остановиться на твердом решении, плане действий. Надо или реагировать с силой и с верой в свое могущество, в возможность достижения успеха, или же вступить на путь завоевания для власти морального доверия. По моему глубокому убеждению мы ни к тому, ни к другому не способны. Вывод отсюда ясен. Надо откровенно это сказать Государю, который не сознает окружающей обстановки. Мы должны открыть монарху глаза на чрезвычайную остроту настоящей минуты. Это наш священный долг в историческое время, нами переживаемое. Мы должны сказать Его Величеству, что сложившиеся внутренние условия допускают только два решения: или сильная военная диктатура, если найдется подходящее лицо, или примирение с общественностью. Наш кабинет общественным ожиданиям не отвечает и должен уступить место другому, которому страна могла бы поверить. Медлить, держаться середины и выжидания событий нельзя. Поводом к росту нервности <...> является ставшее повсеместно известным решение принять командование <...>. Не время отталкивать от себя огромное большинство. Надо просить Его Величество собрать нас и умолять его отказаться от смещения вел. князя, коренным образом изменив в то же время характер внутренней политики. Я долго колебался, прежде чем прийти к такому выводу, но сейчас каждый день равен году <...>. Нельзя не считаться с тем, что постановление о доверии к вел. князю было принято московской городской думой единогласно. Даже Шмаков⁵²⁴ и его приверженцы голосовали за резолюции. При таких условиях было бы трудно квалифицировать ее как революционную. Не революция, а бесконечный страх за будущее. Нужно объяснить Государю, что задуманный им шаг, помимо всего прочего, является великим риском для династии. Вполне возможен компромисс: царь принимает на себя верховное командование и назначает вел. князя своим помощником. Надо сделать это сразу. Если понадобится, мы должны не только просить, но требовать. Пусть нам царь голову рубит, сошлет в места отдаленные, с лишением званий, чинов и орденов (к сожалению, он этого не делает); но в случае отказа на наши представления, мы должны во имя интересов родины заявить ему, что мы не в состоянии больше служить ему по совести»⁵²⁵.

О впечатлении, произведенном выступлением Кривошеина, кроме как на изолированного Горемыкина, свидетельствуют вызванные им заявления министров. Враг Гучкова и левой общественности Шаховской реагировал («Формула А.В. Кривошеина исчерпывает вопрос <...>, наш долг

быть твердыми перед царем в сознании нашей правоты; <...> пока общественные пожелания <...> еще остаются умеренными и облекаются в почтительные формы. Предлагаемый компромисс разрешает вопрос вполне безболезненно во всех отношениях») так же, как выразитель московской общественности Самарин («Приветствую предложенную комбинацию»), и еще благоприятнее, чем Поливанов («Как меньшее из двух зол, комбинация А.В. Кривошеина приемлема»).

В тот же день (19 августа) министры собрались еще раз на министерской даче Кривошеина для подготовки созываемого на другой день заседания кабинета под Высочайшим председательством, долженствовавшего обсудить предложенную Кривошеиным формулу смены командования, и определить направление политического курса: политика «твердой власти» или политика, идущая навстречу общественным пожеланиям. Выдвигая эту альтернативу, Кривошеин добавил: «Золотая середина всех озлобляет».

На вечернем заседании 20 августа в Царском, о котором уже говорилось в связи с «поливановским премьерством», Николай II остался непреклонен в вопросе командования («Господа, я выслушал ваши возражения, но я остаюсь при своем решении!»)⁵²⁶. Горемыкин утверждал, что ходатайства, подобные московскому, продиктованы желанием создать оппозицию уходу вел. князя и тем самым обеспечить ему особенное положение; больше того, он сознательно довел до возбуждения царские нервы, развивая предположение о триумфальном возвращении вел. князя к Верховному командованию. Зато в вопросе о направлении внутренней политики окончательного выбора Николаем II еще сделано не было, он счел нужным отложить решение, предложив Совету министров представить ему доклад о правительственной программе. «Победив» министров в вопросе командования, настояв на своем, Государь счел вопрос решенным, притом решенным своей твердостью и, как выразился Кривошеин в приведенном выше разговоре с Тхоржевским, остался доволен. Этим объясняется его желание не порывать с общественностью, его решение открыть в торжественной обстановке 22 августа Особое совещание по обороне, так же как и появление императрицы и наследника на этом торжестве.

Как уже указывалось, разряженная атмосфера этого торжества основывалась на недоразумении и сам этот день был «une journée des dupes». Царь просто тогда не получил еще коллективного письма министров, углубившего разрыв между ним и большинством кабинета, а также с обществом. Это письмо было донкихотским жестом задетых за живое патриотов, забывших, однако, что все в нем, сама инициатива коллективного протеста, ультимативность тона, не могло, при царском комплексе страха собственного слабоволия, не вызвать реакцию, противоположную той, на которую рассчитывали царские советники. А главное, сам факт протеста против царского решения ставил под сомнение воззрение Николая II на мистическую природу своей власти, на непогрешимость голоса своей совести в капитальных решениях правления.

Инициатором коллективного письма, этой исторической ошибки, был Самарин. Это показывает, что представители даже правой общественности, а не только левой, еще не созрели для управления страной. Но и министры-бюрократы единодушно последовали за ним. Сам осторожный Кривошеин на частном собрании членов кабинета (без Горемыкина и Хвостова, а также и заболевшего и уехавшего Рухлова) 21 августа вечером у Сазонова отказался от предложенного им текста, как от «бюрократического», в пользу самаринского, а между тем его текст, не имея ультимативного характера последнего, имел больше шансов не вызвать резко отрицательной реакции у Николая II. Много времени спустя, в 1919 г., Кривошеин признавался, что коллективное письмо как таковое, а не его содержание, было крупной тактической ошибкой («Как я мог так поступить, зная характер Государя?!» — вырвалось у него однажды). Нужно все-таки признать, что, поступая так, он и министры показали перед судом истории, что для них долг говорить правду царю был выше карьеры.

Отказ Николая II принять во внимание предупреждение своих советников бросает свет на основные непосредственные причины революции в той форме, в какой она произошла в феврале 1917 г., т. е. вследствие полной и добровольной изоляции монарха посредством игнорирования им чаяний страны. Отказ положил начало этому процессу; «между 23 августа и 17 сентября 1915 г. произошла какая-то эволюция в уме монарха, которая совершенно изменила его воззрения на судьбу России», — так высказался Поливанов в своем показании перед Чрезвычайной следственной комиссией⁵²⁷. О внутреннем смысле этой эволюции мистического характера будет сказано несколько слов в конце этой главы⁵²⁸.

Десять дней отделяют получение коллективного письма Николаем II от отказа образовать новое правительство и переменить направление внутренней политики (2 сентября), во время которых открываются новые перспективы и намечаются новые возможности соглашения с думой; надо всем тяготеет ожидание принятого царем решения, выхода из неопределенности и конца никого не удовлетворяющей «золотой серединки».

Это тягостное ожидание нередко вызывало у представителей общест-венности лихорадочное возбуждение и словесные крайности, подчас легкомысленного характера, за которыми, однако, проявляется готовность пойти на соглашение всякий раз, когда перспективы сотрудничества с властью и участия в ней становятся реальными.

24 августа Кривошеин снова настаивает на необходимости военного совета с участием правительства и установления плана дальнейшего ведения войны (Ставка настаивала на эвакуации Петрограда и Киева). «И в такую минуту, движимый религиозным чувством, Государь берет на себя Верховное командование! Какой ужас, какое ослепление!».

Если руководимое Кривошеиным активное большинство кабинета ждало царского решения, то в то же время оно ждало ответа и от общест-венности, представленной прогрессивным блоком, в котором оно желало бы найти физически существующего собеседника, а может быть, и

сотрудника. Прежде всего, 25 августа, это большинство, согласно с выраженным им 20 августа желанием, подало «меморию» царю⁵²⁹ о том, что нужно дать ответ на пожелания образовавшегося в думской среде большинства и точно определить дальнейшее направление правительственной политики. Программа блока была рассмотрена Советом министров 26 августа в отсутствие Кривошеина, внезапно уехавшего в Москву, отчасти для того, чтобы установить связь с московской общественностью, а отчасти по причинам, свойственным его обычной тактике «пробывания за кулисами», и по нежеланию связать себя вопросами программы в случае назначения его главой правительства⁵³⁰.

Относительно встречи представителей правительства с представителями блока, состоявшейся 27 августа, Шаховской утверждает, что Совет, получив программу прогрессивного блока, «решил, по предложению А.В. Кривошеина, поручить четырем министрам войти в переговоры с представителями блока для более ясного ознакомления с деталями программы. Такими министрами были намечены П.А. Харитонов, А.А. Хвостов, кн. Н.Б. Щербатов и я; несмотря на все настояния, А.В. Кривошеин от участия в этом совещании уклонился, а между тем он знал этот вопрос лучше всех других; ясно, что думцы, по крайней мере, держали его в курсе хода вопроса, если его участие не сказалось более серьезно»⁵³¹.

Нужно отметить, что когда на Совете министров 26 августа, в отсутствие Кривошеина, обсуждалась программа блока, Горемыкин пытался всячески саботировать эту встречу, но когда большинство решительно ее потребовало, то он неожиданно назначил для переговоров вышеназванных лиц, при их молчаливом согласии. Очевидно, этот вопрос обсуждался закулисно с Кривошеиным, и состав делегации по своему компромиссному характеру (двое «более правых» и двое «более левых») показывает, что соглашение о них было уже достигнуто до 26-го, хотя и на заседании 26-го Горемыкин и выказал свою малую охоту его применить.

На заседании кабинета 28 августа Харитонов доложил о результатах совещания. Тон был довольно оптимистический («Соглашение может быть достигнуто, непримиримых различий не заметно» ... «Встреча не без пользы... У представителей блока нет чувства безнадежности по отношению к правительству»). Выяснилось, что по многим пунктам точки зрения правительства и блока расходились мало. Разумеется, что на основной вопрос о лице, могущем возглавить правительство, Харитонов ответил, что это является прерогативой монарха, на что представители блока предложили, чтобы монарх назначил председателя, приемлемого для страны.⁵³²

Здесь интересно отметить позицию, занятую Кривошеиным, как в вопросе программы, так и в деле необходимого перерыва сессии думы, работа которой стала абсолютно неудовлетворительной и бесплодной; кроме того, пока сессия продолжалась, правительство было лишено возможности проводить необходимые для обороны меры по 87-й статье. На предыдущем заседании Совета Кривошеин высказался за перерыв, так как дум-

ские речи и вмешательства депутатов и административные проблемы внесли повсюду дезорганизацию. Но роспуск должен был быть сделан «по хорошему».

На заседании 28 августа Кривошеин определенно не принимал участия в прениях о возможности или невозможности соглашения по тем или иным пунктам программы блока или целесообразности перерыва думской сессии до или после утверждения положения Особого Совещания о беженцах. Когда же обсуждение этих вопросов начало теряться в деталях, он наконец выступил, чтобы перенести его на совсем другую плоскость, соответственно быстрой эволюции кризиса власти и тем сведениям, которые он получил во время своего пребывания в Москве.⁵³³ Иллюзия искать лучшего способа распустить думу — «все равно правительству ни на грош не поверят»⁵³⁴. Требования думы и всей страны сводятся к вопросу не программы, а людей, которым вверяется власть. Центр суждения должен бы заключаться не в искании того или иного дня для роспуска думы, а в постановке принципиального вопроса об отношении Его Величества к правительству настоящего состава и к требованиям страны об исполнительной власти, облеченной общественным доверием. Пускай монарх решит, как ему угодно направлять внутреннюю политику, по пути ли игнорирования таких пожеланий или же по пути примирения, призвав во втором случае пользующееся общественными симпатиями лицо и возложив на него образование правительства. «Лично я высказываюсь за второй путь действия: призыв Государем императором лица и поручения ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны». Что касается до перерыва думской сессии, то он должен быть осуществлен именно новым правительством.

Горемыкин пытался оставить поставленный таким образом вопрос без обсуждения, что вызвало резкую отповедь всего кабинета. По словам Сазонова, «точка зрения А.В. Кривошеина не может быть оставлена без обсуждения... лично я всецело к ней примыкаю. В ней кристаллизуется то, вокруг чего мы ходим уже много дней». «Я тоже присоединяюсь к Александру Васильевичу, — заявил Игнатъев, — что мы ни обещаю, нам не поверят. Все ждут перемены и определенности в политике». Для Харитоновой «постановка вопроса А.В. Кривошеиным вполне отвечает современной политической обстановке».

В дополнение к сказанному Кривошеин заявил, что он готов согласиться на одновременный роспуск думы и смену кабинета. «Мы, старые слуги царя, берем на себя неприятную обязанность роспуска думы и вместе с тем твердо заявляем Его Величеству, что внутреннее положение страны требует перемены кабинета и политического курса». К этому мнению присоединились Шаховской («компромисс с общественным мнением необходим»), Щербатов («наш долг просить Его Величество кончить с неопределенностью и призвать новых людей») и Поливанов («схема правильная — думу распустить распоряжением существующего кабинета и просить Его Величество после этого призвать новый кабинет, отвечающий ожиданиям страны»).

Горемыкин нехотя обещался доложить Государю о пожеланиях кабинета...

Что для представителей блока вопрос о людях, возглавляющих власть, был центральным, это — вне сомнения, а потому жившее в них желание достигнуть соглашения с властью и принять участие в ней толкало их на большую сговорчивость в вопросах программы, раз была надежда, что и вопрос о людях разрешится в их пользу. Такие настроения господствовали на собрании 29 августа у Челнокова. Возражая на пессимистические крайности Коновалова, Челноков говорил, что «переговоры с правительством вести еще можно и что требования прогрессивного блока не должны ставиться ультимативно, что уступки со стороны блока возможны и соглашение с правительством может быть достигнуто». Особенно примиренчески были настроены петроградские участники совещания. По их словам, переговоры Ефремова и Милюкова с правительством продолжаются, причем настроение у них не столь пессимистическое, как было раньше, так как они считают, что кабинет пойдет на уступки и соглашения возможно будет достигнуть, причем Милюков считает, что и прогрессивному блоку придется кое-чем поступиться; по его мнению, правительство думу ни в каком случае не распустит⁵³⁵.

Однако 2 сентября жребий был брошен... Горемыкин вернулся из Ставки с царским велением: правительство должно оставаться у власти в прежнем составе, в созыве военного совета с участием правительства для разработки военной политики отказано, дума распускается...

На драматическом заседании кабинета Кривошеин снова подвел итог: «Высочайшее повеление не может ставиться на обсуждение, но я думаю, что мы не только в праве, но что это наша прямая обязанность предусматривать последствия, имеющиеся совершиться», и, обращая затем к Горемыкину: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью показывают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась. Вы докладывали об этом различии Государю императору, но Его Величеству угодно было согласиться не с нашей точкой зрения, а с вашей. Теперь вы вступаете на путь действий, вытекающий из данных вам Высочайших указаний, притом сотрудниками вашими остаются те же лица, которые возражали против целесообразности намечавшейся вами политики. Простите мне один вопрос: как вы решаетесь действовать, когда представители исполнительной власти убеждены в необходимости иных средств, когда и внешние и внутренние события становятся с каждым днем все более грозными?»

«Высочайшее повеление последовало, и оно для меня закон!» — возразил Горемыкин...

... «У А.В. Кривошеина вид безнадежно грустный и встревоженный», — отмечает в своем дневнике Яхонтов⁵³⁶.

В течение трех с небольшим недель, между отправкой коллективного письма и репримандом министров в Ставке 16 сентября, Горемыкин по-

стоянно изливал свою душу императрице в Царском, жалуясь на министров, а она возмущенно передавала эти жалобы своему супругу, настаивая на смене неугодных министров, «которые не хотят работать со стариком». Если самые резкие нападки были направлены на Самарина и Щербатова, то от прежней дружбы с Кривошеиным не осталось ничего. Кривошеин — «тайный враг» и «все время был фальшивым по отношению к старику» (письмо от 11 сентября 1915 г.); «министры никуда не годятся, и Кривошеин продолжает вести подземную работу — все так некрасиво и неблагородно — им нужна твоя железная воля, которую ты покажешь, неправда ли? ... Дай им очень суровый реприманд за их поведение, за то, что они не послушались твоих приказаний, данных в заседании» (письмо от 12 сентября 1915 г.); «я думаю, что ты вынужден будешь сменить Щербатова и Самарина, может быть длинноносого Сазонова, также и Кривошеина. Они не могут измениться» (16 сентября); «Кривошеин также хорошо знаком с Гучковым, так как он женат на московской даме (тоже из купеческой семьи, а там они все за Гучкова)»; «я не могу поверить, что Сазонов так плох, как Щербатов или Самарин, или даже мой друг Кривошеин — что с ним случилось? я в нем горько разочаровалась (...or even my friend Kriwoshein — what has happened to him? I am bitterly disappointed to him». 20/9).

В то же время большая часть общественности заняла очень умеренную позицию по отношению к власти. Протесты против перерыва сессии были формулированы осторожно, чувствовался страх слишком резкой оппозицией вызвать забастовки (прошедшие 2-5 сентября в Петрограде и 3-9 сентября в Москве забастовки действовали, по донесениям охранного отделения, «охлаждающе»). Бывали и крайности, но в большинстве своем у общественности было достаточно патриотизма, а также и расчета на то, что двери власти откроются для нее вскоре, чтобы не идти на большой риск. Такие абсолютно лишённые реализма, безответственные слова, как предложение П.П. Рябушинского приостановить деятельность общественных организаций в обслуживании армии⁵³⁷ (4 сентября), успеха не имели, как не имела успеха и резкая резолюция гр. Д.Ад. Олсуфьева на собрании московского земства⁵³⁸, а на экстренном съезде Союза земств и городов 7-9 сентября, большинством четырех пятых «революционные» резолюции были отвергнуты, в том числе и требование ответственного Министерства, а было принято пожелание образования правительства общественного доверия и возобновления думской сессии⁵³⁹. Особенную умеренность проявили кадеты. На заседаниях 5 и 6 сентября московского отделения центрального комитета партии, по донесениям охранного отделения⁵⁴⁰, умеренное направление преобладало, «в кулуарных разговорах выяснилось, что во время переговоров прогрессивного блока с правительством можно было пойти на большие уступки, чего, к сожалению, блок не сделал, так как переговоры вели Милюков и Ефремов, которые не проявили достаточной гибкости в этом дипломатическом деле... В кандидатуру кн. Львова на пост председателя Совета министров никто серьезно

не верит, и кадеты не склонны на ней особенно настаивать». Далее перечислены очень умеренные пожелания: «На этих шагах правительство и кадеты примирились бы на первое время, и эти акты создали бы возможность совместной работы их с правительством, при условии обязательного ухода Горемыкина, единственным преемником которого из бюрократической среды считается Кривошеин <...>, никакой другой кандидат на этот пост из бюрократов неприемлем». К этому же выводу пришли принадлежащие к различным партиям деятели на «банкетном собрании» земских и городских групп: готовность пойти на уступки из благоразумной боязни улицы, при двух только, всеми признанных как необходимые, условиях — «удалении Горемыкина с заменой его Кривошеиным и удовлетворении, хотя бы смягченных, требований прогрессивного блока»⁵⁴¹.

Подобные «кулуарные разговоры» особенно интересны потому, что они лучше публичных, произнесенных для «галерки», речей отражают истинные настроения большинства умеренной общественности, в особенности кадетской партии; даже в капитальном вопросе о людях, призванных к власти, после первоначальных больших требований кадеты готовы были удовольствоваться меньшим, чем то, что собиралось им уступить группировавшееся вокруг Кривошеина активное большинство Совета министров: в то время как последний прочил в премьеры какого-нибудь представителя общественности, сама общественность — во всяком случае очень влиятельная часть ее — готова была принять его премьерство. Она понимала, со здравым смыслом, не всегда ей свойственным, что «нельзя выставлять требования, на удовлетворение которых власть не пойдет»⁵⁴².

Оставался вопрос программы. По свойственной ему осторожности, связывать себя определенной программой Кривошеин не любил, и это было поставлено ему в вину в момент его отставки. Для него важнее были люди, а не подробно разработанная программа, люди, составившие бы с его участием «правительство общественного доверия». Программой такого правительства была бы неизбежно несколько смягченная программа прогрессивного блока, отнюдь не вызвавшая критического отношения даже со стороны членов кабинета Горемыкина, если не его главы.

Трудно не заметить, что общественность стала предъявлять гораздо более разумные требования, когда соглашение с властью становилось труднее достижимым, чем когда, в августе, власть шла ей навстречу. Если бы царское решение роспуска думы было бы не проявлением упрямства, а твердости, выказанной для ведения переговоров «с позиции силы» (по формуле Кривошеина: сначала роспуск думы, затем правительство общественного доверия), то соглашение могло бы быть достигнуто, притом — на личности Кривошеина. Вероятно, что несмотря на роспуск думы, царь не принял еще окончательного решения относительно направления политики и состава правительства, и благоприятный оборот оставался возможным.

Сами письма императрицы, в напористости их тона, в повторениях и напоминаниях одного и того же, выражают скрытую неуверенность убедить Государя оставить «старика» и уволить неугодных министров; а 9 сентября она с беспокойством дважды отмечает, что, по словам своего супруга, Щербатов на этот раз больше понравился ему. Она боится (10 сентября), что уволен будет «старик», а не министры; а до того (6 сентября) она пишет, что если «старик» для него помеха, так пусть он лучше отпустит его («Он сам говорит все это, но если ты его удержишь, то он исполнит все твои приказания»)..

Наконец решение было принято и, как в большинстве случаев, принято императором самолично, согласно с «велениями своей совести», даже если это решение и совпадало, в главном, с просьбами императрицы. Нельзя забывать, что А.Н. Хвостов предназначался на пост министра внутренних дел еще в 1911 г. и был давнишним кандидатом Государя. Во всяком случае, решение не было принято исключительно под влиянием Распутина⁵⁴³, и не силой распутинской гребенки, посланной Государыней для причесывания царских волос, скорее уж по совету Горемыкина, прибывшего в Ставку до созыва там всего кабинета. В беспрестанно повторяющихся настаиваниях Александры Феодоровны совсем нет той спокойной властности, сознающей свою убедительную силу, которая импонировала бы слабому, колеблющемуся человеку.

В данном случае, как и во многих других случаях, к влиянию Распутина можно в значительной степени приложить уже сказанное о влиянии Мещерского, что Распутин «влиял» на царя лишь до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал царь.

Коллективное письмо министров

«Всемилоостивейший Государь,

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподданнический долг, любовь к Вам и родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера на заседании Совета министров под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы великий князь Николай Николаевич не был устранен от участия в Верховном командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями. На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий правительства. Такое положение, во всякое время недо-

пустимое, в настоящие дни гибельно. Находясь в таких условиях, мы принимаем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и родине.

Вашего Императорского Величества верноподанные Петр Харитонов, Александр Кривошеин, Сергей Сазонов, Петр Барк, кн. Н. Щербатов, Александр Самарин, гр. Павел Игнатъев, кн. Всеволод Шаховской».

⁵¹⁶ Сознание необходимости найти приемлемый компромисс ощущается у него после начального тревожного возбуждения в заключении его разговора с И.И. Тхоржевским, 10 августа (И.И. Тхоржевский. Перед обвалом — «Возрождение», 16 февраля 1935 г.): «Государь решил встать во главе армии? Жутко! При его невезении, в разгар неудач!» — «Что же, избавимся от Янушкевича. Вы же так его поносили при нашем возвращении из Ставки». — «Это совершенно второстепенно... Государь! Не идет ли он навстречу своей гибели?... — Нет, нет, отложить, подумать, смягчить, ослабить удар. Сделать перемену понятной, подготовить к ней Россию и за границу».

⁵¹⁷ «Архив русской революции», т. 18, с. 61–66. С этим заседанием связан эпизод неожиданного появления Родзянки, вызвавшего в переднюю Кривошеина, очевидно как самого влиятельного и самого близкого обществу министра, чтобы выразить ему, в довольно неуравновешенном состоянии духа, свое возмущение по поводу смены командования. Жест Родзянки, в своей бестактности обходя Горемыкина, ставил в неприятное положение Кривошеина перед главой правительства. Кривошеину пришлось указать ему обратиться к Горемыкину, который принял его холодно и довел его до полного нервного возбуждения.

⁵¹⁸ «Архив...», т. 18, с. 69–70. С этой надеждой на благополучное разрешение кризиса на основе компромисса Кривошеина связано письмо ген. Поливанова Государю от 16 авг. о необходимости безотлагательного приближения ген. Алексеева к Верховному Главнокомандующему, как начальника штаба в Ставке («Падение...», т. 7, с. 72–73).

⁵¹⁹ Рескрипт был написан И.И. Тхоржевским. Поздно ночью Кривошеин разыскал его в Английском клубе и повез к себе писать. «Государь хочет, чтобы в рескрипте было бы как можно больше лестного для вел. князя и еще больше лестного и приятного для войск Кавказского округа» (И.И. Тхоржевский, Император Николай II как правитель. Париж, 1937, с. 9).

⁵²⁰ Донесение начальника московского охранного отделения от 14 августа в сборнике Граве.

⁵²¹ Дочь Ник. Ив., Вера Николаевна, была замужем за младшим братом моей матери, Геннадием Геннадиевичем Карповым.

⁵²² Граве, ук. сборник, с. 23–24.

⁵²³ «Записки Милюкова» — «Красный архив», 1932, т. 50, с. 117–160, несколько позже, в последних числах августа и даже после перерыва думской сессии, требования стали более умеренными, как будет указано дальше. Впрочем, на заседании 29 августа Годнев, вообще очень сочувственно относившийся к Кривошеину, высказался против его кандидатуры в премьеры («это то же, что и было»).

⁵²⁴ Крайне правый, антисемит, участвовавший как адвокат-истец в процессе Бейлиса.

⁵²⁵ «Архив...», с. 84–86.

⁵²⁶ Шаховской, ук. соч., с. 126.

⁵²⁷ «Падение...», 1927, т. 7, с. 83.

⁵²⁸ Если затронуть мелкие подробности, то, по словам Барка («Возрождение», № 173), Кривошеин взялся передать письмо Государю через флигель-адъютанта; Шаховской (с. 129) приписывает это Сазонову и это же утверждает последний. Поливанов («Падение...», т. 7, с. 68) ошибается, утверждая, что оно было прочтено Государем в поезде из Петрограда в Царское Село 22 августа в присутствии императрицы, которая не упоминает о нем в своем письме от 22 августа, а только 23-го. По словам Шаховского письмо было написано рукою Барка.

⁵²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276.

⁵³⁰ Этот отъезд был поставлен ему в упрек общественными кругами в момент отставки («в день, когда Совет министров обсуждал доклад Харитонову о беседе с представителями парламентского блока, оказалось, что Кривошеин экстренно выехал в Москву», — писала кадетская «Речь» 27 октября 1915 г.). В Москве мой отец остановился у дяди моей матери, Сергея Тимофеевича Морозова (†1944 г. в Париже), известного мецената кустарного дела и создателя Кустарного музея, председателя правления фирмы «Савва Морозов, сын и Ко», который жил в «Морозовском особняке» (на Кудрино-Садовой).

Кстати сказать, легенда о якобы «радикальном» влиянии Морозовых на моего отца неверна уже потому, что владелец особняка Сергей Тимофеевич Морозов был человеком консервативных убеждений, абсолютно противоположных взглядам своего брата, «революционера», друга Горького, Саввы, трагически погибшего в 1905 г.

⁵³¹ Ук. соч., с. 113.

⁵³² «Архив...», т. 18, с. 119.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ «Архив...», т. 18, с. 123 и след.

⁵³⁵ Донесение московского охранного отделения от 29/8/15, опубликованное у Граве, ук. сборник, с. 29.

⁵³⁶ «Архив...», т. 18, с. 136.

⁵³⁷ У Граве, ук. сборник, с. 40.

⁵³⁸ Там же, с. 29 и 42.

⁵³⁹ В.С. Дякин, ук. соч., с. 123.

⁵⁴⁰ У Граве, ук. сборник, с. 43.

⁵⁴¹ Там же, с. 44.

⁵⁴² Там же, с. 53, 9 сентября 1915 г.

⁵⁴³ Об этом — в труде М.Н. Эндена о Распутине и его роли в истории последнего царствования (Париж, Fayard, 1975).

8. ЦАРСКИЙ РЕПРИМАНД

Историческое заседание кабинета 16 сентября в Ставке под Высочайшим председательством показало крушение кривошеинских надежд. Министров никто не встретил. Им пришлось завтракать в грязном буфете могилевского вокзала⁵⁴⁴, решено было даже, в подтверждение Высочайшего реприманда, не приглашать их к обеду, если бы не возмущение графа Фредерикса. Этот грансенъёр до мозга костей выказал тогда больше светской выдержки, чем император всероссийский, о котором Витте когда-то сказал, что это был самый воспитанный человек, которого он встречал на своем веку.

Открывая заседание, царь произнес речь, в которой он высказал министрам, подписавшим письмо, «крайнее свое неодобрение». Речь его была как будто спокойна, но по выражению лица было видно, насколько ему трудно было сдерживать себя⁵⁴⁵. В доказательство того, насколько по существу вопроса министры ошибались, утверждалось, «что истинная Россия думает иначе. Я получаю со всех концов многочисленные телеграммы с выражением восторга по поводу принятия мною командования». Само несогласие с его решением объяснялось «страшно нервной атмосферой Петрограда». «Я здесь, в тишине и спокойной обстановке, смотрю совсем иначе на вещи, чем они мне казались там...»

Этим признанием он невольно представил самый сильный и неотразимый аргумент тем, кто высказывал свои крайние опасения относительно принятия им командования с пребыванием в Ставке: отныне император всероссийский, изолированный не только от петроградского общественного мнения, но и от своего правительства и от истинной России, не той, что посылала ему верноподданнические телеграммы «восторга», будет в

обманчивой тишине и ложном спокойствии могилевского губернаторского дома ждать своего страдного часа.

Длительное и мучительное молчание наступило после царской речи, пока Горемыкин не предложил Государю предоставить остальным министрам изложить причины их нежелания сотрудничать с ним. Щербатов, не ожидавший этого, высказал несколько общих мест, как если бы он желал дать другим время подготовить их заявления. После него Кривошеин попросил разрешения говорить и высказал то, что у него было на душе. Он подчеркнул полную невозможность пренебрегать общественным мнением в столь критическое время. «Пока общественность не будет принимать участия в ведении войны, пока не будет сотрудничества между правительством и народом, мы не сможем одолеть врага. Председатель не только придерживается противоположной точки зрения, но он даже готов постоянно противиться пожеланиям общественности, систематически ее этим раздражая. В таких условиях, естественно, что он для нас неприемлем». Не менее твердо высказался Самарин, хотя он и не стал развивать свою точку зрения. «Мои предки завещали мне долг служить царю не за страх, а за совесть, и я не могу сочетать сотрудничество Горемыкина с велениями совести».

Щербатов, вполне овладев собой, выступил вновь, в примирительном тоне, чтобы ослабить напряжение. По его мнению, разногласия между людьми, основанные на различии политических убеждений, могут быть сглажены, зато нельзя сгладить разногласия между различными поколениями. Он сам, почтительный сын, глубоко уважает своего отца, но он не смог бы сотрудничать с ним в работе. То же самое происходит в отношениях между министрами и председателем...

Горемыкину было выражено полное царское доверие⁵⁴⁶.

На этом кончилось кривошеинское фактическое премьерство⁵⁴⁷.

⁵⁴⁴ «Падение...», т. 7, с. 70, показание Поливанова.

⁵⁴⁵ Шаховской, ук. соч., с. 130–131.

⁵⁴⁶ «Вчерашнее заседание ясно показало, что некоторые министры не желают работать со старым Горемыкиным, несмотря на мое строгое слово, обращенное к ним; поэтому, по моем возвращении, должны произойти перемены» (письмо Николая II Александре Федоровне от 18 сентября).

⁵⁴⁷ Шаховской (ук. соч., с. 130–131) воспроизводит речь Николая II, но неверно утверждает, что заседание Совета свелось к ней; Гурко, ук. соч., с. 579–581, подробно передает ход Совета, как он изложен здесь, не указывая источника. Сокращенно передается Г. Катковым (ук. соч., с. 152). Игнатъев («Падение...», т. 6, с. 13) говорит о выступлениях Сазонова и Харитонова.

Государь Император Николай II
в мундире лейб-гвардии Конного
полка, с наследником цесаревичем
Алексеем. 1913 г.

9. «СЕРДЦЕ ЦАРЕВО В РУЦЕХ БОЖИИХ»

Невольно хочется понять глубокие причины, может быть, и не без внутренней борьбы, но все же с легким сердцем взятого политического курса, основанного на сознательном и последовательном игнорировании общественного мнения, вызвавшем, в свою очередь, полную изоляцию престола в стране. Общественным пожеланиям были сделаны реальные уступки: смена непопулярных министров, особые совещания по обороне, намечалось соглашение с прогрессивным блоком, открывался путь к правительству, облеченному доверием царя и страны... и вдруг разрыв...

Были, конечно, снова вышедшие наружу старые мотивы — недоверие, довольно заслуженное, к способностям общественности нести бремя правления; было, но в очень малой степени, — меньшей, чем это принято считать, — влияние императрицы, но решающую роль сыграла причина своеобразно мистического характера⁵⁴⁸. Это подтверждает письмо Николая II Александре Федоровне от 3 августа 1915 г.: «Хорошо помню, что, когда стоял против большого образа Спасителя, <...> какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня прийти к определенному решению и немедленно написать о моем решении Ник., и это независимо от того, что мне сказал наш Друг» (т. е. независимо от Распутина). Эта ссылка на внутренний голос выражает убеждение Николая II, что раз «сердце цареве в руцех Божиих», то

всякий раз, когда совесть царя (именно совесть, а не рассудок) подсказывает ему определенное решение, то это решение будет правильным. Перед этим убеждением всякое внешнее влияние, в том числе и Александры Федоровны, отходило на второй план. В своем письме Столыпину в 1906 г., в котором он высказывает свое нежелание утвердить законопроект, расширяющий права евреев, он пишет: «Внутренний голос повторяет мне неустанно, что я не должен брать на себя это решение. До сих пор моя совесть меня никогда не обманывала, а потому и в этом случае я намерен повиноваться ее велению. Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руках Божиих». Да будет так! Я несу за все власти, мною поставленные, перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему ответ»⁵⁴⁹.

Он обладал уверенностью, основанной на теократическом понимании самодержавия (в такой форме несвойственном его предшественникам и, в соединении с цезарепапизмом, несогласным с учением церкви), что помазание на царство давало ему дар непогрешимости в делах правления⁵⁵⁰.

Коллективное письмо министров было написано тотчас после того, как царское доверие к одному из подписавших его, к Кривошеину, было подорвано попыткой последнего навязать царю «крайне опасного Гучкова»; как всякое коллективное противоречие его намерениям, оно было воспринято Государем как насилие над его волей. Кроме того, в письме он усмотрел коренное непонимание непререкаемости авторитета самодержавного монарха (выраженное в недопустимой форме «забастовки министров»), авторитета, основанного в его сознании на уверенности, что он — орудие Божьего Промысла, и это окончательно определило направление его политики. Император Николай II счел, что его сотрудники предпочли одобрение общественного мнения тому, что в его сознании было выполнением указаний свыше, и отказался от политики соглашения с общественностью; в конечном счете, эта политика привела бы к неизбежному столкновению с велениями его совести и к фактическому ограничению его прав, источника его государственной непогрешимости. С тех пор он решил править, как встарь, самолично, сведя роль министров к выполнению своих решений, фактически без согласованной правительственной политики, даже если он временами сознавал ее необходимость⁵⁵¹.

⁵⁴⁸ На мистический характер принятого решения указывают Горемыкин («Архив...», т. 18, с. 54) и Поливанов («Падение...», т. 6, с. 68).

⁵⁴⁹ «Красный архив», т. 5, с. 105.

⁵⁵⁰ Об этом: М.Н. Энден, Граф С.Ю. Витте, журнал «Возрождение», Париж, сент. 1970, с. 76, «Николай II понимал свою роль монарха как божественную миссию, делавшую из него <...> выразителя и исполнителя воли Божией».

На это указывает и Г. Катков (ук. соч., с. 354), но, быть может, с несколько иным оттенком: по его мнению, Государь веровал, что принятые

им в согласии с своей совестью решения восторжествуют в силу некой дарованной ему «магической силы». Вероятнее, что Николай II не претендовал на обеспеченный успех такого рода решений, а только на их согласованность с Промыслом Божиим, пути которого (в данном случае, последствия решения) оставались неисповедимыми.

Эта уверенность проявлялась у него не раз в прошлом. Весной 1903 г. он известил Плеве о своем решении уволить Витте осенью того же года, а затем уволил его раньше, в августе, объяснив Плеве, что принял это решение внезапно, во время молебна, так как Господь положил ему на душу не откладывать решения, отвечающего его убеждению (Гурко, ук. соч., с. 225).

Мысль о назначении Н.А. Маклакова была, по его же словам, внушена ему во время молитвы у раки св. Феодосия Черниговского.

⁵⁵¹ Назначение Штюрмера понималось в этом смысле (письмо А.Ф. от 29 января 1916 г.), но на практике никакой объединяющей власти не давалось ни ему, ни Трепову, ни Голицыну (Барк, «Возрождение», Париж, 1966, № 175, с. 72: «Совет министров как объединенное правительство перестал существовать, министры превратились в простых начальников ведомств, коих Государь вызывал к себе в отдельности для выслушивания их докладов»).

Рисунок Д. Н. Кардовского. А. В. Кривошеин. 1917 г.

ОТСТАВКА

Тотчас после заседания в Ставке Кривошеин понял, что его роль «фактического премьера» кончилась и что его политика, основанная на принципе, что нельзя воевать с внешним врагом в ссоре с общественностью, не смогла быть осуществлена. Она была отвергнута свыше и заменена «политикой пренебрежения», проводимой Горемыкиным, который, зная характер царя, использовал против Кривошеина его же политические взгляды, чтобы «умно подготовить удар» тому, чьего назначения на свой пост он боялся⁵⁵². Сам Кривошеин с горечью сознавал, что вина за неудачу проводимой им примирительной политики лежит на всех. «Наша либеральная пьеса, — говорил он И.И. Тхоржевскому⁵⁵³, — из рук вон плохо игралась и нами, министрами, и еще хуже, думой. Всей русской жизнью! Бестолково, нестройно, зря, несуразно! Но ведь там, в окружении императрицы, непримиримая замкнутость, там жуткая пустота смерти».

Не рассчитывая больше на доверие Государя, он сделал соответствующий вывод: нужно уйти самому. В ближайший же сентябрьский доклад он подал в отставку⁵⁵⁴. Перед тем он посвятил в свое решение свою сестру, Ольгу Васильевну, с которой он всегда советовался в решительные минуты жизни, ценя ее рассудительность и преданность. На ее довод, что не следует бросать успешно начатое дело, он возразил: «Мое дальнейшее пребывание в правительстве бесполезно, а кроме того, я хорошо знаю Государя: он злопамятен и не простит мне моего отношения к смене командования». По словам Тхоржевского, перед отъездом в Царское он волновался, «впервые на моей памяти, не зная, что именно Государь ему скажет. Вернувшись, он коротко бросил: «Я доволен». Ясно было, что уходит, но не сразу можно было добиться от него правды»⁵⁵⁵. Николай II принял отставку с облегчением и «почти ей обрадовался». Это избавляло его от неприятной обязанности увольнять своего долголетнего сотрудника против воли последнего, но, видимо, он не ожидал этого шага и обеспокоился реакцией общественного мнения, а потому взял с Кривошеина честное слово, что тот останется еще один месяц, храня отставку в тайне. Нужно было, чтобы уход Кривошеина не совпал с увольнением Щербатова и Самарина, намеченным на 26 сентября. «Сейчас ваш уход будет демонстрацией против меня». Такая отсрочка могла несколько обесценить уход в глазах общественного мнения, и со стороны Кривошеина согласие на нее было «верноподданической жертвой». Тайна была сохранена, и еще накануне обнародования отставки 26 октября 1915 г. по городу ходили слухи, что «Кривошеин остается». О его предстоящем уходе знали лишь немногие, заинтересованные в его замене подходящим им кандидатом.

Горемыкин выдвигал Хрипунова, бывшего управляющего поземельными банками, Кривошеин же — Г.В. Глинку, руководившего снабжением армии продовольствием; несмотря на любезный царский прием, эта кандидатура не была одобрена. Глинка слишком волновался («не во время вошел, не во время вышел»⁵⁵⁶), а главное Хвостов убедил царя назначить Наумова.

В благодарность за прошлые заслуги и за нежелание превращать отставку в политическую демонстрацию Николай II пожаловал Кривошеину орден Св. Александра Невского и обнародовал полный похвал рескрипт на его имя; отставка объяснялась расстроенным здоровьем уходящего министра. Чтобы ослабить политическое значение отставки, она была приурочена к отставке министра путей сообщения С.В. Рухлова, человека правых убеждений, действительно ушедшего по болезни. И тем не менее, уход Кривошеина произвел сильнейшее впечатление как на союзную дипломатию, так и на общественное мнение, в особенности на думу. Для П.Н. Милюкова уход Кривошеина — логическое продолжение того пути, на который ступило правительство, отвергнув идею соглашения с прогрессивным блоком, которую отстаивал ушедший. По словам В.А. Маклакова, трагедия русских министров состоит в том, что, как только представитель власти начнет пользоваться некоторым доверием в обществе,

сейчас же его положение становится неустойчивым. «Причина ухода для меня ясна: ведь ему доверяла дума». По мнению Е.П. Ковалевского, уход А.В. Кривошеина — очень большая потеря для законодательных учреждений и для общества. Заслуга бывшего министра не в том только, что он первый провозгласил формулу о необходимости дружной совместной работы и для «нас» и для «них», но и проводил эту формулу в жизнь. Другой депутат, А.М. Александров, считал, что Кривошеин никогда не был либералом, но уход его доказывает усиление реакции. «Как человек умный, бывший министр понимал, что победа России возможна только при единении власти с народными представителями. Есть основание предполагать, что именно эти его взгляды и послужили причиной его отставки». Для Ф.И. Родичева уход Кривошеина — новый шаг по пути, возмещенному 3 сентября, в день роспуска думы⁵⁵⁷.

Правая пресса выражала свое удовлетворение, вернее свою бурную радость. «Отлегло», — так озаглавила свою передовицу «Земщина» (27 октября): «Благодарение Богу, Кривошеин сменен <...>, в последнее время он внушал серьезную опасность поддержкой блока. Теперь эта опасность обезврежена. Та сила, на которую опирались все перебежчики, устранилась и сломлена. Что могло бы грозить России, если бы осуществились происки врагов царя, проводивших Кривошеина в премьеры <...> Кривошеину мы обязаны всякими сомнительными назначениями <...>. Необычно вредное влияние Кривошеина сказалось на последних выборах в Государственный совет. Сеть уполномоченных по закупке хлеба и фуража оказывала явное благоволение только тем земствам, которые выделялись своей прогрессивностью. Поэтому все, жаждавшие поставок, спешили перекрашиваться в цвет блока...» Объясняя этим давлением полевение выборщиков, газета надеялась, что это полевение исчезнет, когда исчезнут уполномоченные Кривошеина и когда правительство согласится сосредоточить операции по заготовке продовольствия в руках министра внутренних дел. В этих высказываниях отражаются претензии министра внутренних дел А.Н. Хвостова, одного из лидеров правых, инспирировавшего эти враждебные Кривошеину комментарии. Отношение правой печати к отставке министра земледелия вызвало такой отзыв умеренного провинциального органа «Приднепровский край» (3 ноября): по его мнению, правая печать встретила отставку Кривошеина диким улюлюканьем, подобного которому, пожалуй, не было со времени отставки Витте. И действительно, та же «Земщина» писала: «Как своевременно пал Кривошеин, трудно даже себе представить, до какой степени он был опасен, как мозг и душа необычайно дерзкой политической интриги, направленной против царя и всего русского народа». Правая газета намекала даже на участие бывшего министра в «чудовищном заговоре», о котором ей приходилось молчать «в условиях военного времени и строгой цензуры».

Умеренная печать, органы, близкие к октябристам, националистам и беспартийным, более или менее примыкающим к прогрессивному блоку, писали по поводу ухода Кривошеина с симпатией к нему лично и его дея-

тельности и выражали тревогу за будущее. Не ограничиваясь анализом значения его отставки в данной ситуации, газеты старались осветить значение его личности и его деятельности для всего исторического периода, в течение которого та и другая проявлялись. Некоторые, более левые, видели в его отставке подтверждение предрешенности конечной неудачи его попыток добиться, в условиях изжившего себя бюрократического строя, сотрудничества между «нами» и «ими».

В полном «черного юмора» диалоге «двух превосходительств» «Биржевые Ведомости» (28 октября) подчеркивали иллюзорность таких попыток. «Н-да... Александр Васильевич... его афоризм «Мы и они», конечно, войдет в историю, но это была с его стороны грамматическая ошибка, которая превратилась в ошибку политическую». В грамматике «Мы и они» никогда не сливаются и не могут слиться. «Мы» — это первое лицо, «они» — это третье лицо. «Мы» — это всегда первое лицо и останется им в истории, в политике, а «они» останутся третьим лицом. Для одного из двух сановников, участников диалога, «Александр Васильевич» был вполне «наш». Он был «мы» не только по убеждению, но и по политическому происхождению. «Но он был... не странно ли, что о нем уже приходится говорить в прошедшем времени?... он был умным человеком. Он видел «наше» банкротство, и там, где «они», он искал поддержки «нашего» кредита. Когда Александр Васильевич мечтал об объединении с «ними», то он не о них заботился, его не «они» занимали, а «мы». «Они» нам (т. е. бюрократам), конечно, нужны, что «мы» без «них», но «они» полагают, что «мы» им не нужны, а можем только мешать. <...> Александр Васильевич был последним из «нас», который еще питал эту иллюзию возможности слияния двух фронтов, слияния «мы и они». Александр Димитриевич Самарин был последним из «них», который со своей стороны питал еще иллюзии <...> и знаете <...>, я думаю, что это лучше, что они оба ушли или что их обоих «ушли». Иллюзии в такие серьезные моменты вредны. Этот мост между «Мы и они», в сущности давно знакомое маниловское сооружение...»

Для «Петроградского курьера» (28 октября) проведение столыпинской реформы создало Кривошеину репутацию довольно нелестную в общественном смысле и крайне правые причисляли его к своим. «Последующая деятельность А.В. Кривошеина, однако, далеко не оправдала надежды правых. А.В. Кривошеин остался консерватором, но определенно отгородился от реакции <...> будучи умеренным, но определенным конституционалистом. Он приближался более других наших бюрократов к типу европейского министра и не считал себя оторванным от общества. Если говорить о его политическом кредо, то оно лучше всего выражается в знаменитой киевской речи. <...> В сущности это и было то, к чему стремилась и стремится вся страна и чего не хотят понять наши министры. А.В. Кривошеин не договорил только до конца. Конец этот значительно позже высказала дума, выразив пожелание создания правительства, пользующегося доверием страны. Но в своей деятельности в качестве ми-

нистра земледелия А.В. Кривошеин действительно осуществлял стирание разницы между «мы и они» <...>. Он вступил в полный контакт с земством и в своем ведомстве развил совершенно исключительную для наших масштабов деятельность <...>. Важнейшая заслуга А.В. Кривошеина в этом отношении та, что ведомство стало организующим и руководящим органом, слившим свою деятельность с земством. Ведомство не только не тормозило, но всячески содействовало развитию земской инициативы и самостоятельности и здесь его роль была высоко культурной. <...> Деятельность ведомства была, в сущности, только первым робким шагом к слиянию власти и общества, переходной ступенью от оторванности бюрократии к будущей координации правительства и общества».

Очень благоприятную характеристику ушедшего министра дало «Утро России» (28 октября), орган левого крыла московского купечества, очень далекого по настроению от более консервативных кругов, близких к Кривошеину. Пером П.П. Рябушинского газета имела обыкновение подвергать царское правительство беспощадной критике. «Консерватор в лучшем смысле этого слова, Кривошеин счел невозможным для себя пребывать долее в составе нынешнего правительства. Человек несомненного такта отказался от активной государственной деятельности. <...> В переживаемые нами дни Кривошеин сосредоточил на себе определенные, набравшие чаяния умеренно прогрессивных слоев русского общества. В нем усматривали определенные признаки того конституционного министра-монархиста, которым не удосужилась побаловать нас наша хмурая, себе на уме, действительность. Кривошеин стоял за компромисс по отношению к общественным пожеланиям. Именно за компромисс, не за капитуляцию власти перед обществом. Отставка Кривошеина является красноречивым доказательством того, что ни к каким компромиссам нынешнее, стоящее у власти правительство не склоняется».

Другой московский орган, умеренно-оппозиционное «Русское Слово» (28 октября), напоминал, что «еще не так давно А.В. Кривошеина считали человеком определенно правых убеждений <...>. С течением времени отношения между правыми и Кривошеиным систематически ухудшались. Вместе с тем перемещались симпатии к зеленому ведомству и его руководителю справа налево». По словам газеты, после речи на тему «Мы и они» всякая связь между Кривошеиным и правым крылом думы была порвана. Программное заявление бывшего министра нашло горячий отклик не только в думе но и в стране. Кривошеин стал считаться с тех пор естественным посредником между обществом и правительством. Влияние бывшего министра достигло своего зенита в начале войны, когда Кривошеин принял на себя посредничество между умеренными кругами думы и правительством. Немало усилий приложил Кривошеин, стараясь убедить правительство пойти навстречу обществу и доказывая представителям думы нежелательность резкого конфликта с властью.

Отношение кадетской прессы к отставке Кривошеина отражало двойственное отношение партии народной свободы к личности ушедшего ми-

нистра: частичное признание положительного характера его политической роли и в то же время некоторое злорадство по поводу его конечной неудачи. В отношении кадетов к министру, с абсолютной ясностью сознававшему необходимость не игнорировать общество, всегда сказывалась известная злопамятность: партия не прощала ему успеха его земельной политики, позволившей правительству обойти земельную программу кадетов, Каковы бы ни были либеральные тенденции Кривошеина, его считали виновником неудачи партии в аграрном вопросе и, в лучшем случае, готовы были примириться с его кандидатурой в премьеры, как с единственно возможной в условиях существующего строя, что и случилось в начале сентября 1915 г. И все-таки, по определению «Речи», он был «героem не их романа» и его неудача только наглядно подтверждала убеждение партии о полной неспособности перерождения бюрократического строя.

Для «Речи» (27 октября) причина конечной неудачи Кривошеина кроется в его нерешительности. «В Кривошеине стали видеть кандидата в премьеры. Горемыкин прислушивался к мнению Кривошеина и совещался с ним. Вскоре за ним установилась репутация фактического премьера <...>. Популярность Кривошеина все возрастала и даже в общественных кругах его кандидатура в премьеры стала считаться приемлемой, но слабой стороной Кривошеина оказалась его нерешительность. В самые серьезные моменты он останавливался, не рискуя на решительную ставку <...>, считая, что этот пост ему прочно обеспечен <...>. Время шло, настроение, под влиянием решительных обстоятельств, менялось, а Кривошеин не замечал, что постепенно терял популярность; Горемыкин все реже стал с ним совещаться. Незадолго до роспуска думы Кривошеин заметил падение своего влияния и обстоятельства сложились так, что он вынужден был заявить себя определенно против премьера, ведя кампанию под флагом стремления к недопущению роспуска <...>. Кампанию против роспуска думы он вел энергично и успел добиться облечения этой кампании в довольно серьезную по бюрократическим понятиям форму. Во всей деятельности Кривошеина это была едва ли не самая серьезная ставка, но он сделал ее, когда уже давно ослабело его влияние. Ставка была бита, и он сразу продвинулся к отставке, о которой уже сам подал недавно прошение...»

По мнению влиятельного московского кадетского органа «Русские ведомости» (28 октября), «если бы отставка А.В. Кривошеина произошла несколько месяцев тому назад, то она могла бы считаться крупным событием нашей политической жизни <...>. С его именем связывалась известная политическая комбинация, занимавшая как бы промежуточное место между сохранением строго бюрократического курса и осуществлением общественных пожеланий относительно Министерства, опирающегося на доверие страны.

Теперь, после того как борьба различных течений внутри кабинета кончилась столь определенной победой И.Л. Горемыкина, после отставки кн. Н.Б. Щербатова, А.Д. Самарина и назначения А.Н. Хвостова, вы-

ход из состава правительства А.В. Кривошеина представляется скорее естественным завершением уже произведенной реорганизации Министерства, нежели указанием на какой-либо новый поворот».

История министерской карьеры Кривошеина, по словам газеты, не лишена интереса и, в известной степени, поучительности. «В то время как он вступил впервые в состав правительства Столыпина, на него смотрели, главным образом, как на «излюбленного человека» дворянско-землевладельческих кругов, влиянию которых приписывалось преимущественно его возвышение. Он имел репутацию человека вполне «правого» образа мыслей». Однако министр сумел в одном отношении провести в выгодном для себя смысле разграничительную черту между собой и другими предметами преклонения правых публицистов. Он не только не вносил в ведомственную деятельность никакого боевого задора по отношению к общественности, а, напротив, старался направить ее в духе сотрудничества с земством. Это доставило ему ту репутацию «благожелательного» по отношению к обществу министра, с которой стоит в связи политическая роль, сыгранная им во время войны. Кривошеин «оказался политически более дальновидным, чем большинство его сотоварищей по кабинету. Он понял еще до войны, что предпринятый Столыпиным и продолжаемый по инерции внутренне-политический курс нуждается, по крайней мере, в некоторых смягчениях, иначе ему грозит явное и резкое столкновение с элементарными и очевидными для всех интересами государства. Это сознание необходимости какого-то поворота нашло себе отражение в нашумевшем в свое время заявлении о том, что нужно уничтожить противоположение между понятиями «Мы и они», между правительством и обществом.

Разразившаяся война с ослепительной яркостью выявила пагубность того противоположения, против которого еще до войны собирался бороться А.В. Кривошеин». Он был самым деятельным членом той группы министров, которая стояла за сближение с обществом. Газета напоминает здесь об увольнении реакционных министров в июне 1915 г. «В течение первого года войны неоднократно возникали слухи о назначении А.В. Кривошеина председателем Совета министров, и было время, когда призыв его к высшему руководству правительственной политики был учтен, по крайней мере в некоторых общественных кругах, как определенный шаг правительства навстречу обществу, но тогда его назначение не состоялось, а позднее общество окончательно утратило веру в возможность достигнуть действительного изменения курса путем передвижений в среде высшей бюрократии.

Подводя итог политическому поприщу А.В. Кривошеина, нельзя не отметить резкого несоответствия между тем значением, которое ему приписывалось, и реальными результатами его участия в составе высшего правительства. Судьба А.В. Кривошеина в этом отношении весьма характерна и типична. Это неизбежная и роковая судьба того бюрократического «либерализма», который не имеет определенной программы и, в сущности, не идет дальше неопределенной и расплывчатой «благожелатель-

ности» к общественным силам. А.В. Кривошеин понимал, что противоположение между «Мы и они» нужно если не уничтожить, то смягчить, но он, по-видимому, не уяснил себе, что выполнение этой задачи невозможно без продуманной и определенной программы, согласованной с общественным мнением. А. В. Кривошеин такой программы не имел.

Неудача А.В. Кривошеина показала также, что для осуществления единения между правительством и общественными силами недостаточно одной доброжелательности по отношению к общественным организациям, что для этого нужна та реальная связь с ними, которая дается лишь активной работой на бессловном общественном поприще.

В другом комментарии отставки Кривошеина та же газета пишет: «...к.д. и прогрессисты никогда не одобряли земельной политики А.В. Кривошеина. Они всегда энергично боролись против нее, но они смотрят на его отставку как на победу того направления, которое представляет в Совете министров И.Л. Горемыкин. Особенно удручены этой отставкой октябристы, которым была вполне по душе земельная политика А.В. Кривошеина и которые горячо желали его видеть на посту премьера...»

Интересное и относительно верное описание политической эволюции Кривошеина давала либеральная «Киевская мысль» (28 октября), приписывая его анонимному члену думы, принадлежащему к правому крылу прогрессивного блока. В нем излагается восхождение Кривошеина благодаря его крайне правым симпатиям и связям и его постепенная эволюция влево, его уклон от непримиримой реакции, приведший его к ожесточенной борьбе с Маклаковым и Щегловитовым. «В результате этой борьбы оба министра ушли, и этот момент надо считать моментом наивысшего подъема влияния и могущества Кривошеина. Можно сказать, что в этот момент Кривошеин был фактическим руководителем политики правительства <...>. У Кривошеина стали устраиваться политические совещания, на которых, кроме министров-единомышленников, бывали и депутаты, включая некоторых кадетов». Оптимистическим надеждам Кривошеина о примирении народного представительства с бюрократией не суждено было осуществиться. Автор интервью — или сама газета — дает такую оценку политической фигуры Кривошеина: «После Столыпина, если не считать Витте, который стоял особняком, А.В. Кривошеин является самой крупной фигурой бюрократического мира. Это человек большого ума и большой энергии и инициативы. При таких качествах, у А.В. Кривошеина не было лишь большого духа, необходимого для крупного государственного деятеля. У него не хватало достаточно силы воли для того, чтобы войти в разрыв с тем, что было противным его личным убеждениям, и этим объясняется вся драма его, как государственного деятеля».

Можно отметить что такого рода характеристика политической фигуры Кривошеина не является одинокой.

Добавлю, что отец получил огромное количество писем с выражением сочувствия, в частности от занимавших очень скромные должности сотрудников ведомства в отдаленных провинциях.

Кривошеин не захотел оставаться в такое время без дела в Петрограде и неизбежно стать центром политических интриг. Он не считал возможным оставить государственную службу и работать в частной промышленности, хотя в этой области у него было бы только затруднение в выборе. Он предпочел применить свой опыт в организации помощи раненым и принял сначала должность особоуполномоченного Красного Креста при 7-й армии (в Галиции), а затем уже главноуполномоченного всего Западного фронта⁵⁵⁸. Развивающиеся события он наблюдал с растущим пессимизмом. На все сообщения петроградских новостей Тхоржевский обычно получал лаконический ответ: *Credo, quia absurdum*⁵⁵⁹. У него слагалась уверенность в предстоящем крахе не только царской власти, но и всего существующего уклада. Как-то раз, когда один из его сыновей, при производстве в офицеры гвардии, в числе прочего обмундирования заказал себе и офицерскую серую шинель «мирного времени», он не без раздражения реагировал: «Неужели ты не понимаешь, что никто и никогда в России не будет больше носить этих форм «мирного времени?»

Свое убеждение в неминимой близости революции он не скрывал от некоторых своих ближайших сотрудников по Красному Кресту еще в конце 1915 или начале 1916 г.⁵⁶⁰

В марте 1916 г. Штюмер передавал императрице слух о том, что великий князь Николай Николаевич хотел взять Кривошеина в качестве помощника. Слух был необоснован, но вызвал раздражение и беспокойство Александры Федоровны, выраженное в письме своему супругу от 10 марта: «...он должен представлять интересы Н., когда это нужно, в думе и Государственном совете и было бы невозможно дать такое назначение К<ривошеину>. Это было бы губительно для Кавказа, он умнее, чем кто бы то ни было, и теперь не стесняется в средствах. Он друг Н.Н. и толстого Орлова и Янушкевича, — это было бы ужасно. Так как тебе придется утвердить это назначение, я тебя предостерегаю. Безумие со стороны Н. брать человека, которого ты уволил и который тогда так навредил во всем».

В одно из своих служебных пребываний в Киеве он был приглашен к завтраку императрицей Марией Федоровной. Вдовствующая императрица любила и уважала Кривошеина. Она отличалась исключительной простотой в своем гостеприимстве и, как добрая хозяйка, сама подкладывала блюда своему гостю. Но непринужденный разговор проходил в мрачных тонах. «Невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общественного мнения», — говорила Мария Федоровна, а в конце завтрака, выражая свою тревогу, что Александра Федоровна своим личным действием подготавливает себе трагическую судьбу, она несколько раз повторяла: «*Elle est folle cette femme, elle est folle!*» («Она сумасшедшая, эта женщина, просто сумасшедшая!»)⁵⁶¹.

Почти накануне революции Кривошеин возвращался к попыткам искать соглашения между прогрессивным блоком и представителями «бюрократии», помимо правительства. Так 19 января 1917 г. московское охранное отделение доносило⁵⁶², что Кривошеин, Бобринский и Танеев —

последнее не может не удивить, принимая во внимание, что Танеев был отцом Вырубовой — вели переговоры с блоком, в частности с В.А. Макаковым и гр. Д.А. Олсуфьевым. 22 января 1917 г. «Утро России» опубликовало две страницы, не представленные цензуре, посвященные «министерству национальной обороны». В статье «Перед новой властью» М. Загорский, ставил точки над «i» и формулировал условия сделки: «Пока мы удовлетворились бы кабинетом из общественных деятелей с участием даже Сазонова и Кривошеина»⁵⁶³. Между тем «Утро России» представляло крайне оппозиционную группу московского купечества и его издатель, П.П. Рябушинский, должен был покинуть в ноябре 1916 г. председательство московского биржевого комитета вследствие крайности своей оппозиции.

Несмотря на всю тревогу о будущем, за несколько недель до революции Кривошеин еще не думал, что она вспыхнет как раз в этот именно момент, как, впрочем, и сто процентов политических и даже революционных деятелей тех дней. Зато он был обеспокоен за жизнь Александры Федоровны вследствие пропаганды, которая велась против нее в армии⁵⁶⁴.

⁵⁵² «Падение царского режима», т. 4, с. 200, показания Белецкого.

⁵⁵³ «Перед обвалом» — газета «Возрождение», Париж, 22 февраля 1935 г.

⁵⁵⁴ Николай II вернулся в Царское Село 21 сентября 1915 г.

⁵⁵⁵ Тхоржевский, газета «Возрождение», 22 февраля 1935 г.; подтверждается рассказом О.В. Морозовой.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ «Русское Слово», 28 октября 1915 г.

⁵⁵⁸ За личное руководство эвакуацией раненых под обстрелом Кривошеин был награжден Георгиевской медалью. Эта лишенная политического привкуса деятельность была поставлена ему в упрек в Царском: по показанию Белецкого («Падение...», т. 4, с. 291), Вырубова, несмотря на то, что ее мать, Танеева, была в дружественных отношениях с сестрой Кривошеина, О.В., считала подозрительным значение этой деятельности, видя в этом переход бывшего министра в лагерь противников императрицы. Впрочем, и сама Танеева распространяла подобные слухи, дошедшие до императрицы (письмо Государыни от 10 ноября 1916 г.: «...мадам Танеева громко сказала, что Игнатъев, Кривошеин и т. д. собираются Протопопову сломать шею и сделают все, чтобы иметь успех»).

⁵⁵⁹ Верю, потому что нелепо (*лат.*). «Былое и люди», — газета «Возрождение», Париж, 30 ноября 1932 г.

⁵⁶⁰ С. de Grunwald. Nuits blanches de St. Petersburg, Париж, 1965 г. («Однажды, во время продолжительной поездки на автомобиле он говорил мне о будущем России и о революции, казавшейся ему совсем близкой и неизбежной»).

⁵⁶¹ Барк («Воспоминания» — «Возрождение», июль 1966 г., № 175), передавая частично этот разговор, ошибался, думая, что он происходил в Петрограде. Я дополнил этот рассказ по семейным воспоминаниям.

⁵⁶² Дякин, ук. соч., с. 267.

⁵⁶³ Там же, с. 250 и 293.

⁵⁶⁴ Барк, «Воспоминания» — «Возрождение», февраль 1967, № 182.

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ

(Кривошеин и А.П. Наумов)

В своих воспоминаниях Наумов, говоря о продовольственном вопросе, утверждает, что, приняв в свое заведование Министерство земледелия, он увидел, «что та ужасающая обстановка, которую он встретил в унаследованных от Кривошеина продовольственных делах, превзошла все мои опасливые предположения»⁵⁶⁵.

Такое категорическое и полемическое утверждение несколько удивляет и требует внимательного рассмотрения.

Если разобраться в утверждениях Наумова по существу, то сразу станет ясно, что дело идет о двух противоположных и взаимоисключающих политиках снабжения продовольствием и что Наумов связал свое имя с той, которая основывалась на твердых, заниженных ценах и широком вмешательстве государства в организацию снабжения; для выполнения этой политики он и был проведен на министерский пост министром внутренних дел А.Н. Хвостовым. К Наумову был хорошо расположен знавший его давно Государь, но решающую роль сыграли А.Н. Хвостов и Бе-

лецкий, прошедшие тщательно подготовленную акцию, к которой привлекли и Вырубову, при пассивном отношении к этому самого Наумова. Инициатива принадлежала не ему, он долго колебался, боялся скомпрометировать себя близостью некоторых своих покровителей к Распутину, но в конце концов перспектива назначения на министерский пост ему понравилась, несмотря на то, что к игравшему большую роль в этом назначении Белецкому он относился глубоко отрицательно, даже презрительно⁵⁶⁶.

Кривошеин же был сторонником противоположной политики снабжения: он понимал, что более чем несовершенный русский государственный аппарат, при общей экономической отсталости и низком уровне чувства гражданского долга у населения, не был в состоянии взять на себя все дело снабжения населения, — с этой задачей в периоды кризиса не сумели впоследствии справиться и гораздо более развитые государства. Он считал, что введение пониженных твердых цен приведет в периоде инфляции только к исчезновению таксируемых продуктов. Дальнейшее показало, что он был прав. А потому он воспротивился государственному продовольственному плану, защищаемому назначенным 26 сентября 1915 г. министром внутренних дел А.Н. Хвостовым⁵⁶⁷. Это-то и вызвало ту сложную закулисную интригу, закончившуюся назначением Наумова на его место. Когда Наумов вступил в управление министерством, то Кривошеин в разговоре с ним так определил свою продовольственную политику: а) «Важно не то, по какой цене добываются продукты, а лишь бы в них не ощущалось недостатка» и б) «Все дело сводится к тому, чтобы вместо всяких измышлений найти дельного министра путей сообщения»⁵⁶⁸.

Нужно иметь в виду, что Россия не только не испытывала тогда недостатка в хлебе, но в 1915 г. в одной Европейской России, избыток по сравнению с его потреблением достигал 881,5 млн. пудов, не говоря о крупных запасах в Сибири (около 300 млн. пудов); в 1916 г., перед новым урожаем, хлеба оставалось еще 402 млн. пудов⁵⁶⁹.

Все затруднения, приведшие в феврале 1917 г. к революции в Петрограде, были основаны на дезорганизации транспорта и на последствиях инфляции: понижение покупательной способности денег не поощряло доставки сельским населением хлеба в города. Заниженные же твердые цены могли только остановить его приток или же создать черный рынок.

Вот что пишет П.Л. Барк о положении продовольственного дела накануне ухода А.В. Кривошеина⁵⁷⁰: «Программа продовольственной кампании выполнялась местными агентами Министерства земледелия, начиная с 1 августа, когда заканчивалась уборка урожая. Программа устанавливалась Особым совещанием при министре <...>. Перед кампанией 1915 г., при Кривошеине, была установлена система твердых цен для всех закупок на местах <...> несколько выше рыночных»⁵⁷¹. В результате, агенты организованной частной торговли могли исподволь заготовить запасы по рыночным ценам и агенты Министерства земледелия свободно выполнили намеченную программу, в большинстве случаев по ценам ниже установленных твердых.

Политика Наумова, установившего заниженные твердые цены⁵⁷², и А.Н. Хвостова, а затем преемника Наумова, гр. А.А. Бобринского, дала, однако, совершенно другие результаты. Под влиянием представителей законодательных учреждений, входивших в состав совещания и приписывавших вздорожание цен проискам спекулянтов, а не инфляции, были введены низкие твердые цены на хлеб, совершенно не соответствующие рыночным, в результате чего товар исчез с рынка и план продовольственной кампании не мог быть приведен в исполнение.

⁵⁶⁵ А. Н. Наумов, Воспоминания, т. 2, с. 467.

⁵⁶⁶ Там же, т. 2, с. 188–193, Белецкий был вице-губернатором в Самаре. «Падение царского режима», т. 4, с. 200 и след., показания Белецкого; там же, т. 6, с. 85, показания Хвостова.

⁵⁶⁷ «Падение царского режима», т. VI, с. 84, показания Хвостова.

⁵⁶⁸ А.Н. Наумов, Воспоминания, т. 2, с. 347 и 359.

⁵⁶⁹ Анфисов, Русская деревня в годы первой мировой войны, М., 1962, с. 306 и 309.

Согласно с сельскохозяйственной переписью 1916 г. размер посевной площади был тогда на 20–25 % выше площади, необходимой для удовлетворения потребности населения; в том же 1916 г. сбор четырех важнейших хлебов равнялся 3336 млн. пудов при потребности в 2643 млн. пудов (Записка Родзянко на Высочайшее имя в феврале 1917 г. «Красный архив», т. 3, с. 73).

⁵⁷⁰ П.Л. Барк, Воспоминания — «Возрождение» № 181, 1967.

⁵⁷¹ Нечто подобное — установление твердых цен выше рыночных — было с успехом проведено Х. Шахтом в Германии, во время войны 1939 г.

⁵⁷² Воспоминания, т. II, с. 392, речь в Государственной думе 18 февраля 1916 г. Барк, ук. журнал, № 178, с. 102.

ВЛИЯНИЕ РАСПУТИНА И ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Распространенное представление о решающем влиянии Распутина на царскую политику страдает чрезмерным преувеличением. Все более и более становится очевидным, что направление этой политики в сторону систематического игнорирования общества было взято независимо от Распутина и что созданная самим монархом изоляция престола вызвала у общества это представление. Император Николай II ошибался, но ошибался, следуя больше «велениям своей совести», то есть по его убеждению, указаниям свыше, чем настояниям императрицы и Распутина.

Влияние «нашего Друга» было ничтожным в области политики до осени 1915 г., более чувствительным, но вовсе не решающим в происшедших в сентябре 1915 г. переменах в кабинете. Если для назначения А.Н. Хвостова министром внутренних дел императрице пришлось преодолеть изве-

Г. Распутин
милый
дорогой
простите
застрелюсь
и за беспокойство
тако-вот
воля светлая
все старожилы
я иду
надеюсь усроко
и не дадите труд
приходи
проснувшись

стное сопротивление Государя⁵⁷³, то нельзя забывать, что Хвостов был не раз кандидатом последнего начина с 1911 г. То же самое применимо и к Штюмеру, назначение которого главой кабинета 20 января 1916 г. было поддержано митрополитом Питиримом. Что касается до смены командования, то хотя это и отвечало желанию императрицы и Распутина, решение о нем было принято царем независимо от их влияния, следуя его «внутреннему голосу», что и подтверждает царское письмо от 3 августа Государыне. В дальнейшем распутинское влияние хотя и возрастало, но перечисление случаев, когда оно не приводило к желанному результату или просто игнорировалось, показало бы его неустойчивость. Характерно, что увольнение Штюмера с поста премьера 10 ноября 1916 г. произошло против воли императрицы и Распутина, который только считал Штюмера неподходящим министром иностранных дел из-за его немецкой фамилии (а потому и назначение Штюмера во главе этого ведомства не отвечало желанию старца)⁵⁷⁴. Назначение А.Ф. Трепова главой правительства абсолютно противоречило желанию Александры Федоровны, которой зато удалось добиться оставления А.Д. Протопопова управляющим ведомством внутренних дел. Однако создается впечатление, что с этого момента (14—15 ноября) и до убийства Распутина 16 декабря 1916 г. влияние старца тормозится, так как многие пожелания императрицы игнорируются⁵⁷⁵; напротив, шок, вызванный убийством, это влияние посмертно усилил — «залежавшиеся» просьбы удовлетворяются. Но помимо эмоциональной мотивировки (смягчить огорчение Государыни) потребность искать опору только во все более и более узком и непопулярном кругу «преданных» людей коренилась в уверенности, что царь, а не общество или народ, является выразителем Божественного Провидения, а потому только он один прав. Недаром Николай II ответил 30 декабря 1916 г. Бьюкенену, напомиравшему ему о необходимости заслужить доверие народа, «а не так ли обстоит дело, что моему народу следовало бы заслужить мое доверие». В этих словах — ключ к пониманию царской политики по отношению к обществу, в особенности с осени 1915 г. Отдельные уступки делались, но царская политика в этой области руководилась гораздо больше мистической уверенностью быть выражением Промысла Божьего, чем влиянием Государыни или Распутина.

*

Но если активное участие Распутина в делах правления было далеко от приписываемого ему значения, то старец представлял грозную силу, когда велась борьба с его близостью к царской семье. Николай II воспринимал нападки на Распутина как враждебный акт по отношению к императрице, как желание опорочить доброе имя царской семьи. А потому тактика Кривошеина по отношению к «старцу» была очень проста: не

иметь с ним никаких контактов, не допускать его к себе, но воздерживаться от представлений Николаю II о его вреде, так как они приводили к обратным результатам. Император Николай II, как многие слабохарактерные люди, вероятно ощущая где-то в своем подсознании, что в напаках на старца не все было выдумкой, упорно не хотел признаться в этом и начинал отрицательно относиться к тем, кто старался его переубедить.

Как-то раз, после убийства Столыпина, Кривошеин сказал А.И. Гучкову: «Я Столыпину не раз говорил: Вы сильный и талантливый человек, но предостерегаю вас, не боритесь с Распутиным и его приятелями, на этом вы сломитесь. Он моего совета не послушался и вот результат»⁵⁷⁶.

Кривошеин не имел личных общений с Распутиным. Белецкий в своих показаниях сообщил, что когда он как-то спросил Распутина, знал ли он А.В. Кривошеина, то Григорий ответил, что «виделся с ним», но сейчас же разговор перевел на другую тему. «В мое время, — заявил Белецкий, — в сводке филерских донесений, насколько я теперь припоминаю, об этом посещении не упомянуто»⁵⁷⁷. Между тем, Распутин оставался под наблюдением во все часы дня и ночи.

Распутин настолько не имел обыкновения обращаться к моему отцу с рекомендациями, что когда это случилось в первый и последний раз в 1915 г., то вызвало сенсацию в нашем семейном кругу. Распутин послал отцу двух инженеров с запиской: «Милой дорогой простите за странность и за беспокойство воля светая все страждующи а идуть надеюсь успокоите дадите трудь Григорий Распутин». «Что это? — сухо сказал им отец, — это к делу не относится», чем вызвал у них заметное смущение. Не дав им никакого определенного ответа, он положил дело под сукно, а записку оставил на память.

В переписке Александры Федоровны с царем упоминание о Кривошеине никогда не связывается с именем Распутина, но вся отраженная в ней атмосфера указывает на полное противоположение влияния Кривошеина и влияния, которое императрица стремилась оказать на своего супруга, основываясь на мнении старца. Так, в письмах, написанных после 10 июня 1915 г. (до этого она мало касалась внутренней политики), критикуются главным образом министры, назначенные под влиянием Кривошеина (А.Д. Самарин, кн. Н.Б. Щербатов и ген. Поливанов), и другие министры, согласные с ним, а не с Горемыкиным. «Поливанов, не враг ли нашего Друга — это ведь приносит несчастье» (письмо от 12 июня 1915 г.); Распутин справлялся о возможности назначения Самарина и советовал «не уступать другим». Самарин «против нас, раз он против Друга» (15 июня); когда Григорий услышал о назначении Самарина «он был в полном отчаянии <...> Щербатов, я уверена, будет с ним заодно» (16 июня). После Совета министров 14 июня в Ставке, когда, по предложению Кривошеина, решено было ускорить созыв думы, Александра Федоровна напоминает (17 июня), что «Друг» просил несколько раз созвать ее позже.

Полное отсутствие отношений между Распутиным и Кривошеиным

убедительно показывает, сколь не всеобъемлющим было влияние Распутина. Многолетний глава одного из важных ведомств, «фактический премьер», мог не иметь личных или деловых сношений со старцем, без того чтобы это не отразилось на его служебном положении.

⁵⁷³ Письмо Александры Федоровны Государю от 2 марта 1916 г.

⁵⁷⁴ Письмо Александры Федоровны Государю от 9 ноября 1916 г.

⁵⁷⁵ Например, не увольнять гр. А.А. Бобринского, министра земледелия, заменить А.А. Макарова, министра юстиции, Н.А. Добровольским, генерала Д.С. Шуваева — генералом М.А. Беляевым, прервать думскую сессию до 14 февраля 1917 г., а не до 12 января; к этому можно прибавить постоянные выпады против А.Ф. Трепова. После убийства эти пожелания исполняются.

⁵⁷⁶ «Воспоминания» А.И. Гучкова — «Последние Новости», Париж, 6 сентября 1936 г.

⁵⁷⁷ «Падение царского режима», т. 4, с. 203.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В еврейском вопросе Кривошеин придерживался чисто фактической, не эмоциональной точки зрения и был одинаково далек от предвзятого антисемитизма или филосемитизма. В своем ведомстве, следуя исключительно критериям дельности, он выдвигал и лиц «иудейского вероисповедания», если они оправдывали его доверие. Он понимал, что существовавшие ограничения по отношению к евреям в связи с чертой оседлости приносили больше вреда, чем пользы, во внутренней политике и определенный вред во внешней. Он, как и Витте, был сторонником упразднения этой черты в городах — по мнению Витте, это упразднение было бы равносильно разрешению еврейского вопроса в России. Но и в этой области воззрения Кривошеина следовали определенной эволюции прагматического характера, согласно с тем, как проблемы ставились самой жизнью. Кривошеин был сторонником ограничения права анонимных акционерных обществ приобретать земли в сельских местностях, в частности же, образования посредством таких компаний крупного еврейского землевладения. После 1906 г. акционерные общества, владевшие землей в местностях, закрытых для еврейского землевладения, обязывались иметь в качестве заведующих этими землями только лиц неиудейского вероисповедания, тогда как для членов правления и директоров ограничений не было предвидено. Вопрос об акционерных компаниях был поднят на заседании Совета министров 9 апреля 1913 г. помощником Кривошеина А.А. Риттихом, который обратил внимание Совета на то, что образование акционерных компаний, владеющих тысячами, а иногда десятками тысяч десятин, «создаст в сельских областях новую экономическую силу, влияние которой на существующее землевладение, так и на сельскохозяйственный труд вообще, весьма гадательно, судя же по опыту некоторых западных стран, — прямо вредно»⁵⁷⁸. Кроме того, учреждение некоторых акционерных обществ было направлено, путем обхода запретительных правил, исключительно к возникновению обширных еврейских землевладений. Вопрос был рассмотрен Особым междуведомственным

совещанием под председательством П.Л. Барка, тогда товарища министра торговли и промышленности. Заключение совещания были обсуждены Советом министров на заседаниях 3 января и уже после отставки Коквцова, 27 марта 1914 г. Разработанное Советом положение получило царскую санкцию 18 апреля 1914 г.

Решение Совета министров, принятое против голосов крайне правых членов, Н.А. Маклакова, И.Г. Щегловитова и Л.А. Кассо, и носившее характер компромисса между более или менее стеснительными тенденциями, несомненно отражало взгляды игравшего тогда ведущую роль в кабинете («фактического премьера») Кривошеина. Было признано, что спекулятивная скупка земли акционерными компаниями в расчете на последующую распродажу по мере повышения ее рыночной стоимости способствует стремительному росту земельных цен, что может нанести существенный ущерб интересам земледельческого населения, затруднив проведение земельной реформы. Утверждалось, что крупное акционерное землевладение было скорее вредным для государства, чем полезным. Ввиду этого право акционерных компаний на приобретение земли ограничивалось размером в 200 десятин; на покупку больших площадей требовалось разрешение правительства⁵⁷⁹.

В то же время, чтобы избежать неверных истолкований, подчеркивалось, что по отношению к промышленности правительственная политика основывалась на противоположной точке зрения. Утверждалось, что «дальнейшее расширение отечественной промышленности является одной из насущнейших государственных потребностей» и что цель эта может быть достигнута «лишь путем открытия свободного доступа капитала к нашей промышленности. А так как сколько-нибудь крупные предприятия действуют теперь в виде акционерных компаний, то указанная цель сводится <...> к облегчению притока капитала именно к акционерным предприятиям»⁵⁸⁰. Эта принципиальная точка зрения правительства, вполне отвечавшая отрицательному отношению правительства к «национализации» кредита⁵⁸¹, отразилась и на решении не стеснять участия евреев в акционерных компаниях, владеющих земельной собственностью. Зато ограничивались права евреев по руководству компаниями, приобретающими землю с целью ее эксплуатации — евреи не допускались в состав администрации. Меньшие ограничения касались компаний, приобретающих землю в негородских местностях исключительно для возведения необходимых сооружений.

Кривошеин был сторонником участия крупного капитала в освоении азиатских владений России — в большей мере, чем Столыпин; разумеется, он был сторонником свободного притока капиталов, отечественных и иностранных, в промышленность, зато в земледелии его поддержка шла «крепкому мужику» («кулаку» и зажиточному «средняку»), а также «культурному», индивидуальному помещицкому землевладению, а не анонимному капиталу. Проникновение в деревню часто спекулятивного еврейского капитала затруднило бы успех землеустроительной реформы в об-

ласти покупки крестьянами помещичьих земель и создавало риск, хотя бы в плане социального антагонизма, появления антисемитизма в сельских местностях Великороссии, где это явление было, в сущности, неизвестно. Однако здесь Кривошеин ошибся, считая, что можно одновременно поощрять свободный доступ капиталов в промышленность, независимо от национальности и вероисповедания, и вводить ограничения развития капитализма, в частности еврейского, в земледелии. Денежный рынок един и неудивительно, что ограничения прав акционерных компаний владеть землей вызвали бурю протеста всех финансовых промышленных кругов. В целях успокоения правительство выступило в прессе с официозными разъяснениями. Так, после совещания Барка с руководителями коммерческих банков 29 апреля в «Новом Времени» от 30 апреля сообщалось «из вполне осведомленного источника», под названием «Акционерные компании и евреи», что положение Совета министров «не только не устанавливает новых ограничений в отношении права акционерных обществ на владение недвижимостью, но, напротив того, несколько облегчает приобретение этого права, ставя его в известных пределах вне зависимости от заключений отдельных ведомств». Что касается евреев, то ограничения, запрещающие евреям владеть недвижимостью вне городов, включаются в уставы, начиная с 1892 г. Однако успокоения не наступило, телеграммы 8-го съезда представителей промышленности и торговли (5 мая Горемыкину, в Ливадию, где он был с докладом у Государя)⁵⁸² и других организаций, а также записка Совета съездов представителей промышленности и торговли от 21 июня доказывали, что ограничения отразятся и на привлечении иностранных капиталов в промышленность и являются угрозой резких потрясений для последней⁵⁸³. Председатель совета Русского для Внешней Торговли Банка, бывший министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, критикуя недопущение евреев к руководству обществ, владеющих земельной собственностью коих они были акционерами, утверждал: «Естественно, что тот, кто дает капиталы, хочет иметь возможность контроля над их расходованием»⁵⁸⁴. Кривошеин понял значение протестов промышленных и финансовых кругов и, хотя он сам считал себя не финансистом, сделал соответственный вывод. В середине июля 1914 г. Горемыкин, близко следовавший тогда советам Кривошеина, представил в согласовании с ведомством торговли и промышленности доклад о приостановлении действий правил 18 апреля Николаю II, который утвердил 16 июля это решение. Указывалось на то, что эти правила отразились весьма стеснительным образом на положении акционерного дела и что последовавшее осложнение международных отношений еще обострило это стесненное состояние⁵⁸⁵.

Военные неудачи и политика Ставки поставили еврейский вопрос уже в полном объеме, а не только в плане законодательства об акционерных компаниях. Насильственная эвакуация еврейского населения в нечеловеческих условиях в глубь страны летом 1915 г. послужила поводом для этого. «Евреи, которых вопреки неоднократным указаниям Совета министров

поголовно гонят нагайками из прифронтовой полосы <...> вся эта еврейская масса до крайности озлоблена и приходит в районы нового водворения революционно настроенною». Так резюмирует сведения, полученные Советом министров 30 июля 1915 г., помощник управляющего делами этого учреждения А.Н. Яхонтов⁵⁸⁶. Помимо внутренних осложнений, эта политика вызвала возмущение в союзнических и нейтральных финансовых кругах и серьезные затруднения в области внешнего кредита России. Кривошеин настаивал на заседании 4 августа на разрешении евреям беженцам селиться в городах вне черты оседлости, причем, переходя от частного к общему и желая извлечь пользу из необходимости, он стал защищать решение вопроса в целом. «Неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее, тем лучше <...> не тащиться надо в хвосте событий, а предупреждать их, брать руль в руки»⁵⁸⁷. Для него (заседание 6 августа) допущение евреев в города «полезно не только с политической, но и с экономической точки зрения. Интерес народного хозяйства и особенно нашего захиревшего центра давно уже требует привлечения туда широкой предприимчивости. Перенос с западных окраин еврейских предприятий даст толчок развитию промышленности и обеспечит подъем местной жизни. Нельзя все наше будущее строить на одном только земледелии. На этом мы далеко не уедем, особенно когда наступит время ликвидации экономических и финансовых последствий войны. Евреи встряхнут сонное царство и растревожат излившееся на покровительственной системе русское купечество. Они быстро создадут конкуренцию там, где безраздельно господствуют несколько фирм, заставят переходить от старозаветных приемов хозяйства к более совершенным».

«Будемте спешить. Нельзя вести войну сразу с Германией и с еврейством»⁵⁸⁸.

⁵⁷⁸ Л.Е. Шепелев, Царизм и акционерное учредительство в 1870 — 1910-х годах, сборник «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России», Академия наук СССР, Л., 1972, с. 304, составлено по документам ЦГИАЛ, ф. 1276.

⁵⁷⁹ Там же, с. 310. Кривошеин вернулся из Италии 3 апреля и не участвовал в заседании 27 марта, но его точка зрения была представлена А.А. Риттихом.

⁵⁸⁰ Там же, с. 311.

⁵⁸¹ См. главу «Конфликт с Коковцовым».

⁵⁸² «Новое Время», 6 мая 1914 г.

⁵⁸³ Шепелев, с. 314.

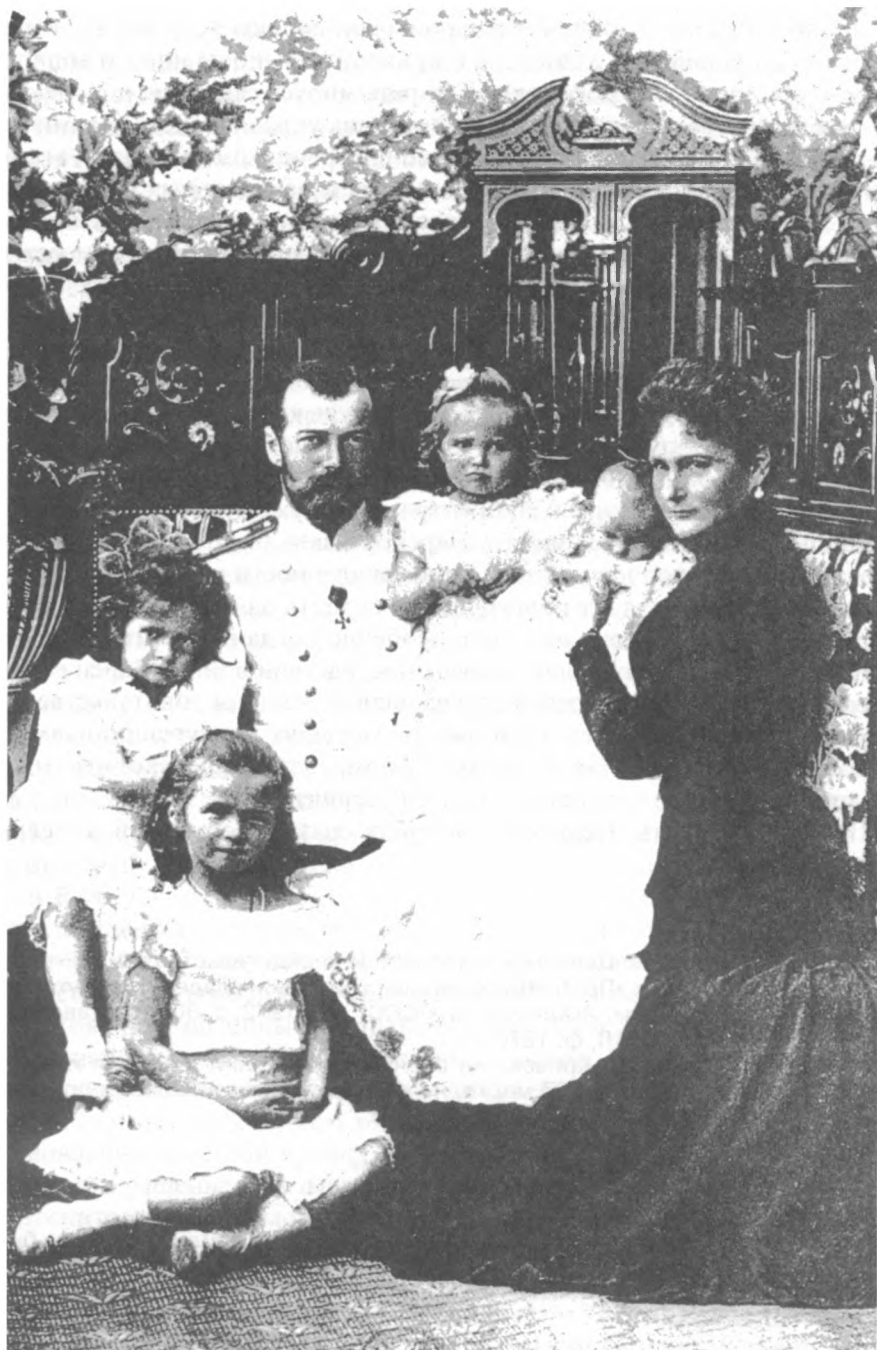
⁵⁸⁴ «Новое Время», 6 мая. Характерно, что Барк, очевидно предвидя бурю, воздержался от участия в голосовании в вопросе ограничений на заседании 27 марта.

⁵⁸⁵ Шепелев, с. 315.

⁵⁸⁶ А.Н. Яхонтов, «Архив русской революции. Берлин, 1926, т. 18, с. 32.

⁵⁸⁷ Там же, с. 45.

⁵⁸⁸ Там же, с. 47. Близкие родственные связи Кривошеина с московским купечеством не помешали ему развивать эту точку зрения.

Семья Государя Императора Николая II.
Государыня Императрица Александра Федоровна
с наследником цесаревичем Алексеем на руках.
Великие княжны Ольга, Татьяна, Анастасия. 1904 г.

КРИВОШЕИН И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

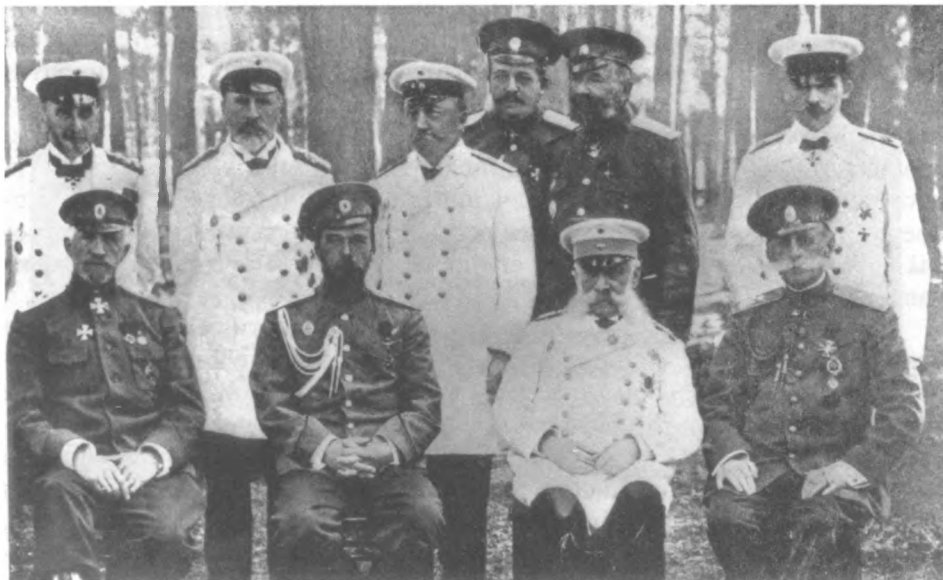
Кривошеин прекрасно понимал слабые стороны характера императора Николая II; по образному выражению И.И. Тхоржевского, «всегда находившийся под обаянием неотразимых женственных чар, ума и тонкости Государя, Кривошеин с отчаянием смотрел на жуткий отблеск несчастья и слабости, витавший в царском венце»⁵⁸⁹. Он видел в них постоянную угрозу для будущего монархии и России. Колебания Государя, невозможность положиться на него в решающую минуту, его подозрительность, в соединении с упорством в принятых решениях личного характера, все это, в глазах Кривошеина, налагало тень непрочности на все начинания власти. Ни обаяние царского шарма, ни престиж монархии, к которому он был крайне чувствителен, не помешали ему не раз приходиться к мрачным выводам о грозящей рано или поздно катастрофе от рокового влияния, которое имели на судьбы России «случайные люди», то есть случайные царские знакомства⁵⁹⁰.

Будучи в контакте с живыми силами страны, увлеченный творческой работой, Кривошеин был оптимистом, но с этим оптимизмом у него где-то уживался глубокий пессимизм, навеянный слабостью царя и отсутствием государственных качеств у общества. Пока у власти был Столыпин, оптимизм брал верх, но вспоминается рассказ о семейном ужине в Крыму, когда губернатор сообщил отцу по телефону о кончине Столыпина. «Ну, теперь все кончено», — сказал отец, не обращая ни к кому в частности, после прошедшего в полном молчании, подавленной, «грозовой» атмосфере ужина. Но и в минуты менее острого сознания возможной катастрофы (абсолютно независимой от его личной судьбы) проявлялось у него часто.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что в области землеустройства Кривошеин получил полную, постоянную и абсолютную поддержку монарха и смерть Столыпина ничем на нее не повлияла. В кратком письме Государю, написанном после своей отставки, Кривошеин говорит о постоянстве полученной им монаршей поддержки, но в этих строках нетрудно найти и скрытый урок: письмо упоминает, как бы мимоходом, что без монаршей поддержки вообще ничего достичь невозможно, намекая на то, что в проводимой им в последнее время общегосударственной, а не только ведомственной политике, такой поддержки он не получал, — откуда его и неудача, и отставка.

Неудивительно, что эта неуверенность в полной поддержке при всех обстоятельствах и нежелание Николая II, после Витте и Столыпина, верить им самим назначенному главе правительства необходимую долю власти, объясняют отказ Кривошеина принять должность премьера, предложенную ему в момент отставки В.Н. Коковцова, в которой он сыграл несомненную роль. А между тем, как раз в это время царское к нему расположение было действительно велико⁵⁹¹.

Царское доверие к Кривошеину основывалось меньше на настоящей близости к нему, чем на уважении к его уму и такту, не коробившему ревнивую чувствительность монарха к собственному авторитету. Царь ценил в нем прежде всего советника, умевшего давать полезные советы, не навязывая их. Доверие началось с общности взглядов, но утвердилось потом на личных качествах его сотрудника, так как взгляды последнего во многом изменились, а доверие еще долго оставалось, пока не наступил критический момент разрыва. Призванный Столыпиным для проведения земельной реформы, Кривошеин был все более и более ценим Государем уже не только как удачный руководитель важной государственной отрасли, но и как советник во всех областях правления. Уступая Витте и Столыпину одаренностью во многом, Кривошеин обладал зато той гибкостью дипломата без подострастия царедворца, вне которой длительное, даже успешное сотрудничество с правителем категории Николая II было бы невозможным. Несмотря на то, что взгляды Кривошеина уже давно перестали быть узко-консервативными и что он и не представлял себе проблему правления иначе, как на основе сотрудничества с общественностью,

Император Николай II в окружении своих министров. 1915 г.

доверие, которое продолжал питать к нему царь, позволяло Кривошеину ясно и определенно высказывать свои взгляды не только на текущие дела управления, но и на сами принципы самодержавной власти. Хотя Николай II и не любил касаться этого вопроса, это не помешало Кривошеину откровенно излагать, как он мыслит эволюцию монархического строя.

Вот что рассказывал нам отец незадолго до революции о своих разговорах с царем: «Мне не раз приходилось высказывать Государю мое мнение об общем положении в России в связи с существованием думы. Я ему говорил: «Я согласен с вами, что для блага России, может, лучше всего была бы твердая самодержавная власть, но для этого нужно, чтобы во главе стоял монарх с характером и силой воли вашего прадеда, императора Николая Павловича. А если этого нет (и Государь это сам сознавал), то единственный путь — это конституционная монархия в духе данных уже манифестов и правление в согласии с думой и общественностью. Другого пути нет!»» Государь это понимал, но не мог на это решиться, как и по слабых характерности, так и привязанности к идее самодержавия, связанной с религиозным пониманием последнего.

Нужно еще отметить, что даже в период наибольшего расположения Государя к Кривошеину (1912—1915 гг.) последний не принадлежал к категории царских сотрудников, положение которых основывалось на том, что они Николаю II что называется «нравились», что для несколько поверхностной натуры монарха было важным критерием для назначения на ответственные должности, — в соединении, правда, с общностью взглядов в политике; таковыми были, например, талантливый рассказчик Н.А. Маклаков и ценимый за его жизнерадостное настроение генерал Сухоминов.

В невозможности для Государя пойти, в тяжелые дни войны, не столько даже на добровольное умаление своей власти, сколько на неигнорирование пожеланий и мнений общественности, коренится расхождение с ним его долголетнего министра, кончившееся отставкой Кривошеина, началом постепенной изоляции царской власти в стране.

Кривошеин тяжело переживал этот разрыв с царем, потому что их связывали годы взаимных добрых отношений, а с его стороны еще и привязанности и преданности. Когда в 1916 г. он был в Минске главноуполномоченным Красного Креста на Западном фронте, куда должен был приехать Государь, то он нарочно уехал оттуда, так как встреча поставила бы их в трудное, даже фальшивое положение. Больше они не встречались.

Вечером 1 марта 1917 г., в вагоне литерного поезда «А» во Пскове, император Николай II, принимая графа Д.А. Шереметева, адъютанта генерала Рузского, прежде чем принять самого генерала, сказал графу: «Кажется нужно позвать Кривошеина?» — одну из тех запоздалых исторических фраз, которыми изобилуют крушения монархий⁵⁹². Вспоминаются слова французского посла Мориса Палеолога о судьбе Кривошеина: «Он был одним из тех государственных деятелей как Неккер, Мартиньяк или Тьер, которых призывают всегда... но слишком поздно».

Императрица Александра Федоровна, прощаясь после отречения и ареста в Александровском дворце с состоявшим при ней графом П.Н. Апраксиным (рекомендованным ей в свое время Кривошеиным), выразилась так: «Не прощаю Кривошеину, это он сделал революцию»⁵⁹³. Однако последующие события показали ей всегдашнюю преданность последнего царской семье. В феврале 1918 г. приехавший из Петрограда Д.Б. Нейдгардт (шурин Столыпина) зашел к Кривошеину в Москве и сообщил ему о тяжелом финансовом положении царской семьи в Tobольске. Кривошеин отправил в Tobольск своего уполномоченного, чтобы выяснить положение. Это был, согласно с дневником Государя, бывший могилевский вице-губернатор Штейн⁵⁹⁴, который связался там с Долгоруковым и Татищевым. Кривошеину удалось собрать 250000 руб., которые вторично съездивший в Tobольск Штейн передал через Долгорукова Государю. В дневнике императора значится под 12 марта 1918 г.: «Из Москвы вторично приезжал Вл. Ник. Штейн, привезший изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Сейчас видел его проходящим по улице»⁵⁹⁵. Штейн, кроме того, установил условное письменное сообщение с заключенными.

Каковы бы ни были трудности в те дни для людей, принадлежавших к верхушке старого режима, к придворным ли кругам, аристократии или высшей бюрократии, для оказания помощи царской семье, но перед историей остается факт, что только один Кривошеин преодолел эти трудности и только он один сумел оказать реальную моральную и материальную помощь заключенным. Я не говорю, разумеется, о тех приближенных, которые, оставаясь с царской семьей до конца, отдали за нее свою жизнь.

В благодарность императрица Александра Федоровна прислала Кривошеину маленькую иконку св. Серафима Саровского с частицей мощей преподобного.

Кроме него, материальную помощь оказало лицо, принадлежавшее к совсем другому кругу, а именно польский банкир Ярошинский, передавший через Выубову 175000 рублей⁵⁹⁶.

В то же время Кривошеин решительно отказывался принимать участие в легкомысленных, а потому опасных для царской семьи попытках насильственного ее освобождения, перечисляемых Мельгуновым (с. 254). Он считал, что в данной обстановке царская семья могла быть спасена только немцами и вел об этом через третьих лиц (Нейдгардт) переговоры с графом Мирбахом 7 или 8 мая 1918 г. Ответ был уклончивым, как это изложил 6 февраля 1921 г. Кривошеин следователю Соколову: «Мы не преследовали (при обращении к немецкому послу) никаких политических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности семье. Гр. Мирбах принимал (монархистов) весьма сухо и сказанное им <...> сводилось приблизительно к следующему: «Все происходящее в России есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии. Повторяется обычная история: горе побежденным... В частности, судьба русского царя зависит только от русского народа. Если

о чем надо думать, это об ограждении безопасности находящихся в России немецких принцесс»⁵⁹⁷.

Установление условной связи между узниками и Кривошеиным привело к обмену телеграммами между ними. В первых числах апреля 1918 г., когда узникам стало ясно, что готовится их вывоз из Тобольска, они отправили в Москву группу, возглавляемой Кривошеиным, телеграмму такого содержания: «Врачи потребовали безотлагательного отъезда на юг, на курорт. Такое требование нас чрезвычайно тревожит. Считаю поездку нежелательной. Просим дать совет. Положение крайне трудное». В ответ была послана телеграмма, гласившая: «Никаких данных, которые могли бы уяснить причины подобного требования, к сожалению, не имеем. Не зная положения больного и обстоятельств, высказаться определенно крайне трудно, но советуем поездку по возможности отложить и уступить лишь в крайнем случае только категорическому предписанию врачей»⁵⁹⁸. По словам Кривошеина Соколову, «смысл полученной из Тобольска первой телеграммы тогда был для нас совершенно неясен, но несомненно тревожен». Вскоре последовала вторая телеграмма из Тобольска:

«Необходимо подчиниться врачам». 13 апреля царская семья была увезена из Тобольска. Посланные из Москвы группой два лица не застали ее уже там.

Любопытно, что в февральском номере 1969 г. московского журнала «Октябрь» появился детективный роман «В полосе отчуждения» (А. Безуглов и Ю. Кларов), описывающий расследование уголовного преступления эпохи нэпа, производимое на основании найденного на жертве этого преступления дневника, охватывающего период с марта 1917 г. по июль 1918 г. В дневнике описываются разные попытки освобождения царской семьи, вдохновителем которых был якобы Кривошеин. Этот апокрифический дневник — крайне неудачное использование данных, приведенных Мельгуновым, совершенно неосведомленными авторами. Все, что относится к Кривошеину в роли «заговорщика», является чистой фантазией, не соотносящейся с хронологией того времени⁵⁹⁹ (кроме того, там упоминается о пребывании Кривошеина в Париже в... 1924 г.).

Как только в Москве стало известно об убийстве царской семьи, по почину Кривошеина была отслужена панихида в церкви на Спиридоновке, на которой, кроме немалого количества людей, представлявших верхушку старого режима, присутствовали и общественные деятели, принадлежавшие до революции к совсем другим кругам.

⁵⁸⁹ И.И. Тхоржевский, «Былое и люди» — газета «Возрождение», Париж, 30 ноября 1932 г.

⁵⁹⁰ Коковцов, ук. соч., т. 2, с. 321.

⁵⁹¹ О словах, сказанных Государем И.И. Тхоржевскому на приеме в Зимнем дворце, см. «Фактическое премьерство».

⁵⁹² Со слов графа.

⁵⁹³ Неизданный дневник графа Апраксина, читанный моему отцу в 1918 г. в Москве.

⁵⁹⁴ С. Мельгунов, «Судьба Императора Николая II после отречения», Ed. «La Renaissance», Paris, p. 255–256; N. Sokoloff, «Enquete judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale», Paris, 1924, p. 136–137.

⁵⁹⁵ Государь имел обыкновение рубить дрова недалеко от ворот. Как было условлено, Штейн прошелся вдоль ворот и Государь ему приветливо улыбнулся.

⁵⁹⁶ Мельгунов, с. 272: во время войны он финансировал лазарет имени Марии и Анастасии Николаевны.

⁵⁹⁷ Мельгунов, с. 318–319; N. Sokoloff, «Enquete judiciaire sur l'assassinat...», p. 139.

⁵⁹⁸ Мельгунов, ук. соч., с. 277–278.

⁵⁹⁹ Оба автора знали о Кривошеине, что он был гофмейстером, а затем, в Крыму, помощником генерала Врангеля. Однако они не были осведомлены о том, что он более семи лет был министром земледелия!

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ

В дни февральской революции мой отец находился в Петрограде. Помнится, как под нашими окнами прошла первая волна восставших волынцев; возмущаясь отсутствием отпора со стороны власти, отец обратился к одному пришедшему к нам члену Государственного совета из правых: «Это вы довели до этого вашим упорством, вашими безумными верноподданническими резолюциями». Днем к нам пришел скрываться министр земледелия А.А. Риттих, долголетний сотрудник отца; на другой день пришли солдаты, ища Риттиха, резонно рассуждая, что он скрывается у своего бывшего начальника, но Риттиха уже не было. Отца определенно не трогали, видимо согласно с полученными инструкциями, несмотря на то, что моя мать резко и горячо «разнесла» солдат за бунт в то время как ее сыновья сражались на фронте. В целом, солдаты держались корректно, только один хватил графин с водой в столовой, думая, что в нем водка. «Квартира у вас что Зимний дворец», — раздраженно выразил он свою досаду.

На другой день к нам пришел скрываться бывший председатель Совета министров А.Ф. Трепов, хотя между ним и отцом никакой близости не было («бог интриги», так прозвал его отец). Он переночевал у нас, а на следующий, третий день, когда в Министерствах стали обосновываться представители новой власти, отец, по просьбе Трепова, сопровождал его в Министерство путей сообщения (Трепов был незадолго до того главой этого ведомства). Там заправлял делами думский депутат Бубликов, — и

Трепов, и отец знали его давно. Бубликов принял их хорошо — Трепов был противником Протопопова — и выдал им своего рода «охранные грамоты», чтобы оградить их от всяческих неприятностей. Такие документы получили и некоторые другие бывшие министры, как, например, Коковцов, нескомпрометированные в глазах общественного мнения. Наумов пишет в своих воспоминаниях, что Кривошеин и Трепов явились в министерство якобы для того, чтобы предложить свои услуги Временному Правительству. Утверждение по меньшей мере нелепое. Если скрывавшийся Трепов вряд ли мог рассчитывать быть использованным новой властью, то прогноз моего отца о будущем этой власти был настолько пессимистичен, что сотрудничество с ней было бы лишено всякого смысла. Известная историческая фраза: «История не знала революции, столь краткой и столь бескровной» вызвала у него комментарий, в свое время охарактеризовавший германское национальное собрание 1848 г. «Hundert funfzig Professoren! Vaterland, du bist verloren». Или, на другой день: «Пусть Временное Правительство докажет свою работоспособность хотя бы так, что наведет порядок у себя, в самом здании думы». Если крымский эпизод его деятельности показал, что он умел учесть революцию, то духовно он ее не принял; на утверждение, что Россия возродится, он отвечал: «Может быть, Россия вновь станет когда-нибудь великой и могучей, но той России, которую я любил и которой я служил, больше не будет никогда». Между тем, престиж царского министра в марте 1917 г. стоял высоко даже в некоторых народных кругах: как-то раз отец встретился на улице с небольшой группой солдат с унтер-офицером. «Вот идет министр Кривошеин и не боится, — сказал унтер, — его прогнали, но он России еще понадобится» — и тут же отдал ему честь навтыжку, чему последовали и солдаты.

Вскоре отец оставил Красный Крест и поселился с семьей в Москве в «Морозовском особняке» (на Кудрино-Садовой), принадлежавшем дяде моей матери, Сергею Тимофеевичу Морозову, брату Саввы, и занял должность одного из директоров мануфактуры «Савва Морозов Сын и К^о». Будучи приглашен Керенским на Московское государственное совещание, отец счел бесполезным участвовать в нем. Виделся с многими общественными деятелями, — помнится, как у нас ужинал Родзянко, быть может, несколько поверхностно охарактеризовавший положение фразой: «Ну что ж! Раньше мы замерзали, а теперь кипим!» В кратковременность большевистского режима Кривошеин не верил и в слегка шутливой форме говорил, что историки далекого будущего будут писать: «В начале XX века человечество вступило в период войн и революций, но он длился всего восемьдесят лет».

Настоящая политическая деятельность Кривошеина возобновилась в конце 1917 г., когда он принял деятельное участие в «Правом центре» (также «Национальном» центре (Тхоржевский, «Возрождение», 14 янв. 1936 г.), общественной организации, объединявшей с умеренными монархистами

более левые течения, вплоть до кадетов (П.И. Новгородцев, Д. Grimm, М.С. Аджемов и др.). Первые собрания центра в Петрограде происходили на квартире И.И. Тхоржевского, по инициативе Кривошеина. Впоследствии этот центр раскололся, так как большая часть входивших в него кадетов разошлась со своим лидером П.Н. Милюковым, находившимся в оккупированной Украине и занявшим определенно германофильскую позицию. Вопрос об ориентации был тогда (весна и лето 1918 г.) центральным, но если «Правый центр», группировка фактически руководимая Кривошеиным, и вел переговоры с германским посольством в Москве, то позиция Кривошеина была далеко не так проста, как это казалось германскому послу гр. Мирбаху, в его донесениях правительству⁶⁰⁰. Мирбах вначале не был сторонником поддержки антисоветской оппозиции и считал, что «буржуазия неправильно понимает характер нашей миссии, рассматривая нас как своих союзников в борьбе против большевиков и намеренно злоупотребляя этим»⁶⁰¹. Вскоре, однако, он пришел к заключению о пользе контактов с умеренными элементами «на случай, если они заменят нынешний режим»⁶⁰²; эта позиция была одобрена ф. Кюльманом, главой Министерства иностранных дел. По мнению Мирбаха, наиболее серьезная попытка зондировки исходила от блока, объединяющего монархистов, помещиков, земцев, кадетов, торговопромышленников, т. е. от Правого центра, ведущим лицом которого был Кривошеин. «По единодушному мнению, он сумел внушить к себе доверие и надежды буржуазных слоев, за исключением крайне правых. В особенности он пользуется авторитетом в банковских и промышленных кругах. Кривошеин (отщепенец, по мнению правых) близко связан с кадетами и даже поддерживает хорошие отношения с отдельными правыми социалистами. Запросив через октябристов, согласна ли германская миссия установить связь с представителями группы, и получив утвердительный ответ, он поручил дальнейшие шаги двум кадетам, Нольде и Леонтьеву...»

Мирбах, не питая доверия к представителям «старинных фамилий», придавал значение Правому центру, руководимому Кривошеиным, петроградскому польскому банкиру Ярошинскому (что было плохо обосновано) и омскому правительству в Сибири. По словам Мирбаха, в своих переговорах с немецким дипломатом Ритцлером представители Кривошеина утверждали, что «Антанта только хочет вовлечь Россию в войну и что восстановление буржуазного строя должно произойти не против Германии»⁶⁰³.

Если донесения Мирбаха подчеркивают руководящее положение Кривошеина в «Правом центре», то его понимание внешнеполитической ориентации моего отца требует уточнения. Сам Кривошеин определял свою ориентацию как русскую, и выбор между двумя другими ориентациями был для него не принципиальным, а политико-прагматическим. Постоянным гостем у него был состоявший при французской миссии корреспондент «Figaro» Ренэ Маршан, тогда националист и поклонник Клемансо, по неясным причинам, вряд ли идейного характера, примкнувший за-

тем к большевизму. В семейных спорах о «хорошей» ориентации семья разделилась на этой почве, отец симпатизировал скорее Антанте; но его основная мысль была, что война грозит укреплением большевизма в России и что только скорый мир, без победителей и побежденных, и поддержка соединенными силами антибольшевистских движений привели бы к его падению.

Отъезд моего отца из Москвы в Киев произошел в атмосфере детективного романа. Фактически советская власть его не беспокоила до конца июля 1918 г., когда ЧК явилась с обыском в контору морозовской мануфактуры, тогда еще не национализованной. Обыск был организован из рук вон плохо, и отец, воспользовавшись тем, что обыскивающие были заняты поисками мифического «морозовского золота» в сейфах конторы, спокойно надел свой плащ, не торопясь поправил галстук, уверенным жестом отстранил часового у дверей и так же спокойно вышел на улицу. Он говорил нам впоследствии, что он решился на этот рискованный шаг, предпочитая в случае неудачи быть убитым «при попытке к бегству», чем длительно сидеть в заключении и ждать неизбежного расстрела.

Если верно, что человеку, занимающему центр той театральной сцены, каковой является жизнь всякой политической фигуры, приходится рано или поздно пережить «миг правды», в котором вся его личность переоценивается по настоящей, а не по лицевой цене, то таким «мигом правды» был для моего отца именно этот момент, в котором он выказал такое присутствие духа.

Ясно сознавая риск ареста, отец еще задолго до того организовал маленькую конспиративную сеть и благодаря этому смог скрыться на квартире одного знакомого врача, а затем в Переделкине, у Самариных. ЧК, спохватившись, тотчас явилась с ордером на арест в морозовский особняк, но безуспешно. В солдатской шинели, с фальшивыми — но не немецкими — бумагами, он выехал на поезде в Смоленск, где остановился у кн. М.К. Тенишевой, известной меценатки кустарного дела, с которой он был давно в дружбе. Оттуда на другой день, через демаркационную линию он попал в оккупированную Украину. Немецкая контрразведка знала, с кем она имела дело: когда отец явился к немецкому офицеру в хуторе Михайловском, тот, встав и отдав честь, приветствовал его «*Excellenz Kriwoschein!*».

Приехав в Киев, отец явился, неожиданно для нее, к вдове Адриана Викторовича Прахова, с которой было связано столько воспоминаний о молодости и о первых шагах его в чуждом ему Петербурге. Его нервы сдали, в изнеможении он опустился в кресло и разрыдался...

Германский министр иностранных дел ф. Гинце, узнав о его пребывании в Киеве, поручил дипломатическому представителю при гетмане, барону Мумму, войти с ним в личные сношения. Он хотел узнать отношение Кривошеина к гетману Скоропадскому и его мнение о шансах восстановления монархии в России⁶⁰⁴. О результатах этого контакта ничего не известно, но отношение Кривошеина к гетману с точки зрения русских инте-

ресов было резко отрицательным («Он — предатель», — сказал он Э.Л. Праховой после разговора с гетманом).

Неожиданно наступившее поражение Германии сняло с очереди спор об ориентациях. Кривошеин попытался войти в тесный контакт с Антантой и объединить антибольшевистские силы. С этим связан безрезультатный эпизод Ясской конференции (ноябрь 1918 г.), председателем которой он был⁶⁰⁵. Настоящая политическая деятельность Кривошеина возобновилась уже в 1919 г. в Екатеринодаре, где была Ставка генерала Деникина.

⁶⁰⁰ «Вопросы истории», 1971, № 9 (впервые опубликованные документы западно-германского министерства иностранных дел в Бонне).

⁶⁰¹ Там же, с. 123, донесение от 29 апреля 1918 г.

⁶⁰² С. 125, донесение от 13 июня 1918 г.

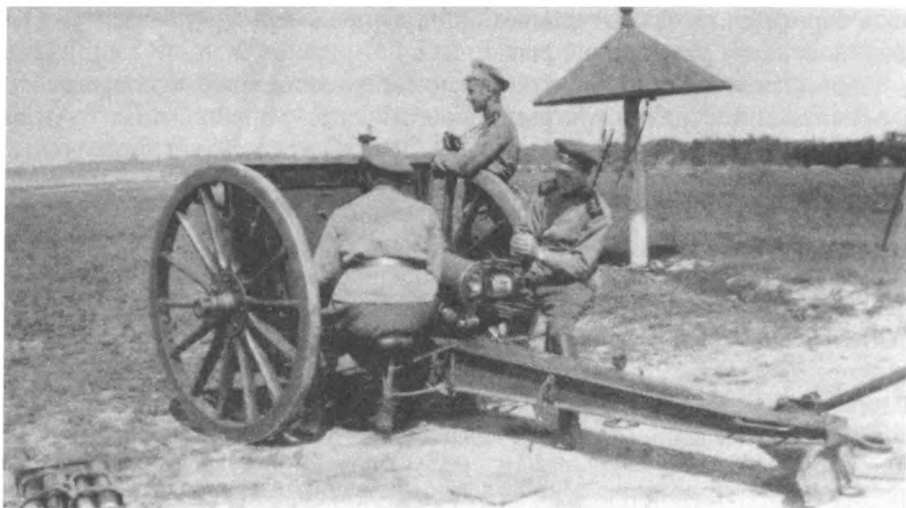
⁶⁰³ С. 126, донесение от 20 июня. Опубликованные документы освещают по-новому позицию Мирбаха по отношению к антисоветским группировкам, вернее подчеркивают ее противоречивость. Становясь благоприятной к этим группировкам, она выражала скорее враждебное равнодушие к судьбе царской семьи (С. Мельгунов, Судьба императора Николая II после отречения, Париж. с. 318–319, показание Кривошеина следователю Соколову в 1921 г.). Во всяком случае, мнение Мельгунова, что немцы считали, что всякое правительство, кроме большевистского, объявит войну Германии, этими документами не подтверждается.

Переговоры с союзниками велись, в частности, Гурко. О выходе кадетской группы из Правого центра в результате резко антантофильской позиции, принятой апрельским съездом кадетов в Москве, у Мельгунова, с. 323–326.

⁶⁰⁴ «Вопросы истории», 1971, № 9, с. 122.

⁶⁰⁵ М.С. Маргулиес, Год интервенции, кн. 1. Берлин, 1923.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

В Екатеринодаре, а затем в Ростове-на-Дону Кривошеин возглавлял политическую группу, называвшуюся «Государственное объединение», в которую входили люди умеренно консервативных взглядов, до бывших октябристов включительно, а также и пришедшие с совсем других горизонтов, как П.Б. Струве. Вопрос о монархии не ставился абсолютно, как не актуальный. Один из членов объединения, Никанор Васильевич Савич, бывший член думы и октябрист, представлял объединение в правительстве Деникина, хотя отношение группы к последнему было скорее оппозиционным. Кривошеин в момент самых блестящих успехов армии смотрел на положение с большим пессимизмом и вполне допускал возможность отката фронта к югу. Он был крайне обеспокоен полным отсутствием организованного тыла, повсеместной анархией и грабежами, царившими во многих воинских частях. Еще в Екатеринодаре он познакомился с генералом П.Н. Врангелем и близко сошелся с ним. Врангель не сочувствовал стратегии Деникина и считал, что в начале весны 1919 г. нужно было идти на соединение с Колчаком, наступавшим тогда от Урала до Волги. «Умный и проницательный А.В. Кривошеин, — писал Врангель в своих воспоминаниях, — ясно отдавал себе отчет в ошибочности стратегии главного командования. Человек политики, он готов был искать в принятом решении причины внутреннего, личного характера...»⁶⁰⁶, то есть нежелание поручить генералу Врангелю главную операцию⁶⁰⁷.

В сентябре 1919 г. генерал Врангель встретился в Ростове с многими общественными деятелями, а также с Кривошеиным. «Разговоры со все-

ми этими лицами, — писал Врангель, — произвели на меня самое тягостное впечатление. Картина развала в тылу стала передо мной во всей полноте <...>. На огромной, занятой войсками территории власть фактически отсутствовала. Неспособный справиться с выпавшим на его долю огромным государственным заданием, не доверяя ближайшим помощникам, генерал Деникин выпустил власть из своих рук. Страна управлялась рядом мелких сатрапов, начиная от губернаторов и кончая любым войсковым начальником и контрразведчиком <...>. А.В. Кривошеин не сочувствовал политике главного командования, ставил в вину Деникину отсутствие определенной реальной программы»⁶⁰⁸.

В последние недели до эвакуации Северного Кавказа генерал Деникин, до того неблагоприятно относившийся к Кривошеину за его оппозицию, внезапно поручил ему вопросы продовольствия тыла (январь 1920 г.). Кривошеину пришлось разрешать их в атмосфере развала, но, по словам П.Б. Струве⁶⁰⁹, он был тогда духовным и волевым цементом остатков деникинского правительства в Новороссийске. После эвакуации этого порта он выехал в Константинополь, где встретился с пребывавшим там генералом Врангелем.

⁶⁰⁶ П.Н. Врангель, Воспоминания, ч. 1, с. 119.

⁶⁰⁷ Ген. Деникин был сторонником общего наступления на Москву на всех фронтах.

⁶⁰⁸ Врангель, ук. соч., ч. 1, с. 215–217; в это время армия наступала на Орел. Помнится, как я приехал в Ростов из Киева в первых числах октября и сообщил моему отцу о только что виденной в отделении Освага на Садовой афише с известием о взятии Добрармией Орла. Отец именно по этому поводу высказал свои сомнения в возможности избежать полного отхода армии к югу.

⁶⁰⁹ П.Б. Струве, А.В. Кривошеин — журнал «Русская мысль», № 10–11, София, 1921.

У столыпинских вагонов.

Правительство Юга России. В центре в белой папaxe генерал Врангель. Второй справа сидит А. В. Кривошеин.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЮГА РОССИИ

Значение этого краткого, мимолетного периода русской истории, краткого даже в жизни его двух главнейших деятелей, Врангеля и Кривошеина, есть значение символа, примера. История, осудив не без основания историческую Россию на смерть, даровала ей последнюю милость: возможность показать в предсмертные часы то, что эта Россия могла бы сделать разумного как в близком, так и в более далеком прошлом, если бы не заложенные в ней самой начала ослепления сверху и разрушения снизу. История, не изменив своего хода, превратила Крым в опытную лабораторию, в показательную станцию разумной государственной политики, отвечавшей как исконным, так и только что возникшим проблемам... Но только лабораторию, которую превратить в историческую действительность не было дано. И не делом случая, а исторической закономерностью было то, что проводить эту политику досталось государственному деятелю исторической России, советам и предупреждениям которого эта Россия не последовала.

Крымский «исторический миг» прошел под знаком сотрудничества Врангеля и Кривошеина. Неудивительно, что оба так хорошо понимали друг друга, так близко сошлись. Кроме объединявшего их патриотизма, их сближал врожденный прагматизм, позволявший им искать правильное и осуществимое решение, даже если оно не отвечало их вкусам и личным идейным предпочтениям.

История врангелевского периода гражданской войны должна быть освещена по-новому на основании архивных документов, опубликованных за последнее десятилетие, и этот период станет более понятным, если принять во внимание, что основой политики генерала Врангеля был отказ от похода на Москву с сохранением южно-русской государственности при помощи союзников. Притом самый благоприятный вариант этой политики проходил через длительный перерыв военных действий на основе *statu quo*, формального или фактического перемирия с советской властью без прямых переговоров, но при посредничестве союзников, с правом участия генерала Врангеля в конференциях, посвященных русскому вопросу. Во всяком случае, с перемирием или без него (перемирием между равными, а не между победителями и побежденными), «отсидеться», «отстояться» в Крыму, пока не произойдет внутренний, экономический или политический кризис советского режима, выражением которого будет голод, анархия и восстания, — тогда, только тогда выступить снова. Иначе говоря, по удачному выражению американского исследователя Ричарда Пайпса (Pipes), опубликовавшего в 1963 г. документы, уточняющие некоторые стороны этой политики, образовать государственную единицу типа теперешней Формозы, пользующейся широкой военной и экономической помощью союзников. В сущности это была политика «двух России», как установившаяся теперь политика «двух Корей», до недавнего времени не имевших взаимных контактов, но и избегавших военных действий⁶¹⁰.

План этот то расширялся, то суживался, применительно к реальному соотношению сил; его суженным вариантом был выигрыш времени для подготовки эвакуации, которая никогда не упускалась из виду. Его расширенный вариант не был химеричным: крах советской власти едва не произошел в связи с голодом 1921 г.; он был предотвращен продовольственной помощью капиталистических стран, введением нэпа (весна-лето 1921 г.) и своевременным концом гражданской и внешней войны. Но этот план был осуществим только при абсолютной помощи со стороны союзников, а таковой не было, даже со стороны Франции. Оставалась хорошо организованная, с честью выполненная эвакуация, что и было сделано.

Когда, в драматической обстановке полного развала армии и тыла, 22 марта — 4 апреля 1920 г. генерал Врангель был назначен генерал Деникиным своим преемником, то за два дня до этого британский верховный комиссар в Константинополе адмирал де Робек обратился к генералу Деникину с ультимативной нотой. В ней указывалось на необходимость прекращения безнадежной борьбы и на готовность британского правительства войти в переговоры с советским правительством об амнистии населению Крыма и участникам Добровольческой армии. В случае несогласия

прекратить борьбу Англия угрожала генералу Деникину прекратить всякую помощь⁶¹¹. Заседание старших начальников армии, избравших генерала Врангеля, прошло под знаком этого ультиматума, и генерал Врангель заявил, что в настоящих условиях рассчитывать на удачу невозможно. Но он добавил: «Англичане решили выйти из игры. Отказ наш от их посредничества даст им возможность отойти в сторону, умыв руки. Никаких переговоров с нашей стороны я, конечно, не допускаю. Мне представляется <...> необходимым прежде всего не дать возможности англичанам выйти из игры. Переложим на них одиум переговоров, всячески затягивая таковые, а тем временем закрепиться, привести армию и тыл в порядок, обеспечить флот углем и маслом на случай эвакуации»⁶¹². На это генерал Врангель и получил мандат от начальников армии («путем сношения с союзниками добиться неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков»⁶¹³). 22 марта генерал Врангель телеграммой британскому верховному комиссару просил предоставить не менее двух месяцев со дня завершения переговоров «для ликвидации военных и гражданских учреждений в связи с передачей Крыма советскому правительству»⁶¹⁴.

25 марта генерал Врангель послал в Константинополь своего помощника генерала Шатилова⁶¹⁵ для переговоров с англичанами, поручив ему разыскать Кривошеина для ведения затем переговоров в Париже. Не найдя его в Константинополе — Кривошеин уехал за несколько дней до того в Белград, где находилась часть его семьи,⁶¹⁶ — Шатилов отправил ему 9 апреля н. ст. через ген. Артамонова, русского военного агента в Сербии, шифрованную телеграмму следующего содержания: «Генералу Артамонову, Белград. Генерал Шатилов просит вас передать Кривошеину: генерал Деникин сложил с себя полномочия, приказав старшим начальникам избрать заместителя. Одновременно английское правительство предъявило генералу Деникину ультиматум прекратить военные действия, обещая выговорить у большевиков полную амнистию всем причастным делу Добрармии, гарантируя Деникину и его ближайшим сотрудникам убежище в Англии. Совещание старших начальников, ознакомленное с ультиматумом, признало необходимым его принять, так как иначе английское правительство угрожало немедленно прекратить какую бы то ни было помощь и содействие. Генерал Врангель, который единогласно был избран на совещании заместителем генерала Деникина, не счел себя вправе, после того как он переживал с войсками радости победы, отказаться от того, чтобы не испытать с ними и чашу унижения. Вступив в исполнение должности, генерал Врангель командировал меня по делам в Константинополь и приказал просить Вас спешно прибыть в Константинополь, откуда проследовать для свидания с ним и для принятия на себя поручения по ведению переговоров в Париже. Он рассчитывает, что Вы не откажете помочь ему в такое тяжелое время. Шатилов. Константинополь, 9 апреля 1920 г.».

Эта до сих пор неопубликованная телеграмма уже потому интересна, что, будучи шифрованной (оригинал расшифровки находится у меня), она откровенно выражает точку зрения Врангеля на положение. Она должна быть понята в связи со сказанным им 4 апреля на собрании старших

начальников, но также и в контексте письма от 13 апреля только что назначенного управляющим внешними сношениями П. Б. Струве В. А. Маклакову: «Сейчас ставится для нас, как самый важный, вопрос: помогут ли нам союзники и, в частности, Франция, отстояться и удержаться в Крыму, хотя бы с перемирием с большевиками: т. е. помогут ли они конвертировать капитуляцию в перемирие, в выжидательно-оборонительное состояние»...⁶¹⁷ В тогдашнем безнадежном положении Главнокомандующий допускал возможность, конечно, не лично, но через союзников, добиваться от большевиков перемирия («испить чашу унижения»), в худшем случае окончить гражданскую войну эвакуацией Крыма.

По словам кн. В. А. Оболенского, председателя Таврической земской управы, Врангель говорил ему в апреле 1920 г., что вместо войны до победного конца он попытается при посредстве союзников заключить перемирие с большевиками⁶¹⁸.

Нужно признать, что в этот момент не только Франция, но даже Англия, заняли позицию, которая, если бы она не была Англией почти тотчас оставлена, могла благоприятствовать врангелевскому плану: 17 апреля лорд Керзон обратился с ультимативной нотой к Чичерину, грозя, в случае отказа принять британское посредничество, послать флот в Черное море «чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы Юга России»⁶¹⁹. А 23 апреля начальник французской миссии генерал Манжен уведомил Струве, что французское правительство «будет согласовывать свои действия с британским правительством, чтобы поддержать генерала Врангеля, предоставляя ему всю необходимую поддержку, пока он не получит от советов условий перемирия, обеспечивающих его армии приемлемое с ней обращение»⁶²⁰.

Советское правительство известило по радио, что оно готово войти с Англией в переговоры, а 24 апреля Струве телеграфировал Маклакову: «В виду принятия советами британского предложения медиации, необходимо выяснить, где будут происходить переговоры и в какой форме мы должны принять в них участие»⁶²¹.

Но уже 29 апреля британская политика круто повернула в другом направлении. Забывая недавние угрозы, Англия предоставила Крым своей судьбе, решив добиваться соглашения с советской властью и заключения с ними торгового договора.

В Париже, куда Кривошеин прибыл 18 апреля с согласия Врангеля прямо из Белграда, не побывав сперва в Крыму, атмосфера была совсем иная. Глава кабинета А. Мильеран, опиравшийся на умеренно-правый Национальный блок, был настроен антисоветски, а кроме того, проводил политику предохранения возродившейся Польши от большевистской опасности. Раз военные действия между Польшей и советским государством возобновились, то продолжение борьбы на Юге было для него очень важно. Но невозможно отрицать, что если результаты переговоров Кривошеина с французским правительством были успешны, то это прежде всего объясняется его исключительным личным авторитетом в глазах фран-

цузской дипломатии и особенно стечению обстоятельств, которое ему удалось использовать. Фактическим руководителем Министерства иностранных дел, его генеральным секретарем, которому поглощенный внутренней политикой глава кабинета, он же министр иностранных дел, предоставил широкие полномочия, оказался Морис Палеолог, бывший посол в Петербурге, старый друг и большой поклонник Кривошеина. Он оказал ему лучший прием, сразу нашел с ним общий язык и сумел всем престижем Кэ д'Орсэ придать французской политике максимально благоприятное для Врангеля направление. Палеолог был очень близок к военным кругам, обладавшим тогда большим влиянием⁶²². Ему удалось убедить таких людей, как Фош, Вейган и Манжен, стать по стратегическим соображениям, сторонниками поддержки Врангеля. Они оставались таковыми до конца. Авторитет Кривошеина среди довольно узкого, но влиятельного круга французских дипломатов старой школы, его престиж царского министра, разумным предостережением которого не последовал царь, послужил гарантией поддержки безнадежного на первый взгляд дела малоизвестного и непопулярного в русской общественности за границей генерала.

Однако использование влиятельного, но узкого круга людей имело свою оборотную сторону. Когда дело дошло до оказания реальной помощи снаряжением и была затронута область бюджета, то есть компетенция парламента, то выполнение данных заверений столкнулось с непреодолимыми трудностями.

Разумеется, все сказанное выше не может умалить постоянного содействия В.А. Маклакова и П.Б. Струве; последний, по своем приезде в Париж в середине мая 1920 г., оказал решающее влияние на признание Врангеля Францией *de facto*. Помимо прочего, большое значение имело знакомство Струве с Э. Пети, начальником канцелярии Мильерана, женатого на Софье Григорьевне Балаховской.

В позолоченных залах дворца Кэ д'Орсэ Кривошеин встретился с будущим президентом республики П. Думером, обедавшим во время войны у него дома в Петрограде. Встреча была волнующей, — и тот и другой помянули о том, что каждый из них потерял нескольких сыновей на войне, один во внешней, другой в гражданской...

1 мая Маклаков телеграфировал Врангелю, что Франция относится отрицательно к соглашению с большевиками, никакого давления для сдачи Крыма не окажет, сочувствует мысли удержаться в Крыму и Таврии; сочувствует продвижению поляков, не допуская мысли о скрытой аннексии ими Приднестровья⁶²³.

Кривошеин обратился, по предложению Палеолога, к нему 7 мая с письмом⁶²⁴, в котором он предлагал установить общие линии будущих взаимоотношений между Францией и правительством Юга России. Он просил заверения о благожелательном отношении Франции к продолжению борьбы против большевиков совместно с поляками и другими силами, как и о том, что правительственные круги Франции признают все значение сохранения хотя бы незначительной по размеру области, на кото-

рой сохранился бы нормальный правопорядок, где русские национальные силы нашли бы убежище, имея возможность рассчитывать на помощь Франции военным снаряжением, а в случае невозможности продолжения борьбы, на помощь Франции в эвакуации Крыма.

Французское Министерство иностранных дел ответило Кривошеину 8 мая официальным письмом за подписью Палеолога: «Мой дорогой министр, я не преминул представить ваше письмо от 7 мая вниманию г. Председателя Совета министров, министра иностранных дел. Мне приятно дать вам заверение, в том, что французское правительство признает значение области, ставшей последним убежищем русских патриотов, конечным прибежищем русского правопорядка и русской совести. Пока генерал Врангель не получит необходимых гарантий безопасности для его войска, мы приложим наши старания для того, чтобы оказать ему помощь продовольствием и снаряжением, чтобы позволить ему защищаться против нападений большевистских сил, и наш черноморский флот будет продолжать противиться всякой высадке на крымском побережье. Наконец, если сопротивление не сможет продолжаться, мы примем участие, в пределах максимальных возможностей, в эвакуации полуострова»⁶²⁵.

Поездка Кривошеина вовсе не входила в его личные планы. Он думал окончательно обосноваться в Париже, где один некогда крупный московский банк, располагавший некоторыми капиталами за границей, предложил ему должность председателя совета. Мой отец проживал с моей матерью и мной в комфортабельной, хотя и недорогой гостинице в лучшей части квартала Этуаль. Стоял чудесный парижский май... Отец считал, что успешное проведение переговоров с Францией должно было быть завершением его долгого государственного служения и что, отдав всех четырех взрослых сыновей Добровольческой армии и потеряв из них двух, он был вправе зажечь наконец личной жизнью и отдохнуть. Его здоровье к тому же начало расшатываться первыми проявлениями сразившего его год спустя недуга. Однако судьба решила иначе.

«Я ясно понимал, — писал генерал Врангель, — что в настоящих, исключительно тяжелых условиях, с огромной предстоящей в Крыму работой может справиться лишь государственный деятель, обладающий исключительными данными. Единственным лицом, которому это могло быть под силу, был, по моему убеждению, А.В. Кривошеин. Я знал его лично давно, его государственная деятельность была известна всей России. Человек выдающегося ума, исключительной работоспособности, он изучил за свою продолжительную службу самые разнообразные отрасли государственного управления <...>. Достижением высоких служебных положений он был обязан самому себе, своим личным качествам, причем, имея исключительное значение в высших правительственных кругах, он в равной мере пользовался исключительным авторитетом и в кругах общественных. Выдающийся администратор, он всегда удачно подбирал своих сотрудников <...>. Человек исключительной эрудиции, культурности и широко-го кругозора, он умел быть терпимым, обладая редкой способностью стать

Премьер-министр А. В. Кривошеин, генерал Врангель, генерал Шатилов. Крым. 1920 г.

на точку зрения другого, убедить своего собеседника, с исключительным тактом избегая всего того, что могло бы последнего задеть. Принадлежа всей своей предыдущей службой к государственным деятелям старой школы, он, конечно, не мог быть в числе тех, кто готов принять революцию, но он ясно понимал необходимость ее учесть. Он умел примениться к новым условиям работы, требующим необыкновенного импульса и не терпящим шаблона. Я понимал, какую огромную жертву принес бы Александр Васильевич, если бы согласился разделить со мной тяжелый крест, но, зная его, не терял надежды, что он согласится, что горячий патриот и человек долга, он принесет эту жертву во имя родины»⁶²⁶.

9–22 апреля Н.М. Котляревский выехал в Париж с письмом генерала Врангеля к Кривошеину, прося его поехать в Крым. Кривошеин не смог отказаться, но пытался убедить и себя, и других, что едет на короткий срок, сознавая в душе, что останется до конца. Перед отъездом он виделся с М.Н. Гирсом, А.И. Гучковым, бар. Б.Э. Нольде, П.Н. Милюковым, кн. Г.Е. Львовым и др. За исключением Гучкова, все горячо отговаривали его ехать, связывать себя с безнадежным делом в Крыму. Милюков занял в этом деле довольно странную позицию. С одной стороны, группа партии народной свободы, собравшаяся 20 мая в Париже под его председательством, призывала к поддержке Врангеля при условии осуществления земельной реформы, развития местного самоуправления и соглашения с местными образованиями⁶²⁷; позже, в момент признания Врангеля Францией, в своей статье «Ленин или Врангель?», появившейся 20 августа в бурцевском парижском «Общем Деле», Милюков горячо благодарил Францию за этот жест. Между тем он всячески отговаривал Кривошеина принять назначение в Крыму: «Вы единственный государственный деятель, авторитет которого признается всеми без различия партиями, ваша работа необходима для будущей России; связав себя с безнадежным делом ген. Врангеля, граничащим с авантюрой, вы навеки будете потеряны для России». По-видимому, Милюков хотел создать тогда в Париже представительство национальной России из делегатов партий и эмигрантских организаций, независимое от Белого движения, а потому согласие Кривошеина стать помощником Врангеля было ему невыгодно⁶²⁸. Что касается до крайне правых, тогда еще не организованных в определенную группу; то они поставили вскоре Кривошеину в упрек то, что он держался Франции, а не сделал жеста в сторону Германии, хотя та и была тогда крайне ослаблена⁶²⁹. 20 мая — 2 июня Кривошеин прибыл в Севастополь на английском крейсере «Кардифф». Вот что пишет об этом Врангель: «Я не ошибся в нем. Он оставил семью, прочно материально-обеспеченную службу, удобную и спокойную жизнь в Париже и, не колеблясь, прибыл туда, куда звал его долг. Правда, он заявил, что не предполагает окончательно оставаться в Крыму, что хочет осмотреться, разобраться в положении и готов помочь мне советом, после чего вернется к семье. Однако, зная его, я не сомневался, что работа его захватит и тогда, войдя в нее, он от нее не отойдет»⁶³⁰.

«Ознакомившись с положением, Кривошеин был прежде всего поражен бедностью сил. Никто не решался приобщиться к «крымской авантюре»⁶³¹. Очень скоро (23 мая ст. ст.) Врангель просил его принять должность помощника, и Кривошеин согласился принять на себя исполнение должности председателя совета на время предстоящего отъезда Врангеля на фронт, но вскоре настолько вошел в дело, что не мог уже решиться от него уйти. 6 июня ст. ст. состоялось назначение его помощником Главнокомандующего по гражданской части, то есть главою правительства, в котором уже участвовали П.Б. Струве (внешние сношения) и М.В. Бернацкий (финансы); вошли также в правительство С.Д. Тверской (начальник гражданского управления), П.Н. Таганцев, назначенный сенатором Временным Правительством (юстиция)⁶³², Н.В. Савич, член Государственной Думы, октябрист (государственный контроль), крымский земский деятель В.С. Налбандов (торговля и промышленность), Г.В. Глинка (землеустройство). Должность военного агента в Париже была по совету Кривошеина поручена ген. Миллеру; также по его совету из Парижа в Севастополь был вызван адмирал Кедров, сыгравший видную роль в организации эвакуации. Кривошеин обратился к целому ряду лиц, призывая их к работе, но под тем или иным предлогом почти все воздержались. Так, проживавший в Лондоне в качестве директора одного русского банка, его давнишний сотрудник А.А. Риттих телеграфировал, что «потерял веру в свои силы». «А.В. Кривошеин горько жаловался мне, — пишет генерал Врангель, — на трудность работы в таких условиях».

«За исключением Савича и Струве мне даже посоветоваться не с кем. Помощников совсем нет. Приходится всю мелкую работу делать самому». Он действительно работал по двенадцати часов в сутки, однако духом не падал»⁶³³.

В таких именно условиях Кривошеин возглавлял правительство, в котором бывший марксист Струве и кадет Бернацкий сотрудничали с царским министром. По иронии судьбы, «постоянный кандидат» на премьерство Российской империи, отказавшись от него в дни ее могущества, принял эту должность, когда она свелась к управлению одной губернией. И также по иронии судьбы, безуспешно проводимый им на его должность в момент его отставки в 1915 г. Глинка занял эту должность уже в крымском правительстве.

Кривошеин не предавался иллюзиям, но считал, что борьба должна продолжаться ради чести Белого движения и для подготовки эвакуации армии и населения, если продолжать ее больше не будет возможно. Но он допускал, что счастье может перемениться, если удастся «отсидеться», получая поддержку союзников и используя меняющиеся перипетии польско-советской войны. «Все зависит от наших дальнейших успехов, удастся нам захватить каменноугольный район или нефтеносные кавказские земли, будет и поддержка иностранцев, будут и деньги, тогда все пойдут к нам»⁶³⁴.

Один зарубежный писатель⁶³⁵, принадлежавший к «левой обществен-

ности», говоря о наиболее пронизательных деятелях прошлого царской России, не без меткости утверждал, что все они сознавали в глубине души, что рано или поздно «все пойдет к черту», но считали, что нужно работать так, как если бы это было навсегда. Я имею основание утверждать, что и в плодотворные годы проведения столыпинской реформы мой отец нередко ощущал всю внутреннюю непрочность только по видимости мощного здания царской России; тем более ему должно было быть свойственно это чувство в этой, почти безнадежной фазе гражданской войны.

Проведение земельной реформы было самой интересной попыткой если не решить, так решать земельный вопрос после революции, учитывая интересы как помещиков, так и крестьянства, но прежде всего крестьянства. Все основные принципы реформы принадлежат генералу Врангелю лично, но разработали ее старые сотрудники Кривошеина Г.В. Глинка и П.П. Зубовский. В главном она соединяет принципы столыпинской реформы с принципом передачи крестьянству большей части помещичьей земли. Однако, в отличие от кутлеровского проекта 1906 г., она не была основана на наделении «маломочного», беднейшего крестьянства прирезками земли, не смогущими изменить его положения, а на наделении крепких домохозяев, без какого-нибудь обещания превратить в собственников весь деревенский пролетариат. Глинка принял в свое время участие в разработке кутлеровского проекта, и между этим проектом и крымским можно найти некоторый параллелизм в подробностях (сохранение «культурных» имений, отчуждение всей арендуемой земли и частичное отчуждение остальной, возможность выбора между выкупом и продажей подлежащей отчуждению земли), но целенаправленность крымского проекта («ставка на сильных», а не на «слабейших», «маломочных», как у Кутлера), да и сам основной принцип его были иными: по проекту Кутлера наделение прирезками не распространялось ни на «кулаков», ни на «средняков», т. е. не на всю крестьянскую массу, а только на «беднячки» элементы, и в этом заключалась его несостоятельность, так как невозможно предположить, что остальная крестьянская масса не затребовала бы свою часть. Крымский проект был основан на наделении именно «крепких хозяев», хотя в силу одного из его основных принципов, — обещания не отнимать у крестьян уже захваченные земли — беднейшая часть не осталась бы вне наделения. Добавим еще, что кутлеровский проект сохранял неприкосновенным общинный строй, тогда как крымский его упразднил.

Во времена бессистемного управления Юга генералом Деникиным Кривошеин не сочувствовал импровизированным предложениям отдельных начальников областей (например, ген. Шиллинга в Одессе) спешно закрепить за крестьянами все захваченные ими земли, как только начался откат фронта к морю, — все равно, демагогические посулы реально не существующей власти не были бы приняты всерьез. Но найдя твердое руководство государственной политикой в Крыму, он принял одобренный накануне его приезда закон без колебания, по собственному выражению в семейном кругу «почистил ему зубы» и составил правительственное сооб-

щение, излагавшее положенные в основу закона принципы. Возглавляя власть, он руководил проведением в жизнь реформы.

Реформа была рассмотрена состоявшим при генерале Врангеле советом 18 мая ст. ст., причем только Глинка, автор проекта, и военные высказались за нее — остальные «страшились огромности поставленной задачи»⁶³⁶.

«Прибывший через два дня А.В. Кривошеин понял все психологическое значение принятого мной решения, проявив свойственную ему психологическую чуткость и исключительную гибкость, ума». «Проект этот не совершенен, но раз он может облегчить армии ее успех, раз сама армия ждет слова о земле, то времени терять нельзя, сама жизнь внесет необходимые в дело поправки». Кривошеин настоял только на придаче закону особой формы «Приказа о земле», а посреднические земельные комиссии посоветовал назвать земельными советами. «Пусть слово о земле будет сказано в приказе вождя армии. Приказ, отданный в суровой обстановке военного лагеря, не может быть столь совершенен, как нормально изданный закон»⁶³⁷. Приказ был обнародован 25 мая, одновременно с переходом армии в наступление.

Составленное Кривошеиным правительственное сообщение гласило так: «Выработанный в суровой обстановке военного лагеря, издаваемый при неслышанно трудных хозяйственных условиях, этот приказ, конечно, не может принести с собой общего удовлетворения. Земельный вопрос слишком долго тревожил и терзал русских людей, чтобы какое бы то ни было его разрешение могло в корне примирить нередко противоречивые интересы и до конца успокоить разгоревшиеся страсти. Но откладывать решение этого вопроса далее было невозможно, и 25 мая этот безнадежно запутанный узел был разрублен. Сущность земельной реформы <...> может быть выражена в немногих словах: земля трудящимся на ней хозяевам. Эта руководящая мысль опирается на два основных стремления: охранить всякое землепользование, как оно установилось к настоящему времени, от нарушений, насилий, захватов и передать трудящимся на земле хозяевам пригодные для ведения хозяйства земли, казенные и частновладельческие. Приказ имеет в виду создать в деревне твердый земельный порядок и обеспеченную жизнь, дабы трудящийся на земле хозяин не страдал от посягательств в настоящем и от неопределенности в будущем.

Устанавливая общее положение об отчуждении земель в пользу трудящихся на ней хозяев, приказ прежде всего определяет необходимые изъятия из этого положения, подсказываемые как требованиями справедливости, так и соображениями государственной пользы. За прежними владельцами часть их владений сохраняется, но размер этой части не устанавливается заранее, а составляет в каждой отдельной местности предмет суждений волостных и земельных учреждений, которым всего более знакомы местные хозяйственные условия.

Свободными от отчуждения и подлежащими возврату законным соб-

ственникам признаются все надельные земли, земли, приобретенные с содействием Крестьянского банка, и не превышающие установленных размеров участки, выделенные на хутора и отруба, церковно-приходские наделы, усадебные и высококультурные участки, земли, принадлежащие сельскохозяйственным опытным ученым и учебным учреждениям и училищам.

Все отчуждаемые земли закрепляются за обрабатывающими их в настоящее время хозяевами в размерах, устанавливаемых местными земельными учреждениями, но эти учреждения не могут уменьшать заведенные уже хозяйства ниже нормы Крестьянского банка <...>. Земли передаются в вечную, наследственную собственность каждого хозяина. Земли передаются не даром, но за выплату государству стоимости ее. Это другая важная сторона новых земельных правил, отличающая их от неисполнимых и несправедливых посулов дарового и всеобщего наделения. Такая передача земли обеспечивает переход к настоящим, прочным хозяевам, а не к всякому падкому на даровщину человеку.

Реформа может показаться одним слишком крайней и социалистической, другим черезчур односторонней и недостаточной. Все будут ее критиковать, ибо земельный вопрос может решаться на тысячу ладов, и каждый имеет свое решение, которое кажется ему лучше, чем другие. Но все, кто вникнут в сущность дела, должны будут признать, что далекая от мечтаний социализма реформа эта все же ставит самый важный и большой вопрос русской хозяйственной жизни и не останавливается на полумерах».

Согласно с положениями приказа передаются трудящимся хозяевам земли казенные, крестьянского банка и частновладельческие, превышающие установленные размеры сохраняемых за каждым владельцем земель. Размер участков, сохраняемых за собственниками, намечается для каждой волости местными земельными советами, но утверждается высшей правительственной властью (ст. 2 и 14). Фактическое владение землей в момент занятия местности признается ненарушимым (ст. 1), за исключением возвращения бывшим хозяевам участков, не подлежащих отчуждению. Совхозы и культурные владения передаются правительству и могут передаваться в заведование либо казенным управлениям, либо местному волостному земству, с обязательством сохранения в них ведения правильного хозяйства. Однако и в этих имениях подлежат передаче трудящимся на земле хозяевам в первую очередь арендный фонд, а затем излишки (ст. 7). В имениях, превращенных в коммуны, последние уничтожаются, а их земли следуют общей участи частновладельческих имений, и за выделом из них участков, сохраняемых за собственниками, они поступают в распоряжение волостных земельных советов, которые либо управляют ими без раздела, либо устраивают в них трудящихся на земле хозяев (ст. 6). За хозяевами, имеющими усадьбы, укрепляется усадебная земля. Частновладельческие леса принимаются под наблюдение правительственных учреждений, но местному населению обеспечивается право получать топливо и строительные материалы и принимать участие в разработке леса (ст. 5). Земли, подлежащие передаче трудящимся на земле хозяевам, укрепляют-

ся за ними в полную собственность, при условии выплаты за них государству их стоимости. Выкуп отчужденных земель производится сдачей государству в 25 лет пятикратного среднего за 10 лет урожая с казенной десятины. Бывшие собственники получают свидетельства на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев и двух урожаев в виде процентов. Допускается возможность перехода отчуждаемых участков путем покупки от прежних владельцев по добровольным сделкам (ст. 4, 8, 11 и 14).

(Необходимо отметить, что постоянно возвращающееся определение: «трудящиеся на земле хозяева» — ключ к пониманию сущности реформы: земля трудящимся на ней единоличным собственникам, настоящим и становящимся таковыми.)

Выбор хозяев, за коими укрепляется земля, а также определение высшего размера укрепляемых участков, как и сохраняемых помещиками владений, предоставляется всецело местным земельным советам, составленным из местных крестьян-хозяев, «но именно этому хозяйственному элементу крестьянства дается широкое участие в решении местного земельного вопроса <...> и этот местный характер всего землеустройства резкой чертой проводится в приказе, со всеми выгодами его практического осуществления и со всеми его недостатками по сравнению с широкими планами неосуществимого передела земель всего государства между всеми...»⁶³⁸

К этому можно добавить, что весь принцип решения земельной проблемы согласно с местными условиями восходит как к проекту Кутлера (одним из авторов которого был Глинка), предвидевшему установление для каждой местности минимального размера владений, не подлежащего отчуждению, так и к записке Кривошеина от конца января 1906 г., приведшей к образованию местных землеустроительных комиссий ([землеустроительное] «дело должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегиальные учреждения...»).

Несмотря на близость фронта, реформа имела определенный успех у крестьян Северной Таврии, где данные для ее осуществления были благоприятны: там имелся значительный земельный фонд, подлежащий отчуждению, в виде крупных владений, частично сдаваемых в аренду. Кроме того, собственническое чувство было сильно развито среди крестьян: 76 % общинников обратилось с требованием укрепить свои наделы в единоличную собственность со времени указа 9 ноября 1906 г. — рекордный процент для всей России (12 % в Черниговской и 14 % в Новгородской), а из хозяйств, сведенных к одному месту, 93 % выделились на хутора — процент небывалый⁶³⁹. В Центральной России, где земельный фонд был ограничен, реформа встретила бы большие затруднения. К 1 ноября 1920 г. земельная реформа применялась в 90 волостях из 107⁶⁴⁰, насчитывалось 68 земельных волостных советов, почти всюду были закончены обследования земельного фонда и выработаны местные нормы землевладения — предельные размеры участков, укрепляемых за хозяевами, и предложения о размере участков, оставляемых за прежними владельцами. Предельные размеры для крестьянских хозяйств колебались от 30 до 70 и 100 десятин,

кое-где даже до 150 десятин, а в местностях с интенсивной садовой культурой — только до 10 десятин. Предположения о размере участков, оставляемых за владельцами (подлежащие утверждению правительства), достигали 100-150 десятин, а для культурных владений, до 400–500 дес., но иногда предлагалось применять крестьянскую норму⁶⁴¹. Было приступлено к разверстке нескольких крупных имений: в одном из них 22 хозяина получили прирезок в 23 десятины на хозяина. Было также разделено имение вел. князя Николая Михайловича «Рогачевское», имение гр. Апраксиной 9000 десятин и некоторые имения Фальц-Фейна⁶⁴²; что касается до знаменитого имения «Аскания Нова», то это культурное хозяйство, наполовину разоренное трудовой коммуной, было передано Таврическому университету.

Интересен отзыв о реформе кн. В.А. Оболенского, председателя Симферопольской земской управы, принадлежавшего к умеренно-левой общественности милюковского типа и пребывавшего в оппозиции к крымскому правительству до конца. Оболенский убежден, что если бы земельный закон был издан Деникиным 25 мая 1918 г., то результаты гражданской войны были бы иными. «Можно отнестись с большой критикой к тем или иным его недостаткам, можно считать его недостаточным или слишком радикальным, но нельзя отрицать, что он являет собой решительный поворот в земельной политике южно-русской власти, которая стала искать опоры в крестьянстве, преимущественно в среднем и зажиточном его слое. Приблизительно в одно и то же время и Врангель и Ленин поставили ставку на середняка»⁶⁴³. Оболенский подтверждает то, что пишет в своих воспоминаниях Врангель о быстром начале работ по применению реформы на местах, и признает, что по всем сведениям, которые до него доходили (а по его положению в земстве эти сведения не могли не исходить из серьезных источников), реформа была встречена крестьянами сочувственно, в особенности арендаторами, получавшими в собственность обрабатываемую землю. Крестьяне, по его словам, были несколько обеспокоены слишком высокими выкупными платежами (при трехпольной системе одна пятая урожая превращалась в три десятых с десятины посева), в момент когда рыночная цена на землю была очень низкой, но крестьяне надеялись, что, получив землю на законном основании, они ее уже не лишатся, а выкупные платежи ведь могут быть рассрочены (что предусматривал закон), а то и совсем отменены каким-нибудь «манифестом». Высокую расценку помещичьих земель Оболенский объясняет тем, что правительство Врангеля было порождением правых кругов.

Благоприятный отзыв левого земца о земельном приказе должен быть принят во внимание в свете его отношения к Врангелю и Кривошеину, основанного на принципиальной и фактической, хотя и объективной оппозиции. Для него Врангель и Кривошеин обладали запасом здорового оппортунизма, столь необходимого в их положении, обладали и большим жизненным чутьем, но по основным чертам психологии первый все-таки оставался ротмистром кавалергардов Е.В. полка (в действительности лейб-

гвардии Конного полка), а второй — тайным советником (статс-секретарем Е.В.) и министром большой самодержавной России. Из двух видных представителей местной земской общественности, с мнением которых Струве рекомендовал Кривошеину считаться, последний отдал предпочтение правому В.С. Налбандову, а не Оболенскому, хотя и принимал его и выслушивал всегда внимательно (услышав от Кривошеина о совете Струве, Оболенский сказал: «Видите, Александр Васильевич, я боюсь, что мои советы будут диаметрально противоположны советам Налбандова»). «Тем лучше, — заметил Кривошеин с легкой улыбкой на холодном, красивом лице, — от столкновения противоположных мнений рождается истина»⁶⁴⁴.

Оболенский ставил в упрек Кривошеину то, что пропаганда и почти все газеты были в правых руках, но признавал, что «А.В. Кривошеин, во всяком случае, среди волн разыгравшейся реакции (он приводит случай антисемитских проповедей о Востокова, приостановленных правительством) играл умеряющую роль, сдерживал, как умел, но шел на компромисс направо, поскольку это ему представлялось необходимым».

Здесь уместно привести данную Оболенским характеристику Кривошеина: «Мне много приходилось слышать отрицательных отзывов о личности А.В. Кривошеина, однако я должен сказать, что, хотя я не был солидарен с той политикой, которую он вел в Крыму, у меня все-таки от довольно длительного знакомства с ним осталось впечатление как о человеке искренне и горячо любящем Россию. Кроме того, это был человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но <...> он все-таки был плоть от плоти бюрократического режима. Головой он понимал, что нужны новые методы управления в смысле упрощения административного аппарата, предоставления больших прав самоуправлению, демократизации отношения власти к населению, но долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей».

«Положение» о волостном земстве осуществляло, с учетом происшедшей революции, давнишнюю мысль Столыпина, который провел учреждающий «мужицкое земство» закон благодаря поддержке А.И. Гучкова через думу. Забытый после его смерти, сильно изуродованный комиссией Государственного совета, куда он был внесен по настоянию Кривошеина⁶⁴⁵, он был отклонен правым большинством верхней палаты, с голосами левых в 1914 г. Временное Правительство ввело волостное земство уже на основе всеобщего избирательного права и неудивительно, что выбранное в обстановке развала и анархии, оно было упразднено Деникиным, который его, однако, ничем не заменил и от крестьян было отнято это завоевание революции. Чтобы не превратиться в «совдеп», оно могло быть заново создано только в связи с передачей крестьянству большей части помещичьей земли и только на основе крепкой крестьянской собственности.

«Положение» было рассмотрено на двух заседаниях особым совеща-

нием под председательством Кривошеина, на котором Оболенский и другие представители левой общественности были в меньшинстве. Их попытки ввести в волостное земство лиц по образовательному цензу закончились неудачей, земство оставалось «мужицким»⁶⁴⁶.

Согласно с «Положением», волостные земства избирались волостными земельными сходами, состоявшими из мелких земельных собственников крестьянского типа, ведущих самостоятельное полевое или хотя бы приусадебное хозяйство, с участием представителей помещиков, религиозных обществ всех вероисповеданий, училищ, казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ, прочих землевладельцев всякого звания, а также арендаторов имений с минимумом оседлости.

По случаю обнаружения «Положения» Кривошеин дал длинное интервью газете «Великая Россия» под названием «Ставка на деревню». «... На очереди стал вопрос об организации управления и самоуправления на местах. Главнокомандующий решает его смело в направлении привлечения мелких собственников к участию в местном самоуправлении <...>. По нашему закону вся деятельность уездного земства перенесена на волость. При пространствах русской жизни это одно уже колоссальный шаг. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную. В этом отношении наш закон идет дальше любого из западных. Но будущее зависит от того, как покажут себя с точки зрения государственности и национальной культуры класс мелких собственников и привлекаемое к деятельному участию в земстве крестьянство? Как обеспечена будет церковь, какова будет новая школа, больница, суд? От этого будет зависеть дальнейший ход намеченной реформы. Вместе с покойным Столыпиным я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни. Сейчас мы делаем смелую попытку устройства будущего земского и государственного порядка...»⁶⁴⁷

Введение волостного земства в соединении с земельной реформой позволило Кривошеину высказать в беседе с журналистами свой всегдашний взгляд на причины внутренней слабости императорской России. По его мнению, в русской государственной политике возможны два пути: воспринятое Петром Великим созидание государства сверху — это величественное здание рухнуло. «Вспомним, например, что в области народного просвещения сначала был основан первый университет, значительно позже — первая гимназия, а еще много времени спустя — первая народная школа... Но есть и другой путь: творчество снизу. В силу этого ген. Врангель дал крестьянам ту землю, к которой они так давно стремились, и, законом о волостном земстве, всю полноту административной власти...»⁶⁴⁸

Внешняя политика генерала Врангеля не будет здесь излагаться подробно⁶⁴⁹. Достаточно указать, что ее «максимальная» цель: «добиться от большевиков реальных гарантий в смысле неприкосновенности нашей и казачьей территории»⁶⁵⁰ при помощи посредничества союзников не была оставлена. Она совпадала с взглядами Мильерана, но раз Англия была

согласна только на посредничество на основе капитуляции и амнистии, то непосредственной целью было добиться участия в проектируемой конференции для урегулирования положения в Восточной Европе, в связи с польско-советской войной. Этому участию придавалось большое значение, так как генерал Врангель пользовался бы на ней поддержкой не только Франции, но и Соединенных Штатов. Под впечатлением своих успехов на польском фронте Советское правительство отказалось от принятой им сначала примирительной линии по отношению к Польше и требовало полной капитуляции Врангеля, и конференция не состоялась.

Жизненной проблемой оставалось получение снаряжения от Франции. Еще 25 июня н. ст. Кривошеин телеграфировал Струве в Париж: «Необходимо выяснить и, буде возможно, урегулировать кардинальный вопрос снабжения армии <...> ибо без заграничных военных материалов невозможно дальнейшее наступление и даже крайне затруднительна задача обороны Крыма»⁶⁵¹.

Растущие успехи советских войск в Польше побудили Мильерана, под влиянием военных кругов, сделать новый шаг в благоприятном для Врангеля направлении: 9–22 июля Кривошеин смог сообщить Врангелю по прямому проводу в Джанкой: «Французское правительство изъявило готовность признать правительство Юга России. Это большая политическая победа»⁶⁵². Отвечая Кривошеину, Врангель подчеркнул роль своего помощника в этой дипломатической победе. Признание было официально оформлено 10 августа. Ни один из предшественников Врангеля, несмотря на обладание ими огромными территориями, не был признан ни одной иностранной державой.

Врангель был нужен Франции для того, чтобы оттянуть советские силы с польского фронта; он мог настаивать тогда на получении снаряжения не в положении просителя⁶⁵³. В результате шагов, предпринятых Базили («передал Фошу проект немедленного наступления для оттягивания красных войск с польского фронта...»), начальник штаба Фоша ген. Дестикер вошел в контакт с русским военным агентом в Париже ген. Миллером, для выяснения условий поддержки, которую французское правительство готово оказать правительству Юга России военным материалом⁶⁵⁴.

Если обладание Северной Таврией, как единственным источником хлебного экспорта, было одним из императивов военной и политической стратегии крымского правительства, то таким же императивом было перенесение и военных действий в казачьи области, так как они были единственным источником пополнения армии. Для этого было необходимо разрешить казачий вопрос, заключить соглашение с казаками⁶⁵⁵. Деникин, отвергавший сотрудничество со всеми теми, кто не подчинялись лозунгу «Россия Единая, Неделимая» и, борясь с большевизмом, преследовали другие цели, кончил тем, что рассорился и с казачеством, тогда как нужно было принять во внимание особую психологию казачества, свойственный ему партикуляризм, граничащий иногда с «самостийностью». 22 июля ст. ст. было торжественно подписано соглашение с казаками Дона,

Кубани, Терека и Астрахани, после иногда трудных переговоров, в которых авторитет Врангеля и дипломатический такт Кривошеина должны были проявить себя не раз. Казачество отметило роль последнего, дав ему звание почетного казака этих четырех войск и приписало его и его сыновей к соответствующим станицам. «Врангель попытался учесть ошибки всей русской контрреволюции, — писал советский историк И. Минц («Красный архив», т. 39, «Врангелевщина», предисловие), — правильно решив, что исправлять их нужно в двух областях — в аграрной и национальной и как раз в эти два вопроса попробовал ввести нечто новое».

Кубанская операция закончилась тактическим успехом, но стратегической неудачей: армия получила пополнения из примкнувших к ней казаков, но за недостатком сил захватить Кубань не удалось.

В середине августа советское наступление на Польшу закончилось полным разгромом, и уже 22 августа Маклаков сообщал, что, по мнению Палеолога, Польша скоро заключит мир. «Палеолог понимает необходимость ускорить помощь вам. Будет сделано все возможное». «Заключение Польшей мира сделало бы наше положение бесконечно тяжелым. Предоставленные самим себе, мы неминуемо должны были рано или поздно погибнуть. Однако я не терял надежды, что Франция, недавно нас признавшая <...>, не оставит нас без помощи», — писал генерал Врангель о тогдашнем положении⁶⁵⁶.

Хотя польско-советское перемирие и было заключено позже, чем ожидалось, но для оказания помощи этот дополнительный срок использован Францией не был. Прежде чем коснуться тщетных, хотя и настойчивых усилий крымского правительства добиться этой помощи, необходимо постараться понять надежды и расчеты его руководителей, чтобы уяснить себе смысл того, что критики генерала Врангеля называют «крымской авантюрой». Хотя бы частично, этот смысл раскрывается беседой Кривошеина с В.В. Шульгиным в сентябре 1920 г.

«...Чудо случилось, мы не только удержались, мы что-то делаем, куда-то наступаем... То, что совершенно разложившейся армии вдруг на самом краю моря удалось найти в себе силы для возрождения, уже чудо...» «Но что же дальше?» «Дальше? ... Прежде всего вот что: одна губерния не может воевать с сорока девятью. Поэтому, прежде всего — не зарываться. Надо всегда иметь в виду судьбу наших предшественников. Деникин, помимо всяких других причин, прежде всего не справился с территорией. Мы наступаем сейчас, но помним «*memento* Деникин» <...>. Необходимо держать хлебные районы, т. е. северные районы Таврии <...>. Рассматривайте это как вылазку за хлебом. Ведь если большевики называют Врангеля «крымским ханом», то следует принять тактику крымского хана и делать набеги».

Оставляя затем в стороне маловероятную гипотезу, что большевики перейдут на обыкновенный государственный строй и что с ними можно будет разговаривать, Кривошеин считал, что нужно будет досидеться в Крыму, пока они «вследствие внутренних причин ослабеют настолько, что

можно будет вырвать из их рук этот несчастный русский народ, который в их руках должен погибнуть от голода <...>. Вот на этот случай мы должны быть готовы, чтобы броситься на помощь <...>. Но для того чтобы это сделать, прежде всего надо что? Надо — «врачу, исцелися сам». На этом клочке земли <...> надо устроить человеческое житье. Так, чтобы ясно было, что там вот, за чертой, красный кабак, а здесь — рай не рай, но так, чтобы люди могли жить. С этой точки зрения вопрос о политике приобретает огромное значение. Мы — опытное поле, показательная станция <...>. С этой точки зрения важны и земельная реформа, и волостное земство, а главное — приличный административный аппарат». «Насколько это вам удастся?» — «Ах, удастся весьма относительно <...>. Дело в том, что ужасно трудно работать... просто нестерпимо... ничего нет <...>. Тришкин кафтан никак нельзя заплатать... Это одна сторона. А духовная такая же. Такая же бедность в людях...»⁶⁵⁷

Можно только прибавить, что в этой политике, очень удачно сравниваемой с политикой Формозы, в 1920 г. у генерала Врангеля имелось более шансов на успех, при условии такой же щедрой по масштабам помощи союзников, как и у маршала Чань Кайши: как указывалось, не будь капиталистической помощи продовольствием и нэпа (при продолжении гражданской войны и то и другое было бы неосуществимо), советская власть вряд ли переборола бы потрясший ее в 1921 г. кризис.

Только французская помощь абсолютно не соответствовала заявлениям и, нужно добавить, искренним намерениям тех руководителей французской дипломатии и командования на высшем уровне, которые сочувствовали генералу Врангелю. Получение необходимых кредитов было осуществимо только при сочувствии широкого общественного мнения, но, кроме влиятельной, но не всесильной группы военных, — Фош, Вейган и другие, общественное мнение, утомленное недавней войной с Германией, не желало расширять внешние обязательства Франции и открывать новые кредиты русским, даже признававшим долги царской России. Поражает удивительная мелочность, как только дело доходило до практической реализации обещанной помощи, часть которой могла быть дана за счет русского военного имущества в Румынии, против чего последняя не возражала.

11 сентября прибыл в Севастополь адмирал Леже, чтобы выяснить главнейшие нужды армии. В тот же вечер состоялось совещание при участии его начальника штаба, Кривошеина и высших чинов армии. Получив необходимые данные, адмирал отбыл в Константинополь⁶⁵⁸. Накануне Кривошеин телеграфировал Маклакову: «Вновь настаивайте перед французским правительством о содействии получения из Румынии нашего армейского имущества. Всякое промедление может быть губительным. Необходимо просить предоставить нам наше артиллерийское имущество, находящееся во Франции»⁶⁵⁹. Понимая, что ничего нельзя будет получить в кредит, Кривошеин сообщает два дня спустя, что правительство, желая начать товарообмен с Францией, посылает на адрес Министерства тор-

говли пароход с 5000 тонн (300000 пудов) зерна на покрытие из вырученных сумм снабжения армии; кроме того, он указывал, что в ближайшие месяцы в порты Крыма поступят 5 миллионов пудов хлеба и предлагал привлечь старые фирмы, специализировавшиеся в хлебной торговле. (В конце сентября правительством было подписано контрактов на поставку до 10 млн. пудов зерна, было доставлено до полутора и вывезено до миллиона⁶⁶⁰.)

Условия, поставленные Францией для уступки снаряжения, уже не были мелочно-бухгалтерскими, но просто ростовщическими, как об этом свидетельствует телеграмма, посланная 25 сентября н. ст. Базили из Парижа Струве: «Поскольку парламентом не будет ассигнован кредит для армии Врангеля, за уступку нам всякого военного имущества мы должны платить, притом немедленно, если имущество принадлежит мобилизационным запасам, или с рассрочкой, если оно числится в свободных излишках. В этой категории — незначительная часть испрашиваемого материала — всего на 27 млн. франков. Отсрочка будет допущена (для второй категории), если мы подпишем соглашение, предусматривающее погашение отчислениями из стоимости вывоза <...> с тем, чтобы долг был погашен не в отдаленный срок. Вывозить во Францию определенное количество товаров. Указать в точности, на какие поступления валюты французское правительство могло бы рассчитывать и в какие сроки. На открытие парламентских кредитов трудно рассчитывать»⁶⁶¹.

Посланные 15/28 сентября в Париж для переговоров с поляками о согласовании военных действий Струве и генерал Юзефович передали французскому правительству меморандум А.В. Кривошеина, в котором указывалось на желательность объединения русской армии с польской под французским командованием для совместных действий на юге Украины вместе с украинскими силами, выдвигалась мысль о формировании, после отбора, армии из военнопленных красных, сдавшихся полякам, и подчеркивалась необходимость военного и санитарного снаряжения и обмундирования, в которых испытывается острый недостаток⁶⁶².

Если французское правительство проявило крайнюю инертность в деле поставки снаряжения, то его военные представители в Крыму делали все, что было возможно, чтобы ускорить поставки. Столь же благожелательны были военные миссии других союзных государств. Чтобы укрепить эти настроения, генерал Врангель, в сопровождении Кривошеина, объездил с ними укрепленные позиции Перекопского перешейка и Сиваша (30/8 — 12/9).

Все более сочувственной становилась позиция Соединенных Штатов: переданная американским адмиралом нота-вопросник от 5 сентября была составлена так, что она могла быть понята как первый шаг к признанию правительства.

Зато в франко-русских отношениях наступило некоторое охлаждение после того, как Мильеран был избран президентом республики 23 сентября, а Палеолог был заменен Филиппом Бэртело в должности генерально-

го секретаря Министерства иностранных дел. Правда, Мильеран, назначив Ж. Лейга во главе кабинета и Кэ д'Орсэ, сохранил общее руководство внешней политикой, но авторитет кабинета был слаб, и его глава должен был проявлять особую осторожность. Принятый 9 октября Лейгом В.А. Маклаков вынес из этого свидания неблагоприятное впечатление, о чем он подробно писал Кривошеину 10 октября⁶⁶³ («Вчера видел Лейга, очень любезен и т. д., но впечатление неблагоприятное. Конечно, они советуют Польше заключить мир; конечно, они помогают, но Франция сделала уже все, что можно до втировки суммы для нас, обложить из-за нас плательщиков невозможно и т. д. Я не говорю, что положение безнадежно, но ни Лейг, ни правительство наша опора <...>. На нашей стороне (кроме Мильерана) — военные; я видел вчера Вейгана, Манжена, Жоржа, разговаривал с Фошем <...> их влияние велико, но они не всесильны...»). Правда, Струве, принятый 20 октября Лейгом, а 22-го Мильераном, передавал через Маклакова Врангелю, что имелась полная надежда на успех плана займа, но мне кажется, что этот оптимизм, разделяемый Врангелем, был малообоснован, так как за 5 дней до того (15/10) тот же Струве в своей телеграмме Кривошеину⁶⁶⁴ характеризовал условия, на которых французское правительство было согласно отпускать военное снаряжение на сумму в 100 миллионов франков, как «крайне обременительные». Требовалось подписание контракта, в силу которого правительство Юга России обязывалось продавать Франции по ценам мирового рынка 50 % всего вывоза хлеба, угля, шерсти, табака, кож и т. д.; 50 % вырученных во Франции сумм должно было идти на погашение этих 100 млн. не позже 31 декабря 1921 г., притом в сумму 100 млн. фр. включается уступленное ранее военное снаряжение на сумму 40 млн. франков (29 млн. при Деникине и 11 млн. при Врангеле). Новые поставки только на 29 млн. из французских излишков, остальные из болгарского и турецкого имущества.

В сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника и продать ему в рассрочку чужое, ненужное ей имущество.

Несмотря на обременительность условий, Кривошеин телеграфировал 22 октября, что он признает принцип вывоза 50 % товаров во Францию приемлемым при условии, что речь шла о казенном экспорте, а не экспорте вообще (главная статья вывоза экспорта — хлеб, была казенной монополией), и готов согласиться на срок погашения при условии, чтобы отпуск снаряжения совершался бесперерывно, вне зависимости от прибытия экспортируемых товаров. Понимая трагичность положения, он добавлял: «Согласитесь на все условия, лишь бы получить возможность немедленного распоряжения кредитом в 100 миллионов. Без такого кредита положение становится безвыходным»⁶⁶⁵.

Польско-советский мир был заключен 12 октября в Риге и вступил в силу 17-го. Торговаться об условиях французских поставок уже не приходилось. Исход борьбы становился ясным. Как только стало известно о

Исход, крейсер «Кентавр». 1920 г.

подписании мира, Кривошеин, играя на том, что заднепровская операция внешне закончилась успехом (только тактическим, стратегически она, как это признает Врангель, не была удачной)⁶⁶⁶, телеграфировал 14 октября через Нератова в Константинополе Маклакову в Париж (телеграмма Струве от 15 октября была отправлена до получения телеграммы Кривошеина, но она отвечала на нее). Кривошеин настаивал на получении снаряжения в кредит «до переброски значительно превосходных сил, в срочном порядке <...>. Все дело в спешности. Если нам дадут необходимое, то при наших прекрасных кадрах мы сможем в кратчайший срок увеличить армию вдвое, а этого достаточно для полного успеха»⁶⁶⁷. Разумеется в этом была доза сознательно преувеличенного оптимизма, ради увеличения шансов на получение материала.

Но пока конечная катастрофа не разразилась, «что-то делалось», что могло быть небесполезным. Таковым было принципиальное соглашение с прибывшей из Парижа делегацией украинцев-федералистов, возглавляемой Маркотуном, соглашение, немислимое при Деникине. Но вскоре переговоры о взаимном сотрудничестве стали уже вестись не только с федералистами, но и с самостийниками, притом по инициативе последних, представитель которых, Мациевич, уведомил 20 октября С.А. Полевского-Козелла, представителя Врангеля в Бухаресте, о желательности военной конвенции и политического соглашения на основе признания правительства Петлюры

правительством Украины и признания прав Украины на самоопределение. Ввиду необходимости немедленного сообразования действий русских и украинских армий, Мациевич высказал предположение, что фактическая кооперация обеих армий начнется теперь же, не ожидая результатов переговоров по возбужденным им вопросам.

Генерал Врангель решил тотчас войти в переговоры с украинцами, как это явствует из телеграммы Татищева Струве в Париж от 31 октября (...«Главкомандующий считает, что создавшаяся грозная обстановка повелительно требует немедленного согласования действий всех вооруженных сил, борющихся против большевиков»). Признавалось необходимым заключение конвенции между русской и украинской армиями. В плане политики выражалась готовность идти «навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении». В основу политического соглашения предлагалось поставить соглашение с казачьими образованиями.

Быстрое течение событий не позволило развиваться начатым в Варшаве переговорам⁶⁶⁸.

Большое значение могло получить созванное по инициативе Кривошеина совещание по экономическим вопросам, собравшее немалое количество проживавших в Англии и Франции представителей русского финансового и торгово-промышленного мира, среди которых многие обладали еще активами их фирм за границей и могли своими связями оказать услуги крымскому правительству. Некоторые представители левого фланга — Коновалов, Третьяков — не приехали, как не приехал и граф Кокцов, последний — под предлогом состояния здоровья графини, а в действительности — из враждебного чувства к Кривошеину («Гнев гражданского диктатора меня не утешит, — заявил он, добавляя: — Когда Кривошеин был в Париже, то даже картона мне не оставил»). Но главная польза совещания состояла в получении правительством известного рода моральной гарантии его эффективности со стороны представителей экономического мира, чтобы тем самым достигнуть улучшения его кредита. Правительству было необходимо сохранить монополию вывоза хлеба (при свободе внутреннего рынка) ради получения валюты. Хотя эта мера и не была популярна в торговых кругах, съезд, ознакомившись с положением, одобрил 15 октября сохранение монополии 42 голосами против 6 («Критикуйте нас беспощадно мы будем вам благодарны, так как хотим понять наши ошибки», — обратился Кривошеин к совещанию, открывая его)⁶⁶⁹.

В делах управления власть продолжала сталкиваться с затруднениями, вытекавшими из бедности в людях. Для Кривошеина было всегда большой удачей найти бывшего сотрудника или просто опытного работника, согласного взять на себя какую-нибудь административную должность. Люди потеряли веру в себя, и это означало, что вооруженная борьба с большевизмом приближалась к концу.

Среди назначений одно имеет курьезную историю: Кривошеин хотел выписать из Сербии общественного деятеля, профессора Билимовича,

члена «Государственного объединения» в Ростове. По недоразумению, приглашение было передано бывшему директору департамента полиции, генералу Е.К. Климовичу. У него была довольно одиозная репутация, и Кривошеин недовольно реагировал: «Смотрите, кого нам посылают!» Но затем было решено использовать его во главе сыска, работавшего против проникновения красных диверсантов. По свидетельству Врангеля, его работа была крайне успешной, но в левой общественности это назначение вызвало возмущение. В.А. Оболенский обвинял Климовича в преследовании просто левых элементов⁶⁷⁰, но В.А. Маклаков, побывавший в Крыму в конце сентября, считал эту критику необоснованной, прибавляя, что выдвигаемый левым сектором кандидат на место, занятое Климовичем, не оставил лучшего воспоминания о своей полицейской карьере, чем последний⁶⁷¹.

Наконец, «под самый занавес»⁶⁷², французский верховный комиссар граф де Мартель вручил 20 октября в торжественной обстановке, свои верительные грамоты в присутствии Кривошеина и Б.А. Татищева, исполняющего обязанности начальника внешних сношений, и сопровождавших его адмирала де Бон и генерала Бруссо⁶⁷³. 22 октября, после завтрака, данного адмиралом на броненосце «Прованс» в честь генерала Врангеля и Кривошеина, адмирал выехал в Константинополь и Париж, где он должен был добиваться удовлетворения насущных нужд армии.

Но было поздно, все равно, одна губерния не могла воевать с сорока девятью. Силы армии были истощены, «потрясенные жестокими испытаниями войска дрались вяло»⁶⁷⁴.

Одно вне сомнения: обстоятельства, сопровождавшие конец гражданской войны в России, граничили с чудом. Гражданская война знала происшедшие в полном беспорядке, безвластии и панике «эвакуации» Новороссийска и Одессы, и занесенные снегом бесчисленные эшелоны Колчака, но в Крыму эвакуация армии, военных и гражданских управлений и той части населения, которая не захотела там оставаться, осуществилась, несмотря на свои огромные масштабы, в условиях совсем иного порядка. Погрузилось, не считая судовых команд, 145693 человека.

11 ноября 1920 г. собралось в последний раз последнее русское правительство под председательством А.В. Кривошеина (несмотря на географическое ограничение — «Юга России», власть, признаваемая русской общественностью, от умеренно-правых до Милюкова, была действительно русской), а 12 ноября должна была начаться погрузка гражданских и военных управлений. Отдав последние распоряжения, Кривошеин выехал в полночь из Севастополя на английский адмиральском крейсере «Кентавр». «Я просил его переговорить, — пишет генерал Врангель, — с французским верховным комиссаром в Константинополе и заручиться его содействием на случай прибытия нашего в Босфор. Вместе с тем я поручил Александру Васильевичу принять меры к организации помощи имеющим прибыть беженцам, привлекая к работе русские, и, если представится возможность, и иностранные общественные силы...»⁶⁷⁵

*

«У трапа Кривошеина встретил адмирал со штабом; нас провели в салон. Кривошеин спал в салоне одетым. Крейсер шел. Мы оставили Россию, на этот раз надолго»⁶⁷⁶.

В эту ночь кончилось «кругосветное путешествие» «Александра Васильевича», начавшееся 32 года тому назад, когда всеильный царский министр граф Д.А. Толстой, отправляя безвестного молодого чиновника путешествовать вокруг света, открыл ему двери к большой жизненной дороге...

*

Те месяцы, которые ему суждено было еще прожить, были скорее медленным умиранием, чем жизнью. Сломленный пережитым, потеряв двух старших сыновей в Добровольческой армии, Кривошеин скончался 28 октября 1921 г., в Берлине, в возрасте 64 лет.

«Пример Витте, Столыпина и Кривошеина показывает, что старый режим умел отбирать людей... К сожалению, он не умел их хранить»⁶⁷⁷.

⁶¹⁰ Это документы дипломатического архива российского посольства в Париже, не переданные советскому правительству В.А. Маклаковым и находящиеся теперь в Станфордском университете в Соединенных Штатах. Они были опубликованы в «Cahiers du Monde russe et soviétique», Paris, № 4, 1963 г. с. 401–435, под названием «Les relations diplomatiques du Gouvernement Wrangel en Crimée» (1920 г.). К ним нужно присоединить документы, опубликованные Г.П. Струве в 1970 г., в томе 15 издающегося в Мюнхене альманаха «Мосты», из архивов его отца, несколько документов того же происхождения в журнале «Возрождение», № 231, Париж, апрель 1971 г. и, наконец, появившиеся в «Красном архиве», т. 39 и 40, 1930 г. документы, оставленные Маклаковым в посольстве.

⁶¹¹ П.Н. Врангель, Воспоминания, Франкфурт, 1969, ч. 1, с. 304–305.

⁶¹² Там же, ч. 2, с. 10–11.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Следовательно, еще до приезда П.Б. Струве.

⁶¹⁵ Врангель, ук. соч., ч. 2, с. 21.

⁶¹⁶ Моя мать и я; два старших сына только что погибли в рядах Добровольческой армии, третий (Игорь) был со своей частью в Крыму, четвертый, Всеволод-Василий, после ранения был эвакуирован англичанами в Египет.

⁶¹⁷ «Мосты», т. 15. Мюнхен. 1970, с. 415–418.

⁶¹⁸ В. Оболенский, «Крым при Врангеле» в «На чужой стороне», журнале, издаваемом Мельгуновым в Праге, кн. 9, Прага, 1925, с. 17.

⁶¹⁹ Врангель, ч.2, с. 46–47.

⁶²⁰ Там же.

⁶²¹ «Cahiers du Monde russe...», с. 402 и след.

⁶²² До войны ему была поручена связь между Кэ д'Орсэ и Генеральным

штабом.

⁶²³ Врангель, ч. 2, с. 48.

⁶²⁴ Там же, с. 88.

⁶²⁵ Французский текст у Врангеля, ч. 2, с. 88; оригинал хранится у меня.

⁶²⁶ Врангель, ч. 2, с. 42.

⁶²⁷ «Общее Дело», Париж, 27 мая 1920 г. Летом 1920 г. в этой полностью поддерживавшей Врангеля газете приняли участие ряд кадетских деятелей, как Милюков, Родичев, Гронский.

⁶²⁸ Врангель, ч. 2, с. 88–89.

⁶²⁹ Это подтверждается неопубликованным письмом А.И. Гучкова Кривошеину от 2 августа 1921 г. «Хорошо было бы положение армии и русских беженцев <...>, если бы вы сделали этот жест (в сторону Германии)! Тупость наших правых приводит меня в отчаянье, особенно когда ясно видишь всю безмозглость левых. Видимо, нам всю жизнь придется безнадежно болтаться между этими двумя полюсами».

⁶³⁰ Врангель, ч. 2, с. 86.

⁶³¹ Там же, с. 92.

⁶³² Это назначение вызвало даже горячее одобрение М.М. Гольдштейна, редактора «Последних Новостей» в Париже (2 июня 1920 г.), органа, довольно враждебного Врангелю.

⁶³³ Врангель, ч. 2, с. 120.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ М. Алданов.

⁶³⁶ Врангель, ч. 2, с. 63.

⁶³⁷ Там же, с. 59.

⁶³⁸ Там же, с. 62 и 63.

⁶³⁹ С.М. Дубровский, Столыпинская земельная реформа, М., 1965, с. 575 и 589.

⁶⁴⁰ Врангель, ч. 2, с. 73–75, 177.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² «Общее Дело», Париж, 23 октября 1920 г.

⁶⁴³ Оболенский, ук. соч., с. 14 и 16.

⁶⁴⁴ Там же, с. 22–23.

⁶⁴⁵ Гурко, ук. соч., с. 532–533.

⁶⁴⁶ Оболенский, ук. соч., с. 33. На первом заседании совещания Кривошеин прибег к не лишнему демагогичности жесту, чтобы провести «мужицкое» земство: «Не кажется ли вам знаменательным, господа, что против крестьянского волостного земства высказывается Рюрикович, князь Оболенский, а за него стоит худородный Кривошеин!»

⁶⁴⁷ Врангель, ч. 2, с. 69–70.

⁶⁴⁸ «Общее Дело», Париж, 27 августа 1920, дополнено по памяти.

⁶⁴⁹ О ней подробно говорится в «Воспоминаниях» генерала Врангеля, которые дополняются документами «Cahiers du Monde russe et soviétique», vol. 4. № 4, 1963, с. 401–435.

⁶⁵⁰ Телеграмма кн. Трубецкого, заместителя Струве в Крыму, самому Струве в Париж от 4–17 июня в «Cahiers du Monde...», с. 412.

⁶⁵¹ «Красный архив», 1930, т. 39, «Врангелевщина», с. 13.

⁶⁵² Врангель, ч. 2, с. 128.

⁶⁵³ Письмо Маклакова Палеологу от 3 августа на основании инструкций правительства («Cahiers du Monde...», с. 418).

⁶⁵⁴ Там же, с. 420–421, телеграммы Базили Струве от 5 и 12 августа.

- ⁶⁵⁵ Врангель, ч. 2, с. 121.
- ⁶⁵⁶ Там же, с. 156.
- ⁶⁵⁷ В. Шульгин, 1920 год, М., с. 215–217.
- ⁶⁵⁸ Врангель, с. 169–170.
- ⁶⁵⁹ «Красный архив», т. 40, с. 10.
- ⁶⁶⁰ Врангель, ч. 2, с. 190.
- ⁶⁶¹ «Cahiers du Monde...», с. 422.
- ⁶⁶² Врангель, ч. 2, с. 181–182.
- ⁶⁶³ Неопубликованное письмо, хранящееся у меня.
- ⁶⁶⁴ «Cahiers du Monde...», с. 428.
- ⁶⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶⁶ Врангель, ч. 2, с. 206.
- ⁶⁶⁷ «Красный архив», т. 40, с. 27.
- ⁶⁶⁸ Там же, с. 31 и 33.
- ⁶⁶⁹ «Общее Дело», Париж, 23 и 30 октября 1920 г.
- ⁶⁷⁰ Оболенский, ук. соч., с. 26–27.
- ⁶⁷¹ Письмо Маклакова, сохранившееся у меня.
- ⁶⁷² Г.П. Струве, Мосты, Мюнхен, т. 15, с. 422.
- ⁶⁷³ Де Мартеля сопровождал майор Пешков, приемный сын Горького, слывший... братом Свердлова. Бестактность его назначения подчеркивать излишне. Добавлю, что у него перед смертью, в глубокой старости, в 1960-х годах, «проснулась душа русского офицера», каковым он никогда не был и он был похоронен на эмигрантском кладбище недалеко от Парижа, рядом с бойцами Белого движения, под звуки гимна «Коль славен».
- ⁶⁷⁴ Врангель, ч. 2, с. 225.
- ⁶⁷⁵ Там же, с. 236.
- ⁶⁷⁶ Н.Н. Чебышев, Близкая даль, Париж, 1933.
- ⁶⁷⁷ П.Б. Струве, А.В. Кривошеин — «Русская Мысль», 1921, № 10–11.
- Интересен отзыв о политике Врангеля и о Кривошеине проф. Г. Вернадского, заведовавшего цензурой прессы в Крыму, в «Новом Журнале», Нью-Йорк, , 1971, № 105.
- Опубликованные в «Красном архиве» (т. 40, с. 36 и след.) телеграммы Кривошеина отражают предпринятые им в Константинополе шаги для приема и водворения армии и беженцев, прибывших из Крыма. Поворотным пунктом этих усилий было согласие, данное 15 ноября Францией, принять на себя издержки по водворению части этой огромной массы.

А. В. Кривошеин.
Премьер-министр правительства генерала Врангеля. 1920 г.

«АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ»

Я умышленно поставил имя и отчество моего отца в кавычках — оно было нарицательным как в петербургских высших «сферах», так и в среде провинциальных, часто мелких чинов его ведомства или земства. Это вполне отвечало его желанию приобретать людское расположение, поощряя отбрасывать формулы, основанные на табели о рангах, и обращаться к нему как к «Александру Васильевичу». Он особенно добивался этого от людей, стоявших гораздо ниже него, сознавая, что именно они воспримут это обращение с благодарностью, тогда как у людей, близких к нему по рангу, его блистательный житейско-служебный успех скорее мог вызывать зависть. Он болезненно переживал это, не потому что боялся неприятностей для своей служебной удачи, сколько потому, что его живая и восприимчивая натура нуждалась в людском расположении, как в воздухе.

Он сознавал исключительный, дарственный характер своей удачи, а потому понимал, как много он может сделать для тех, кто по своему положению и рождению, как и он, должны рассчитывать не только на свои способности, но и на удачу, и многие были обязаны своей удачей именно ему. Он любил популярность, потому что для его обостренной, но скрытой от других чувствительности, она была живительной силой, но, конечно, также и из расчета: обладание ею было своего рода техническим секретом успеха его политики, несвойственным представителям старого режима. Да и вообще он отнюдь не забывал свои личные служебные интересы в сложных отношениях, клубок которых нужно было распутывать, чтобы достигнуть поставленных его честолюбием целей. Его обвиняют в карье-

ризме, но ведь настоящий карьерист это тот, кто жертвует ради карьеры собственным достоинством или политической линией, которую он в душе считает правильной, а между тем упомянутый инцидент с Плеве или расхождение с Николаем II во время войны показывают, что в решающие для него минуты он не пожертвовал ради карьеры ни тем, ни другим. Гурко, часто отрицательно или скептически объясняющий поступки моего отца, признает, что если бы он заботился только о карьере, то добился бы хороших отношений даже с Коковцовым: достаточно было бы не досаждать последнему требованиями новых ассигнований и спокойно пользоваться преимуществами своего положения. Однако он, понимая нужды народного хозяйства, пошел иным путем.

Он был благожелателен к людям и охотно помогал исполнению их просьб и желаний, используя для этого свою власть, влияние и связи, даже если ему приходилось нарушать формальную сторону дела. Каждую пятницу он принимал в министерстве просителей без всяких ограничений, обходил их ряды, тут же делая пометки на заявлениях и передавая их секретарю с соответствующими указаниями. Редкие просьбы оставались неудовлетворенными.

Это отвечало его природным склонностям и хорошо выражалось стихами грузинского поэта Шота Руставели, которые он часто цитировал в назидание сыновьям: «Что ты спрятал — потеряешь, / Что ты отдал — то твое».

Его характер был неровным, он был вспыльчив и страшен во гневе: он краснел, и шрамы от дуэли на его лице белели и начинали дергаться, но такие вспышки случались редко и проходили быстро; в сущности они были обратной стороной его экспансивности.

Зато он умел тактичным словом не только сглаживать шероховатости, но и покорять сердца. После своей отставки он принял должность главноуполномоченного Красного Креста на Западном фронте, в Минске, чтобы не оставаться праздным, — должность ответственную, но все же не отвечающую его «удельному весу», что вызывало неудобства в ходе работы. Еще недавно один проживавший в Париже человек никак не мог позабыть, как, когда он работал уже некоторое время в Красном Кресте и участвовал в одном совещании с только что вступившим в должность Кривошеиным, тот, ввиду новизны для него этого вопроса, заявил, что он посоветуется «со своим старшим товарищем», в то время молодым чиновником скромного ранга. По мнению многих, по своему дару обходиться с людьми ему больше подошла бы роль премьера в конституционной монархии или лидера парламентской партии консерваторов британского типа, чем близкого сотрудника вечно колеблющегося самодержавного правителя, но он не был достаточно хорошим оратором для большой аудитории; ему мешал слишком быстрый темп речи, вызываемый неисправимой склонностью волноваться до и во время публичных выступлений. Лишь редкие его высказывания, как нашумевшее «мы и они», получили историческое значение; зато в тесном кругу слушателей, например в Со-

вете министров, он ярко и убедительно развивал свои мысли, и его выступления обычно имели большой вес. Он также прекрасно владел пером, и это умение за ним признавалось твердо; ему поручалось составление многих царских манифестов, — в частности, им был написан манифест об объявлении войны 1914 г.

Само собой разумеется, что со временем он многое поручал написать своему начальнику канцелярии Ив. Ив. Тхоржевскому, человеку огромной культуры, блестяще владевшему пером и оказавшему ему в этой области неоценимые услуги.

Достигнув высоких должностей — службой на мелких и средних бюрократических должностях он тяготился как неживой — он находил огромное удовлетворение в успешном выполнении вверенных ему заданий творческого характера. Но он умел ценить и все то хорошее, что можно взять от жизни в ее многообразии, и все то, что открывает власть тому, кому она дается: влияние при дворе и в сферах политических и общественных, авторитет в кругах дипломатических, положение в свете, льстившее ему общение с теми, кто по рождению, имени и состоянию представляли уходившее в прошлое европейское общество. Если многие из хиреющих социально дворян столицы завидовали его выдвигению и не питали к нему симпатии, то живые, культурные и яркие представители «большого света» быстро оценили и признали в нем блестящего и острого собеседника.

В то же время служебные обязанности, жизнь на своей, а не на казенной квартире, освобождали его от необходимости давать официальные обеды, рауты и т. д., которыми он тяготился, позволяя ему зато создать дома уклад жизни согласно со своими вкусами и культурными потребностями. Ради этого, пробыв почти 8 лет министром он никогда не хотел переехать на казенную квартиру, расположенную в отдельном здании, вернее дворце, рядом с министерством, на Мариинской площади, предпочитая платить крупную сумму за квартиру на Сергиевской, 36, обставленную им старинной мебелью и картинами, считая, что она лучше соответствует его вкусам и личности. В то же время это давало ему большую свободу действий и возможность уйти в любое время со своего поста, без того чтобы ставился вопрос о переезде и дальнейшем устройстве жизни семьи.

Он был большим любителем старинной западно-европейской живописи и по мере своих средств, которые многие, имея в виду семью моей матери, сильно преувеличивали, покупал картины, пользуясь советами А.В. Прахова, не гоняясь за громкими именами. У него были две «ведуты» Каналетто, один Ян Брюгель «бархатный» («Изобилие»), пейзаж фламандца Ван-Артуа (XVII в.), мадонна мастерской Луини (XVI в.), П. Бриль (фламандец XVII в.) — «Путь в Эммаус», «Руины» Панини, итальянский барельеф XVII в. «Вознесение» и т. д. Русской живописью он интересовался меньше, а передвижников не любил. Но все же у него были специально написанная для него В. Васнецовым версия «Трех Богатырей», «Тихая заводь» Левитана (меньшая, но, пожалуй, лучшая версия картины Третья-

ковской галереи), «Вид старого города» Ап. Васнецова и т. д. Н. Д. Кузнецов, отец известной певицы, написал его очень удачный портрет.

Он не собирал икон, зато имел пристрастие к украшенным в подражательном допетровском стиле новым церквам, следуя модной тогда тенденции русского церковного искусства, метко обозначенной кем-то как «стиль Бабы-Яги». На этом у него сложилась внутренняя раздвоенность: он был прежде всего человеком европейской культуры и русской — как части европейской, даже универсальной, воспринятой еще в юности через классическое образование, а в то же время мог увлекаться чрезмерной и слегка напускной рускостью, в частности назвать троих своих сыновей почти сугубо русскими именами, русскому простому народу, однако, совсем не свойственными. Впрочем, это модное увлечение «рускостью» было у него всего лишь поверхностным выражением глубокого и крепкого патриотизма, активно проявляющегося уже в плане государственном, а не эстетически-бытовом, тем, что он как-то раз при мне со страстной интонацией назвал «верностью заветам Великой России». Он, впрочем, не любил распространяться на эту тему, кроме как когда у него это прорывалось — очень редко — в тесном кругу близких, иногда в форме чуть наивной, но искренней чувствительности. Мне помнится рассказ моих старших братьев о том, как во время японской войны он всхлипнул, читая им за столом лубочный плакат «Подвиг рядового Рябова», расстрелянного японцами за отказ сообщить какие-либо сведения противнику.

Но в одном увлечение самобытной рускостью оказалось у него глубоко плодотворным, потому что оно имело под собой прочную основу народного творчества, а не светскую, поверхностную моду: под его энергичным импульсом, при широкой поддержке его ведомства и участии целого ряда лиц из общества, ставших, часто по его инициативе, меценатами, произошел в России подлинный расцвет кустарного искусства. «Мы еще крепче прежнего убеждены, — говорил он в марте 1913 г., открывая вторую кустарную выставку в Петербурге, — что кустарная промышленность может успешно развиваться только под сенью русской художественной самобытности. Если всякое искусство должно быть самобытным, чтобы сохранить свою яркость и ценность, то еще с большим основанием можно это сказать относительно кустарного. Ведь главная привлекательность кустарных изделий это именно сохраняющаяся на них «печать руки личности». То, что даже в не вполне законченном произведении неизмеримо ценнее бездушного совершенства машины. Примените эту оценку к кустарной промышленности всего народа, и вы неизбежно придете к требованию национальной и ярко выраженной самобытности. Этому знамени — самобытной яркости и тесной связи с народным искусством — мы останемся верны».

Но если он видел в расцвете самобытного кустарного ремесла не только государственную задачу или занятие «для простого народа», но и самодовлеющий вклад в художественное творчество своей эпохи, то в перспективе универсальной культуры его больше всего привлекала эпоха Воз-

рождения, весь дух и уклад которой был близок его характеру, темпераменту и вкусам. Он знал каждую строку Шекспира еще со школьной скамьи и отчасти глазами Шекспира видел Италию. В его рассказах Италия, привлекая его, как она может привлекать уроженцев севера, рисовалась в своем поныне живом прошлом, как какой-то сакральный миф и образ красоты. Он умел передать, как он впервые увидел Сиену, розовый город в розовом тумане утра, или немного скорбную поэзию римского форума осенью, когда краснеет и золотится ползучий виноград на руинах, или единственную в мире тишину Венеции. Он особенно любил итальянский характер, живой и одаренный, как он раскрывается в личных житейских отношениях или преломляется в литературе, например у Гольдони или Стендаля. Одной из литературных фигур, явно импонировавших ему, и в которой он усматривал нечто близкое своей собственной, был блестящий министр граф Моска из «Chartreuse de Parme».

То, что написал о нем в посвященном ему некрологе П.Б. Струве, вероятно, ярче всего характеризует эту сторону личности «Александра Васильевича»:

«Ни административно-политической гениальности Витте в вопросах хозяйственной политики, ни волевого упора Столыпина не было у А.В. Кривошеина. Зато это был человек индивидуальной культуры, имевший вкус к культуре вообще, чего нельзя было сказать ни о Витте, ни о Столыпине. Будучи политическим реалистом, который живо ощущал народную почву, и в этом смысле будучи, пожалуй, демократом, А.В. Кривошеин в то же время был подлинным культурным аристократом».

ЧТО ЗНАЛ ОБ А.В. КРИВОШЕИНЕ ПИОНЕР- КОМСОМОЛЕЦ В КОНЦЕ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Жизнеописание моего отца было уже закончено, и печатание его начато, как неожиданно я получил из Советского Союза два письма: одно от проживающего теперь в Ленинграде на пенсии 82-летнего агронома П.С. С-ва, другое от его сына, врача высокой квалификации. Случайно узнав, что я занят собиранием материалов, относящихся к моему отцу, они пожелали поделиться со мной своими воспоминаниями о нем. Воспроизвожу их свидетельства без изменений. Начну с сына.

«Об Александре Васильевиче я впервые услышал от моего отца по вполне определенному поводу, когда я, став пионером 12-13 лет, вел политические беседы, обличая «старый режим», всяческие «буржуазные и интеллигентские предрассудки» и утверждая безоговорочную истину свежеприобретаемых в отряде, в школе и из газет представлений о прошлом, настоящем и будущем России и планеты. Тогда весь мир был для меня четко разделен на две противоборствующие части, на красных, своих, хороших, добрых и т. п., и белых, значит — чужих, злобных, коварных и т. п. Отец, пытаясь доказать, что мир сложнее, многообразнее, чем это виделось мне и моим друзьям, неоднократно рассказывал при этом об А.В. Кривошеине; эти рассказы повторялись и в его беседах, и спорах, и с более зрелыми оппонентами; в 20-е гг. такие споры в кругу знакомых еще не стали опасны, — поэтому я их хорошо запомнил.

А.В. Кривошеин неизменно приводился в пример: убежденный монархист, сановник, царский министр, а был великодушным, благородным человеком, по-настоящему демократичным в общении со всеми подчиненными; отличный специалист, высокообразованный интеллигент и неутомимый работник, — последнее обстоятельство особенно подчеркивалось как противовес нашим суждениям о «барах-паразитах», безмятежно проживавших за счет эксплуатируемых тружеников.

Отец ссылался на свидетельства многих своих коллег, знавших А.В. и наблюдавших его деятельность, и на собственный опыт; благодаря широте взглядов, терпимости и великодушию А.В.К., отец мог с 1912 до 1917 г. работать участковым агрономом Волынского земства, несмотря на то, что еще в студенческие годы исключался из Н-ского с.-х. института за участие в политической забастовке.

Помню всегда восторженные отзывы отца о речах А.В., которые он слушал на каких-то земских совещаниях, и также рассказ о том, как А.В.

осматривал отцовский участок, как дельно и компетентно судил о конкретных агрономических проблемах и как обедал у нас дома, — обаятельный собеседник, остроумный, веселый, неподдельно доброжелательный, ни тени высокомерия или нарочитой снисходительности, — как бывало у иных высокопоставленных персон: мол «глядите, какой я, и с мелкой сошкой могу поговорить» — А.В. был прост в самом лучшем смысле этого слова, безыскусственно, искренно, живо интересовался чужими мнениями, от кого бы они ни исходили. Чисто личные отзывы о личных свойствах А.В. в рассказах отца неизменно сопровождались или предвлялись рассуждениями о том, что его сельскохозяйственная политика, его отношение к нуждам крестьянства, к земству, к развитию агрономии — были по-настоящему прогрессивны, реалистичны и не диктовались никакими «классовыми интересами», а глубоким и широким государственным мышлением и доподлинным патриотизмом».

А вот что пишет сам П.С. С-в: «Рад сообщить вам, что о вашем отце у меня сохранилось приятное воспоминание не только как о квалифицированном специалисте в области земледелия, но и как о чутком, доходчивом и милом человеке.

Дважды мне приходилось близко встретиться с А.В. Первый раз на агрономическом совещании Волинского земства; в этом совещании он принял активное участие: разумно, дельно выступал и с большим вниманием и интересом слушал наши выступления. Я твердо помню, что тогда у уездного агронома Г.В. Б-ва и у нас, участковых агрономов, сложилось твердое убеждение, что министр земледелия был белой вороной среди окружающих его людей.

Второй раз мне посчастливилось встретиться с А.В. у себя на агроучастке, в Н-ке. Дело в том, что А.В. частенько выезжал в районы и агроучастки, а мой участок был в Волинском земстве не на плохом счету. И вот однажды А.В. с группой сотрудников, на двух машинах, посетил ряд пунктов моего агроучастка: полевые участки сортоиспытательные, молочные артели, прокатные пункты сельскохозяйственных машин и орудий. А.В. одобрил постановку работы на моем участке, и особенно приятное впечатление на него произвел опытно-показательный травопольный севооборот, который полностью уже мной был освоен на 1 % га, примыкающих непосредственно к усадьбе. Жена моя пригласила А. В. и всех участников пообедать с нами. Обед прошел в сердечной, дружеской обстановке. После обеда Александр Васильевич, а вслед за ним сопровождавшие его лица, приложились к ручке моей жены и искренне поблагодарили «за хлеб-соль».

Отмечу, что в 1909 г. за участие в студенческой забастовке я был исключен из Института на один год без права поступления в другие учебные заведения. В 1910 г. я был принят обратно и закончил Институт в 1912 г. Все это, естественно, не было тайной для Александра Васильевича и не мешало поддерживать со мной добрые взаимоотношения».

Письма А. В. Кривошеину

Крейсер «Генерал Корнилов», 29 ноября 1920 г.

А.В. Кривошеину

Правительство Юга России мною расформировано. Но с Вами, Александр Васильевич, мы дружно работали вместе в Крыму, работаем рука об руку, еще теснее, в эти грозные дни — и будем, я верю, так работать, и дальше.

В сложной политической обстановке, не смущаясь партийными нападками справа и слева, мы оба твердо стремились, насколько смогли, к одной цели: разгадать жизненные потребности русского возрождения, прислушиваясь прежде всего к голосу населения и армии, кровью своей жертвовавшей за родину.

Опыт минувших месяцев, сочувственные отклики общественных организаций и прорвавшееся наружу в дни эвакуации общее сожаление всех слоев крымского населения о нашем уходе укрепляют во мне глубокое нравственное убеждение, что в области гражданского управления основная линия поведения взята была нами правильно.

События последних дней переносят временно центр тяжести ближайших задач за пределы внутреннего управления. Помня, как полезна была весенняя поездка Ваша за границу, и горячо благодаря Вас за работу в Константинополе, в только что пережитую неделю, я прошу Вас ехать теперь в Париж, помочь там общему делу. Как ни тяжело мне будет оставаться здесь без Вашей испытанной поддержки, даже на короткое время, но в интересах дальнейшей борьбы за родину, дорогой Александр Васильевич, надо спешить.

Обнимаю Вас

(подпись) *П. Врангель*

British High Commission,
Constantinople,
19th. November, 1920.

His Excellency,
M. Krivoshein.

№ L.3647.

Sir,

With reference to the conversation which Your Excellency had with Admiral de Robeck on the 13th November, I have the honour to inform Your Excellency that your appeal was immediately transmitted to His Majesty's Government.

2. I have now received an answer which makes it clear that the British Government are unable in any way to depart from their declared policy and I enclose copy of a letter addressed by Admiral de Robeck to M. Neratov on 14th November in which that policy is fully stated.

3. In these circumstances I have no doubt that Your Excellency will appreciate that, whilst sympathizing most deeply with the present sufferings of your countrymen, I can hold out no hope whatever of material assistance from official sources.

I have the honour to be,
Sir,
Your Excellency's obedient servant,
HORACE RUMBOLD
HIGH COMMISSIONER.

Константинополь
19 ноября 1920 года

№ L. 3647

Его Превосходительству
Г-ну Кривошеину

Сэр,

Ссылаясь на беседу Вашего Превосходительства с адмиралом де Робекотом от 13 ноября, имею честь информировать Ваше Превосходительство, что Ваше обращение было немедленно передано Правительству Его Величества.

2. Я получил ответ, из которого явствует, что Британское правительство не может ни в каком отношении отойти от объявленной им политики. Я также прилагаю копию письма, направленного 14 ноября г-ну Нератову адмиралом де Робекотом, в котором дано полное изложение этой политики.

3. Учитывая это, я не сомневаюсь, что Ваше Превосходительство поймет, что, хотя я глубоко сочувствую нынешним страданиям Ваших соотечественников, я не могу питать какую-либо надежду на то, что им будет оказана материальная помощь по официальным каналам.

Имею честь, Сэр,
Оставаться покорным слугой
Вашего Превосходительства
Гораций Рамбольд
Верховный Комиссар

№ L.3647.

Copy.

British High Commission,
Constantinople,
14th. November, 1920.His Excellency
The Russian Diplomatic Representative.

Sir,

I have the honour to inform Your Excellency that I have now received a statement of the policy of my Government in regard to the question of Russian refugees from the Crimea.

2. This is to the effect that no further responsibility whatever can be assumed by the British Government in respect to refugees from South Russia. No assistance can be provided for their escape nor can any further refugees be received in Lemnos, Cyprus or Egypt. Neither can my Government take steps for the removal from Black Sea ports of ships in the possession of General Wrangel.

3. I am instructed to acquaint Your Excellency with this outline of the policy of His Majesty's Government and to point out that early this year His Majesty's Government proffered their good offices in order to bring about an arrangement between General Wrangel and the Soviet Republic which would have rendered it unnecessary for any further refugees to leave South Russia. General Wrangel, however, refused the proposed mediation. Furthermore, enormous financial liabilities have been incurred on behalf of Russian refugees, a sum little short of one million pounds having been expended during this year alone.

I have the honour to be,
Sir,
Your Excellency's obedient servant,
(signed) Harry H. LAMB,
for *HIGH COMMISSIONER*.

№ 1.3647.

Копия

Бюро Британского верховного комиссара
Константинополь
14 ноября 1920 года

Его Превосходительству
Российскому Дипломатическому Представителю

Сэр,

Имею честь информировать Ваше Превосходительство, что я получил текст заявления моего Правительства о политике в отношении российских беженцев из Крыма.

2. Суть его в том, что Британское правительство не может более брать на себя какую-либо ответственность относительно беженцев с Юга России. Не может оказываться какая-либо помощь с целью их эвакуации, и никакие беженцы не могут быть более приняты на Лемносе, на Кипре или в Египте. Равным образом мое правительство не может предпринимать какие-либо шаги для вывода из портов Черного моря кораблей, находящихся во владении генерала Врангеля.

3. Мне поручено ознакомить Ваше Превосходительство с политической установкой правительства Его Величества и привлечь Ваше внимание к тому факту, что ранее в этом году правительство Его Величества предложило свои добрые услуги с тем, чтобы помочь достижению договоренности между генералом Врангелем и Советской Республикой, которая сделала бы ненужным для каких бы то ни было новых беженцев эвакуироваться с Юга России. Генерал Врангель, однако, отверг предложенное посредничество. К тому же для помощи российским беженцам были приняты огромные финансовые обязательства, только за этот год было затрачено чуть менее одного миллиона фунтов стерлингов.

Имею честь, Сэр,
Оставаться покорным слугой
Вашего Превосходительства
за верховного комиссара
Гарри. Х. Лэмб
(подпись)

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Заграничный паспорт, выданный Елене Геннадиев-не Кривошеиной и Кириллу (самый младший из пяти братьев). Дата выдачи 9 января 1920 г.

2. Автор книги воспоминаний об отце на парижской улице.

3. Кирилл и его учительница французского. 1911 г.

4. Кирилл Александрович в своем кабинете банка «Ле-онский Кредит». Париж 1950-е годы.

О Кирилле Александровиче Кривошеине

Кирилла Александровича Кривошеина знал я сорок лет и видел в последний раз за два дня до его кончины, но весть о его смерти дошла до меня с большим опозданием и никак я её не ожидал.

Он скончался в Мадриде 30 мая, а когда уезжал 28-го из того приморского испанского местечка, где в летние месяцы бывал моим соседом, жаловался на сердечное недомогание, которое, однако, не счёл серьёзным ни кардиолог, видевший его накануне, ни он сам. Он умер ночью, по-видимому, во сне. Крещусь. Царствие ему небесное.

Родился он в Петербурге в 1903 году. Был младшим сыном Александра Васильевича Кривошеина, одного из крупнейших государственных деятелей предоктябрьской России. Эмигрировал Кирилл с матерью в Париж в 1920 году. Четыре года спустя, с блестящим дипломом, окончил Ecole Libre des Sciences Politiques, после чего продолжал жить в Париже и более сорока лет служил в банке «Лионский Кредит» (в одной из самых престижных служб — отделе экономических исследований).

В 1939 году он был призван во французскую армию (в качестве русского эмигранта) и послан на линию Мажино. Попал в плен, в начале 41-го года был освобождён и вернулся в Париж. Здесь он принимает самое деятельное участие во французском Сопротивлении. В 1946 году Кирилла Александровича награждают Медалью Сопротивления (Medaille de la Resistance), и в этом же году он получает французское гражданство.

Помню, когда я познакомился с Кириллом, незадолго до войны, он с радостью готовился к поездке в Сицилию, где до того не был, а, вернувшись, столь же радостно рассказывал мне о том, что в Сицилии увидел! Был он «вообще не то чтобы подвержен охоте к перемене мест», но путешественник был врождённый и убеждённый. Да и не «вообще», а был настоящим европейцем!

За свою жизнь он побывал во многих европейских странах, в конце жизни и в США. Любил и хорошо знал музеи, был большим ценителем и знатоком живописи и европейского искусства. Посещал усердно выставки. Вот и теперь (в 1977 г.) поехал в Мадрид, чтобы ещё раз повидать любимый им музей Прадо.

В этом была его радость! Но долг свой он видел в другом. Как только вышел на пенсию, приступил к выполнению его. Дни проводил в Национальной библиотеке, просматривая и изучая газетные и журнальные материалы, относящиеся к деятельности своего отца. После нескольких лет огромной работы он выпустил в Париже (1973 г.) объёмный труд — «А. В. Кривошеин. Его зна-

чение в истории России начала XX века». Этой книгой он поставил памятник не только отцу, но и себе!

Этот труд был тотчас оценён исследователями, писателями, знаю, что сам А. И. Солженицын поздравил его с неоценимым вкладом в историю периода царской России, гражданской войны и первых советских лет.

Все компетентные западные отзывы о книге Кирилла Александровича были очень положительными, а их накопилось немало. Жаль, что для русского читателя эта книга остаётся недоступной, можно только надеяться, что времена и власть в СССР изменятся и русские люди узнают правду о своей истории, о той России, которую они потеряли.

В. Вейдле (культуровед)

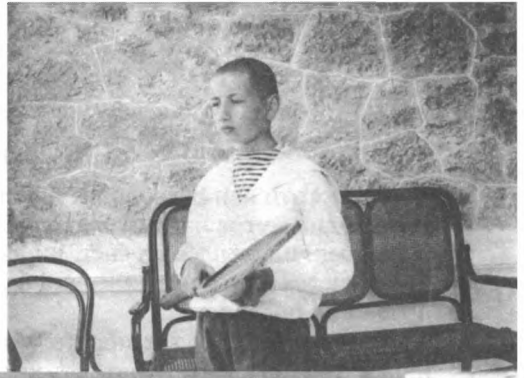
*24 июля 1977
Париж*

1. Всеволод Кривошеин. Студент историко-филологического факультета Петроградского университета. 1917 г.

2. У Всеволода было милое семейное прозвище «Гика».

3. В Париже — еще до пострига. 1922 г.

4. Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин).

«...Все эти дни Всеволод Кривошеин, под видом того, что в университет, уходил с утра из дому и сколько угодно толкался по улицам, и бегал от шашек, и ложился на снег, и в ворота прижимался, — наиспытался и насмотрелся всего, очень интересно, редкие переживания. И почему-то так и тянет на опасность...

Однако сегодня так просто уйти из дома было нельзя; воскресенье, никакого университета нет. К тому же вернулся домой и отец — с западного фронта, где он служил теперь уполномоченным Красного Креста, чтобы присутствовать в понедельник на сессии Государственного Совета, чьим членом он состоял после отставки с министра земледелия, обычный удел всех, кому позолачивали отставку...

Из пяти сыновей Кривошеиных двое старших уже были офицерами на фронте. Средний Игорь, тоже теперь прапорщик, готовился на фронт. И Всеволод, по-домашнему Гика, хотя студент, всё оставался в младших — с самым младшим, 12-летним, у кого еще и гувернантка была».

А. И. Солженицын («Красное Колесо». Узел III, Март семнадцатого, глава «В семье Кривошеиных»)

БОГОСЛОВ

Памяти архиепископа Василия Брюссельского и Бельгийского

Архиепископ Василий Брюссельский и Бельгийский (в миру Всеволод Кривошеин) был призван ко Господу 22 сентября 1985 года в родном городе Петербурге, где он родился 19 июня 1900 года и где провел всю свою юность, вплоть до Первой мировой войны. Его отец А. В. Кривошеин был министром земледелия и землеустройства в царствование императора Николая II.

Февральская революция застала его студентом филологического факультета Петроградского университета. Переехав вскоре в Москву, Всеволод решил перебраться на юг и вступить в ряды Добровольческой армии. Вследствие военных действий Всеволод был вывезен из Новороссийска в Каир в конце 1919 года. В 1920 году он оказался в Париже со всеми оставшимися в живых членами своей семьи. Он поступил в Сорбонну и одновременно принимал участие в съездах православной молодежи.

В 1924 году он записался студентом в только что основанный митрополитом Евлогием Св. Сергиевский Богословский институт в Париже, но почти сразу, приняв участие в экскурсии на Афон, решил остаться там навсегда.

Всеволод принял постриг в русском Св. Пантелеймоновском монастыре: в монашестве ему было дано имя Василий. Постепенно, наряду с обычными монастырскими послушаниями, овладев греческим языком, о. Василий стал вести канцелярскую работу монастыря и был допущен в ценнейшее книгохранилище обители, где находятся древние греческие рукописи и архивы. С этого времени началось его увлечение святоотеческой письменностью.

Уже в 1936 году о. Василий приобрел известность своей замечательной работой о тогда еще мало известном святом Григории Паламе («Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы»).

В 1950-х годах о. Василию пришлось покинуть родной монастырь. Тогда же я с ним познакомился в Афинах, где мы часто встречались либо в русской церкви св. Никодима, либо в Национальной библиотеке, где мы оба работали в отделе греческих древних рукописей.

В 1951 году, благодаря ходатайству митрополита Германоса Фиотирского, о. Василию удалось получить приглашение в Оксфордский университет, чтобы участвовать в составлении «Греческого Святоотеческого Словаря». С тех пор и расширилась его научная работа по святым отцам Церкви и, главным образом, по изданию научного греческого подлинника трудов преп. Симеона Нового Богослова, во французской коллекции «Sources Chretiennes». Его издательская работа увенчалась напечатанием блестящей монографии о преп. Симеоне, вышедшей одновременно по-русски и по-французски в 1980 году.

Я должен, конечно, упомянуть о его частом присутствии и деятельном участии в литургических ежегодных съездах в Богословском Институте в Париже. Мы радовались его выступлениям на общих собраниях этих ученых съездов.

Уже по приезде в Оксфорд о. Василий принял священство; а в 1959 году состоялась в Лондоне его епископская хиротония для Бельгийской кафедры Московской Патриархии. С 1960 года до самой своей кончины Владыка Василий жил в доме при русском храме в Брюсселе.

За эти 25 лет своего епископства Вл. Василий принимал деятельное участие в междухристианских и всеправославных съездах и совещаниях как представитель Московской Патриархии.

Будучи глубоко преданным Русской Церкви, Вл. Василий скорбел о ее состоянии подневольности в отношении к советскому государству. Его голос был одним из немногих, прозвучавших во время заседаний Московского Собора в 1971 году, когда он выступил в пользу тайного голосования при избрании будущего Московского Патриарха.

Тогда же Вл. Василий публично и повторно выступал против так называемых постановлений 1961 года о приходах. Он оспаривал эти постановления как противные канонам, нарушающие единство церковного управления, передающие всю власть в приходах мирянам, одним словом, вредные для Церкви.

«Почему же вы все молчали?» — спросил он одного архиерея. «Мы забыты, мы не можем говорить, но вы говорили от имени всех. Спасибо вам. Все архиереи слушали вас и были согласны с тем, что вы говорите. Все архиереи лобызали ваши уста».

После мировой Ассамблеи и Всемирного Совета Церквей в Найроби в 1976 году Вл. Василий выступил с открытым письмом, обращенным к пастору Филиппу Поттеру, Генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей. В этом письме Вл. Василий выражал свою высокую оценку и всецелую поддержку выступлениям в защиту христиан в Советском Союзе, страдающих от тяжелых дискриминаций и даже преследований: «Выражаю свою глубокую благодарность всем, кто возвысил свой голос в Найроби в защиту религиозной свободы в Советском Союзе и нарушил тем самым скандальное молчание, хранившееся до последнего времени по этому вопросу. Надеюсь, что борьба за права верующих в России будет продолжаться...»

А в 1980 году Вл. Василий отправил телеграмму Л. И. Брежневу, в которой он восставал «с возмущением против полицейского произвола на Русскую Православную Церковь при аресте отца Дмитрия Дудко, ревностного пастыря и проповедника веры. В качестве епископа, принадлежащего к Московской Патриархии, — писал он, — я требую немедленного освобождения сего достойного священнослужителя».

Тогда же Вл. Василий выступал в бельгийской прессе по случаю ареста и тюремного заключения о. Глеба Якунина и о. Дмитрия Дудко: «Я возмущен этими арестами и всеми формами религиозного преследования со стороны государства».

Вышеупомянутые выступления достаточно обрисовывают ревностную и бескомпромиссную любовь Владыки Василия к Русской Церкви в эпоху бесчисленных и тяжких ее испытаний. Сумев сочетать полную лояльность церковной власти с сильным и могущественным словом против государственного произвола и насилия, он говорил во всеулышание от имени Русской Церкви,

принужденной к молчанию, он выразил ее страдание и дал громкий голос ее живой совести.

В сентябре 1985 года Вл. Василий совершил поездку в Россию. 12 и 15 сентября он служил в Преображенском соборе в Ленинграде, где его крестили 85 лет тому назад. После обедни он почувствовал себя плохо и был сразу же помещен в больницу. 22 сентября Владыка скончался. По выраженному им желанию он был похоронен на русской земле, на Серафимовском кладбище в родном городе.

Кончина его на русской земле видится мне как явный знак Божьего благословения за длинную, трудную и многострадальную жизнь архипастыря и богослова в служении Русской Церкви и в свидетельстве Правды Христовой.

«Душа его во благих водворится».

Протоиерей Борис Бобринский

Напечатано в газете «Русская мысль», № 3592 от 25 октября 1985 года

За последние годы в России было опубликовано много книг с трудами Владыки Василия. Это богословские исследования, эссе, воспоминания, письма. Многие из этих трудов составляют Золотой Фонд Православной Патрологии.

Его труд «Преподобный Симеон Новый Богослов» переведен на все европейские языки, в равной степени известна его работа «Святой Григорий Палама», а так же «Ангелы и бесы».

В журнале «Звезда» печатались воспоминания Владыки Василия («Девятнадцатый год», «Поместный собор РПЦ-1971»).

Февральские дни в Петрограде в семнадцатом году

В четверг 23 февраля 1917 года я вернулся около четырех часов дня из университета на нашу квартиру на Сергиевской, 36, почти на углу с Воскресенским проспектом. Я был тогда, несмотря на мой ранний возраст, — мне только шел еще семнадцатый год, — студентом первого курса историко-филологического факультета Петроградского университета. Насколько помню, я вернулся пешком, как я это иногда любил делать, тем более что трамваи были обычно так переполнены, что на них было трудно попасть. День был солнечный, небольшой мороз, в городе я ничего особенного не заметил. От университета до нас около часа ходьбы, я устал и прилег на некоторое время на кровать отдохнуть в комнате, где жил вместе с моим старшим братом Игорем, поручиком Лейб-гвардии Конной артиллерии. Он служил тогда в ее запасной батарее в Павловске, но был в эти дни в отпуску в Петрограде. Сейчас его не было дома. Не знаю точно, сколько я пролежал, полчаса или час, как в мою комнату стремительно вошла с присущей ей энергией моя тетя, Ольга Васильевна Кривошеина, и прикрикнула: «Что ты тут валяешься и спишь? Не знаешь, что происходит! В городе бунт, революция, а ты валяешься!» Характерной чертой моей тети была ее склонность иронизировать и подтрунивать. И сейчас она подтрунивала надо мною: «Вот ты считаешь себя таким «революционером» (у меня действительно были тогда такие настроения), а сейчас происходит революция, а ты валяешься и почиваешь». Сама тетя была отнюдь не левых, тем более не революционных убеждений, но она не принимала меня всерьез, да к тому же не придавала, видимо, большого значения начавшимся в городе беспорядкам. «Как? Какая революция? — спросил я, вскакивая с постели. — Я сейчас вернулся из города и ничего не видел». — «Да ты никогда ничего не замечаешь, — продолжала подтрунивать тетя, — а в городе бунт. По Литейному разъезжают казаки. Я сама сейчас видела». Я стал быстро собираться и направился к выходу. «Куда, куда? Оставайся, никуда не ходи!» — крикнула вслед мне тетя и пыталась меня остановить, но я не послушался и быстро вышел из дому.

Я пошел направо по Сергиевской улице по направлению к Литейному проспекту, ее пересекающему. До него было около десяти минут ходьбы. Сергиевская казалась пустынной более обыкновенного, хотя особого движения вообще не бывало. Я вышел на Литейный. Никаких казаков, о которых говорила тетя, нигде не было видно. Зато Литейный проспект, обычно столь оживленный, казался совершенно пустым. Особенно бросалось в глаза отсутствие трам-

ваев. Не было видно и городских; полицейский всегда стоял на углу Литейного и Сергиевской, а сейчас его не было. Все это создавало какое-то смутное и тревожное настроение, хотя никаких других признаков революции или бунта не было заметно, так что я даже был разочарован. «Пошел и ничего не увидел», — говорил я сам себе. Постоял немного и думал было возвращаться домой, но потом решил пройтись еще дальше по Сергиевской, посмотреть, что делается. На углу Сергиевской и Литейного, по направлению к Летнему саду, находился тогда большой оружейный Литейный завод. Я пошел вдоль его стены по Сергиевской улице. На нее выходили деревянные ворота. Как раз в этот момент они раскрылись и из них стала выходить густая толпа рабочих. Многие уже средних лет и более, бородачи. Шли молча, почти не разговаривая друг с другом. Вид у них был серьезный, почти мрачный, как мне казалось. Они долго выходили и потом расходились по улицам, не останавливаясь. Что это было? Окончание рабочего дня? Смена? Или начало забастовки? Этот вопрос я ставил себе тогда, но и сейчас не знаю, как на него ответить. Вернулся на Литейный. Та же пустыня и полное отсутствие полиции. Вдруг я заметил, что вдоль Литейного, по направлению от Невского, движется к нам отряд конных казаков, человек пятнадцать. Они ехали шагом и, доехав до угла Сергиевской улицы, свернули и остановились. Уже темнело. Казаки слезли с коней, сложили свои ружья и стали разводить костер посреди улицы. Видимо, они располагались на ночлег. Я вернулся домой.

На следующий день, в пятницу 24 февраля, я вышел из дому около девяти часов утра, сказав, что иду, как обычно, в университет. Это была правда, я действительно туда направлялся, но на самом деле мне прежде всего хотелось посмотреть, что происходит, и даже принять какое-то участие в событиях. Думал, что вот в университете узнаю много нового, соберется какой-нибудь студенческий митинг, интересно будет на нем присутствовать. Я, да и много кто другой, пожалуй, не представлял себе всю серьезность наступающих событий. Добраться до университета оказалось, однако, невозможным. Дойдя до Литейного, я сразу заметил, что полиции, как и вчера, нет и трамваи не ходят. По Литейному двигалось много народу, шли по направлению к Невскому проспекту. Шли большими группами, молча, частью по тротуарам, но постепенно все более захватывая самую улицу. На ней мы скоро заметили конные отряды казаков, в несколько десятков каждый, а также отряды конной полиции в серых шинелях, более малочисленные. Толпа, увидев казаков, дрогнула и смутилась, но, заметив, что казаки держатся середины улицы и никого не трогают, осмелела и продолжала двигаться вперед.

Образовалось какое-то сплошное шествие, тысячи народа; рабочие по виду в большинстве, но и много студентов. Начали раздаваться революционные песни. Казаки, очевидно, получили приказ разогнать толпу. Они стали скакать на своих конях посредине широкого Литейного проспекта, размахивая в воздухе нагайками. Толпа опять шарахнулась, но, увидев, что казаки их не трогают, а только скачут посредине улицы и машут в воздухе нагайками, люди опять осмелели. Раздались радостные крики: «Казаки с нами!» и даже «Ура казакам!». Напротив, на полицейских кричали: «Фараоны! Фараоны! Долой фараонов!» Эти выкрики стали как бы лозунгом революции. Все же дальнейший путь к Невскому был, по-видимому, прегражден казаками или полицией на уровне Бассейной улицы, и толпа (или часть ее, в которую попал я) свернула направо и стала отсюда продвигаться к Невскому, приблизительно по на-

правлению Казанского собора. В один момент на нас с гиком и криками напали казаки, толпа бросилась бежать и была прижата к домам, но вскоре все заметили, что казаки только делают вид, что хлещут нагайками по спинам, а на самом деле бьют по воздуху. Опять паника сменяется торжеством. «Ура казакам!» — кричит толпа.

Дальше новая сцена. На этот раз на толпу в сотню-другую человек налетает отряд конных полицейских. Их совсем немного, всего каких-нибудь пятьдесят человек максимум, но этого достаточно, чтобы толпа бросилась бежать и, прижатая к домам, залегла, стараясь подставить полицейским только свои спины, а те стали лупцевать нагайками тех, кто поближе подвернулся. Помню, недалеко от меня залег какой-то студентик, полицейский усердно хлестал его по спине, на лице студента ярко было выражено чувство страха и паники, но отнюдь не боли. И действительно, как он потом рассказывал, его били совсем не «смертным боем».

Вся эта сцена полицейской расправы продолжалась, однако, очень недолго. Откуда-то подскочили те же казаки и начали бить полицейских нагайками! Те мгновенно исчезли. Опять крики торжества в толпе, а молодые казаки самодовольно ухмыляются. Как бы то ни было, толпе удалось дойти до Невского, там она слилась с другой толпой, запрудившей весь Невский проспект. Начались митинги, выступления ораторов, но пройти к площади Казанского собора, по-видимому, в этот день не удалось. Впрочем, события этого дня в памяти моей иногда смешиваются с тем, что происходило на Невском на следующий день, так что в моем рассказе могут быть неточности. Идти, однако, дальше к университету сквозь громадную толпу на Невском было неммыслимо, да и так я потратил много часов, чтобы добраться до Невского, и там также пробыл долго. Усталый, голодный (я целый день ничего не ел), я в поздние послеполуденные часы вернулся домой. Литейный, по которому я возвращался, был теперь полупустой, весь народ, очевидно, собрался на Невском, а многие, можно думать, возвратились по домам. Настроение было смутное и тяжелое, а еще более усталое.

На следующий день, в субботу 25 февраля, я опять вышел с утра из дому и направился к Невскому, чтобы оттуда попасть, если возможно, в университет. Не помню подробностей, но картина была, в общем, как накануне. Пустынная Сергиевская, множество народа, движущегося по Литейному к Невскому. Ни трамваев, ни городских, ни газет, конечно, — они исчезли с первого дня беспорядков. И даже, в отличие от предыдущего дня, не было видно ни казаков, ни конной полиции. Они, по-видимому, были стянуты в район Невского, так что толпа продвигалась в его направлении беспрепятственно. На самом Невском, близ Казанского собора, собралось несметное количество народа. Много десятков тысяч, не могу точно сказать, сколько. Впервые появились красные флаги, я, по крайней мере, их накануне не заметил. Небольшие, «портативные», их можно было легко спрятать в карман, некоторые на небольших древках. Их несли над толпой те, кто их с собою принес. Они же выкрикивали революционные лозунги: «Долой правительство! Долой самодержавие! Долой фараонов!» А вслед за тем, как-то более робко, следовало иногда: «Долой войну!»

Видно было, что, в отличие от предыдущего дня, появились «профессиональные» агитаторы и революционеры, стремившиеся организовать взбунтовавшиеся массы в желательном для них направлении. В подавляющем большинстве эти массы состояли из городского простонародья, рабочих пре-

имущественно, разных возрастов. Но было немало и студентов с их университетскими фуражками. Мужчины, конечно, всецело преобладали, женщин из народа, простых баб, почти совсем не было, зато было довольно много курсисток. Начались сентиментально-искусственные, как мне даже тогда казалось, несмотря на мои левые настроения, сцены «братания» рабочих со студентами. Рабочий берет у студента его фуражку, надевает ее себе на голову и отдает свою кепку студенту. «Да здравствуют студенты, — кричит кто-то из толпы, — они всегда с народом!» Какой-то молодой парень, на вид мастеровой, со смазливой, но пошловатой физиономией, берет под ручку молодую толстенькую, хорошо одетую, в шубке, кажется, курсистку с миловидным лицом и, шагая так с ней, громко разглагольствует: «Вы представить себе не можете, какие я в себе чувствую силы. Дайте мне волю, я черт знает что способен сделать. Но не могу! Нас душат, нас давит самодержавие, капиталисты. Мы поработены капиталом. А то бы я черт знает что был бы способен сделать!» Это «чертыханье» он повторяет много раз. Курсистка воспринимала эти громкие излияния с каким-то смущением, видно, она не привыкла ходить по улице под ручку с мастеровыми, но вместе с тем и с самодовольством, что она служит революции. Вскоре организовался грандиозный митинг, море голов. На какое-то возвышение вылез оратор, человек лет сорока с всклокоченной бородой в рыжеватом пальто, брюнет, но с русскими скорее чертами лица, и начал свою речь. Говорил он плавно, без запинки; видно, это был натасканный оратор. Говорил злобно, угрюмо, но без большого пафоса, без огня. Первая часть речи имела темой: «Долой самодержавие!», вторая: «Долой войну!» Оба эти лозунга он выкрикнул в конце каждой части своей речи. Толпа отвечала воем одобрения, аплодисментами, но должен снова сказать, что лозунг «Долой самодержавие!» имел несравненно больший успех, чем «Долой войну!». Последний лозунг казался каким-то непривычным, и чувствовалось, что он не вполне соответствовал настроениям большинства.

В это время произошло какое-то замешательство, движение в толпе. Раздались крики: «Провокатор! Провокатор! Поймали провокатора!» Оказывается, — так, по крайней мере, говорили в толпе, лично я ничего не видел из-за народа, — кто-то пытался крошечным фотографическим аппаратом снять оратора. Это заметили, аппарат вырвали и разорвали на куски, а с «провокатором» тут же покончили самосудом. «Мы его давно знаем, он нам известен», — говорили в толпе. Вскоре новая сцена убийства. Вижу, совсем недалеко от меня, но так, что из-за толпы трудно было что-то разобрать, происходит какая-то свалка, кого-то бьют, а другие кричат: «Не убивайте, не убивайте! Никого не надо убивать!» Подхожу. На земле лежит убитый полицейский офицер в шинели. Пристав или околоточный, я в этих чинах плохо разбираюсь. Лицо бледно-зеленого цвета. Глаза закрыты. Из правого виска течется кровь, из носа тоже. Из открытого рта слюна. Видно, он был забит до смерти. Это первый убитый, которого я вижу в моей жизни. Но как он, в форме полицейского офицера, очутился один среди этой многотысячной толпы взбунтовавшегося народа? Говорили, будто он хотел арестовать митингового оратора. Трудно поверить. Убитого куда-то уносят.

Толпа двигается вдоль Невского по направлению Николаевского вокзала. На этот раз никто ей не препятствует. Все больше и больше красных флагов, появляются целые красные полотнища с обычными лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Толпа заполняет почти всю ширину Невского,

простирается далеко в длину. Но не все идут посредине улицы с процессией. Много народу на тротуарах. Преимущественно интеллигенция, люди «прилично» одетые, но не только: много и простых людей, питерских обывателей или служащих. Они стоят неподвижно, молча, лицом к проходящей толпе. Внимательно, с серьезными лицами смотрят на нее, но ничем себя не проявляют — ни сочувствием, ни неодобрением. Это вызывает неудовольствие у демонстрантов. «Что вы там стоите на панели? — кричат из толпы, — сходите, присоединяйтесь к нам!» Люди на тротуаре, однако, никак не реагируют. Крики из толпы усиливаются: «Долой с панелей! Буржуи, долой с панелей!» Но люди на тротуарах продолжают неподвижно стоять и мрачно смотреть на демонстрантов.

Толпа идет дальше. Проходим мимо редакции газеты «День», самой левой из тогдашних легальных петроградских газет. На балкон второго этажа высыпали служащие газеты, с полтора десятка. Машут какими-то платками, черной материей, красных флагов они, видно, не припасли. Приветствуют демонстрантов. В ответ жидкие выкрики: «Да здравствует газета «День»!». (У большевиков эта газета была не в почете. Меншевицкого духа!)

Слышу нелепые разговоры, поражавшие меня своим невежеством (и это несмотря на мое сочувствие происходящему, как я уже отметил): «Сейчас ни один буржуй не выйдет на улицу без револьвера в кармане». Или: «От войны буржуи только наживаются. Самый последний лавочник получает сейчас более восьмисот процентов прибыли за свои товары». Но раздаются и более благоразумные голоса. Пожилой рабочий с умным лицом, сразу видно — положительный тип, говорит: «Я понимаю, немцы с их Вильгельмом должны теперь радоваться, что у нас сейчас начались беспорядки. Это им на руку. Нехорошо во время войны устраивать беспорядки. Но что поделаешь? Довели нас до этого все эти Штюрмеры. Как им доверить ведение войны?» Подходим к Знаменской площади против Николаевского вокзала. Со стороны Лиговки проходит пехотная воинская часть с ружьями за плечами, походными сумками и т. д. Идут рядами, направляются на вокзал. Рядом с ними офицеры. Видно, их погружают для отправки на фронт. Все больше пожилые, многие с бородами. Агитаторы из толпы стараются их пропагандировать, кричат им: «Долой войну!» Но солдаты не обращают на них никакого внимания. Молча продолжают шагать рядами.

Было около трех часов дня. Толпа остановилась на Знаменской площади. Опять начался митинг. Ораторы взобрались на возвышение у памятника Александру Третьему и оттуда зажигательными речами старались воздействовать на народ. Трудно было расслышать, что они говорили, но как будто тематика была обычная, революционная. Вдруг неожиданно, откуда ни возьмись (вероятно, со стороны Знаменской улицы, где они до сих пор находились), появились пять, если не ошибаюсь, конных полицейских с шашками наголо и устремились карьером на стоявших у памятника ораторов. В моей памяти ярко запечатлелся один из них, вероятно, начальник, с высоко поднятой вверх обнаженной шашкой. Трудно себе представить, какая паника овладела многотысячной толпой. «Рубят! Рубят!» — раздались крики. Все бегом устремились скрыться на прилегающих к площади и Невскому улицам; в частности, бежали на Знаменскую. Туда поспешил и я.

Должен сказать, что паника всецело охватила и меня. Это был не просто страх смерти, но и сознание бессмысленности и ненужности такой смерти не-

известно за что. Вернее, ни за что. Не было ничего, за что стоило бы умереть. Это ощущал я всем нутром моим, сознательно или бессознательно — не знаю, но с непреодолимой силой. И потому бежал и очутился на Знаменской улице. Но тут остановился и увидел, что остановились и все другие. Тут (или, может быть, пока я еще бежал) со стороны площади донесся до нас крик торжества, а вслед затем и голоса ликующей толпы. Что-то неожиданное произошло. Все стали возвращаться на площадь, сначала осторожно, потом смелее. Оказывается, — так говорили, сам я не видал, — казак подскочил к полицейскому на коне с обнаженной шашкой и выстрелом уложил его на месте. Остальные разбежались. Победа осталась за революцией.

Постояв немного, усталый, я вернулся домой пешком по Знаменской, — около получаса расстояния. Больше в этот день я не выходил. Положение все оставалось неопределенным, никаких столкновений с правительственными войсками мы еще не видели, разве с казаками, которые явно не хотели бороться, даже наоборот. События подавляли своим размахом, все нарастающей грозностью, но трудно было себе представить, что взбунтовавшиеся массы победят. Это было бы невероятно. Очень уж робка и подвержена панике была толпа.

Следующий день, 26 февраля, был воскресный. К этому времени вернулся в Петроград из Минска, где он служил уполномоченным Красного Креста на Западном фронте (после своей отставки с поста министра земледелия) мой отец, Александр Васильевич, так как в понедельник 27 февраля должна была открыться сессия Государственной Думы и Государственного Совета, членом которого он был по назначению. Выйти на улицу в воскресенье утром под предлогом идти в университет было невозможно, и я оставался все утро дома до завтрака около часа дня. Завтракали мы все вместе, настроение было подавленное, больше молчали, но вряд ли кто сознавал, что мы накануне событий, которые перевернут всю Россию. Во втором часу дня я вышел из дому и направился, как обычно, в сторону Литейного и Невского. Картина была та же, что и в предыдущие дни. Ни полиции, ни трамваев, ни войск, только на домах висел приказ командующего войсками генерала Хабалова о том, что ввиду продолжающихся беспорядков Петроград объявляется на военном (или осадном, не помню) положении. Всякие демонстрации и скопления народу на улицах воспрещаются, в случае неповиновения войскам дан приказ открывать стрельбу.

Не помню точно, как я дошел до Невского, ничего особенного в смысле демонстраций и шествий, по-видимому, не встретил. На Невском, однако, опять начал собираться народ, целыми толпами, но, как мне показалось, в меньшем количестве, чем в предыдущие дни. Возможно, что приказ генерала Хабалова кое-кого напугал. Все же образовалось внушительное шествие, которое двинулось от Казанского собора по направлению к Николаевскому вокзалу. Было около трех часов дня. Вдруг совершенно неожиданно, по крайней мере для меня и близ меня находившейся толпы, приблизительно около Александровской площади и памятника Екатерине II раздалась довольно частая ружейная стрельба. Стрелявших не было видно, и кто стрелял, я не знаю. Потом говорили, что это были солдаты Павловского полка.

При первых же выстрелах толпа бросилась бежать прочь от Невского на улочку вдоль сада, где памятник Екатерине, не помню ее название, по направлению к Александрийскому театру. Стрельба продолжалась минут пять-десять, как мне показалось (трудно сказать), и было впечатление, что стреляют по бе-

гущей толпе. Но удивительно! Не только убитых или раненых не было нигде видно, но не было и слышно ни свиста пуль, ни звуков от их ударов о мостовую. Создавалось впечатление, что стреляют холостыми снарядами. Или, может быть, стреляли в воздух? Это заметила и толпа. До сих пор она бежала или, когда стрельба усиливалась, залегала на тротуаре у решетки сада, а потом вновь бросалась бежать. Но увидев, что никого не убивают, люди поднялись и уже не бежали, а стремились разойтись и скрыться быстрыми шагами. Как бы то ни было, все опустело на улочке. В это время ко мне подошел незнакомый мне студент еврей. «Коллега, — сказал он мне, видя мое волнение, — как вас эти негодяи напугали. Стреляют по толпе! Вам, может быть, далеко идти до дому?» Я сказал, что живу на Сергиевской. «Это далеко, — заметил студент, — пойдемте ко мне на квартиру, я живу тут близко. Там переждем, а если хотите, и ночевать сможете остаться». — «Нет, мне нужно на ночь вернуться домой», — ответил я. Но пойти к студенту на квартиру согласился, хотя и без большой охоты, так как стрельба прекратилась и я не видел в этом особой надобности.

Студент жил где-то поблизости, на одной из улиц близ Садовой. Мы вошли в большую комнату на втором этаже, заставленную в беспорядке мебелью и вещами. Посредине как будто стоял стол. В комнату постепенно набралось свыше десяти человек. Три курсистки, остальные студенты. Все евреи, это сразу было видно и по их типу, и по манере говорить. Все они были революционно настроены, но вместе с тем, видимо, подавлены событиями. Среди них было двое-трое тридцатилетнего возраста, остальные более молодые. «Вот я привел вам товарища, а то его там на улице чуть не пристрелили», — представил меня приведший меня студент. Меня встретили любезно, хотя несколько сдержанно. Разговор, естественно, сосредоточился на событиях дня и на только что имевшем место обстреле толпы. «Слыхали, — говорил один из присутствующих, — Николай II перетрусил и удрал в ставку». — «Да, — возражал другой, — но перед тем он дал приказ стрелять по толпе. И что ж? Стоило дать несколько выстрелов, чтобы все разбежались». — «Да, но завтра все может начаться вновь!» — попытался возразить кто-то. Это мнение оспаривалось, однако, всеми. «Нет, нет! — говорили все, — революция подавлена. Завтра все успокоится, никто не выйдет на улицу». — «Никто не думал, что Николай решится стрелять в народ. А вот решился, и все разбежались». — «Не надо было начинать эту авантюру, раз народ неспособен к революции. Теперь самодержавие выйдет только окрепшим».

Разговор перешел на сионистов. Присутствовавшие ругали их, называли предателями, возмущались их нежеланием принимать участие в революционном движении. «Встретил я Гришу, — рассказывал один из евреев, — знаете, такой маменькин сынок, сионист. Говорит мне: «Нас, евреев, эта революция не касается. Я ведь не русский». Ах, мерзавец!» Кто-то, несмотря на присутствие женщин, стал рассказывать циничные анекдоты. Но его остановили, может быть, стеснялись меня. Они чувствовали, что я человек другой среды. А меня поражал невысокий культурный уровень этих студентов, их неосведомленность.

Просидев несколько часов в этой компании, с головой, усталой от всех этих разговоров и тяжелой от табачного дыма, я решил возвращаться домой. Студент, приведший меня сюда, самый симпатичный из всех, пытался меня от этого отговорить, но я настоял на своем и, поблагодарив его за гостеприимство, вышел на улицу. Было уже около девяти часов вечера. Погода переменилась. Все предыдущие дни было сравнительно тепло, около нуля, пасмурно, но без

снега. А тут ударил мороз. Я быстро дошел до Невского по совершенно пустынным улицам и вышел на него приблизительно против Надеждинской улицы. Но тут встретилось препятствие. Вдоль Невского, посередине него, в две шеренги стояли войска. Тесно друг к другу, так что пройти сквозь них было невозможно. На небольшом расстоянии один от другого горели костры, своим красноватым светом освещавшие стоящих в строю солдат. Перед строем ходили офицеры. Из небольших групп людей, толпившихся кучками на тротуарах, раздавались выкрики: «Долой офицера!» Помнится, как один из офицеров продолжал расхаживать взад и вперед, не обращая никакого внимания на кричавших. Но другой, по адресу которого тоже слышались выкрики, резко обернулся. Группка штатских сразу шарахнулась и попятилась.

Мне нужно было пересечь Невский, чтобы попасть домой, и я попытался пройти сквозь ряды стоящих солдат, но меня не пустили, сказали, что без разрешения нельзя. Я обратился к ближайшему офицеру, объяснил, что мне нужно вернуться домой. Тот сразу разрешил, и я прошел сквозь солдатские ряды, но мне пришлось проталкиваться между ними, так тесно они стояли. В течение получаса я благополучно дошел до дому, не встретив на улицах ни души. Дома я узнал, что взбунтовался батальон Павловского полка, но бунт был подавлен другими частями того же полка, и что зачинщики арестованы и будут преданы военно-полевому суду.

На следующее утро, в понедельник 27 февраля, я вышел из дому часов в девять-десять утра. Одновременно со мною вышел мой брат офицер Игорь, находившийся в это время в отпуску, как я уже сказал. Не знаю, по какому делу он вышел, но мы вместе направились налево по Сергиевской по направлению к Таврическому саду (не помню также, почему я в этот день пошел налево по Сергиевской, а не направо к Литейному, как обычно). Как бы то ни было, мы пересекли Сергиевскую и дошли до близко находящегося угла Воскресенского проспекта. И вот здесь, на углу Сергиевской и Воскресенского, мы услышали со стороны Кирочной, в десяти минутах от нас ходьбы по Воскресенскому, доносившийся оттуда не то вопль, не то протяжный крик. Слышно было, что вопили на расстоянии, что кричало множество голосов, сотни, тысячи, как казалось. Вопили долго, непрерывно, то усиливаясь, то ослабевая. И хотя голоса были мужские, но кричали на высоких нотах, истошно, с надрывом, не то с восторгом, не то с остервенением. И так долго-долго. «Что это такое? — недоуменно обсуждали мы с братом, — кто это так кричит и почему?»

В это время к моему брату подошел молодой, высокого роста унтер-офицер с приятным лицом. Он ловко стал во фронт, шаркнул ногами и, отдавая честь, сказал брату: «Ваше благородие, не ходите туда. Там на Кирочной взбунтовался Волынский полк. Там вас могут убить!» В голосе его ощущалось сочувствие и озабоченность о жизни офицера, даже лично ему незнакомого. Мы сразу поняли, что означали эти крики со стороны Кирочной. Брат мой смертельно побледнел, хотя сохранял спокойствие. На лице его изобразилось горе и страдание, как будто что-то дорогое для него рушилось на его глазах. Он поблагодарил унтер-офицера и пошел обратно домой. Я хотел было идти дальше, но мой брат начал строго требовать, чтобы я немедленно возвращался домой. Восстание в армии было для меня неожиданностью, казалось невероятным, но в отличие от брата я ощутил сильную радость. Вот она, настоящая русская революция, сейчас начинается. И это казалось мне тогда привлекательным и заманчивым. Очень уж кошмарной была вся петроградская атмо-

сфера в последнее время, так что неудержимо хотелось перемены и выхода. Тот, кто не был тогда в Петрограде, этого не поймет. Что было, то было, прошлого не вычеркнешь, что бы ни случилось впоследствии.

Через некоторое время я снова захотел выйти, но моя тетя, заметив это, сказала о том моему отцу. Отец строго запретил мне выходить из дому. Ослушаться отца нам никому не приходило в голову, я просидел дома, не выходя на улицу, два дня и потому дальнейшего хода революции я непосредственно не видел. Я мог бы поэтому прекратить здесь мой рассказ; добавлю, однако, еще немного, чему я все же был свидетель. За окнами нашей квартиры, выходящими на Сергиевскую, слышался гул многочисленных голосов. Мы стали смотреть в окна, хотя прислуга, пожилая горничная, меня оттаскивала, говорила: «Не надо! Увидят в окне, выстрелят, убьют! От них всего теперь можно ожидать. Бунтовщики, потеряли человеческого вид!» И действительно, по улице по направлению к Линейному двигалась беспорядочная группа солдат, человек сто пятьдесят—двести. Очевидно, это был взбунтовавшийся Волынский полк или, по крайней мере, часть его. С ружьями за плечами, не держа строя, без офицеров, они шли толпою посреди улицы, громко разговаривая между собою и то и дело останавливаясь. Наконец, кто-то крикнул «Вперед!», и все двинулись по Сергиевской. Но через минуту крикнули «Обратно!», и все солдатское стадо отхлынуло назад и скрылось за углом Воскресенского.

Во всем этом поражало полное отсутствие противодействия со стороны правительственных сил. «Я вижу революцию, но я не вижу контрреволюции», — заметил мой отец, смотря из окна на взбунтовавшихся солдат. Пошел мелкий, но довольно частый снег. Около этого времени в нашей квартире появился министр земледелия Риттих, бывший помощник моего отца и близкий ему человек. Он не смог добраться до своего министерства и прибыл к нам на квартиру, надеясь отсюда созвониться по телефону с правительственными учреждениями, выяснить обстановку и попытаться как-нибудь организовать сопротивление. Телефоны, несмотря на революцию, работали более или менее нормально, но все попытки оказались тщетными. В одних учреждениях говорили, что никого нет, в других не отвечали, в третьих уже работали какие-то комитеты. Не добившись ничего, Риттих скоро ушел. Он был возмущен быстрым правительственным развалом, бездарностью и безволием правящих лиц, военных и гражданских.

Вскоре на нашей квартире начали появляться своего рода беженцы, искавшие у нас безопасного места. Дело в том, что мой отец уже полтора года как ушел с поста министра земледелия и не был у власти, о его уходе многие жалели, он пользовался доверием в общественных кругах. Вообще он не был «одиозной фигурой», и потому наша квартира могла казаться многим безопасным убежищем. Конечно, это было чистойшей иллюзией. Первым явился друг моего отца, член Государственного Совета, барон Роман Дистерло, крайне правый по убеждениям. Отец оказал ему гостеприимство, но сказал, указывая на улицу, где бродили вооруженные солдаты: «Смотрите, до чего вы нас довели своими безумными резолюциями, своим сопротивлением всем нужным реформам. Вы ответственны за происходящее!» Барон Дистерло промолчал. Он был умный человек и понимал, что замечание моего отца основательно. Но если появление у нас барона Дистерло было понятно, так как он, несмотря на разницу во взглядах, был другом моего отца, то приход к нам бывшего премьера

А. Трепова был более неожиданным. Он совсем не был близок к моему отцу и в политическом отношении был его противником. И тут проявилась любопытная человеческая черта. Будучи у власти, да и вообще всю свою жизнь, Трепов был сторонником самых крутых и решительных мер, а тут, как только началась революция, он перетрусил чрезмерно и ни о каком сопротивлении, конечно, не помышлял. Был всецело занят вопросами своей личной безопасности. Пробыл у нас несколько дней.

В течение дня стрельбы почти не было слышно, и мы точно не знали, что происходит в городе. В послеполуденные часы на небе стали видны темные клубы дыма. Как выяснилось, это горел Окружной суд на Литейном, не так далеко от нас. Вечером в нашу квартиру позвонили. Вошел отряд вооруженных солдат, пять-шесть человек под командою какого-то штатского. «У вас, нам сказали, находится офицер, — спросили они, — мы должны его видеть, проверить. Нет ли у него оружия, а то с крыши вашего дома стреляют из пулемета». Конечно, это была чистойшей ложь, никто из пулемета не стрелял. Потребовали моего брата Игоря. Мама наша, Елена Геннадиевна, очень испугалась: «Вы его убьете!» — взволнованно заговорила она. «Не беспокойтесь, не убьем, — ответил штатский, — только проверим, есть ли оружие». Брат был в нашей комнате. Вошедшие потребовали сдать оружие. Брат побледнел, стиснул зубы, но отдал револьвер. Сопротивляться было бы безумием. Другого оружия не было. Между солдатами начался спор, забрать ли с собою брата или нет, но возобладало мнение не трогать. Солдаты ушли. Вероятно, они постеснялись присутствия нашей матери.

На этом я кончаю. Писать о том, что я лично не видел, мало смысла. Да и февральские дни кончились, наступил март.

*В. А. Кривошеин**

Брюссель, 1976

* Подпись *В. А. Кривошеин* (Всеволод Александрович Кривошеин) Владыка ставил сознательно под теми из своих воспоминаний, которые относил к разряду «мирских», или «светско-гражданских». Очерк «Февральские дни в Петрограде в семнадцатом году» печатался в журнале «Звезда» (1996, № 10).

Письмо матери

17/30 января 1932 г.
преп. Антония Великого

Дорогая Мама, милость Господня да будет с тобою!

Получил на днях твое письмо. Прости, что не поздравил тебя с Праздниками: сначала было много другой работы, а потом уже оказалось поздно... У нас Праздники прошли по-обычному. Особенно только праздновалась память преподобного Серафима Саровского (по случаю столетия его смерти). Обычно в этот день бывает полиелей (надеюсь, что, пожив в Обители Нечаянной Радости, ты разбираешься в разных видах богослужения и в их названиях), в этом году было устроено торжественное бдение (в другие годы мы не устраиваем бдения 2 января, так как накануне бывает бдение святителю Василию Великому); но в этом году было совершено два бдения подряд: святителю Василию Великому (1 января) и преподобному Серафиму Саровскому (2 января). Тем не менее бдение преподобному Серафиму (совпавшее с воскресной службой) прошло очень легко и радостно, в настроении почти пасхальном... Так велика благодать, дарованная ему Богом, что даже молиться ему легко.

Очень рад, что тебе удалось побывать на главных праздничных службах; грустно, конечно, что служба препятствует Кире бывать в церкви в рабочие дни, но что поделать: слава Богу, что ему удастся ходить в церковь хотя бы по воскресеньям и что у него есть к тому сердечное желание; а Господь смотрит на сердце, на внутреннее произволение, а не на внешнее его выполнение (когда это не в нашей воле). Здесь мы избалованы церковными службами и, как бы погруженные в эту атмосферу церковности, мало ее замечаем и даже, увы, недостаточно ценим. Но когда случается побывать в миру, то начинаешь ощущать, какого источника благодати мы лишаемся без церкви.

«Путь ко спасению» вышлю, как только получу деньги. Вышлю тебе также и жизнеописание Божией Матери. Отдельной платы за эту книгу не надо, вполне достаточно, если ты вышлешь деньги за кресты (да и то если это тебе не трудно).

Мне кажется, что ты поступила правильно, поселившись вместе с Кирой и оставив Обитель Нечаянной Радости. Жить там было тебе не по силам (а зна-

чит, и не на пользу), а монахини из тебя все равно не вышло бы — в твоём возрасте слишком трудно полагать начало. В древности, правда, были тому примеры (так, преподобный Павел Препростый пошел в монахи 66 лет и быстро достиг великой святости, так что по силе чудотворений превосходил самого Великого Антония, учеником которого он был). Но это особые благодатные случаи, им подражать неразумно (по словам преподобного Иоанна Лествичника), а общий опыт нашего времени показывает, что людям, перешедшим известный возраст, почти невозможно (по-человечески, конечно, ибо для Бога все возможно) внутренне стать монахами. Вот почему в некоторых греческих монастырях Святой Горы существует правило не принимать никого свыше 35 лет... Очень рад слышать, что в Обители Нечаянной Радости ведется строгая жизнь.

Частичка мощей Святого Великомученика Пантелеймона (о которой ты пишешь) пожертвована Карпатской Православной Миссии нашим Монастырем в 1931 году (игумену о. Серафиму Иванову, приезжавшему к нам тогда на Пасху). О православном движении на Карпатах я хорошо осведомлен, ибо в нашем монастыре живет 21 монах из Карпатской Руси. Они бывшие униаты, много пострадавшие за Православие и непризнание унии. Все они сравнительно молодые люди (26–40 лет), из крестьян, очень ревностные православные и хорошие монахи. К нам они поступили в 1922–28 гг. и продолжали бы поступать и сейчас, если бы греческое правительство не запретило бы им этого (отказали в визе). А помимо их поступления в Монастырь почти совсем нет. За истекший 1932 год опять умерло 20 человек, остается братии всего около 380 человек. Беженцев к нам поступило за все время сравнительно мало (сейчас у нас в Монастыре их около 10 человек), несколько больше в других обителях и келлиях (вместе взятых).

О моем здоровье не беспокойся — слава Богу, я вполне здоров и за все эти годы почти не болел (серьезно). В первое время мне было трудно переносить летом жару, но потом я к этому привык. Единственное, что иногда болит, — это зубы, но я их лечу (здесь это возможно).

Трудности монашества не столько во внешних тяготах (пост, продолжительные богослужения и т. д.), сколько во внутренней душевной брани, в умении извлекать душевную пользу и поддерживать «божественное желание» в обычном ходе монастырской повседневной жизни. Все опять сводится к «стяжанию Духа Святаго» — в чем преподобный Симеон Новый Богослов и преподобный Серафим Саровский усматривают цель всей духовной жизни и даже условие нашего спасения.

Не могу сказать, чтобы я хоть сколько-нибудь преуспел на этом пути. Характер мой за эти годы почти не изменился сравнительно с тем, что было в миру. Больше читаю о духовной жизни, нежели прохожу ее на деле (читаю во-обще много, в ущерб молитве). Хорошо только, что в монастыре имеются некоторые старцы большой духовной жизни (большей частью простые монахи — как, например, о. Силуан) — от них можно многому научиться.

Сейчас зима, на горах снег. Никаких гостей в это время года (от Покрова до Пасхи) не бывает. А там опять пойдут иностранцы (всех национальностей) — мне с ними приходится «возиться» (таково мое послушание). Среди них попадают люди с духовными запросами и интересом к Православию. Но таких мало.

Прошу твоих святых молитв.

*Твой сын недостойный монах Василий,
твой смиренный богомолец*

1. Игорь Александрович Кривошеин и его невестка Ксения (Ершова) в Париже на прогулке. 1984 г.

2. В рядах французского Сопротивления. 1943 г.

3. В компании друзей — Париж. Крайний слева брат Всеволод, будущий Владыка Василий. 1922 г.

4. Игорь Кривошеин (штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии). Крым. 1920 г.

5. На следующий день после выхода с Лубянки с сыном Никитой. Москва, Пушкинская площадь, июль 1955 г.

W. Senarade Kuisokine

39⁰
Krisochet

16. IV

«От начала войны все трое старших сыновей Кривошеиных рвались, как бы опоздать умереть за Россию. Да и отец говорил: какое учение, когда надо врага бить.

Двое старших по началу войны бросили университет и ушли вольноопределяющимися в артиллерию. С тех пор оба уже получили по солдатскому георгиевскому кресту, были подпоручики.

Третий сын, Игорь, едва окончив год назад гимназию, уже ни о каком университете и не думал, но тут же поступил на последний ускоренный курс Пажеского корпуса, с минувшей осени был уже прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии, проходил стажировку в запасной батарее в Павловске — и вот скоро счастливо успевал к главным событиям войны».

А. И. Солженицын («Красное Колесо». Узел III, Март семнадцатого, глава «Арест Игоря Кривошеина»)

ОФИЦЕР

Игорь Александрович Кривошеин

«...От начала войны все трое старших сыновей Кривошеиных рвались, как бы боясь опоздать умереть за Россию...» — так начинается в «Красном Колесе» (Март семнадцатого) 193-я глава, написанная А. И. Солженицыным и посвященная первому в жизни (однодневному) аресту тогда 17-летнего Игоря Александровича Кривошеина. Это произошло в самом начале Февральской революции.

Умереть за Россию так у Игоря Александровича и не получилось, зато пострадать за правду пришлось немало!

В эмиграции, с блестящим дипломом инженера, он вместе со своей женой Ниной Алексеевной увлекался младороссами, примкнул к масонству, был близок к «Православному Делу» матери Марии (Скобцовой). Во время войны участвовал во французском Сопротивлении, был арестован гестапо, выстоял страшным пыткам, был депортирован в Бухенвальд и Дахау. Сразу после войны в 1946 году был награжден Медалью Сопротивления.

Вернувшись из лагеря (он был на грани смерти от дистрофии), на свою беду увлекается советским патриотизмом. В 1947 году французские власти высылают в СССР целую группу эмигрантов, в их число попадает и Игорь Александрович с женой и четырнадцатилетним сыном Никитой. В Ульяновске, где определяют власти место жизни семьи Кривошеиных, Игоря Александровича вскоре арестовывают и ОСО приговаривает его к 10 годам ИТЛ за «сотрудничество с Международной буржуазией». В концлагере он провел почти шесть лет.

Уже много лет спустя, после ареста сына Никиты (1957—1960), затем его освобождения и выезда на Запад, Кривошеины решились на вторичную эмиграцию...

«...Игорь не испытывал страха !..» — фраза из того же «Красного Колеса». В превратностях судьбы, сквозь ошибки и испытания Игорь Александрович сохранил поразительную цельность, светлость и скромность — подлинно рыцарь духа!

И, как выше поминаемые, отличался он легкостью быта и бытия, тем высоким юмором, без которого главное и существенное затемняется, если не вытесняется частным и преходящим...

Н. Струве

1. Н. А. Кривошеина с сыном Никитой. Париж. 1935 г.
2. Прогулка по Люксембургскому саду с маленьким сыном.
3. Ульяновск. 1948 г.
4. Французский паспорт — «Вид на жительство».1947 г.
5. Во время путешествия по Франции. 1938 г.

Krivoborska

CARTE VALABLE
du *12/12/47*
au *10/01/48*

VALIDITE TERRITORIALE
DOMINE
Dans les départements du Nord, du Pas-de-Calais, du
Somme, de la Flandre française, de la Belgique, des Alpes-Maritimes.

Délivrée le *12/12/47*
par *M. Le Prêtre*
Le *Prêtre*

Нина Алексеевна Кривошеина (рожденная Мещерская)

Откликнувшись на исходе своих дней на призыв А. И. Солженицына, парижанка Нина Алексеевна Кривошеина написала для «Всероссийской мемуарной библиотеки» парижского издательства «ИМКА-пресс» одну из интереснейших книг о русской эмиграции и о советской жизни конца 40–50-х годов. Эта книга называется «Четыре трети нашей жизни» (в 1999 г. она переиздана в Москве в издательстве «Русский путь»). Н. А. Кривошеина была талантливая женщина, энергичная, да и судьба выпала супругам Кривошеиным удивительная!

К тому же, пройдя через все испытания, прожила Нина Алексеевна, несмотря на хрупкое здоровье, долгий век: жила и во дворцах, и в коммунальных лачугах советской провинции, а в конце жизни вернулась в любимый ею Париж.

Отец Нины Алексеевны — А.П. Мещерский — был инженер, энергичный предприниматель, богач, банкир, директор Сормовского завода, потом Коломенского предприятия. Была у Нининой семьи большая квартира в Петербурге, появились уже у красивой образованной девушки первые поклонники — будущий знаменитый экономист и богослов Кирилл Зайцев, композитор Сергей Прокофьев, первый брак... После Октября последовали арест отца (угроза его расстрела), ночной побег за границу по льду Финского залива, через год развод и вскоре второе замужество.

Вторым браком Нина вышла за Игоря Александровича Кривошеина, сына бывшего царского министра А. В. Кривошеина.

Русские странствия временно завершились в Париже и последовали 27 лет эмигрантской жизни, жизни вполне терпимой и даже весёлой! Игорь Александрович был блестящий инженер, у него была хорошая должность, а Нина Алексеевна открыла свой ресторанчик. Ресторан помещался вблизи русского собора, в нём происходили и встречи, и концерты, там пела Лиза Муравьёва, а подпевал за столиком младший сын Льва Толстого Михаил Львович. Позднее, в 1934 году, появился на свет сын Никита.

И вот однажды в 1931 году их друг Миша Чавчавадзе приводит Нину в кафе «Лё Вожирар», где знакомит её с членами партии «Младороссы». Теории младоросской партии примыкали и к нацизму, и к национал-большевизму того времени.

«Главное, что меня привлекало к ним, был их лозунг: «Лицом к России!» — признаёт Нина Алексеевна. Конечно, это «Лицом к России» не все младороссы могли вполне воспринять и переварить: иногда они впадали в нелепое и почти смехотворное преклонение, восторг перед «достижениями»... Но в начале

1930-х годов «новизна», а главное «молодость» младороссов соблазняла многих в эмиграции, а их лозунг «Царь и Советы» похоже, никого не шокировал. Остаётся добавить, что «лицом к России» и младороссы и левые евразийцы поворачивались в розовых очках или с завязанными глазами, а сведения о «достижениях» черпали из фальшивок коммунистических бюро дезинформации — от «агентов влияния» и от профессионалов коминтерновской разведки. Все, кто поверил этим фальшивкам, дорого заплатили за свои увлечения и легковере, и в их числе Нина Алексеевна Кривошеина.

В начале войны её муж (вместе с другими благородными искателями истины) был заключён оккупантами в лагерь Компьень, вскоре освобождён, примкнул к Сопротивлению, потом снова арестован нацистами и отправлен в Бухенвальд, а потом в Дахау. Именно в лагере он сблизился с советскими военнопленными, а после освобождения, вернувшись полуживым в Париж, он встает во главе движения за возвращение эмигрантов на родину, так называемого движения «советских патриотов». Как многие патриотически настроенные эмигранты, супруги Кривошеины взяли советские паспорта и, как все, никуда пока не ехали... но в конце 1947 года муж Нины Алексеевны был выслан из Франции через Германию в Россию, и семья последовала за ним, в провинциальный Ульяновск.

Вот тут-то и начинается самая драматическая часть мемуаров Нины Алексеевны. Действительность провинциальной России превзошла все ожидания семьи: лишения, голод, холод, убожество жизни, организованное и добровольное стукачество на них, произвол власти, приёмные КГБ и, наконец, арест мужа, лагерь, потом арест сына... Как дорого пришлось заплатить всей семье за патриотически-ностальгическое настроение!

В 1974 году, после 27 лет советской жизни, Кривошеины вслед за сыном Никитой возвращаются в Париж. Перед смертью, в 1981 году, Нина Алексеевна закончила работу над своими воспоминаниями....

Борис Носик

«На погосте 20-го века», «Золотой Век», СПб. 2000. Отрывок печатается с сокращениями и исправлениями.

В журнале «Звезда» (1999, № 10) опубликованы воспоминания Н.А. Кривошеиной «Нежданная встреча в Ульяновске».

Поездка в Москву для свидания с Игорем Александровичем

Никита с большим трудом устроил свою судьбу в Москве. Сперва он жил у Штранге, где у него был диван в столовой и утром чашка кофе с куском хлеба. Весь день он блукал по городу и старался подготовить себе поступление в какой-нибудь вуз — экзамены начинались в августе. Как-то утром он увидел, что остается тридцать копеек и, внезапно решившись, пошел в Издательство иностранной литературы и спросил, нельзя ли получить переводы на французский или с французского? Так вышло, что он сумел пробиться к самому заведующему французской редакцией Кристалеvскому; тот понял, что Никита прекрасно знает французский, и велел ему прийти вечером, а вечером дал небольшой перевод.

Вскоре последовал и второй заказ. Никита, бегая по всем учебным заведениям, ночью делал переводы и так прожил до экзаменов в августе. Но получилось все, как и можно было ожидать: его всюду ждал отказ: «Вы сами понимаете, молодой человек, ввиду положения вашего отца — мы вас принять не можем!» В последний день приема бумаг он с отчаяния пошел в Институт иностранных языков на Маросейке и там, опять получив отказ от директора Пивоваровой, учинил дикий скандал, кричал, что она не имеет права, бил кулаками по столу и, встав, заявил, что идет подавать на нее жалобу в ЦК. И вдруг она согласилась, приняла от Никиты бумаги и сказала ему: «Ну, подожди, шенок, ты уж больно прыткий, а вот как будет распределение на работу после окончания — я тебе такое дам направление, куда Макар и телят не гонял!!».

Так Никита попал на французское отделение студентом, что было полной нелепицей — ясно, что он знал язык несравненно лучше всех тогдашних преподавателей. Сперва он поселился за городом у сварливой родственницы Беклемишевых. Вставал в пять утра, почти ничего целый день не ел и, затемно вернувшись, валился спать. Наконец он не выдержал и пошел в Переселенческий отдел, к Пронину (я про него мельком уже писала — он был приятнее и человечнее, нежели его провинциальные подчиненные, вроде Веры Григорьевны Золиновой), и тот быстро устроил Никиту в общежитие института в Петровверитском переулке. Началась нормальная жизнь студента, живущего на скудную стипендию. Таких, как Никита, было немало, однако большинство студентов хоть малую толику все же получали ежемесячно из дому.

В начале октября 1952 г. Никита мне написал, чтобы я все сделала, чтобы приехать в Москву и добиться свидания с Игорем Александровичем. После приговора я имела право на такое свидание, а в свое время его не получила. Вскоре пришло письмо от Владимира Николаевича Беклемишева, он писал,

что если бы я надумала приехать в Москву, то их дом — мой дом, могу у них прожить сколько понадобится. Письмо было самое дружеское; я пошла к Любищевым его показать и неожиданно друг решила, что поеду. Такая поездка была явлением, казалось бы, простым, но меня это тогда потрясло, что вот я и поеду в Москву! Провинциальная рутина и меня затянула, и горизонт мой ограничивался хождением к Любищевым, чтением слепым и сидением в моей мрачной хибарке за Ильинским собором.

Билет в общий вагон мне купили Любищевы; я, конечно, предупредила Беклемишевых о своем приезде, и вот вечером, часов в одиннадцать, очутилась в вагоне, а платформа вокзала была буквально запружена ульяновскими барышнями, провожавшими целый выпуск молодых офицеров из Первого танкового училища: слезы, песни, цветы, бокалы шампанского. Так случилось, что полковник, сопровождающий весь этот выпуск до места первой службы — на чехословацкую границу, в местечко Чоп, сидел напротив меня, и все эти юные курсанты, только сегодня днем произведенные в первый чин, прибегали к нему из соседнего вагона, дежурные что-то ему докладывали — словом, этот отъезд оказался веселым. Кругом меня в вагоне все были возбужденные молодые лица, поразительно вежливый полковник, который стал меня занимать разговором почти салонного типа... Я уехала в Москву на свидание в тюрьме под крики: «Ура, ура! Пишите!» У всех моих спутников в вагоне были умильные и, казалось, славные лица. «Эх, полковник, а вы и не знаете, зачем я еду...» — «Зачем?» — «Да вот сын студент, еду его навестить...» — «А, это хорошо, что студент; ах, чудесная у нас молодежь!»

Так я еду незаметно и даже в отличном расположении духа в Москву; Никита меня встречает на Казанском вокзале. Огромный, украшенный фресками Лансере, зал набит как улей; всюду люди, авоськи, солдатские лари, одеяла в ремнях — гамон, шум, крики, милиционеры спуют между скамьями, кого-то у меня на глазах ташат. Толстая баба в вязаном платке на голове и в ватнике, надрываясь, орет, что вот этот сейчас ее обокрал; дети спят повсюду, на руках, на лавках... Никита говорит: «Это всегда здесь так, идем, идем, нам еще далеко до Сокола»; и правда, путь в метро далекий, но вот и Сокол, а тут за углом Первая Песчаная, дом 3, квартира 100; дом громадный, с большим внутренним двором; внизу парадной сидит суровая вахтерша; поднимаемся на лифте на пятый этаж, и дверь нам открывает сам Владимир Николаевич; видно, он уже нас ждет...

Он громадного роста, седой, статный, красивое лицо, манеры и говор вельможи — неужели такие люди еще остались?! Он держит адресованную мне краткую приветственную речь, потом, помолчав, добавляет со смешком: «Предупреждаю, пока вы у нас, меня во всем слушаться, я ведь для вас старший вроде, как вы знаете и как подтверждает сам Ключевский». Выходит его жена, милейшая Нина Петровна (про нее особо знаю от Любищева, он ее просто боготворит, говорит: «Такой второй женщины на свете нет»). А в столовой ждут сыновья Беклемишева Тин и Митя — старшему двадцать пять лет, младшему года двадцать два. Они оба еще много выше, нежели отец, и я внезапно конфужусь, проклинаю свой маленький рост. Садимся ужинать за круглый стол в большой столовой — все чинно, но не натянуто, все вкусно, все отлично приготовлено и красиво подано домработницей, словом — «все, как у людей»... Тут у них еще живет дальняя родственница, Александра Николаевна Любимова — старая девица, когда-то близко знавшая всех Кривошеиных, из них особенно

любила и знала она Ирину, старшую вдовую сестру Игоря Александровича. (Ирина давно скончалась, я ее не знала, а, видно, она была и умная, и добрая. Но... когда-нибудь про Ирину особо.)

В свободное время я гуляла по Москве, по улице Горького, по Арбату, да и по Ленинградскому проспекту тоже. И вокруг дома на Песчаной. После грязных улиц и жалких витрин Ульяновска Москва казалась каким-то высшим достижением шика и *prosperity*: я любовалась бесконечными сортами хлеба у Филиппова, входила внутрь — нанюхаться чудным ароматом хорошо выпеченного теста, подробно изучала витрину небольшого продуктового магазина неподалеку от дома Беклемишевых, а там была всякая всячина: семга, икра, судаки, фрукты, вина и даже несколько бутылок лучшего оливкового масла! Я была потрясена — значит, это только в Ульяновске ничего нет? Контраст был ошеломляющий.

Поразительная была атмосфера в этом доме, главным образом исходила она от самого Владимира Николаевича, — а он вполне мог внушить некий трепет; его беседа за ранним ужином велась будто и в обыденном тоне — однако его природная и незаметная вежливость прекрасного воспитанного человека, его полная осведомленность во всех областях жизни, будь то биология, литература или живопись — делали очевидным, что говорит он не только иначе, чем все остальные, сидевшие за столом, а и в одном ему присущем высшем регистре. При том, что знаменит он был работами по борьбе с малярией, он был из тех русских образованных бар-либералов, которые, казалось, все читали, всем интересовались, про любой предмет могли говорить авторитетно и увлекательно — думаю, век их кончился уж лет пятнадцать тому назад, эдак в 1965–70 гг.

В Беклемишевском доме все протекало чинно, без ухабов, казалось, ничто из окружающего в их обиход не проникало; а ведь они все четверо по мере сил и таланта работали усердно и с увлечением — и в том мире, вне квартиры, то одному, то другому приходилось преодолевать серьезные препятствия.

Конечно, можно сказать, что талант В.Н. все же был оценен. Он был членом Академии Наук, имел ордена — два ордена Ленина, еще какие-то советские, два высоких ордена персидских; их мне показывала Нина Петровна и объясняла, когда и за что Владимир Николаевич их получил.

Персидские ордена были тоже связаны с борьбой против малярии; в 1942 г. Владимир Николаевич был командирован Советским правительством в Иран (Персию тогда) с научной задачей и имел при себе некую «буллу», дававшую ему диктаторские права, т. е. он мог входить в любой дом, в мечети, в бани, в частные поместья — и там искать очаги комаров; ему была дана стража, конвой — не то черкесы, не то казаки.

Все, кто бывал у Беклемишевых, а это все были ученые (их дом был кооперативный — Дом Ученых, первый кооперативный дом вообще в Москве, только что отстроенный архитектором В. Афанасьевым), и все их соседи собирали чагу; это было всеобщее увлечение — наросты на осинах и березах будто бы излечивали рак. Даже Беклемишев искал чагу вокруг своей дачи в лесу. Все сушили чагу, делали опыты, как ее заваривать, сколько пить.

Погода стояла неплохая, сухая, не очень холодная. Как-то я заметила небольшой зеленый переулочек, вроде аллеи, там стояли лари и торговали всякой ерундой. Я решила разориться — до того у меня было твердое решение ничего себе в Москве не покупать — к чему мне было? Но тут купила ваксу,

черную и коричневую, шнурки для ботинок и, кажется, несколько мотков штопки; прошла еще подалее, и внезапно зеленая аллея открылась, тут была небольшая площадь, и с левой руки выросла передо мной чудесная ярко-белая церковь; было около шести вечера, шла вечерня, на ступеньках сидели нищие.

Я была поражена: так близко от громадных домов, магазинов, троллейбусов — и такая очаровательная церковь, а у Беклемишевых мне никто про нее не рассказал.

Я вошла в церковь, все внутри было в отличном виде, стиль постройки, лепки алтаря — все было позднего рококо, золото так и сияло на ярко-синем фоне; молящихся было довольно много. Я побыла почти до конца вечерни, но, боясь опоздать к ужину, вышла; старая нищенка молча протянула руку, я ей положила какую-то монету, она внезапно схватила меня за рукав и как-то очень быстро проговорила: «А, ты не тужи, не бойся — вернется, вот увидишь, побудетя...» Конечно, в эти годы это чуть ли не безошибочно можно было победить почти любой женщиной, но я испугалась внезапно и резкости ее слов и скорей побежала на Песчаную. Я потом еще несколько раз заходила в эту церковь, у Беклемишевых я узнала, что это Багратионовская церковь. Ее собирались в шестидесятые годы, при Хрущеве, отдать на слом, но отстояли.

На Кузнецкий мост мы почему-то пошли не сразу, а через день после моего приезда; особенного впечатления эта приемная в памяти не оставила. Сперва ждали в обширном помещении, где были такие же люди, как в Ульяновске. Какие-то старушки в бесцветно-скудной одежде, мужчина средних лет сидел неподвижно, будто больной. Мы с Никитой мало себя проявляли, как и прочие «чающие». Но вот наш черед: в сравнительно небольшом кабинете нас принял очередной полковник — сперва не хотел обещать свидания, все повторял: «У вас нет вызова». Никита убеждал полковника, что свидание после приговора является законным и что в свое время я его не получила. Это обсуждение длилось минут десять — полковник куда-то уходил внутрь здания, но, вернувшись, твердил все то же. Наконец он умолк, давая понять, что пора уходить. Но теперь я тоже подала голос и, не торопясь, объяснила полковнику, что живу в Ульяновске, что специально для свидания с мужем приехала в Москву, а это очень дорого, денег нет, и пришлось взять займы, и что же? Почему он мне отказывает? Полковник взял мое прошение и мрачно заявил: «Ждите, ответ будет не раньше, чем через неделю, ничего не обещаю».

Ответ пришел через десять дней, и там было сказано: «Свидание завтра в Бутырской тюрьме, явиться ровно к 10-ти часам утра». Перед выездом из дому глотаю чашку горячего чая, Нина Петровна сует мне в сумочку коробку сахара, пропитанного валидолом, мы с Никитой едем в метро. Станция Новослободская.

Входим в старинное здание тюрьмы, просмотр бумаг — проходите. Направо от входа большая комната — светлая, громадное окно с тяжелой чугунной решеткой; вдоль стены, под окном и до входной двери — скамейки — тут уже много народа, почти полно, но мы находим себе место под окном. В глубине помещения, слева, установлены решетки, через которые происходят свидания, а в правой стене, в глубине — оконце, из него дежурный выкликает фамилии; ему и надо отдать вызов на свидание. Из окошка голос говорит: «Ждите». Сажусь опять рядом с Никитой.

Через полчаса торопливо входит молодая женщина, с ней девочка лет пяти — они обе вклиниваются рядом с нами на скамейку; молодая дама, очень при-

ятная на вид, идет к дальнему окошку и дает там какую-то бумагу, ведет переговоры с вертухаем и опять садится рядом со мной; но вот справа от длинной скамейки, на которой мы все сидим, внезапно открывается малюсенькое оконце — я его раньше просто не заметила; внутри кто-то стучит пальцем по деревянной раме и вызывает кого-то; молодая дама встает, вынимает из сумки паспорт и делает шаг по направлению к оконцу, но внезапно девочка прыжком следует за матерью и дико, нелепо, громко кричит, захлебываясь от страха и волнения и складывая молитвенно руки: «Мама, ма-а-ма!! Не давай *им* паспорта, не давай, не давай, *они* не отдадут, мама, мама! Не давай, не давай!»

Бедная мама, бедные мы! Мать старается ее успокоить, говорит не очень громко, но так, чтобы все слышали, ведь ее ответ и служащие слышат. «Нет, нет, Наташенька, не бойся, ничего не будет, паспорт отдадут, вот ты сама увидишь, не бойся, не бойся».

Она усаживает девочку назад на скамейку, подходит к тому малюсенькому окошечку, куда с трудом проходит рука, просовывает паспорт. Оттуда голос тихо произносит: «Положите сто рублей». Сто рублей у ней зажаты в руке, и она их продвигает внутрь оконца.

Значит, есть заключенные, имеющие право получать из дому деньги? Этого я тогда не знала и была поражена.

Время идет, скоро двенадцать, кое-кого из сидящих начинают вызывать на свидание к решетке, стараюсь не смотреть в ту сторону — что-то вроде зоологического сада: «Рук за решетку не просовывать, зверям в клетку ничего съедобного не давать».

Пятилетняя Наташенька притулилась к матери и подремывает — ей, видно, все ужасно надоело, скучно, хочется домой; она вдруг встает и, неожиданно выступив на середину комнаты, потягивается и внятно произносит: «А хотите, я вам скажу стихи?» Все молчат, легкие улыбки и... Наташенька мило, ни капли не стесняясь, читает какие-то детские стихи, не то про котят, не то про медвежат. Надо сказать, она отлично, по-детски и без всякого кривляния читает стихи, и когда ей все чуть-чуть потихоньку аплодируют, изображает маленький реверанс. Она улыбается, ей весело, и объявляет всем: «Сейчас я вам станцую танец!» — и начинает танцевать — наверно, ее в садике учили. У нее очень хорошо получается. Общее умиление, какая милая девочка, и как она у всех на минутку сумела отогнать черные мысли.

Танец кончается, но девочка все стоит посередине комнаты, и вот она принимает позу: изящно отставляет одну ногу назад, поднимает руку и, показывая пальцем на то малое окошко, особым каким-то шаманским говорком протяжно выкрикивает: «А в этом ящике живет мой папа! Там его квартира! Это мой папа живет в этом ящике!» Мать вскопчила, лицо белое, сажает девочку назад на скамейку — воцаряется тишина.

Свидания продолжают, уже второй час, скоро конец приема... а нас не вызывают; молодая дама с девочкой тоже уходят, дама мне слегка кивает головой на прощание.

Иногда из сеней проходят до коридору военные, двери щелкают, закрываясь, и они уходят внутрь здания, позвякивая ключами; мы с Никитой сидим, не двигаясь, как в злой сказке... Но ведь ноябрь, день короткий, начинает смеркаться, по приемной ложатся легкие тени, уж почти пять часов дня. Я вскакиваю, быстро подхожу к окну в дальнем углу, стучу — дежурный нехотя открывает. «Послушайте, тут какое-то недоразумение, у меня на вызове сказано —

быть точно в десять утра, вот уж семь часов, как мы ждем, узнайте, в чем дело. Скоро начнут закрывать — что же мне делать?» Он не сразу отвечает: «Раз назначено свидание — значит, будет». — «Прошу вас справиться, узнайте, вам начальство скажет, в чем дело». Он говорит: «Сидите и ждите». Еще проходит время, уж седьмой час, зажигают на потолке скудные лампы, все чаще из коридора доносится звон ключей. Хлоп! Дверь закрылась, звон медленно и гармонично уходит далеко, внутрь Бутырки.

Становится страшно — что это? Капкан? Да кому он нужен? Но ведь уже пора домой — верно, Беклемишевы с ума сходят от волнения; встать и просто самим пойти к выходу? Но там все закрыто. Из окошка доносится голос: «Подойдите к окну, гражданка», — это я, никакой другой гражданки в приемной давно уже нет. Он мне говорит: «Да, тут чего-то напутали, через полчаса свидание будет». Что же дальше? Еще минут десять, из коридора входит офицер: «Это вы Кривошеина?» — «Да, да». — «Идемте со мной».

Он нас выводит в сени и оттуда в тот таинственный коридор — шелк, дверь закрылась, потом открывает дверь направо в коридоре, зажигается свет. «Входите», — мы с Никитой входим в совершенно пустую обширную комнату, даже ни одного стула нет. Офицер (очень молодой и аккуратненький) говорит: «Какие-либо вопросы будут?» — «Да, — отвечаю, — скажите, здесь есть поблизости уборная?» Он, верно, ожидал, что я стану требовать, возмущаться — столь тривиальный и необычный для него вопрос его смутил, но он сразу спохватывается: «Вот здесь, в глубине». Он ждет меня, Никиту: «Вас позовут, еще минут десять...» Козыряет и уходит назад в коридор — шелк! Дверь за ним закрылась; смотрю на часы, уж без четверти семь, тихо, ничего не слышать — мы с Никитой остаемся вдвоем, запертые внутри тюрьмы, в жутко холодной комнате. Меня сразу берет озноб; хожу, чтобы согреться, из угла в угол, время тянется невозможно. Мы молчим. Еще проходит двадцать минут — дверь открывается, какой-то дежурный говорит: «Идите на свидание, ваш муж прибыл», — и мы идем по коридору в помещение для свиданий. Длинный узкий стол, стулья по две стороны стола. «Садитесь, руки держите на столе, никаких рукопожатий, ничего не передавать». Через минуту входит Игорь Александрович в сопровождении стражника и садится против нас по ту сторону стола, стражник садится неподалеку у стены на табуретке.

Что сейчас сказать про это единственное за пять лет свидание? Оно прошло уныло, в состоянии полной растерянности всех троих; оно принесло с собой лишь еще большее опустошение и отчаяние. Как только я села за этот стол, сразу почувствовала, что все, что я хотела сказать, рассказать — за десять часов ожидания в приемной из моей головы вылетело; я болезненным усилием пыталась восстановить все те фразы, которые, казалось, ловко заготовила вчера вечером... нет, ничего не являлось. Я решила не говорить о том, что нам туго и тяжело живется, что у меня нет постоянного заработка; говорить «о деле» было запрещено, называть знакомых, пожалуй, лучше не надо. Я все же сумела в путаной и бессвязной беседе через стол сообщить Игорю Александровичу, во-первых, что мы побывали с Никитой в Новодевичьем на приеме у митрополита Николая Крутицкого, что он обещал немедленно хлопотать «и очень обнадежил» нас; второе, что наш ближайший друг по парижской жизни, Григорий Николаевич Товстолес, вернулся на родину «на двадцать пять лет». Я знала, что Товстолес в 51-м году был во Франции арестован и выслан, попал в советский сектор Берлина, через два дня очутился в тюрьме Моабит, где и был воен-

ным трибуналом приговорен на двадцать пять лет как бывший участник «Евразийского Объединения» и вывезен в скотском вагоне куда-то в дальние лагерь.

Конечно, тогда я и предположить не могла, что через несколько лет, в 1956 г. милый Гриша Товстолес прямо из Тайшета явится к нам в Москву, где и мы только-только зацепились жить по «временной прописке». Не знала и того, что в тот день свидания Марфино забыли предупредить, и только уж в пять часов дня туда позвонили из Бутырки — а дело было в субботу, в Марфино всех повели в баню, — и вот уже в седьмом часу Игоря Александровича начальство выхватило из бани, одело в какой-то костюм и помчал в «воронку» в Москву — все это узналось потом, через целых три года.

Мы вернулись на Песчаную к десяти вечера, там были смятение и страх — искать ли нас, а если и утром не вернутся? Тин слабо пытался острить что-то за столом, пока мы с Никитой ужинали, но Нина Петровна на него взглянула, и он умолк.

*

Я прожила тогда в Москве шестнадцать или восемнадцать дней. И уехала не сразу после свидания в Бутырке. Внезапно для меня появилась какая-то надежда на более успешные хлопоты, и это-то, главным образом, меня и задержало. В эту же вторую часть моего пребывания на Песчаной я продала свою шубу. Беклемишевым про эту продажу не говорила, боясь, что они постараются ее купить подороже, чтобы мне «подкинуть денжат».

Новые хлопоты, по иному, неожиданному для меня руслу, подсказал Никита. Оказалось, до меня приезжал в Москву из Одессы, где он жил с 1947 г. и работал там в семинарии, Николай Алексеевич Полторацкий, друг Кирилла Кривошеина, бывший председатель Фотиевского Братства в Париже. Он Никиту знал еще мальчиком в Париже, виделся с ним у кого-то из общих друзей и повел его с собой в Новодевичий монастырь на прием к митрополиту Николаю Крутицкому. Как заведующий Иностранным отделом Патриархии митрополит Николай отлично знал и про другого брата Игоря Александровича, Василия, который жил в Оксфорде и недавно до этого был возведен в сан иеромонаха. Владыка Василий провел на Афоне более двадцати лет; но уже в те годы был известен своими богословскими трудами, в особенности про Григория Паламу, — однако священнический сан долго не решался принять: во время отступления Белой армии в 1919 г. у него были отморожены, а потом и отняты два пальца на руке, и он считал, что из-за этого не имеет права стать священником. Но Московская Патриархия, которой он всегда оставался верен, предложила ему принять священство, невзирая на увечье, и Николай Крутицкий являлся прямым его начальством.

Словом, пойти на прием в Новодевичий вполне стоило, и ничего дерзкого тут не было, но я боялась (а мне ведь следовало или всего бояться, или же, наоборот, не бояться ничего). Когда мы с Никитой подходили к монастырю, все казалось каким-то наваждением — идти в знаменитый монастырь, куда когда-то многие боярские и царские дочери попадали не по своей воле и до конца жизни, без надежды когда-либо освободиться от черной скуфии и манттии.

Большая лестница, длинный коридор или галерея, под сводами все чисто побелено, стулья и диванчики около дверей; у одной из них много ожидающих: священники в рясах и в штатском, две женщины неопределенного вида... Служитель в темной куртке, с большим и бледным лицом, не без самоуверенности, даже, пожалуй, не без наглости.

Я к нему подошла, тихо (ведь монастырь) спросила, где подождать на прием к Владыке Николаю, и мы с Никитой сели на диванчик. Прием посетителей шел тягуче, чрезвычайно медлительно — прошло около получаса, а из кабинета Владыки вышел только один человек, я наклонилась к старенькому священнику, сидевшему рядом с нами, и спросила его: «А вы, батюшка, давно ждете?» — «Да вот уж шестой день, — со вздохом ответил он, — боюсь, что так и уеду восвояси, мне долго отсутствовать невозможно!» — «Мне ведь тоже невозможно, — шепчу Никите, — пойдем, все равно нам не попасть, я не хочу больше стеснять Беклемишевых — а тут и края не видно...»

Проходит еще какое-то время, и Никита тихо шепчет: «А вы подойдите к этому служке и скажите ему, что вы родственница дяди Гики (Владыку Василия в детстве звали почему-то в семье Гика) и что просите, чтобы вас сразу приняли. Не уходите же так... Надо решиться теперь, а то он вдруг уйдет на обед!» Не решаюсь никак, и вдруг, а ну-ка, и вот уж встала и быстро подхожу к служке в куртке и слышу, как говорю резко и слишком громко: «Будьте добры, прошу вас доложить Владыке Николаю, что я близкая родственница иеромонаха Василия Кривошеина, который живет в Оксфорде, и что прошу меня принять. Я приехала издалека, мне трудно долго ждать». Моментальная пауза раздумья, и он говорит: «Сию минуту, как выйдут, сразу доложу». Так оно и случается, минут через десять выходит очередной посетитель, служитель скользит в кабинет и, выйдя, подходит ко мне: «Проходите в кабинет, Владыка вас ждет»... Мы с Никитой входим в заветную дверь, на секунду у меня дурнота и почти обморок, но вхожу — и сразу с собой совладела: только много не говорить и ничего лишнего! И спокойно.

Подходим под благословение, садимся: Владыка Николай первый заговаривает со мной, расспрашивает, как живу, где — умолкает. Я начинаю говорить, что приехала получить свидание, надеюсь скоро получить разрешение, на все мои вопросы и прошения в высшие инстанции всегда ответ один — осужден справедливо по статье такой-то. Про себя говорю как есть: постоянной работы получить не удастся, а ведь год, когда я преподавала в пединституте, в общем дал результат положительный, и я могла бы там понемногу укорениться — студенты мои вполне успешно учились, я знаю отлично три иностранных языка, могла бы и переводить и преподавать... Умолкаю.

Владыка Николай говорит что-то вроде: «Не отчаивайтесь, все еще наладится». А через некоторое время он как бы внезапно поворачивается в кресле ко мне и говорит совсем уж иным тоном: «Не торопитесь уезжать; пойдите домой, спокойно сядьте и напишите прошение на имя Шверника — главное, напишите все подробно».

Конечно, я верила, что Владыка Николай чем-то сможет нам помочь, а может быть, не признаваясь себе вслух, просто надеялась получить от него денежную помощь. Ведь он кое-кому щедрой рукой давал деньги, особенно тем из приехавших с Запада, кто к нему обращался, об этом я еще в Ульяновске слыхала.

Но имя Николая Михайловича Шверника* меня почему-то удивило — ведь он, собственно, был Президентом Республики; разве он имел какое-либо отношение к лагерям, к миллионам осужденных на даровую каторжную работу? Я не знала, что право помилования было в ведении Президиума Верховного Совета СССР.

«Простите, Владыка, почему именно Швернику?» — «Да я его прекрасно знаю и часто вижу, — ответил Владыка Николай, — я при следующем свидании передам ему ваше прошение в руки. Напишите, и в следующий приемный день принесите мне — я скажу, чтоб вас сразу пропустили... Да пишите подробнее, я очень надеюсь на Николая Михайловича».

Благодарим за внимание, за сочувствие — благословение, и мы оба уж снова в белой галерее, где все так же безмолвно и скромно провинциальные ба-тюшки чают приема.

Наступает день приема в Новодевичьем, и я снова с утра еду туда; в сумке — подписанное прошение на имя Шверника. У меня появилась искра надежды, раз Владыка сам предложил и близко знает Шверника. Вхожу в галерею, где все так же сидят ожидающие, служка мне кланяется, говорит негромко: «Сейчас доложу про вас», — потом подает мне легкий знак, и я бесшумно, как и все, что происходит в этом фетровом царстве, вхожу в кабинет Владыки. Почему-то я одна — мы, видимо, решили, что Никите на этот раз меня сопровождать не следует. Все идет чин-чином, после благословения сажусь и... умолкаю. Владыка спрашивает: «Что же, принесли прошение?» Подаю ему конверт; он молча и слегка нахмуренно все целиком читает. «Ну, что же, прекрасно, — говорит Владыка, — отлично написано, завтра увижу Николая Михайловича и передам. — И, помолчав: — Николай Михайлович хороший человек, очень добрый, хороший друг, я с ним на «ты». Да, да, близкий друг». Я благодарю, спрашиваю. «Когда же можно надеяться на ответ?» — «Вряд ли долго придется ждать, — говорит Владыка, — а вы скоро Москву покидаете?» Отвечаю: «Да уж через два дня, мне неудобно долго жить у знакомых, а там меня мои слепые ждут, они иначе учиться не могут». Внезапно Владыка спрашивает: «А вы какие языки преподавали? Расскажите подробнее!» Рассказываю про пединститут и как меня сняли с работы за две недели до ареста Игоря Александровича. А теперь учеников совсем нет, люди предпочитают ко мне своих детей не посылать.

Владыка Николай говорит, помолчав и, видно, что-то обдумав: «Вот что я могу вам предложить — хотите переехать жить в Одессу? Там нужны люди, хорошо знающие языки, особенно французский, я говорю про нашу одесскую семинарию, они вам дадут ставку, чтобы вы были все же обеспечены, а обстановка у нас в семинарии приятная, мирная. А вы уже французский язык преподавали?»

Я совершенно смущена, ведь французский язык вот уж пять лет как преподает в семинарии наш друг Полторацкий, он же для семинарии делает и переводы с французского. «Но мне казалось, что там Николай Алексеевич, ведь он, надо думать, обеспечивает все классы... что же он... как же это? А в Ульяновске

* Шверник Н. М. — председатель Президиума Верховного Совета СССР с 1946 до 1953 г., затем председатель ВЦСПС.

я преподавала немецкий и английский...» Владыка Николай меня перебивает: «Ничего, ничего, я слыхал, что вы прекрасно знаете языки, справитесь, конечно, да и если что, Николай Алексеевич поможет, ведь это такой милый человек. Ну, вот что, возвращайтесь в Ульяновск, но уж понемногу начинайте готовиться к переезду в Одессу, я вас немедленно извещу, вот адрес ваш тут есть — а вам уж в Одессе придется сразу приняться за дело — там по языкам иностранным у нас нехватка. Ну, вот, так и решено, вам в Одессе будет много лучше жить».

Я до того смущена, до того огорошена. Владыка Николай это, конечно, замечает: «Да вы не смущайтесь переездом, у вас ведь будет в руках вызов на работу, увидите, все будет отлично — главное, духом не падайте».

Я ухожу, произнеся все формулы благодарности, подобающие в таком положении — неужели я покину ненавистный Ульяновск, его хмурое, всегда глядящее исподлобья население?

Отъезд из Москвы происходит под знаком идиотского события — решаю кутнуть и покупаю билет в «мягкий» — ведь я продала шубу, мне можно разок поехать в мягком... Из Беклемишевых меня никто не провожает — только Никита и две приятельницы. Увы, оказывается, что Никита разорвал посадочный талон. Без него ни в один вагон, даже самый жесткий, не пускают; бегаем вдоль состава, умоляем впустить в поезд — нет, ни за что. Неужели вернуться на Песчаную? Я от отчаяния даже не ругаю Никиту; до отхода поезда остается четыре минуты, мы все стоим печальной, поникшей группой — вдруг из тамбура вагона, как раз надо мной, молодой голос мне говорит: «Садитесь в мой вагон, гражданка, так хоть уедете, а там, может, и место вам найду». Милая проводница помогает подхватить мой багаж, да и меня подтаскивает вверх по ступенькам вагона; обращаясь к Никите, говорит: «Эх ты, парень, ты что же это, всегда такой?» Но вся группа вздохнула свободно, свисток, еще, еще, и поезд движется — машу рукой из тамбура, вот и едем. Вхожу в вагон — о, ужас! Все, все занято, на всех местах сидят военные моряки — этот вагон идет до Владивостока, отпускники возвращаются на свой Тихоокеанский флот, им ехать девять дней, и они уже начинают устраиваться. Все же сажусь и сижу молча, на всех столиках начинают вырастать литровые бутылки водки, круги украинской колбасы, кирпичи черного хлеба, фляжки и стаканы, махорочный дым уж заволакивает вагон. В углу против меня сидит полковник — что это мне везет на полковников? Он наклоняется ко мне и чрезвычайно учтиво (наверно, на Казанском вокзале наблюдал в окно, как мы вперед-назад бегали!) спрашивает, куда я еду. Качает головой: «Что вы, да вы и не представляете себе, что тут будет твориться через часа два! Нет, нет, вам нельзя, вы просто не выдержите, да и вообще... мало ли что!» Помолчав, добавляет, что сам едет до Рязани и там мне передаст свое место, так что хоть сидеть где будет, но это же не решение вопроса: ищите скорее другое место. Я его благодарю, сижу, оцепенев от обиды и несправедливости судьбы, булькает водка в первых стаканах. Меня дергает за рукав та молодая проводница: «Идемте, идемте скорее, я все вагоны избегала — нашла вам место, неважное, ну, да хуже чем здесь нет». Она подхватывает мои вещи и ведет через весь поезд в вагон «матери и ребенка». Это далеко не идеал, но все же; хочу ей сунуть в руку десять рублей, но она не берет ни за что. «Нет, нет, что вы, ведь вам помочь хочу!»

Понемногу и в этом вагоне становится тяжело, «матери» без конца и громко рассказывают друг другу историю своей жизни — все, все подробно, и про мужа, и про золовку, и, конечно, про аборт, про гадалок, про гада-начальника, который строит мужу козни. За Рязанью резко холодает, говорят, тут уже до 20° мороза; девушка поддает в топку угля, и понемногу жара в вагоне становится невыносимой — выхожу в тамбур покурить, там после дикого пекла кажется холодновато. Тут какой-то высокий человек лет тридцати, в кепке, видно рабочий, курит свои козьи ножки; мимо нас раз и два проходит молодая женщина с громадным, туго набитым мешком, потом она возвращается в обществе начальника поезда. Тот ее чему-то наставляет тихим голосом — глядите, ведь поезд стоит всего минуту, ступеньки обледенели; а за мешок не бойтесь, я вам брошу.

Начинает темнеть, снаружи поземка, и вот поезд снижает скорость, все медленнее. Остановился. Смотрю в окно: пусто, плоско, серый снег хлопьями — та молодая женщина и начальник поезда уже тут, в тамбуре; он открывает дверцу, холод обжигает нам лицо, женщина собирается выходить из поезда почти на ходу, но начальник ее придерживает за рукав зимнего, толстого пальто; но вот она прыгнула вниз... «Есть?» — кричит начальник. — «Да, да, стою», — кричит женщина. Он со всего маху кидает ей мешок, свисток, мы уж двигаемся — внезапно из мглы вырастает деревянный полустанок, совсем пустой, никого; я вдруг читаю почему-то вслух: «Потьма», поезд набирает скорость, кругом снег.

Обращаюсь к рабочему: «Это куда же она, тут будто и дома-то ни одного нет, такая молодая, одна, с этим громадным мешком, да и буря». Он смотрит на меня равнодушно, говорит: «Ничего, тут поселок есть, только он с той стороны, его и не видно...» — «Что же это за название странное — Потьма?.. Татарское, что ли?» Рабочий объясняет: «Нет — Мордва тут, тут ведь Мордовия...» А... что это? Ведь я что-то должна знать, что-то должна понять... Но нет, никак. Мы стоим и курим до утра, в вагоне + 32°, дети, очумев от жары, в одних рубашонках — плачут, капризничают.

Меня встречает Ольга Петровна Любищева, везет домой в такси — они из первых, что появились в Ульяновске; вечером иду к ним, все подробно рассказываю, и про Бутырку, и про Новодевичий — одесский проект здесь, в Ульяновске, звучит малоубедительно. На следующий день валюсь в дикой простуде, с жаром и удушающим кашлем на целый месяц, докторша убеждает меня лечь в больницу. Нет, ни за что — меня лечит Екатерина Николаевна, моя соседка, учит мазать нос перьями свежего лука и на ночь дышать отваром картошки в шелухе — читать слепым я не в состоянии, а ведь у них скоро сессия.

Это уж декабрь 1952 г., надвигается грозный 53-й. Тянется дело врачей, Надежда Яковлевна покидает Ульяновск, Амосин ходит, как пришибленный, молчит — от него ни слова не добьешься. Безобразные эпизоды — анекдоты постепенно сходят на нет, но гуца населения твердо и уж навсегда усвоила, что знаменитые кремлевские врачи — да и не одни жиды только, а вот и Виноградов с ними был! — за доллары продавали что-то или кого-то, отравляли или отравили кого-то там наверху, кто в Кремлевке лечится, а у нас в Ульяновске, вы думаете нет? Да и у нас тоже, вон у Степановых теща ослепла, а ей глаза как раз жид лечил, вот вы и понимаете что к чему...

Жид, жид — да что же это за наваждение? Вот почему у нас очереди, почему нет муки, почему нет. Итак... *Juden raus!* — Опять! Но Боже упаси это вслух сказать, да неужели же вы с Гитлером сравниваете? Ведь там фашизм был... это-то вам ясно или нет? Да, да, все ясно, а впрочем, я вот тихо, тихо живу в своей кухне-прачечной и помалкиваю, я уж почти и не дышу.

Солнце светит по-весеннему, черный шлак из жерла фабрики «КИМ», покрывающий крепкой коркой весь наш квартал, поблескивает, и Васька веселится во дворе — приходит Екатерина Николаевна за водой с двумя громадными высокими ведрами. Молча разворачиваю перед ней последний номер «Правды» — почти вся первая страница бессовестно и безудержно покрыта потоком приветствий, пожеланий и благодарности «нашему отцу, учителю, самому мудрому и доброму человеку, любимому Вождю и Учителю всего народа... и желаем ему здоровья, счастья, надеемся еще долго жить под его мудрым руководством., вечной, вечной ему жизни!» Тут и из Тюмени, и из Оренбурга, из Кишинева, из Черновиц, да разве перечесть!

— Екатерина Николаевна, да что же это? Ведь дальше уж слов не хватит, и все в превосходной степени, все выше и выше забирают! Что будет, что будет?

Она шепотом отвечает: «Да, ужасно и безумно страшно. Я и сама уж больше ничего не пойму». — «А Ирочка?» — «Что Ирочка, молчит, и лицо каменное, и говорить с ней боюсь».

Так жизнь идет, все на месте, слепые приходят, исправно учу их немецкому языку, объясняю им про ионические и коринфские колонны в Греции, читаю вслух Ленина — это теперь часто приходится, хотя многое и есть на Брайле — бесконечные периоды в полстраницы, где *zu* «на конце» очень утомительны, да я и вообще начинаю быстрее уставать.

Приезжает на февральские каникулы Никита, веселый, с отекившим лицом — в общезитии питается одними пельменями, по две пачки в день. Да у него уже любовь — «предмет» удивительно неудачный, и чуть ли не сразу мне понятно, что это неспроста, девицу Никите грубо подкинули, у нее в институте слава вполне определенная. Пытаюсь хоть немного раскрыть ему глаза, но, конечно, тщетно, мать, увы, всегда бессильна.

После моей поездки в Москву ко мне какие-то люди начинают заходить чаще. Вот Вера Михайловна Еленевская — когда-то в первый год мы с Игорем Александровичем у них бывали, нас познакомила Вера Александровна, сестра Угримова, которая тогда жила под Ульяновском, в Майне. Сам Еленевский — профессор какой-то сельскохозяйственной науки, партиец. Его начальник сам Красота, тот, который напал на Любищева. С тех пор, как я осталась одна, Еленевский ни разу не поклонился мне на улице — перебежал на другой тротуар.

Я уже не лежу, и кашель начинает затихать; в сенях стучат в дверь, входит Вера Михайловна — в хорошем пальто, в отличной меховой шапочке; ей все идет, у нее прелестное петербургское лицо, манеры, говор, она умница, беседы о музыке и концертах между нами, кажется, никогда не иссякнут. А ведь я не видела ее больше двух лет! С ней Джим, роскошный пойнтер — протягиваю руку, чтобы его погладить, три года назад он был мне закадычным другом.

«Нет, нет!» — шепотом говорит Вера Михайловна, — отнимите потихоньку руку, у него тяжелый авитаминоз, и мы боимся, чтобы он не наделал какой

беды». Джим кладет тяжелую деревянную лапу мне на колени, но я не смею его погладить.

Вера Михайловна оглядывает мой «дом», и мы очень быстро и вполне естественно начинаем беседу про все: про Никиту — как он в Москве? «Говорят, вы добились свидания?» Потом так же просто переходим на музыку и про давние концерты, а вот она была в Ленинграде и там слушала Баха в чудесном исполнении, вдруг все снова просто, этих двух лет будто и не было. Да и на кого я имею право сердиться или обижаться?!

Но вот она смотрит на золотые часики: «Ой, пора, пора домой, а то ведь Семен Николаевич и не знает, что я к вам пошла, он может вдруг забеспокоиться». Она вынимает из сумки 500 рублей и мне подает: «Только не отказывайтесь, я знаю, как вам надо, я давно бы принесла, но сами знаете, как жизнь...» Вера Михайловна с Джимом уходят.

А вот и другой друг, неожиданный и негданный, доктор Александра Александровна Греч; она работает в той поликлинике, где я не бываю, потому мы и не были знакомы до того времени, как она сама на улице со мной не познакомилась. Это было осенью 1950 г., она меня остановила на улице громким восклицанием: «Здравствуйте, здравствуйте, Нина Алексеевна, что это я вас так давно не вижу!» Но я не знаю ее, вижу в первый раз, не знаю, кто она, и смущенно, с опаской пытаюсь улыбнуться этой незнакомой, полной, стареющей даме. Она, однако, опять восклицает: «Да вы, я вижу, меня не узнаете? Я ведь доктор Греч, Александра Александровна, как же так вы меня забыли?»

Нет, я ничего не забыла. Через несколько дней она ко мне приходит часам к пяти дня, приносит мешок сладких булочек и сушек — сушки особенно трудно добыть — и располагаетя посидеть, почаевичать, поговорить. Так оно и началось, и сделалась настоящая дружба — она всю войну прошла врачом, побывала и в Югославии, и в Чехии, рассказы про войну у ней не иссякают. У нее хорошая комната в «военном доме» на окраине Ульяновска — она меня к себе никогда не приглашает, однако...

Продолжают ко мне изредка заходить и некоторые Никитины друзья по вечерней школе — одни пытаются учиться дальше, другие счастливы, что хоть десятилетку одолели, очень немногие начинают проходить курс вуза заочно.

Словом, немало у меня было друзей в Ульяновске — много больше, чем следовало ожидать; в этом глухом городе, который одной ногой стоит в Азии, всем про все известно, устная газета работает бойко; здесь дружат через дом — с ближайшими соседями своими обычно никто не разговаривает, а то и просто не кланяются (впрочем, во французской провинции так же), ну, а по вечерам, идя с работы, стоят у сеней и шепчут — и что было в татарском квартале: «а он его поджидал у дверей и ножом под живот и полоснул, ну и кишки вон»; или «как жених стал радиоаппарат-то чинить, а сам его и не отключил, ну, вот, подумай, так парень и прилип, а она, Галина-то, как бросилась его тащить и... сама прилипла... вот тут уж мать подумала, да рубильник выключила, а оно уж поздно». Вот в эту же категорию диковинок попадала и я: моя фигура с Ульяновском никак не сливалась, кое-кого моя судьба ужасно раздражала. Эту мысль весьма ярко и точно выразила однажды моя соседка Салтычиха; как-то она с Агриппиной Алексеевной стояла у моего открытого окна и что-то хозяйственное громко с ней обсуждала — а тут как раз, стараясь быть совсем скромным, появился рядом с ними мой Васька. «Ах! Паршивый кот!» — нарочито

громко воскликнула Агриппина. «Да что уж говорить, — поддержала ее Салтычиха, — известно, что хозяева — то и их животные, — и, помолчав, добавила, тоже громко, четко (это привожу дословно!), — вот надо же, приехала к нам эта проклятая аристократка с голоду подыхать!»

Однако и среди будто «своих» тоже были такие, которые активно проявляли свое недоброжелательство. Незадолго до нас приехали в Ульяновск некая Madame Mane, совсем простая француженка, и ее муж, русский, попавший во Францию сразу после Гражданской войны. Он проработал рабочим на каком-то заводе на Севере, там познакомился с Madame Marie, детей у них не было, и он решил вернуться домой. Я ее как-то встретила в Переселенческом отделе, а позже она раз или два появилась у меня — сразу после нашего переезда в прачечную-кухню. Несколько позднее она опять зашла, сказала, что они с мужем покидают Ульяновск и уезжают на Украину; и вдруг с негодованием начала мне толковать, как она вот уже месяц пытается собрать для меня денег, обошла всех «реэмигрантов», предлагая им, чтобы каждая семья хоть по десять рублей в месяц для меня сохраняла... — «Pensez, pensez donc, Madame; on me dit d'aller chez cette grosse mère, la Katchva—Ia. Je me présente chez elle gentiment, et qu'est-ce qu'elle me sort? C'est interdit, tout a fait interdit... Mais qu'est-ce qui est interdit? D'aider cette malheureuse dame? Mais c'est pas possible! Que si, elle me fait, son man est condamné par un tribunal soviétique, c'est qu'il est coupable et on n'a absolument pas le droit d'aider sa famine. Mais vous risquez les pires ennuis, chez nous il n'y a que les coupables qui sont Condamnes... Donc moi je m'y oppose fonnellement, a cette collecte, et je previeendrai tous les autres!»*

Тут Madame Marie расплакалась, повторяя на своем ломаном русском: «Что с вами теперь будет! Что делать?» Я ее благодарила, сказала, что раз говорит жена Качвы, то она уж знает, что говорит, что верно, все так и есть. — «Ah, mais quel pays, Madame, mais c'est pas humain des choses pareilles!»**

Она ушла и через неделю с мужем уехала; через год, как я потом узнала, они сумели вернуться во Францию.

А выступление Елены Никифоровны Качва меня мало удивило: ведь ее муж был главным секретарем в Париже на *rue Gattiera*, когда там только начал зарождаться Союз Советских Граждан во Франции, сам был он с Украины, смазливый бабник — все и вся знал, и вел тут дело крепко, решительно и всегда с ласковым своим тенорком вырастал из-под земли, как тень. Он работал шофером такси в Лионе много лет, а тут сразу оказался при таком деле, в Париже — вел себя в общем неглупо, хотя образования у него было — ноль.

За последние годы, уж здесь, в Париже, нам пришлось прочесть несколько американских книг про КГБ и советских шпионов на Западе — в списке, приложенном в конце одной из них, на букву «К» значился КАЧВА, многолетний агент КГБ во Франции.

* Подумайте только, мадам: они мне посоветовали пойти к этой толстой и противной Качве. Я ей представилась самым милым образом, объяснила все, и что же из нее полилось. Запрещено, абсолютно запрещено, но что именно запрещено? Помочь этой несчастной даме? Но это бесчеловечно. Она мне говорит, мы не имеем никакого права помогать его семье. Что мы рискуем огромными неприятностями и что у нас осуждают только виновных... (фр.)

** Ах, что за страна, мадам! Это так бесчеловечно! (фр.)

*

Среди фигур, прошедших в те годы рядом с нами, даже как-то вклинившихся в нашу семью, оказались Гораций Аркадьевич Велле, его жена Фанни и двое их сыновей — Юрий и Вовка. Они познакомились с Никитой чуть ли не на улице (это было в конце 1951 г. или зимой 1952 г.). Были они во Франции коммунисты, смутно существовали какой-то семейной трикотажной мастерской, а Фанни, очень привлекательная, а временами и просто красивая, была коммивояжером у парфюмерной фирмы *Docteur Payot*, которая, тогда только начиналась. Страх попасть в немецкую дьявольскую печь кинула их всех куда-то в горы, в *maquis*, но, слушая Горация, можно было подумать, что они, собственно, одни и руководили во Франции движением Сопротивления. Удивительный сам он был Хлестаков, пускал в Ульяновске всем пыль в глаза: он, мол, и писатель, и герой. Любимый рассказ его был, как он вдвоем с Юрой, которому тогда было 18 лет, освободили в 1944 г. от немцев город Ля-Рошель. Грубо картавя, он всем давал понять, что так, как он, никто из приехавших в Ульяновск «резмигрантов» не говорит по-французски... Фанни — милая и добрая женщина, которой тогда было всего сорок лет, — была, увы, сумасшедшей: первые признаки безумия обнаружились сразу после окончания войны. А когда она приехала в Ульяновск, ей стало хуже, она неоднократно попадала на месяц-два в психдиспансер, во главе которого стоял замечательный врач, знавший свое трудное дело психиатра до тонкости и всегда благожелательный — Александр Иванович Скипетров; я от него видела много добра и внимания к себе, хотя до психдиспансера сама и не дошла, — а ведь в 1954 г. и я была от него недалеко, но это он меня удержал на поверхности, когда я вдруг начала тонуть.

Семья Велле кружила вокруг нас еще долгие годы, они никак не хотели выпустить нас из своей орбиты — впрочем, дурного замысла у них не было. Бедного Горация еще в Ульяновске в сорок четыре года хватил «кондратий» — они жили втроем (Юра уж был в Москве) в чуланчике четыре метра на два; Фанни с утра уходила работать на фабрику «КИМ» рядом со мной, а я в течение месяца двух-трех ходила к Горацию, кормила его с ложки, резала ему кусочками хлеб, давала пить из стакана — правая рука у него была парализована. Словом, их жизнь в Ульяновске была не сахар, но, когда я болела, они тоже старались мне помочь.

Наступил март 1953 г. В этот день я куда-то ушла с утра, не успев утром послушать Москву; вернулась домой к часу и тогда только включила приемник. На меня волной хлынула траурная музыка; наверно, я ошиблась станцией, не ту кнопку нажала. Нет, музыка эта лилась на всех советских волнах. То «Реквием» Моцарта, то ноктюрны Шопена, то «Лунная соната» Бетховена, то Чайковский — Пятая симфония. Днем я все же пошла к Екатерине Николаевне: «Что это? В чем дело? Слыхали что-нибудь?» — Она шепотом ответила: «На базаре говорят, что Сталин заболел». Эти слова иначе как шепотом невозможно было сообщать, еще вчера, пока не началась эта надрывная музыка, их вообще нельзя было не то что сказать, но и подумать.. Не мог же Сталин, как прочие люди, умереть!

Часам к шести я зашла к Любищевым, у них было тихо, никого чужого, и

уж было понятно, что вот-вот тарелочка на стене что-то скажет, оповестит всех о случившемся, и от этой надрывной музыки останется страшный след. Ольга Петровна утирала глаза, не скрывая: как многие, прошедшие всю войну в мундире и на фронте, она преклонялась перед Сталиным, и это было у нее искренно, она верила, что он гений, что он обо всех заботится, что он великий государственный человек, что это он был победителем в войне... Сколько же я их таких видела, добрых, милых, всегда готовых помочь другому, людей! А я? Разве я знала про Сталина хоть часть правды тогда? Ведь мне, прожившей двадцать пять лет в Париже, могло бы быть понятнее. Но я тогда еще считала во всем виноватым Берия, мне казалось, что это он злой гений, а не Сталин. Я знала, что в стране происходило и произошло много лет тому назад нечто ужасное, собственно еще никому не понятное до конца, многие сумели устроиться, примениться к дикому устройству жизни, да и оно даже было удобно, «наверху сказали», «наверху решили», «наверху думают, что...», «руководство считает...», «начальник приказал», «начальник требует», ну, а мы ничего, мы исполняем, мы докладываем. Дети, те искренне верят, что жизнь стала краше, жизнь стала веселей!

На следующий день встречаю на улице Любовь Александровну, она утром была в церкви, и там без конца подают записки священнику «О здравии болящего раба Божия Иосифа», а после обедни служили молебен с хором «о здравии».

На улицах наскоро установлены громкоговорители, и печальная надрывная музыка объемлет весь город, весь транспорт, все заводы... Боже! Сколько же еще времени это возможно?

Иду в дом к Екатерине Николаевне, к прелестной старушке, снимающей у нее комнату, с которой у меня дружба. Мария Федоровна — ей тогда уж минуло восемьдесят — сидит в своей чистенькой комнатке, вяжет крючком скатерти на круглый столик для продажи, и «тарелочка» изливает на нее траурные звуки. Она заваривает мне чай, но, заметив, что я от этой музыки морщусь, предлагает ее выключить. «Да, да, прошу вас, Мария Федоровна, вторые сутки подряд, я просто не могу этого выдержать — дома у себя наглухо выключила». Она качает с опаской головой — как же это вы так? Мы садимся пить чай с какой-то сладкой булочкой; Мария Федоровна улыбается, у нее светятся при этом еще яркие и умные глаза. «А вот, — говорит она, — вчера с утра как слушаю, а с обеда прямо, поставила стул поближе, вяжу да потихоньку плачу... И первого мужа вспомнила, и второго, и сына единственного, убитого в войну. Вот так вяжу себе и всех вспоминаю, и мне теперь так легко на душе, так легко».

На следующий день, 5-го марта, когда объявляют о смерти Сталина, меня опять дома нет. Жаль! Зато днем, часов в пять-шесть, включаю Францию (мой малютка-приемник совсем особый, он отлично ловит внутреннюю французскую волну — чудеса, но правда). Попадаю сразу на общее годовое собрание французской компартии в Обервиле, где она годами царит в мэрии.

Слышен отлично гомон голосов — это люди входят в зал мэрии. Какое-то замешательство, голос заявляет: «Мы принуждены задержать начало заседания минут на десять», Проходит четверть часа, возобновляются шаги, движение, слышно, как кто-то поднимается на трибуну, сразу раздаются аплодис-

менты: «Bravo, Duclos! Vive Duclos!» Видно, он жестом просит полной тишины и начинает, еле произнося слова. «Camarades, je viens vous annoncer une atroce nouvelle», — и внезапно замолкает, и мне четко слышно, как он безудержно плачет. «Nous venons de recevoir confirmation de la nouvelle de la mort du Camarade Staline»... Голос у него обрывается, и почти сразу другой голос говорит: «Dans quelques minutes le camarade Duclos va prononcer l'éloge funebre du grand disparu»... * В приемнике — абсолютная тишина... Наконец опять Duclos, он с трудом говорит, почти все время, не стесняясь, громко плачет, то тут, то там в зале мэрии раздаются рыдания, возгласы: «C'est terrible, quelle perte! Adieu, Staline». Duclos, кончая, предлагает почтить память «du grand Staline, notre maître a tous». ** Все встают, долго, несколько минут, слышны плач, рыдания... Они, видимо, назначили годовое собрание французской компартии, еще не зная о болезни Сталина. Впрочем, откуда они могли узнать? Ведь об этом в течение целых трех дней советское радио ни разу ничего не заявило — даже им, очевидно, тоже ничего, а ведь они — самая значительная компартия в Европе! Не до них было!

Передают по радио похороны Сталина, слушать передачу ко мне приходят Гораций и его старший сын Юра, которого уж в начале дела врачей выставили с московского радио, где он работал переводчиком. Опять бесконечная музыка, траурный марш Шопена и начинают речи с мавзолея — вот это интересно послушать! Сперва что-то маловнятное читает Маленков, а вот и Молотов — тот самый, которому я написала столько прошений подряд... Он и так не Демосфен, а тут уж совсем заикается, повторяет деревянным голосом слова, потом совсем замолкает — нет, опять поехал. А вот, наконец, и Берия; что ж, этот говорит более внятно, в каждой фразе есть какой-то смысл — он надеется, что великая фигура ушедшего вождя поведет страну вперед...

— Ну, и кто же лучше всех сказал? — спрашивает меня Гораций.

— Кто? Ну, ясно, Берия, у него все же что-то цельное, как-то речь построена, подготовил.

— Да, — тянет Велле, — он, видно, меньше смущен, а те просто дрожали от страха.

Кончается Великий Пост, вызывают Амусина в комитет антирелигиозной пропаганды. Ему предлагают на Страстной прочесть ряд антирелигиозных лекций в городах и селах вокруг Ульяновска — но нет, он не уступает, говорит им: «Ведь вы отлично знаете, что я еврей, и хотите, чтобы я на Страстной вел в провинции антирелигиозную пропаганду? Помилуйте, да они меня там не то что яблоками, а камнями закидают! Ведь это уж граничит с провокацией».

Они, наконец, соглашаются — в самом деле как-то неловко. Да и откуда-то тянет иным духом внезапно!

Да, так оно и есть, в субботу на Страстной все громкоговорители в городе сообщают, что произошла нелепая ошибка, что доктор Лидия Тимашук, единолично поднявшая дело врачей, всех грубо обманула, что арестован Рюмин

* Bravo, Дюкло! Да здравствует Дюкло! Товарищи, я должен вам сообщить ужасную новость. Мы только что получили подтверждение новости о смерти товарища Сталина. Через несколько минут товарищ Дюкло произнесет посмертное слово по поводу этой огромной утраты (*фр.*).

** Великий Сталин, наш учитель, прощай! (*фр.*)

(насколько я помню, начальник следственного отд. МВД), что всех арестованных врачей выпускают и восстанавливают в должности. Что за бесстыжая петрушка!

В Пасхальное воскресенье иду к Любищевым к двум часам дня обедать, Любовь Александровна отстояла заутреню и обедню в единственной церкви Ульяновска; куличи у нее вышли отличные, есть и мазурки, пасха с бумажной ризой красуется на столе; Любовь Александровна сияет от счастья — опять пришел любимый праздник. Сам Любищев взволнован: «Вы слышали? Слышали? Вот так дела!» Мы еще ждем Амусина, за стол без него не садимся. «Где же он? — волнуется Ольга Петровна, — всегда такой точный!» Наконец, звонок, входит Амусин; он ужасно бледен, говорит: «Извините за опоздание, вот стоял под столбом на улице, слушал...» Он закрывает лицо руками, беспомощно опускается на стул и плачет — столько времени держался, а тут вот конец наваждению.

Но Пасха, как всегда, берет свое. Когда принимаемся за куличи и кофе, у всех радостные лица. Жаль, Надежда Яковлевна уехала, как-то она сейчас в Чите? Она писала — к ней там хорошо относятся, но климат дьявольский, уж налетают бури песка и навоза — дышать подчас нечем.

Столько потрясающих событий сразу обрушивается на страну. А что же отъезд в Одессу? А где же ответ от Шверника? Сколько же лет я все еще буду верить обещаниям — французы их зовут «des promesses gratuites»? Однако вопрос остается, и ответа на него я до сих пор не нашла.

Кроме как с Любищевым, ни с кем об этом всем не говорила. Ну, да Александр Александрович после первых моих слов по приезде из Москвы мало выражал надежды... Но... Как же это так, все же?

*

На весь июль месяц ко мне уж второй год приходит ученица, Лиля Абрамова, студентка в Ленинграде на медицинском факультете; на лето она приезжает в Ульяновск к матери. Она приходит ко мне ежедневно на полный час: чтение, пересказ, беседа на тему по-английски. Никто ее не заставляет, она сама меня нашла и усердно относится к нашим урокам. Она родилась в Хабаровске, ее отец занимал видный пост на Китайско-Восточной железной дороге. Мать Лили работает бухгалтером в женской школе, и у ней там неплохая комната; она, после того, как Китайско-Восточная железная дорога снова отошла от Китая в ведение СССР, провела десять лет в лагерях. Лилин отец погиб в лагерях очень быстро, ее с четырехлетнего возраста воспитывала бабушка, здесь, в Ульяновске; фамилия бабушки Пфеферкорн, она из волжских немцев, но каким-то чудом ее из Ульяновска в Сибирь не вывезли.

Мне очень нравится Лиля, она делает заметные успехи по-английски, всегда чистенькая, приветливая, деловая. Знакомлюсь с ее матерью — высокая, с прекрасной фигурой, прелестное лицо, горделивая посадка головы. Дома, почти не переставая, курит махорочные козьи ножки. Как-то раз вдруг начала сама мне рассказывать свою жизнь, показала молодую карточку своего мужа. Ужасная судьба — вот встречали их всех, служащих КВЖД, с шампанским, на станциях играл оркестр, всем подносили букеты, а через год все уж были в

лагерях, кто на десять, кто на двадцать пять лет! Это тридцать первый или тридцать третий год. Работа в лагере? Она только руками машет: «Нет, не надо вспоминать!»

В середине августа ко мне более или менее неожиданно приходит жена председателя Союза Писателей Ульяновской области, Кожевникова: кто ее направил ко мне? Ее зовут Бэтти, она — удивительно красивая еврейка, как это я ее до сих пор не встречала на улице? У них квартира в общежитии пединститута, она приглашает меня учить ее двоих детей английскому. Условие: приходиться к 10 ч. утра, заниматься с дочкой Таней, которой тринадцать лет, потом с маленьким Андрюшей — шесть лет. Так как ни она, ни муж дома не обедают — то обедать с детьми и в два часа домой; Таня уйдет в школу, а она сама вернется. Оплата — триста рублей в месяц!

Я чувствую себя как молодой Ротшильд — триста рублей в месяц и каждый день обед — ай да Бэтти! Про обед все понятно — ей хотелось бы, чтобы, сколь это возможно, я научила детей «манерам»: как сидеть за столом, как и чем есть.

В начале июля — еще одно предложение покинуть Ульяновск — тоже ехать на юг, в Кутаиси; еще в 1949 г. случайно завела знакомство с молодым сапожником — он чинит подметки и каблуки в городской будке. Сам он грузин лет тридцати; понемногу наши беседы становятся все более дружескими, а вскоре после ареста Игоря Александровича он сам со мной заговаривает, спрашивает как же это я живу? Он болеет душой за Никиту — Никита всегда дружил с грузинами, так вот и с этим Володей Шавулидзе. Володя уехал из дома, поссорившись с отцом, когда тот в семьдесят лет в третий раз женился; жил в Казани, там женился на местной татарке — у них уж две маленькие дочки.

Как-то Володя, очень учтиво и стесняясь, приглашает меня прийти к нему домой; он купил развалюху и своими руками все там отремонтировал, покрасил — просит прийти поглядеть, как он живет. Они с женой принимают меня с обычным ритуалом и почетом, как полагается в Грузии. Дом устроен с большим вкусом, чистота в нем потрясающая — на столе богатое угощение, пироги, булочки, варенье — все домашнее. Теперь Володя помирился с отцом, тот его зовет вернуться, ведь Володя — старший сын, будущий глава семьи. Он приходит сам ко мне — чего никогда себе не позволял, хотя я и его жену, и его не раз к себе звала; Володя говорит: «Едем со мной в Кутаиси, я вас привезу с собой, как члена своей семьи, и вам будет от всех там почет — у нас это так и по сей день. А учеников там будет сколько нужно, и на английский, и на французский. А потом не забудьте, у вас имя Нина, а это уж значит, вы — наша... Ну, и Никита будет нормально жить и учиться. Думайте, думайте крепко, через две недели мы едем. Я уж и дом продал, вот купил за шесть тысяч пять лет назад, а теперь продал за двадцать пять!» Передо мной мелькают дыни, абрикосы, виноград, теплый климат, жизнь среди людей иной цивилизации, море, горы. Кажется, уедешь из Ульяновска и убежишь от своей судьбы — может, там все и будет иначе?!

Мучаюсь этим вопросом ужасно — ведь это неожиданно, не подарок ли судьбы? Как быть? Неужели отказаться?

И все же отказываюсь. МГБ меня так легко и не выпустит, да к тому же тут ко мне все уже привыкли, а там я опять стану белой вороной. Любищевы счи-

тают, что соблазнительно, но Володя одно, а его кутаисская семья — кто ее знает, что она скажет. А если, не дай Бог, Никита там что-нибудь не то скажет про Сталина? Ведь в Грузии Сталин вроде божества, особенно теперь, когда он умер!! Володя с семьей уезжает, дает мне точный адрес в Кутаиси: «Если надумаете приехать — дайте телеграмму, будем вас ждать на вокзале!»

Помимо всех событий этого лета есть еще одно, может быть, самое для меня тяжелое и почти непереносимое, и это — фантастическая жара и засуха. С конца мая и до начала августа не упало ни капли дождя, суховей дует и обжигает на своем пути все и вся; с семи утра жара становится непереносимой, а наш старинный квартал, весь деревянный, с высокими деревянными заборами, в буквальном смысле слова горячая сковорода, которая за ночь не успевает даже немного охладиться.

Земля трескается от жары, через всю громадную площадь Ленина тянется трещина сантиметров в пятьдесят, клубы белой пыли поднимаются и кружат по ней, как в пустыне, у нас во дворе 60° жары, в колхозах под Ульяновском рабочие закапывают в землю яйца, и к обеду они уже сварились вкрутую. Мне иногда кажется, что это навсегда, я не сплю, не ем, занавешиваю свои маленькие окошки мокрыми тряпками, поливаю деревянный пол — все равно, зной невыносимый, блеск от иссохшей земли тоже, ад какой-то!

Как-то иду к Екатерине Николаевне — что это? Барометр стоит на буре! Глядите, глядите! К ночи будет гроза и дождь! Но Екатерина Николаевна только усмехается — барометр стоит на буре вот уже второй месяц!

Старожилы вспоминают, что даже в голодный 1921 г. и то не было такой жары и засухи.

Время идет, ничего не меняется — правда, вдруг исчез Берия — что, когда? Вот так фокус. Лаврентия Павловича будто и не было, а был некий никогда и никем не уличенный английский шпион! *Sic transit...* Ну, а дальше что же? Да вот ничего, все как-то само продолжается, выходит, что и без Сталина можно прожить и даже без Берии. Наша переписка с п/я №68 на Главпочтамте в Москве продолжается — и тут все как было, тоже ничего не меняется.

Тяжело мне дается это лето, начинают у меня силы снашиваться, у меня больше уже нет того, что англичане зовут *punch* — задор, ответный удар или, когда надо — резкое нападение. Да и жара меня доконала, начинаются удушья от сердца, полное отвращение к пище — иногда думаю вот зайду, куплю себе сто граммов столичной, соблазн подчас выше сил. Ну, нет, нет, ни за что! Ведь раз «вкусив», пожалуй уж, и не остановишься. Курю ужасно, по две пачки «Парашютиста» в день, летом дешевые папиросы в Ульяновске исчезают, есть только дорогие — «Казбек» или «Ява», да и то не каждый день. Бывает, что поздно вечером вдруг замечаю, что дома нет курева и тогда, несмотря на страх перед хулиганами и грабителями, бегу по пустым улицам в магазин — купить поштучно 3-4 папиросы, кладу их рядом с кроватью, вдруг захочется курить и часто просто их не трогаю, но дома есть, это главное! В городе царит настоящий психоз страха — молодчики ворошиловской амнистии гуляют, хотя, конечно, не в одном Ульяновске; вот Александр Александрович едет, как каждое лето, в Ленинград читать курс лекций — поезд из Свердловска приходит поздно, около полуночи, и на вокзал его провожают трое друзей, одному с чемоданом рискованно — могут и избить, и убить.

Осень 1953 года. Я очень занята все утро на уроке с Таней и Андрюшей, после обеда легкий отдых, а там и слепые приходят, часто до позднего вечера, они уже на последнем курсе, работаю с ними все больше.

В конце октября валюсь в страшной дизентерии, меня увозят в больницу — почти на месяц.

По возвращении домой, где меня встречает Екатерина Николаевна, спрашиваю: «А письма мне от Игоря Александровича были? Я ему из больницы три раза писала, может быть: есть ответ?» Она молчит, и тут я вижу на столе стопку писем, почему-то ее сразу не заметила. Беру письма — а это как раз и есть мои три письма, все по тому же адресу: п/я 68, Главпочтамт, Москва, и на каждом конверте в левом углу сверху надпись «адресат выбыл» и число.

Почему-то сразу в голове стучит, как молот: «В расход, в расход, в расход...»

Валюсь на кровать, и Екатерина Николаевна несколько минут приводит меня в сознание: кладет мне в рот сахар с валидолом — сразу полегче, но говорить еще долго не могу. Екатерина Николаевна повторяет что-то утешительное, надо подождать, надо еще узнать, ждть известий... Ну, конечно, конечно.

Я кричу: «Не стану здесь одна ночевать, хочу уйти, сразу, скорей, скорей!» — Да куда же?

— К Любичевым, они что-то посоветуют, придумают.

Через десять минут Екатерина Николаевна присылает ко мне старшую дочку, я беру мешок с ночной рубашкой и туфлями, Ирочка все тушит, запирает дверь и ведет меня под руку к Любичевым, по дороге к нам пристаёт стайка юных хулиганов, стараются задеть Ирочку, толкнуть ее или меня, свистят, гикают, а один со злобой и каким-то рыком запускает по скользкому тротуару тяжелую железную трубку нам вслед, и она преобольно меня ударяет в ноги. Наконец входим в дом, где внизу студенческая столовая — они все влетают за нами и кидаются в столовую — прямо на буфетчицу, тетю Машу; ну, ее не очень-то напугаешь, и я слышу, как она сразу грозит вызвать милицию. Ирочка тащит меня вверх по чугунной лестнице и передает Любичевым.

Остаюсь у них на несколько дней — в полной растерянности, даже не думаю о том, удобно им или нет, что я ночую в столовой на диване.

На третий день звонит по телефону из Москвы Никита, Ольга Петровна меня зовет: «Скорей, скорей, это Никита — у него новости». Никита, оказывается, давно знает о том, что отца вывезли, говорит, что сегодня утром пошел в ГУЛаг и там узнал, что Игорь Александрович переведен в лагерь в Тайшет.

Эти неведомые слова, как из какого-то древнего заговора, вдруг входят в мою ульяновскую жизнь. Садимся обедать, Александр Александрович доволен, что Никита так все сумел узнать и сразу позвонил — он очень любит Никиту и всегда его хвалит. Что за ГУЛаг? Это, наверно, не по-русски — что-нибудь калмыцкое, восточное? — Никто из нас этого слова еще не слышал. А Тайшет? После обеда Александр Александрович тащит толстую, пухлую от времени книгу *Железнодорожный Указатель* и потирает руки: «Ну, поищем, где этот Тайшет?» Он обожает играть с указателем, ищет какие-то пересадки, новые и старые линии — жажда переездов всех русских людей из одной части громадной страны в другую и ему не чужда. Но Тайшет трудно дается, Любичев почему-то ищет его на Урале или за Ташкентом, наконец говорит: «Что ж,

надо в Сибири поискать» — и, полистав еще, находит Тайшет. Ехать туда чуть ли не трое суток, а ведь скоро-скоро мы все точно узнаем, что это за Тайшет, всего через полгода — а тогда, в ноябре 1953 г., никто не знал, хотя в то время в Тайшете было более 700000 заключенных и лагеря занимали громадную территорию в Красноярской области. Как же это возможно, что никто не знал? Как это хранился секрет? Ведь у этих сотен тысяч заключенных были семьи, сослуживцы. Или тот, кто знал, от страха никогда этого слова не произносил?

Это время опять как-то путано вспоминается; я пишу Игорю Александровичу, от него приходит ответ, я ему могу писать четыре раза в год, а от него, кажется, будет два письма... Он просит поскорее послать ему посылку с провизией; но не так-то просто найти в Ульяновске подходящие консервы или колбасу, сухари и прочее. Но мне помогают все набрать, что получше, и зашить пакет в суровое полотно. Первая посылка в Тайшет отбывает.

Вся моя жизнь нелегкой этой зимой складывается тяжело и уродливо; впрочем, уроки у Кожевникова возобновляются, и Бэтти и дети очень со мной милы.

В середине декабря умирает от саркомы печени один из «резмигрантов», приехавший на год раньше нас, Алексей Николаевич Никольский; мы знакомы с самого нашего приезда и продолжали у них бывать, но не очень часто. Алексей Николаевич — корабельный инженер, был известен на Балтийском флоте, а во Франции жил годами на юге, в Ментоне, и на собственной машине возил по Франции американских туристов; жена его, Евгения Николаевна, не работала, занималась садом — говорит, сад был один из лучших на всем побережье.

Очень приятный человек Никольский, видный, прямой — как сержант в строю, не лишен юмора, всегда ровный и приветливый, мы с Никитой очень его любим. Жизнь его в Ульяновске, однако, не легко складывается — но я не расспрашиваю, как и что. А теперь начинают копать Ульяновское море, и вдруг он понадобился — счастлив, что наконец при настоящем деле.

И вот внезапно, как подкошенный дуб, он валится — в несколько недель от этого исполина остается какой-то обтянутый темной кожей скелет, мучения страшные, зуд по всему телу — он с истерическими стонами расчесывает себе руки, ноги. Ужасно. Иду еще раз или два навестить его в больницу, но он, кажется, уже никого не узнает.

Алексей Николаевич умирает в то время, как я сама в больнице; в конце декабря иду к его вдове. Она уже записалась в очередь на место в старческий дом в Акшауте, это недалеко от Сызрани, в бывшем имении Поливановых, друзей Кривошеиных. Комната их стоит 300 рублей в месяц, жактовской так и не получили, и у Евгении Николаевны вопрос, как теперь целых полгода платить такие деньги? Через несколько дней иду опять к ней и предлагаю переехать на это время ко мне, только с условием выехать к друзьям на те две недели, что приедет в отпуск Никита. Она тут же с радостью соглашается, доживет этот месяц здесь, и в начале января переберется ко мне. Конечно, никакой платы я с нее не прошу, да и не приму.

Все оговорено, и я довольна, что не буду больше совсем одна, мне вдруг это стало не под силу.

Ночь под Новый год

Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали...

В. Жуковский

Прошлый Новый год я встречала у Провальских, но в этом году благодаря и отказываюсь, во-первых, когда я шла к ним, то чуть не замерзла по дороге: я не посмотрела на градусник, выходя, — оказалось, что было 37° мороза. На углу улицы Толстого и Гончаровки у меня внезапно почти отнялись ноги и я еле-еле дошла. Да и у них очень уж откровенно идут ссоры и столкновения, и Мишель Провальский с яростью обзывает жену дурой, уродом и чуть не плюет на нее... а она при мне плачет. Они усыновили два года назад маленького чуваша, но от этого их жизнь пошла, пожалуй, еще хуже, и мальчик становится у них предметом раздора и столкновений.

Любищевы на Новый год никогда никого не зовут; я решила, что хоть и в одиночестве рано не лягу, устрою себе закуску — и дождусь поздравления Ворошилова по радио. Прошу моего слепого ученика Костю купить мне сто граммов столичной, покупаю какие-то анчоусы в вечном томатном соусе, немного колбасы, благо ее «выкинули» под Новый год, сооружаю себе картофельный салат и красиво накрываю стол чистым полотенцем; ставлю себе тарелку, рюмку (серебряную, еще из Парижа, куплены были на знаменитом «Блошином рынке») и расставляю все в кружок на блюдечках, так, чтобы в наступающем году у меня это все было: есть тарелка с хлебом, белым и черным, с сахаром, картофельный салат соленые рыбки, колбаса! Есть специально тарелка и для Васьки, и даже мне на десерт яблоко.

Настроение у меня неплохое, я уговариваю себя, что ведь это все же праздник, однако нервы перетянуты, мои медиумические силы опять меня захватили последнее время, и я вечно насторожена, боюсь что-то пропустить — какой-то знак, откуда — не знаю — надо слушать...

В половине двенадцатого сажусь за стол, устраиваю себе пыжик с анчоусом и пью маленькую рюмку водки. Еще ем кусочек колбасы, несколько кусочков картошки — нет, больше уж ничего съесть мне невозможно — и я не притворяюсь больше, подумаешь, зачем этот «театр для себя»? Даю Ваське его порцию угощения, из радио льются вальсы и народные песни.

И внезапно решаю нарушить запрет, данный мной самой себе: вынимаю карты и решаю себе погадать; полной игры класть не буду, а вот только девять карт, те, которые обычно кладутся в самом конце.

Выкинуть из колоды мелкие карты — двойку, тройку, четвертку и пятерку; остается тридцать шесть карт, как оно и полагается, как меня еще учила моя бабушка, Надежда Викторовна, когда мне было двенадцать лет. Закрываю глаза и тасую. И ложится: король трэф, валет трэф и... дама трэф... Я потрясена — ведь это же мы, это наша семья! Ну, еще шесть карт — и вот рядом с дамой трэф ложится туз пик, девятка пик и десятка пик. Нет! Нет! Дальше не надо раскладывать — и так все ясно: мы все трое в будущем году будем вместе, а вот мне, и именно мне, грозит смертельная опасность. она тут, совсем рядом со мной и, видимо, очень скоро.

Смешиваю карты, браню себя — зачем гадала? Ведь я могла бы и не знать, что меня скоро ждет что-то безмерно страшное. Живо убираю все со стола, наливаю себе чай, а вот и Ворошилов поздравляет всех, гимн и — скорее в кровать.

Долго ворочаюсь, слегка дремлю, а потом лежу с открытыми глазами — тревога у меня растет: это верно, где-нибудь мы соединимся (уж не в Тайшете ли?), а потом я сразу погибну.

Через неделю, 7-го января, ко мне переезжает Никольская, с ней большой сундук и чемодан, она устраивается на Никитиной кровати. Ей совсем недавно, во время болезни мужа, делали глазную операцию, и теперь запрещено нагибаться или поднимать тяжелые вещи.

После новогодних каникул начинаю снова по утрам ходить к Кожевниковым; если только узнаю, что Игорь Александрович получил мою посылку, то в конце января опять пошлю.

Двенадцатого января утром на уроке Таня говорит мне, что две ее подруги в школе просят меня с ними заниматься английским и будут ждать после уроков у входа в школу. Чудный день, морозный, всего — 15°, это теперь и для меня ничего, я как-то к морозу привыкла, а вот ночью был сильный ветер, и улицы совершенно обледенели. Почему я в этот день не взяла свою альпийскую палку? Ведь без нее зимой не хожу. Ну, верно, уж потому, что было суждено!..

Перехожу небольшую площадь совсем рядом с домом по пути в школу, на углу площади обычная картина: стоит вол, запряженный в особые сани, там бочка с керосином, и уж порядочная очередь с бидонами — возница только еще не спеша собирается начать продажу. Потом больше ничего нет — ни площади, ни очереди, и меня тоже нет; внезапно какая-то молния боли сотрясает меня, и я открываю глаза, надо мной голубое синее небо; я лежу на левом боку на снегу, сумка и книги выпали из рук, потом слышу стоны, сперва очень слабые; слышу говор из очереди за керосином. Нестерпимая боль в левом плече не дает мне двинуться или хоть пошевелинуться. Не знаю, сколько это длится — хочу позвать на помощь, не получается.

Слышу, кто-то говорит в очереди: «Что это она так долго лежит?» И еще через некоторое время другой голос: «А может, скорую помощь вызвать?» Но никто, никто из очереди так и не подходит на меня поглядеть — ведь не пропускать же керосин!

Я верно уж порядочно так лежу, слышу, как стону все громче. Неужели мне будет конец на льду, ведь когда-нибудь кто-нибудь да пройдет мимо меня? Вдруг надо мной появляются девичьи лица, это девочки из школы, куда я как раз шла; они бросаются ко мне, с усилием меня поднимают, подбирают сумку, книги. Видно, знают, кто я. Они ведут меня с передышками в тупичок, ведь я только вышла из дома; начинаю понемногу произносить отдельные слова: «ключи в кармане», «пойдите к Афанасьевым за два дома, там телефон, вызовите неотложку», «позовите поскорее в соседнем доме направо Екатерину Николаевну Венцер». Девочки все быстро исполняют, их милые лица меня немного утешают, однако я уж отлично понимаю, что это катастрофа, что могу остаться инвалидом, боль в плече все нестерпимее.

Прибегает Екатерина Николаевна, хочет снять с меня шубу — нет, подождем неотложку; передо мной на столе стоят часы, они у нас от отца Игоря Александровича, он их купил, когда еще не был женат. Ровно через шесть минут

приезжает неотложка — быстро! Врач снимает с меня шубу, я кричу от боли — он говорит: «Плечо сломано, везти в больницу, без снимка ничего сделать нельзя».

Екатерина Николаевна едет со мной, больница далеко, почти у вокзала. Потом мы сидим в прихожей в больнице, и меня четыре раза водят на снимки, упирают сломанным плечом в ледяной мрамор, а снимки все не получаются. Наконец кто-то что-то решает, и меня ведут класть гипс. Хирург говорит сестре: «Смотрите, какой перелом ужасный — это ведь вколоченный (?), это нелегко будет». Сестра, не переставая, дает мне нюхать нашатырный спирт. Наконец готово, и она говорит мне: «Что ж, поезжайте домой». Я ей объясняю, что живу одна, а сейчас со мной поселилась пожилая женщина — ей только что делали операцию глаз, и она ничего делать не может, и прошу меня госпитализировать. «Нет, — отвечает сестра, — больница переполнена, свободных коек нет». Я протестую, наконец она говорит: «Знаете, если из-за каждой сломанной руки или ноги людей госпитализировать, так надо бы еще одну больницу построить».

Я ей злобно отвечаю: «Что же, это неплохо было бы, ведь эта больница еще при Александре Втором построена, а с тех пор больше и не собрались». Она ведет меня в коридор — там в шесть рядов стоят койки с больными и посередине узкий проход,

— Хотите сюда? — спрашивает она.

— Да нет, вы правы, пожалуй, уж лучше дома.

Она дает мне две коробочки, в одной шесть таблеток морфия, в другой — шесть таблеток пирамидона.

— Вот, — говорит она, — принимайте аккуратно, а больше дать вам нечего.

Это — двенадцатое января; подробно описывать эту неделю? Да к чему, собственно? Всякий и сам может вообразить, как было; мороз лютой, почти — 25°, через неделю — 30°, — 35° и так до конца февраля. Кто приносит мне еду? Кто вносит дрова с улицы? — Не помню. Я почти не сплю, лечь на громадное сооружение из гипса, которое сковывает мне левую руку от кисти и дальше на длине ниже лопатки, немисливо; лечь на правую руку — немногим легче; в неделю шесть таблеток морфия уже исчерпаны, остается пирамидон...

Двадцатого января вечером (в комнате лампа завешана каким-то красным платком, чтобы Евгении Николаевне не резало глаза) я мотаюсь из угла в угол и курю. На улице вьюга, ветер в трубе подвывает, вдруг в сени стучат, а уж почти одиннадцать часов. Евгения Николаевна накидывает мне шубу на плечи, теплую шапку на голову, ведь в сенях холодно, как на улице.

— Кто там? — спрашиваю.

— Откройте, откройте, — голос женский,

— А что вам?

Голос отвечает: «Вам телеграмма».

Ну, нет, эти штучки мы все знаем, откроешь, а там два-три молодца и ножик в руке.

Говорю: «Если есть телеграмма, подсуньте ее под дверь, а то, кто его знает, может, это и не так».

Женский голос наконец кричит: «Нина Алексеевна, да это я, Маруся, ваш почтальон, ужели и голос мой не узнаете?»

Я открываю, и впрямь это Маруся... она поражена.

— Что это с вами? Руку что ли сломали? А чего же так свет занавешиваете?

Она подает мне телеграмму, я расписываюсь и хочу ее скорей отпустить домой, она ужасно милая, Маруся, вот из-за какой-то несчастной телеграммы принуждена в такой мороз ночью ко мне бегать. Но она не уходит:

— Да вы телеграмму-то чего не читаете?

— Да не к спеху, Маруся, я ее прочту, а вы идите домой, ведь, верно, замерзли совсем?

Маруся вдруг каким-то особым голосом говорит:

— Ну, хотите, я вам ее прочту?

Как это не похоже на Марусю — она всегда со мной вежлива и деликатна.

Отвечаю ей суховаато:

— Да что вы думаете, мне ведь рука читать не мешает.

Однако беру у ней телеграмму и читаю вслух:

«Папа сегодня прибыл Лубянку пересмотр дела начнется немедленно завтра свидание письмо следует Никита».

Маруся кидается меня обнимать и даже плачет: «Я и завтра утром могла вам принести, да нет, решила, уж пусть Нина Алексеевна сразу узнает... Ведь я таких телеграмм не первую сегодня ношу!»

Да, это все правда, вот так точно и было — случилось непостижимое...

Париж

1977—1981

Письмо отцу

19 ч. 30 мин. Март 1917 г.

Христос Воскресе, дорогой папа.

Не имел с самого приезда писем из дому, не знаю, где ты встречаешь праздники. Решил воспользоваться оказией и написать в Петроград.

У меня всё идет ровно и спокойно. Чувствую себя отлично. По временам бывает скучновато. Занятий с солдатами очень мало, да их произвожу без особой охоты. С тех пор как решил после войны больше не служить, всё это стало для меня лишь отбыванием «повинности», исполнением долга.

Стараюсь делать как можно лучше, но без всякого воодушевления. Отношения с солдатами у меня хорошие, но верного тона с ними поймать никак не могу. Всё время чувствуется обоюдная неискренность.

Хорошим офицером нового режима никогда не смогу быть, хотя потому, что слишком люблю старое. В газетах часто пишут о каком-то «порабощении» солдат в прежнее время. Большую нелепость придумать трудно. Никогда при новых порядках таких дружеских отношений с солдатами, как были в Павловске, у меня не будет.

Хотелось бы скорей на позиции. Захватываю только кончик войны, надеюсь всё-таки повоевать серьёзно. Был бы рад всего попробовать. Слишком было бы обидно, если вся моя военная служба так и ограничилась бы сидением в тылу, да двумя тремя выстрелами. Вчера все мои товарищи ездили на двух автомобилях в Почаевскую Лавру. Это отсюда 110 вёрст. Часть вернулась сегодня ночью, часть ещё до сих пор там. Оставались по одному младшему офицеру на батареею.

Остальное всё по-старому. Говею и буду в субботу причащаться. Пока всё...

Целую всех.

Игорь

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Эта книга начинается с рассказа о посещении Дивеево и о паломничестве к Преподобному и Богоносному Серафиму Саровскому. В семье Кривошеиных был всегда особо чтим саровский чудотворец. Он скончался в 1833 году, предсказания великого старца во многом сбылись для России и монархии. История страны, а вместе с ней её чад и семей, пошла по пути тяжёлых испытаний. Семья Кривошеиных не исключение, и, может быть, поэтому хочется закончить эту летопись рассказом о столь же значительной личности, сыгравшей знаковую роль в этой семье.

В бывшем СССР, а теперь в России, её, пожалуй, больше знают как поэтессу Елизавету Юрьевну Кузьмину–Караваеву, в эмиграции, на Западе, она известна как мать Мария. О ней написаны книги, снят фильм, изданы её собственные произведения. Её драматическая судьба крепко связана с XX веком, и то, что логика повествования этой семейной хроники приводит нас закончить эту книгу рассказом о ней, — есть скорее закономерность.

Мать Мария была арестована в Париже в 1943 году, её жизнь закончилась в печах Равенсбрюка, в страстную пятницу 1945 года. До победы оставалось меньше двух месяцев.

Игорь Александрович Кривошеин писал (Журнал Московской Патриархии, 1970 г., отрывок из статьи к 25-летию со дня гибели матери Марии):

«Мать Мария жаждала “неудобного” (по её определению) христианства, где не было бы вообще никакого комфорта. Её христианство и её монашество были обращены всем своим существом и деянием к миру. Она написала много статей о заповеди любви к ближнему, в защите этой заповеди сама стала живым протестом и даже соблазном, в жару полемики иногда переступая через край, особенно когда ей казалось, что одностороннее восприятие заповеди о любви к Богу затмевает и заслоняет от сознания заповедь о человекообщении!

Классический принцип монашества состоял в противопоставлении своего подвига обычаям грешного мира. Для инока затвор был одним из высших проявлений подвижничества. Но вот на какой-то ступени Божия Матерь выводит иеромонаха Серафима Саровского из затвора на старческое служение Народу и Миру. Затвор — это только школа, этап возможности духовной собранности, но не самоцель, не гнездо личного спасения .

Затвор — время молитвы и размышления и путь к деянию, к деланию.

Это становится особенно ясным в конце XIX века, когда в мире ясно чувствовалось приближение социальных бурь.

Мы, православные, имеем много свидетельств о том, что русские подвижники XIX века, тот же Серафим Саровский, епископ Игнатий Брянчанинов и оптинские старцы, предвидели новую эпоху столкновения мировых сил и миросозерцания.

Монастыри старой формации доживали свой век, над ними уже была занесена рука истории».

Мать Мария в бывшем Советском Союзе

Во время войны в ожидании поражения Рейха, а потом в лагере мать Мария говорила о том, что хочет вернуться на Родину и странствовать по дорогам Советского Союза.

Этот возвращенческий порыв, словесенный примерно тогда же, когда он стал «оформляться» у будущих, послевоенных репатриантов, был в корне иным по сути, чем у большинства из тех, кто с восторгом приняли «репатриационный» Указ Президиума Верховного Совета от 14 июня 1946 г.

Присущее матери Марии стремление к «справедливости», дискомфорт от собственного благополучия, привели её в молодости к близости с социал-революционерами. Позднее, когда революционная утопия стала овеществляться и стал очевиден её ужасный смысл, безраздельное христианство стало естественным местом внутреннего обитания.

*

О том, как будущая мать Мария трезво, без младоросско-евразийских аберраций, представляла обстановку в стране и анализировала её, видно по двум её статьям в «Днях» 1928–29 гг.

Так что, если многие репатрианты покидали Западную Европу в надежде найти обезопасенность и достаток на социалистической родине, то чего им так не хватало в кризисный и послевоенный периоды на Западе, то матери Марии такого рода мотивы — и так всегда ей совсем чуждые — могли бы показаться лишь смешными.

О том, как складывалось общение матери Марии с русско-советскими зэками Равенсбрюка, мы знаем по рассказам С. Носович. Наверняка в лагере было преизобилие историй, упраздняющих всяческие сусальные иллюзии о России. У матери Марии не было и тех химер, которыми прельстились многие репатрианты: «закончится эмигрантское прозябание, перестану быть в Европе “чужим”».

И ещё одно, главное, *предположение*, без сослагательного тут не обойтись: личность с таким безошибочным чутьём на доброе и красивое не поддалась бы на дезинформацию, распространяемую после войны во Франции советской пропагандой — «кончилась советская власть, происходит восстановление “единой и неделимой”».

И ещё: могла ли она забыть о быстрой, таинственной и одинокой гибели почти сразу по возвращению в довоенную Москву любимой дочки Гаяны? Более чем досадно, что публикаторам поныне не доступны письма Гаяны матери из СССР.

Но более чем вероятно, что если бы страшный исход в Равенсбрюке миновал, то мать Мария воспользовалась бы Указом. Тут надо (после цепочки допущений и «если») перейти к уверенному утверждению: только Божий Промысел избавил бы в таком случае её телесную жизнь от конца, быть может, столь же страшного как тот, что ей было дано принять: в нацистском лагере было «утешение» бесполезной борьбы с чужими, врагами Божьими и родного народа.

В Тайшете или Караганде был бы абсурд гибели от как бы «своих».

Список репатриантов, сразу же по возвращении забранных и бесследно исчезнувших на островах Архипелага, так и не собран. А сколько освобождённых советской армией заключённых Бухенвальда и других «кацетов», пройдя «филтрацию» (часто в Тульских лагерях), были этапированы прямым ходом кто в Норильск, кто на Колыму?

«Органы» бы воздали матери Марии причитаемое за политическое прошлое, за статьи в эмигрантских журналах и газетах, обязательно пришли бы связь с «сионизмом», а поскольку она выжила в Равенсбрюке, обвинили и в сотрудничестве с гестапо. Ну, а тогдашнее руководство РПЦ и пальцем бы не шевельнуло, чтобы попробовать заступиться за странную монашенку из Франции с обновленческим колером, к тому же и не канонически странствующую.

Но «репатриация» матери Марии состоялась, состоялась подлинно промыслительно.

Мать Мария опередила очень многих эмигрантов, возвращённых в Россию «заочно» и «посмертно». Разве что Бунин, единственный, уже в 1954-м первым стал признанным и издаваемым.

В рассказе о возврате матери Марии должен присутствовать раздел, посвященный тем многим, которые разыскивали, хранили и, если удавалось, распространяли всё, что было возможно, о её житии и творчестве.

*

Игорь Александрович Кривошеин (1899—1987), насколько мне известно, единственный «живой» репатриант из Парижа, молитвами и стараниями которого во многом состоялось «проявление» матери Марии в бывшем Советском Союзе.

В линии жизни И.А. Кривошеина и маршруте матери Марии есть некий параллелизм: уверен в том, что, не по Евклиду, линиям этим в сенях небесных была найдена точка схождения.

У обоих петербургское отрочество и юность. У каждого по-своему — увлечение искусствами, политикой, у обоих обращённость к мистике. У обоих — тоже разными путями и не одновременно — сложившаяся контрреволюционность (в понимании Уголовного кодекса).

У обоих бег из Крыма, Париж, оба из лучших «образцов» русских европейцев. Оба, в отличие от многих в диаспоре, по ходу эмигрантских десятилетий болели Россией и за Россию.

И.А. Кривошеин сразу же по его освобождению из Компьенского лагеря в 1941 г. естественно подключается к работе в Православном деле. Очень частое, тесное общение с матерью Марией впечатлило и «пометило» Игоря Александровича на все его оставшиеся лета.

Нина Алексеевна, его жена, тоже имела свою долю в работе, которая велась на ул. Лурмель. Намного позже она в книге «Четыре трети нашей жизни» посвятила русскому сопротивлению во Франции и матери Марии отдельную главу, из которой здесь надо привести один абзац:

«Я была у ней в каморке раза три-четыре — и вот как-то, пожалуй уже под конец, я сидела и слушала её — как раз про сушение (грибов) — и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!. А вот в памяти осталось только её лицо — лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал и сияющие сквозь дешёвенькие металлические очки, незабываемые глаза».

С конца 1943 г. у Игоря Александровича совсем другой сопротивленческий путь, от, условно говоря, филантропической работы он переходит к активной разведывательной деятельности, направленной против штаба вермахта во Франции.

Добываемую им очень богатую информацию он передаёт в Лондон.

Предательство, арест, одиннадцать дней пыток в парижском управлении гестапо, этап — сперва в Бухенвальд, потом в Дахау. Освобождён отец союзниками весной 1945 г. в состоянии агонизирующем. Неоднократно рассказывал, что обязан своим спасением молитве услышанной.

Сразу же по возвращению в освобождённый от оккупации Париж, только выйдя из состояния лагерного «доходяги», И. А. Кривошеин уже в 1946 г. по странному наитию, (м.б. тогда единственный) посвящает себя «кристаллизации и фиксации» произошедшего, за составление некоей «хроники текущих событий». В этом ему помогает Нина Алексеевна. Вдвоём они выпускают «Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции», которого выходят два номера с самыми первыми материалами о деле музея Человека, о Вике Оболенской, о матери Марии — о ней большое количество материалов. Тогда же Игорем Александровичем создаётся Союз участников движения Сопротивления.

В этом «спасении» для будущего, даже не недавних, а буквально вчерашних событий, Игорь Александрович не ждёт полустолетия для того, чтобы памятью любви передать другим дорогие образы.

Это не то что пресловутый, склоняемый на Западе «devoir de mémoire», культ в последние два-три года буквально, по понятной конъюнктуре, захлестнувший западные СМИ и книжные магазины. Понимается это выражение и как «долг памяти», а скорее как школьное домашнее задание памяти.

Будто память «по долгу» может не быть злобно-непрощающей.

Первое это усилие было не тщетным — и сейчас обе тетрадошки Вестника остаются началом наших знаний о мученичестве матери Марии, о русском Сопротивлении во Франции.

*

Советский патриотизм, он Игорем Александровичем был приобретён как антипод антинацизма и как иллюзорное ощущение того, что вторая война была продолжением первой — а на фронтах первой он успел побывать после Пажеского корпуса и писал отцу в 1916 г.: «Папа, я побывал в деле», — привёл к принятию советского гражданства в 1946 г.

Сильно афишированный, этот советский патриотизм Игоря Александровича привел к административной высылке из Франции в ноябре 1947 г. «Холодная война» начиналась быстро и бурно.

Выслана была группа из 25 «советских патриотов», этакий «философский пароход» обратного следования, но с более печальной участью пассажиров (среди них один вполне с «того» парохода, проф. А.И. Угримов, пустился в обратный путь в теплушке!)

В сентябре 1949 г. Игоря Кривошеина в Ульяновске арестовывает МГБ, после двух лет на Большой Лубянке ОСО ему «даёт» 10 лет ИТЛ за «сотрудничество с международной буржуазией». Реабилитируется он в 1954 г. «по недостаточности улики».

Немало лет по освобождении уходят на внедрение в жизнь. Мои родители смогли вновь заняться собой по-настоящему лишь в 1961 г. — после моего выхода из лагеря (сам я был арестован в августе 1957 г.).

Где-то в середине шестидесятых годов, а отец уже начинал искать как вернуть из официального забвения русских сопротивленцев в Европе, происходит конъюнктурно объяснимая встреча «спроса» режима и «предложения» Игоря Александровича.

Пропаганда-штаффель тогдашнего ЦК всё более остро ощущала, что «трудящиеся массы» и «трудовая интеллигенция» необратимо охладели к идеям светлого будущего для всего человечества.

Как и к середине войны, образовавшийся вакуум было решено заполнить второй волной русского патриотизма, стал «оформляться» и русский национализм.

Отец сумел оптимально воспользоваться представившейся подцензурной трибуной!

Статья в «Журнале Московской Патриархии» о матери Марии — с неё начинаю, конечно же, неполное перечисление сделанного в шестидесятые и начале семидесятых годов. Хорошо, вместе с В. Б. Сосинским, подготовленные выставки и вечера в Библиотеке иностранной литературы, участие статьями в исторических сборниках, встречи с Райт-Ковалёвой, М. Алигер, Д.Е. Максимовым, Е. Богатом, Н. Кальма, А. Горяниным, многими другими писателями и интеллигентами, для которых эмиграция и её история стали в период так называемого «застоя» и кислородом и новым увлекательным континентом. Приезды в Москву о. Сергия Гаккеля, распространение его книги.

Выделить в этом перечне надо собрание Никитинских четвергов, целиком посвящённое матери Марии, Вейдле и Левицкому. Вечер, как бы официозный, но и как бы частный. Очень одухотворённый, на удивление свободный!

На нём присутствовали Лев Копелев (Рубин из «Круга Первого»), очень близкий Игорю Александровичу друг, и несколько человек, совсем недавно освобождённых из Дубравлага — знак прямой преемственности нескольких поколений антитоталитарного Сопротивления! Атмосфера этого вечера хорошо передана фотографией выступающего отца, а рядом с ним — сосредоточенная Нина Константиновна Бруни.

И в то время, и на склоне дней, оказавшись снова в Париже, Игорь Александрович неоднократно говорил, что подаренная судьбой возможность прославить мать Марию и русских сопротивленцев была для него утешением от того, что пришлось перестрадать, от болезненного ощущения абсурдности и

несвоевременности своей послевоенной ослепленности, наоборот — благословенным утешением и осмыслением.

Вернувшись во Францию в 1974 г., Игорь Александрович не оставляет начатого дела: выступления по французскому радио, активная переписка с увлекшимися жизнью матери Марии москвичами и ленинградцами (А. Шустов, А. Сытова), консультации Евгению Богату, тогдашнему корреспонденту ЛГ в Париже. Отец пополняет начатую в Москве библиографию.

Его даже приглашают в 1980 г. в советское посольство на премьеру (тогда «презентаций» ещё не было) фильма «Мадам мэр Мари», показывают по первой программе Всесоюзного телевидения его очень критическое выступление по поводу этого фильма, но без звука.

Один из советников стал настойчиво приглашать отца в Москву на премьеру: «Спасибо, я уже раз съездил!» — отпарировал Игорь Александрович и добавил несколько слов о только что происшедшей высылке А. Д. Сахарова в Горький.

*

Время истекшее придаёт большую добавочную стоимость любым воспоминаниям о встречах с матерью Марией.

Поделюсь тем, что имеется у меня: образ и событие в моей уже взрослой жизни.

Во встречах с матерью Марией, описанных моей матерью в её книге, я — восьмилетний — присутствовал по крайней мере два. Мама брала меня с собой на улицу Лурмель не для показа сына, просто не с кем было оставить в квартире. Никакой «подготовки» по пути не было. Да и в последующие годы, вплоть до шестидесятых, тема о матери Марии в разговорах с родителями практически не возникала.

Много курящая женщина в чёрном, дважды или трижды наблюдаемая мной, осталась в моей зрительной памяти и памяти сердца необъяснимо, странно, навсегда. Физическое тепло, от неё шедшее, тем более осязаемое в нетопленном оккупированном Париже.

Могу легко умственно восстановить и объём кельи в длину, большой киот, стены целиком увешаны иконами и картинами.

*

В моей взрослой жизни мать Мария проявила себя спасительно.

В 1965 г. я, за три года до того освобождённый из мордовских лагерей, был прописан в Малоярославце Калужской обл. Паспорт мой оставался с пометкой «выдан на основании статей 39-40». Всякое моё географическое передвижение, каждая побывка в Москве, а там и родители и источники переводческой работы, были риском попасться милиции. И тогда — нарушение паспортного режима и всё из этого вытекающее.

И родители, и я предпринимали всевозможные демарши для снятия административных ограничений.

Настал срок погашения моей судимости, я на этот момент возлагал большие надежды. Но и бессудимая подача на прописку привела к очень резкому

отказу 123-го отделения милиции, сопровождаённому далеко не глухими угрозами.

После этого у меня возникло тяжёлое, близкое к депрессии состояние, и это очень действовало на моих родителей, и так немо корящих себя за преждевременный возврат в сталинскую Россию и привоз туда четырнадцатилетнего сына...

Именно в эти недели отцу попался в руки номер журнала «Огонёк» с очерком Риты Корн (Рита Эмануиловна Корнблом, вдова расстрелянного в 1937 г. драматурга и рапповского деятеля В. Киршона), где упоминалась мать Мария. Скорее всего впервые в советской периодике. Напутано было абсолютно всё, приводилось изображение норвежской почтовой марки с норвежской монашенок из Сопротивления, преподносимой как мать Мария. И всё так.

Игоря Александровича эта публикация обрадовала — прорыв молчания. Он очень быстро через редакцию «Огонька» нашёл автора благоглупого очерка, и они с Ритой Эмануиловной незамедлительно встретились. Между нашими семьями сложилась дружба очень крепкая.

Младший сын Риты Эмануиловны, Юрий, будучи второкурсником литинститута был, как и многие, посажен в 1949 г. за намерение «свершить теракт против Сталина». Плюс ко всему, он оказался моим давним другом и частым собутыльником!

Рита Эмануиловна без всякого авторского самолюбия признала незнание предмета и взялась помочь отцу опубликовать в том же «Огоньке» обстоятельную статью, нашла ему и другие возможности продолжить!

Естественно и быстро между Игорем Александровичем и Ритой Эмануиловной возникла тема посаженных сыновей. Отец упомянул о только что полученном отказе.

Она ответила рассказом о своем возобновившимся после десталинизации знакомстве с А.И. Микояном.

« У него, — объяснила она, — в последний год войны был посажен сын девятиклассник за создание антисоветской организации, отбывал на Воркуте, и его отцу стоило огромных усилий «вымолить» его обратно у Сталина, так что он это всё понимает. Игорь Александрович, напишите ему кратко, а я звоню и самому передам».

Так и было поступлено, а меня в известность не поставили по соображениям понятным.

Второй муж Риты Эмануиловны, если не ошибаюсь Кузнецов, крупный номенклатурщик, был среди обвиняемых так называемого «ленинградского процесса» 1948 г., его — как и в своё время В. Киршона — расстреляли. Так что к ней полным весом подходят слова «муж расстрелян, сын в тюрьме».

Позволю себе сказать, что при всё-таки определённой общей недалёкости Рита Эмануиловна обладала даром редкой, непогасшей от обвала бед доброты деятельной.

Может быть, и получилось именно поэтому так, что она оказалась не слепым «орудием», передавшим мне подарок почти жизнеспасительный.

Как-то прихожу вечером в Измайловский кооператив родителей и застаю их обоих мрачнее тучи.

— Что-нибудь произошло?

— Микоян снят с должности (он был Председателем Президиума Верхов-

ного Совета, как раз то место, которое даже формально давало возможность меня прописать).

— Ну и фиг с ним!

Службная судьба сталинского приспешника меня занимала менее чем прошлогодний снег, а удручение родителей по поводу его опалы было в большое удивление.

Но... положительная резолюция на отцовской челобитной оказалась одним из последних, если не последним из государственных решений Микояна, об этом узналось недели через две!

У этого старательного расстреливателя ежовского времени нашлась на меня под старость лет хоть эта молекула доброты. Это даёт предположить, что могли быть и другие.

Бумага прошла по инстанциям вниз и обернулась повесткой во всё то же отделение милиции.

Майор-мурло не глядя тиснул мне московский штамп в паспорт.

Моя судьба повернулась и вскоре пошла к лучшему. Только тогда родители мне сообщили о предыстории события. Это было с того света улыбкой матери Марии! Помощь и добро её другу по улице Лурмель, сочувствием и состраданием по отношению к встреченному ею незадолго до её гибели мальчику, будущему политическому заключённому, как ей это может быть тогда увиделось!

Название этого сообщения, слава Богу, можно переименовать: «Мать Мария в России», и нынешняя конференция для этой темы — новая и замечательная глава.

Никита Кривошеин

*Париж, 2001 г.
(Сообщение для конференции
в Анапе к 110-летию со
дня рождения матери Марии,
11–16 октября 2001 г.)*

1. Париж. 1935 г.
2. Никита с собакой Урчей, прожившей 17 лет. Париж. 1991 г.
3. Летний лагерь «Витязей». Франция.
4. Мордовские лагеря (Дубравлаг.1959 г.).
Сидят — Никита Кривошеин, Марат Чешков, А. Парташников.
Стоят — Родион Гудзенко, А. Рубин, А. Фельдман.
5. Фото сделано во время войны. Париж. 1942 г.
6. По выходе из лагеря. Москва. 1961 г.
7. Сын Иван. 1991 г.

Никита Игоревич Кривошеин

В Париже 6 июля 1934 г. в семье Нины Алексеевны Кривошеиной (рожденной Мещерской) и Игоря Александровича Кривошеина родился сын Никита. В книге его матери Н.А. Кривошеиной «Четыре трети нашей жизни» очень хорошо описано детство Никиты, которое проходило в счастливые предвоенные годы в Париже, во время оккупации Франции аресты нацистами его отца И.А. Кривошеина, все вплоть до отъезда или, точнее сказать, реэмиграции семьи в СССР, в 1948 г.

Как говорит о себе сам Никита: «От пятерых сыновей Александр Васильевич (мой дед) мог надеяться видеть потомство библейское... Однако он принадлежал обреченному историей своей Родины сословию, и родовое древо Кривошеиных приняло образ перевернутой пирамиды: оказался всего лишь один внук и теперь один правнук».

В 1948 г. Никита вместе с родителями попадает в Ульяновск, где начинается полная лишений, голода, унижений и страха жизнь подростка. Почти сразу вновь арестовывают отца, он остается один с матерью, поступает на завод, где работает токарем, а вечерами учится в школе рабочей молодежи. Семья становится настоящими изгоями после ареста Игоря Александровича.

Сталин умер и по освобождению отца из лагерей семье с большими трудностями удастся перебраться в Москву, где Никита учится в Институте иностранных языков. В период Венгерского восстания 1956 г. он выступает против ввода советских войск в Будапешт, а в апреле 1957 г. публикует письмо-статью, переправленную нелегально в Париж для газеты «Le Monde». В этой статье он обвиняет кремлевское руководство в агрессии против Венгрии, протестует против подавления Венгерского восстания и расправы с восставшими. Это письмо, опубликованное во французской центральной газете, было подписано вымышленным именем, но, тем не менее, Никита был арестован в августе 1957 г. и после девяти месяцев во Внутренней тюрьме КГБ на Б. Лубянке предан суду Военного трибунала по обвинению в шпионаже (ст. 58-1, а УК РСФСР). Осужден по статье 58-10 (антисоветская агитация) к трем годам ИТЛ строгого режима. Срок отбыл в мордовских лагерях.

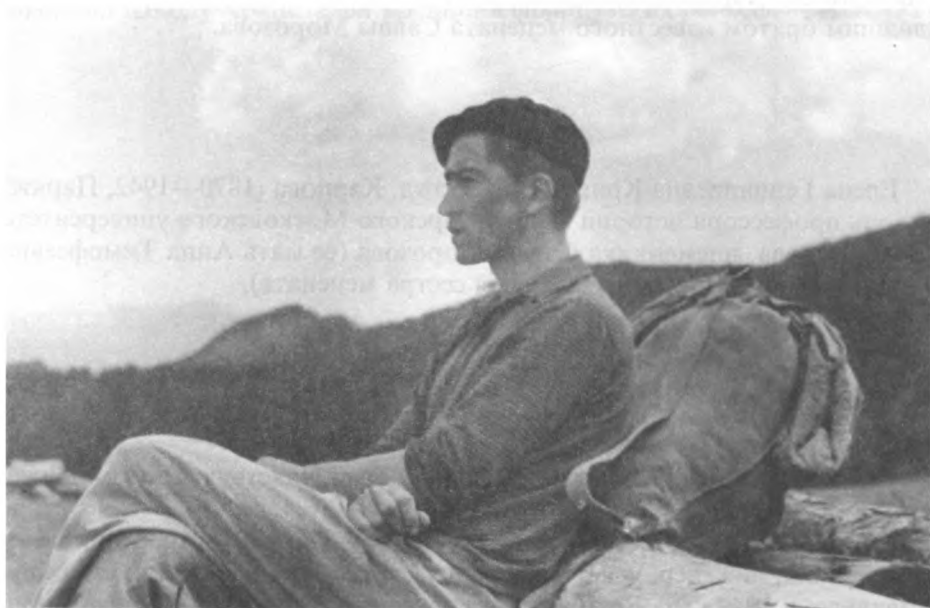
После освобождения Никита Игоревич много работает в журнале «Новое время», начинается его карьера синхронного переводчика.

В 1970 г. Никита возвращается во Францию, подвергшись, скорее всего первым, мерам «полувывсылки», а его родители возвращаются в Париж в 1974 г. Очень удачно и сразу складывается профессиональная карьера Никиты Игоревича. Интереснейшие международные конференции, работа для ООН, Юнес-

ко, Совета Европы, Европейского Парламента, МИДа Франции, многочисленные и неоднократные переводы для французского телевидения. Профессия синхронного переводчика совпала с характером и большой страстью Никиты — *путешествия*. Где он только не побывал! После всех поездок привозятся фотографии, и это тоже стало большим увлечением.

Уже в 1976 г., к 20-летию Венгерского восстания, он в журнале «ESPRIT» публикует новую статью под названием «Это началось в Будапеште», а с 1995 г. все чаще начинает возвращаться к ВОСПОМИНАНИЯМ о пережитом времени в бывшем СССР, о близких друзьях, многих из которых уже нет в живых. Совсем недавно журнал «Звезда» (№ 7, 2001) опубликовал его рассказ «Блаженный Августин». Много статей и воспоминаний было опубликовано в период восьмидесятых-девяностых годов в газете «Русская мысль» (Париж), а также он принимал участие, в качестве документального персонажа, в двухсерийном русском фильме о судьбах эмиграции «Не будем проклинать изгнание» (авторы В. Костиков, М. Демуров, В. Эпштейн).

Сейчас Никита Игоревич Кривошеин живет в Париже и старается по возможности чаще бывать в России вместе с женой и сыном.

Никита Кривошеин в горах Дагестана. 1964 г.

Родословная семьи Александра Васильевича Кривошеина

(19 июля 1857, Варшава — 28 октября 1921, Берлин)

Родители

Василий Фёдорович Кривошеин (1829, Воронеж — 1894, Гродно) — подполковник артиллерии.

Юлия Ивановна Кривошеина, рожд. Яшинская — полька, католического вероисповедания, из дворянского рода.

Сестра

Ольга Васильевна Морозова, рожд. Кривошеина (20.V.1866, Варшава — 12.IX.1953, Париж) — замужем за Сергеем Тимофеевичем Морозовым, младшим братом известного мецената Саввы Морозова.

Жена

Елена Геннадиевна Кривошеина, рожд. Карпова (1870—1942, Париж) — дочь профессора истории Императорского Московского университета Г. Ф. Карпова, племянника Саввы Морозова (ее мать Анна Тимофеевна Карпова, рожд. Морозова, младшая сестра мецената).

Дети

Василий (19.X.1893, Москва — 1920) — погиб, участвуя в Белом движении.

Олег (21.XII.1894, Москва — 1920) — погиб, участвуя в Белом движении.

Игорь (22.II.1899, Петербург — 8.VIII.1987, Париж) — участник Белого движения, инженер, участник французского Сопротивления, узник Бухенвальда, в 1948 г. из Бранденбурга депортирован в СССР, следом приехала семья из Франции, в 1949 г. арестован, в 1954 г. освобожден, работал в Москве переводчиком, в 1974 г. вернулся во Францию с женой, Ниной Алексеевной Кривошеиной, рожд. Мещерской (23.XII.1895, Сормово — 29.IX.1981, Париж) — автором книги «Четыре трети нашей жизни» (Париж, 1984).

Всеволод (17.VII.1900, Петербург — 22.IX.1985, Ленинград) — участник Белого движения, в эмиграции архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий.

Кирилл (19.IV.1903, Петербург — 30.V.1977, Мадрид) — с 1920 г. в эмиграции, служил в банке Лионского кредита, участник французского Сопротивления.

Ирина фон Дистерлинг (26.X.1888 — 1926, Нижний Новгород) — внебрачная дочь.

Внук

Никита Игоревич Кривошеин (род. 6.VII.1934, Париж) — переводчик, в 1948 г. вместе с родителями возвращается в Россию из Франции, в 1956 г. арестован за статью в «Le Monde» о вторжении советских войск в Венгрию, три года отсидел в Мордовских лагерях, в 1971 г. вернулся во Францию; жена, Ксения Игоревна Кривошеина, рожд. Ершова (род. 23.XII.1945), художник.

Правнук

Иван Никитич Кривошеин (род. 26.V.1976, Париж) — реставратор, окончил Школу Хранителей Традиций французских ремесел — АОСДФ.

Использованные материалы

В книге использованы фотографии, документы и рукописи из семейного архива Кривошеиных.

Документы и фотографии, находящиеся в РГИА — личные архивные фонды.

Фонд № 1571 — А. В. Кривошеин (1858–1923 гг.), Елена Геннадиевна Кривошеина (рожденная Карпова), а также фотофрагменты из книги-альбома «Avant la Révolution» (совместное издание Париж, Нью-Йорк, Ленинград, 1991 г.).

«А. В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века» — автор К. А. Кривошеин, Париж, 1973 г.

«А. В. Кривошеин, судьба российского реформатора» — К. А. Кривошеин, Москва, Московский рабочий, 1993 г. (издано с сокращениями).

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин), «Воспоминания», Нижний Новгород, изд. «Братство во имя святого князя Александра Невского», 1998 г.

И. А. Кривошеина, «Четыре трети нашей жизни».

Первое издание — Париж, YMCA-PRESS, 1984 г., в серии ВМБ-№ 2.

Второе издание — Москва, «Русский путь», 1999 г., в серии ВМБ-№ 6.

Третье издание по-французски «Les quatre tiers d'une vie» — Albin Michel, 1987, Paris.

Сайт в Интернете, посвященный матери Марии (Скобцовой) — поэтессе, художнику, богослову, монахине — «Жизнь, Творчество, Судьба», авторы К. Кривошеина и А. Гринбаум. www.mmaria128.com

Именной указатель

- Аджемов М. С. 293
Акимов 208, 232
Аксаковы 29
Александр I 46, 243
Александр II 28, 154, 197
Александр III 61, 146, 153, 154
Александр Михайлович, вел. кн. 43, 217
Александра Федоровна 29, 167, 170, 211, 212, 236, 239, 253, 259, 260, 270, 271, 277, 278, 287, 288
Александров А. М. 263
Алексеев М. В. 242, 243
Алексеенко М. М. 168, 175, 176, 204
Алексей, царевич 11
Алигер М. И. 398
Амусин И. 382, 383
Андреева 39
Андроников М. М. 217
Апраксин П. Н. 117, 118, 288
Апраксина 311
Аракчеев А. А. 46
Артамонов 300
Аугаген 111
Афанасьев В. 368
- Бадмаев П. А. 238
Базили Н. А. 315, 317
Балаховская С. Г. 302
Барк П. Л. 133, 149, 158, 166, 171, 172, 174–177, 192, 193, 198, 204, 206, 212, 215, 216, 221, 224, 225, 231, 233, 235, 254, 273, 281, 282
Барклай де Толли В. В. 243
Безуглов А. 289
Беклемишев В. Н. 366, 367
Беклемишева Н. П. 367–369, 372
Белецкий С. П. 273, 278
Берия Л. П. 382, 385
Бернацкий М. В. 306
Берхтольд 195, 196
Бестужев И. В. 188
Бетманн-Голльвег, фон 191, 195
Билимович 321
Бисмарк О. 149, 193
Бобринский А. А. 82, 270, 274
Бобринский Б. А. 345
- Богат Е. 398, 399
Богданович Т. 214
Бон, де 321
Боткин П. С. 188, 189
Брежнев Л. И. 344
Бруни Н. К. 398
Бруссо 321
Бруцкус Б. А. 107, 110
Брянчанинов И. 393
Бубликов А. А. 291
Булыгин 50
Бунге Н. Х. 61
Бьюкенен Д. У. 212
Бэртело Ф. 317
Бюлов, фон 189, 190
- Васильчиков Б. А. 56, 82, 156
Васнецов В. М. 29
Вейган 302, 316, 318
Вейдле В. В. 339, 398
Веласкес Д. 32
Велле Г. А. 380
Велле Ф. 380
Венцер Е. Н. 389
Вильгельм II 111, 189, 194–197
Виноградов И. 154
Витте С. Ю. 26, 30, 33, 43–45, 50–52, 57–70, 72–75, 78–81, 97, 108, 122, 124–126, 131, 141, 147, 156, 170, 171, 173, 176, 179, 190, 197, 202, 229, 234, 264, 269, 280, 286, 322, 329
Волконский В. М. 227, 228
Востоков 312
Врангель П. Н. 296–303, 305–308, 311, 313–321, 332
Вуич Н. И. 44
Вырубова А. А. 271, 272, 288
- Гейсс И. 198
о. Георгий (Павлович) 9
Герасимов 206
Германос Фиотирский 343
Гетцендорф К., фон 195
Гинце, фон 190, 294
Гиппиус В. И. 33, 123
Гирс М. Н. 305

- Гитлер А. 193
 Глинка Г. В. 74, 86, 136, 151, 213, 263, 306–308, 310
 Глинский Б. Б. 65
 Годнев 206
 Голицын Г. С. 143
 Голицын Н. Д. 53
 Гондатти Н. Л. 131
 Горемыкин И. Л. 33, 43, 44, 65, 66, 80, 81, 123, 147, 158, 172, 175, 181, 192, 193, 198, 201–206, 208, 209, 212, 213, 215–217, 219, 221, 225–229, 231, 233, 236, 242–250, 252, 258, 262, 267–269, 278, 282
 Горький Максим 39, 42
 Горянин А. 398
 Греч А. А. 378
 Григорович 169, 224
 Гримм Д. 293
 Гронский П. П. 57
 Грудистов Н. В. 86
 Гурко В. И. 33–35, 43, 57–62, 65, 66, 69, 73, 74, 76, 77, 79, 80–83, 85, 94, 103, 104, 109, 207, 211, 232, 326
 Гучков А. И. 82, 148, 177, 207, 214, 217, 228, 233, 234, 236, 243–245, 254, 269, 278, 305, 312
 Гучков Н. И. 244

 Демидов И. П. 103, 104, 108, 109, 148, 215
 Демченко 168
 Деникин А. И. 295–297, 300, 307, 311, 312, 314, 318, 319
 Дестикер 314
 Дистерлинг И., фон 407
 Дистерло Р. 354
 Долгоруков В. А. 288
 Дубровский С. М. 57, 68, 77, 98, 102, 105, 107
 Дудко Д. 344
 Дульсэ Э. 163, 166, 168, 202, 204–206
 Думер П. 302
 Думерг Г. 202
 Дурново И. Н. 57, 74, 81, 193
 Дякин В. С. 224, 227

 Евлогий (Георгиевский) 343
 Еленевская В. М. 377
 Ельцин Б. Н. 8
 Ермолов Х. С. 84, 103, 148
 Ефремов 250, 251

 Жорж 318

 Зайцев К. 364
 Золинова В. Г. 366
 Зубовский П. П. 86, 307

 Игнатъев А. П. 52
 Игнатъев П. Н. 86, 149, 215, 216, 224, 226, 235, 244, 249, 254

 Кальма Н. 398
 Кассо Л. А. 168, 169, 179, 216, 281
 Карамзин Н. М. 153
 Карпов Г. Ф. 31, 39, 406
 Карпов Н. 107
 Катков Г. 226, 238
 Кауфман А. А. 70
 Качва Е. Н. 379
 Кедров 306
 Керенский А. Ф. 292
 Керзон 301
 Киришон Ю. 400
 Кларов Ю. 289
 Клейнмихель 157
 Клемансо 293
 Климович Е. К. 321
 Ключевский В. О. 39
 Клячко (Львов) Л. М. 42, 43
 Книпович Б. Н. 110
 Кноп Л. 37
 Ковалевский Е. П. 85, 264
 Коковцов В. Н. 43, 45, 50–52, 73, 82–84, 103, 130, 131, 136, 142, 150, 155, 157, 158, 161–164, 166, 167–175, 177, 179, 181, 188, 190, 202, 203, 205, 208, 209, 213, 233, 286, 320, 326
 Кокорев 38
 Колчак А. В. 296, 321
 Коновалов А. И. 250, 320
 Кононов 36
 Копелев Л. З. 398
 Корн (Корнблум) Р. Э. 400
 Костомаров Н. И. 39
 Котляревский Н. М. 305
 Крестовников Г. А. 216
 Крестовниковы 29
 Кривошеин А. В. 13, 26, 27, 29–35, 41–45, 50–53, 56, 57, 59, 60–62, 65–67, 73–80, 82, 83–86, 95–98, 102–105, 108, 109, 116–136, 141–144, 146–153, 155–158, 161–166, 168–176, 179–181, 188–190, 192–194, 196, 201–209, 211–217, 220, 221, 224–228, 231–236, 238, 239, 241–254, 258, 260, 262, 271–273, 277, 278, 280–282, 285–289, 292–298, 300–303, 305–308, 310–322, 326, 329–331, 338, 343, 351, 364

- Кривошеин В. А. (вл. Василий) 342–345
Кривошеин В. А. 406
Кривошеин В. Ф. 27, 406
Кривошеин И. А. 342, 346, 353, 355, 360, 361, 364, 366, 371, 387, 396, 398, 401
Кривошеин И. Н. 407
Кривошеин К. А. 338, 339, 372, 406
Кривошеин Н. И. 8, 10, 12, 13, 361, 364–372, 384, 404, 405, 407
Кривошеина Е. Г. (р. Карпова) 31, 355, 406
Кривошеина И. А. 368, 406
Кривошеина К. И. (р. Ершова) 407
Кривошеина Н. А. 13, 361, 364, 397, 404, 406
Кривошеина О. В. (р. Морозова) 28, 39, 238, 263, 346, 406
Кривошеина Ю. И. 28, 406
Кристалеvский 366
Крумгальц 27
Крупенский П. Н. 205, 232, 233
Крутицкий Н. 371, 372
Кузнецов Н. Д. 328
Кузьмин-Караваев В. Д. 69
Кузьмина-Караваева Е. Ю. 69
Куломзин А. Н. 123, 233
Кутлер Н. Н. 70, 72–76, 78, 80, 126, 307, 310
Кюльман, фон 293
- Левицкий А. 398
Леже Ф. 316
Лейга Ж. 318
Ленин В. И. 8, 13, 42, 105, 106, 162, 311
Леонтьев 293
Литвинов И. 107
Лобко 60
Лодыженский И. Н. 225
Львов Г. Е. 251, 305
Львов Н. Н. 82
Лыкошин А. И. 163
Лэмб Г. Х. 334
Любимов Д. Н. 28, 56, 86, 111
Любимова А. Н. 367
Любищев А. А. 367, 385, 386
Любищева О. П. 376, 386
Людовик XIV 42, 48
Лютц Г. 191, 195
Лященко П. И. 131, 135
- Маклаков В. А. 263, 270, 271, 301, 302, 315, 316, 318, 319, 321
Маклаков Н. А. 167, 168, 179, 181, 202, 204, 206–209, 213–216, 224, 225, 227, 238, 281, 287
Максимов Д. Е. 398
- Маленков Г. М. 382
Мальтцан, фон 190
Мандельштам Н. Я. 376, 383
Манжен 302, 318
Маниковский 222
Манус И. П. 172
Манухин 50
Мамонтов С. И. 29
Мария Федоровна, вдовствующая императрица 154, 155, 270
Марков 2-й 168
Маркотун 319
Мартель, де 321
Мартиньяк 287
Маршан Р. 293
Матисс А. 39
Мацевич 319, 320
Мельгунов С. П. 288, 289
Месяцев Б. 110
Мещерский А. П. 364
Мещерский В. П. 43, 151, 153–158, 172, 173, 202, 204, 208, 214
Мигулин П. П. 70
Никоян А. И. 400, 401
Миллер 166, 306, 314
Мильеран А. 301, 302, 313, 314, 317, 318
Милоков П. Н. 67, 203, 215, 227, 232, 244, 250, 251, 263, 293, 305, 321
Милиутин 224, 226
Мицц И. 315
Мирбах В., граф 288, 293
Молотов В. М. 382
Мольтке Х., граф 195
Морозов Е. С. 37
Морозов М. А. 39
Морозов С. В. 36, 37
Морозов С. Т. 29, 31, 38, 39, 85, 292
Морозов Т. С. 31, 37, 38, 141
Морозова А. Т. 31, 39
Морозова М. Ф. (р. Симонова) 38
Морозова Ю. Т. 216
Морозовы 29, 36, 38
Мумм 190, 294
Муравьев Н. К. 227
Муравьева Е. 364
Муромцев 203
- Налбандов В. С. 306, 312
Наумов А. П. 85, 86, 263, 272–274
Нейдгардт Д. Б. 288
Неккер 287
Нератов 319
Нестеров М. В. 29
Николай I 287

- Николай II 34, 41–45, 52, 53, 56, 60, 66, 73–75, 77–79, 82, 84, 85, 117, 123, 129, 147, 153–158, 164, 166, 168, 170, 172, 173, 175, 180, 189, 193, 194, 196, 198, 203–205, 207–209, 211–216, 222, 225, 231, 233–236, 238, 242, 243, 246, 247, 259, 260, 263, 275, 277, 278, 282, 285–287, 326, 343, 352
- Николай Александрович, в. кн. 153, 154
- Николай Николаевич, в. кн. 225, 226, 243, 253, 270
- Николай Михайлович, в. кн. 311
- Никольская Е. Н. 387, 389
- Никольский А. Н. 387
- Никольский А. П. 74, 75, 80, 176
- Никольсон 189
- Новгородцев П. И. 293
- Нольде Б. Э. 293, 305
- Носик Б. М. 365
- Носович С. 395
- Оболенский В. А. 301, 311–313, 321
- Огановский Н. 128, 135, 143
- Олсуфьев Д. А. 251, 271
- Орбелиани 157
- Орлов 213
- Орлов В. Н. 188, 189
- Остер 174
- Павел Александрович, в. кн. 26, 19
- Пайпс Р. 299
- Палама Г. 343, 372
- Палей (Гогенфельзен) 190
- Палеолог М. 215, 287, 302, 303, 315, 317
- Першин П. Н. 101, 107
- Пети Э. 302
- Петлюра С. В. 320
- Петр I 313
- Пивоварова В. А. 366
- Питирим 277
- Плеве В. К. 33, 34, 57, 60, 67, 124, 126, 147, 326
- Плетнев 174
- Поклевский-Козелл С. А. 319
- Поленова Е. Д. 29
- Поливанов А. А. 213, 217, 224–228, 232–236, 238, 241, 243, 244, 246, 247, 249, 278
- Половцев А. А. 204
- Половцов 45, 50
- Полторацкий Н. А. 372, 374
- Посников А. С. 64
- Поттер Ф. 344
- Прахов А. В. 29, 30, 294, 327
- Прахов Г. А. 31
- Прахова Э. Л. 295
- Прейер 111
- Провальский М. 388
- Прокопович С. Н. 110
- Прокофьев С. 364
- Протопопов А. Д. 238, 277
- Пурталес 189, 194
- Райт-Ковалева Р. Я. 398
- Рамбольд Г. 333
- Распутин Г. Е. 153, 167, 171, 211, 217, 235, 253, 259, 273, 275–278
- Ратенау В. 191
- Риттих А. А. 26, 62, 74, 86, 280, 291, 306, 354
- Ритцлер 293
- Робек, де 299
- Родзянко М. В. 203, 205, 214, 244, 292
- Родичев Ф. И. 264
- Рожков Н. А. 102
- Розанов В. В. 32
- Рузский Н. В. 242, 287
- Руставели Ш. 326
- Рухлов С. В. 133, 168, 169, 224, 225, 247, 263
- Рюмин 37
- Рябушинский П. П. 227, 244, 251, 266, 271
- Саблер В. К. 168, 169, 209, 213, 224–226
- Сабуров 50
- Савич Н. В. 296, 306
- Сазонов С. Д. 175, 192–194, 215, 221, 224, 225, 233, 235, 242, 244, 249, 251, 254, 271
- Саид-Асфендиар-Богадур 144
- Саид-Мир-Алим 144
- Самарин А. Д. 149, 224, 226, 242–244, 247, 251, 254, 258, 263, 265, 267, 278, 294
- Сахаров А. Д. 399
- Серафим Саровский 7, 9–11, 13, 14
- Сергей Михайлович, в. кн. 220
- Серов В. А. 29
- о. Сергей (Гаккель) 398
- Сипягин Д. С. 33, 57, 124, 154
- Скипетров А. И. 380
- Скобцова Е. Ю. (мать Мария) 361, 393, 395, 396–401
- Скоропадский 294
- Соколов 288, 289
- Солженицын А. И. 339, 342, 361, 364
- Сольский Д. М. 42–45, 50, 122, 171
- Сосинский В. Б. 398?
- Стахович М. А. 190

- Стишинский А. А. 33
Стишинский А. С. 52, 58, 80, 81
Столыпин П. А. 41, 56, 57, 59, 61, 63, 65, 67–69, 77, 78, 81–84, 96, 97, 102, 106–108, 116–121, 126, 127, 129–132, 134, 136, 147, 150, 156, 157, 161–164, 166, 167, 172, 181, 189, 207–209, 232, 260, 268, 269, 278, 281, 285, 286, 288, 312, 313, 322, 329
Струве Н. А. 361
Струве П. Б. 227, 296, 297, 301, 302, 306, 312, 314, 316–320, 329
Струков 150
Сухомлинов В. А. 166, 168–170, 220, 222, 224–228, 235, 287
Сытов А. 399
- Таганцев П. Н. 50, 306
Танеев С. И. 270
Тарновский К. Н. 107
Татищев Б. А. 288, 320, 321
Тверской С. Д. 306
Тенишева М. К. 29, 294
Тимашев С. И. 166, 169, 216
Тимашук Л. 382
Тимирязев В. И. 282
Тит Ливий 28
Товстолес Г. Н. 371, 372
Толстой Д. А. 30, 31, 122, 147, 322
Толстой Л. Н. 364
Толстой М. Л. 364
Трепов А. Ф. 277, 291, 292, 354
Трепов В. Ф. 43, 66, 67, 133, 136, 147
Трепов Д. Ф. 43, 44, 50, 51, 66, 67, 70, 75, 80, 156
Третъяков К. Н. 320
Тхоржевский И. И. 65, 180, 181, 206, 211, 239, 246, 260, 263, 285, 292, 293, 326
Тьер 287
Тюменев А. 107
- Угримова В. А. 377
- Фальц-Фейн 311
Федоров 211
Фишер С. Н. 32
Фишер Ф. 191
Флексер Д. С. 86
Фош 302, 314, 316, 318
Франц-Иосиф 195
Фредерикс В. Б. 257
Фриш Э. В. 42, 50
- Хабалов С. С. 351
- Харитонов П. А. 169, 215, 224, 225, 232, 248, 249, 254
Хвостов А. А. 226, 238, 243, 247, 248
Хвостов А. Н. 167, 205, 253, 263, 264, 267, 272–276
Хрипунов 263
- Цицерон 28
- Чавчавадзе М. 364
Чаев С. Н. 86, 142
Чань Кайши 316
Челноков 244, 249
Черменский Е. Д. 41, 42, 45, 51
Черчилль У. 193
Чичерин Г. В. 301
Чужой К. 153, 157
- Шавулидзе В. 384
Шатилов, генерал 300
Шаховской В. Н. 212, 214, 216, 217, 225, 228, 232, 234, 238, 245, 248, 249
Шверник Н. М. 374
Шереметев Д. А. 287
Шидловский С. И. 232
Шиллинг 307
Шингарев А. И. 167, 168, 202, 215, 228, 239
Шипов Д. Н. 34
Шлиффен 196
Шмаков 244
Штейн В. Н. 288
Штранге М. М. 366
Штюрмер Б. В. 34, 170, 270, 277
Шульгин В. В. 33, 315
Шустов А. Н. 399
- Щегловитов И. Г. 26, 168, 169, 179, 190, 208, 209, 213, 215, 221, 224–226, 269, 281
Щербатов Н. Б. 149, 224, 226, 232, 248, 249, 251, 253, 254, 258, 263, 267, 278
- Юзефович 317
- Ягов, фон 194
Якунин Г. 344
Якунчикова М. Ф. 29
Янушкевич 221, 242, 243
Ярошинский 293
Яхонтов А. Н. 212–214, 220, 225, 229, 250, 283
Яшинские 27

Содержание

<i>Дивеево</i>	7
«А. В. Кривошеин. Его значение в истории России XX века»	15
Происхождение и молодость моего отца	27
Начало петербургского периода и продвижение по службе	30
Морозовы	36
Проект объединенного правительства	41
Столыпинская земельная реформа	56
Проведение в жизнь земельной реформы	94
Сотрудничество со Столыпиным	116
Заселение Сибири	121
Орошение и освоение Среднеазиатских областей и Закавказья	141
«Мы и они»	146
Роль кн. В. П. Мещерского	153
Конфликт с Коковцовым	161
«Июль четырнадцатого»	188
Фактическое премьерство	201
1. Накануне войны	201
2. Первые месяцы войны	211
3. Снарядный голод	219
4. Смена министров	224
5. «Август пятнадцатого». Прогрессивный блок и поливановское премьерство	231
6. «The Krivoshein caucus» («Кружок Кривошеина»). «Une journee des dupes» («День обманувшихся»)	238
7. «Август пятнадцатого». Забастовка министров	241
8. Царский реприманд.	257
9. «Сердце царево в руцех Божиих»	259
Отставка	262
Проблема снабжения	272
Влияние Распутина и его пределы	275
Еврейский вопрос	280
Кривошеин и император Николай II	285
Февраль и октябрь	291
Добровольческая армия	296
Правительство Юга России	298
«Александр Васильевич»	325
Что знал об А. В. Кривошеине пионер-комсомолец конца двадцатых годов	330
Письма А. В. Кривошеину	332

ПРИЛОЖЕНИЕ

О Кирилле Александровиче Кривошеине	338
<i>Богослов</i>	
Памяти архиепископа Василия Брюссельского и Бельгийского	343
Февральские дни в Петрограде в семнадцатом году	346
Письмо матери	356
<i>Офицер</i>	
Игорь Александрович Кривошеин	361
Нина Алексеевна Кривошеина	364
Поездка в Москву для свидания с Игорем Александровичем	366
Ночь под Новый год	388
Письмо отцу	392
<i>Вместо послесловия</i>	
Мать Мария в бывшем Советском Союзе	395
Никита Игоревич Кривошеин	404
Родословная семьи Александра Васильевича Кривошеина	406
Использованные материалы	408
Именной указатель	409

К 82 Судьба века. Кривошеины. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. — 416 с.

ISBN 5-94214-025-1

Эта книга относится к историческим мемуарам XX века.

Александр Васильевич Кривошеин (1857—1921), окончивший свои дни в эмиграции, был известен всей России как руководитель знаменитой столыпинской реформы.

В книге много фотографий и историко-библиографического материала, который печатается впервые в России. Страницы этих семейных воспоминаний приоткрывают завесу истории Государства Российского на протяжении всего XX века.

ББК 84. Р7

СУДЬБА ВЕКА. Кривошеины

Художественный редактор *В. А. Гусаков*

Корректор *Н. В. Виноградова*

Технический редактор *Е. Ф. Шараева*

Менеджер издания *В. В. Рогушина*

Издательская лицензия № 02412 от 20 июля 2000 г.

Подписано к печати 28.06.02. Формат 70×100^{1/16}.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 26,0. Усл. печ. 33, 8. Уч. изд. 28,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 148.

Издательство журнала “Звезда”

191028 Санкт-Петербург, Моховая, д. 20.

Отдел реализации (812) 273-76-92

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК “Бюнт”»

Санкт-Петербург, В.О. Средний пр., 86.

Тел.: (812) 322-6843

датель Статс Секретарю Кривошеину
Костанту Вязно Щербатову.

Мно передано от Статс Секретаря Кривошеина
Министровъ предполагаетъ приехать на Ставку
4я - заманить Генерала Якушкевича и Генерала
Данилова - дружини музани. - Прося взять на
Генерала Якушкевича Генерала Анискина.

Председатель Государственной Думы письмомъ
просиль меня о томъ же. -
3. Я считаю, что Статс Секретарь Кривошеин
иметь эти пожелания не какъ свои личные,
выраженіе желанія всего Правительства
Министровъ. -

4. Я отъица Председателю Государственной
отъ замани отихъ музъ Краинъ вреда
и недостатковъ снарядовъ, ружей, патроновъ
и не своевременной подгоде пополнен
подготовка. -

Но разг - желаніи и взгляды о необа
выше, сказанныхъ музъ совпадаетъ - и
и Государственной Думы - то это общ
отъица. -

6. Лазь Травин
Государственный
Знак моему
роде, считан
Я готов и

но передать...
Славка
1 августа 1915 г.

7. Попров
только
мног выр
Минерал

Подлинное слово
Кривошеину
Аргумент
Толстовича
Виктор

Я всегда мнил и буду мн
России может дать наибольшую нравст
век - в ее вере, это ее помощью божес
тижней славою и подвигом Козца
Ветхозаветства мои бы сложиться мн
ею - залог чести считали бы в у

В таком случае я восторженно
мне - если бы было сметено - это ма
наград Кандалы - сам бы помо
на себя накладывать - так одного слова
Тогода Минератора
но только его слово
временно

*Во дворце, в храме,
в Сопротивлении,
в Гулаге,
в Париже...*

